

Максуд Кариев

СПИТАМЕН

Роман

Современный писатель

Москва

1993

Историческом романе видного узбекского писателя Максуда Кариева «Спитамен» повествуется о событиях многовековой давности, происходивших на земле Согдианы (территории, расположенной между реками Амударьей и Сырдарьей) в IV–III вв. до н. э. С первого дня вторжения войск Александра Македонского в среднюю Азию поднимается широкая волна народного сопротивления захватчикам. Читатель станет соучастником давних событий и узнает о сложной и полной драматизма судьбе талантливого полководца Спитамена, возглавившего народное восстание и в сражении при реке Политимете (Зеравшане) сумевшего нанести первое серьезное поражение Александру Македонскому, считавшемуся до этого непобедимым.

перевод: Эмиль Амит

Из всего сущего на земле лишь человеку свойственно обращаться мыслями в свое прошлое. Вот и решился я взглянуть в давно минувшую эпоху, насколько мне это позволило мое воображение, и ныне хочу поведать читателям все то, что предстало моему взору.

Максуд Кариев

Часть первая

Согдийские скалы

Дариёд — блаженный

Широкие и узкие, прямые и извилистые улицы столицы Согдианы с восхода и до захода всегда оживлены, полны шума, удивительных происшествий, а то и чудес. Звучит разноязыкая речь, но все прекрасно понимают друг друга, ибо давно живут бок о бок, и было бы стыдно тому, кто не научился понимать соседа. Можно ли, если ты не обделен умом, не овладеть чужим языком, коль этому могут научиться даже некоторые птицы?.. Людской говор тонет в скрипе арб, криках, похожих на иканье, ослов, цоканье конских копыт, реве верблюдов, возгласах охрипших глашатаев, зачитывающих фирманы¹, пронзительных выкриках мальчишек, торгующих водой со льдом. Мараканда² в окружности имеет более семидесяти верст, обнесена высокими и толстыми глинобитными стенами, неприступно возвышающимися над краем естественных, а кое-где искусственных рвов. Над четырьмя воротами города, расположенными в четырех его концах, возвышаются огромные башни, и солнце по утрам, едва выглянув из-за горизонта, первым долгом золотит их квадратные зубцы. Остальные восемь башен, поменьше, разместились в изломах, где оборонительные стены, смыкаясь, меняют направление.

Одно из самых многолюдных мест в Мараканде — это обширная площадь в центре города, посреди которой возвышается Храм Огня. И всяк, кто только что прибыл в Мараканду из Бактрии, Маргианы,

¹ Фирман — указ.

² Мараканда — древнее название Самарканда.

равнинной страны кочевников саков, или еще откуда, спешит сюда, чтобы преклонить колени у священного Огня и помолиться Небу. Это место святое, и сюда следуют только пешком, оставив коня или арбу в караван — сарае. Лишь царь и высшая знать имеют право не идти, а въезжать на площадь, да и те правом своим ни разу не воспользовались.

На улицах и в проулках, ведущих к центру, сидят, прислонясь к стенам, обритые наголо вагины, монахи — огнепоклонники. Прохладная тень уползает к востоку, уступив улицу нещадному солнцу и жаре, а потом вновь приползает, теперь уже с запада, словно обежав вокруг земли; а вагины все сидят, сидят с утра до вечера, отрешась от суетного мира, и, полуприкрыв глаза, шлют Небу свои мольбы.

Религия согдийцев — это сплав зороастризма, религии мидийских жрецов — магов и верований царского рода Ахеменидов. Чем ближе к Храму, тем больше молящихся...

Площадь вымощена квадратными плитами. По всему краю она сплошь заставлена большими и мелкими лавками торговцев, которые в отличие от тех, что ведут торговлю на базаре или на улицах города, сдержанные, не расхваливают свой товар, не сзывают покупателей, даже разговаривают почти шепотом. Всяк и так знает, что вблизи священного Храма может продаваться только то, что сделано на совесть. Здесь можно купить изделия ремесленников, амулеты, женские украшения или полакомиться деликатесами, вкусными блюдами местных ошпазов³.

Со всех сторон, как ручьи к озеру, сбегаются улицы к центру города. И на каждой из них расположены один или два дворца каких-нибудь знатных вельмож; являющиеся украшением всей улицы, они и в самом деле великолепны и вызывают восхищение как местных горожан, так и приезжих, и блеском своим возвеличивают имя владельцев. Но самый пышный из дворцов, множащих красоту города, находился вблизи главной площади, всего в двух махаллях⁴ от нее, и принадлежал самому правителю города и сатрапу Согдианы.

³ Ошпаз — повар.

⁴ Махалля — квартал.

Однако полюбоваться им могли далеко не все, а только те, кто имел возможность беспрепятственно входить в цитадель, небольшую, но грозного вида крепость внутри самой Мараканды, обнесенную высокой стеной, по которой денно и ночью прохаживались вооруженные воины. У широких ворот, украшенных чеканкой из бронзы и распахнутых лишь днем, всегда можно увидеть толпу любопытных, пытающихся заглянуть внутрь двора и хоть краем глаза узреть знаменитый дворец. По краям ворот стояли, словно изваяния, гигантского роста караульные со щитами и длинными копьями, и стоило кому-нибудь, чересчур увлекшись, просунуть нос дальше дозволенного, как копья скрещивались перед ним.

Еще более многолюден базар Мараканды, прославленный на Востоке, он ломился от товаров и бурлил страстями. С утра до вечера по всем дорогам, ведущим к столице Согдианы и обратно, двигались груженные высокие арбы о двух колесах, степенно вышагивали друг за дружкой верблюды с огромными тюками, ведомые караванщиками, едущими впереди каравана на лошадях, а по обеим сторонам дороги по обочинам, то обгоняя, то приотставая, гарцевала в седлах вооруженная охрана. Шли пешком живущие в ближних и дальних селениях бедняки, кто в грубых чувяках из сыромятной кожи, а кто босиком. Могучие носильщики несли на голове большущие узлы, корзины с фруктами. Торопя лошадей, ехала богато разнаряженная знать. Одни спешили на базар, другие возвращались с базара, дорога никогда не бывала безлюдной, разве что ночью, когда городские ворота запираются и не успевшим в них проскочить приходится коротать ночь у костра.

Чем ближе к базару, тем больше встречается по обеим сторонам улицы лавок, торгующих одеждой, сельскохозяйственным инвентарем, седлами, сбруей, мастерских кузнецов, медников, горшечников, ювелиров. Говорят, на базаре Мараканды имеется то, чего не найти нигде в мире. Сюда, продавать и покупать, едут купцы из-за тридевяти земель — из Бактрии, Индии, Кашмира, Месопотамии, Египта, Турана — со всех сторон света, тут встречаются и договариваются между собой старейшины живущих по соседству племен, ведут переговоры о взаимно выгодном обмене

товарами доверенные представители сообществ различных профессий, горшечников, ювелиров, кузнецов, оружейников, ткачей и многих других. Толпа пестра и разнолика, торгуются и торгуют эфиопы и индийцы, малоазийские греки и арабы. Громко разговаривают, призвав на помощь мимику и жесты, бактрийцы и саки. На них длинные подпоясанные кафтаны, брюки и мягкие сафьяновые сапоги. Только у бактрийцев на головах цигейковые лохматые белые и черные шапки, а у саков войлочные острроверхие башлыки. На боку у кого кинжал, у кого меч.

На широких прилавках разложены рулоны тканей — хлопок и шелк, кожаные изделия и домашняя утварь, гребешки из слоновой кости, тончайшей работы украшения, благовония, способные восхитить обитательниц богатых особняков и дворцов, юных красавиц с самым утонченным вкусом, заронить в их сердце семя признательности, из которого, быть может, и произрастает любовь.

Местные торговцы на базаре чувствуют себя хозяевами, они выбрали самые бойкие, а значит, и доходные места. Прославленные кондитеры Мараканды и из ближайших селений торгуют сладостями. На их прилавках красуются пряники, горками возвышаются халва и янтарной прозрачности нават, источают аромат пчелиные соты, полные меда.

Была ранняя весна, и город купался в лучах яркого солнца. Во дворах и в садах под зацветающими уже деревьями бегала, резвясь, детвора; с плоских крыш, на которых зеленела густая трава и рдели маки, мальчишки запускали змеев. Девушки и женщины, одетые в яркие платья, выделялись среди снующих по улицам прохожих, как полевые цветы среди ковыля. Невольно замедляли шаги стройные юноши, устремляя на них пылкие взгляды, останавливались, опираясь на палку, и глядели вслед им седобородые старцы.

Откуда-то донеслось погромыхивание бубна. Там молодежь затеяла искрометные танцы, соревнуясь друг с другом в лихости. С другого края базара слышались напевные звуки сурная. Люди плотным кольцом обступили смуглого старого заклинателя змей, который дул в самодельную камышовую дудку, выводя грустную мелодию. Лохмотья едва прикрывали его выпирающие ребра. Из

плетеной корзины показала голову очковая змея и стала медленно подниматься, раздув капюшон, раскачиваясь в такт мелодии...

Где-то раздался взрыв аплодисментов, донеслись подзадоривающие крики. Любопытные, расталкивая толпу, устремились на другой конец базарной площади. Здесь собрались любители петушиных боев. Громкими возгласами они приветствовали и поздравляли хозяина петуха, который стал победителем...

Под длинным камышовым навесом, где и в жаркий день бывает прохладно, находится птичий базар. Вряд ли где еще увидишь столько диковинного, как здесь. Ни один человек, коль он пришел на базар, не уйдет отсюда, не заглянув в этот расположенный в дальнем углу базара закуток. Восхищенно цокают языком люди, пораженные способностями маленькой желтой, как лимон, птички, выводящей по просьбе хозяина удивительные рулады. Не меньше зевак толпится у клеток с говорящими попугаями, многие из которых вряд ли уступят в красноречии отменным болтунам.

Высокий статный старик с аккуратно расчесанной белой бородой продает хищных птиц, приученных к охоте. Тут его, кажется, все знают, обращаются к нему почтительно, называя «Кушчи — бобо», «Дедушка — птицелов». У него и соколы, и орлы сидят на жердочках, привязанные за лапу...

За следующей стойкой, заставленной клетками, молодой парень торгует голубями. Его покупатели в основном мальчишки. Они любят благодородными птицами, советуются с продавцом, который не намного старше их, но гораздо опытнее в обучении голубей...

В сплетенных из ивовых прутьев клетках сидят пестрые попугаи, индийские скворцы, сине-зеленые щурки и еще какие-то экзотические, невиданные в этих краях птицы, поющие на разные голоса. А бойцовым перепелам и вкочущим кекликам счета нет!..

С птичьего базара, над которым висит неугомный хор пернатых, узкий проход между глухой стеной караван — сарая и павильоном, где продают хлеб, ведет на другую обширную площадку. Здесь — настоящий зверинец. Многие родители водят сюда своих детей, чтобы показать им диких животных. Торгуют тут в основном

охотники — народ боевитый. Они громко подзывают вас и, нет, не просят, а прямо-таки настаивают, чтобы вы купили у них... Выбор огромный. Предлагают и зайцев, и лисиц, и волков, и обезьян, и даже гепардов, обученных охоте, говорят, они могут служить человеку не менее верно, чем собака...

Чуть поодаль продаются меха, привозимые как из тех краев, где никогда не тает снег, так и из тех, где никогда не отцветают южные цветы. На прилавках — выделанная кожа, всевозможные рога, прямые, словно кинжал, и спиралевидные, закрученные, как раковина, и ветвистые, похожие на молодые орешины...

Покинув эту часть базара и свернув направо, попадаешь на площадь, где продают рабов. Тучные богатеи, выпятив живот и заложив руки за спину, сначала прохаживаются по базару взад-вперед, приглядываясь к «товару», прежде чем начать прицениваться к юным, смуглым, как кофе, или белым, как молоко, красавицам; или пожилым женщинам, уже утратившим красоту, зато искусным мастерицам, умеющим за полдня сшить халат, платье и вышить его шелком и бисером. Торгуются с неуступчивым хозяином, выбирая себе сильного работника, статных юношей похлопывают по плечам, ощупывают руки, щиплют за бока, оттягивая смуглую, лоснящуюся от пота кожу, демонстрируя, что он плохо кормлен и отощал, а значит, не способен хорошо работать. Другие, желая украсить свой особняк, пришли сюда, чтобы купить искусного мастера, руки которого умеют творить волшебство — из простого бревна смастерить сплошь покрытую узорами колонну, из обыкновенных кирпичей складывать стены так, что они будут выглядеть легкими и ажурными, словно кружево...

Самые богатые в Согдиане — персы, хотя местное население и считает их пришлыми. Это они составляют большую часть аристократов Согдианы.

Не многим более двух веков минуло с тех пор, как пала могущественная Мидийская держава и к власти в Иране пришли цари из рода Ахеменидов. Они создали могучую рабовладельческую империю, границы которой простирались далеко за пределами Ирана — от Египта до областей Средней Азии. Не раз в Парфии и Согдиане

вспыхивали мощные антиперсидские⁵ народные восстания. Последнее с особой жестокостью было подавлено Дарием I, и среднеазиатские земледельческие районы теперь уже прочно вошли в Ахеменидское государство. Правителем Согдианы всегда назначался кто-нибудь из ближайших родственников царя. Правда, при этом и согдийская знать занимала видные должности при царском дворе в столице Персеполь⁶. Многие из них покинули Мараканду, где они уже давно перестали чувствовать себя хозяевами.

— Подходите!.. Подходите!.. Если вы только глянете на эту красавицу, уже не сможете оторвать взгляда! Стан ее изящен, как стебелек цветка, а тело белее молока. Ее талию обхватишь двумя ладонями!.. А посмотрите на ее ротик, чем не бутон, который вот-вот расцветет... Это — мидийка!.. А вот эта красавица с алой родинкой между бровей — из Кашмира: один взгляд ее черных глаз может свести мужчину с ума. Обратите внимание, какая у нее гибкая талия. А волосы? Если распустит, то утонете в них, как в черной волне. Вы еще не знаете, какой у нее прелестный голосок: она сладко поет, играет на арфе, а уж танцует так, что заморозит каждого, — разносится зычный голос торговца из Экбатан, толстого и покрасневшего от жары перса, который кричит, задирая голову и то и дело поправляя колпак, съезжающий ему на затылок.

В узком проулке, ведущем к рынку рабов, высокий старец с ниспадающими до плеч седыми волосами и длинной белой бородой читал на память сказание об Ахура — Мазде⁷. Люди останавливались, слушали. Собиралась толпа. Где отыскивал старик эти сказания, никто не знал. Находил ли, странствуя по свету? Сам ли выдумывал? Даже из тех, кто обучен был грамоте, не все могли прочесть священную книгу Авесту⁸, тем более запомнить из нее гаты —

⁵ Ахемениды происходят из области Парсуа. Отсюда — Персия, персы.

⁶ Персеполь — греческая передача древнего названия иранской столицы Парсастахра, т. е. «крепости персов».

⁷ В древних мифах народов, населявших территорию Персии, Бактрии, Согдианы, Индии, явления природы персонифицировались в образах богов. Ахура — Мазда — верховный бог неба.

⁸ Авеста — книга, заключающая в себе попытку философского обобщения опыта и всей суммы знаний о природе и обществе. В ней собраны сведения по медицине и

проповеди пророка Заратуштры⁹ и яшты — гимны, обращенные к древнеиранским богам. Только жрецы были в состоянии выучивать их наизусть, а затем петь их во время жертвоприношений, на праздниках, свадьбах или похоронах... А этот старик не умел разбираться в письменах, и все это хорошо знали. Кто однажды его слушал, тот спешит к нему, чтобы послушать еще раз. А что запомнилось, то передается из уст в уста. В сказаниях и притчах, что нараспев рассказывает старик, мудрость народа, накопленная на протяжении веков. И почему-то его называют Дариёд — блаженный.

Дариёд сделал паузу, чтобы передохнуть. Кто-то подал ему пиалу воды. Он выпил, пролив себе на грудь, едва прикрытую ветхим рваным хитоном. Глядя из-под кустистых седых бровей, обвел собравшихся пронзительным взглядом и, набрав в чахлую грудь побольше воздуха, продолжал:

— И спросил тогда пророк Заратуштра у Ахура — Мазды: «Кто создал домашний скот — источник нашего благосостояния, не ты ли?..»

«Да, — отвечив Ахура — Мазда. — Посредством волшебной мощи Арты¹⁰ я создал сначала тучные пастбища, а затем расселил на них стада, чтобы люди, нуждающиеся в пище, смогли добыть себе молоко...»

И пророк спросил опять: «Становится ли чабан по закону Арты владельцем стад и отар, которые он пасет и множит?»

Задумался Ахура — Мазда, потом ответил: «Всем сущим на Земле владеет тот, кто все создал. Восславим, друзья, Ахура — Мазду, создавшего для нас и Арту, и пастбища, и стада, и воду, и растения, и землю, и свет, возблагодарим его!..»

Толпа, сгрудившаяся вокруг старца, зашумела, послышались возгласы:

— Благодарение Ахура — Мазде!.. И жизнь наша, и все, что

астрономии, приведены этические нормы и законы обычного права, отражены исторические предания и мифы.

⁹ Заратуштра — основоположник зороастризма. Ему приписываются наиболее древние проповеди Авесты.

¹⁰ Арта — основное идеологическое направление зороастризма.

имеем — от него!.. Слава Ахура — Мазде!.. Слава, слава!..

А Блаженный, подождав, пока снова стало тихо, продолжал:

— Эй, друзья, да не покажется вам сей мир нетленным. Все имеет свое начало и свой конец. В Светлом мире, куда проникает свет Митры¹¹, властвуют добро и процветание. Согдиана и Бактрия, Хорезм и Маргиана — это самые высокоплодородные земли, покрытые густым разнотравьем, тенистыми лесами, их дал нам в вечное пользование великий Ахура — Мазда, создатель суши и воды, всех растений и домашнего скота. И все, что мы имеем, да никогда не исчезнет. Да исчезнет только зло, скроется под землю и останется вечно в темноте в царстве Анхра — Майнью¹². С тех пор как Ахура — Мазда создал мир и заселил его людьми, идет непрерывная борьба не на жизнь, а на смерть между Добром и Злом, между Светом и Тьмой. И борьбе этой конца не будет до Светопреставления. В Святой Книге об этом написано великим Заратуштрой кровью сердца...

Все мы — дети Митры. Добро и свет, еда и питье, красота и наслаждения — все от него, великого Солнца. Живя в небесной сфере, оно освещает Вселенную, а на Земле всему существу дарует жизнь. Мы все — и я, и он, и вон они — лишь свет лучей его, малые капли его. В мыслях наших, сердцах и поступках — свет его. Солнце это все, и дождь, и снег, и молния, и гром, и море, и пустыня, и вызревающие на земле овощи, и падающие с деревьев сочные плоды...

И украшение неба Луна, и алмазная россыпь звезд без света Митры были бы невидимы, все потонуло бы во тьме, а вода превратилась бы в лед...

О Великий Митра, к тебе обращаюсь от имени этих людей с мольбой, не лиши нас, детей своих, покровительства и милосердия!

Старец замер, устремив в небо слезящиеся глаза, белую бороду его шевелил ветер. И собравшиеся тоже невольно подняли кверху лица. И им показалось, что ярко — голубой купол над ними всколыхнулся, по нему пробежали радужные переливы, пробуждая в сердцах их благоговение и радость. Они стояли, молитвенно сомкнув

¹¹ Митра — небесный Огонь, Солнце.

¹² Анхра — Майнью — воплощение Зла.

на груди руки, и не слышали доносящегося с базарной площади шума, скрипа арб, рева верблюдов, переключки торговцев, а почудилась им волшебная музыка.

— Что ты умолк, эй, Дариёд? — раздался вдруг голос из толпы.

Старец, приходя в себя, вздрогнул и тихо, словно открывал какую-то тайну, произнес, показывая в землю пальцем:

— Там — вечное царство Тьмы, — поднял руку к небу и молвил: — Благостный Свет, что проливает на нас Небо, не дает воинству Анхра — Майнью утопить нас во тьме. Земля наша — поле извечной битвы. Темные силы не где-нибудь, а среди нас ищут своих союзников, сеют распри, стараются рассорить друзей, подстрекают соседей, чтобы они затеяли войну друг с другом. Каждый из нас должен об этом вспомнить в ту минуту, когда ему хочется сказать грубое слово другому, или в груди у него, как червь, зашевелится зависть...

— Дариёд! Рассказал бы ты что-нибудь веселое и смешное! — опять послышался чей-то голос.

Старец задумался, взяв белую бороду в горсть. У его ног упало со звоном несколько монет.

— Расскажи о собирателе жемчуга, Дариёд!

— Нет, лучше о Сиявуше¹³!.. — воскликнул стоявший напротив и восторженно глядевший на мудрого старца юноша.

— О Сиявуше!.. О Сиявуше!.. — донеслось с разных сторон.

И снова звякнули брошенные кем-то монеты.

И тогда Дариёд — блаженный пригладил бороду и, смотря поверх голов — поверх шапок, колпаков, повязок, стягивающих волосы, чтобы не рассыпались, тубетеек, — словно обратив задумчивый взор в далекое прошлое, взволнованным голосом молвил:

— Да польется из уст моих Сказание о Сиявуше, как ручеек из родника...

И в тот самый момент, когда все, притихнув, приготовились слушать, с птичьего рынка донесся шум. Пожилой перс последними словами крыл продавца голубей и проходилась длинной палкой по его

¹³ Сиявуш — царь, легендарный герой древних дастанов.

плечам, голове, рукам, которыми тот пытался прикрываться. Голубятник, судя по одежде, был из Пенджикента: коренастый, сильный, он мог пихнуть разъяренного чужеземца так, что тот отлетел бы, однако безропотно сносил удары, лишь уворачивался да прикрывался руками. Прохожие останавливались, пытались усовестить перса, образумить, но тот никого и слышать не хотел, дребезжащим голосом выкрикивал на своем языке ругательства и знай себе размахивал палкой. Их обступила полукругом толпа. Но никто не смел отделиться от нее, подойти к знатному персу и хоть пальцем прикоснуться к нему; с горечью наблюдали люди за происходящим, вздыхали, качали головами и, жестикулируя, что-то выговаривали.

— Оставьте, почтенный господин, не ссорьтесь, не к лицу вам это!.. — обратился к персу Кушчи — бобо, почтительно склонив голову. — Я могу вам предложить за бесценок столько великолепных птиц, сколько ваша высокородная душа пожелает...

— Отойди, не вмешивайся, старая скотина! — заорал на него перс, бледный от гнева.

— Моя седая борода заслуживает почтения не меньшего, чем ваша, — осмелился заметить старик.

Перс отмахнулся от него и ухватил голубятника за грудки, продолжая взвизгивать:

— Ах ты, низкая тварь, сукин сын, как смеешь ты говорить со мной столь непочтительно! Иль ты ослеп и не видишь, что я перс?.. — сжимая палку, он стукнул себя кулаком в грудь: — Я из рода Ахеменидов! В Согдиану на высокие должности назначаются только ближайшие родственники царя! А ты не знаешь, кто я?.. За какую-то паршивую птицу смеешь запрашивать с меня такую цену?..

— Цена для всех одинакова, господин!.. — робко ввернул парень.

— Да я всем твоим птицам головы отверну!.. Вот сейчас увидишь!.. — алчный взгляд его забегал, выбирая птицу покрупнее да покрасивее, и он сунул руку в клетку, в которой прыгал с шестка на шесток обеспокоенный криками большой белый попугай; но едва перс ухватил его за крыло, как он, пронзительно заверещав, вцепился ему острыми когтями в кулак. Перс отпустил птицу и выдернул руку.

А та, хлопая крыльями, давай картаво выкрикивать оскорбительные слова, ни дать ни взять ругающаяся базарная баба.

Толпа так и взорвалась хохотом, свергая сановного перса в еще больший гнев. И он вновь замахнулся на голубятника. Но руку его перехватил высокий согдиец, судя по всему, житель равнины, до сих пор молча наблюдавший за происходящим. Крепко сжимая ее, не давая персу вырваться, грозно молвил:

— Скажи, эй, чужестранец, разве в твоей Персии такие поступки не считаются постыдными?..

— Я не чужестранец! — взвизгнул перс, пытаясь вырвать руку, колпак с его головы съехал набок, а расшитый халат расстегнулся. — Владения великого Дария простираются от края земли, где всходит солнце, до края, где оно заходит, и Ахемениды в них хозяева!.. А вы лишь подданные царя царей, должны жить в послушании!..

— Запомни, чужестранец, одному Ахура — Мазде мы послушны. А таким, как ты, место не здесь, а во владениях Анхра — Майнью!

— О Митра, помогший царю царей выиграть девятнадцать кровопролитных битв, чтобы создать великую державу, ты послушай, что говорит этот глупец! Накажи его, дабы чернь не разучилась почтительности!..

— Да стать тебе пищей драконов в темном царстве Анхра — Майнью! — сказал молодой степняк и так двинул перса кулаком, что тот рухнул наземь, точно куль, колпак покотился в одну сторону, а палка отлетела в другую.

Толпа стала быстро редеть.

Перс, держась за живот, медленно поднялся и принялся плаксивым голосом звать стражу.

Уже спешили сюда, расталкивая людей, оповещенные кем-то трое сарбазов — персов¹⁴, которым вменялось следить за порядком на базаре. Кто-то шепнул степняку, чтобы он поскорее исчез. Но сарбазы, распахав окружающих, уже пробрались к смельчаку, и один из них уже протянул руку, чтобы его схватить, но вдруг охнул и повалился на землю, никто даже не понял, что произошло. А молодой

¹⁴ Сарбазы — воины, в мирное время выполняющие обязанности полицейских.

кочевник шагнул навстречу двум другим сарбазам, изловчился, резко потянул обоих сразу на себя и саданул друг о друга, да так, что с них слетели шлемы, затем швырнул их на первого, который не успел еще подняться. И пока ошалевшие сарбазы возились, ругаясь и мешая друг другу встать, степняк подобрал свой кожаный конусообразный колпак, отряхнул, ударив о колено, нырнул в толпу и был таков.

Сарбазы наконец поднялись, помогли встать и холеному аристократу, который все еще стонал и пыхтел и еще успевал произнести скороговоркой на своем языке ругательства, отряхнули с его шелкового халата налипший сор, дали отпить воды. Тот отпихнул медную кружку, расплескав воду, и заорал, вращая глазами:

— Дармоеды! Вас троих только хватило на то, чтобы подать воды!.. Где этот ничтожнейший из ничтожных, оскорбивший меня? Немедленно изловите его и повесьте за ноги на городских воротах, пусть всякий, кто въезжает в них, видит и знает, что никому не позволено покушаться на честь благородного аристократа!.. — И вдруг, спохватясь, он зашарил глазами вдоль прилавок. — А где продавец птиц? Где этот мерзавец? Он первый выказал мне неуважение!..

Но поблизости не оказалось не только этого продавца, но и многих других птицеловов. Они заблаговременно покинули базарную площадь, опасаясь гнева сарбазов.

И тут донесся хриловатый голос Дариёда, который нараспев принялся рассказывать о Сиявуше, аккомпанируя себе на старом таре:

Властелины и рабы, шахи и нищие,
Правящие и угнетаемые, честные и бесчестные!..
Кто-то из вас в этом мире преуспел,
А кто-то, голым родившись, ничего не приобрел...
И богатым, и нищим отпущен срок, всех уравниет могила.
Кто только не являлся в этот мир — и гении, и злодеи...
Все ушли из него, оставив дела незавершенными.
Никому не хватает жизни, ни добрым, ни злым.
Никому нет снисхожденья...

Старик пел, ударяя пальцами по струнам. Он стоял, высоко подняв седую голову и полуприкрыв глаза, а ветер то лохматил, то

приглаживал его белую бороду. Люди внимали ему, затаив дыхание, а некоторые шевелили губами, повторяя про себя слова сказания, ибо многие знали его на память.

Вновь с конца улицы, теперь уже с другой стороны, донесся шум. Там поднялась какая-то суматоха. Дариёд, открыв глаза, увидел, как несколько верховых, наезжая на не успевших разбежаться людей, хлещут направо-налево плетками и орут, требуя поскорее освободить дорогу. Некоторые успевали юркнуть в калитки, на их счастье, оказавшиеся открытыми, а кто не успел, прижимались к стенам, прикрывая головы, моля Бога, чтобы их миновала плетка. Следом за конными важно вышагивал глашатай в красном чапане из зарбаба¹⁵, прикладывая ко рту ладони рупором, он поворачивался то в одну, то в другую сторону и зычным голосом выкрикивал, чтобы прохожие немедленно куда-нибудь скрылись — забились бы в щели, вползли в норы — а кто этого не умеет, пусть повернется лицом к стене.

Обступившие Дариёда люди заволновались. Шум настолько усилился, что голоса сказителя не стало слышно, и он умолк.

— Что же это происходит, а, бобо¹⁶? — произнес кто-то рядом с Дариёдом, возле самого его уха; и он, обернувшись, удивился, узнав молодого джигита, степняка в высоком кожаном колпаке, защитившего продавца птиц, и все же, словно не веря глазам, спросил:

— Ты не тот ли самый смельчак, что затеял драку? Ну и ну!.. — покачал он головой, когда тот в ответ кивнул. — Ладно, делай, что велят, поскорее отвернись к стене и втяни голову в плечи, как черепаха!..

— Во имя чего весь этот сыр-бор, а, бобо? — спросил джигит, поневоле подчинившись старику и прижавшись, как и он, к глинобитной стене ладонями и грудью.

— Э-э, много хочешь знать, голубок!.. — усмехнулся в бороду старый сказитель и понизил голос до шепота: — Так и быть, скажу... За спиной у тебя проезжает дочь правителя Мараканды прекраснеликая Торана...

¹⁵ Зарбаб — грубая ткань наподобие сукна.

¹⁶ Бобо — дед.

— Ну?.. — удивился джигит и хотел было обернуться, однако старик резко пригнул ему голову. — Не смей!.. Головы не жалко?..

Процокали кони, просвистели, рассекая воздух, бичи. Конная стража проследовала мимо. Но люди все еще стояли, замерев, не смея пошевелиться, не решаясь даже согнать муху, ползающую по носу. Джигиту и досадно было и прямо-таки смех разбирал. Он глянул из-под руки — сначала в одну сторону, потом в другую.

Проследовал, надрывая голос, глашатай. А метрах в тридцати от него, заняв почти всю улицу, шествовал плавно и величаво, словно гордясь своей ношей, белый слон. На нем была златотканая попона с бахромой из кисточек, и чуть покачивался в такт шагам легкий, весь будто из деревянных кружев, паланкин. Четыре стороны его занавешены тонким белым шелком, сквозь который все прекрасно видно изнутри. Ошейник слона в мелких золотых колокольцах, они нежно позванивают. Джигит чуть не вывернул шею, не в силах оторвать от паланкина взгляда. Занавеска вдруг колыхнулась, промелькнула маленькая белая рука, и из-за белых складок появилось лицо знатной юной красавицы. Сердце молодого степняка точно провалилось куда-то. Она смотрела прямо на него. Их взгляды встретились. Она улыбнулась. Да, да, ему не показалось, она улыбнулась. И именно ему. И ей хотелось, чтобы он это увидел. Иначе зачем было ей отодвигать занавеску, и без того все прекрасно из-за нее видно? Она это сделала, чтобы он ее увидел!..

— Я ее увидел!.. Увидел!.. — сам не свой бормотал джигит.

— Ты с ума сошел! Гляди, как бы тебя не ослепили!.. Не забывай, тут полно соглядатаев, — незлобиво корил его старик Дариёд.

А белый слон, ступая мягко, уже прошествовал мимо; ему и впрямь было чем гордиться, он нес на себе самую знатную и самую красивую девушку Согдианы, потому и вышагивал так важно, помахивая время от времени куцым хвостом с вплетенными в него нитями жемчуга, чтобы отогнать от себя мух.

А вслед за белым слоном проследовали на белых лошадях не менее прекрасные рабыни принцессы. Платья на них из тонкого желтого шелка, сквозь который просвечивает розовое тело; колени обтянуты красными шароварами; на ногах, вдетых в стремяна,

изящные серебристые тувельки; на шее и запястьях сверкают ожерелья.

Кавалькаду замыкали два пожилых чиновника дворца, ехавших на двугорбых верблюдах — бактрианах. У обоих широкие, как лопата, бороды, выкрашенные до красноты хной. Сидя меж горбов, они мерно раскачиваются, однако стараются держаться прямо, как и подобает людям, имеющим вес во дворце, и каждый держит в правой руке по красивой булаве, усыпанной драгоценными камнями, что является знаком высокого сана.

Вдруг в воздухе что-то свистнуло, джигит передернулся и скрипнул зубами. Ожгла и обвилась вокруг него сырмятная плеть и вновь взлетела вверх.

— Разве я не предупреждал тебя? — усмехнулся Дариёд. — А заметь они, что ты на Торану глазел, не плеть, а сабля была бы занесена над тобой.

Когда процессия удалилась, вновь улицу заполнили снующие туда-сюда люди.

— Наделав столько шуму, можно ли вести себя так опрометчиво?.. — урезонивал своего молодого спутника Дариёд — блаженный, когда они направились по улице, ведущей к храму; он хмурил кустистые седые брови, а глаза у самого смеялись. — Другой бы уже давно был за пределами Мараканды и бежал без оглядки...

— Как раз там, за воротами, должно быть, меня и ждут, — хитро прищурил миндалевидные глаза джигит.

— Не сносить тебе головы, если удержишься здесь.

— У меня есть талисман, который бережет от всяких бед, — сказал джигит и, протянув руку, потрогал серебряный кулон с изображением птицы с головой женщины, блеснувший под рваной рубахой на груди Дариёда. — А что это у вас, тоже талисман?

— Это изделие моего друга Каса. Искуснейший из всех ювелиров, каких я только знавал. Его отец очень давно бежал сюда из далекой Греции, женился на согдийке. И корни их, сплетясь, дали такой росток. Он почитаем в своей махалле не только как мастер, но и как Че — ло — век!.. — поднял вверх указательный палец Дариёд.

— Интересно, где он видел таких птиц с человечьими головами?..

— Он сам их не видел, но отец ему, когда был жив, рассказывал, что в той стороне, где их Эллада, много всяких чудес... Там есть остров, где живут девицы — птицы. И называются они сиренами. Волшебными песнями приманивают они к себе мореходов. И, повинувшись их зовущим взглядам, кормчие направляют суда прямо к острову, не замечая подводных рифов, о которые уже разбились тысячи кораблей. Ни одному отважному мореходу еще не удалось достигнуть этого волшебного острова...

— Красивая вещь... — согласился степняк, вновь заглядывая за ворот старца.

— Вижу, ты понимаешь в этом толк, — заметил тот, с интересом разглядывая его.

— Я художник... Человек, сотворивший эту вещь, поистине мастер.

— Ты, мой друг, прав. Руки у него и впрямь золотые. Но он не хуже работает и языком, — посмеиваясь, сказал старик. — Поверь, стоит ему заговорить — заслушаешься. Он столько всего знает, и главное, не отличишь, где бль, а где небылица. Порой просто диву даюсь, как все это в голове у него умещается.

— В Вихре все говорят то же самое о вас. О Касе я ничего не слышал.

— Если бы он захотел демонстрировать свое красноречие принародно, то стал бы достойным мне соперником. Но ему больше нравится занимать делом свои руки: наносит орнамент на щиты, ножны и рукояти мечей.

— И какой орнамент он предпочитает?

— Он вплетает в него изображения коней, львов, леопардов. А недавно получил заказ от знаменитого пахлавана из Пенджикента Спитамена. На его щите Кас изобразил голову любимого коня Спитамена...

— Я много раз слышал это имя, отец. Кто такой Спитамен?

— Я и сам его ни разу не видел. Но тоже наслышан. В Пенджикенте он владеет многими землями...

— А почему в таком случае его зовут не беком, а пахлаваном?

— Э-э, да ведь это очень почетно — называться пахлаваном. Не

многие удостаиваются такой чести... Спитамен, говорят, на лету сбивает стрелой сокола. В полусотне шагов без промаха попадает копьём в вепря. Одним взмахом меча отсекает голову буйволу. И в борьбе, говорят, нет ему равных... Даже про коня его рассказывают легенды, не говоря уже о хозяине. Если верить слухам, то ни в Согдиане, ни в Бактрии нет коня, который мог бы угнаться за его Карасачем, который легко перелетает даже через пропасти...

— Вот бы увидеть Спитамена... — задумчиво проговорил степняк.

— Если желание твое вызвано добрыми побуждениями, то увидишь. Человек с человеком рано или поздно встречаются... Впрочем, Кас с ним близко знаком.

— Тогда познакомь меня с Касом!.. — обрадовался джигит.

— Хорошо, с Касом я тебя сведу... Может, и со Спитаменом свидишься скоро, если он у Каса — усто¹⁷ еще не забрал свой щит. Он намерен отправиться к Гранику, куда царь царей стягивает армию... Сейчас Спитамен набирает войско из отборных джигитов.

— Да, я слышал, что с той стороны Геллеспонта¹⁸ македонский царь грозил Дариявушу¹⁹ копьём... Царь царей такого оскорбления не потерпит...

— У западных границ нашего царства командует войском знатный грек Мемнон, преданный Дариявушу. В войнах с надменными эллинами и македонянами он уже не раз прославлял оружие персов. Мемнон искусный полководец и верно служит Персии... Но если сам царь царей собирает войско, наверное, дело куда серьезнее, чем простая угроза копьём... — задумчиво проговорил Дариёд — блаженный и после паузы добавил: — Уж лучше бы он доверил оборону западных границ Мемнону...

— Почему вы так говорите, отец? — спросил степняк, несколько удивленный словами седого старца. — Я слышал, что Дариявуш истинный рыцарь и отличается храбростью. Еще в то время, когда он был сатрапом Армении, он вызвал перед началом битвы на поединок

¹⁷ Усто — мастер.

¹⁸ Геллеспонт — пролив Дарданеллы.

¹⁹ Дариявуш — Дарий III, царь Персии.

полководца враждебного войска и выиграл его. Таким образом уберег от гибели многих воинов и одержал победу...

— Чтобы побеждать, мало быть храбрецом, — заметил Дариёд — блаженный, прижимая к груди бороду, чтобы ее не слишком трепал встречный ветер, взметнувший в воздух пыль и всяческий сор.

— Разве это не главное? Что же еще нужно?

— Чтобы покровительствовали боги.

— Они помогли ему одержать верх в трудном поединке.

После того он успел совершить немало грехов, чтобы прогневать богов, — Дариёд лишь взглянул на спутника, но не договорил. Он только подумал: «Боги не прощают виновных, коварным способом лишающих жизни человека, если даже он был злодей...»

Дариявуш взял в руки власть, умертвив предыдущего царя Багой.

Багой, конечно, был наказан за собственные злодеяния. Но Дариявуш был рыцарем и должен был поступить по-рыцарски — убить его в честном бою. А он своим поступком сравнял себя с коварным и ничтожным Багоем.

Багой когда-то был придворным евнухом. Артаксеркс III²⁰ возвысил его и сделал своим визирем. Ибо Багой умел услаждать слух его льстивыми речами, усыплять его бдительность. А на самом деле этот коротконогий ожиревший толстячок был хитрым, коварным и жестоким, поднаторевшим в придворных интригах. Он убрал со своего пути царя и всех наследников, оставив в живых лишь самого младшего сына Артаксеркса III Арсеса, чтобы стать его регентом и править от его имени. Но юноша подрос и тоже стал казаться Багоем опасным. Пока Арсес не вошел в силу и разобрался что к чему, коварный евнух уничтожил и его. Теперь, по его мнению, наиболее подходящей на трон фигурой, от имени которой ему можно будет править, был Дариявуш, тоже из Ахеменидов. Но Дариявуш вовремя смекнул, что его ждет судьба предшественников, если он не обезопасит себя. Он уже хорошо знал, чего стоят льстивые слова Багой и его улыбочивость при встречах, его тонкий вкрадчивый голос, а когда ему не удастся настоять на своем, вспыхивающий вдруг в

²⁰ Артаксеркс III — царь Персии, предшественник Багой.

глазах жестокий хищный огонь.

Дариявуш превзошел великого интригана в хитрости, и отравитель сам умер отравленным в мучениях...

В великой Персии об этом знали многие, но предпочитали вслух не говорить.

— О царе македонян рассказывают неслыханные вещи... — заметил степняк, чтобы возобновить разговор. — Говорят, он войско себе набирает из одних только силачей, которые могут кулаком гору разнести. Пики у них, говорят, с оглоблю, а щиты столь прочные, что ни стрела, ни меч не берут...

— Я тоже слыхал, что силен македонский царь... — вздохнув, промолвил старец. — Говорят, побеседовать с человеком — все равно, что хлеб-соль разделить. Наверное, встреча наша не случайна. Как зовут тебя, джигит?

— Я Шердор, родом из Бихры²¹. Отец погиб в войне с персами, когда я был совсем маленький. Живу с престарелой матерью.

— Судьба твоя та же, что у многих, голубок. А владеешь ли ты каким-нибудь ремеслом? Что еще умеешь делать, кроме того, что затеиваешь драки на базаре?

— Я охотник. В нашем селении я самый меткий стрелок.

— Что ж, охота — дело смелых. Но, если я не ослышался, тобой сказано было, что ты художник. Вряд ли кто-нибудь назовет себя так, если не создал что-нибудь такое, что могло бы взволновать человеческую душу. Можно ли увидеть где — либо творения рук твоих и сердца?

— Конечно! — воскликнул степняк и засмеялся счастливо. — Вы можете увидеть их в горах близ Бихры. Я люблю высекать барельефы на скалах и утесах!

— Зачем тебе столь тяжелый и бесполезный труд? — удивился Дариёд — блаженный и даже остановился, недоуменно уставясь на спутника. — Никто ведь тебе за это не даст ни монеты. Наверно, ты такой же блаженный, как и я, — тихо засмеялся он.

— Я тружусь не ради денег. Рисунки мои украшают наши горы,

²¹ Бихра — древнее название Бухары.

делают их еще красивее. Разве это не награда?..

— О-о, да ты похож на тех сумасшедших, о которых мне рассказывал Кас. В Греции на некоторых людей находит умопомрачение: они продают все, что имеют, движимое и недвижимое, а деньги выбрасывают в море. И только тогда они чувствуют себя свободными и независимыми...

— Может, они и правы: кто не зависит от денег, тот поистине свободен...

— У них, в Греции, может, и так. Но у нас все только продается и покупается. Порой, увы, торгуют даже совестью.

— Прибавляется ли совести у тех, кто ее покупает? — с усмешкой спросил Шердор.

— И продающий, и покупающий ее только теряют.

— Выходит, совесть ни продать, ни купить нельзя.

— Но торгующим ею это невдомек! — сказал Дариёд и, остановившись, несколько мгновений пристально смотрел на Шердора: — А ты, джигит, не глуп.

— Разве глупых когда-либо удостаивали клички «блаженный»? — засмеялся Шердор, поправляя на голове колпак, чуть было не снесенный ветром. — А вы меня назвали так. Сегодня, кажется, я и вправду лишился рассудка. Разговариваю с вами, а перед глазами красавица в паланкине на белом слоне. Неужто влюбился?..

— Не смей так вслух шутить. Или тебе наскучила собственная голова?.. Ты глянь на себя, на рубище свое. Ишь, куда хватил...

— Сердцу — то что за дело, чем прикрыто тело обладателя его, рубищем или шелками, — проговорил художник, прижав руку к груди, будто под ней жгло. — Посоветуй лучше, почтенный, что мне делать, как быть. Чувствую, без красавицы этой мне не жить.

— Я, кажется, сказал, что ты не глуп? Беру свои слова обратно!.. Только глупец, если он не принц, может возмечтать о дочери правителя Мараканды Намича. О божественной красоте Тораны давным-давно известно и в тех краях, где солнце днюет, и в тех, где оно ночует. Именитые люди засылают к ней своих сватов. А ты... Ты же всего-навсего бедный степняк — кочевник. Выбрось это из головы и ступай себе в добрый путь.

Но Шердор пропустил совет мудрого старца мимо ушей.

— Я умею искусством своим оживить камень! — воскликнул он, показывая ему свои мозолистые ладони. — Не пожелает ли правитель Намич, чтобы я украсил его дворец? Я готов служить ему до скончания дней моих! Лишь бы время от времени видеть хотя бы издалека Торану.

— Нет, ты и впрямь сумасшедший... — грозно глянул из-под лохматых бровей Дариёд, а на губах у самого блуждала улыбка.

Шердор отвел глаза, подумав: «Хоть ты и мудр, но на сей раз не прав. В этих делах самый лучший советчик — собственное сердце. А оно велит мне пойти к правителю Намичу и просить у него работу. Если мне улыбнется счастье, то я смогу каждый день видеть Торану». Вслух, однако, он сказал:

— Зачем же самому отказываться от собственных желаний? А потом страдать всю жизнь, думая, что все могло бы обернуться иначе, прояви я хоть толику воли?.. Все в руках богов.

— Не забывай, красавиц много, а голова у тебя одна. Гнев правителей бывает жесток.

Улица вывела их на площадь, и они остановились. Тут было почти так же многолюдно, как и на базаре. Под ногами сновали голуби, склевывая просыпанные зерна и траву, прорастающую в щелях между каменными плитами. Дариёд — блаженный и Шердор отошли в сторону, чтобы не мешать людям, которые обходили их, то и дело задевая. Шердор понял, что старец намерен продолжить чтение дастана о Сиявуше, прерванное неожиданно появившейся процессией. И когда он потрогал колки на инструменте, пробуя на звук струны, Шердор попрощался с ним и направился к Храму.

Кирпичные ступени вели высоко вверх, к резной деревянной двустворчатой двери, притолока над которой потемнела слегка от копоти.

Шердор, задрав голову, долго смотрел на струйку дыма, вьющуюся над крышей Храма и тающую в лазурном небе, как прозрачные крылья уносящихся ввысь ангелов, доставляющих Ахура — Мазде моления и просьбы землян. Он воздел руки, и с его дрожащих губ слетел шепот:

— О великий Ахура — Мазда, помоги мне... Я неимуший бедняк, нет у меня покровителя, кроме тебя, и не к кому мне больше обратиться с мольбой. Сделай так, чтобы Торана стала моей!..

Долго неподвижно стоял Шердор, палимый слепящим солнцем. Много было вокруг молящихся, и коленопреклоненных, и застывших, как изваяния, устремив взор к небу, влюбленных и несчастных, и тех, кто был недоволен тем, что имел, а хотел большего. «О великий... Сделай так, чтобы Торана стала моей!..»

Говорят, когда города здесь еще не было и в помине, Храм Огня уже стоял на этом месте. Сам Ахура — Мазда возжег свой факел, взяв у Митры огонь, и оживил костер под сводами этого Храма. С тех пор над куполообразной крышей его весь день курится дым, а по ночам от него исходит сияние. Не случайно выбрал Ахура — Мазда это место для Священного Огня. Этот пологий и довольно высокий холм был виден отовсюду. И когда на нем возник красивый Храм, в котором оставался ярко светящийся и согревающий продрогших кусочек Солнца, в то время, как сам Митра уходил на покой и земля погружалась в холод и мрак, к священному холму отовсюду тянулись люди, стали строить вблизи него свои жилища...

Как житель пустыни во время засухи боится, что высохнет его колодец, так жителей всей земли во время затмений сковывал страх, что они могут лишиться Солнца, остаться без света, тепла, и хранили как источник жизни в Священных Храмах огонь... Что произошло бы, если бы Митра прогневался на них и погасил Солнце? Земля превратилась бы в глыбу льда, не стало бы на ней ни травы, ни деревьев. Исчезла бы жизнь.

Не смея после молитвы повернуться к Священному Храму спиной, Шердор попятился к краю площади. «О Ахура — Мазда всемогущий, умоляю тебя, сделай меня счастливым!.. Смилуйся, на тебя уповаю». Он провел правой рукой по глазам, потом коснулся губ...

Шердор медленно побрел в сторону Восточных ворот, откуда брала начало дорога в сторону Пенджикента. Задумчиво глядел себе под ноги, и оттого, что долго стоял, обратив лицо к Солнцу, земля теперь казалась темной, подернутой потемками. «Блаженный старец

сказал, что Спитамен набирает войско. А я человек вольный, как ветер, куда хочу, туда лечу. Попрошусь с ним в поход. Если стану воином, то, может быть, прославлюсь. И тогда Намич соизволит принять меня в своих апартаментах...» Думая так, он вышел на площадь с прудом, обсаженным плакучими ивами, по ту сторону которого возвышалась цитадель. На высоких стенах с бойницами прохаживались стражники, то появляясь, то исчезая в промежутках между зубцами. Стены, казалось, обтянуты ажурной накидкой: так густо они покрыты узорами. Шердор обогнул пруд, в котором, как в зеркале, отражались деревья, и, подойдя ближе, разглядел выпуклые изображения причудливо переплетающихся растений, животных, птиц, конных и пеших воинов и охотников. Он направился, стараясь держаться тени, к воротам, время от времени прикасаясь ладонью, где мог дотянуться, округлой и гладкой поверхности барельефов, все еще источавших тепло, впитанное в первой половине дня. Ворота были открыты настежь. Два бородатых великана с длинными копьями замерли у них. Но художнику Шердору прежде всего бросились в глаза невиданной красоты створы ворот, сплошь покрытые кружевной резьбой и инкрустированные цветным деревом и слоновой костью, а по углам скрепленные блестящими, как золото, медными бляхами. Такую красоту вряд ли мог создать простой смертный, даже если бы рукой его водил сам Ахура — Мазда. «Оказывается, вон какие мастера есть на свете!.. А я, — прав старый Дариёд, — на то лишь и гожусь, чтобы бродить и лазать по горам и оставлять свои следы на утесах над глухими ущельями, на скалах! Чей взор они могут привлечь, кого восхитить?.. Какого-нибудь отшельника или случайно забредшего туда охотника», — подумал Шердор и хотел было заглянуть во двор, надеясь увидеть дворец, о сказочной красоте которого был наслышан, но перед ним, клацнув, скрестились копья, и он отпрянул, успев только заметить мощный квадратными плитами двор, по которому разгуливали павлины, за ним заросли пышно цветущих роз и сад, где промелькнула среди деревьев пара газелей. Шердор хотел объяснить, что хочет всего-навсего посмотреть на дворец, но стражники окинули его таким взглядом, что он сразу понял: быть ему брошенным в зиндан, если он попытается занести

ногу над сим порогом. И побрел дальше, сопровождаемый насмешливыми взглядами стоящих поодаль людей, думая о Торане, скрывающейся по ту сторону этих неприступных стен. Вдруг ему в голову пришла замечательная мысль, и лицо его засветилось улыбкой. Он выберет в горах большую гладкую скалу. Где-нибудь вблизи дороги, связующей Бихру с Маракандой, по которой постоянно движется поток людей и караванов. И чтобы скала эта была открыта взору Митры. И он изобразит на ней прекрасную принцессу в полный рост. По ночам долину будет заполнять молочно-белый туман, похожий на занавеску ее паланкина. А по утрам роса будет умыть ее светлый лик. А Митра, едва открыв глаза и осветив ее золотистым взором, станет любоваться ее красотой...

Уйдя в грезы, Шердор не заметил, как очутился у Восточных ворот, которые назывались еще Змеиными. К ним вела извилистая узкая улочка, по которой могла легко проползти разве что змея. Потому, наверное, и прозвали так эти ворота. Над ними возвышалась квадратная башня, слегка сужающаяся кверху, отчего она выглядела еще более высокой, ворота в ней, в которые проезжали, не пригибая головы, наездники на слонах, казались небольшим лазом в основании горы. Шердор хотел посмотреть на зубчатый верх башни, с его головы чуть не слетел колпак. Говорят, эти укрепления здесь возвел Кайковус, отец легендарного Сиявуша. Наверное, и он был могучим силачом, если сумел построить такие стены и башни вокруг Мараканды. Сиявуш продолжил дело отца... Жаль, если правы те, кто утверждает, что нет нынче таких могучих батыров, какими в прежние времена славилась земля Согдианы...

Шердор обернулся, отыскивая глазами возвышающийся вдали над крышами домов Храм Огня, еще раз напоследок обратился мыслями к Ахура — Мазде и Митре, перевел взгляд на расплывающиеся в горячем мареве башни цитадели, на которые, наверное, любит взбираться Торана, чтобы обозреть с высоты птичьего полета город, и, смешавшись с потоком арб, всадников и пеших путников, направился под темные своды ворот, по ту сторону которых брала начало дорога на Пенджикент...

Снежный барс

Горы, когда на них смотришь с высоты, взобравшись на одну из вершин, кажутся мгновенно застывшими во время шторма и окаменевшими волнами. Те, что ближе, зеленеют, освещенные солнцем, как изумруд, на их склонах розовеют, чернеют, белеют вкрапления скал. А те, что подальше, подернуты дымкой, просматриваются, как сквозь кисею. Вознесшиеся ввысь вершины покрыты снегом и мнится, что на них держится небо. Глядеть на них в яркий солнечный день — больно глазам. В зависимости от воли Ахура — Мазды, который то заволакивает небо темными тучами, то прикрывает его тонким слоем белых облаков, то, промыв дождем, протирает до ослепительной голубизны, вершины гор по несколько раз на день меняют цвета и оттенки: то сияют, как алмаз, то багровеют, как жар гаснущего костра, то словно покрываются серым пеплом, но стоит Солнцу устремить на них взор, они загораются вновь, будто драгоценный кристалл. С них вечно струится в долину прохладный ветер, дарует обитателям замков, жителям кишлаков отдохновение и усладу.

Многочисленные горные саи, пробивая себе путь, протискиваются с ревом сквозь тесные ущелья, низвергаются с отвесных скал, рассыпаясь в пыль, и над ними расцветают нежные цветы радуг, а достигнув долины, умеряют бег и разливаются вширь, маня в кущи своих берегов всех жаждущих и ищущих прохлады. Они бережно несут из тех мест, где не ступала нога человека и куда, быть может, редко долетают орлы, вкус и холод тающих снегов и ласкающие слух хлебопашцев песни. В долине саи сливаются в одну большую реку, именуемую Политимет, и она несет дальше свои воды, щедро оделяет благодатью землю — кормилицу. Горы — это колыбель Согдианы...

Особенно красиво в горах весной. С каждым днем снег отступает все выше, к вершинам, где зима соорудила себе оплот из ледяных крепостей, и по пятам за ее белой армией следует зеленое войско весны, щедро рассыпая по склонам всевозможные цветы, что растут огромными колониями и расцвечивают пестрыми пятнами долину,

позаимствовав краски у радуги. Деревья окутаны белой и розовой дымкой, будто облако опустилось на их голые кроны, и пройдет немало дней, пока ветер развеет его и деревья оденутся в зеленые платья. Жужжат пчелы, а воздух напоен таким ароматом, что дышишь и не насытишься. За каждым уступом горы, за каждым изгибом сая открываются новые дали. Пусть ты в этих местах уже не единожды бывал, всякий раз все новые картины открываются твоим глазам, и ты не перестаешь восхищаться ими, и душа твоя полнится трепетным волнением. Птицы, громко поющие в кущах, прославляют весну и красоту этой земли. Там, где река промыла себе русло сквозь теснины, прямо из бурлящей воды высоко вздымаются скалы, полные величия. О, им известно много такого, чего никто не знает; они были свидетелями многих событий со дня сотворения мира, но они умеют хранить тайны. Видели они извержения вулканов и разливы рек, страшные оползни и землетрясения, но выстояли...

Там, где река, стремительно выбежав из темного ущелья, вдруг замедляет бег, словно ослепленная солнцем, и разливается вширь, стоит, войдя в нее по пояс, громадная скала, вся в трещинах и складках, из которых растут, причудливо сгибаясь и словно карабкаясь вверх по уступам, можжевельник и сосны. Каменный утес этот гораздо выше остальных, во множестве толпящихся вокруг, и называется он «Скалою Согды». Кем и когда он был так назван, никто не помнит. И широкая, открытая солнцу лощина, разделенная надвое рекой, образующей в этом месте тихую заводь, скрытую от глаз постороннего густой чащей, в которой перемешались ивы, джида, тополя, карагачи, шелковицы, одичавшие фруктовые деревья, столь привлекательна, что тот, кто побывал здесь хоть раз, запомнит ее и непременно захочет побывать здесь еще и еще.

А поглядите-ка, вон там, вдалеке, над высокими травами, мчится, словно летит, черный конь. Ловкий всадник приник к его вытянутой шее и умело направляет его наискосок по пологому склону вниз, ловко огибая камни, заросли цепких кустов. А впереди него, то возникая, то исчезая в траве, мелькая, как солнечный зайчик, несется сломя голову газель. Запутаются в ромашках ноги, и быть ей зарканенной или пронзенной стрелой. Оступится конь, несдобровать

охотнику. Бока коня лоснятся от пота, подковы, касаясь камней, высекают искры, и кажется, сейчас он расправит крылья... Нет, он послушен твердой руке искусного всадника. В такие мгновения их души, коня и человека, сливаются воедино, и жизнь, и смерть одна на двоих. Через левое плечо охотника перекинута пятнистая шкура снежного барса, прикрывающая могучий полуобнаженный торс, в опущенной правой руке наготове аркан. А газель устала, прыжки ее становятся вялыми, ноги непослушными. С выпученными от страха глазами она мечется из стороны в сторону, вот уже и запуталась в траве, упала, перевернулась, но все-таки поднялась. Однако аркан захлестнул ей шею и вновь опрокинул на бок. Охотник спрыгнул с седла и, придавив животное коленом, вынул из ножен кинжал...

— Остановись, ловчий! — услышал он вдруг. — В чем провинилась перед тобой эта бедная тварь?..

Занесенная было рука с кинжалом замерла в воздухе, и охотник обернулся на голос. У основания серой скалы, почти слившись с ней, стоял на тропе старец, облаченный в лохмотья. Его седые и длинные, почти до плеч, волосы растрепал ветер, белая борода распласталась по груди, а внимательные глаза лучились. Дивясь про себя тому, как старец тут оказался, охотник опутал ноги лани сыромятным ремнем, поприветствовал незнакомца еле приметным кивком и спросил, сдерживая раздражение:

— Мое почтение тебе, кто ты? Что ищешь в безлюдных этих местах, где за каждым поворотом тропы подстерегает хищный зверь?..

— Сначала спрячь кинжал в ножны, если решил обменяться словами с путником.

— Кинжал из ножен не вынимают без надобности. Тебе это должно быть известно, — сказал охотник, окидывая взглядом газель, которая, смирясь со своей участью, лежала не двигаясь, вытянув на траве изящную шею, лишь мелкая дрожь пробегала по ее шелковистой коже.

— Не для того Ахура — Мазда создал на земле всякую живность, чтобы ее истребляли, опустошая тем самым край, в котором живем, а для того, чтобы множили богатство, которое нам дано.

— А разве ты не любишь полакомиться дичью? — с усмешкой спросил охотник.

— Назначение человека — разводить скот и возделывать землю. Убивать живность — это грех; не стоит вырубать лес, чтобы посадить сад...

— Откуда ты взялся, такой мудрый?.. — засмеялся охотник.

— Эй, смелый человек, если ты из тех, кто питает хоть каплю уважения к чужим сединам, то выслушай меня, прежде чем лезвие твоего кинжала коснется жертвы, — сказал старец, отметив про себя, что охотник высок ростом, а под гладкой и коричневой от загара кожей его бугрятся мышцы, как перевитые канаты. — В этом тленном мире никому не дано права доставлять другому страдания. Ты искусный ловчий, я это уже видел, а перед тобой бывалый, повидавший свет человек. Всю свою жизнь я странствовал, нету на земле места, где бы я не бывал, нет народа, среди которого бы не пожил. А потому советую прислушаться к моим словам...

— Это уже интересно, — сказал охотник, прижав на всякий случай конец веревки коленом, обтянутым кожаной штаниной, и, отпустив руку с кинжалом, посмотрел на старика, выражая готовность слушать.

— Скажи мне, добрый человек создал оружие или злой?

Охотник пожал плечами и, подумав, ответил:

— Если оружие носят только злые, то на земле нет добрых людей, ибо я еще не встречал человека, не имеющего при себе хотя бы ножа.

— Оружие было создано добрым человеком, ибо назначение его бороться против зла...

— Разве зло не творится посредством оружия, отец?

— Об этом и речь, сынок! Руками творящих зло водит Анхра — Майнью! Человек должен помнить это!.. Ну, подумай сам, в чем провинилось перед тобой это беззащитное животное, что ты занес над ним кинжал?.. Быть может, ты голоден?.. Или голодает и ждет тебя с добычей твоя семья?.. Нет, ни то и ни другое. На горных пастбищах пасутся тысячи твоих овец, в долине реки пастухи перегоняют с места на место табуны твоих коней, закрома твои ломаются от запасов зерна. Кто же, если не Анхра — Майнью возбуждает в тебе жадность и

повелевает пролить невинную кровь? Но от рождения ты не жаден, по глазам вижу. Пожалуй, даже щедр... Или, может, тебе надо сорвать на этом бедном животном свой гнев? На кого же ты так прогневался?

— На тебя, старик! — сверкнул глазами охотник. — Ты появился в самую неподходящую минуту и морочишь мне голову. Я не знаю, когда еще доведется мне усладить душу охотой!..

— Значит, самому Ахура — Мазде было угодно, чтобы я в эту минуту оказался именно здесь и остановил твою руку, уже готовую прибавить к твоим грехам еще один, — сказал старик и, обратив лицо к солнцу, возвел руки: — О всевидящий Митра, к тебе обращаюсь, вразуми этого человека, который думает, пребывая в заблуждении, что душа его очистится от гнева, стоит только пролить горячую кровь...

Охотник поднялся, нахмутив черные брови, и резко вложил кинжал в ножны.

— Вижу, человек ты добрый, — продолжал старик. — Вот эти горы, люди и животные, ты и я, все мы — дети Митры. А разве мать не гневается на детей своих, если они обижают один другого?.. Живи, ловчий, так, чтобы не прогневать Митры. Да не лишит тебя Солнце своей милости. Его лучи дают нам разум и милосердие. От него мы получаем энергию, что гонит в нашем теле кровь, заставляет биться сердце...

— Станный ты человек, — промолвил охотник, брови его разомкнулись, и он улыбнулся. — Поначалу я принял тебя за блаженного, а ты говоришь толковые вещи... С юных лет я любил охотиться и всегда находил в этом удовольствие. А ты хочешь отвлечь меня от любимого занятия... Я выслушал тебя из почтения к твоим сединам, — он склонил голову и прижал к груди обе руки, затем резко выбросил их вперед: — А теперь иди своей дорогой, да окажется она у тебя легкой.

— Нет, сынок, и шагу не сделаю, пока при мне не выпустишь на волю эту красавицу... Если же кинжал твой возжелал крови, то обернись и посмотри туда, во-он за те дальние горы. Видишь, как над их белыми вершинами потемнело небо? Видишь?..

— Должно быть, идет гроза...

— Гроза? В эту пору года?.. Нет, ловчий, это не тучи над горами сгустились. Небо заволакивает дым вражеских костров. Да, к Согдиане близится беда...

— Что ты болтаешь, старик? Ты, похоже, и впрямь блаженный. От слов твоих веет холодом.

— Эх, благородный человек, от праведных слов не всегда веет ароматом роз. Не время расходовать стрелы на дичь, когда ноздри уже улавливают запах дыма чужих костров...

— Довольно, старик, а то чего доброго накаркаешь! — резко сказал охотник и, заслонившись ладонью от солнца, оглядел небо над горами. — Македонский царь грозитя отомстить персам за те беды, что они на протяжении века причиняли их земле, за то, что брали с них дань. Но вряд ли он осмелится переправиться через Геллеспонт. Я получил от Дариявуша повеление — спешить с войском к реке Грануку. Вот и решил в последний раз поохотиться в родных горах перед тем, как выступить. А ты мне все испортил...

— Тогда спешу. Македонский царь уже переправился через Геллеспонт и вонзил свое копьё в берег, где начинается империя Ахеменидов.

— Откуда тебе это известно, старик?! — сурово спросил охотник. — Мне таких вестей мои гонцы не доставляли.

— Эх, сынок, сынок, тех, кто тебе их должен был доставить, давно нет в живых. Враг силен и коварен.

Охотник негромко свистнул, и пощипывающий траву конь быстро подошел к нему. Хозяин ласково похлопал его по шелковистой холке и обернулся к старцу:

— Ты, наверное, из тех, кто слышит голоса ангелов и видит то, что не дано видеть простым смертным?

Старец молча кивнул. Солнце на миг зашло за облако, и он почти слился с шероховатой поверхностью камня, и охотнику показалось, что с ним разговаривает сама скала.

— Тогда ты прав, я должен спешить, — сказал он.

— Скажи, из каких мест ты родом и как твое имя, чтобы я знал, за кого мне молиться.

— Я Спитамен. Родом здешний. Эти горы и долины служат мне

домом...

— Таким я тебя и представлял. Наконец довелось увидеть своими глазами. Я некогда хорошо знал твоего отца. Выходит, ты наш, пенджикентский.

Отец Спитамена был в Согдиане одним из влиятельнейших аристократов. Рассказывают, что происходил он из рода самого Сиявуша. Однако со стороны ли матери, со стороны ли отца приходился он родичем легендарному правителю и батыру, никто точно не помнит. Отец его владел не слишком многочисленными отарами, которыми определяется богатство горцев, зато далеко, в самой Согдиане и за ее пределами, разошлась слава о выводимых им породах лошадей. Из дальних стран, тратя на дорогу месяцы, прибывали к нему люди, чтобы купить породистых лошадей или на что-нибудь обменять. И этот человек, будучи тогда еще молодым, приезжал в его становище в числе нанятых табунщиков. Не сводя со Спитамена зеленых пронизывающих глаз, старец пытался определить, насколько сын похож на отца. Затем сказал:

— Сатрап Бактрии Бесс выступил с войском еще вчера. Намич оповещен об этом. И гонцы его мчатся сейчас, настегивая коней, к согдийским феодалам — Оксиарту, Катану, Хориёну — с приглашениями на большой совет. Похоже, грядет великая битва. В ней и меч одного воина может перетянуть чашу весов, которыми Боги будут делить между царями успех и неудачу.

— Если у злой собаки длинная цепь, она покусает многих, — задумчиво проговорил Спитамен. — Надо постараться эту цепь укоротить.

— У македонского пса вовсе нет никакой цепи.

— А цепь этих гор? Чем не цепь для него?.. Когда он узнает, как умеют сражаться воины Согдианы и Бактрии, вряд ли отважится перейти через эти горы. Уж мы постараемся, чтобы у него не осталось сил сюда добраться!..

— Говорят, Македония тоже горная страна. Воины их царя имеют крылья, и горы для них не помеха.

Связанная лань у ног Спитамена забила, мотая головой и издавая жалобные стоны, словно плача. Охотник нагнулся и одним

махом перерезал пути на ее ногах. Лань вскочила, постояла несколько мгновений, шатаясь и словно не веря в свою свободу, нервно подергивая влажными ноздрями, сделала пружинистый скачок и в мгновение ока исчезла в зарослях.

Старец улыбнулся и удовлетворенно проговорил: «Баракалла!..»

А Спитамен, заслонившись от солнца ладонью, смотрел вдаль, где подрагивали макушки тамариска, среди которого, мечась из стороны в сторону, чтобы избежать охотничьей стрелы, мчалась лань, потом тоже улыбнулся и спросил:

— Скажи откровенно, достопочтенный отец, кто послал тебя ко мне?

— Я пришел сюда, вняв зову собственного сердца. Народ Согдианы тебя знает и верит. Многие ждут, что ты позовешь их под свое знамя, и охотно пойдут за тобой.

— Да, это так, — сказал Спитамен.

И горы повторили троекратно: «Так!.. Так!.. Так!..»

Спитамен удивленно огляделся, подумав, не спрятавшиеся ли спутники старца произнесли это, а тот пригладил бороду и кивнул: мол, убедился сам?.. Повел рукой, показывая на скалы:

— Это их голоса.

«Словно заговорили воины, изображения которых выбиты в твердом базальте!.. — подумал Спитамен. — Как же это работал художник на такой головокружительной высоте?..»

Проследив за его взглядом, старец сказал:

— Третьего дня я повстречал в Мараканде одного из тех смельчаков, что приносят в дар горам эти рисунки. То был молодой художник по имени Шердор. Он собирался вступить в твоё войско. Не пришел ли он к тебе? — И после того, как Спитамен, пожав плечами, отрицательно покачал головой, старец продолжал: — Как все художники и поэты, он, видать, немножко не от мира сего. Случайно увидел дочь Намича и напрочь лишился покоя...

— Понять его можно, — улыбнулся Спитамен. — Говорят, она очень красива, — и подумал про себя: «Но не более, чем моя Одатида».

— Ты прав, — подтвердил старец. — Рядом с ней меркнут луна и

звезды. В сердце бедного художника закралась болезнь, именуемая любовью, и вряд ли выздоровление наступит скоро...

— Художнику, вдохновленному любовью, не лучше ли взять в руки кисть и резец, нежели меч?.. В моем войске вряд ли найдется для него дело...

— Перо, кисть и резец созданы для труда, радующего сердца людей; меч создан для пролития крови. Однако тем и другим должна одинаково искусно владеть одна и та же рука... Знаю, тебе надо спешить, но задержись еще на минутку и наберись терпения, чтобы выслушать притчу из Священной книги, — старец извлек откуда-то из-под лохмотьев инструмент с длинным грифом и, перебирая пальцами струны и прикрыв глаза коричневыми, как скорлупа ореха, веками, стал читать нараспев: «Заратуштра у Ахура — Мазды спросил: „О Ахура — Мазда, дух святой и вдохновенье, ты единственный создатель, любимый и почитаемый! До встречи со мной, Заратуштрой, с кем из подданных своих ты беседовал? Кого первого научил преклонению Митре, Солнцу?“

И Ахура — Мазда отвечал: „С прекрасным златоликим Митрой, обладателем неисчислимых стад, имел я беседу до встречи с тобой, о благочестивый Заратуштра. И то, что все сущее на Земле должно поклоняться Солнцу, было для Митры откровением. О премудрый Заратуштра сын Вивахванта, прими и ты мое учение, стань проповедником его и покровительствуй тем, кто поверит в него“.

На что премудрый Заратуштра сказал: „О единственный и всемогущий Ахура — Мазда! Способен ли я вникнуть в твое учение и стать его проповедником, если я неграмотен, а значит, беззащитен и беспомощен?..“

Ахура — Мазда ему в ответ: „Верь мне, и к тебе снизойдет озарение. Холь и лелей мир, который создал я. Да приумножат богатства, дарованные мной, подданные Митры. Сумей убедить их — и они поверят. А поверив, защитят“.

И Ахура — Мазда дал Заратуштре четырех видов оружие: золотое перо — чтоб написал „Авесту“, золотую кисть — чтоб увековечивал памятные события в красках, золотую плеть — чтоб держал

подданных в повиновении, и золотой меч — чтоб мог защитить Учение и приявших его...»

Грубые пальцы старца быстро перебирали струны, он торопился и говорил, захлебываясь, проглатывая слова, будто боялся, что у молодого охотника не хватит терпения выслушать его до конца. А закончив, потупил голову, прядь седых волос упала на его желтый морщинистый лоб. Инструмент вновь исчез среди лохмотьев.

Минуту, другую и тот, и другой молчали. В чаще пели птицы, у реки, в зарослях, призывно промышчал олень. Ласковый ветерок шевелил на старце лохмотья. Спитамен поцеловал тыльную сторону ладони, вскинул руку к солнцу и плавно опустил ее.

— Да славится имя Ахура — Мазды, — промолвил он и обратился к старцу: — Судя по твоему усталому виду, дорога твоя была не легкой. Будь сегодня моим почетным гостем, достопочтенный отец.

— Благодарствую. Я и так тут задержался слишком долго. Меня еще ждет немало дел. Если угодно Небу, мы еще встретимся...

— В таком случае подкрепи хотя бы силы тем, что осталось на дне моей охотничьей сумки.

— Да способствует делам твоим сам Ахура — Мазда. До свидания, дитя мое, будь здоров!.. — сказал старец и стал удаляться быстрыми шагами, постукивая длинным суковатым посохом.

— Хотя бы скажи, как тебя зовут?.. — крикнул вслед ему Спитамен.

— Дариёд!.. — на ходу обернувшись, бросил тот через плечо, и голос его, отскочив от одной скалы, взмыл к вершине другой, и горы повторили: «Дариёд... Дариёд... Дариёд...» — чтобы Спитамен не забыл этого имени.

Единственная фигура на еле приметной тропе быстро удалялась, полы рваного чекменя развевались, словно крылья, и казалось, что старец вот-вот снимется со склона, воспарит над долиной, горами. Спитамен долго смотрел ему вслед, пока он, то пересекая солнечные поляны, то ныряя в тени нависающих над тропею скал, вовсе не исчез с глаз...

Был или не был?.. Явился и исчез. Сам ли пророк то был или

прообраз его?.. Быть может, его послал ко мне сам Ахура — Мазда?.. Почему я не спросил, где его искать, если у меня возникнет нужда позаимствовать у него мудрости?..

Карасач вскинул голову с белой отметиной на лбу, звякнув уздечкой, и тревожно заржал. Спитамен ласково потрепал ему холку и вспрыгнул в седло. Конь легко пустился рысью по тропе, по которой только что удалился старец.

— Эй, Дариёд, подожди — и!..

Но тот словно испарился! Под силу ли простому смертному так прытко преодолевать горные тропы, протоптанные дикими козлами да крадущимися по их следам волками?..

Спитамен остановил коня на возвышенности и оглядел склоны, на которых лишь наметанный глаз мог заприметить тропинки. Он увидел вдали лису, подкрадывающуюся к выводку горной куропатки, заметил на высокой скале замершего козла — вожака, оберегающего покой своего стада, от зоркого взгляда его не скрылся парящий высоко в небе орел, только одинокой человеческой фигуры нигде не было видно. Он тронул бока коня пятками и отпустил поводья. Карасач понял, что теперь их путь лежит домой, и пружинистой рысью сбежал с пригорка.

Детство Спитамена прошло в горах среди табунщиков, которые пасли лошадей его отца. Сидеть в седле он научился раньше, чем ходить, и не просто полюбил лошадей, а понимал их, будто знал их язык. У отца он был единственным ребенком, но не рос неженкой, а с раннего детства привыкал к труду и лишениям, и уже тогда в простых мальчишечьих играх проявлял ловкость и находчивость.

Спитамену было всего десять или двенадцать лет, когда он впервые принял участие в конноспортивных состязаниях, на которые собрались представители различных знатных родов, и каждому хотелось прославить себя и свой тотем. Но недаром же Спитамен рос среди коней, в табуне, вместе с жеребятами, ловил козуком²² полудиких коней и заставлял их себе подчиниться; сломя голову носился верхом по краю бездонных пропастей. Оттого и вырос

²² Кору́к — длинный шест с петлей на конце.

храбрецом, достойным своего отца. И на этих состязаниях безусый мальчишка, выиграв приз, посрамил бывалых наездников.

Но как только у юноши стали пробиваться усы, отец препоручил воспитание сына несущим у него службу воинам. И теперь каждый день Спитамена начинался с того, что он вместе с наставниками отправлялся в обширный сад, где была широкая площадка, скрытая от посторонних глаз деревьями и густыми кустами инжира и граната, и там упражнялся в стрельбе из лука, метании копья, а потом учился владеть мечом...

Карасач, на котором ездил Спитамен, имеет особую родословную. Отец Спитамена во время пребывания по торговым делам в Мидии увидел там необычайной красоты кобылу. Дорого запросили за нее. Но он не поспешил — купил. Вернувшись домой, спарил ее со знаменитым жеребцом из своего табуна, который на протяжении многих лет на всех состязаниях выходил победителем, не было ему равных ни в Согдиане, ни в Бактрии, ни в Скифии... А когда появился на свет жеребенок, такой же красавчик, как мать, такой же длинноногий, с гибкой лебединой шеей и маленькой изящной головой, крепенький и сильный, со звездочкой на лбу, хозяином были созданы на пир старейшины племени и в их присутствии, перед тем как гости разошлись, он торжественно подарил вороного жеребенка своему сыну.

Вот и выходит, юноша и жеребенок росли вместе, словно братья. Ни одному из слуг не доверял Спитамен ухода за жеребенком, сам чистил его скребком, сам купал в речке, расчесывал гриву, хвост, водил пастись в живописные места в горах, которые любил сам, там и трава была сочнее, и цветы душистее. Ему нравилось валяться в высокой траве и, глядя в небо, предаваться мечтам, слушать трели жаворонка. А если порой, убаюканный птичьими песнями, жужжанием пчел и пригретый солнцем, он засыпал, то Карасач укладывался с ним рядом и ждал, когда хозяин проснется... Когда Спитамен куда-нибудь спешил по поручению отца, то жеребенок увязывался за ним и бежал вприпрыжку следом. «Мой Карасач... Мой славный Карасач», — ласково приговаривал юноша, прижимаясь лицом к теплой бархатистой мордочке жеребенка. И тот вскоре стал

откликаться ржаньем, едва только услышит свое имя. Стоило Спитамену, выйдя из шатра, крикнуть: «Эй, Карасач, где ты?..» — как вдалеке раздавалось звонкое ржанье, и молодой конь стрелой мчался к хозяину, распутив по ветру хвост и гриву, похожую на черный пламень...

Люди рассказывали прямо-таки невероятные вещи о дружбе Спитамена и его коня... Говорят, однажды по пути с одного из отдаленных пастбищ Спитамена застал сильный ливень. Черная туча опустилась так низко, что окутала горы, и они исчезли во тьме. Спитамен услышал позади себя странный шум, который, быстро приближаясь, переходил в грохот. Он понял, что это сель несется вдоль ущелья, вырывая с корнем деревья, подхватывая, как песчинки, громадные валуны, развернул Карасача и быстро направил его в гору. Но налетевший поток сбил коня с ног. Спитамена с головой накрыла желтая вода, понесла, переворачивая, грозя разбить о камни. На какой-то миг он успел высунуть из воды голову, увидел, что Карасач выбрался на сушу, и закричал: «Караса — аач!..» — и его опять потянуло вниз, он уже захлебывался, но все же удалось опять всплыть, и он увидел рядом с собой бросившегося за ним в поток Карасача. Рванулся изо всех сил и ухватился за его гриву. Спитамен и конь отчаянно боролись с течением, которое несло их все быстрее и быстрее, уже был слышен шум водопада. Помог ли Ахура — Мазда, к которому Спитамен мысленно обращался с мольбами, только ноги Карасача на какой-то миг коснулись дна, он рванулся из последних сил к берегу, выскочил на сушу и вынес своего друга, и долго не останавливался, пока не унес бесчувственного Спитамена подальше от страшного места...

А еще рассказывают, как однажды Спитамен ехал степью, вдоль границы, где плодородные земли, пригодные для пастбищ, смыкаются с пустыней и где на протяжении столетий ведется спор между Ахура — Маздой и Анхра — Майнью, кому владеть тем узким пространством: то заносят его пески, то отступают, и там вновь прорастает зеленая сочная трава, и в тени саксаулов в жаркий полдень хоронятся сайгаки. Вдруг весь горизонт закрыла желтая туча, которая разрасталась, темнела, поднималась все выше и выше и вскоре

обволокла солнце. Подул горячий ветер, и среди полудня наступила ночь. Песок больно сек по лицу, и не было возможности открыть глаза. Стоит остановиться хоть на минуту, тебя вмиг занесет песком, и на том месте, где ты только что был, вырастет бархан. Ни один путник, следуя мимо того бархана верхом на коне или на верблюде, и не догадается, что под ним чьи-то кости... Спитамен отпустил поводья, предоставив Карасачу свободу, вверив ему свою судьбу... Не успел самум стихнуть, а Карасач благополучно доставил хозяина к старым развалинам брошенной чабанами кошары, где оба они и нашли укрытие...

Утверждают, что Карасач никому из посторонних не позволяет садиться себе на спину. Если только Спитамен собственноручно передаст кому-либо из друзей повод, Карасач не сбросит седока. Однако вряд ли кто мог похвастать, что сажился на Карасача. Ибо даже сыновьям — близнецам по шести лет, а младшему четыре — Спитамен говорит: «Не трогайте Карасача, катайтесь на своих рысаках!..»

В округе только и разговору, что нет на свете коня, равного Карасачу по сметливости и чуткости. Если во время отдыха хозяина где-то крадется зверь или приближается кто со злым умыслом, конь бьет о землю копытом и ржаньем предупреждает хозяина, чтобы он был начеку.

Злые языки твердят, что и сердце Одатиды, дочери дахского вождя, удалось завоевать Спитамену лишь благодаря этому коню.

В день одного из великих празднеств Спитамен был приглашен принять участие в скачках, устраиваемых старейшинами живущих по соседству дахов. Наслышанные о Карасаче, они специально прислали к Спитамену гонца с приглашением. И многие главы дахских родов выставили лучших своих коней, чтобы посрамить Спитамена и его любимца.

Карасач, однако, не подвел хозяина и друга, он оставил далеко позади себя скакунов лучших кровей, на которых возлагали надежды надменные старейшины, жаждущие славы.

И после скачек весь день длились состязания, устраивались игры. Всадники на всем скаку должны были, выстрелив из лука, попасть в

выпущенного перед ними голубя, или разрубить на несколько частей подброшенную тыкву, или пронзить копьём аркан, натянутый поперек пути, да еще успеть поднырнуть под него, чтобы не быть сброшенным с седла под злорадный хохот толпы. Азартнее других местных джигитов выглядел в этих играх молодой стройный юноша, почему-то прикрывший нижнюю часть лица белой кисеей. Кто-то обмолвился, что у него на губах высыпала лихорадка, оттого и закрывается, оберегаясь от пыли. А кто-то, посмеиваясь, заметил, что скорее всего у него не растут усы и борода. Но как бы то ни было, юноша этот блестяще выполнял все, что предписывалось правилами игры, и после каждой удачи оборачивался к Спитамену, и тот ловил на себе его огненный взгляд: дескать, а ну, попробуй-ка и ты!.. И Спитамену подумалось, что этот хрупкий с виду юноша решил посостязаться именно с ним, и, когда он обернулся к нему в очередной раз, Спитамен вызывающе рассмеялся, улыбнулся и юноша...

А вечером на широкой поляне были разведены костры. Вождь распорядился, чтобы закололи несколько быков, лошадей, овец и принесли их в жертву божествам, а заодно щедро угостили гостей.

Во время пира Спитамен случайно увидел дочь дахского вождя, прекрасную Одатиду, которая лишь мелькнула, проследовав через поляну мимо костра; она была в длинном бархатном платье, лицо до самых глаз закрыто белой вуалью. Освещенная пламенем костра, она мимоходом глянула на Спитамена и растаяла в темноте, а он узнал эти большие черные миндалевидные глаза, полные задора, в них и сейчас были усмешка и чувство превосходства... Так вот что за «юноша» принимал сегодня участие в состязании — стрелял метко из лука, на полном скаку рассекал саблей на четыре части подброшенную тыкву!.. Из серебряного кубка, который держал в руках Спитамен, пролился мусаллас²³, и он заметил, что все давно уже выпили и наполняют сосуды во второй раз. Смуться, он поднес кубок к губам. Однако перед ним так и стояли эти глаза...

Покидая пир, Спитамен думал об Одатиде. Всю дорогу молчал, и

²³ Мусаллас — молодое вино.

друзья, сопровождающие его, обеспокоились, уж не заболел ли он...

И утром, едва проснувшись, сразу подумал о ней. С той поры мысль об этой девушке ни на минуту не покидала его. Он лишился сна, аппетита, не принимал участия в играх. То отец, то мать входили к нему, одиноко лежащему на войлоке, и пытались дознаться, что с ним происходит, здоров ли он. После долгих колебаний, намеками, сын поведал им о причине своей тоски.

На второй день отец созвал к себе аксакалов и держал с ними совет, прежде чем попросить кого — либо из них отправиться к отцу Одатиды, вождю дахов, и довести до его сведения, что Спитамен отныне в состоянии идти по жизненной стезе только рука об руку с его прекрасной дочерью.

Однако не сразу согласились аксакалы выполнить это поручение, не день и не два провели в спорах, прежде чем отправились сватать дочь вождя соседнего племени: ибо даже они, аксакалы, не помнили, чтобы их предки с этим племенем водили дружбу. А вот стычки с ним, заканчивавшиеся кровопролитием, бывали часто. И отец, и седобородые дядя пытались отговорить Спитамена, но он стоял на своем. Повздыхали аксакалы, развели руками и скрепя сердце отправились к чужакам, далеко не уверенные в удаче и боясь, как бы не пришлось возвращаться ни с чем...

Вождь племени дахов, приняв от гостей подарки и узнав о цели их визита, оказал им знаки внимания, положенные по обычаю, однако ответа давать не торопился, а созвал на совет старейшин племени. Три дня совещались они, а чтобы гости не скучали, возили их по предместьям, показывали им пастбища, табуны, музыканты и певцы развлекали, демонстрируя свое искусство. Наконец на исходе третьего дня сваты были вновь приглашены в дом вождя, и отец Одатиды сообщил им о согласии выдать дочь за юношу из их племени.

Воодушевленные удачей и уверенные, что они будут вознаграждены дорогими подарками, поспешили сваты обратно...

Ровно через месяц были созваны гости из обоих племен на общий пир, который длился семь дней и семь ночей и где были соблюдены традиции и обычаи того и другого племени...

Много времени спустя Спитамен узнал, что в принятии решения старейшинами немалую роль сыграла сама Одатида.

С той поры был положен конец раздорам между двумя соседними племенами, многие высокогорные пастбища, пахотные земли и саи, несущие на поля воду, из-за которых ранее и возникали то и дело стычки, теперь стали общими, дехкане мирно уживались и делили воду по справедливости...

Жена подарила Спитамену двух сыновей — близнецов, а через два года родила и третьего сына. Три сына, три наследника, три воина растут в доме Спитамена. Они еще маленькие, руки их слабы, чтобы владеть оружием, и ноги не достают до стремени, но уже с этого возраста Спитамен начинает приучать их к труду и ратному делу...

Прежде всего о сыновьях своих вспоминал Спитамен, когда думал о том, какая беда может подступить к границам Согдианы, если не остановить ее и не развеять там, на краю земли, где она родилась и набирает силу, у пограничной реки Граники...

Ночь над Маракандой

Лиловое небо в блесках звезд. Темнеют силуэты зубчатых башен и стен, плосковерхих домов и куполов над храмами. Почти все окна дворца правителя Мараканды Намича ярко освещены, из них доносится музыка. Огромные ворота цитадели то отворяются со скрипом, впуская во двор верховых и проливая на площадь с прудом зыбкий свет факелов, горящих в подворотне, то закрываются, лишая площадь света. Сегодня Намичем устраивается большой прием для известных во всем крае сановников, чтобы предварить им важный совет. Съехались правители больших и малых городов, вожди отдельных племен, старейшины родов, видные военачальники.

Во дворе в нескольких местах полыхают костры, освещая даже дальние закутки сада и беспокоя рассевшихся на нижних ветках яблонь павлинов и устроившихся на ночлег в инжировых кустах оленей.

На резных деревянных колоннах длинной веранды дворца развешаны клетки с певчими птицами, которые, думая спросонок, что

рассвело, то и дело принимаются свистеть, прищелкивая, чирикать и вквотать, но разобравшись, что к чему, вновь умолкают. С веранды к залу приемов ведет длинная и широкая галерея, по краям которой стоят скамьи, застланные шкурами медведей, тигров, леопардов с оскаленными, словно живыми, мордами. Стены, облицованные узорчатым ганчем, украшены рогами оленей, клыкастыми мордами вепрей, свидетельствующими, что правитель — заядлый охотник. Под пышными тропическими пальмами, растущими в кадках, перевитых лианами, стоят, будто живые, чучела диковинных птиц и зверей.

Через всю галерею до широкой двери тянется зеленая толстая дорожка, поглощающая звуки шагов.

Зал ярко освещен множеством светильников в маленьких нишах вдоль стен. На высоком деревянном троне, богато инкрустированном слоновой костью и самоцветами, восседает Намич в парадной одежде, предназначенной для приема послов. По правую его сторону в не менее роскошном кресле сидит, развалясь, посол Дариявуша Набарзан, прибывший третьего дня, но все еще выглядевший усталым. Обычно в это кресло садится везир правой руки, а сегодня ему пришлось подвинуться, чему он, судя по всему, не очень-то рад. Тучный Набарзан, навалясь на левый подлокотник, чтобы ближе наклониться к Намичу, рассказывает ему что-то такое, отчего у того все более мрачнеет лицо. По левую сторону от правителя расположился везир левой руки. Возле него пустует кресло с высокой спинкой, оно поменьше, но тоже богато. Это место дочери правителя, она занимает его во время выступлений музыкантов, певцов и танцовщиц, которыми предваряется начало большинства пиров; и как только виночерпии принимаются разносить мусаллас, она незаметно исчезает из зала. Но и в ее отсутствие никто не смеет занять это место. Да и кресло само по себе столь изящно и с виду невесомо, что кажется, сразу же развалится, едва сядет в него кто-нибудь другой...

Подле стен зала сидят на мягких подстилках, набитых шерстью, другие почетные гости и должностные лица, разодетые по случаю торжества в шелка и парчу. Перед ними постлан поверх войлочных ковров дастархан, на котором сверкает золотая и серебряная посуда.

В блюдах исходящее паром и ароматом приправ мясо, в вазах фрукты, в чашах янтарный мусаллас. На гранях кувшинов и бокалов играют розоватые блики светильников.

Зал имеет справа и слева альковы, где тоже за отдельными дастарханами сидят гости. Это музыканты, певцы, акробаты, фокусники, приглашенные, чтобы развлекать гостей, острословы, способные рассмешить и того, кто за всю жизнь ни разу не улыбнулся. Без них что за пир?..

Какой гость откуда прибыл, легко узнать по одеянию. На всех халаты из дорогих тканей, на одних полосатые, на других — цветастые, на третьих гладкие — светлые или темные, отороченные по краям пестрыми лентами. На головных уборах сверкают алмазы, на шеях золотые цепочки с кулонами, пальцы унизаны перстнями.

Кое-кто из гостей в этом зале присутствует впервые, и, конечно, не может не восхититься красотой его. Один из сановников, прибывший с персидским послом Набарзаном, наклонясь к соседу, молвил:

— Во многих частях света побывал я, но нигде ничего подобного не видел, — и обвел взглядом стены, покрытые цветной мозаикой.

На стене напротив было изображено море, и сведущие говорят, что если долго смотреть на него, то можно услышать шум волн, почувствовать запах водорослей и ощутить дуновение соленого ветерка. Наверное, чудятся при этом и голоса белых птиц, парящих в воздухе, плавающих, ныряющих и ловящих в зеленоватой мгле рыбу. А в глубине среди водорослей ползают морские звезды и какие-то другие фантастические существа. И когда в нишах колеблются от неприметного сквозняка язычки светильников, то кажется, что водоросли колышутся, а морские звезды перемещаются с места на место...

А чуть левее, по другую сторону алькова, буйствует весна, в белом цвету стоят деревья, в высокой траве пламенеют яркие цветы. Молодой и сильный охотник, выйдя из зарослей, замахнулся копьем на припавшего к земле перед прыжком тигра. Профессиональный жест. На лице, в позе уверенность. Ясно, что это очень искусный зверолов... А вдали, огибая высокий пологий холм, скачет во весь

опор всадник, преследует газель, которой удалось увернуться от его стрелы, теперь она стремительно уносится в степь...

С некоторого расстояния не видно, что картины эти, во всю стену, набраны из отшлифованных кусочков разноцветных камешков. Смотришь, и начинает казаться, что ощущаешь веяние степного ветерка, пропитанного терпким запахом трав, слышишь стрекот кузнечиков, переключку перепелов и шорох трав под легкими копытами газелей...

Одна картина незаметно переходит в другую. Там многоводная, залитая солнцем река и плывут по ней в большой лодке воины. Четко очерчены их лица. Скорее всего на картине изображены конкретные люди, какие-нибудь предки правителей Мараканды и их приближенных. Судя по выражению их лиц, не на прогулку они отправились и не на охоту, а на войну. На головах у всех шлемы, в руках щиты, вверх торчат пики. На носу лодки стоит предводитель и, заслонившись ладонью от солнца, вглядывается вперед, на нем сверкают доспехи, на боку меч. Белая джига²⁴ над его шлемом из страусового пера свидетельствует о высоком сане. Кто знает, быть может, это сам царь ведет в поход свою дружину. Ведь до покорения Согдианы Персией она была самостоятельным государством, и правили ею могущественные цари, о которых древними поэтами сложено множество дастанов...

Уставшие сидеть поднимались и выходили прогуляться, беседуя, по галерее среди пальм.

И Намич тоже в другое время, пожалуй, покинул бы хоть на полчаса свой трон, чтобы пройти с Набарзаном по галереям дворца, а может, и выйти в сад подышать воздухом, да беседа была у них столь интересной, что не хотелось прерывать ее. Набарзан рассказывал о сражении с македонским войском при Гранике и при этом восхвалял Великого царя Дариявуша, его отвагу, говорил о том, как он искал возможности вступить в единоборство с македонянином Искандаром, решив спор по-рыцарски, победить или погибнуть в честном бою... Он проиграл это сражение лишь потому, что Ахура —

²⁴ Джига — знак отличия.

Мазда отказал ему в покровительстве... Намич слушал внимательно, а сам думал: «Почему же Всемогущий лишил нашего Великого царя своего расположения?.. Разве мы недостаточно ему молимся? Или не делаем жертвоприношений?..»

Негромко и ровно звучал голос Набарзана, однако по тому, как он то сжимал пальцы в кулак, то начинал барабанить по подлокотнику узкими перстнями пальцами, легко было понять, какие переживания он вновь испытывает, повествуя о том, что видел собственными глазами или хорошо знал по рассказам других очевидцев.

Македонянский царь Искандар, погрузив свое войско на небольшую флотилию, переправился через Геллеспонт в самом узком его месте, решив высадиться недалеко от Трои. Искандар стоял на носу флагманского корабля, и, когда они приблизились к азиатскому берегу, он метнул копье, загадав: «Если оно воткнется, то поход будет успешным, если же угодит в камень или скользнет, лишь коснувшись поверхности суши, то, значит, боги к нему не благоволят и придется у них вымаливать удачи, принеся жертвы Зевсу, Афине и Гераклу». Копье глубоко вонзилось в берег Азии.

Копье издревле считалось как в Элладе, так и у народов Азии оружием, которое использовали боги для выражения своего отношения к поступкам людей. Поэтому «завоеванные копьем» земли считались даром богов. Копье, вонзившееся в край империи Ахеменидов, служило для Искандара символом.

Великий царь Дариявуш, который сам «копьем завоевывал» соседние земли и присоединял к своей империи, узнав об этом, страшно разгневался и решил хорошенько проучить незадачливого юношу и его главного полководца Пармениона, который уже далеко не молод и обладает достаточной мудростью, чтобы предостеречь молодого царя от опрометчивых поступков. Рыцарская честь взывала к нему, чтобы он сразился с другим рыцарем. Истинный рыцарь мог отказаться от сражения с вражеской пехотой, с крестьянскими фалангами, ибо такие битвы не предусмотрены кодексом чести. Но уступить поле битвы другому рыцарю, не скрестив с ним оружия, — этого не мог позволить себе не только Великий царь, но и любой из

представителей персидской знати...

Дариявуш решил дать сражение зарвавшемуся Искандару, не впуская его в свою страну далее реки Граника.

Переход от места высадки до Граника у Искандара занял четыре дня. Приблизившись к реке, огибающей город, македоняне увидели на другом берегу блистательный фронт персов. Первый заслон составляли отряды всадников, защищавшие крутой берег реки. За ними расположилась как бы вторая линия обороны, образованная пехотой наемников. Едва приметная усмешка тронула губы Александра, как только он это увидел. Он сразу прикинул, что построение персидской конницы на другой стороне реки крайне неудачно, ибо всадники могут добиваться успеха только наступая, а сейчас река преграждала им путь к атаке и лишала возможности использовать численное превосходство. «Глупцы, они рассчитывают помешать мне переправиться через реку!.. Думают, что смогут сбросить меня с моей агемой²⁵ в воду!..» — подумал Александр и, не мешкая, отдал приказ форсировать реку.

К нему бросился с правого фланга Парменион и, осадив коня, принялся возражать:

— Нельзя бросать в бой усталых воинов!

— Я знаю, что делаю! Прошу тебя, Парменион, не мешай мне!..

— Начало сражения лучше перенести на утро! Надо обдумать тактику...

— На обдумывание у меня нет времени. До утра враг может перестроить боевые порядки.

Александр придерживался железного принципа: нападать на врага тогда, когда он меньше всего этого ожидает. Персы были поражены и даже несколько растеряны, когда македонский царь, стройный юноша в сверкающем панцире — его они давно узнали по белым перьям на шлеме, — без промедления повел войско в реку, чтобы, форсировав ее, вступить в битву.

Чтобы отвлечь противника, Искандар послал против его левого фланга гипотоксотов — легкую кавалерию. Неприятель энергично

²⁵ Агема — конная гвардия, отряд царских телохранителей.

отражал атаки македонян. Гипотоксоты, вооруженные луками и стрелами, понесли большие потери и были отброшены. Тогда сам Александр во главе гетайров²⁶, в сопровождении легкой пехоты вступил в бой. Он перешел через реку и попытался вклиниться между центром и левым флангом врага.

Этого как раз и ожидал Дариявуш. Он устремился македонскому царю навстречу. Не только он, но и другие всадники, самые сильные и ловкие, искали единоборства с Александром. Его смерть означала бы окончание войны. А владелец меча, которым алчущий чужих владений злодей будет убит, прославился бы во всей империи...

Александр оказался в окружении вражеских воинов и едва успевал отражать удары. У него сломалось копьё. Один из персидских всадников разрубил на нем шлем, а другой уже замахнулся сзади, чтобы снести голову. Но тут Клит бросился между царем и персом и мощным ударом отсек занесенную над Александром руку.

Между сражающимися всадниками протиснулись увертливые аконтисты, легковооруженные македонские пехотинцы, и стали дротиками наносить удары снизу по всадникам и лошадям, вопреки всяким «рыцарским кодексам»...

Упорные атаки македонян сломили сопротивление персов. На помощь гетайрам, вклинившимся в их оборону, успела тем временем переправиться через реку и остальная кавалерия. Разгоряченные боем предводители персов не останавливались перед опасностью, предпочитая смерть в бою позору поражения, и падали, сраженные, один за другим. Лишившиеся сахибкиронов²⁷ всадники обратились в бегство...

Набарзан умолк. Надолго затянулась пауза. Намич сделал знак музыкантам. Тихий гул голосов тех, кто оставался в зале, продолжал беседу, отхлебывая время от времени мусаллас и заедая абрикосами с бархатистой тончайшей шкуркой, что лопаются под пальцами и истекают соком, потонул в приятной негромкой музыке.

— А все считали, что Мемнон предан нашей империи и надеялись на его полководческий дар... — вздохнув, заметил Намич.

²⁶ Гетайры — конное ополчение македонской знати, тяжеловооруженная конница.

²⁷ Сахибкирон — военачальник.

— Он же грек... Как волка ни корми, он все в лес смотрит, — ответил Набарзан, и по тону его можно было судить, с какой неприязнью он относится к Мемнону, который многие годы верой и правдой служил Ахеменидам и даже семью отправил в Персеполь в качестве заложников, но даже это не уменьшило недоверия к нему персидских сановников.

— Однако Искандар не грек, а македонец, и не всегда ладил с соседствующими с ним эллинами, — счел нужным сказать Намич, интуитивно чувствуя, что в поражении при Гранике немалую роль сыграли кичливость сановных персидских военачальников и их высокомерное отношение к опытному стратегу Мемнону...

— Мемнон предлагал уступать македонскому царю без боя территорию за территорией!.. Но могли ли сатрапы Пафлагонии, Каппадокии, Киликии, Сирии, правители Эфеса, Милета, Келонов, Фригии, расположенных у западных окраин империи, допустить, чтобы их земли, подданные и имущество были принесены в жертву? Рыцарская честь не позволила бы им проявить такую трусость! Они объявили Мемнона предателем. И несдобровать бы греку, если бы сам Великий царь не вступился за него...

Спитамен, улучив удобный момент, подошел к Хомуку, предводителю массагетов, которые принимали участие в сражении при Гранике. Хомук прибыл в составе свиты Набарзана. Спитамену хотелось от него узнать о подробностях того сражения. Он поздоровался с ним и предложил прогуляться по саду, полюбоваться фонтанами, извергающими серебристые каскады воды, и плавающими в прудах белыми лебедями.

Хомук кивнул. Ему тоже давно хотелось поговорить с этим высоким широкоплечим согдийцем, который держится в стороне от шумных компаний, редко с кем вступает в беседу и слывет высокомерным. Он строен, голову держит высоко, что и придает ему несколько надменный вид. Однако одет он много проще других. На нем халат из грубого коричневого сукна, отороченный по краям белым шелком. Туго стянутый широкий пояс подчеркивает спортивную выправку. Впереди кинжал в роговых ножнах. Длинные

волнистые волосы перетянуты коричневым скрученным шнуром, обмотанным вокруг головы, однако одна из прядей то и дело падает ему на правую бровь, и он резким движением отбрасывает ее назад. Его смуглое, загорелое до кофейного цвета лицо обрамляет небольшая борода, тонкие усы аккуратно подстрижены. Беседуя с вами, он не смотрит на вас, однако от его внимания не ускользнет ни один из ваших жестов. Медленно вышагивая рядом с вами и тихо беседуя, он даже хорошо знает, что делается у него за спиной. Это качество свойственно охотникам...

Вступив с Хомуком в густую тень сада, Спитамен заметил, что вслед за ними по ступеням террасы спустились во двор Оксиарт и Хориён. И разговаривали они при этом о Спитамене; он ощутил на затылке их взгляды, однако не обернулся, увлек Хомука в боковую аллею, чтобы никто не помешал их беседе.

Хомук молчал. Спитамен его пригласил, ему и начинать разговор.

— Как же так случилось?.. — проговорил Спитамен. — С такой великой армией... и проиграть сражение!.. Невероятно...

Хомук молчал. Под их подошвами шуршал песок. Из кустов высунула голову на тонкой шее лань, выпрашивая лакомства. Спитамен грубовато отпихнул ее: «Не до тебя!..»

— Почему бы Великому царю заранее было нас не собрать под свое знамя? Разве ему неизвестно, как искусно согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и дахи владеют оружием?..

— Вы же сами сказали: «...С великой армией...» — усмехнулся Хомук. — Это правда. Под знаменем Великого царя было более десяти тысяч воинов. И еще столько же греческих наемников... Но македонский царь не человек, а дьявол. С ним можно воевать не числом, а умением. Но можно ли победить?.. — Хомук, помолчав, пожал плечами.

— Великий царь Дариявуш до сей поры умел хорошо воевать. Да и командовавший греческими наемниками Мемнон прославился доблестью и верностью...

Хомук с силой ударил кулаком о ладонь и, скрипнув зубами, сказал в сердцах:

— Вся беда в том, что накануне сражения возникли распри между

Мемноном и персидской знатю. Грек был осведомлен о превосходной выучке и вооружении македонских всадников. Поэтому он отговаривал Великого царя от открытого сражения, а рекомендовал прибегнуть к стратегии, которой пользуются скифы: избегать встреч с македонским войском и, отступая, уничтожать все запасы. Врагу пришлось бы делать большие переходы, не имея снабжения, у него быстро истощились бы силы... А сам Мемнон хотел пересадить свое войско на корабли, занять острова и лишить армию Искандара поддержки с материка. Так он хотел заставить его отступить...

— И что же? Превосходный план! — воскликнул Спитамен, восхищенный простотой и гениальностью предложенной греком тактики.

Но никогда ее не предложил бы перс. Ибо открыть путь врагу, да к тому же уничтожить собственные поселения, сжигать запасы хлеба, фуража, угонять неизвестно куда скот, тысячные табуны, стада, среди которых начнутся болезни и падеж, если на пути не встретится стоящих пастбищ! Нет, это было равносильно краху, потере всего того, что наживалось многими поколениями. Поэтому для персов этот план был совершенно неприемлем, пока существовала хоть малейшая надежда найти другой выход. А во все времена любой воин, от полководца до пехотинца, всегда надеялся на успех в битве, на победу.

И еще вдобавок ко всему, прибегнув к такой тактике, пришлось бы пренебречь рыцарской честью, которая не позволяет рыцарю уклоняться от сражения с другим рыцарем...

— О, это было нечто страшное, — вспоминал Хомук о битве. — Сначала нам сопутствовал успех и мы, опьяненные близкой победой, слишком близко подошли к врагу, вместо того чтобы держать их на выгодной дистанции, на которой мы доставали их нашими длинными копьями, а сами оставались вне опасности. А когда мы сошлись вплотную, оружие македонян оказалось более действенным. Мы отбросили теперь уже бесполезные копья и схватились за кривые сабли, но ими не так — то просто было достать врагов, вооруженных дротиками. Македоняне пустили в ход это свое страшное оружие. Не

подпуская наших воинов к себе близко, они кололи их в незащищенные лица... Слишком много наших воинов полегло на том бранном поле... Искандар взял в плен две тысячи греческих воинов. Он заковал их в кандалы и отправил на каторжные работы в Македонию...

— Здоров ли царь царей? Не задела ли его вражья стрела или сабля?

— Да хранит его Ахура — Мазда от всех бед, ему удалось благополучно покинуть этот ад в окружении верных телохранителей. Теперь он собирает новое войско. Набарзана послал в Мараканду, чтобы он поторопил Намича с ополчением...

— Наше войско готово. Только мы намеревались отправиться к Гранику...

— Великий царь нынче пополняет войско в Вавилоне.

Свернув в боковую аллею, они увидели идущих им навстречу Оксиарта и Хориёна и умолкли. Те, кто привык внимать сообщениям лишь об успехах Великого царя Дариявуша, восторгаться его блистательными победами, само обсуждение предводителями родов страшного поражения при Гранике могло быть истолковано превратно. Все в своем кругу только об этом и толкуют, но стоит появиться постороннему, тотчас переводят разговор на другое. Нынче площади городов и многолюдные улицы кишат людьми, обладающими способностью принимать любой облик — мелкого торговца, дервиша, нищего, иностранного купца. Они — глаза и уши самого Дариявуша и многочисленных представителей его династии. Еще никто не знает, чем чреваты такие разговоры. Однако прошли слухи, что двоих-троих иноземцев схватили и бросили в зиндан — якобы за то, что сеют панику среди согдийцев.

Хориён и Оксиарт подошли, поздоровались. По их глазам Спитамен понял, что они вели беседу о том же, что и он с Хомуком, и им тоже не терпится узнать подробности. Однако ждал, пока они заговорят на интересующую тему сами. Хомук изучающе разглядывал их, потом, словно бросив головню в солому, сказал:

— Готово ли, почтенные, ваше войско, чтобы выступить на помощь Великому царю?

Хориён и Оксиарт переглянулись, затем первый сказал:

— Стоит нам покинуть наше родовое поместье, как мы не только останемся без единого табуна, но будут разграблены наши замки! На прошлой неделе у меня угнали целый табун лошадей. Я с моими воинами с трудом настиг злоумышленников, которые оказали сопротивление, всех их пришлось прикончить. У меня из-за них началась вражда с соседним племенем. Посудите сами, могу ли я при таких обстоятельствах бросить все и отправиться на край земли?..

— У каждого есть заботы, — сказал Хомук, опуская глаза. — Но существуют еще и интересы империи.

— Может, и так, — согласился Хориён. — Но много ли будет от меня проку, если я сам буду там, а сердце и мысли здесь?.. И смогу ли я защищать империю, если моей семье не гарантируется безопасность?

После некоторой заминки в беседу вступил Оксиарт:

— Скажите, уважаемый сахибкирон, это правда, что македонский царь провозгласил себя национальным освободителем, спасителем от персидского ига?

Хомук усмехнулся и довольно долго молчал, прежде чем сказать:

— В греческих городах, изгнав оттуда персов, он ликвидировал сатрапии и объявил их свободными государствами, с собственным правлением и народным судом. Но очень сомневаюсь, что он поступит так же, заняв персидские города.

— Согдиана — не Персия, — сказал Оксиарт, и все посмотрели на него, ибо в его короткой фразе был большой намек. Она прозвучала, как: «А не пора ли нам сбросить персидский гнет, вместо того чтобы спешить на помощь к Дариявушу?..»

На что Спитамен заметил:

— Вы правы, уважаемый Оксиарт, Согдиана есть Согдиана. Однако мало что в нашей жизни изменится, если место Великого царя Дариявуша займет другой царь по имени Искандар.

Оксиарт смотрел ему прямо в глаза, думая: «Ну и пусть две дерущиеся собаки рвут друг друга на части. У них в этой схватке иссякнут силы, и мы не пустим к себе ни ту ни другую!» — но не рискнул произнести это вслух. Спитамен, однако, понял, о чем он

думает, и, не отводя пронзительного взгляда, продолжил:

— Если мы не поможем Дариявушу, Искандар легко справится с ним и придет сюда. И вряд ли он проделает такой путь лишь для того, чтобы объявить нас хозяевами нашей земли...

— Если он заставит нас платить ему дань, то какая нам разница, кому ее платить? — сказал Хориён. — По крайней мере нам не придется подвергать опасности ни собственную жизнь, ни жизнь наших воинов, у которых тоже есть семьи, земля, которая требует ухода, и скот, который нельзя оставлять без присмотра...

— Если все будут думать так, то некому будет защищать Согдиану! — в сердцах воскликнул Спитамен.

— Не горячитесь, друг мой, и говорите потише, — негромко произнес Хомук, слегка прикоснувшись к его локтю. — У меня складывается впечатление, что из всех согдийских предводителей вы один рветесь в бой...

— Он молод и горяч, — заметил Хориён с улыбкой. — Я в его возрасте тоже был таким.

— Да, если сегодня Намич объявит сбор войска, я первым приведу своих воинов в Мараканду!

— Однако он не спешит этого делать, — продолжал Хориён с той же двусмысленной улыбкой. — Задаёт гостям пир, а о главном молчок...

— Скажет. Время еще есть, — сказал Спитамен.

— Разве разносят мусаллас перед тем как вести серьезный разговор? — сказал Хориён. — А гости правителя уже навеселе. Либо Намич вовсе не намерен собирать войско, либо скажет, с каким поручением пожаловал посол Дариявуша, лишь для того, чтобы не ущемить самолюбия Набарзана...

В это время с дворцовой террасы донесся тягучий и громкий голос глашатая, который призывал прогуливающихся по аллеям сада вернуться в зал.

Посреди зала на квадратном мраморном возвышении полыхало, как голубой цветок, пламя, лепестки которого вытягивались и опадали, колебались от сквозняка и приплясывали, и над ними отсутствовали даже признаки дыма. Скорее всего это горел спирт,

налитый в небольшое углубление. В зале царила тишина. Над костром стоял, воздев руки, жрец Вагинпат. Губы его шевелились, он шептал молитву. На нем был алый балдахин, и подсвеченное лицо его тоже казалось медно-красным. Вот одна рука его зависла над пламенем, и из нее посыпался порошок из растертого барасмана²⁸, множество мелких звездочек вспыхивали и гасли, разлетались по сторонам, и помещение постепенно наполнилось пряным ароматом. И Вагинпат стал нараспев читать притчи из Авесты, не сводя глаз с огня, будто в языках его и искрах видел строки из Священной книги.

Пламя костра постепенно уменьшалось, слабело, и все тише становился голос жреца. И когда последний язычок огня взвился перед тем, как погаснуть, Вагинпат устремил глаза кверху, словно бы следя за его полетом, и, умолкнув, плавно опустил руки, уронил на грудь голову и замер...

Только после этого началась основная часть торжественного приема.

Послы из разных земель и городов поочередно подходили к правителю, степенно раскланивались, желая ему здоровья и благополучия, а помощники по их знаку преподносили подарки и складывали у подножья трона. После того, как Намич выслушивал их просьбу, а главный везир записывал, они отходили в сторону. На этот раз их оказалось семеро. После того, как они заняли отведенные им места за дастарханом, везир левой руки представил правителю молодого сановника, недавно получившего должность во дворце и приглашенного на пир впервые. Представляя, он пояснил, чей это сын и чей это внук. Молодой сановник, сверкающий по такому торжественному случаю алмазами, рубинами, топазами, пообещал служить верно, старательно и всегда быть справедливым по отношению к подчиненным, а правитель пожелал ему быть похожим на своих предков и достойным продолжателем их дела, после чего протянул руку, унизанную перстнями, для поцелуя...

Наступил срок, когда Намич должен был сказать, во имя чего он собрал у себя сегодня предводителей родов, вождей племен,

²⁸ Барасман — душистая трава, применявшаяся для окуривания.

правителей городов Согдианы и ее окраин. Хотя все уже знали, для чего прибыл в Мараканду Набарзан, ждали его слова. Наступила тишина. Однако Намич подождал еще минуту-другую, давая присутствующим возможность осознать важность момента и, обменявшись взглядом с послем Великого царя, произнес негромким, севшим от волнения голосом:

— После того, как великий Вагинпат освятил огнем и молитвой стены сии и воздух, и каждое наше слово, воспарив с дымом и слившись с духом огня, достигло слуха Митры и Ахура — Мазды, я могу сообщить вам, уважаемые гости, что наступили трудные времена для нашей империи и Великий царь — да здравствует он во веки веков! — просит нас с вами о помощи...

Намич говорил о македонском царе, который по наущению Анхры — Майнью вторгся в пределы персидского государства, границы которого очерчены самим Ахура — Маздой и потому священны и неприкосновенны. Тучный Набарзан, развалясь в кресле, вслушивался в его слова и одобрительно кивал.

— Год назад, когда обнаглевший македонский царь лишь угрожал копьём из-за Геллеспонта, великий Дариявуш приглашал к пограничной реке Гранику рыцарей, желающих поразвлечься в стычках с отдельными отрядами македонян, а заодно проверить себя. С тех пор изменилось многое. Молодому македонскому царю, видать по всему, покровительствуют их боги... Давайте же и мы с вами соберем воинство, попросим помощи у Ахура — Мазды и Митры, ублажив их достойными жертвоприношениями, и покажем зарвавшемуся Искандару превосходство нашего оружия. Великим Дариявушем обещаны поистине царские награды тому, кто проявит в сражении с врагом рыцарскую доблесть...

После правителя Мараканды выступило несколько предводителей именитых согдийских родов. Некоторые призывали немедленно выступить на помощь Великому царю, другие предлагали сначала собрать с полей урожай, а в садах фрукты, обеспечить скот кормами на зиму и лишь после этого отправиться в поход, который вряд ли продлится более нескольких месяцев; к следующему лету, если будет угодно Ахура — Мазде, они возвратятся домой и вновь смогут

заняться хозяйством.

Намич умел вести политику так, чтобы не ущемлять чьего — либо самолюбия. Он сказал, что те, кому в жизни недостает лишь славы, могут завтра же надевать доспехи и отправляться в Вавилон, где их ждет Великий царь; те же, чьи руки более привычны к сохе, серпу и коруку, пусть занимаются своим делом. Только пусть те и другие будут щедрыми, когда придет пора делиться друг с другом: один — славой, другой — хлебом...

По знаку Намича виночерпии снова стали разливать вино, а слуги — заставляя дастарханы яствами. Громыхнул бубен, зазвенели дутары, запели флейты, грянула ритмичная музыка. Всколыхнулись в дверях между двумя альковами портьеры, и из-за них появились одна за другой, как появляются вечерние звезды, юные полуобнаженные красавицы, плавно ступая в такт музыке. Они сошлись вокруг мраморного возвышения, где недавно горел костер, и вновь там взмыли голубые языки пламени, и девушки расступились, танцуя; по их изгибающимся рукам, плоским животам, округлым бедрам, нежным лицам скользили теплые блики огня, и чудилось, что не танцовщицы вовсе демонстрируют свое искусство, а извиваются и колышутся ожившие языки пламени. Их танец длился, пока горел костер. Последний сполох озарил танцовщиц и угас, и никто не заметил, как они исчезли за портьерой...

И сразу музыка сделалась тише, мелодичнее и послышался, как бы вплетаясь в нее, чарующий голос известного в Мараканде певца. Он пел старинную песню об Афросиабе, о его человеколюбии и подвигах во имя благоденствия Родины. Песня эта была любима в народе, и ее всегда слушали, замерев, затаив дыхание. Вот и сейчас кто сидел прямо, прислонясь затылком к стене и полуприкрыв глаза, а кто внимал голосу певца полулежа, облокотясь о горку подушек, а кто, держа в руках чашу с мусалласом, не успев допить и забыв про него...

Когда песня кончилась, вновь все оживились, завозились, усаживаясь поудобнее, так, чтобы была получше видна середина зала. Ибо там появился приглашенный из далекой Индии маг. Он вынул из-под черного балахона фарфоровую чашу. Ему подали небольшой

факел. Маг поднес огонь к чаше, и над ней возникло пламя. Он отбросил факел, который был пойман помощником на лету, и поднес чашу близко к лицу, рискуя опалить бороду и усы. Запрокинув голову, он широко открыл рот и влил в него струю огня...

Гул прокатился по залу. Но будто этого было мало, маг дунул — и изо рта его вылетел радужный светящийся шар, плавно взмыл к потолку, повергая в изумление собравшихся...

Некоторые, не удержавшись, вскакивали с места, подходили ближе, следя за манипуляциями мага, дивились творимым им чудесам, то и дело восклицая: «Ну и ну!..»

— Черт знает что вытворяет этот колдун из Индии!.. — услышал Спитамен и обернулся.

Рядом с ним стоял, шумно дыша, тучный Набарзан. Широкий пояс с золотыми бляхами едва охватывал его живот, не давая расползаться полам златотканого халата. Набарзан кивнул ему, как близкому знакомому, хотя виделись они всего единожды у сатрапа Бактрии Бесса, когда Спитамен ездил туда к нему, чтобы сказать, что его подданные, живущие близ границы Согдианы, слишком часто стали совершать разбойные набеги на летние кочевья согдийцев и угонять их скот. Тому минуло года три. Набарзан и тогда был дороден, а теперь стал совсем толстый, лицо лоснилось от жира, подбородок с редкими щетинками тонет в складках. Спитамен ответил на приветствие и справился о здоровье. Тот поблагодарил кивком и выставил короткую руку, чтобы упереться в деревянную, покрытую резьбой колонну, и сказал:

— По пути сюда я был у Бесса. Он давно собрал войско и дожидался тебя.

— Разве он без меня не знает дороги? — усмехнулся Спитамен.

— Быть может, и ты относишься к тем, кто хочет сначала собрать урожай?.. Глядите, как бы ваши закрома не стали добычей Искандара!

— Мой урожай — моя забота, — сказал Спитамен. — А кони у нас тоже оседланы, оружие всегда наготове.

— Тогда почему же Бесс тобой недоволен?

Спитамен внимательно посмотрел на Набарзана, пытаясь угадать, что кроется за его словами, ибо люди, подобные ему, сказав три

слова, двадцать три держат в уме. И в Согдиане, и в Бактрии, и в Хорезме, во всей восточной части империи известно, что Бесс — любимец и правая рука Дариявуша. Оказаться у него в немилости — все равно, что попасть в опалу у самого Великого царя.

— Не знаю, чем я не угодил почтенному Бессу, — обронил Спитамен.

— Насколько мне известно, ты не откликнулся на его послание, где он велит тебе поторопиться.

«Пусть он повелевает у себя в Бактрии! — подумал Спитамен. — А у нас хватит и одного сатрапа Намича. И чего сует нос в дела Согдианы?..» Усмехнулся краем рта и сказал:

— А молчание разве не ответ?

Набарзан несколько мгновений испытующе смотрел ему в глаза. В его редкой встопорщенной бородке застряло несколько крупинок риса.

— Ответ, и довольно красноречивый, — согласился он. — Очевидно, Бесс ждал не такого ответа.

Надменный Бесс к месту и не к месту — ироничным ли замечанием при упоминании имени Намича, плоской ли шуткой в его адрес, а иногда и просто так, ни с того ни с сего — любит подчеркивать свое пренебрежительное отношение к правителю Мараканды, старается все делать для того, чтобы окружающие знали, что он по родственной линии ближе к Дариявушу, нежели сатрап Согдианы, наверно, считая, что это дает ему право распространять собственное влияние на вождей соседних Бактрии согдийских племен и старейшин родов... Не поймет никак хитрая бестия Бесс, что согдийцы испытывают одинаковую неприязнь ко всем Ахеменидам. Вот и сегодня, несмотря на специальное приглашение, посланное за много дней вперед, Бесс отсутствует на этом пиру...

— А какого же ответа ждет Бесс? — спросил Спитамен.

— Он относится к тебе с большим почтением. Считает, что в схватке с двурогим царем македонян он может стать правой рукой Великого Дариявуша, а ты левой.

Спитамен опять усмехнулся, подумав, что Искандар нацелил свои рога в бок великой империи Ахеменидов и Великий царь наскоро

сооружает щит, о который македонский бык разбил бы себе лоб... А если вникнуть, сцепились два дракона. Разве скажешь, какой дракон лучше, а какой хуже. Дракон — он и есть дракон...

Согдийцам давно известна жадность Дариявуша. Немало он попил их крови, пока утверждал тут свою власть, назначал сатрапами своих родственников, а теперь все лучшее, что производят согдийцы — сафьян, ткани из хлопка и шерсти, глиняную посуду, украшения из золота и серебра, седла, сбрую, — и то, что они выращивают на земле, рекой течет в Персию. А Дариявушу все мало и мало. Теперь подавай ему еще и сыновей согдийских, чтобы он бросил их в алчную пасть македонского дракона.

Слишком затянулось молчание гордого согдийца. Раздраженный этим, Набарзан, желая дать понять, что не нуждается ни в каком ответе, ни в положительном, ни в отрицательном, оттолкнулся рукой от колонны и, грузно развернувшись, направился к беседующим возле алькова, где сидели на сури музыканты, Оксиарту и Хориёну.

Настроение у Спитамена было испорчено. Он смотрел на мага и толком не видел, чем это так бурно восторгаются присутствующие, а музыка уже не дарила душе его покоя. Постояв еще немного, он выбрался из толпы и направился к Намичу, удобно расположившемуся на троне. Приблизившись, отвесил поклон, коснулся губами тыльной стороны своей руки и, сделав ею плавное движение в сторону правителя, попросил соизволения обратиться.

— Слушаю тебя, верный Спитамен, — сказал Намич.

— Заранее прошу простить меня, если в столь прекрасный вечер слова мои покажутся облаком, омрачающим его, — сказал Спитамен, прижав правую руку к груди.

Намич приветливо улыбнулся.

— На этом дастархане мы видим много всяких яств, и сладких, и кислых, и горьких. Слова тоже имеют не одинаковый вкус, однако без них в беседе не обойтись.

— Даже не знаю, с чего начать, дабы не испортить вашего настроения...

— Настроение — то же, что смена погоды. Как лучи Солнца, пронзив тучи, разгоняют их, так и слова, сказанные к месту, изгоняют

мрак из души собеседника.

— Боюсь, слова мои не так лучезарны, как руки Митры... Я уже приготовился выступить по зову Великого царя к Гранику, но черная весть о нашем поражении вынудила меня повременить с этим...

— Разве подобная весть — не сигнал к тому, чтобы поторопиться? — перебил Спитамена Намич, высоко подняв полукруглые брови.

— А кто защитит Согдиану, когда македонский царь придет сюда?

— Тьфу, тьфу, тьфу, типун тебе на язык! — замахал рукой Намич. — Потому и нужно убить дракона там, чтобы он не приполз сюда! Войско Дариявуша — это необозримое море, а войско Искандара Зулкарнайна — всего лишь небольшое озеро. И море поглотит это озеро.

— И небольшое озеро способно в бурю затапливать берега, повелитель.

— Наш берег далек. Пока волна докатится до нас, она уйдет в песок.

Спитамен, опустив глаза, проговорил смущенно, будто ему было неловко признаваться в этом:

— Из-под Граника вернулись мои люди. И все как один говорят, что среди военачальников Великого царя нет единства. По их наущению отстранен от руководства обороной во многих битвах испытанный Мемнон. Так Дариявуш отблагодарил этого грека за преданность. Ахура — Мазда не одобрил поступка царя. Дариявуш проиграл битву, несмотря на то, что собрал у Граника немалые силы. Туда прибыли со своим войском сатрапы Геллеспонтской Фригии и Великой Фригии, Лидии и Ионии, Каппадокии и Киликии. И все они разлетелись, словно мухи от взмаха коровьего хвоста. Великому царю никогда больше не собрать такого войска... Он зовет нас нынче в Вавилон. Но пока мы туда придем, там уже будет Искандар Зулкарнайн. Он следует по пятам Дариявуша, опозорившего себя бегством с поля битвы...

— И стены имеют уши, мой друг, не произноси таких слов громко.

— Знаю, Мараканда наводнена доносчиками Дариявуша. Но всюду уже шныряют лазутчики македонянина Искандара. Не признак ли это того, что он вознамерился прийти сюда?

— С горсткой — то воинов?.. — засмеялся Намич.

— С горсткой, но какой! Каждый из его воинов проходил специальное обучение. Залог успеха Искандара в умении в кратчайший срок преодолевать большие пространства, наносить молниеносные удары. Только таким путем он имеет возможность добывать необходимый провиант и золото. А наш Великий царь слишком медлителен, и его огромное войско неповоротливо...

— Что же ты предлагаешь, хитроумный Спитамен? — спросил Намич, не сводя с него пронизывающего взгляда, сделавшегося вдруг суровым и холодным.

— Саблю ломает более прочная сабля, в скачках обгоняет тот конь, что выносливее. Пока дракон доползет сюда, мы должны обучить свое войско. А сейчас руки моих воинов более привычны к серпу, нежели к мечу. Их могут легко одолеть обученные воины Искандара. Я знаю это и не возьму на себя греха...

— А Бесс, мне сообщили, уже выступил, — тихо заметил Намич, отводя глаза.

— Бесс всегда подчеркивал свою близость к Великому царю, — сказал Спитамен, решив сыграть на самолюбии Намича. — Вряд ли он мог поступить иначе.

— Я тоже из Ахеменидов, — счел нужным заметить правитель, и Спитамен понял, что стрела его попала в цель. — А Согдиана — часть Ахеменидской империи. Великий царь в конце концов поймет, что главная опора его — Согдиана, а не Бактрия. Ты, наверное, прав, не резон нам приносить в жертву дракону наших необученных воинов. Однако мне над твоими словами надо подумать, хитроумный Спитамен.

Спитамен опустил глаза, чтобы блеск их не выдал его ликования. Намич и сам хитер и коварен, хоть и называет его «хитроумным». Конечно же, он блюдет свои интересы. Он знает: бактрийское войско обучено не лучше, чем согдийское, и надеется, что Бесс из первого сражения выйдет изрядно потрепанным и обессиленным и тогда

Намич станет диктовать ему свои условия и докажет, что он еще более знатный Ахеменид. Кто сильнее, тот и ближе к Великому царю. Как бы тот и другой еще не стали искать убежища в Согдиане, спасаясь от македонского дракона...

Намич улыбнулся своим мыслям и промолвил:

— Займись, Спитамен, войском. Научи каждого из воинов тому, что умеешь сам. Если дракон все же приползет, он должен сломать свои зубы о согдийские крепости. Но... — Намич поднес к губам указательный палец: — ...Набарзану об этом ни слова.

Спитамен развел руками. И после паузы признался:

— Меня тревожит другое.

— Говори, — разрешил Намич.

— На вашем пиру присутствуют правители многих приграничных городов, вожди племен. Вы обратили внимание, сколь безмятежны их лица? Я не заметил на них ни малейшей обеспокоенности...

— Здесь присутствуют Датафарн, Хориён, Катан, Хомук, Оксиарт, я поговорю с ними.

— А известно ли вам что-нибудь о намерениях Шаха Хорезма Фарасмана? Он наш северный сосед, и если дракон доползет до нас, то наши беды не минуют и его. Силы у Хорезма значительные, но их нужно собрать в хороший кулак...

— Я свяжусь с Фарасманом, который тоже приглашен на пир. Согдиана и Хорезм исстари служили друг другу опорой в черные дни. С ним мы договоримся.

Спитамен заметил, что по краю зала вразвалку, слегка пошатываясь и придерживаясь рукой за колонны, идет Набарзан. Лицо его после выпитого стало багровым, взгляд подозрительным и придиричивым. Он отвесил правителю поклон и направился к тому месту, где сидели за дастарханом Оксиарт и Хориён, вновь принявшие за трапезу и мусаллас, развязавший им языки. Они разговаривали о чем-то веселом и громко хохотали. Спитамен опустился с ними рядом и взял с дастархана пустую чашу. Появившийся за его спиной черный раб с глиняным кувшином налил ему янтарного мусалласу. Оксиарт придвинул блюдо с румяными кусками мяса, обжаренного на углях, с прилипшей кой-где золой,

пропитавшейся жиром. Спитамен медленно, наслаждаясь сладостью и ароматом, выцедил мусаллас, отрезал себе жирный кусок горячего мяса с ребрышком. Остальные тоже последовали его примеру, осушили чаши, положили на хлеб кебаб и стали есть, не прерывая плавной беседы, текущей на пирах весело и складно.

Спитамен вдруг заметил, что сидящие рядом перестали жевать, смотрят куда-то в сторону и тоже обратил взор туда. В проеме двери задержалась, взявшись за косяк, юная девушка в белом платье. Хотя лицо ее было прикрыто до глаз, сквозь тончайший шелк просвечивали ее алые губы и тонкий прямой нос. Черные как смоль волосы уложены на голове в узел и переплетены тончайшими нитями белого и розового жемчуга, а на светлом лбу полумесяц, усыпанный алмазами. Широкий рукав соскользнул к локтю, оголив руку, которой она держалась за косяк, на ней сверкали браслеты, словно предназначением их было ослеплять всякого, кто ею залюбуется, предохраняя от сглаза. Это была Торана. В сопровождении четырех рабынь она царственной походкой проследовала к своему креслу и села, поставив ноги в маленьких, расшитых бисером, башмаках на бордовую бархатную подушку. Рабыни расположились на ковре у ее ног.

И все, у кого был налит мусаллас, поставили чаши на дастархан, не допив. Прекратились разговоры между подвыпившими сановниками, и, пока они выбирали новое направление для беседы, в зале некоторое время царила тишина.

Спитамену вспомнились слова старого скитальца с ликом святого, встреченного им недавно на охоте, будто некий художник, увидев невзначай эту особу, потерял из-за нее голову. «Видать, и вправду чувствительно к красоте сердце художника...»

Оксиарт заметил, что Спитамен не отводит от принцессы взгляда дольше, чем позволяет приличие, медленно допил мусаллас, утер усы и тихо промолвил:

— Не забывайте, воин, по глазам легко читаются мысли.

— А принцесса и впрямь хороша, да продлит Ахура — Мазда ее годы.

— Увы, красота не всегда бывает источником радости. Гораздо

чаще она приносит страдания.

— Кто любит, тот готов пройти через тридцать три страдания, чтобы обрести счастье, — улыбнулся Спитамен.

— Говорят, некий молодой художник угодил в темницу из-за любви к принцессе. И вряд ли его страдания увенчаются радостью, — сказал Оксиарт, вздохнув.

— Художник? — переспросил Спитамен и поставил обратно чашу с мусалласом, которую взял было в руки. — Что за художник?

— Явился, рассказывают, к Намичу молодой художник и предложил украсить фресками стены новых помещений во дворце. Чтобы проверить, на что тот способен, правитель поручил ему разрисовать одну из комнат... И сколь же велико было его изумление, когда он спустя несколько дней увидел на стене едущую на белом слоне свою дочь. «Знаешь ли ты, кто это? — спросил Намич и возмутился, когда художник кивнул в ответ. — И как ты, простолудин, осмелился взглянуть на нее?!...»

«Ахура — Мазде было угодно, чтобы она привиделась мне во сне. Он и водил моей рукой, когда я рисовал принцессу», — ответил художник.

«Сколько ты просишь за свою работу? Получай плату и убирайся!»

«Во сколько же сам правитель, знающий толк в искусстве, может оценить то, что он видит здесь?» — спросил хитроумный художник.

«Это бесценно, — сказал, помолчав, Намич, не отрывая глаз от фрески. — Проси, сколько хочешь, я не поспекуплюсь».

«Не надо мне ни золота, ни драгоценностей...»

«Чего же ты хочешь?» — сурово посмотрел на него Намич.

«Я хочу ее получить в жены», — кивнул художник на изображение девушки.

— Отважный джигит, коль осмелился это сказать, — усмехнулся Спитамен, с вниманием слушавший рассказ Оксиарта.

Взбешенный Намич тут же вызвал стражу и велел бросить беднягу в темницу.

— И поделом, — заметил молчаливый до сих пор Катан. — Наглость должна быть наказуема. Как говорится, по одежке

протягивают ножки.

— Любовь не одежда. Она приходит и к шаху, и к нищему, не спрашивая соизволения, — резко проговорил Спитамен, сурово сомкнув брови. — Тот же, кого она ни разу в жизни не посетила, достоин сочувствия...

— Не родственником ли этот художник тебе доводится? — спросил, тихо засмеявшись, Оксиарт, желая свести все к шутке, чтобы за дастарханом не возникла ненароком ссора: ведь из-за малых пустяков — неосторожно брошенного слова, интонации, показавшейся кому-то непочтительной, — порой разгораются скандалы.

— Это чувство даровано нам всевышним, однако по вине самих людей оно часто превращается во зло. Не дремлет Анхра — Майнью и творит свое недоброе дело. Именно так, — гнул свое Спитамен, ему было жаль несчастного художника, который сейчас томится в сыром подземелье, стены которого облеплены мокрицами, из-за этой красавицы, а она об этом даже и не подозревает.

— Не знаю ни одного, кому любовь принесла бы счастье, — настаивал на своем и Катан. — Потому те, кто прошел через это и умудрен опытом, всячески стараются оградить собственных детей от такой напасти, дабы не обливались они потом горючими слезами...

— Э-э, ты не прав, дружище, — вступил в разговор мудрый Хориён и коротко засмеялся: — Ребенок при рождении плачет, словно недовольный своим явлением на свет. Но потом человек так привыкает к жизни, что, состарившись, опять плачет: ведь придется покидать белый свет, хотя и в потустороннем мире его ждут еще большие блага...

Слова Хориёна заставили всех улыбнуться и задуматься. Поистине, человеку трудно угодить.

Уже было далеко за полночь. Во многих светильниках выгорело масло, пламя на них опало, и они стали светить тусклее. Однако все было рассчитано так, что они окончательно погаснут, когда начнет светлеть небо и Митра брызнет из-за заалевшего горизонта первыми лучами. Не переставая играла музыка, одни певцы сменяли других, нежных танцовщиц, каждую из которых можно было сравнить с

полевым цветком, сменяли юноши, от искрометного танца которых трудно было не прийти в восхищение.

Когда в светлеющем небе начали таять, как леденцы, звезды, Спитамен предложил выпить еще по чашке мусалласа и сказал:

— А теперь, друзья, с вашего позволения, не обессудьте, я покину вас. К вечеру я должен быть дома, ибо соберутся на совет старейшины.

Сидящие по левую и правую от него стороны сотрапезники закивали, соглашаясь, головами и пожелали ему доброго пути, сказали, что, как только взойдет солнце, и сами отправятся в дорогу.

Спитамен незаметно покинул зал, проследовал по длинной террасе, которую пересекали полосы света, падающего из окон. У разведенных во дворе костров грелись воины, ожидая появления своих предводителей. Спитамен, спускаясь по ступеням во двор, был замечен слугами раньше, чем сам увидел их. Они повскакали с мест, отвязали Карасача и, вмиг оседлав, подвели к хозяину. Воины надели оружие, сели в седла. Один из них сделал знак привратникам, и они отворили ворота...

Навруз

Весна всегда спешит явиться в Согдиану. О своем приближении она возвещает звоном ручьев и помутневшими водами рек, грозящих выплеснуться из берегов, цветением серебристых подснежников и голосами перелетных птиц. Куда ни глянь, всюду ощущаешь пробуждение природы, свежее дыхание молодой зелени. В Согдиану пожаловал Навруз. Сегодня²⁹ день весеннего равноденствия — сравниваются ночь с днем, а завтра день уже станет чуточку длиннее. И капризная зима, как ни противься, с каждым днем будет уступать набирающей силу весне, отходя к вершинам гор, где ледяные крепости ее неприступны... А ведь и недели не прошло с того дня, когда с неба низвергался холодный ливень, перешедший ночью в снегопад. Утром люди встали и увидели, что земля вновь белым —

²⁹ 12 марта солнечного календаря.

бела. Старики говорят, что снег по весне выпадает по просьбе тополиных сережек. Сережки тополя, якобы созрев и отяжелев, просят Небо укрыть землю мягкой подстилкой, чтобы они, падая с высоты, не расшиблись. Вот и исполнилось их желание, они благополучно опали, устлав землю поверх снега пушистым ковром. И тотчас снег растаял, побежали звонкие ручьи, на деревьях и кустах набухли почки, всюду разносятся веселые голоса птиц: они чинят старые гнезда и строят новые...

А вот и Навруз явился. А с ним в Согдиану вступил Новый год. Кажется, в самом воздухе растворено праздничное настроение, люди надели на себя самое нарядное и, позабыв о заботах и печалях, предаются веселью. На площадях полыхают священные костры, вокруг них, взявшись за плечи, танцуют джигиты и девушки; разбившись на группы, поют песни, затевают веселые игры. Крики, смех. Знакомые, встречаясь на улице, поздравляют друг друга с Новым годом, праздником весны, Наврузом.

По завету предков в этот день положено веселиться, выбросив из головы мысли о горестях и тяготах, и тогда весь год тебе будут сопутствовать удача, радость. Если ты кому-то задолжал — избавься от долгов до наступления Навруза. Если ты кого-то понапрасну обидел — извинись, попроси прощения, и да воцарится в следующем году мир между вами. Не будь себялюбцем, будь со всеми прост, непосредствен, забудь о зависти, не участвуй в кознях. Проявляй почтение к тем, кто старше тебя, и к тем, кто младше. С приходом Навруза начни день с поздравления родителей, поднеся им подарки, и спешి получить благословение старейшины рода. Если ты не беден, не покупись на пожертвование сиротам, безродным, бездомным, раздай милостыню нищим. Не пренебрегай возможностью помочь калеке, слепому, протяни руку всякому, кто в ней нуждается. И особенно будь почтительным к женщине, благодаря которой бесконечна жизнь на земле.

В замке Кала³⁰ Оксиарта в ночь накануне Навруза никто не сомкнул глаз. Если бы кто и хотел вздремнуть минуту-другую, вряд

³⁰ Кала-крепость.

ли ему удалось это из-за разносящейся с главной башни музыки, которую было слышно далеко окрест. Громыхали бубны, ревели карнаи, нежно пели сурнай, звенели литавры. Посреди обширного двора, мощенного квадратными плитами, горел костер, и алые блики его скользили по высоким стенам и стрехам домов, а вокруг клокочущего огромного казана хлопотали женщины. Ровно две недели назад они посеяли пшеницу, и она успела пустить ростки, из которых они готовят нынче сумалак — сладкую патоку. Сумалаком положено потчевать каждого, кто в день Навруза переступит порог твоего дома. Верховодит среди женщин Сарвинозим, жена Оксиарта, она считается непревзойденной мастерицей в приготовлении сумалака.

— Эй, Равшанак, где же ты?.. — уже в который раз окликнула она свою дочь, оглядываясь по сторонам, и провела рукой по глазам, заслезившимся от дыма. — Иди и ты помешай немного сумалак, не оставайся в стороне!..

Равшанак выбежала из подвального помещения, где содержались в деревянных клетках ручные гепарды — видимо, потчевала любимцев чем-то вкусным, — взяла у матери большую ложку с длинной ручкой и, шепча молитву, принялась мешать в казане вязкую коричневую массу, поверхность которой была затянута стелющимся паром.

— Ты безгрешное дитя, Ахура — Мазда исполнит все твои желания, проси у него счастья, дочка, для себя и для других, — сказала одна из женщин, стоящая по другую сторону котла и тоже помешивающая варево.

Девушка прыснула, озорно сверкнув глазами:

— Сначала я должна узнать о ваших грехах, тетушка, а потом я подумаю, стоит ли просить за вас Ахура — Мазду!

Женщины рассмеялись.

— А знаешь, почему в этот день люди варят сумалак? — спросила одна из них у девушки.

Равшанак отрицательно покачала головой:

— Расскажите.

— Что ж, послушай... Жила в Чогониеме бедная — пребедная

семья: отец, мать да восемь их детей, мал мала меньше. Семеро сыновей и самая младшая дочка росли быстро, старались трудиться, отцу, матери помогать, да какие у них силенки, чтобы на хлеб заработать... Словом, семья еле сводила концы с концами, перебивалась с хлеба на воду. Легко ли растить столько детей, если старшему еще только четырнадцать лет, а у тебя ничего нет, кроме единственного тощего осла... — рассказчица посмотрела в сторону сидящих неподалеку от костра на мягкой рогоже старых женщин и стариков, поочередно потягивающих чилим³¹ и тоже прислушивающихся к разговору: дескать, правильно ли рассказывает? Один из седобородых и седая старуха степенно кивнули. И женщина продолжала: — А то, о чем я хочу тебе, дочка, поведать, случилось в самой середине «авджи илик узилди»... По глазам вижу, не знаешь ты, что это такое. Это, дочка, самый трудный для крестьянина период весны, когда запасы минувшего года кончились, а урожая нового года еще ждать и ждать... Однажды отец семейства взял под уздцы шатающегося от слабости осла и отправился в лес по дрова, чтобы в доме хоть и голодно, но тепло было. И день его нет, и два его нет, и неделю нет. Дети плачут, есть просят. Мать поначалу совсем было пала духом: муж сгинул без вести, теперь все заботы о детях на ее плечи лягут. Что делать? Малыши ее тают на глазах, как свечи, плачут, за подол ловят, а есть нечего. Несчастливая женщина, не зная, как их успокоить, решила обмануть, чтобы хоть ненадолго унять их плач. «Вот сейчас я вам приготовлю еды, только не плачьте!..» — говорит она детям. Налила в котел воды, развела под ним огонь. И дети умолкли — поверили. Не знают бедняжки, что нету у матери ни крупы, ни масла. А ей больно на них смотреть, прямо душа разрывается. Что делать, как быть? Отчаявшись, нарвала она зеленых ростков только что взошедшей пшеницы и бросила в кипящий котел. А вода бурлила, ростки всплывали. Дети могли увидеть, что в казане плавает трава и снова поднять вой, от которого можно было сойти с ума. И поспешила бедная женщина к реке, набрала в подол несколько бульжников и опустила их поверх ростков, подбросила в очаг

³¹ Чилим — длинная трубка для курения.

побольше дров. «Сейчас, мои милые, я вас накормлю, сейчас, мои крошки...» Дети уселись вокруг казана на корточках, глаз с него не сводят... И несчастная мать, не выдержав, сама залилась слезами и вслух взмолилась, воздев руки к небу:

— О превеликий Ахура — Mazda, помоги мне, слабой женщине! Или убей меня раньше, чем станут один за другим умирать от голода мои дети!.. Ты же сам одарил меня этими несмышленишками, и я должна их растить. Почему же, осчастливив меня ими, ты не заботаешься об их пропитании?! — причитала женщина вне себя от горя.

А лица ее детей просветлели, в глазах, устремленных в кипящий казан, высохли слезы; дети переглядывались и улыбались, радуясь, что мать готовит им что-то вкусное. В казане бурлила вода, постепенно выкипала, и чем меньше оставалось ее, тем громче становились стенания несчастной женщины. Она молилась, стоя на коленях. Ей показалось, что из казана запахло чем-то вкусным, и она решила, что сходит с ума. Обессилев, упала без памяти. Сколько пролежала, и сама не ведает, да только когда пришла в себя, ей привиделось, будто с неба опустилась красивая крылатая женщина, поставила возле нее большую глиняную чашу, ласково провела рукой по голове и, промолвив: «Все будет хорошо...» — вновь вознеслась прямехонько к Солнцу.

Очнулась она, как от толчка, и что же видит?.. Сидят дети вокруг казана, что-то черпают ложками со дна его, густое, ароматное, и с удовольствием едят.

— Ой, мама, как вкусно! Спасибо, — сказал старший сын.

Вот так исстрадавшееся материнское сердце сотворило чудо — траву и камни превратило в сумалак.

Сидящие на рогоже женщины, передохнув, принялись делать самсу, начиняя шпинатом, мятой, щавелем, лебедой, и складывать на белую скатерть. А одна из них топором разрубила на куски большую тыкву, очистила от семечек и уложила оранжевые куски на противень, чтобы затем испечь в тандыре.

В день Навруза скатерти расстилаются во дворах под навесами, в садах в тени деревьев, в горах на берегах ручьев и родников, и они не

должны ни на минуту оставаться без яств, постоянно сменяемых, без кувшинов с прохладительными напитками, и всяк, кто проходит мимо, будет приглашен принять участие в трапезе, утолить жажду; а если кого, зазевавшись, не пригласили, он может сам подсесть к скатерти, отведать, чего душа желает, и завершить трапезу молитвой, за что хозяева ему будут благодарны.

Пожилую женщину, поведавшую легенду о сумалаке, сменила другая, приняв у нее большую длинную ложку, вязнущую в густой патоке. А та села на рогожу, ей подали шербет, и она, чтобы подружки не заскучали и не потянуло их ко сну, принялась рассказывать другие предания, короткие и длинные, которых она знала массу, загадывать загадки, смешить забавными историями, происшедшими якобы с ее знакомыми.

В другом конце двора, вблизи конюшен, запылал другой костер, и Равшанак увидела собравшихся возле него своих подружек и парней. Оттуда вскоре донеслись веселые возгласы, смех, песни.

Наслушавшись былей и небылиц, смешных историй и вдоволь насмеявшись, Равшанак вновь передала ложку матери и вприпрыжку побежала к костру, где веселились ее сверстники. Да тут и детворы, оказывается, было полным полно, они носились друг за дружкой, играли в прятки, а один из мальчишек чуть не сбил Равшанак с ног, за что получил от нее подзатыльник. Подружки затеяли с парнями игру в жмурки. Увидев Равшанак, они кинулись к ней, приглашая включиться в игру, завязали ей платком глаза и разбежались врассыпную, хлопая в ладоши.

Вдруг от костра, где готовился сумалак, донесся шум. Там началась какая-то суматоха. Послышался звон разбиваемой посуды, разлетающихся по каменным плитам двора черепков. И если бы не смех женщин, то можно было бы подумать бог знает что. Это они всего-навсего мазали друг дружке лица мукой. А седобородый старец хватал старые, отслужившие век кувшины, блюда и, высоко подняв над головой, грохал их о каменные плиты.

Поняв, что скоро рассвет и Навруз на подходе, девушки и парни тоже стали осыпать один другого мукой, бить специально принесенную старую посуду. Ибо с уходом старого года в доме не

положено оставлять и старых вещей, надтреснутой, сколотой посуды, протертой и порванной одежды. Из комнат слуги охажками выносили старые потрепанные подстилки, рваную одежду, утварь и бросали в костер. Пусть вместе со старьем исчезнут былые горести!.. Со всех концов замка сбежались к кострам дети. Даже малыши, которых родители с вечера уложили спать, спохватясь, выбрались из постелей и прибежали сюда. Они — то знали, что теперь начнется самое интересное — радение.

Сначала к радению приступили пожилые женщины. Вот одна из них, полная, с растрепанными седыми волосами и горящими глазами, похожая на старую колдунью, выступила в середину круга, приблизившись к самому краю костра, ее едва ли не касались высокие языки пламени, развела в сторону руки и, сопровождая взглядом летящие к небу искры, стала ритмично топтаться на месте, поворачиваясь то влево, то вправо и мотая головой, что-то бормоча и время от времени выдыхая в костер: «Хуув — в-в!.. Хуу — в-в — в!..»

И другие женщины постепенно задвигались в такт ей, прилаживаясь к ее ритму и вместе с ней выдыхая: «Хуув — в-в!..»

Освещенный пламенем хоровод женщин, обсыпанных мукой и казавшихся седыми, медленно двигался вокруг костра. А женщина в середине круга все убыстряла и убыстряла движения, и позванивали на ней монисты, кулоны, браслеты. Широкие рукава, словно крылья, мелькали над костром, грозя воспламениться. Вот она перевела дыхание и после долгой паузы запела:

Когда на горах туман, хуув — в!..

Когда ревет в ущелье лев, хуув — в!..

Когда слышался шум крыльев дракона, хуув — в!..

Есть ли кто, чье сердце не сжимается от страха?..

И все нараспев дважды повторяют последнюю фразу:

Есть ли кто, чье сердце не сжимается от страха?..

Голос у женщины — запевалы оказался неожиданно красивым и мелодичным. Она пригладила волосы, улыбнулась и словно помолодела.

Если выкупают в прозрачном роднике, хуув — в!..

Если расчешут гриву и хвост, хуув — в!..

И подведут коня, хоть и без седла, хуув — в!..

Кто же на него не сядет?!..

Теперь женщины, крепко взяв друг друга под руки, делали шаг то вправо, то влево, то вперед, то назад и, задирая кверху лица, разом выдыхали в светлеющее небо, где уже таяли звезды: «Хуув — в-в!..»

А голос запевалы все набирал силу, становился звонче, взмывая ввысь, обгоняя искры и дым костра.

Если возведут дворец из яхонта, хуув — в!..

Колонны унижут жемчугами, хуув — в!..

И станут приглашать, вторя: «Войдите, гость!..»

Ну, как не перешагнуть порога?..

Женщины помоложе стали одна за одной отделяться от общего хоровода, казавшегося им чересчур медлительным, и уже в одиночку самозабвенно отдавались танцу, будто демонстрируя, как они стройны, гибки, как притягательно красивы. Иногда они издавали то вопли, то стоны, будто исторгали из себя, изгоняли из сердца скопившиеся за целый год тоску, уныние, страдание. Да, конечно, каждая из них о чем-то думала, мечтала, у каждой были неисполнившиеся желания, и нынче, в ночь перед Наврузом, с помощью ритуального танца они стряхивали с души, освобождались от всего, что заставляло их проливать слезы, и со словами песни слали к небу свои мольбы быть к ним в следующем году помилостивее, одаривать их почаще радостями...

Наверное, уже более часа длилось радение. Движения начавшей его пожилой женщины постепенно сделались вялыми, вдруг она покачнулась, стала заваливаться на бок, успела проскочить сквозь цепь хоровода и свалилась без чувств. Кто-то брызнул на нее водой, дал попить. Одной молодой, ждущей, оказывается, ребенка, тоже сделалось дурно. Но ей не дали упасть, подхватили, отвели в сторону, усадили на курпачи, посланные в три слоя...

Смолк голос певички, но танцующие вроде не замечали этого; женщины постарше толклись на месте, закатывая глаза и шевеля губами, молодые же изгибались, точно змеи, то поднимая вверх руки, то опуская. И от глубоких вздохов — хуув — в! — колебалось пламя

костра. «Хуув — в-в!..» Еще кто-то из танцующих рухнул. Через нее переступали, не прекращая танца, спотыкались, пока кто-то не оттащил упавшую в сторону.

Женщина — запевала отдохнула, отпила из ведра холодной воды, ополоснула лицо, проворно поднялась и опять присоединилась к радеющим.

Последние звезды в небе исчезли. Быстро светало. Костер постепенно угасал, и теперь над ним курился только дым. Слабели голоса поющих, стали замедленными движения танцующих. То одна, то другая из женщин отделялась от хоровода, усаживалась на подстилку, обмахиваясь ладонью и тяжело дыша. Та, что начала радение первой, закончила его последней.

С восходом солнца все приступили к дневным хлопотам, предваряющим любой праздник; дети, балуясь и шумя, вновь стали носиться вокруг костра.

В огромном глиняном кувшине принесли шербет, несколько дней настаивавшийся на сушеных абрикосах, персиках, яблоках, разлили его по чашам и разнесли всем, кто теперь отдыхал на подстилках после радения.

...А по соседству, в другом небольшом уютном дворике, обнесенном высокими каменными стенами, по которым карабкался, переплетаясь, виноград, сидели в беседке Хориён и Оксиарт, услаждая себя приятной беседой и молодым мусалласом. Еще дымились только что погашенные факелы, вставленные в специальные гнезда в стенах, а на серебряной посуде уже отражался матовый свет утра. Двоюродные братья всю ночь просидели, не вставая, на деревянном помосте, застланном в несколько слоев мягкими кошмами, и за разговором не заметили, как пролетели часы, вслед за которыми поспешил Навруз. Мотыльками порхали вокруг них слуги, то и дело меняя закуску, унося, что успело остыть, и ставя взамен дымящиеся от жара шашлыки, испеченных в тандыре фазанов с чесночной приправой, подливу из перепелиных языков и толченого ореха.

Из-за высокой стены время от времени доносились голоса женщин, крики детворы, но увлеченные беседой братья их словно не

слышали.

— Что ж, брат, у тебя, значит, нынче двойной праздник, — сказал Хориён, осушив чашу и утерев пальцами усы. — И Навруз, и помолвка дочери.

— Воспользовавшись поводом, я послал гонца с приглашением к Спитамену, которого в последнее время не заманишь ни на какой пир.

— Да, он постоянно в хлопотах. Только в каких, непонятно. Должно быть, у вас к нему важное дело, коль послали специального нарочного.

— Хотел купить десять-пятнадцать скакунов из его табуна, чтобы посадить на них своих воинов. А он мне почему-то заявил, что сейчас у него таких нет. Мне же доподлинно известно, что есть.

— Странно. И я получил от него такой же ответ, — пожал плечами Хориён. — Возьмем-ка его в оборот. Мы ведь не просим на правах соседей сбавить нам цену.

— Лишь бы приехал. Если ему ничто не помешает, то с часу на час будет здесь.

— У него породистых кобылиц более тысячи. Неужто ни одна за последние два-три года ни разу не ожеребилась, ха-ха-ха, — рассмеялся Хориён. — Или более выгодных покупателей нашел?

— Возьмите, говорю, за каждого скакуна сколько хотите овец из моей отары, а он мне: «Я и сам могу дать вам баранты, сколько пожелаете, и бесплатно!» Вот так — то.

Хориён наклонился ближе к брату, облокотившись о колено, и молвил, понизив голос:

— Между нами говоря, подозреваю, что он не хочет, чтобы мы отправили наших воинов к Бессу на его конях.

— Разумеется, за этим нечто кроется, — согласился Оксиарт. — До сих пор щедрость его не знала границ.

— Мог снять с себя и отдать другому, — степенно кивнул Хориён. — Надо найти к нему подход.

— Я уж к нему и так и сяк, и уговаривал, и делал вид, что обижусь, похоже, ничем его не проймешь.

— Неужто сделался скрягой, у которого и медной монеты не выпросишь? — рассмеялся Хориён и уже серьезно добавил: — А не

показалось ли вам, что, когда мы виделись с ним в последний раз у Намича, он был чем-то крайне озабочен?

— Я тоже это заметил. Причем настроение его изменилось после того, как с ним побеседовал посол Дариявуша.

— Да, этот толстый плут подсел к нему и очень долго нашептывал что-то на ухо. Я видел, как у Спитамена менялось лицо по мере того, как он внимал ему. Вскоре после этого он уехал.

В беседе возник Бабах с кувшином холодного мусалласа, и друзья умолкли. Этот пятидесятилетний слуга был не по возрасту строен и проворен, ступал мягко и бесшумно, как кошка, и всегда появлялся неожиданно, и если бы Оксиарт не доверял ему больше, чем многим из своих слуг, то мог бы подумать, что он всякий раз пытается подслушать их разговор. У него нет определенных обязанностей, но какое бы поручение ни дал ему хозяин, может быть уверен, что тот справится с ним блестяще. Да и хитрец, каких свет не видывал, а это качество немалого стоит в нынешнее время. По заданию хозяина он у любого выпытает все что угодно. И льстить мастак, и притворяться, и направить разговор по удобному ему руслу. Если бы не жадность к деньгам, цены бы ему не было. За золото продаст отца родного, а о хозяине и говорить нечего. Оксиарт это знает и старается, чтобы Бабах ни в чем не нуждался, понимал, что нигде ему не будет лучше, чем в этом замке.

— Попробуйте-ка этот цветочный нектар, — сказал Бабах, ставя на дастархан кувшин, и, отступив, почтительно поклонился, прижав к груди руки. — Я приготовил его сам по старому рецепту, чтобы угостить вас утром и отметить первые минуты Навруза...

— Когда же ты это успел, пройдоха? — смеясь, воскликнул Оксиарт и потянулся к кувшину. — Надо же, и словом не обмолвился! Выходит, ты способен что-то делать втайне от меня?..

— Я счел, что такая мелочь не стоит вашего внимания, господин.

— Эта мелочь, омочив язык, заставляет его слишком много болтать и выдавать секреты, — заметил, усмехаясь, Хориён.

Бабах, опередив хозяина, сам налил в чаши красное ароматное вино. Сначала подал гостю, как велит обычай, потом Оксиарту. Подождал, пока обе чаши были выпиты, и хозяин, почмокав губами,

вытер усы, затем сообщил:

— Вернулся от Спитамена гонец...

— И что?.. — насторожился Оксиарт.

— Сначала, говорит, отказывался ехать, хотел ограничиться лишь благодарностью за приглашение и подарком: дескать, начался окот, кобылицы жеребятся; если не приглядывать за слугами, они проявляют нерадивость. Но потом все же согласился. Скоро будет здесь.

— Мог и не приезжать... — насупился Оксиарт. — Подумаешь, мы бы и без него не заскучали!..

Бабах вплотную подступил к хозяину и, наклонясь к его уху, негромко сказал:

— Спитамен отказывался от приглашения не по той причине, на которую ссылался. Мне известно другое...

— Что тебе известно? — прищурил глаза Оксиарт.

— Его тесть очень давно на короткой ноге с Намичем...

— Это мы знаем, — перебил слугу Оксиарт. — Какое это имеет отношение к нашему приглашению?

— Его тесть приглашен на празднование Навруза в Мараканду. В послании своем правитель обмолвился, что на него произвел хорошее впечатление его зять и неплохо было бы, если бы он прихватил его с собой. Спитамен же отказался от поездки в Мараканду...

— Странно. Почему он не воспользовался такой честью? Намич далеко не всякого приглашает во дворец отмечать Навруз.

— Лишь потому, что приглашение поступило не лично ему, а тестю. Вашему же приглашению он был рад. Однако тоже хотел отказаться — чтобы не вызвать недовольства у правителя.

Бабах поклонился, давая понять, что сказал все. Оксиарт, сделав движение рукой, отпустил его, и тот попятился, дабы не показывать хозяину и гостю спину, что было бы проявлением неуважения, и скрылся за узкой двустворчатой калиткой, почти неприметной за виноградными лозами.

Хориен посмотрел на Оксиарта и долго молчал. Однако в глазах его легко читалось: «Ну и ну, твой слуга располагает большими сведениями, чем способна вместить голова людей его сословия!..» А

вслух произнес:

— Где вы раздобыли такого... гм... слугу?

— Он родом из Усрушана, — сказал Оксиарт, разламывая на куски слоеную лепешку, обильно присыпанную коноплей. — Прежде занимался торговлей. На всей земле нет, кажется, уголка, где бы он не побывал. Предприимчив, изворотлив, способен и камень обратить в золото. Но и таких, пусть они хоть семи пядей во лбу, иногда подстерегают беды. Его караван при переходе из Бактрии в Согдиану разграбили разбойники, а охрану перебили. Самому же чудом удалось спастись. Его подобрала на одной из горных троп мои чабаны. На нем были одни лохмотья, а сбитые о камни ноги распухли от ран. Много дней шел он, делая переходы от колодца к колодцу, от кишлака к кишлаку, выпрашивая подавание... Когда он поведал мне о своих несчастьях, я первым делом велел накормить его, одеть и позвать к нему лекаря. Мы не раз с ним после этого беседовали, я обратил внимание, что он весьма неглуп, и взял к себе на службу. А потом так к нему привык, что удивляюсь, как обходился без него раньше...

— Да, все это похоже на правду, однако... — не договорив, Хориён умолк и лишь пожал плечами.

— Вы что-то хотели сказать? Договаривайте.

— Просто подумалось вдруг... Да ладно, мало ли что может прийти в голову.

— Я догадываюсь, о чем вы подумали. Нет, это не так, он не наймит. Поначалу я и сам сомневался и все приглядывался к нему. Но однажды у меня гостил друг Бесса Кобар. Он узнал моего слугу. Оказывается, ему доводилось не раз его видеть, когда он приводил свои караваны с товаром в Бактрию.

— Я знаком с Кобаром, — сказал Хориён. — Прежде он занимался наукой и баловался писанием стихов. А в последнее время, говорят, увлекся политикой?

— Чем бы он ни занимался, никогда не занимался всерьез. Остался таким же брюзгой, каким был. Однако Бесс, говорят, считается с его мнением. И перед тем как принимать важные решения, всегда советуется с ним.

Они сидели, свободно развальясь, облокотясь о подушки, и,

беседуя, маленькими глотками отпивали густой мусаллас.

— Да — а, — вздохнул Оксиарт после некоторой паузы и продолжал: — Не простые наступают времена. На сердце изо дня в день все тревожнее. Когда едешь по дороге, чуть приподбившись, стоит качнуться от ветра кусту, вздрагиваешь и хватаешься за оружие.

— Многие в конце прошлой осени не возвратились в город, а остались на всю зиму в горах, в своих замках, где обычно проводили только самый жаркий период лета, — задумчиво произнес Хориён.

— Вот и я решил не везти семью в Мараканду, пока в Согдиане не воцарится спокойствие.

— А Намич что ни день устраивает приемы, во дворце пиры... Не скажешь, что правитель наш чем-то обеспокоен. Или, быть может, он обладает сердцем льва?

— Льва?.. — усмехнулся Оксиарт. — А мне сдается, он не столь отважен, сколь беспечен.

— Вот почему, скорее всего, Спитамен принял ваше приглашение, а не его, — сказал Хориён. — И прибудет сюда не ради пира, а чтобы поговорить о более серьезных вещах.

— Думаю, пир не помешает нашей беседе, — улыбнулся Оксиарт.

— Надеюсь, мы узнаем много новостей. У него есть свои люди и в Бактрии, и в Парфии...

— У меня тоже там немало своих людей, — хитро прищурился Оксиарт. — Только не говорите, что вы не получаете оттуда никаких сведений, все равно не поверю... До меня дошло известие, которое трудно принять всерьез...

— Старая мудрость гласит: «Во всем сомневайся!» — усмехнувшись, заметил Хориён. — До меня тоже дошла весьма печальная весть... О том, что македонский царь пленил в Дамаске мать, жену и детей Дариявуша. Если сведения, полученные вами, мной и Спитаменом, сойдутся, то это будет означать, что они верны.

— Почти мальчишка, недавно отлученный от материнской груди, теснит великого мужа. А в Согдиане все больше беженцев с той стороны!

Они долго сидели молча, углубившись в собственные мысли и не слыша голосов просыпающихся птиц. Затем Хориён неожиданно

предложил:

— А не перевезти ли вам свою семью в мой замок? Другой такой крепости в Согдиане нет. Если Искандар даже завоеует весь мир, «Крепости Хориёна» ему не взять, она ему не по зубам.

— Да — а, — закивал Оксарт, с уважением глядя на двоюродного брата. — Если вы поднимете навесные мосты, то вряд ли сможет подняться на вашу скалу тот, у кого нет крыльев.

На главной башне звонко ударили в литавры, возвестив, что пришел Навруз. Чего больше — радостей или бед — принесет с собой в Согдиану этот год³²? Об этом, наверное, знал один только Ахура — Мазда.

О Анахит³³, помоги!

Едва только начало светать и обитатели замка, измученные ночным бдением, еще крепко спали, когда Равшанак пробралась в конюшню, оседлала любимую лошадь, белую, как летнее облако, и, держа ее под уздцы, пересекла двор. От высоких крепостных стен отлетало цоканье кованых копыт. Едва она приблизилась к воротам и, задрав голову, скользнула взглядом по черным бойницам надвратной башни, створы ворот со скрипом отворились, и, погромыхая цепью, опустился убираемый на ночь мост. Равшанак пушинкой взлетела в седло. Копыта прогромыхали по деревянному настилу. Девушка, откинувшись назад, слегка натягивала уздечку, не позволяя застоявшейся лошади рвануться вскачь, поскольку дорога уходила вниз довольно круто и к тому же делала по склону горы зигзаги. Она спустилась к опоясанному туманом подножью, и лошадь словно растворилась в белой мгле; некоторое время казалось, что всадница парит в воздухе, пока и сама не исчезла в хлопьях тумана. И уже вдалеке она вновь появилась на дороге, обдуваемой ветром, взмахнула плетью, и лошадь распласталась над землей, точно птица. Затрепетал тонкий шелк ее желтых шаровар, обтянув колени, встречный ветер сдвинул широкие рукава к плечам, оголив смуглые

³² 329 год до нашей эры.

³³ Анахит — богиня любви и плодородия.

гладкие руки, вырвал из волос ее заколки...

Родители, слуги, все обитатели замка, знали о ее пристрастии купаться на заре и с некоторых пор перестали удивляться ранним выездам. Равшанак не отказывала себе в этом удовольствии даже поздней осенью, когда воздух уже настолько остывает, что первые снежинки успевают коснуться земли, и ранней весной, когда еще только зацветают подснежники, а река еще не успела слизнуть с берегов кружевную кромку льда. А теперь потеплело, и газели — она это видела! — переправляются через реку вплавь.

Вершин, еще покрытых снегом, коснулось лучами солнце, и они сияли, словно плаваясь, а лощины у подножий были набиты, как ватой, туманом, и в них прятался мрак. Равшанак на полном скаку обернулась. Вдалеке был виден на крутом сером утесе замок ее отца, позолоченный восходом.

Лошадь хорошо знала дорогу, сама сбавила прыть, свернула на тропку и стала спускаться по откосу через густой и влажный от росы орешник. Все отчетливее доносился шум реки. А лес густел, все выше становились деревья, могучие платаны смыкали над головой кроны. Равшанак пригибалась в седле, ныряя под ветви, или, придерживая лошадь, раздвигала кустарник руками, и ее обдавало брызгами. Чаша наполнилась гомоном потревоженных птиц. Тропка наконец вывела на светлую зеленую поляну возле тихой заводи, которую обступали плакучие ивы, отражающиеся в сонной воде. То тут, то там раздавались всплески и разбежались круги — это рыба разыгралась поутру в ожидании солнца.

Равшанак прыгнула на землю, из-под ног вылетел перепел, она вздрогнула и засмеялась. Вынула уздечку изо рта лошади, перебросила повод через седло и, ласково похлопав любимицу по шее, пустила попасться. Сама зашла под раскидистую чинару, укrywшую ее сверху от взглядов орлов, внимательно огляделась, сторожко прислушиваясь, и стала расстегивать зеленый бархатный камзол без рукавов, с разрезами по бокам, чтобы удобно было сидеть в седле. По зарослям пробежал, шелестя, ветерок. Она резко обернулась. Увидела сидящих на ветвях скворцов и улыбнулась. Это ее крылатая стража. Если даже какой-нибудь зверь станет

подкрадываться, чтобы подглядывать за ней, они поднимут гвалт и снимутся всей стаей.

Равшанак разделась. Последней сняла с головы сетку, сплетенную из жемчуга в виде тубетейки, собрала волосы в узел, обвязала красной лентой. Провела рукой по корявому стволу чинары, осторожно притрагиваясь к старым, зарастающим, и свежим, еще сочащимся, ранам на ее коре. Солнце еще не прогрело воздух, и тело девушки порозовело. Она повернулась к реке и слегка расставила ноги, приняла устойчивое положение и давай рассекать воздух то правой, то левой рукой, изгибаясь всем корпусом, словно наносила удары клинком, наискосок и вертикально, и уклонялась от встречных смертельных ударов. Разогревшись, подошла к лошади, утопая по колено в ромашках, вынула лук из колчана, висящего на луке седла, приладила стрелу, быстро обернулась и выпустила ее в чинару. Еще не стих комариный писк тетивы, а стрела со стуком впиалась в дерево, совсем рядом с овальным темным пятном на месте срезанной ветки, в которое она целила. В кроне рыжим огоньком промелькнула белка и скрылась в дупле.

Равшанак взяла из колчана еще одну стрелу и на этот раз выстрелила, почти не целясь. Стрела с хрустом вонзилась в цель. Довольная собой, девушка улыбнулась, вложила лук в колчан и подошла к заводи. Дотянулась ногой до воды, ступню обожгло. Эта река брала начало у ледников, в ней и в пору саратана³⁴ вода была такой холодной, что ломило зубы, если сделаешь глоток. Равшанак постояла, любуясь своим отражением, провела руками по бедрам, пружинисто оттолкнулась сильными ногами и почти бесшумно ушла под воду, словно развела руками ее прозрачный полог. Белорыбицей промелькнула в зеленоватой глубине и, энергично работая ногами и руками, пересекла границу тени и света, а солнце среди водорослей и стеблей кувшинок тотчас отыскивало ее взглядом.

Лошадь заметила, что хозяйка бросилась в воду и подбежала к краю заводи. Вскинув голову, тревожно раздувая ноздри и пофыркивая, она не сводила взгляда с поверхности воды; наконец

³⁴ Саратан — самая знойная пора лета.

забила копытом и заржала. Равшанак вынырнула почти на середине реки и, белозубо улыбаясь, поманила ее рукой. Лошадь бросилась в воду, взметнув каскады брызг. Доплыв до хозяйки, повернула обратно. Но заметив, что та не ухватилась ни за гриву, ни за хвост, отстала, опять описала полукруг и подплыла к ней. Благодарная Равшанак ласково потрепала ее по холке и, прижавшись лицом к ее морде, шепнула на ухо: «Плыви, плыви к берегу, я еще покупаюсь...» И лошадь поняла, поплыла, вытянув шею, разметав по воде гриву, и время от времени оглядываясь.

А девушка резвилась, подставляя лучам ласкового солнца то один бок, то другой, хлопала по солнечным зайчикам, подбрасывала вверх пригоршнями воду и ловила ртом, ныряла и кувыркалась...

Натешившись, обласканная рекой и солнцем, поплыла к берегу саженками. Лошадь радостно заржала, защекотала мягкими трепетными губами ее шею, плечи, слизывая с них капельки влаги. Равшанак, смеясь, отмахнулась и направилась к чинаре, под которой оставила одежду, на ходу развязала алую ленту на голове, и волосы черным водопадом хлынули вниз, укрыв плечи. Она долго вытирала льняным полотенцем густые волосы, но те никак не просыхали, завивались, и сколько она ни расчесывала их гребнем из слоновой кости, они упрямо сворачивались на концах в колечки.

Она бросила на мягкую траву тонкий войлочный коврик и легла. Крона чинары была пронизана тысячами золотистых стрел, которые сыпались в траву, как дождь, скользили по ее прекрасному телу, слепили, и она заслонила глаза рукой. Она могла лежать так очень долго и слушать многоголосый хор птиц, которые, должно быть, тоже встречали Навруз и пели в это утро лучшие свои песни; она чувствовала, как солнце постепенно изгоняет из нее прохладу речных объятий, которыми она наслаждалась всего несколько минут назад, а теперь ее продрогшее тело жаждало тепла и млело от прикосновений игривых лучей. Но вскоре ей опять станет жарко и снова захочется речной прохлады. Ах, это женское непостоянство, ах, эта перемена чувств!..

Что это с ней, прекрасной Равшанак? Почему у нее вдруг затрепетала грудь и из-под руки, которой она прикрыла глаза,

выкатилась слеза, скользнула к виску и исчезла в колечках волос? Что так взволновало сердце ее?.. А что может волновать девичье сердце в ту пору, когда бутон ее юности разворачивается в волшебный цветок, которому надлежит быть сорванным?.. Как бы счастливо ни жилось девушкам в отчем доме, какими бы баловницами родителей они ни были, каждой из них предстоит горечь разлуки с ними. Так повелось от роду. Но справедливо ли это? Нет, нет, нет!.. Едва окрепнут крылья, она вынуждена лететь невесть куда, чтобы оказаться среди совсем незнакомых людей чужого рода и племени и вить свое собственное гнездо.

А сегодня, в первый день Навруза, должны приехать в замок ее отца сваты. Ей об этом шепнула по секрету мать. Оказывается, уже давно все обговорено. Узнав об этом, Равшанак остаток ночи не сомкнула глаз. И, едва рассвело, она отправилась сюда, чтобы хоть как-то развеяться.

Издали донесся топот копыт. Равшанак не услышала, а скорее почувствовала чуткой кожей — земля известила, на которой она лежала. Вскочила, быстро оделась. Хлопнула себя по колену, и лошадь послушно подошла, мотая головой. Девушка проверила, сколько в колчане стрел, с некоторым усилием выдернула из дерева те, которыми стреляла, и тоже опустила в колчан. С луки седла сняла пояс с серебряными бляхами и кинжалом в узких длинных ножнах, украшенных жемчугом и камнями. В этом мире, переполненном завистью, алчностью, враждой, надо быть настороже. Всякий люд шныряет нынче по горным дорогам, удаленным от главных караванных дорог; и лазутчики враждующих правителей, и конокрады, и грабители, и похитители девушек — горянок, о красоте которых давно известно далеко за пределами Согдианы.

Топот все ближе, уже слышен стук подков о дорожный камень. Если бы ехали сваты, то их было бы несколько. А этот — один. Может, и впрямь лазутчик? Они предпочитают оставаться незамеченными, неузнанными, убивают всякого, кто их увидел. Надо скорее сообщить отцу!..

Равшанак взяла лошадь под уздцы и стала быстро подниматься наискосок по склону сквозь заросли. Вскоре орешник поредел, и стала

видна дорога. Девушка замерла за кустом, прижав к себе морду лошади и почесывая ее за ухом, боясь, как бы она не заржала. По краю дороги росла стелющаяся от ветров арча, и белели камни. А вон и всадник показался из-за поворота на черном, как вороново крыло, коне. Судя по одежде, согдиец. О господи, да это же Спитамен! У нее вострепнулось и радостно забилося сердце, она вскочила в седло. Поддать бы в бока лошади пятками, чтобы та, уподобясь птице, вынесла бы ее вверх по откосу, наперерез знатному гостю. Именно так и хотелось ей поступить. Однако вместо этого девушка натянула поводья и подождала, пока Спитамен скрылся за поворотом дороги, извивающейся, как лента. Через минуту-другую он вынырнет вон там, повыше, и скакать будет в противоположную сторону, так и достигнет, двигаясь зигзагами, перевала, с которого виден замок ее отца.

Равшанак уже не раз видела Спитамена, и издали, и на расстоянии вытянутой руки. Но это было давно, она была тогда девчонкой и почти ничем не отличалась от мальчишек. А теперь?.. Узнает ли он ее теперь?.. Почему-то еще с тех пор, едва заходил где-нибудь разговор о Спитамене, она невольно настораживалась и начинала прислушиваться. Ей было известно, что Спитамен заядлый охотник. А те, кто по многу дней проводит в одиночестве в горах, состязаясь в ловкости с дикими животными, а порой даже вступая в борьбу со стихией, отличаются силой и мужеством. Но о Спитамене она не раз слышала и такое, во что трудно поверить... Недавно кто-то из гостей рассказывал, как Спитамен, охотясь в Гиссарских горах подле самого ледника, столкнулся лицом к лицу со снежным барсом, по следам которого шел уже немало часов. Видно, устал и ослабил внимание. Хищник подстерег его у края пропасти, затаившись на скале, и неожиданно прыгнул сверху. Спитамен уклонился от удара могучих лап, изловчившись, схватил барса за горло, высоко поднял его над головой и бросил в пропасть. На его теле, говорят, долго не заживали следы огромных когтей хищника. Наверное, и сейчас на плечах остались шрамы.

Всадник проехал перевал и скрылся по ту его сторону. Равшанак поддала лошади в бока пятками, и та мигом вынесла ее на дорогу.

Когда девушка, проскакав галопом, достигла перевала, то ветер со стороны замка донес до ее слуха гулкие удары больших бубнов, рев карнаев, пронзительные звуки сурнаев, гомон людских голосов. Там торжества начались с восходом Солнца — люди приветствовали лучезарное божество, возносили ему хвалу и благодарности. А Равшанак подумалось, уж не Спитамена ли встречают так торжественно? Если бы от нее зависело, она бы устроила ему достойную встречу.

Равшанак, натянув повод, свернула с дороги, остановила лошадь на небольшой солнечной поляне и спешила. Опустилась на колени, сомкнула пальцы у груди и обратила лицо к Солнцу. Закрыла глаза, зашептала молитву, прося поддержки и счастья.

Лошадь вскинула голову, ударила копытом и тревожно заржала. Девушка испуганно огляделась. Не зверь ли какой затаился меж камней?.. Нет, лошадь заметила вдали группу всадников, приближающуюся другой горной дорогой к замку. Жители окрестных селений начали стекаться на празднество. «А может, это сваты?» — екнуло сердце. Равшанак села в седло и поехала шагом.

Вокруг, насколько хватает глаз, горы, словно застывшие волны. А замок их, оказывается, похож на взмывший на гребень волны корабль. Тут Равшанак родилась. Эта прекрасная картина — вдали снежные вершины, зеленые долины в межгорьях, летучие водопады, горные саи и густые леса вдоль них — окружала ее с младенчества. В городе они проводили лишь короткую зиму, ранней весной приезжали сюда и жили здесь, пока с деревьев опадут пожелтевшие листья. Она и сейчас любит подниматься на крепостную стену и с высоты птичьего полета обозревать окрестность. Оттуда хорошо видны покатые зеленые холмы внизу и вьющаяся между ними дорога, ущелье, куда солнце может заглянуть лишь в полдень, и водопад, над которым всегда при восходе и заходе солнца сияет яркая радуга. А вдоль реки, огибающей утес, на котором высится замок, зеленеют сады, ореховые рощи. Когда Равшанак спускается в сад, то птицы громче поют свои песни. Когда углубляется в орешник, белки так и скачут с ветки на ветку, едва не касаясь хвостом ее лица... Видны отсюда и чинары, которым, наверное, тысяча лет. Их сросшиеся кроны издалека можно

принять за тучу, а стволы не обхватить и дюжине мужчин, взявшихся за руки. Из-под их мощных, выбравшихся на свет божий корней бьет прозрачный родник, и резвый говорливый ручеек убегает вниз, к реке. Под чинарами и в летний зной царят полусумрак и прохлада. Там, в чаще, любят отдыхать олени. Равшанак их не раз замечала, сидя у окна. В ясный день из оконца ее комнаты видно далеко-далеко, и скачущий по дороге всадник кажется не больше муравья...

С раннего детства Равшанак привязана ко всему этому. Так неужели вскоре придется с этим расстаться? Уж лучше бы не достигнуть своего совершеннолетия!.. Выходит, сегодня, в день шестнадцатого Навруза в ее жизни, она распрощается с юностью? Что ее ждет? Будет ли счастлива? Об этом ведает лишь Ахура — Мазда, но молчит, не говорит.

У ее жениха, говорят, земля не имеет пределов. Но там равнинная степь. Там нет ни этих могучих чинар, ни розовых скал, ни стремительной клокочущей реки. Куда ни глянешь — желтая степь, один и тот же ровный горизонт... Нет, нет, не расстанется она с соколиным гнездом отца! Не расстанется!..

Горная река, способная в грозу или во время таяния снегов смести все на своем пути, низвергаясь с уступа на уступ, прорезала вокруг их утеса глубокую пропасть, достигнув подножия горы, плавно огибает ее и, едва не соприкоснувшись с собственной излучиной, резко сворачивает в сторону и убегает в долину навстречу столь же своенравной своей сестре. Предки Оксиарта неспроста выбрали это место для возведения укрепления: они контролировали дорогу, протянувшуюся вдоль узкой долины, соединяющую города Бактрии и Согдианы. Разрастался и множился род, каждое поколение что-то достраивало, укрепляло стены, возводило новые башни. И вон как грозно выглядит нынче их замок...

За внешней стороной крепостной стены, на пологом берегу искусственного пруда, образованного при помощи каменной перемычки, поверх которой стекает излишек воды и падает вниз множеством серебристых струй, напоминающих струны какого-то гигантского инструмента, расчищена и полита водой округлая площадка. Огромная скала, похожая на башню, возвышается над

прудом и отражается в воде. Лишь ветер способен играть на струнах водопада, теребит их, временами подхватывает влагу, обдаёт ею раскалившуюся на солнце скалу. В тени трех старых, почти сросшихся у основания чинар стоят большие скамьи, вытесанные из каменных глыб. На какую из них ни сядь, увидишь всю долину, утопающую в синеватой дымке. А кому хочется увидеть еще дальше, тот может подняться по небольшим вырубленным ступеням на скалу, что наклонилась над прудом и глядится в него, как в зеркало. Огромные чинары скале по пояс. Выше — только небо. Там, на вершине, обычно дежурят караульные. У них всегда наготове куча хвороста и дров. Если караульные заметят на дороге что-то подозрительное, то немедленно разожгут костер — ночью из сухих дров, чтоб поярче, днем из сырых, чтобы дыму побольше, — подадут сигнал другим крепостям.

Обитатели замка, которым надоедает теснота крепостных помещений, любят в спокойное мирное время выходить за ворота и отдыхать у пруда в тени скалы и чинар. Равшанак издали рассматривала собравшихся там людей, одетых по-праздничному, во все яркое. Они встречали восход Солнца и веселились. Посреди площадки возвышалась огромная куча хвороста. Вот это будет костер, когда полыхнет от поднесенного факела — искры взметнутся до самых макушек чинар.

Сегодня Навруз — идет, ступает по горам и долам, по полям и садам, по степям Согдианы Новый год.

В толпе Равшанак заметила отца, одевшегося сегодня во все новое, в ладной белой рубашке без ворота, на голове голубой конусообразный колпак, на ногах красные сапоги с загнутыми кверху заостренными носками, над голенищами свисают просторные шаровары, тоже голубые, под цвет колпака. В Согдиане любят голубой цвет, поскольку это цвет Неба. Когда отец поворачивается то в одну, то в другую сторону, отдавая распоряжения, в его левом ухе сверкает крупная серьга — серебряный полумесяц. На широком поясе кинжал в серебряных ножнах с ручкой из слоновой кости.

Подъехав к площадке, Равшанак спешила. Слуги тотчас приняли у нее лошадь. Вокруг бегала, играя, звонкоголосая детвора.

Кто-то из взрослых шикнул на них, чтобы вели себя тихо или убрались подальше и там играли в свои игры. Равшанак увидела сидящего на каменной скамье белобородого старца, как и все, облаченного в новый халат и сапоги. Перед ним прямо на траве расположились полукольцом молодые парни и девушки. А чуть поодаль стояли, сгрудившись, женщины с детьми на руках, слуги, рабы, воины. Подождав, пока голоса удалившихся шалунов стихли в отдаленье, старец продолжил повествование, произнося слова чуть нараспев. Голос его Равшанак узнала раньше, чем самого сказителя. Живя в Мараканде, она не раз слышала из его уст старинные дастаны о героях и влюбленных. Не однажды спрашивала она у матери разрешения, чтобы с подругами пойти на базар, куда привезли, говорят, из дальней страны невиданной красы украшения. И почти всегда в узком проходе вблизи базара она встречала седобородого старца в отрепьях. Возле него обычно собиралась толпа. Многие люди обращались к нему, как к старому знакомому, просто по имени — Дариёд! — и просили (в который, должно быть, раз!) рассказать ту или иную легенду или дастан. Дариёд не отказывал. Заканчивая одно, начинал другое. Равшанак останавливалась и слушала. И подружки с нею.

Сегодня отец ему, видно, сделал подарок. Навруз пожаловал в Согдиану. Навруз...

— Один знатный аристократ из Пенджикента отправился на базар³⁵, чтобы нанять мастеровых на один день, — продолжал рассказывать Дариёд. — Нашел подходящего мастера, договорился с ним об оплате и привел его к себе в дом. Мастер сразу приступил к работе и выполнил все, что хозяином было велено. При расчете же возник между ними спор. И отправились работник и аристократ к старейшине рода, чтобы он разрешил их конфликт. Едва вошли, аристократ давай жаловаться: «Уважаемый старейшина! Я этого человека нанял за сто динаров на один день, чтобы он нанизал на нити мой жемчуг, однако он не сделал этой работы, а плату требует!..»

³⁵ Ищущие работу мастеровые на базаре предлагали свои услуги. Обычай этот в республиках Средней Азии сохранился и по сей день.

«Чего-то ты не договариваешь, — смекнул старейшина. — Что было дальше?»

«Если позволите, дальше расскажу я, — сказал работник. — Этот господин, подойдя ко мне на базаре, спросил: „Что ты умеешь делать?“ Я сказал, что могу делать все. После чего этот человек привел меня в свой дом. Он усадил меня и попросил сыграть какую-нибудь задуманную мелодию на чанге. Я сыграл. Потом попросил меня спеть. Я и это желание его выполнил. До самого вечера я то играл, то пел, услаждая слух и душу того господина. Когда же подошло время со мной рассчитываться, он вдруг хлопнул себя по голове, словно только что вспомнил: „Мне же надо было нанизать на нитку жемчуг! Ты этого не сделал, за что же хочешь получить плату?“»

И тогда старейшина обратился к аристократу:

«Почему ты, наняв этого человека за сто динаров, сразу не поручил ему нанизывать жемчуг, а заставил играть на чанге и петь? Он весь день пробыл у тебя без дела. Поэтому уплати ему все сто динаров без остатка. А если тебе все-таки необходимо нанизать жемчуг, то заплати ему еще сто динаров, но на этот раз вперед. И он эту работу выполнит завтра».

«Почему же вперед?» — пробормотал недовольный аристократ.

«Потому, что ты жаден, и завтра тебе вновь будет жаль отдавать свои сто динаров», — отвечивал старейшина.

Дариёд задумался, подняв лицо и, прищурившись, глядя в безоблачное небо. Затем, прижав к груди коричневые ладони, обвел всех взглядом:

— Вот и вдумайтесь, что хотел сказать нам автор Авесты, если учесть, что работник, умеющий делать все, — это тело наше; сто динаров — сто лет жизни; обладатель жемчуга — наше сердце; нить, на которую нанизывается жемчуг, — благородство!

Все сидели тихо, глубоко задумались. Лишь один старик провел по бороде рукой и подал из толпы голос:

— Справедливо сказано в Авесте: лишь тот, кто благороден, достоин жить на земле сто лет!

— Действительно, существо, именуемое себя человеком, должно

быть прежде всего благородным и добрым, — степенно кивнул Дариёд. — Благородному чужда зависть, а значит, и желание причинить кому-то зло. Он помнит, что деньги, имущество и этот мир — преходящи. И лишь добрые дела — вечны. Человек в этот мир приходит и уходит. И каждый оставляет в нем след. Каким он был — судить потомкам. Но откуда, скажите, берутся распри? Ссоры, вражда — откуда? Злословье, клевету кто придумал?.. Солнце светит, греет во имя торжества на земле жизни. Да будет наказан Митрой творящий зло!..

— Умный живет по справедливости, а дураку закон не писан, — заметил кто-то.

— И было озеро, — продолжал Дариёд. — И жили в нем три рыбы. Первая владела одним умом. Вторая сотней, а третья тысячью. Пришел однажды к озеру рыбак, закинул невод и поймал двух рыб, ту, что обладала сотней умов, и ту, что тысячью. А та, у которой был всего один ум, не попала ему в сеть. Видите, какие странные дела бывают на свете!..

Все рассмеялись.

— Если хотите, послушайте еще... Один аристократ проник в чертоги Бога и пригласил Всевышнего к себе в гости. И Бог принял его приглашение.

Вернулся аристократ домой и в назначенный день велел накрыть богатый стол. Ждет, ждет гостя, а того все нет и нет. Уже перед закатом в калитку постучался убогий нищий. Сказав, что очень голоден, попросил немного еды. Богач, рассердившись, прогнал его и захлопнул калитку.

На следующий день тщеславный аристократ опять отправился к Богу и с обидой посетовал, что тот вчера не пришел.

«Я постучался в твою калитку, но ты не признал меня», — отвечивал Бог.

С противоположной стороны пруда стали доноситься задорные выкрики, смех. Те, кто слушал, стали оборачиваться. А кое-кто из джигитов поднялся с места и, пробравшись сквозь плотные ряды сидящих, направился в ту сторону.

И Дариёд сказал:

— Вижу, я утомил вас своими рассказами. Ступайте поразвлекайтесь. Потом, если захотите, я продолжу...

А там, по ту сторону пруда, на зеленой поляне молодежь образовала круг, в котором двое обнаженных по пояс джигитов состязались в борьбе. Судя по возбужденным вскрикам, доносящимся оттуда, состязания проходили довольно остро. Еще бы, кто из джигитов не хочет считаться сильнейшим?!

Смуглый джигит, только что победивший соперника, горделиво расхаживал по краю круга, играя бицепсами, которые перекатывались под лоснящейся кожей рук, точно маленькие дыньки — хандаляки.

— Ну, кто еще желает?.. Есть храбрецы?.. Кто считает себя силачом, ну-ка, выходи!.. — приглашал джигит желающих помериться с ним силой, и при этом нагловатая усмешка не сходила с его уст.

— А какова награда тому, кто придавит тебя к земле? — спросил, улыбаясь, невысокий коренастый джигит.

— Лично с меня десять динаров, если победишь! — остановился перед ним батыр и провел пальцем по тонким усам, окидывая его оценивающим взглядом. — Столько же выложишь сам, если окажешься побежденным!

— Согласен. Только деньги клади в круг заранее, — сказал джигит, выходя из толпы.

— Конечно! — сказал батыр и, развязав шелковый шнурок на кожаном мешочке, вынул из него десять динаров и бросил на траву. — Вы тоже!..

Джигит кивнул и поступил так же. Затем сел прямо на траву и начал раздеваться. Сначала стянул с ног черные лайковые сапоги, не спеша засунул в них куски чистой белой ткани, которыми оборачивали ступни; поверх сапог бросил белую безрукавку из овчины, снял выгоревший на солнце колпак, стянул с себя кремовую рубаху и, оставшись в светло-коричневых с красноватым отливом шароварах, выступил в середину круга.

Соперники встали друг против друга, приглядываясь и пытаясь оценить свои и чужие возможности. Батыр был выше ростом, и руки, и ноги толще, пожалуй, даже тучноват. Он криво ухмыльнулся и

проговорил:

— Вы, наверное, гость издалека, я вас вижу тут впервые. Если отправитесь невзначай на тот свет, ни я, ни зрители не успеем узнать вашего имени. Скажите, по крайней мере, как вас зовут?

— Зовут меня Тарик. А вас?

— Меня все называют Зурташем³⁶, неужто не слышали?

— Это вы и есть? А я-то думал, так могут величать лишь великана. Поберегите свою спину, как бы она у вас не сломалась, а то ведь камень не столь гибок, сколь хрупок! — посмеиваясь, сказал Тарик.

— Оказывается, ты не только выскочка и зазнайка, но и болтун! — вспыхнул Зурташ и с подчеркнuto вежливого тона перешел на вызывающий: — Лучше побереги собственную шею, хотя по тебе, скорее всего, и плакать — то некому. Небось до сих пор ходишь в холостяках, не в состоянии побороть ни одной невесты³⁷!

В толпе послышался хохот, раздались подзадоривающие крики.

— Жена имеется. На первой же минуте сдалась. Интересно бы узнать, сколько времени промаялся ты, пока уложил на лопатки свою?

Последовал взрыв хохота.

— Не лезь свиным рылом в чужое блюдо, придурок! — прорычал Зурташ, растопырив руки и приближаясь.

— Ну вот, уже и лаешься, как последняя дворняга, — усмехнулся Тарик. — Прижми-ка лучше хвост, а то наступлю ненароком.

Таким образом, доведя друг друга до белого каления, они наконец сцепились.

И в этот момент из приоткрытых ворот крепости вышел Спитамен. Он направился было к Оксиарту, с которым по прибытии уже поздоровался, справился о житье-бытье и в замок въехал лишь для того, чтобы оставить в конюшне коня, но его внимание привлек шум, доносящийся с поляны. Решив не мешать хозяину, который

³⁶ Зурташ (досл.) — мощный камень.

³⁷ В Согдиане существовал обычай, по которому после сватовства жених должен был побороть невесту. Бытовало мнение, что никакой батыр не справится с девушкой, не пожелавшей стать его женой.

отдавал последние распоряжения слугам, хлопочущим вокруг вороха дров, приготовленного для ритуального костра, он быстро зашагал сюда. Протиснулся сквозь толпу боком и, выйдя вперед, стал внимательно наблюдать за борьбой двух силачей.

Зурташ сначала пытался перехватить соперника поперек поясницы да так стиснуть, чтобы у него дыхание сперло, но тот выскальзывал, как рыба из ладони; тогда он решил прибегнуть к подсечке, сначала правой ногой и неожиданно левой, но соперник ловко уворачивался, успевал отреагировать, кажется, он задумал хорошенько вымотать его, прежде чем перейти в наступление. У Зурташа все внутри кипело от негодования. Тарик сопел ему в самое ухо, не поддавался. И Зурташ решился на хитрость: отпустил пояс соперника, мгновенно обхватил его за шею и рванул в сторону. У того и впрямь что-то хрустнуло. Тарик ослабил хватку и медленно осел на траву. Собравшиеся хлопали в ладоши, кричали — одни торжествуя, другие выражали досаду. Зурташ стоял, расставив руки и слегка наклонясь над соперником, ждал, когда тот либо коснется рукой земли и признает себя побежденным, либо поднимется. Оказавшегося на коленях, по согдийским правилам, нельзя было трогать. Тарик же не спешил подниматься, растирал себе шею, цедя сквозь зубы ругательства.

— Может, хватит? — спросил Зурташ, посмеиваясь.

— Ты, бесчестный, похоже, и впрямь сломал мне шею, — проворчал Тарик и сверкнул негодующе глазами.

— Да не бранись ты, терпи, если мужчина. А то и головы лишишься, — сказал, ухмыляясь, Зурташ.

— Ладно, оставь меня!.. Твоя ухмылка подобна оскалу тигра, — пробормотал Тарик, понизив голос и этим как бы соглашаясь с победой соперника.

— В таком случае гони десять динаров и ковьяй прочь, — рассмеялся Зурташ, потирая перед носом соперника большой и указательный пальцы.

— Вот же они лежат! — сказал Тарик, указав глазами на лежавшие в траве деньги. — Закажи на них панихиду по себе!..

Он медленно поднялся и, держась за шею и прихрамывая, вышел

из круга под улюлюканье собравшихся. А друзья тем временем поздравляли Зурташа, пожимая его руку и похлопывая по плечам.

В это время от толпы отделился стройный мужчина лет тридцати с тонкими усиками, в желтом бархатном чекмене, перепоясанном таким же желтым ремнем, на котором висел длинный кинжал, на голове кожаный колпак. Так просто, но со вкусом одеваются люди из самого высшего сословия. Взмахнув длинной плеткой, он оглушительно щелкнул и крикнул зычным голосом, перекрывая шум толпы:

— Эй, доблестный палван, не возгордись прежде времени! Проверю-ка я твою хватку! Только поберегись, как бы я не сломал тебе ребра!

— Ого, да тебе, я вижу, нет равных в похвальбе! Сразу раскошелишься или потом?

— Думаю, на этот раз облегчить кошелек придется тебе!

— Кажется, тебе не очень хочется расставаться с деньгами до того, как утрамбуешь мягким местом землю? Ха-ха-ха!.. Однако не вздумай, не рассчитавшись со мной, поспешить на тот свет: если оставишь тут долги, в рай не попадешь!

Толпа беспрестанно смеялась. Улыбался и Спитамен, поглаживая маленькую клиновидную бородку. Он стоял, склонив слегка голову набок и с любопытством разглядывая соперников. Волнистые волосы ниспадали на широкий лоб и почти касались плеч. Совсем недавно он и сам любил в дни празднеств состязаться в борьбе с сильнейшими. Чтобы не испытать горечь поражения, он брал уроки борьбы у знаменитых борцов, учился разного рода приемам, благодаря которым эти борцы некогда прославились. Теперь они состарились, имена их давным-давно затмили другие палваны, но свои приемы они помнили и любили рассказывать о жарких схватках былых времен. Когда выходил в круг Спитамен, мало кто отваживался помериться с ним силой. Поэтому он выходил обычно не сразу, чтобы состязания продлились подольше, а зрители бы вдоволь насмотрелись, налюбовались схватками истинных мужчин. Когда же выявлялся наконец сильнейший, тогда появлялся Спитамен. Еще никто ни разу не вынудил его коснуться земли даже рукой. И сейчас он тут

присутствовал не любопытства ради. Если бы увидел достойного противника, не поленился бы — разделся и вышел в круг...

— Что ж, если ты печешься о чужих грехах больше, чем о своих, тогда прими заранее, — сказал незнакомец, извлекая из мешочка монеты, и кинул их Зурташу; тот ловко поймал все до единой и бросил в лежавший около его одежды колпак. — Ну и ну, да ты прямо фокусник! — восхищенно пощелкал языком мужчина: внешне он походил на перса, но по-согдийски говорил без акцента. — Но не забыл ли ты: если твоя душа, спасаясь, покинет твое тело, я должен взять из твоего колпака двадцать динаров! Клянусь, не возьму ни динара лишнего. Остальные тебе могут понадобиться по пути на тот свет!

Послышались подзадоривающие крики, хохот.

После этого соперник Зурташа, расстегивая пояс, отошел к краю площадки, положил на траву оружие, снял и аккуратно сложил четмень, колпак. Стянул через голову белую шелковую рубаху, сбросил сапоги и, оставшись в просторных коричневых шароварах, остановился на середине круга. Собравшиеся с интересом наблюдали за действиями худощавого, но крепко сбитого незнакомца, который выглядел абсолютно спокойным, несмотря на то что Зурташ явно превосходил его ростом и весом. Он стоял уверенно, словно скала, широко расставив ноги, подбоченясь, и взгляд его говорил: ну-ка, попробуй сдвинуть меня с места. Спитамену подумалось, как бы этого тщедушного с виду незнакомца, легкомысленно решившегося помериться с палваном силой, не пришлось вызволять из его мощных лапищ.

— Ну-ка, посмотрим, куда ты годишься, паренек, — с улыбкой сказал он, приблизившись к палвану.

— Сейча — а-ас, — нараспев произнес Зурташ, приподнимая руки, поводя мощными плечами. — А можем ли мы для начала узнать имя того, кто сейчас покинет майдан, как и предыдущий силач?

— Я уже выполнил твое условие — положил деньги в твой колпак. Теперь, будь добр, выполни мое — не сори вокруг себя словесной шелухой, а покажи, на что ты способен.

— Похоже, ты человек не простого рода — племени, гляди, как

бы тебе не осрамиться. Я не стану возражать, если уступишь денежки без борьбы, — ухмыляясь, произнес Зурташ, подавшись вперед корпусом. Длинными ручищами он словно обшаривал вокруг соперника воздух, ища способ вцепиться половчее мертвой хваткой, а тот уворачивался, ускользал, и довольно легко, и ухмылка на лице Зурташа постепенно стала исчезать. Этот хитрец, кажется, решил вконец вымотать его. Пот уже катился по лицу Зурташа. «Ах ты, трус бесчестный! Избегаешь открытой схватки, какую-то хитрость готовишь? А я тебя вот так! Вот так!..» Зурташ ринулся вперед и хотел было ухватить противника за шею, как предшественника, но чуть было не опрокинулся навзничь, на какое-то мгновение ноги даже оторвались от земли, но он сумел все же — слава всевышнему! — сохранить равновесие и приземлиться на обе ступни и сразу принять борцовскую стойку. Что же произошло? Он сразу и не понял. Ага, этот наглец подсек его левую ногу и одновременно молниеносным движением рванул за плечо книзу. Да, этот сухопарый тип, кажется, доставит ему хлопот.

Зурташ метнулся, как тигр, вперед и, обхватив противника за талию, сцепил за его спиной руки. Но тот уперся ладонями ему в подбородок, и чем сильнее Зурташ стискивал его, тем выше задиралась собственная голова. Зурташ мог бы переломить его пополам, если бы не эти чертовы ладони. У него хрустнуло в шее и потемнело в глазах. Пришлось расцепить руки. Не успел опомниться, как теперь уже руки противника опоясали его, словно железной цепью, а сам он будто прилип к Зурташу, руки которого лишь скользили по его спине и не за что было им уцепиться. И заметался Зурташ, выворачиваясь то вправо, то влево, растрачивая остатки сил. Он утомился раньше, чем соперник, дышал шумно, пот лил с него ручьем. И соперник, не будь дурак, сразу понял, что Зурташ израсходовал последние силы, он издал торжествующий вопль, оторвал Зурташа от земли — толпа при этом взревела — и, перебросив через себя, грохнул об землю. Земля словно содрогнулась. Вокруг кричали, хлопали в ладоши, свистели. Победитель медленно выпрямился, смахнул со лба капли пота и улыбнулся. А Зурташ лежал неподвижно. То ли сильно ушибся, то ли стыдно было поднять

голову.

Спитамен вышел в круг и, подойдя к победителю, положил руку ему на плечо:

— Хвала! Вы еще раз доказали, что борьба — это не просто проба силы, а искусство.

Тот поблагодарил кивком. Взгляд у него был веселый, глаза большие, как у девушки. Он нагнулся к Зурташу и взъерошил на его крутом затылке волосы:

— А ты, приятель, полагаешься только на свою силу. Не огорчайся! Овладеешь техникой, тогда вряд ли кто сможет побороть тебя. Разве что... опять я, — рассмеялся он.

Зурташ, отжавшись от земли руками, приподнялся и, отдуваясь, помотал головой. На его вымазанной землей спине бугрились мышцы.

— Вступай в мою дружину, — сказал ему соперник. — Не пожалеешь. Я не злопамятный, назначу тебе хорошее жалованье и бороться научу.

Зурташ медленно поднялся, опершись о колени. Они несколько секунд смотрели друг на друга. Один при этом подумал: «Соглашайся! Мне такие парни нужны...» А другой: «Не шутишь ли?...» И Зурташ сказал, махнув рукой:

— Согласен! Но не из-за жалованья. Почту за честь служить храбрецу, имя которого можно произнести с гордостью, если кто-нибудь спросит: «Кто твой хозяин?»

— Вот и договорились, — сказал победитель, хлопнул его по плечу и стал одеваться.

Спитамен, продолжая с интересом разглядывать красивого незнакомца, поинтересовался:

— Кто вы, искусный палван, и откуда? Что-то я вас в наших краях не встречал.

— Датафарн я. Из Наутаки, — ответил тот по-персидски, на котором общались высшие сановники Согдианы, и, щупая слегка опухший локоть, поморщился — видно, растянул сустав.

— Я слышал о вас, — сказал Спитамен, тоже переходя на персидский.

— Да, меня многие знают, — кивнул Датафарн, скользнув по собеседнику надменным взглядом, в котором промелькнуло любопытство: «Кто же ты такой?..»

Он надел чекмень, застегнул пояс с кинжалом и, кивнув Зурташу, чтобы он следовал за ним, направился к коню, стоявшему в тени на привязи.

Когда он отвязывал коня, Зурташ что-то шепнул ему на ухо. Датафарн резко обернулся, сунул повод в руки нового слуги и быстро зашагал обратно.

— Вы Спитамен? — спросил он.

— Да.

— Прошу меня простить, вы достойны гораздо большего почтения, чем оказал вам я. Почему же вы сразу не назвали своего имени? Наверное, сам Ахура — Мазда свел нас сегодня здесь. Я очень давно искал знакомства с вами. Если позволите, я обниму вас, — и он, бросив на землю плетку, обнял Спитамена, который оказался на голову выше его, похлопал по спине и, отступив на два-три шага назад, устремил на него восхищенный взгляд.

— Что ж, идемте к столу, — пригласил его Спитамен. — Сегодня намечаются торжества по случаю сватовства дочери Оксиарта. Сядем рядом и поговорим...

— Увы, у меня очень мало времени. Я привез Оксиарту письмо от Бесса. А сейчас должен мчаться к Хориёну. Ему тоже послание...

— Хориён сегодня здесь, — сказал Спитамен. — Те два дня, которые вы потратили бы на дорогу, можете пировать.

— Вот это да!.. — рассмеялся Датафарн, сверкнув ровным рядом крепких зубов. — А я чуть было не показал ему хвост своего коня! Надо же, какая удача! Это свидетельствует о том, что Ахура — Мазда прощает мои прегрешения и все еще ко мне благоволит. Так и быть, остаюсь! Когда еще доведется разделить хлеб-соль с самим Спитаменом!..

Разговаривая, они направлялись к коновязи, и Датафарн крикнул издали Зурташу:

— Отведи коня в конюшню! Задай ему ячменя и напои!

Тот кивнул и пошел к воротам крепости, ведя коня за повод и

прихрамывая.

Сегодня состоится обряд первой встречи жениха и невесты. Встреча раз и навсегда определит, кто будет в семье верховодить, кто кому станет повиноваться. Они спустятся в подземелье, где специально для них убрана комната, и останутся один на один, с глазу на глаз. Они должны бороться, чтобы определить, кому из них Ахура — Мазда и Анахит препоручают власть. Чаще всего девушка без борьбы признает себя побежденной. Но так бывает не всегда...

Если жених одержит верх, то девушка всю жизнь будет ему покорна, понимать с полуслова, исполнять любое его желание. Если же он окажется — тьфу, тьфу, не приведи Господи! — побежденным, то лишится права называться ее мужем. Однако аксакалы не много помнят таких случаев, когда жених оказывался поверженным невестой, чаще всего их встреча заканчивалась благополучно, и избранницы обычно становились покорными женами, благодаря чему, по мнению согдийцев, и царили в их семьях мир, достаток, благополучие.

Сваты сидят на широком помосте в обширной виноградной беседке, обложившись атласными подушками, прихлебывают мусаллас, закусывают, потягивают чилим и ведут веселый разговор. Настроение у всех прекрасное. Все, что касается свадьбы, давным-давно обговорено. Но мало ли о чем могут беседовать будущие родичи. Чтобы не вступать в чужие дела и не мешать беседе, Хориён, Спитамен и случайно попавший на торжества Датафарн, поговорив с ними для приличия, переместились на другой помост, стоявший рядом. А жених веселится где-то с молодежью. Он появляется время от времени и, перекинувшись с отцом и будущим тестем двумя-тремя фразами, вновь исчезает. По нему видать: он тревоугодник, для своего возраста тучноват, ходит вразвалку. Пухлые щеки лоснятся. И весь он прямо сияет. Должно быть, нисколько не сомневается, что красавица Равшанак в скором времени станет его женой, от радости ног под собой не чувствует, рассказывает по крепости из конца в конец, где ведутся приготовления к торжествам, и по-хозяйски отдает распоряжения, зарезаны дюжина овец, два быка, верблюд. Со вчерашнего дня в больших чугунных котлах варится и жарится мясо.

Спитамен был наслышан о том, что дочь Оксиарта писаная красавица, но ни разу прежде ее не видел. Однако недаром говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Увидел ее Спитамен и замер, умолк на полуслове, словно молнией ослепленный. Сам разговаривал с Хориёном, Датарфаном, а она из головы не шла.

Ближе к полудню напротив беседок, где сидели именитые гости, развели костер. Сухие поленья горели почти без дыма, искры, потрескивая, улетали ввысь.

Постепенно к костру стекались мужчины и женщины, молодежь и пожилые, старики. К ним присоединились, сойдя с помостов, и именитые гости. Ровно в полдень, когда Солнце достигло зенита, жрец, облаченный в алую мантию, подал знак, и все пали ниц, прижавшись к земле лицом. Жрец стоял к огню так близко, что языки пламени едва не касались его одежды; он обратил ясный взор к небу, и над трепещущими лентами огня задрожал его надтреснутый голос, уносясь вслед за искрами и обещая донести до Ахура — Мазды его молитвы. По правую и левую его руку замерли коленопреклоненно два молодых жреца, его ученики; они медленно распрямили спины, поднялись на ноги и присоединили свои голоса к молитве. Их наголо обритые головы блестели. На обоих желтые балахоны до пят, полы которых колеблются от ветра, то обнажают их босые ступни, то вновь прячут под складками.

Молящиеся, следуя определенному ритму, то распрямлялись, сидя на пятках, то припадали лбом к теплой земле.

Спитамен не сомневался, что где-то здесь, в толпе, присутствует Равшанак, и всякий раз, выпрямляясь, он искал ее взглядом. Наконец заметил справа, где молились молодые женщины. Или почувствовал на себе ее взгляд? Она в это мгновение смотрела на него. И, прежде чем отвести глаза, улыбнулась. Вдруг ему показалось, что голоса жрецов отдалились, сделались глуше, жаркий извив пламени перескочил ему на грудь, объял сердце...

И стало тихо. Жрецы завершили молитву. Когда сошло оцепенение, все стали поздравлять друг друга, отыскивали в толпе своих родичей, друзей, знакомых, обнимались, трижды прижимаясь друг к дружке грудью, касаясь щеками.

Снова зазвучала музыка. Молодые воины с разбегу перепрыгивали через костер и вступали в танец.

В другой стороне кто-то затянул песню, ее подхватили...

К пылающему костру приблизились женщины с корзинами и стали бросать в огонь сушеные фрукты. Вокруг распространился сладковатый, слегка дурманящий аромат яблок, груш, абрикосов, изюма. Сквозь веселящуюся — пляшущую и поющую — толпу прошлись виночерпии, наливая из подвешенного за спиной кувшина с длинным горлышком в чашу мусаллас и поднося каждому, кто пожелает.

То в одной стороне, то в другой звучал голос Равшанак, нежный и сильный, он не мог не очаровать собравшихся.

Хозяин замка и его почетные гости опять заняли места на помостах. Лишь Спитамен медлил, стоял возле костра, неотрывно глядел на огонь и видел перед собой Равшанак, упивался ее песней.

И тут он вспомнил о бродячем художнике, который влюбился в принцессу Торану. Сейчас ему особенно близки переживания бедного влюбленного... Разве художник не понимает, что правитель скорее казнит его, чем отдаст ему в жены свою дочь? Понимает и все-таки любит... И Спитамен знает, что лучше бы ему побережься любви, как этого костра. Сгорит ведь...

Если бы Ахура — Мазда одарил его талантом, как того джигита, он бы, наверное, все скалы в горах украсил изображением несравненной Равшанак. Вряд ли еще где-нибудь на земле есть такая красавица. И кому достанется? Кичливому и рыхлому толстяку Ситону! Э-э-эх!.. А любит ли она его?

Спитамен пошел прочь от костра и, взобравшись на помост, примостился рядом с Датафарном, который любовался танцем девушек. Спитамен опять поймал на себе взгляд Равшанак. Она быстро отвела черные глаза и, игриво встряхнув локонами, переплетенными жемчугом, пустилась в пляс, плавно двигая плечами и изгибаясь. Он чувствовал, как сердце обволакивает теплая волна радости и волнующего беспокойства.

В этот момент к приплясывающему в окружении друзей Ситону приблизился слуга, легонько похлопал по плечу и что-то зашептал

ему на ухо. Округлое лицо Ситона расплылось в улыбке, он закивал и неуклюже последовал, еле поспевая, за слугой, который быстро зашагал по тропинке, ведущей к замку.

Тут и к Равшанак подбежала одна из подруг и тоже шепнула что-то на ухо. Спитамен даже издали заметил, как побледнела девушка, но, переборов себя, рассмеялась, сверкнула озорно глазами и кивнула. Через минуту она исчезла, будто растаяла.

После паузы, продлившейся совсем недолго, вновь возобновился разговор, ибо мусаллас легко развязывает языки, если даже они завязаны на узел. Каждый, желая теперь выглядеть осведомленнее других, высказывался о том, что ему было известно о происходящих далеко на западе событиях. Однако еще не всем, оказывается, было известно, что Искандар Зулкарнайн в конце прошлой осени захватил Сузы, главную резиденцию Ахеменидов. Роскошный дворец достался ему целехоньким, а с ним ему перепали и все сокровища, которые Дариявуш копил на протяжении многих лет. Те, для кого это явилось новостью, вздыхали, охали, и все неудачи Дариявуша объясняли неверностью тех, кто его окружает.

— Великий царь царей сам отдал Двурогому Сузы со всем богатством, — заметил кто-то. — А взамен просил вернуть ему мать, жену и детей...

— Зулкарнайн хитер... Разве вернет? Пока он держит в заложниках его семью, Дариявуш связан по рукам и ногам, — добавил другой.

«Скорее всего это так, — подумал Спитамен. — И никогда войну не выиграть тому, кто врагом уже повязан. Многие заранее предвидят исход и не оказывают Зулкарнаину должного сопротивления. С Вавилоном произошло то же самое, что с Сузами. Когда Двурогий приблизился к Вавилону, готовясь к длительной осаде, ворота перед ним отворились, и правитель Мазей вышел ему навстречу со своими сыновьями. А затем жрецы и празднично разодетые толпы хлынули навстречу его войску. Люди взбирались на стены и крыши домов, чтобы приветствовать нового царя. Цветами и венками были усыпаны улицы, по которым вступали в город македонские войска. В храмах у

серебряных алтарей горел священный огонь и курился фимиам, звучали хоры жрецов. И Искандар Зулькарнайн как триумфатор въехал в город на своей колеснице...» Спитамен вздохнул и, оглядев сидевших на помосте, молвил:

— Самыми последними сведениями располагает наш уважаемый гость, и они весьма удручающи, — он посмотрел на Датафарна, положив руку ему на колено: — Расскажите все, что поведали мне. Здесь собрались уважаемые люди округи, они будут вам благодарны.

Датафарн молчал, крепко сжав губы, как бы не решаясь при стольких свидетелях вести рассказ о вещах, бросающих тень на величие царя царей, затем в знак согласия кивнул, отпил глоток мусалласа, чтобы промочить горло, и стал говорить. Сидящие вслушивались в его низкий хриловатый голос, и воображение рисовало им Персиду, самую высокогорную область Ирана. Весь этот край, обнесенный со всех сторон высочайшими горами, представляет из себя неприступную крепость. Даже широкие долины в промежутках между отдельными хребтами расположены на высотах, где и летом может закружить буран и зеленые склоны убеляет снег. В Персиде нет прямых дорог и плавных спусков, они извиваются и петляют по склонам, словно брошенная с небес лента, переползают через перевалы, большая часть которых проходима только летом.

Искандару Зулькарнайну было известно, что царь царей Дариявуш, против которого он вел «войну отмщения», находится в Мидии, в столице ее Экбатанах. Однако его более манил Персеполь — столица Персиды — своими такими же богатыми, как в Сузах, сокровищами. А чтобы захватить все эти богатства, нужно нагряться нежданно-негаданно. В Персиде не могли предполагать, что Искандар не последует за своим врагом, а рискнет совершить переход через неприступные горы зимой, именно поэтому он решил не дожидаться весны...

В Персиде командовал войсками небезызвестный Искандару Ариобарзан, который вырос и обучался в Македонии. Он знал силы македонян, их физическую подготовку и полагался на свою военную смекалку. Но Александру и до этого приходилось встречаться в сражениях со смекалистыми полководцами, которые

демонстрировали величайшие образцы своего мужества, но он без особого труда разбивал их войско: у него было основание надеяться, что и в этот раз ему будет покровительствовать сам Зевс.

Через несколько дней пути в Персиду Искандар вступил с войском на земли воинственного горного племени уксиев. Эти горцы, жившие в самом центре Персидского государства, оставались полностью независимыми даже от самого Дариявуша; когда ему доводилось ехать по дороге из Суз в Персеполь, они осмеливались требовать с него откупные. И он не смел отказывать им, чтобы благополучно преодолеть нависающие над пропастями перевалы и добраться до столицы без приключений. Теперь уксии возомнили, что могут так же обойтись и с Искандаром: устроили на дороге между двумя утесами завал из камней, глыб льда и послали к македонскому царю парламентаря с требованием откупа. Искандар выслушал парламентаря, не слезая с коня, и, усмехнувшись, сказал:

— Передай соплеменникам, что откупными послужит их собственная жизнь. Если для них она чего-нибудь стоит, то пусть до полудня, пока мои воины будут отдыхать, расположась на привале, разберут этот завал. Иначе мне придется передумать, и никаких откупных они не получат вовсе.

Самоуверенные уксии отказались пропустить Искандара.

И царь еще раз продемонстрировал свое искусство в ведении горной войны со всеми ее хитростями и неожиданностями. Он нисколько не сомневался, что уксии — эти глупцы! — не протяжении всего его пути в горах устроили ему засады. Тогда, отказавшись двигаться по главной дороге, чреватой опасностями, он разослал небольшие отряды в поселения уксиев, где оставались семьи тех, кто вздумал оказать сопротивление сыну Зевса. В деревнях почти не было мужчин. Заполыхали дома, разнеслись по всей долине вопли истязаемых женщин, детей, стариков. Вмиг прослышав об этом, воины бросились на помощь близким и по пути в свои деревни сами натыкались на засады. Искандар так жестоко расправлялся с дерзкими горцами, что мать Дариявуша, не в силах все это видеть, стала умолять царя македонян сжалиться над пленными. Искандар часто общался с этой плененной им старой женщиной, успел оценить ее

мудрость и считался с ее мнением, однако, словно захмелев от льющейся повсюду крови, не сразу уступил ее мольбам. И нет никакого сомнения, что если бы не заступничество матери Дариявуша, то вряд ли остался бы в живых хоть один из уксиев...

Но как бы то ни было, Александр потерял два-три дня. За это время Ариобарзан построил укрепления на главном перевале и занял высоты по обе стороны долины. Он приготовил македонянам настоящую ловушку.

На этот раз Искандара тоже подвела самоуверенность. Когда он попытался эту долину форсировать и его войско втянулось в ущелье, на них со всех сторон покатались обломки скал, дробясь на куски, разлетаясь на осколки, от которых воинов не могли спасти ни щиты, ни шлемы. И невозможно было здесь организовать никакого сопротивления. На глазах у македонского царя гибло его воинство под обломками скал, катящихся со страшным гулом и грохотом со склонов, увлекая за собой снежные лавины. Искандару не оставалось ничего иного, как отступить. И едва он отдал такой приказ, как македоняне позорно побежали назад, бросив убитых и раненых, стремясь как можно скорее выскочить на вольный простор из узкого ущелья, страшась даже мысли, что персы успеют заблокировать спасительный выход...

Однако Ариобарзан дал маху. Он думал лишь об обороне и пренебрег возможностью победить — напасть на македонян с тыла, удержать их в той ловушке и там уничтожить. Ариобарзан упустил свой шанс...

Вырвавшись из западни, Искандар тотчас предпринял попытку исправить свою ошибку. Он был взбешен, что из-за нее мог потускнеть ореол его непобедимости, его слава, которая уже сама по себе внушала врагам страх. По его приказу к нему привели изловленных в горах пастухов. Царь взял в одну руку меч, а в другую горсть золота и сказал им: «Никто лучше вас не знает гор. Вы проведете меня и моих воинов безвестными тропами, и в награду получите это!.. — И показал золото. — А кто откажется помочь мне, сыну Зевса, умрет от этого меча!» — И показал меч. Двое или трое тут же были обезглавлены, остальные пали на колени.

И войско Искандара двинулось безвестными горными тропами в обход врага. Царь отдавал себе отчет, что пастухи могут завести его в такое место, откуда потом не просто будет выбраться, и все же пошел на риск. Если из десятка проводников найдется хотя бы один, который поведет их верной дорогой, этого было достаточно. Так и случилось: один за другим погибли проводники от мечей македонян. Александр шел первым, ведя коня в поводу. Они пробирались ночами, чтобы остаться незамеченными, не разводя костров, чтобы согреть коченеющие от мороза руки, ноги, утопая в снегу, теряя воинов, срывающихся с воплем в пропасти. Это был отчаянный шаг. И все же оставшиеся в живых проводники вывели его к перевалу. Войско Александра внезапно оказалось в тылу у Ариобарзана. Пораженные этим, персы в этот раз почти не оказали сопротивления. Но Александр не склонен был к милости. Он приказал убивать всех, кто попадется...

Ариобарзану с несколькими из приближенных удалось пробиться с боем и скрыться в горах.

Через семь дней, после нескольких быстрых переходов, Александр вышел к Персеполю. Местный персидский правитель велел открыть перед ним врата и вручил ему ключи от возвышающихся на горных террасах великолепных дворцов. Царь отдал город на разграбление своим воинам. Даже царские гробницы, вырубленные высоко в горах, и те были разграблены, разрушены.

В главном дворце, служившем некогда гордостью Ахеменидов, в течение нескольких дней длился пир, который царь задавал в честь взятия Персеполя. Искандар воссел на трон, с которого Дариявуш и все его предшественники правили великой империей, и тем самым закрепил свое право на него. Недаром же копье его, которое он метнул в начале похода, так глубоко вонзилось в азиатский берег Геллеспонта. Из подвалов были извлечены и вкачены в залы дворца бочки с многолетним вином, в них копьями пробивали отверстия и подставляли ковши. Ковры пропитались ароматной влагой и чавкали под ногами. Хмельные друзья — сподвижники Искандара — привели своих гетер. Те, кто еще мог держаться на ногах, плясали и горланили песни. Повсюду: на коврах, на голом полу, в лужах вина, валялись

полуобнаженные, переплетенные в экстазе тела воинов и гетер.

Вдруг, рванув тяжелые портьеры на высокой боковой двери, в тронном зале появилась Таис, эта не только прекрасная, но и хитрая на выдумки гетера. Держась за скомканную в руке портьеру, она слегка пошатывалась и не сводила с Александра горящих глаз. И когда он тоже задержал на ней взгляд, она ослепительно улыбнулась и крикнула:

— Александр, сын Аммона³⁸! Что принес ты в жертву своему покровителю в знак благодарности?..

— Быть может, мой отец скажет твоими устами, чего он хочет? — спросил Александр, спихнув довольно неучтиво с колен гетеру, которую обнимал до этого.

— А если бы он возжелал получить этот дворец, не пожалел бы?.. — продолжала, все так же завораживающе улыбаясь, Таис.

Царь вскочил. Его качнуло, он, однако, успел ухватиться за высокую спинку трона, инкрустированного слоновой костью и драгоценными камнями.

— Я?.. Я принесу ему в жертву весь Персеполь, не только этот дворец!..

Он подошел к стене, где ровно и без дыма горели небольшие факелы, вставленные в бронзовые гнезда, схватил факел и поднес к пурпурному плюшевому занавесу, который тотчас занялся ярким пламенем.

Участники пира с восторженными воплями повскакали с мест и в вакхическом порыве бросились расхватывать факелы. Уже горели все занавесы и ковры, запылали кедровые перекрытия здания. Настала пора спасаться самим. Пламя быстро распространялось, стало охватывать одно помещение за другим...

...Датафарн замолчал. И долго царила тишина. Рассказ его произвел тягостное впечатление на сидящих. Ни яркое весеннее солнце, ни пень скворцов в кроне чинар не могли развеять их мрачного настроения. Каждый понимал, что если сегодня над их головой небо лазурное, то это не значит, что оно завтра не станет

³⁸ Греческий Бог Зевс египтянами и народами Азии идентифицировался с Богом Солнца Аммоном.

черным от дыма.

— Если он предал огню Персеполь, значит, не собирается долго в нем задерживаться, — высказал предположение Оксиарт.

— Недаром сказано, что дурная весть обгоняет твоего коня, — промолвил Датафарн и усмехнулся. — Уже по пути сюда я узнал, что Искандар Зулькарнайн теперь рассчитывает направиться в Мидию, полагая, что Дариявуш выступит ему навстречу...

— До каких же пор ему отступать?.. — с возмущением проговорил Хориён. — Он этак, чего доброго, приведет Двурогого к нашим границам...

— Эх — хе — хе, — вздохнул кто-то. — Хорошо еще, если только к границам...

— Никогда не думал, что он так труслив, — заметил кто-то другой.

— То, что он не из трусливых, царь доказал в прошлом, — возразил Оксиарт. — А сейчас в руках у Двурогого его семья. Поставьте себя на его место...

Хориён покивал и глубоко вздохнул.

— Но надо же что-то делать! — сказал он.

— На подмогу Дариявушу выступил с воинством Бесс, — сказал Датафарн. — У него не было более времени ждать вас. Я передал вам его послание...

Спитамен при этих его словах насупился и опустил глаза, на скулах у него приметнее обозначились желваки. Однако Хориён произнес вслух то, о чем он только что подумал:

— Кто он такой, чтоб нами повелевать?.. Он лишь может просить нас. А там уж мы сами решим, что делать!..

— Ну, так давайте же решать скорее, — задумчиво сказал Оксиарт. — А то как бы Бесс не натворил бед, уж больно горяч, хоть и толстый...

В глубине скалы, в основании главной башни, имеется просторное, почти квадратное помещение. Летом в нем прохладно, а зимой тепло. В холодные дни все торжества проводятся в этом

помещении. Посередке, на небольшом возвышении, разводят костер, вокруг него устраиваются моление и пляски. Дым от костра вытягивается в отдушину, чернеющие в потолке по четырем углам. В стены вделаны широкие медные кольца, в них вставляются факелы, пропитанные маслом. Сегодня кто-то позаботился, чтобы факелы горели поярче. Каменный пол в несколько слоев устлан мягкими войлоками, податливо пружинящими под ногами. Стены в коврах, подле них брошены стеганные матрацы из зеленого, бордового, желтого шелка, стоят плотно одна к другой подушки с вышитыми на них диковинными птицами, зверями, цветами. Поверх ковров висят щиты и мечи крест-накрест. В углу небольшой столик, заставленный серебряными блюдами и вазами, полными яств и различных фруктов.

Сегодня это помещение отдано Равшанак и Ситону. Они могут пробыть здесь, сколько хотят. Могут провести время за беседой, изощряясь в остроумии; могут молча посидеть, пока у них кончатся еда и шербет; могут придумать для себя игры, чтобы не скучать; могут вызвать друг друга на поединок, дабы помериться силой. Инициатором последнего чаще всего бывает жених, для которого борьба служит поводом обнять невесту...

Когда Ситон, шумно дыша, спустился по крутым узким ступеням в подземелье, освещенное горящими на стенах факелами, едва достигшая совершеннолетия девушка уже стояла посреди помещения, низко опустив голову. Мельком взглянула исподлобья на вошедшего. Тот ли это, кому бы она с радостью покорилась? Она мысленно обратилась к Богине любви Анахит, прося совета. И после этого будто кто-то зашептал ей на ухо: «Госпожа! Внемли словам Анахит, поступай, как велит она. У тебя сердце одно, отдай его только любимому. И тогда счастье окрылит тебя и вознесет до небес, и ты узнаешь целый мир радостей, о существовании которых до сей поры не ведала... Внемли Анахит, поверь ей, послушайся... Ты, колыбелью которой служил необъятный простор, ты, кутавшаяся в простыни белых туманов, что подавали тебе могучие скалы, ты, ставшая сестрой газелям, прибегавшим на водопой, когда ты плавала в реке, горячее сердце твое остынет без любви...»

Девушка еле приметно вздохнула, не сводя испуганных глаз с

медленно приближающегося жениха, округлое и плоское лицо которого расплылось в улыбке, а глаза превратились в щелки, исчезнув в пухлых веках, и она прошептала, еле шевеля деревенеющими губами: «Я в твоей власти, Анахит, помоги мне!..»

«...Представь себе холмы и извивающуюся меж ними дорогу, которая не имеет конца и ведет на чужбину. Ты можешь проехать по ней лишь в один конец... Не зачахнет ли тут без тебя твой белоснежный тулпар, переносивший тебя, как на крыльях, с холма на холм?.. Не зарастут ли тропинки, по которым ты ходила одна, на заре направляясь к реке, не станут ли солеными от слез волны, привыкшие по утрам принимать тебя в свои объятия?.. Не сделается ли обжигающим ветер, который нежно и ласково обтирал твое тело и сушил волосы?..»

Равшанак сложила у подбородка ладони и подняла глаза к потолку.

Ситон остановился, услышав шепот, не сводя глаз с ее припухлых и алых, будто она только что ела вишню, губ.

— Эй, Анахит, все радости свои и заветные мечтанья складываю у твоих ног, — шептала девушка, и слезы бежали по ее щекам. — Все бери. Оставь только любовь. Будь милосердной к рабе своей!..

Равшанак медленно опустила руки и, внимательно посмотрев на джигита, улыбнулась, будто только что его заметила. Он стоял, широко расставив ноги, подбоченясь. Уверен в себе. Кто из них сильнее, крепче? Он — кряжистый тополь. Она — виноградная лоза... Равшанак помнит бурю, которая ломала и тополя, и чинары; а виноградники, которые крепко держатся за родную почву, прижимаясь к ней, уцелели...

Ситон даже несколько оробел и растерялся, видя, как девушка приближается с блуждающей на устах улыбкой. Он не ожидал, что она так сразу решится отдать себя в его объятия. Но не об этом ли говорят ее полуоткрытые для поцелуя губы и сияющие глаза? У него ноги сделались ватными от волнения и предчувствия близкого счастья. Она остановилась, слегка смущенная, в нескольких шагах и, не сводя с него горящих глаз, стала медленно расстегивать пуговицы на длинном, почти до пят, камзоле. Затем тряхнула плечами, и камзол

сполз к ее ногам. Она осталась в тонкой полупрозрачной блузке с широкими рукавами и желтых шароварах; тонкую талию ее стягивал широкий пояс, украшенный червлеными серебряными бляхами.

У Ситона кровь прихлынула к голове, перехватило дыхание.

А она, как ни в чем не бывало, собрала рассыпавшиеся по плечам волосы, закрутила их на затылке, завязала тонким шнуром.

Ситон сделал в ее сторону шаг и остановился, чувствуя, как не только ноги, но и руки, все тело наливается истомой, тяжелеет, а голову обволакивает туман...

— Ну, что же ты?.. Смелее, — подзадорила девушка.

И этот голос, в котором Ситону слышалась страсть, вскружил ему голову пуще хмельного вина. Он засопел, раздувая ноздри, сорвал с себя жилет из козьей кожи, рванул ворот белой рубахи, ставший вдруг тесным. Такая Равшанак хрупкая и слабая с виду, что трудно поверить в то, что говорят о ней: будто бы она ни в скачках, ни в стрельбе из лука, ни во владении боевым мечом не уступает мужчинам. «Наверное, в вашей округе такие мужчины, — подумал Ситон и усмехнулся. — Вот подхвачу тебя сейчас на руки и брошу вон на то ложе, не успеешь и глазом моргнуть... Отцу моему и родичам да почтенным аксакалам немало пришлось собрать богатств — деньги, отары овец, десятки верблюдов, — чтобы умиловить твоего отца. Теперь ты моя. Могу делать с тобой, что хочу. Попробуйка воспротивься!..»

В глазах Ситона Равшанак заметила хищный блеск, который не раз видела в глазах барсов и тигров, доставленных живыми в их замок охотниками, чтобы содержать в деревянных клетках до базарного дня, и подумала: «Да, Ситон, не по сердцу ты мне!.. Каюсь, что уступила воле отца и уговорам многочисленной родни. А сейчас... Еще ты меня не коснулся, а уже мороз по коже...»

До последних дней, пока не заговорили с Равшанак о замужестве, она ощущала себя птенцом, у которого уже окрепли крылья, но не настолько, чтобы улетать от гнезда далеко. И когда отец обмолвился с ней о женихе, она со слезами на глазах спросила: «Я стала лишней в доме?» — чем крепко его обидела. Неделю он ходил мрачный и не разговаривал с ней. А разве Равшанак была неправа? Разве во всей

огромной Согдиане не нашлось бы высокородного, достойного ее джигита?..

Во всем виноват двоюродный брат отца Хориён! Это он лет пять назад, когда отправился по торговым делам в Кир — Эсхат³⁹, познакомился с отцом Ситона, а затем и подружился. С тех пор он бывал там с караванами дважды в год. К его прибытию приятель заранее закупал по дешевке для него пшеницу, рулоны различных тканей, породистых овец да быков на племя. А Ситон затем со своими вооруженными дружками и слугами сопровождал его до самых границ Согдианы, где дорога уже пролегает по землям знакомых им людей.

Однажды на одном из пиров Хориён пообещал Ситону засватать за него дочь своего родственника, красавицу из красавиц. С этого все и началось. Мужчина, как говорится, своего плевка не слизывает, от сказанного слова не отказывается. По правде сказать, огромных трудов стоило ему уговорить двоюродного брата согласиться, чтобы дочку, которую лелеял, холил, как цветочек, берег, как зеницу ока, отпустить в такую даль, в чужие края. Но девушка, говорят, как цветок — однодневка: не заметишь, как отцвела. И что тогда? Да и время нынче беспокойное, что ни день, все тревожнее слухи доносятся об Искандаре Зулькарнайне, царе македонском. На дорогах участились разбои. Небезопасно стало держать в доме девушку на выданье. Тем более такую своенравную, как Равшанак, без спросу исчезающую из крепости на весь день и возвращавшуюся перед самым заходом солнца. Она смела и дерзка, но неопытна, не подозревает, на что способны злоумышленники, не понимает, что могут, связав по рукам и ногам, умчать на другой край земли и там продать в наложницы. Поскупится ли какой-нибудь царь или султан раскошелиться, чтобы заполучить в свой гарем такую красавицу? Подобное случалось нередко. Родители от горя лишались рассудка... Оставалось одно из двух: либо запереть дочь в ее комнате и не выпускать, либо выдать замуж. Посоветовался Оксиарт с женой, своей Сарвиназ: так, мол, и так, что делать? И та рассудила здраво:

³⁹ Кир — Эсхат (досл.) — Дальний Кир, название города.

пора дочке замуж. Тогда Оксиарт позвал дочь и сказал: «Выбирай: либо Ситону женой станешь, либо ни шагу более со двора!..» И Равшанак покорилась. Отцу, не кому-нибудь. А этому... Нет, она даже представить себе не может, как эти волосатые руки с короткими толстыми пальцами обовьются вокруг ее талии. Не спуская с него глаз, она продолжала улыбаться. Но жених ее не столь проникателен, чтобы понять смысл ее улыбки. А она подумала: «Ну, хоть бы чуть-чуть ты был похож на Спитамена!..» Сегодня во время моления он, Спитамен, глаз от нее не отводил. И такой у него был горячий взгляд, что почудилось, будто пламенем священного костра обдало лицо ее. Один только взгляд его всколыхнул в ней целую бурю чувств. Может, он думал при этом совсем о другом, а у нее в ушах звучали слова, какие ей хотелось услышать. Нет, не могла она ошибиться: он любовался ею, восхищался ее танцами, и она старалась изо всех сил быть легкой, как пушинка, гибкой, как лоза, для него одного старалась...

«Эх, Ситон, не знаешь ты, бедняга, какие грешные мысли сейчас в моей голове!.. Окажись на твоём месте Спитамен — сама бы на грудь ему бросилась, а потом опустила бы на колени — в знак того, что согласна быть навеки его рабою... Какое это счастье — греться с ним у одного костра, есть-пить из одного казана! И не нужно ни замка, ни дворца — пусть нашим домом станут горы, крышей — небо, постелью — трава...»

Почему так несправедливо устроен мир?.. Почему звездой Равшанак должен владеть Ситон, а не тот, кому она отдала бы ее сама?..

А что, если попытаться одолеть этого толстяка в борьбе? Только подумала, и ей вдруг сделалось страшно, что она может не справиться с ним. И тогда прочь мечты о любимом. Жизнь превратится в кромешную ночь. Да, сейчас именно свет и тьма вступят в борьбу, Анхра — Майнью — божество зла и Ахура — Мазда — божество добра...

Ситон, набравшись решимости, шагнул к ней, вознамерясь заключить ее в объятия, и обнял... пустоту. Девушка ловко избежала его рук, ускользнув в сторону. И еще не успело с его лица сойти

удивление, как она прильнула к нему. Теряя равновесие, он хотел было сделать шаг, но нога ее, словно змея, обвилась вокруг его ноги; девушка резко откинулась назад, разворачиваясь, как туго скрученный аркан, увлекая его вниз и опрокидывая навзничь. Такого коварства он ожидать не мог. Опомниться не успел, как бухнулся лопатками об пол. Хотя пол был застлан, стук этот, казалось, разнесся по всем помещениям замка.

Став коленом ему на грудь, девушка вскинула над головой сжатые кулаки и крикнула:

— Я победила тебя!..

Ситону ничего не оставалось, кроме как рассмеяться и сделать вид, что он упал нарочно; он взял ее за руки, потянул на себя:

— Я давно побежден красотой твоей, душа моя!

Но она вырвалась и, вскочив, встала на него ногой. В глазах у нее он увидел ярость.

— Ты обязан признать, что я победила!

— Вот и я о том же, — пробормотал он, взяв ее маленькую ножку в сафьяновой туфельке, расшитой бисером, прижал к щеке. — Умоляю, не мучь своего пленника, стань его благородной повелительницей!..

— Я победила тебя не для того, чтобы сделать тебя своим пленником!

— А для чего же?

— Отрекись от меня! Или я объявлю съехавшимся из всех улусов гостям, что уложила тебя на лопатки!

— Ты не сделаешь этого, — медленно произнес Ситон, бледнея, глаза его гневно сверкнули.

Он вдруг прытко, как обезьяна, вскочил и стиснул девушку так, что ей стало трудно дышать.

— Это нечестно... — еле выговорила она.

— А ты со мной — честно? — процедил он сквозь зубы.

— Хитрость — оружие женщины, а не мужчины. Трижды позор джигиту, если он использует хитрость против женщины.

— Не-ет!.. — покачал он головой, осклабясь. — Теперь меня не проведешь. В словах твоих не меньше хитрости, чем в действиях.

Решила проверить, насколько я силен? Пожалуйста, сейчас я покажу тебе свою силу. Сегодня же станешь моей. Сейчас же. Ты моя жена!.. — он поднял ее и, прижав к груди, направился к посланным возле стены матрацам.

— Трус! — закричала Равшанак, пытаясь вырваться. — Ты не посмеешь!

— Возомнила себя палваном? — рычал Ситон ей в ухо. — Что ж, попробуй-ка воспротивиться, если ты так сильна. Это даже интересно...

И вдруг, вскрикнув, он разжал руки, девушка выскользнула из них и, едва не упав, прынула в сторону, прижалась спиной к стене подле факела. В левой руке ее сверкнуло узкое лезвие маленького кинжала.

Ситон держался за бедро возле паха. Посмотрел на руку, она была окровавлена.

— Куда ты метила, мерзавка?.. — спросил он, устремив на нее тяжелый взгляд исподлобья.

— В следующий раз не промахнусь, учти!

— Это говоришь ты, за которую отдан такой выкуп? Ты, предназначенная мне по воле Ахура — Мазды, собираешься пролить мою кровь?..

— Что ж, если только так можно охладить твой пыл! — сказала Равшанак, тяжело дыша, грудь ее высоко вздымалась; едва он сделал шаг, она закричала: — Не подходи! — в глазах ее запылал пожар; правой рукой она вынула из кольца факел и выставила перед собой: — Здесь и стены мне защита. Стоит мне закричать, ворвется стража и поднимет тебя на пики.

Их взгляды скрестились, словно мечи. И Ситон понял, что побежден. Он бухнулся на колени и, ткнувшись лбом в узорчатый войлок, взмолился:

— Равшанак!.. Милая... Сжался... Я умру, если с тобой расстанусь... Не позорь... Не женой тебя сделаю — повелительницей...

Он бубнил что-то в войлок. Равшанак не могла разобрать слов. Ступая на цыпочках, она стала пробираться к двери.

Протяжно скрипнула, отворяясь, дверь и резко захлопнулась. Ситон понял, что остался в подземелье один. Шипели по-змеиному на стенах факелы, сквозь каменные стены временами просачивались звуки карнаев, сурнаев и бубнов, будто из потустороннего мира. Ситон вытянулся во весь рост и, стеною, как раненый барс, впился зубами в лохматый войлок, заколошматил по нему кулаками.

А девушка взбежала по крутым ступенькам вверх, отворила, навалиясь плечом, тяжелую дверь башни и вышла наружу. Щурясь от яркого света, глянула в безоблачное небо и вздохнула полной грудью освежающий горный воздух. «О покровительница моя Анахит! Всю жизнь буду молиться тебе», — подумала она, и ей почудилось, что крылья пролетающего мимо белого голубя прошелестели: «Да, в любви — сила. Запомни это... Если у нее есть хотя бы чуточка надежды на взаимность — ну, хотя бы с паутинку! — она способна опрокинуть и гору, вставшую у нее на пути...» Равшанак весело засмеялась и, подпрыгнув, помчалась бегом к дому, чтобы, пробравшись незаметно в свою комнату, переодеться.

А за стенами крепости под чинарами продолжали звучать музыка, песни, смех. Слегка опьяненные не столько молодым виноградным мусалласом, сколько ощущением праздника, люди плясали, напевая и хлопая в ладоши, подзадоривая друг друга.

Из обитых медью ворот, открытых настежь, вышла Равшанак и узкой тропинкой стала спускаться к площадке. Она хотела незаметно присоединиться к веселящимся подружкам, но ее издалека заметили аксакалы, сидящие за трапезой в тени чинар. Те, кто был посвящен в их семейные дела и кому было известно о том, где она должна сейчас находиться, недоуменно переглянулись. Невесте, уединившейся с любимым, имеет ли смысл спешить к подругам?.. И аксакалы умолкли, прервав беседу, кто-то крикнул, кто-то кашлянул.

Оксиарт сделал дочери знак, чтобы она подошла.

— Почему ты здесь? — строго спросил он.

— А разве я не могу быть там, где мне хочется? — чуть резче дозволенного ответила Равшанак.

Хотя на устах ее блуждала улыбка, было заметно, что она взволнованна и бледна.

— Можешь, — сказал отец. — Но в настоящую минуту ты должна находиться в другом месте, и не без твоего согласия.

— Ты же сам говорил, отец, что я вольна, как ветер. А можно ли упрекать ветер, если он меняет направление?.. — смеясь, сказала Равшанак.

Хориён заметил у нее на шее, чуть пониже левого уха, царапину и понял — боролась. А они с братом надеялись, что обойдется без этого. Такие, как она, ежели вступают в борьбу, то скорее умрут, нежели сдадутся. Перевел полный тревоги взгляд на Оксиарта. По глазам его понял: он подумал о том же.

— Ступай, — сказал Оксиарт, из последних сил держа себя в руках, но голос его дрожал.

Равшанак тоже не хотелось сейчас разговаривать с отцом. Но поспешила она теперь не к подружкам, а свернула с тропы и вприпрыжку сбежала к коновязи, где стояли, жуя сено и обмахиваясь хвостами, несколько лошадей, на которых приехали гости.

Отвязала первого попавшегося коня, черного, как вороново крыло, взлетела в седло и поддала пятками. Конь фыркнул, тихонько заржал, рванулся с места, в один миг вынес ее на дорогу и понесся вскачь. Грива и хвост его развевались по ветру. Некоторые аксакалы даже привстали с мест, следя, как девушка уносится вдаль. Вскоре она исчезла из поля зрения, свернула, похоже, на тропу, убегающую по откосу вниз, к реке.

Все, кто это видел, опешили. Не потому, что девушка умчалась верхом, этим никого не удивишь. А потому, что унес ее на себе Карасач, знаменитый тулпар Спитамена, который и близко не подпускал к себе никого из чужих. И даже сам Спитамен растерялся и почувствовал тревогу. Может, сидящие не заметили, что она ускакала именно на Карасаче?.. Пожалуй, лучше оставаться на месте, делая вид, что происшедшее тебя нисколько не касается.

Но Оксиарт заорал, хлопая себя по ляжкам:

— Эй, люди!.. Этот бешеный конь понес мою дочь!.. Ей не справиться с ним!.. Если их не догнать, ей не спастись!.. Эй,

Спитамен, это же твой конь!

Из толпы вдруг выскочила Сарвиназ, мать Равшанак, и закричала, размахивая руками:

— Эй, Спитамен, что же ты медлишь?! Она ведь разобьется, моя единственная!..

Спитамен вскочил, резко поставив чашу с мусалласом, едва не расплескав, и бросился к коновязи. Прыгнул на чьего-то коня и огрел плеткой. Копыта гулко застучали по хорошо утоптанной дороге. Вскоре он заметил далеко внизу пересекающую зеленую поляну всадницу. Натянул поводья, поворачивая коня на тропу, и нырнул, пригнувшись к луке седла, в зеленый полумрак густого орешника. Ветви хлестали по лицу, плечам. Конь вынес его на огромную поляну, где, видно, ни разу не пасли скот. Высокая трава была по брюхо лошади, задевала стремяна, прямо из-под копыт вылетали, хлопая крыльями, огненно-красные фазаны, полосато — серые горные куропатки, крупные перепела и, проносясь низко над травами, садились у перелеска, из-за которого доносился рокот реки. Спитамен взмахнул плеткой, торопя коня, въехал на бугор и снова увидел всадницу, вверившую свою судьбу Ахура — Мазде и доброму коню. Не подозревая погони, она ехала медленно, опустив голову. Но вот, заслышав позади себя топот, даже не оглянувшись, поддала коню в бока пятками...

Конь, подвернувшийся Спитамену, тоже был не из слабых, но не мог тягаться с Карасачем ни в выносливости, ни в силе. А Карасач — подумать только! — словно понимая, что несет на себе драгоценную ношу, какой на свете больше нет, хоть и стремительно скачет, однако плавно, чтобы красавица ненароком не слетела. Или, быть может, внемлет воле Ахура — Мазды?.. Нет, пожалуй, за ними не угнаться!

И тогда Спитамен, сложив рупором ладони, крикнул:

— Карасач!.. Эй ты, слышишь меня, Карасач?!.. Остановись!

Конь услышал зов хозяина, запрядал ушами и сразу сбавил прыть; забеспокоился, кося на ходу глазами. Бедняжка Карасач, кого ему слушаться — скачущего ли вслед за ним хозяина или лихую всадницу, то и дело всхлипывающую, руки у которой сильные, как у

воина, крепко держат повод; а ноги цепкие, как у чавандоза⁴⁰, так стискивают бока, что не сбросишь ее с себя, как ни вертись.

— Карасач! Остановись, неверный!.. — снова настиг его голос хозяина.

Кто сказал, что Карасач может быть неверным? Конь закусил удила, чтобы наездница, дергая за повод, не разорвала ему губы, и остановился, переступая ногами на месте и упрямо мотая головой, обернулся и призывно заржал. И тотчас подлетел, точно ветер, всадник, спрыгнул и схватил коня под уздцы.

— Что с тобой, эй, девушка? Или жизнью не дорожишь?

Увидев, что это Спитамен, Равшанак улыбнулась. И зубы ее сверкнули так же ослепительно, как слезы на щеках. Из-за свистевшего в ушах ветра она поначалу не узнала его голоса. Почему не оглянулась? Сама бы натянула повод, придержала коня. Думала, кто другой настигает. Чувствуя, как горят щеки, она опустила голову. А конь ласково тычется бархатными губами Спитамену в шею, лицо, словно прося прощения.

— К лицу ли невесте в этакий день выезжать на прогулку одной? А где жених? — спросил Спитамен, похлопывая коня по холке.

— Там, где ему надлежит быть.

— А не рядом ли с невестой его место?

— Рядом с невестой ты, Спитамен. Или сожалеешь? — взглянула на него в упор Равшанак.

Спитамен кашлянул в кулак, не найдясь сразу, что ответить.

— Об одном может джигит сожалеть: что такая девушка, как ты, — не его невеста.

— И невеста тоже жалеет, что такой жених, как ты, — не ее жених, — вздохнула Равшанак и отвела глаза.

Спитамен насупил брови. Да, эта девушка и такого, как он, может вогнать в краску. Чтобы оттянуть время, он прижался лицом к морде коня, приговаривая что-то ласковое.

Равшанак, несколько уязвленная тем, что не дождалась ответа, вынула ногу из стремени и спрыгнула на землю. Протягивая повод,

⁴⁰ Чавандоз — участник конного состязания.

сказала:

— Извини, Спитамен... Уже в седле я поняла, что это твой знаменитый Карасач. Давай поменяемся.

Принимая повод, Спитамен невзначай коснулся ее пальцев. Или она это сделала намеренно? Он почувствовал, как из них переливается в него волнуемое тепло, заполняет каждую его клетку, и задержал их в ладони. Равшанак подняла на него большие черные глаза и, не отнимая руки, улыбнулась и спросила:

— А ты с Одатидой боролся, Спитамен?

— Да... — еле выговорил он, чувствуя, как горло перехватывают спазмы.

— И она сопротивлялась?

— Еще как...

— Ты, Спитамен, сильный, — проговорила она, отняв руку и окидывая его с ног до головы взглядом. — И она не сомневалась, что ты все равно возьмешь то, что тебе предназначено...

Они медленно направились обратно, ведя коней в поводу. Под ногами шуршала трава, в небе заливался жаворонок, из-за леса доносился глуховатый шум реки. В зарослях запищала какая-то пичуга, застигнутая, видно, кобчиком, и умолкла. В другое время Равшанак бросилась бы птице на помощь, а сейчас шла себе, глядя под ноги, углубившись в свои мысли. А думать ей было о чем. Она победила Ситона. Он теперь не может называть себя ее женихом. Но предстоит серьезный разговор с отцом. И с Хориёном, который всячески способствовал сватовству. Хотя никто и не вправе корить ее — она не нарушила традиций, соблюдены все правила. Ее ли вина, что Ситон побежден, хотя слабаком его не назовешь. Так было угодно Анахит. Родичи Ситона были бы правы, предъявив ее отцу претензии, если бы она отвергла его, отказавшись от борьбы. Она же не лишала Ситона шанса заполучить ее. Но Анахит вняла ее молитвам и помогла ей. Так пусть родичи Ситона адресуют свои упреки Анахит, а не ее отцу. Так она и скажет...

Равшанак искоса посмотрела на Спитамена. Заметив в траве гнездышко с крохотными рябыми яйцами, он ступил пошире, чтобы не наступить. Доброе у него сердце... Много чего она слышала об

этом пахлаване⁴¹, да не придавала значения, ибо не во все верила. А сегодня, как только увидела его, так все и вспомнила, а вспомнив, подумала: «Наверное, все, что о нем говорят — истинная правда». Он и самый меткий стрелок, достающий первой же стрелой парящего в небе орла; и укротитель диких коней; и нет ему равных в кураше⁴² и в состязаниях с мечом... Кто знает, не появился ли он сегодня здесь, Равшанак, может, и в голову бы не пришло так отчаянно сопротивляться жениху, позорить неплохого, наверное, парня. После того, как она украдкой любовалась Спитаменом... жених оказался ей слишком толстым, непривлекательным. Так блекнет луна, когда из-за горизонта появляется солнце... Пусть ей не быть никогда женой Спитамена, но женою Ситона тоже не бывать.

Спитамен почувствовал на себе ее взгляд, но, прежде чем успел поднять голову, она отвела взор. Противоречивые чувства боролись в нем. Он понимал, что эта красавица не может принадлежать ему, и тем не менее так не хотелось с ней расставаться. Сердце его словно кипело в раскаленном масле.

— Равшанак... — тихо проговорил он и остановился. — А не решишься ли ты, отчаянная девушка, побороться со мной?

Она тоже остановилась, чуть насмешливо улыбнулась, в ее черных глазах мельтешили озорные огоньки.

— Вряд ли еще когда-нибудь Ахура — Мазда сведет нас наедине, — продолжал он сдавленным от волнения голосом.

Равшанак рассмеялась.

— Думаешь, мы сейчас наедине?.. Неужто ты ослеп, Спитамен? Посмотри в заросли, там стоит газель и смотрит на нас. А парящего в небе жаворонка разве не видишь? Он привык, что я кормлю его с ладони, и просит у меня крошек. А Карасач? Разве он не расскажет Одатиде о том, что ее славный муж, знаменитый пахлаван, уложил на лопатки слабую девушку? Ведь не прибавит славы могучему, как скала, Спитамену победа над хрупкой девушкой, скорее наоборот... — сказала Равшанак твердым голосом, примечая, как на лицо Спитамена набегают тень, и думая о том, как всего несколько

⁴¹ Пахлаван — силач, борец.

⁴² Кураш — борьба.

минут назад от одного его прикосновения почувствовала в ногах слабость и готова была опуститься перед ним на колени.

Они стояли и молча разглядывали друг друга, прощаясь и в то же время подбадривая себя: «Нет, мы непременно еще увидимся. И тот чудесный миг, когда соприкасаются руки, повторится». И она сказала:

— Позволь проститься с тобой, Спитамен, мне пора.

Он хотел было помочь ей сесть в седло, но не успел. Она вставила ногу в стремя и вспорхнула на рыжую лошадь. В ее глазах он прочел насмешку и укор. Вздохнув, она произнесла: «Эх ты, герой!..» — и огрела лошадь плеткой.

Спитамен глядел вслед ей, стремительно уносящейся от него; вот она промелькнула на горбе холма и исчезла. И ему подумалось: какой бедной и серой была бы жизнь, если бы не было на свете Равшанак. И словно ветер прошелестел, касаясь его губ: «О Нахид, благодарение тебе! Ведь можно всю жизнь прожить, не испытав этого чувства, от которого все еще кипит, не успокаиваясь, кровь моя и трепещет сердце!..» И вздрогнул от неожиданно донесшегося, будто с неба, голоса:

— Спитамен — е-ен!.. Эге — ей, Спитамен!..

Со стороны леса к нему шел Ситон, ведя в поводу коня. Волосы растрепаны, на лице печать страдания.

— Откуда ты взялся?.. — спросил Спитамен.

— Будь милосерден, Спитамен благородный! — сказал, приближаясь, Ситон со слезами в голосе. — Мне не жить без Равшанак...

— А я тут при чем?..

— Уговори ее. Она тебя не слушается. Я отблагодарю тебя. Возьми половину моих отар. Выбери, каких облюбуеть, коней из моего табуна...

— Ты со мной торгуешься, будто покупаешь верблюдицу на базаре!.. — перебил его Спитамен, сведя брови на переносице.

— Она поступит, как ты велишь, я знаю, — всхлипнул Ситон и провел грязной рукой по глазам.

Спитамен, глядя на него с удивлением, отрицательно покачал головой:

— Я простой смертный и не вправе вмешиваться в дела богов. Обрати свои молитвы к Анахит и Ахура — Мазде. Они повелевают нами.

Спитамен сел в седло и поехал.

— Спитамен!..

Он не обернулся.

— Спитамен, оставь Равшанак!.. Тебя накажет Анхра — Майнью, если не отречешься от нее, помними мое слово, Спитамен!..

Спитамен стиснул зубы и пришпорил Карасача.

Глаза и уши Искандара

Чем чернее небо, тем ярче звезды. И мнится, будто миллиарды глаз вглядываются со всех сторон в землю, и все, что видят, становится известно тому, кто должен быть всеведущ, должен знать о малых и великих событиях, творящихся на земле. А вон пролегла по небу от горизонта до горизонта широкая и светлая полоса. Это благодарный Заратуштра отправил Ахура — Мазде целый караван, нагруженный драгоценностями. Один мешок на верблюде протерся, и просыпался из него жемчуг по всему пути следования каравана. Тогда велел Заратуштра караванбаши вернуться и собрать жемчуг, но Ахура — Мазда сказал: «Да останется в небе сей светлый путь. По нему многие заблудившиеся смогут находить свою дорогу». И в самом деле, с незапамятных времен люди, пересекающие бескрайние пустыни, когда сердце у них сжималось от страха, что они сбились с пути, обращали взгляд к небу, чтобы найти дорогу на земле, и этот усеянный жемчугами путь выводил их к оазисам, где они обретали пристанище, воду и пищу. А не прояви Ахура — Мазда такой щедрости, не оставь он, пожадничав, просыпанного жемчуга, скольких своих подданных, не сумевших отыскать колодцев, лишился бы...

Когда же небо затягивают черные облака, степь особенно устрашающа. Кажется, только вступи в нее, вмиг будешь проглочен, исчезнешь бесследно. Искривленные стволы саксаулов, простирающиеся в разные стороны их ветви напоминают в темноте

ужасных драконов. Внезапно налетает ветер и бросает кому-то вдогонку летящие с разбойным свистом тучи песка, жалищего руки, лицо, засыпающего глаза, ноздри, и тут же затихает, будто удовлетворившись тем, что натворил. Эх — хе, не слишком — то много таких, кто знает, где начинаются эти пустынные степи и где они кончаются, столь они велики. Кто попадает сюда впервые, тому кажется, что места эти безжизненны со дня сотворения, земля мертва, как вон та истлевшая под солнцем туша. Кто-то и в самом деле находит здесь свой конец и обглоданные дикими животными и стервятниками кости его заносят песчаные барханы. Но для кого-то барханы эти служат местом обитания и надежным убежищем.

Небо вновь потемнело, звезды закрыли глаза...

Через степь едут, поторапливая коней, два всадника. На одном одежда воина. Кольчуга. На голове шлем. На боку побрякивают украшенные серебром ножны, в которые вложен длинный меч с крупной рукоятью. Другого же всадника по одежде можно принять за дехканина. Однако тоже сидит в седле, как влитой. Тоже рослый, сильный, мускулы, видать, укрепил не только работой в поле.

Если бы звезды открыли глаза, они увидели бы, что с противоположной стороны, по той же дороге, неведомо как узнаваемой в темноте, едут три других всадника, и им показалось бы, что обе группы спешат друг другу навстречу. Копыта коней увязают в песке, и их топота почти не слышно. Поэтому всадники увидели друг друга, когда едва не столкнулись лицом к лицу. Кто-то вскрикнул. Кони взвились на дыбы, заржали. Послышались звонкие удары клинков, в темноте разлетелись искры. Кто-то простонал: «Ой, мать родная!..» — и свалился на землю. Другой, наверно раненый, припал к шее лошади, и она помчала его в ночь. Третий, выкрикивая ругательства на непонятном языке, отбивал удары, но, увидев, что остался один, пришпорил коня, направив его за темнеющий бархан. Однако взвился в воздух аркан и захлестнул ему шею; всадник всплеснул руками и слетел на песок, а конь, словно призрак, исчез в темноте.

— Браво, Шердор! Да ты не только красками малевать умеешь!

Вяжи этого сукина сына!.. — крикнул воин дюжему напарнику, уже сидевшему верхом на извивающемся под ним человеке, и, спрыгнув на землю, поспешил ему на помощь.

Связав пленного, они положили его поперек седла и приторочили крепко-накрепко, продев веревку под брюхом пойманной лошади.

— Сними с убитых оружие! — велел воин, вытирая ладони о попону. — А днем хорошенько разглядим, чем же эти собаки превосходят нас.

— Снял уже, — отозвался Шердор. — Колчаны полны стрел. Хорошо, что они не заметили нас и не успели вынуть луков.

— Ахура — Мазда уберег...

— Он справедлив, помогает тем, кто прав. А вот и мечи, Спитамен. Они короче наших, — сказал Шердор, подавая предводителю чужое оружие.

— Короче? Выходит, полегче... — задумчиво проговорил Спитамен и, резко выдернув непривычно легкий меч из ножен, дважды описал им в воздухе круг. — Значит ли это, что руки у них слабее, чем наши?..

— Вряд ли...

— Тогда почему короче? — спросил Спитамен, разглядывая тускло блестящий в темноте меч.

— Храброму длинный меч не нужен, мой господин.

— Что же, они храбрее нас?

— Ну что вы, наши джигиты словно львы.

— Тогда почему же Искандар Зулькарнайн гонит перед собой великого из великих, не давая ему передыху, и уже подступил к нашим границам?..

— Воины его давно воюют. Их руки привыкли к оружию, а наши к сохе.

— То-то же!.. А ты молодец, Шердор. Я сегодня впервые увидел, как ты владеешь арканом.

— Мне часто приходится карабкаться на скалы. А тут без аркана не обойдешься. Я набрасывал его на подходящие уступы, набил руку...

— Обучишь этому моих воинов.

— Уже учу. А они меня учат владеть мечом.

— Мечи наши длиннее, а джигиты смелее. Ты увидишь, Шердор, мы победим поганых.

— Если в сражение поведешь нас ты, Спитамен.

— Сначала я сделаю все, чтобы в Согдиане не было пролито моря крови...

— Ты не ранен, Спитамен? На тебе кровь.

— Место, окропленное кровью врага, не задевает стрела.

Всадники сели на коней. Шердор привязал к своему седлу повод лошади, на которой находился пленный. Окинув его неприязненным взглядом, пробурчал:

— Повадились...

— Видно, их уже немало рыскает по Согдиане, Шердор. Когда то в одном, то в другом месте стали обнаруживать убитых чабанов, я так и подумал, что это — дело их рук. Им не нужны свидетели...

Спитамен поехал впереди. Обернувшись, спросил:

— Ты не потеряешь свою ношу, Шердор?

— Эта ноша, свалившись, сама подаст голос: понимает небось — остаться в пустыне значит погибнуть.

— Иногда предпочитают погибнуть, чем в плен угодить. И так бывает, Шердор.

Постепенно светало. Въехав на возвышенность, они увидели вдалеке белесую полоску тумана, что извивалась между холмами, то отдаляясь от путников и исчезая, то вновь приближаясь. Это над теплой речкой холодными ночами нависал туман. А с восходом он розовел, как пенка на патоке, и постепенно таял.

Спитамену показалось, что пленный что-то пробормотал по-согдийски, он придержал коня и обернулся:

— Ого, ты болтаешь по-нашему?

— Да, — простонал тот.

— Ну, так поговорим, а мы послушаем.

— Сперва дайте хоть глоток воды, чтобы промочить горло.

— Мы и сами были бы рады хоть капле, — усмехнулся Спитамен.

— Правду говорят про вас, что вы, злодеи, как верблюды, можете по сорок дней без воды мотаться по пустыне... Подо мной в

хурджине есть вода, слышу, как хлопает, достаньте!.. — он произносил слова, страшно их коверкая, однако понять его было можно.

Шердор спешился и принялся шарить в хурджине пленного. Немного воды оставалось в бурдюке. Кроме нее, он обнаружил и кое-что из еды.

— Вот вода, — сказал он, оборачиваясь к Спитамену и подняв над головой бурдюк.

— Не давай. Яду ему, а не воды! Злодеями нас назвал, так пусть наше злодейство на себе испытывает, — сказал Спитамен.

— Ладно, я не в обиде, — упавшим голосом пробормотал пленный. — Может ли лань обижаться на поймавшего ее льва... Пейте сами.

— Вот как? — усмехнулся Спитамен. — Не зря говорят, что юноны склонны философствовать. Это, я слышал, помогает вам жить, порой заменяя пищу и воду. Не правда ли?

Пленный замотал русой кучерявой головой, с которой посыпался набившийся в волосы песок, из горла его вырвался странный хрипловатый клекот — с трудом можно было догадаться, что он смеется.

Спитамен пустил коня под уклон вскачь. Вскоре они подъехали к реке. Под глинистым берегом плескалась желтоватая от ила вода — где — то в верховьях, видно, прошел дождь. Из низины, все еще скрытой от глаз туманом, донесся лай собак, и какое-то время спустя из розовой мглы проступили полукруглые силуэты юрт. Здесь расположились на лето люди из улуса⁴³ Спитамена. Год выдался засушливый, и они решили пасти скот, перегоняя с места на место вдоль реки. Неожиданно появились разбуженные лаем собак и наспех одевшиеся люди. Они приняли у Спитамена коня, кланяясь и прижимая руки к груди.

— Это художник и воин Шердор, — представил его Спитамен, положив ему на плечо руку. — Насилу уговорил его покинуть Мараканду и уехать со мной.

⁴³ Улус — феодальное образование, большое поселение или несколько небольших, где проживают люди одного и того же рода.

— Он будет нам другом, — сказал один из чабанов, улыбаясь и поеживаясь от утренней свежести.

— А что у вас на третьем коне, господин? — спросил молодой чабан, осторожно приближаясь к пугливо пятающемуся коню и пытаясь взять его за повод: — Изнемогший в пути гость или всего-навсего кладь?

— Эту кладь надо понадежнее упрятать, хотя я еще не знаю, какова ей цена.

— Это лазутчик Искандара. Таких людей Двурогий ценит высоко, — сказал Шердор.

— Ну — у?.. — удивились чабаны и, обступив пленного, стали разглядывать.

А тот лежал без чувств поперек седла, свесив руки. Наиболее любопытные прикасались к русым кучерявым волосам. Его рыжие ресницы, обсыпанные песком, задрожали, и он открыл глаза. Они у него были голубые. Словно два маленьких, отражающих небо, зеркальца. Тут уже немало были наслышаны об Искандаре Двурогом, небылцы о нем передавались из уст в уста. Рассказывают, будто он не обыкновенный, как все, человек, а сын Зевса. Вот почему он не проиграл ни одного сражения. Наверное, хорошо быть сыном Бога: чего бы ни захотел — стоит обратиться за помощью к отцу, — и тотчас желание твое исполнится. И вот... словно с неба свалился человек Искандара. Лазутчик... Случайно ли это? Не послан ли он для того, чтобы все разузнать о тех местах, куда их царь намерен прийти?.. Не эти ли люди специально распространяют о своем повелителе разного рода слухи?..

— Снимите его! Дайте напиться и накормите, — распорядился Спитамен.

Он решил провести в этом аиле⁴⁴ два-три дня прежде чем отправиться домой.

Пленного, поддерживая под руки, повели в одну из ближайших юрт. Толпа двинулась следом, шумно обсуждая происшедшее, высказывая предположение, что привело чужака в их места. Они

⁴⁴ Аил — становище, временное поселение из юрт.

были наслышаны, что воины Искандара едва ли не великаны и сильны, как дивы, а этот низкоросл, ничем не отличается от согдийцев. Только волосы светлые, а глаза голубые.

Женщины, завидя пленного юнона⁴⁵, хватали на руки детей и скрывались в юртах. А мальчишки, те, что постарше, хватали палки или брали, на всякий случай, в руку камень, будто опасаясь, что тот может на них кинуться, как бешеный пес. Кое-кто из малышей, у кого не хватало отваги подойти ближе, издалека кидали в него сухие комья глины. И тем, кто вел пленного, досталось не меньше, чем ему. Один из стражников грозно прикрикнул на мальчишек и, показав кулак, сделал вид, что намерен броситься в погоню. Ребяшня кинулась врассыпную и попряталась за юртами. А пленный шел, пошатываясь, равнодушный ко всему, ничего не замечая, подталкиваемый в спину дюжими чабанами.

Спитамен кивнул Шердору, веля ему следовать за ним, и направился к большой белой юрте, расположенной посреди летовки, поставленной специально для него, хотя он бывал тут не слишком часто. Когда он приблизился, полог у входа заколебался, и на пороге появилась Одатида. Спитамен остановился, приятно удивленный.

Муж давно уехал в Мараканду, и она, не на шутку обеспокоясь, велела водрузить на верблюда паланкин, усадила в него троих сыновей, сама села на иноходца и в сопровождении шестерых воинов из дружины мужа выехала ему навстречу. Приехала сюда третьего дня, рассчитывая встретиться тут со Спитаменом. Так оно и вышло... Ей хотелось броситься ему на грудь. Но муж был не один, и она лишь отвесила поклон, прижав к груди обе руки. Тут же вернулась в юрту, разбудила спящих на полу детей и, подталкивая их, сонных, в спину, увела на свою половину. Быстро вернулась. Ее маленькие, привычные к труду руки были проворны, в одно мгновение она привела помещение в порядок — подмела войлок, расправила подстилки, разложила подушки — после чего пригласила войти.

Спитамен пальцами загасил ватный фитиль в глиняной плошке. Сел на подстилку и велел Шердору сесть рядом. Одатида расстелила

⁴⁵ Юнон — так в Средней Азии называли пришельцев с Апеннин.

перед ними дастархан, принесла в кувшине кумран⁴⁶ и, налив в большие касы, подала сначала мужу, потом гостю. Затем поставила два блюда, одно с ломтиками пишлака — пресного сыра из овечьего молока, второе — с кусками холодного мяса.

Муж велел ей отодвинуть полог, загораживающий вход. Это означало, что в юрту может войти всякий, кто пожелает. А дожидавшихся прибытия Спитамена в аиле было немало. Не прошло и получаса, как один за другим стали входить уважаемые люди кочевья, главы обширных семейств, подсаживаться к дастархану. Помолясь, приступали к трапезе и, не прерывая ее, обменивались новостями. Нередко Спитамену приходилось разбираться в спорах. Если спорящие стороны не приходили к согласию, то все ждали, что скажет Спитамен, на том и сходились. Довольны или недовольны остались, но виду ни тот, ни другой не подавали. Решений своих Спитамен не менял. Его слово считалось законом.

Затем Спитамен велел привести пленного.

Юнона привели, поставили посреди юрты на колени.

— Ну?.. Как зовут тебя? Откуда путь держишь? Что ищешь в чужом для тебя краю?

Пленник медленно поднял голову, оглядел из-под рыжих бровей Спитамена. Однако молчал.

— Ты меня не понял?.. А вчера мне показалось, ты толкуешь по-согдийски...

— Не хуже твоего. Но мне не о чем с тобой говорить, варвар, вы ничего от меня не услышите, — произнес негромко пленник.

Спитамен сжал до хруста кулак и, постукивая им о колено, усмехнулся:

— Ты слишком самонадеян, юнон. Что-то услышать мы всегда сможем: скажем, твой стон или, по крайней мере, хруст ломаемых костей. Однако членораздельная речь для нашего слуха более приятна. Кто были твои спутники?

— О мертвых не говорят плохо, да будет им пухом земля. Хорошие были люди.

⁴⁶ Кумран — перебродивший кумыс, разбавленный молоком.

— Лишь родная земля может стать пухом. А они лазутчики. И гнить им в чужой земле.

— Они выполняли долг.

— Перед кем? — со злой усмешкой спросил Спитамен, растягивая слова.

— Перед родиной и сыном Зевса.

— Где твоя родина, а где Согдиана... Что делить нам?

— Наша родина там, куда ступает наша нога. Так сказал великий Александр. Скоро весь мир, по воле Зевса, будет принадлежать ему. Так хочет Александр. И нет в мире сил, способных ему воспрепятствовать.

Пленный говорил быстро и громко, глядя в упор на Спитамена, уверенный в правдивости своих слов, а появившийся в его глазах блеск свидетельствовал, что он почтет за счастье умереть за своего царя. «Твоя сила, Двурогий, в таких вот фанатично преданных тебе воинах, — подумал Спитамен. — И слабость твоя — в них же... Когда они перестанут верить в твое божественное происхождение и ты превратишься для них в простого смертного, ты лишишься той силы, с помощью которой сокрушил непобедимого Дариявуша...»

— Назови свое имя, юнон.

— Какая тебе разница? Ты же не страж у врат рая, чтобы дознаваться, кто есть кто и взвешивать на весах грехи и добродетели.

— Мы взвесим их здесь, в этой юрте. И решим, как с тобой поступить. Нам известно, что Двурогий Искандар давно обратил взор в нашу сторону. Известно ли тебе, когда он намерен испробовать острие своего копья о наши пашни?..

— Мне известно только, что, отомстив Дариявушу за те унижения, которые терпела от него наша страна, он повернет обратно. Так он сказал воинам.

— Тогда почему ты и тебе подобные шныряете по нашей земле?

— Люди чужой страны нередко приходят и с добрыми намерениями: ознакомиться с местными обычаями, порядками и завязать торговые отношения...

— В таком случае не приходят украдкой, согласишься, юнон. Лучше скажи, сколько у Искандара всадников и пеших воинов? И чем они

вооружены?

— Войска у него достаточно, чтобы завоевать мир, а оружие достойно его храбрых воинов.

— Миром владеет единственное божество — Солнце. Не хочешь ли ты сказать, что твой Двурогий царь могущественнее Митры? — спросил Спитамен, с трудом сдерживая гнев.

— Я этого не сказал. Но не забывай, он — сын Зевса!

— Ложь! — воскликнул Спитамен, вскакивая с места, кувшин опрокинулся, и из него с бульканьем пролился кумран. — Это ложь!.. Мы Солнце именуем Митрой, а вы Зевсом, но суть от этого не меняется. Солнце несет людям жизнь и радость. А твой царь вокруг себя сеет смерть, проливает реки крови. От благородного отца не может родиться злодей!..

— И Солнце не всем светит одинаково, — возразил пленный. — Где-то купаются в его благодатных лучах, пышно цветут и благоухают прекрасные сады, цветники, а где-то его огненные лучи испепеляют и последнюю травинку...

— Ничего, мы не трава, которую можно скосить под корень... Мы и без тебя хорошо осведомлены о том, сколько у Двурогого войска и какое у него оружие. И мы не боимся его...

Пленный громко захохотал, запрокинув голову и широко разевая рот, хотя глаза его оставались свинцово-холодными и внимательно следили за выражением лица и жестами предводителя незнакомого ему племени. Нахмутив брови, он сказал:

— Поначалу все так говорят. Ты повторил лишь слова царя персов Дариявуша, который сейчас избегает открытого сражения с Александром, как трусливый шакал. Когда его воины видят блеск меча сына Зевса, то кидаются врассыпную, и каждый думает только о том, как бы спастись...

— Среди моих воинов таких нет, — уверенно проговорил Спитамен, усаживаясь на место.

— Я твоих воинов не знаю. Но если только Александр переправится через Окс⁴⁷...

⁴⁷ Окс — древнее название Амударьи.

При этих словах Спитамен вздрогнул и устремил пронизывающий взгляд на говорящего. Поняв, что проговорился, тот продолжал:

— Если решит вдруг переправиться через Окс, то ты увидишь сам, как многие предводители живущих в Междуречье⁴⁸ племен направят копыя друг в друга...

— Согласен, среди нас есть такие, — грустно проговорил Спитамен, кивнув.

— И немало, Спитамен! Поверь, я знаю, что говорю.

— Ого, да ты, вижу, знаешь и меня?

— А кто тебя не знает?.. Я готов принять смерть от тебя, но выслушай. Не противься Александру, он очень силен. Когда ему трудно, ему помогает сам Зевс. Как бы отважен ты ни был, он в конце концов тебя одолеет... Если ты согласишься ему служить, он тебя возвеличит и сделает правителем. Такие, как ты, у него на высоком счету...

От этих слов пленного у Спитамена защемило сердце, ибо в словах его была доля правды. Сколь умен был Двурогий, столь и хитер. Перешедших к нему персов, недавних подданных Дариявуша, он приближал к себе и одаривал властью. Это один из его способов ослаблять противника, затем побеждать. Он сперва засылает лазутчиков, разжигает вражду между племенами, родами, распространяет слухи о своей непобедимости, сеет панику и только после этого вступает в пределы чужих земель. А в Согдиане нынче куда ни повернись — всюду толкуют об Искандаре Двурогом. Базары в городах кишат лазутчиками. И это неспроста. Спитамен специально отправился в Мараканду, чтобы поговорить с Намичем. Однако тот не отнесся к его словам серьезно, все свел к шутке и весело заметил, что располагает точными сведениями о царе македонян: он поставил себе целью расправиться с Дариявушем. А тогда и в Согдиане власть персов ослабнет, и не придется более платить дань...

«А не потребует ли царь македонян эту дань себе?..» — осторожно вставил Спитамен, дождавшись паузы.

Намич замотал головой, уверяя, что великому македонянину

⁴⁸ Междуречье — территория между Сырдарьей и Амударьей.

известно, что согдиане не менее бед претерпевали от Ахеменидов, чем его соотечественники. Он желает заодно избавить и нас от их власти.

«Он хитер, как bestия. Не обманет ли?»

«Сын Аммона не смеет лгать».

Наивен и беспечен правитель. Большую часть времени проводит на охоте, предаётся утехам. Изнежила Намича спокойная жизнь, с годами стали рыхлыми не только тело его, но и дух... Придется, минуя его, собрать на совет Оксиарта, Хориёна, Хомука, Катана и других старейшин великих родов и поговорить с ними. Если бы всем им удалось просунуть головы в один ворот, то без Намича можно было бы собрать большое войско...

Спитамен поднял голову и исподлобья посмотрел на пленного.

— Да, немалый путь проделали вы со своим царем. Но не повстречали, видать, на пути настоящих пахлаванов.

— В войске Дариявуша было и немало согдийцев, — с усмешкой заметил пленный.

— Но они с вами дрались не на согдийской земле. Если вы придете сюда, наши пахлаваны скорее умрут, чем отдадут хоть пядь родной земли.

— Воин, готовый отдать за отчий край жизнь, достоин преклонения. Но не лучше ли в отчем краю оставаться живым?.. — продолжал пленный с ухмылкой на устах. — Александр чтит отважных пахлаванов и приближает к себе...

— Трусов и предателей пусть ищет в другом месте! — перебил его Спитамен. — А Согдиана — страна храбрецов, какие вам еще не снились!.. Ты ехал много дней и ночей по нашей земле и видел, сколь необъятны наши долины. У нас много скота, поля родят хлеб, в садах ветки ломаются от плодов. Что еще надо?.. Может, у кого-то еще больше богатств, но мы на чужое не заримся. Почему же алчность вашего царя переливается через край, как вскипевшее молоко, и не дает ему спокойно жить?

— Александр справедлив, — упрямо твердил пленный. — Иначе ему не покровительствовали бы боги...

— Кровожадный тигр и тот справедливее твоего царя —

довольствуется одной жертвой и, насытившись, не трогает остальных. Вы же не шадите ни женщин, ни детей, ни стариков, предавая огню их жилища. Нам еще не видны отсветы тех пожарищ, и ветер еще не пахнет дымом, но мы обо всем этом знаем...

Пленный не рискнул возражать, заметив, что Спитамен машинально сжимает рукоять кинжала, и опустил голову.

— Запали ли тебе в память слова мои, что потяжелела твоя голова? Или она все еще пуста, как корзина, которую не жалко выбросить?

— Я запомнил все, что ты сказал, Спитамен, — проговорил пленный.

— Передай мои слова своему царю. Мы будем рады видеть его у себя, если он придет, не вынимая меча из ножен. Если же пожалует с обнаженным мечом, то лишится покоя и сна. Сколь бы велико ни было его войско, все его воины лягут в землю, словно зерно на пашню. Но зерно дает всходы. От них же останется только лихая память. Скажи ему это. Я отпускаю тебя.

— Ты поистине милосерден, Спитамен, — промолвил пленный. — Да воздастся тебе сторицей за доброту твою...

Спитамен кликнул стражу. В шатер вошли, раздвинув полог, два рослых чабана с длинными кинжалами на поясе. По знаку Спитамена они взяли пленного под руки и резко поставили на ноги.

— Верните ему коня, дайте воды и еды на дорогу. Езжайте вслед и глаз не спускайте, пока он не покинет пределов Согдианы. Мне надо, чтобы он добрался до своего царя живым, — сказал Спитамен.

Шах всей Азии

Зиму Дариявуш провел в Экбатанах, больше полагаясь на милосердие Ахура — Мазды, чем готовясь к предстоящим сражениям. Он надеялся, что этот дьявол в облике македонского царя удовольствуется завоеванием главных городов его империи, захватом сокровищ и повернет обратно. Не может же быть жадность его безграничной. К тому же, чем дальше он уходит от своей Македонии, тем труднее туда снаряжать караваны. И должен же понимать, что

сколько бы теперь ни воевал, не заполучит более того, что уже имеет. А ведь каждый переход стоит ему многих человеческих жизней...

К тому же царь царей надеялся, что до весны, быть может, успеют подойти сатрап Бактрии Бесс со своим войском и примкнувшие к нему согдийские полководцы. Дариявуш даже посылал гонцов с просьбой о помощи к скифам, этим полудиким племенам, бывшим заклятым врагам своим, надеясь, что они соблазнятся золотом. Но в начале весны прибыл только Бесс, его верный Бесс, который, оказывается, заслуживает большей любви, чем царь царей к нему до сих пор питал. Он обнял этого полноватого и несколько неуклюжего с виду полководца и долго не разнимал рук, прижимая его к себе, сиюсь сдержат катящиеся из глаз слезы. Надо же, Бесс откликнулся на его зов! В то время, когда придворные от него бегут, чтобы сдаться Зулькарнайну, рассчитывая на его милость, Бесс прибыл сюда...

— А где согдийцы? — спросил Дариявуш.

— Они вскоре будут. Я послал к ним гонца, а сам, не теряя времени, выступил в Экбатаны.

— А скифы?

Бесс, опустив глаза, развел руками. И Дариявуш понял, что сыны пустыни не захотели прийти ему на помощь.

— Они никогда не были нам друзьями, — молвил он после паузы и вновь устремил на сатрапа, еще покрытого дорожной пылью, благодарный взгляд. — Спасибо тебе... Я ни на кого не могу полагаться, как на тебя. Могу ли я полностью доверять иноземцам Патрону и Главку, командующим греческими наемниками? В последнее время я стал замечать в их глазах нечто такое, что хочется тут же кликнуть охрану и взять обоих под стражу. Только ты и мой верный везир Набарзан остались, только на вас я могу опереться...

Дариявуш сильно похудел, глаза ввалились, и вокруг них темнели круги, его бороды и усов давно не касались ножницы брадобрея. Одежда на нем, которая еще недавно была роскошной, выглядела потрепанной, свисала складками. Казалось, он уже махнул на себя рукой.

— Ступай, отдохни с дороги. А вечером я велю устроить в честь твоего прибытия пир, — сказал он, положив на плечо Бессу руку.

Однако пиру состояться вечером было не суждено. На закате в Экбатаны примчался на взмыленном коне гонец. Конь рухнул под ним у порога дворца, хрипло дыша и судорожно перебирая ногами. Гонец выпростал из-под него ногу, стремительно пересек мощный плитам двор и взбежал по ступеням дворца. У входа его встретил везир Набарзан. То, что он услышал, заставило его чуть ли не бегом проследовать в покои царя. Гонец привез известие, что Искандар Зулькарнайн выступил из Персеполя и приближается с устрашающей быстротой...

Эта весть мгновенно распространилась сначала по дворцу, а затем и по всему городу. Началась паника.

Дариявуш распорядился отправить обоз на северо-восток, к Каспийским воротам, и стал готовиться, чтобы на рассвете двинуться вслед за ним. Голова у него шла кругом, и он полностью полагался на везира, который никогда не терял присутствия духа и умел предусмотреть все до мелочей. С вечера у Дариявуша поднялся жар, однако у него не было желания даже призвать лекаря. Он уединился во внутренних покоях, чтобы отдохнуть перед дорогой. Окна были отворены, и когда прохладный ветерок откидывал занавес, из-за темнеющих деревьев в комнату заглядывала луна. Царю не спалось. Он размышлял о том, что враг, быть может, удовольствуется завоеванием Экбатан и не пойдет дальше на восток. Теперь Дариявушу ничего не оставалось, кроме как следовать в далекую Бактрию...

Время близилось к полуночи, когда за дверью послышался шорох. Рука его потянулась к шнуру с массивной кистью: если за него дернуть, то в соседних покоях, где находится стража и прислуга, раздастся звон колокольцев. Однако он услышал негромкий голос своего тайного соглядатая:

— Ваше величество, это я!..

— Входи, — шепотом ответил царь.

Дверь отворилась пошире, в нее бесшумно, как тень, проскользнул человек и замер, не смея более сделать и шагу. Занавес

на окне колыхнулся, и царь разглядел в лунном свете его бледное лицо.

— Ваше величество, простите, что тревожу в столь позднее время. Однако вы сами позволили...

— Да, да, говори, — заторопил его царь; он поднялся с постели и, накинув на себя парчовый халат, стал расхаживать взад-вперед, мягко ступая по толстому ковру.

— Полководцы собрались на совет. Они без должного почтения произносят ваше имя...

— Кто из них?.. Или все?

— Все.

— Набарзан и Бесс тоже с ними? — остановился царь и дрожащей рукой пытался натянуть на плечо сползающий халат.

— Да.

— Хорошо. Ступай. Ты достоин награды.

Соглядатай исчез, словно просочился сквозь дверь. И Дариявуш сильно дернул за шнур. В дверях тотчас появился начальник охраны.

— Поставь у двери своих молодцов и пошли кого-нибудь за Набарзаном, Артабазом и Бессом! Да, Патрон и Главк пусть тоже явятся!..

Из коридора доносился топот бегающих взад-вперед воинов из охраны. Дариявуш стал неторопливо надевать царские одежды. Затем позвал прислугу и велел зажечь светильники.

Не прошло и нескольких минут, как вошли все, кого пожелал видеть он. За их спиной у входа встали дюжие молодцы из охраны, мечи которых были на треть выдернуты из ножен.

Полководцы незаметно переглядывались, они были сильно взволнованы и, пожалуй, даже напуганы. Если бы не было для этого причин, то незачем было бы им и волноваться.

— Не желаете ли вы мне что-либо сказать? — спросил царь, и глаза его гневно сверкнули.

Произошла заминка. И тогда Артабаз, старейший из друзей царя, выступил вперед и заговорил, приложив правую руку к сердцу:

— Мой великий царь! У многих твоих полководцев, которых за их отвагу ты величал львами, ныне от сознания близкой опасности

сжимаются в ужасе сердца. Отпусти их, пусть себе уходят... А мы, облачившись в драгоценные одежды, надев поверх них латы и взяв в руки наилучшие из наших мечей, последуем за тобой и примем сражение в надежде на победу, но не откажемся и смерть принять, ибо она предпочтительнее позора и унижения...

Пока он говорил, Бесс стоял, замерев, как изваяние, выпятив округлый жирный подбородок, глаза блестели, точно стеклянные, и не моргали. А Набарзан, нервничая, переминался с ноги на ногу и оборачивался назад, к двери, обеспокоенно поглядывал на могучих воинов со свирепыми лицами, которые по еле приметному знаку царя могут снести голову любому, но в нем еще не остыла страсть после спора с Артабазом, и он, довольно неучтиво, отпихнув его локтем, сам выступил вперед и слегка дрожащим от волнения голосом сказал:

— И еще есть что добавить, ваше величество... — он был полон решимости и смело посмотрел в глаза Дариявушу: — Нам нельзя далее продвигаться на восток...

— Почему?

— Сейчас очень рискованно рассчитывать на верность восточных иранцев. Они отродясь не питали симпатии к персам...

— Ахемениды никогда не были деспотами по отношению к ним. И в трудный дня меня час я надеюсь найти у них поддержку.

— Если великий царь требует верности от своих вассалов, то и они с не меньшим основанием должны надеяться, что царь будет действовать умно и сможет защитить их владения, — довольно дерзко произнес Набарзан.

Остальные молчали, но по глазам большинства из них царь понял, что они солидарны с везиром. Если он накажет везира за непочтенный тон, то остальные полководцы отвернутся от него. И что тогда? Неужели приближается трагическая развязка его несчастной судьбы? Неужели это конец?

— Что ты предлагаешь? — спросил сдавленным голосом царь и опустил глаза.

— Ваше величество постоянно избегает сражений. Мы знаем, почему у вас не хватает на это решимости. В случае нашей удачи Двурогий может уничтожить вашу семью...

— Не-ет! — закричал Дариявуш и впился зубами в кулак; покрасневшие глаза его постепенно заполнялись слезами; затем он с придыханием заговорил: — Я заманю его в великую пустыню, где нашел свой конец даже непобедимый Кир...

— Мы не успеем дойти до пустыни. Двурогий настигнет нас не далее Каспийских ворот, — выпалил везир Набарзан, которого царь всегда считал своей правой рукой. «Вы свой трон получили бесчестным путем благодаря коварству Багоя. Вот почему Ахура — Мазда лишил вас милости!..» — хотел сказать он, и глаза его сверкали. Но, помолчав и остудив пыл, он продолжал уже спокойнее, и снова голос его сделался вкрадчивым, как и прежде: — Я знаю, что выскажу мнение, на первый взгляд, вам неуютное. Но ведь и врачи нередко излечивают болезни очень горькими лекарствами, а кормчий корабля, стараясь избежать кораблекрушения, спасает, что может, жертвуя остальным. Вот и я, которого надоумило небо, осмеливаюсь советовать вам не спастись бесконечным бегством, а сохранить царство разумным способом...

— Каким же? — жестко спросил царь, устремив на него тяжелый взгляд, его руки нервно тискали пояс халата.

— Мы вступили в войну без благословения богов, и жестокая судьба не прекращает преследовать персов. Нужно все начать сначала при новых знамениях...

— Как же все, что уже произошло, ты собираешься вернуть вспять? — спросил, жестикулируя, царь.

— Передай на время власть и командование другому, который до тех пор будет именоваться царем, пока враг не уйдет из Азии. И тогда, после победы, он вернет тебе твое царство...

— Как ты смеешь?.. — процедил сквозь зубы царь, шаря по поясу, где у него обычно висел кинжал, а ныне отсутствовал. — Не себя ли ты считаешь достойным носить этот титул?..

— Неужели твой разум не подсказывает тебе, что это единственно верный шаг, ты получишь свой трон обратно, ибо Бактрия еще не тронута, согдийцы, саки, инды в твоей власти, много народов, много армий, много тысяч пехотинцев и всадников готовят силы, чтобы достойным образом встретить врага. Направимся же в надежнейшее

убежище, в Бактрию, и сделаем временно царем ее сатрапа Бесса. Изгнав врага, он передаст свою условную власть тебе, законному царю.

— Презренныйший раб! Нашел же ты время для измены!.. — закричал Дариявуш, побледнев, он бы заколол своего везира, если бы у него под рукой оказался кинжал.

Впрочем, ему это, наверное, бы не удалось, ибо его сразу плотно обступили бактрийцы. Хотя вид у них был смиренный, однако по глазам нетрудно было заметить, что они готовы и к насилию, если бы царь продолжал горячиться.

«Неужели они подкупили и мою стражу?..» — мелькнула у царя мысль, и он, круто обернувшись, посмотрел на стражников, которые стояли возле двери, на голову возвышаясь над всеми и не сводя с него глаз. Они, видно, решили, что сейчас последует знак — их мечи немедленно поползли из ножен.

Перед глазами царя расплывались лица, однако он заметил, что в комнате уже нет ни Набарзана, ни Бесса. А возле самого уха звучал вибрирующий голос верного Артабаза, который подходившими к случаю словами успокаивал его, теряющего последнюю веру в людей Дариявуша:

— Великий царь, умоляю вас, отнеситесь спокойнее к неразумению или заблуждению некоторых из своих подданных... Ведь наступление врага тягостно нам всем даже при всеобщей вам покорности, а что же будет со всеми нами и со всей страной, если подданные станут отчуждаться от своего царя и разбежаться в разные стороны? Простите их и постарайтесь лучше сплотить вокруг себя верных людей...

Царь стряхнул удерживающие его руки, оттолкнул обступивших его воинов и надтреснутым голосом произнес:

— Господь еще не лишил меня власти и возможности кого карать, кого миловать, а кого сделать моей правой или левой рукой. Вы — мой верный, старый друг, будьте уверены, я еще в состоянии принудить их к послушанию, так же, как двигать вот этими своими конечностями, — и царь поднял вверх обе руки, пергаментно — желтые и дрожащие. — Мои полководцы жаждут сражения с

македонянином? Честь и хвала!.. Предлагают идти в Бактрию, где у нас прибавится войска? Хорошо!.. Ступайте все и распорядитесь, чтобы готовились в дорогу.

Стража у двери расступилась, пропуская в ее темный проем полководцев. Последним покинул царя Артабаз.

Войско Александра растянулось вдоль извилистой дороги. Парящим в голубой выси орлам оно, наверное, казалось ползущей по земле змеей со сверкающей чешуей и густой щетиной копий вдоль спины. Она ползла очень быстро, как и подобает ползти змее, преследующей жертву. Впереди ехал на белом рослом коне Александр с седыми от пыли бровями и ресницами, в накинутом на плечи поверх сияющих золотом лат шелковом плаще. Полукольцом обступала его двигающаяся следом агема — конная гвардия, отряд его верных телохранителей. За ними обычно выстраивались когорты гетайров, тяжеловооруженной конницы, состоящей из македонской знати. Но на этот раз гетайры отстали, и гипотоксотам, легкой коннице, вооруженной луками и стрелами, пришлось вопреки традиции обогнать гетайров и следовать за агемой, сохраняя лишь небольшую дистанцию. Ибо коварные персы в любом месте могли устроить засаду, и было рискованно оставлять царя с одной только агемой, хотя ее и составляли отборные воины, способные сражаться один против пяти. Едущие в последних рядах гипотоксоты то и дело оборачивались, обеспокоенные тем, что гетайры отставали все больше и больше. Случись какая неожиданность, им понадобится не менее четверти часа, чтобы подоспеть на подмогу. Хоть и сильны под ними кони, да тяжелы всадники. А о гипаспистах⁴⁹ и гоплитах⁵⁰ и говорить нечего, их и вовсе не видно за пеленой пыли, застлавшей горизонт... Многие дремлют в седлах. Людей мучит жажда. Они двигались всю ночь, сделав всего два коротких привала. Наступил июль, днем царила страшная жара, двигаться можно было только

⁴⁹ Гипасписты — «щитоносцы», пехотные отряды, составляющие царскую гвардию и входившие в фалангу — боевой порядок до 26 рядов в глубину.

⁵⁰ Гоплит — тяжеловооруженный воин.

ночью и на рассвете, пока солнце еще не набрало высоту. Александр спешил. Он был полон решимости не дать в этот раз Дариявушу ускользнуть.

Впереди, где небо постепенно принимало оранжевую окраску, предвеляя рождение солнца, все резче проступали горы, с каждым часом становились выше и выше, будто на глазах росли из земли. Там они должны будут пройти через узкую теснину, называемую Каспийскими воротами. Там в изобилие бьют из-под земли ключи. В прохладной тени ущелья и ореховых рощ царь даст отдохнуть своему войску...

Пока царю ставили шатер под развесистой старой орешинной, он наблюдал, как его гетайры устало сползали с седел и тут же валились на влажную от росы траву. Царь подшучивал над ними. Он был свеж, весел, в нем не заметно было даже признаков усталости. Он решил пройтись по лагерю и проследить, все ли в порядке. Не мешает проверить, не забыли ли утомленные трудным переходом гиппархи⁵¹ выставить караульных. Царь стал взбираться по склону горы, придерживая короткие ножны, чтобы не задевали о камни. Его кто-то окликнул, и он обернулся. Вблизи его шатра стояла группа персов в окружении гиппархов, он поспешил обратно, легко перескакивая через камни и колючие, цепляющиеся за полы развевающегося плаща кусты. Появление в его лагере персов царя не удивило, он уже привык к тому, что к нему перебегают воины Дариявуша, по одному и целыми группами. Завидев царя, к нему навстречу поспешил Клит, он был бледен и чем-то крайне встревожен.

— Плохие новости, Александр! — сказал он. — Великий царь взят приближенными под арест. И при этом ранен.

Они дружили с Клитом с детства, и он обращался к царю просто по имени. Александр привык к этому, и собственное имя, произнесенное голосом друга, не резало ему слух. Клит командовал легкой конницей. К тому же царь находился в самой сердечной

⁵¹ Гиппарх — начальник отряда конницы.

дружбе с семьей Клита, особенно он любил Ланику, его старшую сестру, которая когда-то была его кормилицей. А сам Клит спас Александру жизнь при Гранике, а это кое-что значит.

Глаза царя сверкнули. Однако Клит не понял, чего в них было больше: злорадства или крайней досады. Известие это, конечно, шокировало царя неожиданностью. Чего-чего, а такого оборота он не предполагал. Однако потребовалась всего минута, чтобы он смог взять себя в руки и сосредоточиться. Коротко засмеявшись, он обнял Клита за плечи:

— Кто эти люди? — спросил Александр, кивнув в сторону персов, которые не сводили с него глаз.

— Они ушли из Дариева лагеря. Вон тот высокий, с черной бородой — знатный вавилонянин. С ним рядом Антибел, один из сыновей Мазея. А те четверо — из их приближенных...

— Новость, разумеется, они привезли не из приятных... Они забыли, что царь неприкосновенен. Придется наказать тех, кто оскорбил царя. Кто организовал заговор?

— Бесс.

— А еще?

— Набарзан, хилярх⁵² в коннице, и Барсаент, сатрап арахонтов и дранганов⁵³.

— Они поплатятся за это.

Александр сразу смекнул, до какой степени ему на руку то, что произошло. Он — победитель и единственный претендент на престол — теперь получил право наказать тех, кто дерзнул поднять руку на Великого Ахеменида, и преследовать их до тех пор, пока не завоюет мир. Он улыбнулся и велел Клиту:

— Прикажи трубить сбор. У нас нет времени прохладиться на привалах! Коня мне!..

Александр увидел спешащую в его сторону женщину, укутанную с ног до головы в белое. Она лавировала между расположившимися вокруг общих котлов воинами и брошенными в беспорядке

⁵² Хилярх — тысяцкий.

⁵³ Арахонты, дранганы — названия племен, обитавших на северо-востоке горной Персии.

амуницией и корзинами из-под продуктов и, увидев, что царю подвели коня, сделала ему знак рукой. Он догадался, кто это, и не спешил садиться в седло. Приблизившись, женщина замедлила шаг и, протянув к нему руки, произнесла:

— Великий царь! Спаси моего сына!

Так прежде во всей Азии называли только Дариявуша. Значит, она признала, что теперь он достоин так называться, и никто другой.

— Успокойся, почтенная женщина, я сделаю все, что могу, — сказал царь.

Двое гиппархов по его знаку взяли старую женщину под руки, чтобы сопроводить ее в шатер.

Александр сел в седло и водрузил на голову двурогий шлем с пышным белым пером. В разных концах лагеря уже пронзительно звучали рожки, трубя поход...

Александрю понадобились весь остаток дня и вся ночь, чтобы провести отряд через Каспийские ворота. С собой он взял только агему, а в пехоте отобрал самых сильных и быстроногих воинов. Над оставшимся войском он поставил Кратера и велел ему идти следом за собой, не слишком спеша, дабы не утомить войско, но и не делая долгих привалов. Не дожидаясь прибытия обоза с фуражом, который отстал от них, Александр выступил в путь. Чтобы не обременять воинов лишним грузом, он велел им взять только оружие и продовольствие на два дня...

На рассвете они прибыли в лагерь, где накануне останавливался Дариявуш со свитой и своим войском. Врагов они не захватили, те покинули лагерь, как видно, в спешке. Многие вещи были брошены, не успели разобрать даже нескольких шатров.

К Александру подвели выловленных где-то неподалеку в зарослях перепуганных пленных. От них стало известно, что власть в стане противника перешла к Бессу; бактрийские конники и прочие варвары провозгласили его своим шахом. Лишь Артабаз и его сыновья воспротивились заговорщикам и остались верными Дариявушу. Однако их было мало, и они не смогли помешать тому, что

произошло. Великого Дариявуша заковали в цепи, впахнули в крытую повозку и повезли, как арестованного. А Артабаз с сыновьями и воинством свернули с большой дороги и ушли в горы, не желая принимать участия в затее Бесса и его сторонников.

— Нашелся хоть один не лишенный благородства варвар в окружении царя, — промолвил задумчиво Александр и спросил: — В какую сторону бежал трусливый Бесс?

— В ту, — показали пленные на извилистую дорогу, убегающую вдаль и теряющуюся среди покатых холмов, поросших скудной растительностью.

Солнце уже на треть поднялось над горизонтом и начало раскалять небо. Бактрия находилась в той стороне, где оно всходит, а дорога забирала резко на юг, где отроги гор и леса, как видно, были богаты родниками.

— Нет ли другой дороги, более короткой, по которой можно догнать беглецов? — поинтересовался Александр у пленных.

Те переминались с ноги на ногу, обменивались взглядами. Потом один из них сказал:

— Есть прямая дорога. Но на пути нет воды, и потому она заброшена.

— Будешь проводником и поведешь нас по ней! — распорядился Александр.

Понимая, что пехотинцы не могут следовать, не отставая, за всадниками, несущимися рысью, Александр приказал начальнику щитоносцев Атталу, предводителю агриан⁵⁴, вести пеших воинов по той дороге, по которой отправился Бесс...

Александр даже не сошел с коня, чтобы поразмять ноги. Поднял руку, подавая знак отряду, и тронулся рысью.

Весь день отряд двигался не останавливаясь. Воинов мучала жажда. У коней от усталости заплетались ноги и увязали в песке. «Не отставать!..» — только и слышали воины агемы от Александра. Они проделали около четырехсот стадиев⁵⁵, когда солнце, удаляясь на

⁵⁴ Агриане — фракийско — македонское племя, жившее по реке между горами Гем и Родопы. Они были искусными стрелками — лучниками.

⁵⁵ Стадий — один километр равен примерно 5,5 стадиям.

запад, туда, где была милая их сердцу Македония, стало светить им в затылок. И длинные синие тени, обгоняя их, бежали впереди, словно указывая путь. Песчаные холмы, обгаренные закатом, вдруг расступились, и впереди блеснула, как расплавленная медь, река. И ужасная картина предстала взору Александра. Он застал у переправы царский лагерь в полном смятении. Еще дымились костры, в котлах кипела недоваренная еда. Упряжки с поклажей были брошены. И те, кто был жаден до чужого добра, теперь растаскивали все, что могли. Шатры были опрокинуты и смяты. Куда ни глянь — стенающие женщины. У реки возле полузатопленной лодки царь увидел нескольких вымокших до пояса мужчин, которые, судя по одежде, были не из простолюдинов, и направил коня к ним. Это была окончательно растерянная свита царя, позабывшая о своем долге и думающая только о своем спасении.

— Где великий Дарий? — спросил у них Александр.

Те переглядывались и молчали, их трясло от страха.

— Почему я не вижу среди вас Бесса?

— Он переправился через реку и бежал одним из первых, — был ответ.

И вдруг послышался возглас:

— Царь!.. Великий царь!.. — по разворошенному лагерю во весь опор скакал молодой гиппарх; осадив коня, он выпалил, показывая рукой в сторону зарослей: — Великий Ахеменид Дарий там!.. Он хочет видеть тебя!..

Александр поддал в бока коню стремями и помчался в ту сторону, куда указал гиппарх. Тот догнал царя, чтобы показать дорогу. Он скакал рядом и, захлебываясь встречным ветром, возбужденно рассказывал:

— Я пошел к ручью напиться... И увидел эту жалкую повозку, которую лошадь тащила через заросли. Возницы не было, и лошадь, видно, заплутала...

Среди рассыпавшихся по лагерю в поисках царя македонян сразу разнесся слух о том, что Дарий нашелся. Вслед за Александром поскакала его агема и начальники гетайров.

Однако, когда Александр подъехал к нищенского вида дорожной

повозке, на бортике ее сидел черный ворон, не желая улетать, а Дарий был мертв. Александр махнул рукой, прогоняя птицу, и та каркнула, нехотя снялась и улетела, плавно махая крыльями. Царь спешил и снял с головы шлем. То же самое проделали все остальные. Молча стояли, обступив повозку.

«Что он хотел и не успел сказать мне?.. — подумал Александр. — Быть может, хотел попросить позволения проститься с близкими?..» Он снял с себя плащ и, раскинув его над мертвым, укрыл его. Затем распорядился:

— Приведите мать, жену и детей. Пусть простятся...

В глазах его приближенных этот акт милосердия был образцом рыцарства. Лишь истинный эллин не отказывает в последних почестях своему врагу. Так поступил некогда Ахилл с Гектором и Одиссей с Аяксом.

Царю не хотелось видеть объятых скорбью женщин, слышать их душераздирающие вопли, и он тронул коня, решив про себя отправить тело своего предшественника в Персию для торжественного погребения, со всеми царскими почестями, в скале персепольской царской усыпальницы.

Новоявленный шахиншах

В Бактре, встревоженной слухами о приближении македонян, с каждым днем нарастала паника. И чем ближе оставалось до нее, тем больше встречалось на дороге беженцев. Они ехали на возах, арбах, верхом на лошадях, на ослах и верблюдах. Вещи были нагружены второпях кое-как. На дороге пылились слетевшие с арб узлы. Многие из них были вспороты ножами: по-видимому, в них уже кто-то успел порваться. На обочине валялись черепки посуды, кому-то, вероятно, показавшейся в дороге излишним грузом... А вдали, над прожаренной солнцем степью висело желтое облако пыли и медленно двигалось на восток. Там, похоже, перегоняли отары овец в глубь страны, подальше от тех мест, где не сегодня завтра объявятся враги...

Спитамену и Датафарну то и дело приходилось съезжать на обочину, чтобы не мешать встречному потоку беженцев. Вдвоем —

то они и не послужили бы, может, никому помехой, да за ними следовал полусотенный отряд всадников, растекаясь по всей ширине дороги и неимоверно пыля...

Въехав в Бактру, Спитамен и Датафарн с трудом пробрались сквозь толпу людей, суетящихся, взбудораженных, заполнивших до отказа площадь вблизи ворот, в которые они не могли протиснуться все сразу. Скрип телег, крики ослов, рев верблюдов, глухой гул голосов висели в воздухе, сливаясь в общий шум-гам. Вчерашние ремесленники, облаченные в кольчуги, неумело держа щиты и копьа, метались взад-вперед, тщетно стараясь навести хоть какой-то порядок. Спитамен ехал впереди, Датафарн старался от него не отставать. Их кони буквально расталкивали толпу грудью. Люди ругались, порой даже замахивались, однако ударить не смели, заметив, что в седлах сидят высокородные воины, и за ними следуют их телохранители.

Оставив наконец позади забитую людьми и арбами площадь, Спитамен и Датафарн свернули на широкую улицу, ведущую к центру города, и пустили коней вскачь. Улица заполнилась цокотом копыт, отражаемым стенами домов. Навстречу ехали, поскрипывая, нагруженные доверху арбы, пытаясь обогнать одна другую, цепляясь, осями и мешая движению. Возницы переругивались.

Из боковой улочки вылетела группа всадников в шлемах, с копьами и щитами. Пронсясь мимо перегородивших улицу арб, огрели плетью сцепившихся неуступчивых возниц; и те, словно опомнившись, принялись нахлестывать лошадей, арбы покатались, громыхая и раскачиваясь, грозя опрокинуться, а возницы снова пустились вперегонки, не обращая внимания, что из их арб вываливаются тюки и падают, разлетаясь вдребезги, блюда и чаши.

А вон богатый торговец, взгромоздясь на двугорбого верблюда поверх тюков, наклонился вниз и норовит достать длинной палкой вставшего поперек улицы ишака и на чем свет стоит ругает растерянного пожилого мужчину, которому никак не удастся положить на седло тяжелый хурджин.

В городе уже опустели многие двory. И охраняют их одни только спущенные с привязи отощавшие псы. А бездомные бродяги и нищие,

не имеющие ничего, кроме тех лохмотьев, что на них, понуждаемые голодом, забираются в чужие дворы, прогоняя свирепых псов камнями и палками, проникают в дом и роются в закромах в поисках чего-нибудь съестного. А если повезет, то им перепадет что-нибудь и из одежды.

И странно видеть почти безлюдной торговую улицу. Наглухо закрыты ставнями окна лавок, дуканов, мастерских, на дверях замки. Лишь кое-где за углами и в подворотнях собираются группы торгующихся и моментально исчезают. Тут многие торгуют ворованным. Но больше уезжающие из города спешат задешево распродать вещи, которые в пути будут лишь мешать, а бросить жалко.

Всадники свернули за угол, их внимание привлёк чей-то возбужденный голос, показавшийся им знакомым:

— Ладно, я ничего у вас не требую, хоть и гнул столько времени на вас спину! Но оставьте хотя бы одного коня!..

На породистом скакуне ехал богато одетый господин, держа за длинный повод другого такого же красавца — коня, нагруженного вещами, а здоровенный слуга шагал рядом, крепко держа его за стремя, мешая пустить коня вскачь.

— И ломаного гроша не получишь, коль решил уйти от меня!.. — огрызался господин, пытаясь освободить стремя. — Поехали со мной, не одного коня дам тебе, а целых двух!..

— Не могу я с вами... Сейчас каждый джигит, если он не трус, должен стать воином!..

— Ну и скатертью дорога, ступай воюй! На тебе денег, купи меч и кольчугу...

— Мне нужен конь! Да простит меня Ахура — Мазда, но если ты не дашь, то я возьму силой! — сказал твердо слуга и схватил коня хозяина за уздечку.

— А ну, не смей! — заорал господин, вращая белками глаз. — Сгинь с глаз, неверный, дай дорогу! А то вот я сейчас... — он махнул плеткой, его конь рванулся вперед, но слуга, видать, был не робкого десятка, подпрыгнул и ухватил господина за грудки: дорогой халат на том затрещал.

Длинная плеть просвистела и опоясала слугу. Тот взвыл, с проклятиями вырвал плеть из рук господина, а самого стащил с седла. Между ними началась потасовка. На шум сбежались люди, растащили дерущихся в разные стороны, напоминая слуге о смирении, а хозяину выговаривая за жадность, советуя оставить слуге что-то хотя бы на пропитание.

— Я даю ему денег, а он требует коня!.. — взвизгнул господин.

— Ну, так и отдай! — крикнул кто-то из толпы. — У тебя же несколько скакунов. Все равно они по дороге станут добычей разбойников или воинов Зулькарнайна!

— Типун тебе на язык! — с возмущением бросил в толпу хозяин, вцепившись в седло своего коня. — Самому тебе стать добычей Двурогого!..

— Расплатись с человеком, он работал на тебя больше года!

— Пусть берет деньги и сматывается!

— Мне ваших грошей не нужно.

— Я тебя кормил и одевал!..

— Скупец.

— Неблагодарный!..

— В могилу, что ли, хочешь все унести? — крикнули из толпы.

Богач, видно, был из этой махалли, и собравшиеся его хорошо знали.

Спитамен повернул коня и направил его к толпе. Датафарн последовал за ним. Толпа расступилась, увидев подъехавших всадников, облаченных в доспехи. «Ба, не Спитамен ли это?..» — послышался чей-то голос.

Слуга опасливо поглядывал на подъехавших воинов, однако не выпускал из рук разорванного ворота хозяина, не давая ему взгромоздиться в седло.

— Что тут происходит? — с улыбкой поинтересовался Спитамен.

Датафарн тронул коня и, поравнявшись с ним, что-то прошептал ему на ухо, не спуская при этом веселых глаз с оробевшего слуги. Спитамен засмеялся и обернулся к сопровождавшим их воинам.

— Эй, Зурташ, где ты там? — позвал он. — Говорят, этот клещ, впившийся в почтенного беглеца, твой приятель! А ну, иди-ка сюда,

узнаешь ли его?..

Всадник, оказавшийся где-то в задних рядах, хлестнул коня и мигом подъехал. Вглядевшись в драчуна, облаченного в лохмотья, радостно воскликнул:

— Да не Тарик ли ты? — и, спрыгнув с седла, распростер объятия. — Здравствуй, дружище!..

Они обнялись.

— Я боялся, что встречу тебя с искривленной шеей! А у тебя, слава Всевышнему, все в порядке! — сказал Зурташ, смеясь и похлопывая Тарика по спине.

— Были бы целы руки и ноги, а голова и на кривой шее будет держаться, — отвечал Тарик, тоже смеясь.

Он уже узнал подъехавших и воспрянул духом. Приложив руку к груди, отвесил поклон Спитамену, затем Датафарну.

Его хозяин тем временем, воспользовавшись замешательством, хотел было взобраться в седло, однако Спитамен черенком камчи надавил ему на плечо и движением головы велел отойти. Тот молча повиновался, ибо взгляд сурового незнакомца ничего хорошего не сулил.

— Садись! — велел он Тарику. — Этот конь тебе нужнее, чем ему. Последуешь за нами!..

Тарик довольно неучтиво отпихнул хозяина, попытавшегося было ему помешать, и сел в седло. А хозяин бросился ко второму коню, стоявшему с поклажей, испугавшись, что и того лишится. Тарик отвязал притороченную к седлу веревку и бросил ему:

— Радуйся, что я не жаден, а не то потряс бы твои хурджины!..

Спитамен и Датафарн прибыли во дворец одними из последних, когда тут уже собрались все именитые лица Бактрии. Сегодня Бесс устраивал пир, принеся щедрые жертвоприношения всевышнему за то, что он возвеличил его, сделав шахом всей Азии, и Бесс распорядился величать его традиционным для Ахеменидов тронным именем Артаксеркс, что должно было каждому напоминать, что имеет прямое отношение к этому великому роду.

Теперь в мире существовали два человека, каждый из которых именовал себя царем всей Азии, — Бесс и Искандар Зулькарнайн. Кто

из них был прав, пока что ведал один только Ахура — Мазда...

Гостей встречали у въезда во двор, принимали у них коней, а самих сопровождали в огромную залу, где пир был уже в разгаре. Гул голосов смешивался со звоном серебряных сосудов. Бесс, толстый и неуклюжий, восседал в деревянном кресле с высокой спинкой, похожей на трон, едва в нем уместаясь. Он был облачен в расшитые золотом одеяния Дариявуша, как видно, извлеченные из царских сундуков. Они были ему тесны и, обтягивая, еще более подчеркивали рыхлость его тела. Лицо его было красно от выпитого вина, а слегка выпученные глаза осоловели.

Спитамена и Датафарна усадили на свободные места и наполнили их чаши густым красным вином. Дастархан ломился от яств.

Бесс разослал нарочных с приглашением ко всем видным сановникам и предводителям родов Бактрии и Согдианы, чтобы собрать их вместе, все обговорить и заручиться их поддержкой. А какая может быть беседа без вина? Пусть сначала размякнут их души, потом Бесс скажет им то, что собирается сказать. Ему с высокого трона хорошо видно всех присутствующих, сидящих на мягких шелковых подстилках вдоль стен, увешанных коврами, за низенькими столиками, заставленными снедью, кувшинами с вином и высокими вазами, полными фруктов. Он прикидывал в уме, кто еще не прибыл, а посему не успел выказать ему верноподданнических чувств...

Заиграла музыка. Посреди зала появились, словно возникли из дыма жертвенного костра, полуобнаженные танцовщицы и отвлекли Бесса от его тягостных раздумий. Они были прекраснее райских гурий, но он пристально вглядывался, чтобы выбрать лучшую, а остальных он раздаст для услады гостям, чтобы тешились всю ночь.

Ближе к Артаксерксу, новоявленному царю всей Азии, расположились военачальники, принимавшие участие в пленении Дариявуша и его убийстве и теперь, разумеется, желавшие извлечь из этого для себя пользу.

Спитамен уже не раз слышал рассказы о том, как это произошло... Весть о том, что Искандар странным образом оказался всего в нескольких стадиях и быстро приближается, настигла их на рассвете на берегу небольшой реки, где они расположились лагерем в

тенистой долине. Все в страхе повскакали с мест, полуодетые выскочили из шатров. Кто-то бросился укладывать на повозки вещи, забыв про оружие, взвизгивал коней, позабыв про вещи и перепуганных насмерть женщин... Бесс и другие соучастники его заговора кинулись к повозке, на которой сидел Дариявуш, прикованный цепью. Они сняли с него цепи и стали уговаривать скорее сесть на коня и бегством спастись от врага. Но Дариявуш, измученный дорогой, обросший, потирая стертые железом запястья, вдруг засмеялся и бросил им в лицо с презрением: «Есть боги-мстители, они покарают вас!.. Я предпочитаю принять смерть от руки доблестного Искандара, чем от вас, презренных рабов!..» Он наотрез отказался садиться в седло, и тогда убийцы в ярости вонзили в него свои копья. Перепуганная лошадь рванулась и понесла повозку с истекающим кровью царем через заросли. А Бесс и Набарзан, настегивая коней, переправились через неширокую, но довольно бурную речку и в сопровождении пятисот всадников устремились в Бактрию. Остальные воины, лишившись вождей, стали разбегаться, куда влекла их надежда или гнал страх...

Теперь Бесс намерен собрать в кулак силы Бактрии, Согдианы, Гиркании и дать отпор Искандару. Однако удастся ли ему это, если многие военачальники, привыкшие умножать собственную славу, побеждая врага в честном бою, а вероломный удар кинжалом в спину считавшие бесчестьем, покинули армию Бесса?..

Как только музыка смолкла, Бесс наклонил вперед тучное тело и вытянул руку:

— Мои доблестные военачальники! Друзья! — сказал он, голос у него был зычный, густой. — Я созвал вас, чтобы, принеся обычную жертву нашим богам, согласно обычаю, держать с вами совет... Ибо мудрый всегда приступает к делу, предварительно посоветовавшись с не менее мудрыми, а глупец считает себя самым умным и все решает сам. Не потому ли мой предшественник Дариявуш так плохо кончил, наказанный богами?..

Его язык, отяжелев от вина, ворочался с трудом. Однако Бесс был горд своей царской властью, и речь его была дерзкой. Он говорил, что Искандар выскочка и бахвал, еще не достиг возраста, когда мужчина

становится поистине мудрым, а своими победами он обязан только тупости и нерешительности Дариявуша. Он стал перечислять, загибая на руке пальцы, сколько возможностей нанести македонянам сокрушительный удар было упущено Дариявушем.

— Вам известны теснейшие ущелья Киликии, — продолжал Бесс. — У Дариявуша была возможность, отступая, завести македонян при их самоуверенности и беспечности в места со многими ущельями и реками, среди которых попавший в засаду враг не мог не сопротивляться, не бежать. Если бы я был на его месте, то...

И Бесс живописал, с какой легкостью он давным-давно разгромил бы врага, именуясь только Артаксерксом.

— Слава царю царей!

— Слава Артаксерксу! — раздавались выкрики.

Вновь звенели бокалы. Бесс поднимал руку, требуя тишины, и говорил, что со дня на день к нему придут признавшие его власть хорезмийцы и даки, саки и инды, а также обитающие за рекой Танаис скифы, которые все до одного столь росли, что самый высокий македонянин приходится им только до плеч. «Вы станете свидетелями того, как зарвавшийся Искандар получит от меня пинка под зад!..» — сказал он, и голос его потонул в выкриках:

— Несомненно, ты пленишь Искандара!..

— Ему полюбились наши вина, утопи его в бочке с вином!

— Ха-ха-ха-ха!!!

Бесс сделал знак, чтобы обильнее обносили гостей вином. Снова зазвучала музыка, и послышался, переплетаясь с нею, голос певца. Появились танцовщицы с приклеенными к устам улыбками, бесшумно скользили, утопая по щиколотку в ворсистом ковре и изгибаясь, каждая пыталась угадать по устремленным на нее жадным взглядам того, кому она достанется в эту ночь. Однако среди присутствующих большинство было пожилых, убеленных сединами, и многие из них, облокотясь о подушки, уже начали подремывать.

— Спитамен! — раздался вдруг зычный голос Бесса, державшего в руке наполненную чашу. — Почему ты сел от меня так далеко? Твое место по правую руку от меня!..

Сидящие плотно по обе стороны трона бактрийцы и персы хмуро

переглянулись, перебросились словами, кажется, им пришлось не по вкусу то, что захмелевший Артаксеркс оказал такое внимание согдийскому аристократу, тогда как не он, а они добыли ему власть и корону.

А Бесс, держа чашу на вытянутой руке и проливая красное, как кровь, вино на ковер, продолжал:

— Подойди, Спитамен, ко мне! Артаксеркс хочет с тобой выпить!

Пока Спитамен шел к нему, Бесс приказал налить и всем остальным.

Бесс грузно поднялся и, положив левую руку на плечо Спитамену, сильно сдвинул свою чашу с его чашей.

— За наш совместный поход! За победу! — сказал он и поднес чашу к губам.

Он пил медленно, алая струйка побежала по двойному подбородку к вороту, и ворот, пропитываясь, становился алым, будто по шее его провели ножом.

Спитамен отвел глаза и осушил чашу.

Ноги плохо держали накачавшего себя вином Бесса, он покачнулся и, схватившись за подлокотник, опустил в кресло.

— Моими войсками будут командовать такие полководцы, как ты, Спитамен! Пусть Искандар знает об этом и трепещет!.. Семь тысяч моих пахлаванов стоят наготове и ждут моей команды. Скоро придут еще... Я приведу вас к победе. Дариявуш был трусом и бездарным стратегом. За это мы и приговорили его к смерти. Но Артаксеркс вернет Персии ее славу! Жива еще династия Ахеменидов...

Бесс и в прежние времена любил побахвалиться, а теперь и вовсе не знал удержу, слова извергались из него, как из фонтана, и если бы Спитамен пожелал вставить слово, то все равно не смог бы.

Вдруг Бесс умолк на полуслове, устремив вопросительный и полный недоумения взгляд куда-то мимо Спитамена.

Спитамен почувствовал, что за ним кто-то стоит, и обернулся. К ним неслышно приблизился седобородый старец в халате простолодина. Из-под белых, как облако, бровей глядели живые зоркие глаза. Спитамену показалось, что он его где-то видел.

— Великий царь! — обратился старец и, прижав к груди руки, наклонил голову; волнистые волосы при этом закрыли ему лицо, а борода коснулась пояса. — Да помогут вам в ваших деяниях боги, которые некогда покровительствовали всему вашему роду. Благодаря им и Ахеменидам процветала Персия...

Слова старца пришлись Бессу по сердцу, его лицо расплылось в улыбке, и водянистые глаза потонули в пухлых веках. Он велел наполнить вином его чашу и протянул ее старцу:

— Испей из моей чаши, мудрый человек, дабы каждый глоток исторгал из сердца твоего слова, подобные тем, что ты сказал.

Старец держал чашу двумя ладонями, темно — красное вино в ней зыбко плескалось.

— Коль велишь, то я скажу... Рабу полезнее повиноваться приказанию, чем давать советы. А подающий совет великому царю подвергает себя особой опасности...

— Говори, не бойся!..

— Тогда слушай и запоминай... Природу человека можно назвать несовершенной еще и потому, что каждый хуже видит свои дела, чем чужие. Сомнительными бывают решения, внушенные людьми самим себе: одним мешает страх, другим страсти, третьим вполне понятная преданность собственным идеям. Но никто сам себя не презирает. И ты не исключение. Вот и ты считаешь единственно верным и хорошим то, что сам придумал. Однако не забывай: на твоей голове тяжелое бремя — царский венец. Его следует носить с умом, или, чего я страшусь, он раздавит тебя. Тут необходима рассудительность, а не стремительность. Самые глубокие реки текут бесшумно. А трусливая собака лает сильнее, чем кусает...

По мере того как Бесс вслушивался в слова старца, лицо его все более мрачнело. В зале сделалось тихо. Те, кто сидел поближе, перестали жевать и наострили уши, а кто сидел поодаль, поднимались с мест и подходили. А старец продолжал, все более торопясь, словно боялся, что его прервут:

— У порога твоего дворца находится царь, отличающийся редкой стремительностью. Он быстрее снимается с лагеря, чем ты сдвинешь этот стол. А ты собираешься отгородиться от его оружия реками и

ждать войско с берегов Танаиса⁵⁶. Будто враг не сможет следовать за тобой повсюду, куда ты бежишь. Не страх делает воина проворным, а надежда... Я сказал, ты выслушал. Для хорошей лошади достаточно тени прута, для ленивой мало и шпор.

Бесс пришел в такую ярость, что Спитамен с трудом удержал вцепившуюся в рукоять меча его руку и силой вынудил втолкнуть оружие обратно. Бесса окружили приближенные, стали успокаивать. Кто-то бросился к старцу, чтобы спросить, кто он такой, но того и след простыл, словно его и не было.

— Презренный плебей! Убирайся вон!.. — задыхаясь от гнева, кричал Бесс и, выглядывая из-за плеч окруживших его сановников, искал взглядом старца, на углах его рта выступила пена.

Не владея собой, Бесс бросился из пиршественной залы, поддерживаемый приближенными.

На рассвете Бесс покидал столицу Бактрии. Еще ранее из нее ушли почти все жители. Преданные телохранители, исполняя повеление своего Артаксеркса, упаковали самые дорогие вещи, погрузили тюки на повозки и подожгли с четырех сторон дворец. Не успел еще арьергард войска покинуть Бактру, разбушевавшееся пламя перекинулось на другие дома, стоящие плотно один к другому, охватило городские кварталы. Вспыхивали, как свечи, кроны деревьев. Небо застлал дым, и казалось, среди дня наступила ночь, по воздуху летели клочья огня, будто прогневавшиеся боги швыряли их сверху на людей. На воинов, покидавших город последними, сыпались со всех сторон искры, прожигая одежду и заставляя взбрыкивать лошадей.

Ночью Бесса с трудом добудились, чтобы сообщить о приближении к Бактре Искандаровых войск. У него еще от хмеля шумела голова, мысли ворочались с трудом. Он думал только о том, чтобы успеть переправиться через Окс прежде, чем за спиной появятся на горизонте передовые отряды Искандара со сверкающими

⁵⁶ Танаис — персидское название Яксарта (Сырдарья).

на головах бронзовыми шлемами и наконечниками длинных копий. Он беспрестанно оборачивался и видел только темный горизонт, над которым стлался дым.

А впереди золотисто засверкала гладь реки, отражая висящее над нею солнце. В войске вдруг произошла заминка. Крытая повозка, в которой ехал Бесс, остановилась. Царь раздвинул бархатный полог с бахромой из мелких кистей и выглянул, чтобы узнать, в чем дело. Оказывается, едущие впереди заметили на берегу реки груженные арбы, повозки, конников и приняли их за всадников Искандара. И многие, охваченные паникой, уже стали разбегаться. Да и у самого Бесса сердце куда-то ухнуло...

К счастью, проскакавший навстречу верховой сообщил, что на берегу собрались не успевшие переправиться жители Бактры.

Повозка снова тронулась, раскачиваясь на ухабах. По обе ее стороны ехали, бряцая оружием, телохранители.

На берегу Окса, как выяснилось, скопилась масса народу. Тут было немало тех, кто покинул город несколько дней назад. Лодочники и плотогонщики не успевали переправлять людей. Ладно если бы здесь были только пешие, но у переправы собрались богатые бактрийцы с груженными добром арбами, купцы с навьюченными верблюдами и ишаками, ремесленники с перекинутыми через плечо переметными сумами, из которых торчали инструменты, они вели под уздцы лошадей, впряженных в арбы, полные женщин, детей, стариков. И каждый пытался раньше другого протиснуться к переправе, арбы цеплялись колесами, трещали, обозленные кони ржали и кусались. Кто побогаче, тот сулил лодочникам и плотогонщикам больше денег. И их арбы каким-то чудом вырывались вперед, с громоханием въезжали на плоты. А те, кто победнее, дожидались очереди, расположась на берегу под сооруженными из тряпья навесами, готовили в котлах еду, разведя здесь же костры. Всюду шум-гам. На лицах у всех тревога, печаль. И куда ни повернись, одни и те же разговоры.

— Говорят, Искандар следует за Бессом по пятам...

— Того и гляди будет тут!..

— Сказывают, никого не щадит. А кто сопротивляется, тех

вешает на деревьях.

— К счастью, тут поблизости нет деревьев.

— Он придумает что-нибудь другое. Топить станет. Думаешь, в воде захлебнуться легче, чем в петле задохнуться?..

Там, где дорога полого спускается к берегу, заполненному людьми, поднялась суматоха. Люди увидели появившееся из-за бугра воинство и с криками бросились было врассыпную, бросая узлы, хурджины, повозки, но опомнились, разглядев бактрийцев. Однако ехавшие впереди всадники, не замедляя хода, врезались прямо в толпу и, направляя широкогрудых коней прямо на людей, стали с размаху стегать длинными плетями направо-налево и хрипло орать по-персидски:

— Дорогу — у-у!.. Дорогу великому Артаксерксу!..

Толпу оттеснили, расчленили надвое, и она подавалась то в одну сторону, то в другую, опрокидывая котлы с варящейся пищей, сминая временные шатры. Визжали женщины, плакали дети.

— Дорогу — у-у!..

В это время от берега отчалил большой, переполненный людьми и вещами плот. Плотогонщик, упираясь в илистое дно длинным шестом, с трудом сдвинул его с места. Плотно прижавшись друг к дружке, расположились посередке жены и дети знатных бактрийцев. Для отцов же семейств места не хватило, и они, сидя в седлах и тихонько понукая коней, приблизились к краю воды, вознамерясь переправиться через реку вплавь.

— Стойте — е!.. Остановитесь!.. — зычным голосом приказал перс, пробравшийся наконец к берегу. — Освободите плот!..

— Ты что тут раскомандовался? — огрызнулся один из всадников в алом бархатном чекмене, поворачивая к нему коня.

— А не ослепли ли твои глаза? — заорал перс. — Не видишь, кто прибыл? Это Артаксеркс, великий царь Азии!..

— Он такой же беглец, как и все! Пусть подождет! — со злостью ответил всадник.

К пологому берегу приблизился еще один сановный всадник из свиты Артаксеркса. Он спрыгнул, зачерпнул ладонью воды и напился. Перс признал в нем Спитамена и осмелел, голос его сделался еще

более грозным.

— Освободите плот, кому говорят!.. — закричал он и, вогнав коня по брюхо в реку, нагнулся, норовя ухватиться за конец каната, который извивался в воде, медленно отдаваясь вслед за плотом. Его ожгла, хлестнув поперек спины, сырмятная плетть, он кулем свалился в воду и ошалело уставился на толпу бородатых всадников, которые громко хохотали. Схватившись за рукоять меча, он пытался угадать того, кто поднял на него руку. И тут увидел всадника в красном, пустившего коня вплавь. Он уже был от берега довольно далеко и старался держаться рядом с плотом. Перс кинулся к своему коню, выхватил из висевшего возле седла колчана лук, но — тысяча проклятий — в нем не оказалось ни единой стрелы.

Бесс выбрался из своей повозки и, пересев на лошадь, подъехал к реке в плотном окружении свиты. Солнце уже пекло вовсю, и было жарко. Бесс сменил тяжелый царский халат на тонкий белый яктак, расшитый белыми шелковыми нитями, в узорах которого посверкивали, словно роса, мелкие драгоценные камни. Золоченый шлем он сдвинул на затылок, подставив ветерку вспотевший лоб с прилипшими к нему седыми прядями. Спина лошади прогибалась от его тяжести, и ступала она тяжело, увязая в песке по щиколотку. Солнечные блики, слетая с волн, слепили глаза. Вглядевшись из-под руки в удаляющийся плот, он крикнул:

— Верните назад!..

Несколько всадников одновременно хлестнули коней и загнали их в воду, вознамерясь догнать плот. Но наперерез им, вздымая каскады серебряных брызг, бросились другие всадники, наблюдавшие до этого с берега, как их семьи переправляются через реку; и засвистели их плети, заставляя преследователей повернуть коней обратно. Кони хрипели и вставали на дыбы, вода забурлила, и сквозь ее шумный плеск донеслись ругань и перезвон стали.

— Бесчестные!.. — процедил сквозь зубы Бесс, вынимая меч из ножен. — Своего царя не чтят!.. — и прищпорил коня, собираясь вязаться в драку.

Спитамен, однако, заметил, с какой неприязнью поглядывают на Бесса и его телохранителей плотно обступившие их люди,

вынужденные покинуть родные дома, как руки бактрийских аристократов, натянувших халаты поверх боевых доспехов, потянулись к рукоятям мечей, как они, незаметно понукая коленями коней, все плотнее смыкают кольцо. Спитамен ловко перехватил удила царского коня и беззаботно бросил Бессу:

— Да рассчитается за это с ними Анхра — Майнью!.. Не оказавшим почтения своему царю — позор! Но не менее позорно для мужчины — вернуть с полпути женщин, детей, а самому занять их место. Не так ли, мой великий царь?

Бесс оглядел Спитамена с головы до ног, гневно сверкая белками глаз.

— Хорошо, — согласился он. — Однако потом чтобы их доставили ко мне!

Для Бесса и его свиты где-то раздобыли две лодки и плот.

На берегу огромной горой возвышались вещи царя, выгруженные с верблюдов и арб, — сундуки, большие узлы, свернутые в рулоны ковры, а вокруг прохаживалась стража, никого не подпуская близко. Чтобы все это перевезти, надо было несколько раз переправиться через реку туда и обратно.

Стремительно вылетел из-за бугра всадник в черном одеянии, осадил взмыленного коня около Бесса и что-то быстро проговорил. Царь приподнялся на стременах и посмотрел на горизонт. Небо в той стороне все еще было черно от дыма. А ближе, вдоль горизонта, словно распушенный пеньковый аркан, вытянулось облако желтой пыли. И в нем загорались и гасли то тут, то там искры. Это шлемы македонян блестели на солнце.

Бесс подскочил к одному из костров и выхватил, нагнувшись, большую, жарко горящую головешку. Высоко подняв ее над головой, крикнул зычным голосом:

— Воины — ы!.. Делайте, что я!..

Понукая пятками коня, подъехал к своим сложенным в кучу вещам и, тыча в них головешками, обскакал вокруг. Из-под узлов повалил дым, а затем полыхнуло пламя.

— Все сжечь!.. Сбросить в реку!.. — кричал Бесс.

Воины бросились исполнять приказание, отталкивали или

отгоняли плетями протестующих хозяев, кое-где уже звенели мечи, раздавались вопли женщин. По реке поплыли взломанные сундуки, ковры, узлы. А на берегу горели жаркие костры, в них превращалось в пепел добро, которое наживалось годами, плавилось золото, потрескивали, рассыпаясь от жара, драгоценные камни.

Бесс сошел с коня и опустился на колени, глядя на костер. «Да будет это нашим жертвоприношением тебе!..» — промолвил он и возвел глаза к небу. И все, кто был на берегу, опустились на колени. Старый длиннородый жрец начал молиться надтреснутым дрожащим голосом. Кто-то всхлипывал, кто-то подвывал, люди протягивали к нему руки и молили Бога о милосердии и покровительстве. Свет священного костра должен был донести их просьбы до великого Солнца.

Костры раскалялись все более. Люди прикрывались от жара руками, пятились. Языки пламени отрывались от пепелища и, взвиваясь, казалось, достигали неба.

— Неужто Артаксеркс отрекся от земных благ, предав огню предметы роскоши?.. — промолвил, усмехаясь, Катан.

— Принес в жертву все, кроме короны. Корона осталась при нем, — заметил Оксиарт, который все это время внимательно наблюдал за Бессом.

— Голова с короной стоит дороже, чем без нее, — произнес Спитамен, озадачив этими словами своих спутников, которые, однако, не рискнули сейчас его переспрашивать, чтобы уяснить для себя их смысл, ибо Бесс уже встал и сделал жест рукой, указывая ею на противоположный берег. И его слова: «Срочно туда!» — потонули в шуме. Началась суматоха.

Спитамен вскочил и, проверив, не ослабла ли подпруга, сел в седло.

Понукаемые седоками кони бросились в реку, вода взбаламутилась, забурлила. Пешие воины держались рядом с конными и, достигнув глубины, пускались вплавь, держась за чересседельники и хвосты коней.

Переправа заняла не более часа.

Спитамен, однако, про себя отметил, что на согдийском берегу

воинство Бесса значительно поубавилось. Это было заметно даже на глаз. И снова многие из тех, чьи дома были на той стороне, остались там и незаметно разъехались... Или их поглотили волны Окса, требующего жертв?.. Наверное, и Бесс думал об этом, с высокого холма наблюдая за тем, как последние всадники его арьергарда, нахлестывая нахлебавшихся коней, выбирают на скользкий правый берег, как на той стороне кто-то копошится вокруг черных, все еще дымящихся кострищ, вероятно, извлекая из золы то, что осталось. Небо над далекими рыжими холмами все более заволакивалось клубящейся пылью, взбитой копытами вражьих коней. Он недвижно сидел на коне в окружении трех или четырех приближенных, и издали их можно было принять за каменные изваяния. А бактрийское войско, обтекая холм с двух сторон и вытянувшись вдоль караванной дороги, уходило в глубь прожаренной солнцем степи.

Спитамен направил коня в сторону холма, на котором виднелись фигуры всадников. За ним последовала дружина.

Хмурые телохранители царя всей Азии стояли вокруг холма, касаясь друг друга стремени. Спитамена они знали в лицо и пропустили. Дружина осталась ждать у дороги.

Подъехав к Бессу, Спитамен заметил, что его комкающие поводки дрожат, а припухлые глаза светятся.

— Великий Артаксеркс! — обратился к нему Спитамен, решив польстить. — Бегство в Согдиану не прибавит славы царю всей Азии и мощи его войску...

— Что ты предлагаешь, Спитамен? — спросил Бесс сдавленным голосом.

— Окс — последнее препятствие на пути Искандара и наш союзник. Если мы не помешаем ему переправиться через Окс, он снова пойдет по нашим следам, как охотник, преследующий раненую дичь.

— Я это знаю, Спитамен, — устало сказал Бесс и шумно высморкался в полу халата. — Но слишком мало у меня сил, чтобы ему помешать...

— У нас не будет другой возможности нанести ему чувствительный удар.

— Чтобы нанести удар такой, надо иметь тяжелый кулак, Спитамен. Вначале я должен собрать сильное войско. А пока мне надо выигрывать время. Я буду изматывать проклятых македонян, заставляя их следовать за собой через пустыни и уничтожая за собой все колодцы, все съестные припасы...

— Лучше бы ты это делал на территории своей Бактрии. И согдийцы тебя поддержали бы. А сейчас ты ведешь врага в их дома.

Резковатый тон предводителя согдийцев не понравился Бессу, однако он подавил в себе гнев и, устремив на него тяжелый взгляд, медленно произнес:

— Кое-кто из согдийцев надеялся, что на их землю не придет война. Приход Искандара к воротам согдийских крепостей, быть может, вынудит их взяться за мечи...

— Согдийцы готовы идти хоть в огонь за отважным полководцем. Но ты ведешь себя не лучше, чем Дариявуш, которого ты обвинял в трусости.

Бесс понимал, что значила бы для него сейчас ссора со Спитаменом, и стиснул зубы, не давая вырваться наружу словам, которыми еще вчера он мог бы поставить этого зарвавшегося согдийца на место.

Спитамен развернул коня и рысью съехал с холма.

Бесс, расслабься, ехал в седле и делал вид, что дремлет. Но ему было не до дремоты. Огнем жгла мысль, что Бактрия уплыла из рук. Его Бактрия, куда он намеревался перенести столицу. Кто он теперь, которому так недолго пришлось восседать на троне, а корону приходится не с гордостью носить, а прятать в потайном месте?.. Обретет ли он себе опору в чужой земле, признают ли эти полудикие степняки его власть над собой? Вот и Спитамен показал когти, оскалил клыки. Как на таких полагаться?..

Когда его родич, Дариявуш, был в силе, Бесса мало что волновало и заботило. Далеко находился Дариявуш, в Персии, а власть его ощущалась и в самых дальних уголках империи, не говоря уже о Бактрии и Согдиане. Тогда такие, как Спитамен, не смели даже хмуро

посмотреть на Бесса, не то что разговаривать, не выбирая слов. Бесс мог предаваться увеселениям и наслаждениям в окружении льстецов. И это все благодаря царю царей Дариявушу. Но ради спасения империи Бессу пришлось взять на душу великий грех. Простят ли его небеса, не будет ли он жестоко наказан за пролитую царскую кровь?.. Об этом думал Бесс, находясь много часов в пути, проезжая через опустевшие, покинутые жителями кишлаки, по улицам которых носились лишь своры одичавших собак. В этом краю было принято встречать царствующих особ торжественно и с почетом, а им до сих пор еще не встретилось ни единой живой души. И Бесса вдруг охватило чувство, которое испытывает заблудившийся в пустыне путник, не находя ни единого дерева, в тени которого мог бы укрыться от палящих лучей солнца. В такие моменты человеку приходится уповать только на Бога. Если Всевышний отказывает в покровительстве, тогда... Что бывает в таких случаях, Бессу не хотелось думать. Он шептал молитву за молитвой, прося у Бога прощения и милости...

И вдруг его как стрелой пронзила мысль, что, обращаясь с молитвами к Богу, он думает об Искандаре! Тот именуется сыном Бога. К кому благоволит, щедро одаривает царскими милостями, кого не жалуется, тех сурово карает. Что, если и впрямь ему покровительствует сам Зевс?.. А ты тешишь себя надеждой, что враг не узнает, в какую сторону ты подался. Вместо крепостных стен выбрал защитницей пустыню и еще надеешься собрать стоящее войско. Дариявуш тоже на что-то надеялся. На что?.. Искандар оказался сильнее. Почему не хочешь этого признать? Может, пойти к нему с повинной и сдаться на милость победителя? Ведь ты лишил жизни не друга его, а врага. Искандар за это должен быть только признателен. Не лучше ли самому определить себе достойную судьбу до того, как противник вынесет тебе свой приговор?..

Ты сам возвел себя в цари. Сам же и откажись от короны. Снять ее куда легче, чем водрузить на голову. Если вымолить у победителя снисхождение, то он может оставить тебе ту власть, которую ты сейчас имеешь. И ты по-прежнему будешь царствовать, пусть и без короны. Избавишься от скитаний по бескрайним пустыням. Не

будешь зависим вон от тех согдийцев, что едут поодаль, держась вместе, и хмуро поглядывают в твою сторону, почти не скрывая неприязни и недоверия. Неужели затаили гнев из-за Дариявуша, к трону которого подползали чуть ли не на брюхе?.. А сделай тебя Искандар сатрапом Бактрии и Согдианы, и к тебе бы они подползали, как к Дариявушу...

Однако верить Искандару нельзя. Он говорит одно, творит другое. Не он ли утверждал, что ему не нужны ни земли чужие, ни богатства, а только личная месть за поруганную родину вынуждает его, сына Зевса, преследовать персидского царя, чтобы в конце концов сразиться с ним, как с достойным соперником. Он объявил, что будет следовать за великим царем до тех пор, пока не захватит его живым или мертвым. Бесс поверил ему. И не только он...

Преследуемым стаей волков порой приходится выбрасывать из мчащегося возка какие — либо вещи, а то и раба, и пока хищники рвут в клочья добычу, от них удаётся уйти подальше. Так и Дариявуша пришлось принести в жертву, чтобы спасти Бактрию. Но Искандар не остановился. Не утолил свой голод. Пошел дальше. И в оправдание себе придумал другое: мол, сами Боги повелели воздать царевубийце по заслугам.

Бессу ничего не остается, кроме как, запутывая следы, увлекать врага за собой все дальше и дальше в пустыню. Но надо позаботиться о том, чтобы не погибнуть самому и не погубить войско. Должно быть, Спитамен лучше всех ориентируется в этих местах.

— Спитамен! — окликнул Бесс.

Тот ехал с Датафарном. И не прервал сразу беседу, чтобы стремительно подлететь, как и положено, когда зовет царь, сначала кивнул и, лишь завершив фразу, приблизился к Бессу рысью.

— Веди нас в какой-нибудь кишлак, где мы получим кров для ночлега и пищу, — приказал Бесс, его глаза воспалились от летящего песка и покраснели.

— На пути у нас есть такой кишлак. До темноты доберемся, но я не уверен, что жители не покинули его...

— Чертовы степняки! Куда они все подевались?.. — возмутился Бесс, и его одутловатое лицо налилось кровью.

— Молва о том, что мы бежим от Искандара, обгоняет нас, — сказал Спитамен. — Люди покидают дома, стараясь не оставлять ничего врагу. Это ваше повеление. И гонцы успели разнести его по нашим кишлакам...

— Могли же они подождать нас, разрази их гром!..

— Дорог в пустыне много, и они извилисты. Кто же знает, какую из них выберет великий царь Азии?..

— Пошли вперед гонцов, дабы люди знали, что к ним следует Артаксеркс!

Спитамен отвесил поклон, прижав к груди руку, на которой висела плеть, и снова подскакал к Датафарну и Оксиарту, прервавшим беседу и устремившим на него вопросительный взгляд. Спитамен что-то сказал им, и они разъехались в разные стороны.

У Артаксеркса все кипело внутри оттого, что Спитамен разговаривал с ним без должного почтения, не говоря уже о подобострастии, проявляемом другими при разговоре с великим царем всей Азии. Но до поры до времени решил гнева не выказывать, и он бушевал в нем, как в котле под плотно прикрытой крышкой. Ничего, у Артаксеркса еще будет для этого более подходящее время, он умел осаживать и не таких ретивых...

Посмотрев на Спитамена, Бесс распрямылся в седле, расправил плечи, выше поднял голову, подумав: «Как он держится в седле, как гордо восседает! Подумаешь не я, Артаксеркс, царь Азии, а он. Видно, в Согдиане чувствует себя хозяином, позабыв, кому обязан служить. К нему то и дело подъезжают его сотники, он отдает распоряжения, и они мчатся, настегивая коней, спеша выполнить его повеление...»

Бесс снова задремал, развалившись в седле. Эх, жаль, крытый царский возок пришлось оставить на том берегу. В нем можно было удобно устроиться и никто тебя не видел и знать не мог, спишь ты или даже в пути занят государственными делами. А тут... только и думай, как бы не свалиться с седла. Все-таки дает о себе знать бессонная ночь. Голова до сих пор трещит от вина. Вот он придет в себя и тогда уж найдет повод призвать к себе и поставить на место этого зарвавшегося согдийца, который, кажется, забыл, что не один век в

Азии правила знаменитая династия Ахеменидов. Из этой династии и Бесс. Священный сан царя всей Азии принадлежит ему по праву. И Спитамену следовало бы лишь благодарить Артаксеркса за то, что он отнес его к своему ближайшему окружению. Стоит этим варварам слегка потрафить, они тут же норовят сесть тебе на голову...

Покойный родич Дариявуш, да будет ему пухом земля, имел твердую руку и умел властно править, а тем, кто проявлял норов, ломал хребет... Как только подумал о Дариявуше, снова у Бесса сжалось сердце, будто кто сдавил его железным обручем, а спина покрылась холодным потом. Да что же это? Тень убитого царя неотвязно следует за ним... Бесс даже обернулся, дабы убедиться, что ее нет за плечами.

Спитамен и вернувшийся к нему Датафарн ехали справа, чуть приотстав. За ними садилось солнце, разведя вдоль всего горизонта алый костер. «Если вблизи царя такие воины, то царь должен быть спокоен. Так почему же у меня так тревожно екает сердце, прямо готово выпрыгнуть, как пугливый заяц из клетки?.. Почему ищу невольно взглядом могучих джигитов личной гвардии?.. Обеспокоен, не слишком ли они отстали?..»

Бесс еще раз медленно обернулся, казалось, даже поворот головы, крепко сидящей на толстой шее, давался ему с трудом. Он долго и пристально смотрел на едущих бок о бок Спитамена и Датафарна. Временами ветер доносил их голоса и смех, вот только, о чем они говорят, Бесс, к сожалению, разобрать не мог. Да и выражения лиц их не разглядишь, поскольку в глаза бьют лучи угасающего солнца.

Датафарн заметил, что на него смотрит царь, и умолк. Затем, подогнав своего коня ближе к Карасачу и почти касаясь стремянем стремени Спитамена, тихо спросил:

— Артаксеркс не на шутку чем-то обеспокоен?..

— Видно, начинает понимать, что тяжеловата для него корона Дариявуша, — ответил Спитамен.

Да, конечно, корона сама по себе еще ничего не значит. Поистине ли обладает Бесс властью над массой людей, которых ведет невесть куда?.. Ведь он не знает толком, куда всех ведет, зачем и что ждет его самого. Просто бежит, как затравленный зверь, спасая собственную

жизнь.

А Спитамен прибыл со своим воинством в Бактрию не для того, чтобы тотчас же с позором бежать обратно, а чтобы принять участие в сражении с Искандаром Зулькарнайном на стороне великого царя Дариявуша. И не потому что так уж чтит царя царей. Дариявуш на протяжении десятилетий собирал дань с Согдианы и алчность его не знала границ. Вовсе не тем Спитамен был озабочен, чтобы Дариявуш, победив Зулькарнайна, еще более укрепил собственную власть. Эти два кровожадных льва, по его расчетам, должны были перерезать друг другу сухожилия и спустить кровь. Тогда согдийцам представился бы случай скинуть бремя Ахеменидов и обрести свободу... Спитамен привел свое воинство, желая убедиться, действительно ли верно все, что рассказывают о македонянах, в самом ли деле они столь страшны и непобедимы. Увы, не пришлось ему участвовать в больших решающих сражениях. Но и тех коротких, молниеносных стычек с македонянами было достаточно, чтобы убедиться, что и они смертны. И у них ломаются мечи, и тоже хлещет алая кровь, когда сабля отсекает им кисть, сжимающую оружие, или голову, они тоже издают нечеловеческие вопли и стонут, валясь с коней, пронзенные копьями или стрелами...

— Посмотри, Спитамен, какую царственную величавость он на себя напускает, — усмехнувшись, заметил Датафарн и кивнул в сторону Бесса. — Неужто не понимает, что со стороны это выглядит смешно?..

— С тех пор, как он объявил себя царем Азии, его не узнать. Только и делает, что похваляется: мол, то, что не сделал Дариявуш, осуществит он, Артаксеркс, — сказал Спитамен.

— И откуда такая самоуверенность? Удивительно, что многие в это верят...

— Многие верили, находясь по ту сторону реки. Теперь таких поубавилось... И как же это ему удалось убедить полководцев, что Искандар Зулькарнайн прекратит преследование персидского войска, как только не станет Дариявуша, к которому сын Зевса питает личную вражду...

— Дариявуша наказал Ахура — Мазда за то, что он захватил

престол при помощи коварства. Наверное, поплатится за предательство и Бесс...

Спитамен промолчал. Ткнув в бока Карасача пятками, пустил его рысью.

Спитамен хорошо знал, какова цена Бессу. От него на охоте — то не много проку, куда ему воевать с Зулькарнайном. Находиться под его началом — значит лишиться авторитета среди согдийцев. Вон уже кое-кого из старейшин местных родов с их дружинами не видать среди отступающего воинства. Не иначе, как незаметно свернули в другую сторону на одной из многочисленных развилок. И в каждом селении, встречающемся на пути, остается все меньше воинов. Разбредаются по домам. Не могут они проходить мимо своих дворов, бросая семьи на произвол судьбы, на милость следующих за ними по пятам врагов. Что же делать, как сохранить войско? Оно нужно не для того, чтобы защитить Бесса, а чтобы преградить врагу дорогу в Согдиану. Спитамен обернулся и с презрением глянул на массивную фигуру Бесса. Если бы эту колышущуюся в седле тушу оставить по ту сторону реки, сейчас можно было бы бросить согдийцам клич, дабы поднялись до единого на защиту родины. А тут, перед кем ни выступи, что ни скажи, это звучит от имени Артаксеркса, да забери его Анхра — Майнью...

Ехали всю ночь, сделав лишь один привал.

В свете наступающего утра показались очертания Наутаки⁵⁷. И чем ближе они подъезжали, тем четче проступали из сероватой мглы зубчатые стены и башни и будто росли прямо на глазах. В просветах между зубцами появлялись и исчезали фигуры людей. Должно быть, стража давно заметила приближающееся войско. Бесс задрал голову, придерживая на голове шлем, и вглядывался в зияющие бойницы надвратной башни. Огромных ворот, обитых медью, никто не отворял. Раздраженный этим, Бесс рванул поводья, подняв на дыбы коня, и вскинул руку, веля войску остановиться. Один из телохранителей по его знаку подъехал к воротам и постучал булавой о медное кольцо. За воротами зашаркали шаги, послышался кашель, и

⁵⁷ Наутака — один из самых крупных городов Согдианы. Находился вблизи нынешнего Шахрисябза.

хриплым со сна голосом спросили:

— Кого еще принесла нелегкая в неурочное время?

— Протри глаза, бесчестный, да пошевеливайся! — грозно крикнул царский сарбаз. — Отворяй скорее врата!

— Что ты там разорался? Или за тобой гонятся разбойники, чтобы обчистить твой карман? — вяло отозвался привратник.

Спитамен пригладил рукой усы, заодно прикрыв улыбку. Ему было смешно, как привратник разыгрывает из себя придурка, чтобы протянуть время до прибытия начальника стражи и пытаюсь выяснить, что это за войско нагрнуло под стены Наутаки.

— Отворяй, болтун! А не то придется тебе укоротить язык! — крикнул сарбаз, с трудом удерживая на месте вертящегося под ним коня.

— Ого, да ты сердит, как я погляжу! Кто же ты таков? Может, разбойник какой, много нынче вашего брата разгулялось по дорогам!

— Его величество великий царь Азии Артаксеркс прибыл собственной персоной! Если не откроешь сию же минуту, будешь немедленно обезглавлен!..

За воротами некоторое время царила тишина.

Всю ночь проведенные без сна воины еле держались в седлах. Они прислушивались и поглядывали на стены, стараясь определить, что на них происходит. Там было заметно какое-то движение. Как бы их не приняли за врагов! А то полетят, чего доброго, в них стрелы. Но было тихо. Лишь фыркали кони, звякало оружие и удила да ворчали недовольные воины.

Наконец голова привратника показалась в одной из бойниц башни. Высунувшись, он посмотрел вниз и спросил, посмеиваясь:

— Неужто и впрямь к нам пожаловал сам царь всей Азии? Ну и ну! Почему же нас никто не оповестил, чтобы мы устроили ему пышную встречу? В прежние времена так не приезжали даже дальние родственники царя.

— Ты что это работаешь языком, а не руками? А ну, отворяй скорее! Великий Артаксеркс у ворот!

— Что-то я не вижу его среди вас. А где же золотой царский паланкин?

— Эй, зануда!.. — крикнул кто-то, не выдержав, из толпы всадников. — Вот увидишь, я высеку тебя собственноручно вот этой плеткой.

— Ты мне не угрожай! — возмутился привратник. — Я человек подневольный и выполняю то, что мне было велено. Сейчас явится начальник стражи, с ним и говорите. Я за ним уже послал.

— Ну и глупец, будь ты проклят, — проворчал Бесс и стал оглядываться по сторонам, словно ища поддержки; взгляд его задержался на Спитамене. «Всю дорогу ехали стремя в стремя с Датафарном. И сейчас о чем-то шепчутся. Вместо того чтобы отчитать проклятого привратника за непочтение к царю Азии, употребив два-три крепких согдийских выраженьица! Если бы Спитамен выехал вперед и крикнул: „Эй, с тобой говорит Спитамен! А это — наш великий царь!“ — ворота бы тотчас отворились. Его тут знает в лицо каждая собака. А ему, видать, нравится выставлять меня на посмешище. Подожди же, я тебе это припомню!..»

Голова привратника в бойнице исчезла, вместо нее показалось заросшее черной бородой лицо начальника стражи.

— Кто такие? — басом осведомился он.

«Сейчас будут повторяться те же самые вопросы, и на каждый из них последует тот же самый ответ, — подумал с раздражением Бесс. — Руки чешутся запустить копьё в эту бородатую физиономию!» Крепкое ругательство уже готово было сорваться с языка, но Бесс сдержался. Ему не подобает. Может, Спитамен подаст все-таки голос? Опять обернулся к нему. Сидит, опустив голову, будто нарочно, чтобы его не узнали.

— Кто вы? — сердито переспросил начальник стражи. — Или рты курительным табаком забили?

— Я Артаксеркс, великий царь всей Азии! — бросил в сердцах Бесс.

Последовала пауза. Начальник стражи растерялся, видать. В бойницу едва просачивался сероватый утренний свет, и трудно было определить по его лицу, узнал он Бесса или нет, и откроет ли ворота.

— Я знавал в лицо великого царя Дариявуша... — начал было начальник стражи.

Но Бесс, налившись кровью, заорал:

— Может, тебе показать вынутую из Дариявуша душу?!

— Да не гневайтесь вы понапрасну, — ответствовал начальник стражи. — В Наутаке, слава Всевышнему, правит Его светлость Сисимифр. Я сию минуту пошлю к нему человека, пусть он и решает, — бородатое лицо исчезло в бойнице, гулко простучали по деревянным ступеням шаги и стихли.

Бесс потупил голову, мысленно проклиная смешное и жалкое положение, в котором он оказался. Такое неуважение к царю в стране! «И Спитамен явно потворствует этому. Кажется, я с ним намучаюсь, если сразу не удастся поставить его на место!..»

— Эй, Спитамен! Почему ты словно в рот воды набрал? Ты же с ним одного роду — племени! — сказал Бесс, не скрывая гнева. — Или они тебя ни в грош не ставят?..

— Да, Ваше величество, наутакийцы всегда отличались непочтительностью и дурным воспитанием, — засмеялся Спитамен.

— И по отношению к тебе тоже? — сверкнул глазами Бесс.

— Преимущественно к тем, кто показывает врагам спину, — ответил Спитамен, по лицу которого пробежала тень. — А я сейчас мало чем отличаюсь от бактрийцев, оставивших на произвол судьбы свою родину.

Бесс закашлялся, поперхнувшись, и несколько мгновений сверлил взглядом высокомерного согдийца. Вместо того, чтобы поддержать в столь тяжкое время словом и делом, он имеет наглость не отводить глаз, когда Артаксеркс устремляет на него царственный взор, да еще произносит вслух то, что у многих, наверное, вертится на языке, прекрасно понимая, что каждое его слово все равно что удар булавой по голове. Всего несколько дней назад за такое непочтение он мог любого отдать в руки палача и мигом отделить голову от туловища. Стократно жаль, что у Артаксеркса нынче нет такой власти, впрочем, нет и решимости. Даже, пожалуй, нельзя сказать, что его собственная жизнь вне опасности...

В бойнице вновь возникла голова начальника стражи, и раздался его торжественный голос:

— Правитель наш Его светлость уже спешают сюда!

Вороной конь Спитамена поднялся на дыбы, перебирая передними ногами.

— Эй, дружище, глянь-ка в мою сторону! — крикнул Спитамен. — Может, признаешь?

Бесс, задрав массивную голову, не спускал глаз с начальника стражи, ожидая, какое впечатление произвели на него слова согдийского военачальника. Но тот и не пошевелился, будто не слышал. И словно бальзам пролился на сердце Бесса, он подумал: «Этот тип не только со мной непочтителен, но и со своим знаменитым соплеменником... Что ж, он выполняет свои обязанности. Если бы каждый воин служил так верно, не было бы в войске изменников...»

— Что же ты молчишь, негодный? Или не узнал меня? — вновь зарокотал зычный голос Спитамена. — Я Спитамен! Краины наших земель соприкасаются, и границы между ними пролегают на северо-востоке. Я — пенджикентец, твой сосед!..

— Напрасно ты думаешь, что я тебя не узнал. Я сразу узнал и тебя, и твоего коня...

— Почему же тогда пренебрег законом гостеприимства?

— Твои люди бесчестны!..

— Как у тебя язык поворачивается говорить подобное?

— Минувшей весной они угнали сотню моих овец. Может, присовокупили их к твоим отарам, а... что ты их так защищаешь?

Спитамен смешался, не находя слов, лицо его залила краска. Заметив это, Зурташ поддал коня пятками и вплотную подъехал к воротам. Он с силой огрел их тяжелой булавой, и еще не стих раздавшийся гул, как заорал на начальника стражи:

— Ты караулишь ворота строже, чем собственный рот! Точно лягушка, расквакался! Ну-ка, отворяй ворота, пока я не разнес их в щепки! — И опять огрел булавой обитый медью створ, гремящий гулко, как тяжелый барабан.

— Попробуй-ка еще разок, если кожа твоя прочнее этих ворот, — крикнул начальник стражи, и из бойницы высунулся наконечник стрелы, положенный на тетиву. — Если стрела эта отлетит от твоего брюха, как булава от ворот, то, клянусь честью, придется мне

спуститься вниз и отпереть замок!..

Стоящие на стене наутакийцы захохотали. Не сдержал смеха и кое-кто из столпившихся перед воротами всадников. Даже Бесс скривил в ухмылке толстые губы.

Со стены донеслись голоса: «Правитель!.. Правитель пожаловал!» Бородатая физиономия в бойнице неожиданно исчезла. Из-за ворот донесся властный голос правителя Наутаки, распекающего начальника стражи. В хитрости этому человеку было не отказать. Пытаясь заглядить собственную вину, он орал: «Как ты смел, болван, заставить ожидать столь уважаемых людей?! Отворяй скорее ворота! Вот прикажу всыпать тебе сотню плетей!..»

Огромные тяжелые створы качнулись, заскрипели и медленно отворились.

Сисимифр спешил, передал коня начальнику стражи и вышел навстречу прибывшим. Приложил руки к груди, склонил голову, приветствуя и выражая почтение Артаксерксу и всему его воинству.

— Добро пожаловать, великий царь! Да не явится беда туда, куда ступила ваша нога!..

Оказав приехавшим положенные по традиции знаки внимания, Сисимифр вновь вскочил в седло и поехал рядом с Бессом, пропустив его вперед на полкорпуса коня. Он решил лично сопроводить его во дворец.

В тот день были забиты десятки быков, заколото множество овец, и кровью их, согласно традиции, залита дорога, по которой вступило в город войско — словно для того, чтобы Всевышний воочию увидел принесенные ему жертвы во искупление грехов.

В Наутаке торжества в честь прибытия великого царя Азии длились три дня. Артаксерксу были оказаны почести, достойные его высокого сана, и он, опьяненный не столько вином, сколько сладкой лестью, на время позабыл, какие трудные времена настали, и поистине чувствовал себя царем царей. «Оказывается, среди высшей прослойки согдийской знати имеются и такие славные мужи, как Сисимифр!» — подумал он с удовлетворением и, сделав знак пальцем, велел правителю Наутаки наклониться к нему, протянул, проливая вино, кубок, чтобы чокнуться, и, когда вино было выпито,

утер руками губы и сказал, сдерживая икоту:

— Когда в моей империи воцарится мир, наша царственная рука щедро вознаградит тебя!..

Польщенный таким обещанием правитель при каждом удобном случае предлагал все новые тосты и подбирал самые высокопарные слова, дабы возвеличить Артаксеркса.

Захмелевший Бесс тоже старался оказывать ему внимание, восхвалял как одного из лучших своих верноподданных. В конце концов, когда от дифирамбов в свой адрес у Бесса закружилась голова, он принялся хвалить самого себя, говорить о собственных заслугах перед империей, сетуя, что они еще не оценены по достоинству, и одновременно припоминать, загибая пальцы, недостатки предшественника и родственника Дариявуша.

Спитамен сидел поблизости. Его кровь тоже была изрядно разбавлена вином. Чем больше он вслушивался в пустопорожнюю болтовню Бесса, тем сильнее вскипало в нем раздражение. Он не терпел хвастовства даже тогда, когда его собственные дети, перебивая один другого, рассказывали ему что-либо, явно рассчитывая на похвалу, и сухо им выговаривал: «То, что ты упал с коня и не обронил слезу — это хорошо; то, что ты попал стрелой в яблоко — это тоже хорошо; и за то, что ты научился набрасывать аркан на мчащуюся мимо лошадь, честь тебе и хвала. Но каждый из вас будет достоин называть себя мужчиной только тогда, когда все это для него будет обычным делом».

Наконец, не выдержав, Спитамен громко сказал:

— Бахвальство никогда никого не красило, тем более коронованных особ. Ваш родич, спору нет, не был лишен некоторых недостатков. Но у него их было не так уж много хотя бы потому, что он не имел обыкновения превозносить самого себя.

Бесс уставился на него, набычась и выпучив покрасневшие глаза. Несколько мгновений они сверлили друг друга взглядом. Затем Спитамен усмехнулся и, прижав руку к груди, отвесил поклон:

— Если я не прав, прошу прощения.

«Нехорошая у него усмешка. Ощерил зубы, словно пес, — подумал Бесс, силясь унять дрожь в руке, которой сжимал кубок. —

Так и хочется плеснуть в него вином... Как угадать, что у него на уме? Понимает, коварный, что непрочен сейчас трон царя Азии. Если обойтись с ним сурово, кто знает, не вступит ли он в тайные переговоры с самим Искандаром Зулькарнаином, как уже поступили многие. А за ним потянутся и другие согдийцы. Во всяком случае здесь, в Согдиане, со Спитаменом нельзя не считаться». И дрожащим от волнения голосом он произнес:

— Вы же, друзья мои, сами возвели меня на трон. Значит, сочли достойным. И я не пощажу сил, чтобы не подвести.

Царь Азии Артаксеркс назвал их своими друзьями. У Спитамена это вызвало усмешку и лишь насторожило. Ему отчетливо припомнилось, как Бесс заискивающе улыбался при встречах с Дариявушем, гнул в три погибели, а в мыслях вынашивал планы, как устранить его и самому сесть на престол. «И сейчас, старый лис, хитрит... Нет, нет, поверить ему — значит, подвергнуть себя смертельной опасности!.. Однако пусть пока новоявленный царь упивается своим троном. Не лучше ли было ему задуматься над тем, пожелают ли в столь трудный для отечества час видеть в его лице верховного предводителя войск согдийцы, массагеты, дахи, усрушаны и даже сами бактрийцы и персы?!»

Желая разрядить обстановку, Сисимифр с низким поклоном обратился к Бессу:

— Не желает ли Ваше величество послушать музыку и полюбоваться искусством наших танцовщиц? После чего любая из них к вашим услугам...

Толстые губы Бесса расплылись в улыбке, а глаза маслянисто заблестели. Он величественно кивнул.

Сисимифр подал знак, и заиграла музыка.

Муки разлуки

Земное светило, похожее на огромный начищенный таз, медленно погружалось за черную гряду холмов. Одатида в длинном белом платье, сзади слегка волочившемся по земле, вышла из разрисованной узорами юрты и направилась в сторону горизонта, над которым

вполнеба пылал закат. По черным распушенным волосам ее струился, вплетаясь в них, золотистый свет. Ее одинокая фигура, удаляясь, то сливалась с закатным небом, словно растворяясь в нем, то вдруг мелькала белым голубем, приземлившимся на отдых близ тропы, то казалась черной головешкой, истлевшей в костре отчаяния.

Она медленно взошла на вершину холма, опустила на колени и, воздев кверху руки, обратилась к Солнцу с молитвой, распахнув свою душу, говоря вслух о самом сокровенном, о том, что носила в сердце, тая ото всех, что мучило ее вот уже много дней. Она просила у Покровителя совета, терпения и мужества. Некому больше помочь ей, кроме Ахура — Мазды, создавшего этот мир таким жестоким и ужасным, полным вражды, страданий и слез. Она молилась, слезы текли по ее щекам. «О Создатель, неужели ты глух к моим мольбам, а твои глаза не желают меня видеть?..»

Одатида растит троих детей. Однако тот, кто этого не знает, легко может принять ее за девушку, так она стройна. О таких женщинах и говорят: «Из десяти ее бутонов расцвел всего один». Она сумела сохранить в себе детскую непосредственность: забавляясь с детьми, сама увлекалась игрой, входила в азарт и удаче радовалась, как ребенок. Однако в общении со старейшинами рода она сдержанна и мудра, как сама змея⁵⁸. И нельзя ей иначе: в отсутствие мужа она в племени первое лицо. Нужно ли принять важное решение, разрешить спор — последнее слово за ней.

Уже более полугода Одатида не видела Спитамена. То он, обремененный заботами, объезжал свои владения, навевался к соседям, договариваясь с ними о каких-то делах. А потом уехал на войну. Даже перед этим к семье не наведалься. Быть может, я ему надоела и у него нет более желания меня видеть? Но у нас ведь дети — его сыновья и мои, — они по нему соскучились. Наскучила Одатиде жизнь степняков, бесконечные перекочевывания с места на место и необходимость всегда быть настороже. Если мир сам по себе суетен и преходящ, то зачем было — о Всевышний! — так устраивать жизнь, что у человека нет ни минуты, свободной от забот, и

⁵⁸ Змея считалась символом мудрости.

приходится пребывать в постоянном ожидании опасности?.. Накажи, Господь, тех, кто придумал межплеменную вражду, набеги на земли соседей и войну! В чем виновны пред тобой эти несчастные скотоводы, их жены и дети, что нет им покоя ни днем, ни ночью, почему ты лишил их своего покровительства?.. Почему лишил покоя и меня? Прояви хоть каплю жалости к своей верноподданной, умерь мои страдания. Прости, что прошу о себе, кому еще могу я излить свою боль, как не тебе?..

Скажи мне, о Покровитель, почему мой Спанта так долго не возвращается? Я же люблю его больше жизни. Если его не станет, умру и я. Где он сейчас, мой джигит из джигитов? Кто, как не я, может утешить его в горе, снять усталость и успокоить? Сердце мое горит в огне и скоро обуглится. Когда мой Спанта отсутствует, мне все кругом безразлично, и руки ни к чему не лежат... О-о, Создатель, или ты решил меня испытать, что держишь так долго от меня вдали моего мужа, отца троих детей? Умоляю тебя, верни его, не разлучай меня с ним надолго...

Одатиде вспомнилась первая весна в их совместной жизни, когда они еще только-только поженились. Ей едва исполнилось шестнадцать. Небо было прозрачно, как хрусталь, с него сыпался звон весенних жаворонков. А по земле стлались бело-розовые облака цветущих садов. Степь, похожая на огромный пестрый ковер, источала аромат...

Спанта чуть свет будил ее прикосновением губ... Аил еще спал, дремали, свернувшись колечком, псы, всю ночь несшие караул вокруг кочевья, когда они покидали, взявшись за руки, свою юрту. Оседлав коней, мчались к скалам Согды, чтобы с их вершин приветствовать Солнце. Помогая друг дружке, они вскарабкивались на самый высокий каменный уступ и наблюдали, как торжественно восходит из-за края земли Золотое Светило, дарующее жизнь всему существу на земле, разливая по долине ласковый свет и тепло.

Когда на траве высыхала роса и цветы поднимали облегченные венчики к небу, они спускались вниз и на зеленом мягком ложе, на виду у порхающих бабочек и поющих птиц, предавались любви. Потом, смеясь, долго выбирали из волос один у другого невесть как

попавший сюда репей.

— Помнишь, Спанта, как нас впервые оставили одних?

— Еще бы...

— Когда настала пора с тобой бороться, меня вдруг покинули силы и я не могла тебе противиться...

— А я-то думал, что овладел тобой в борьбе, — смеясь, сказал Спанта.

— Нет такой силы, которая одолела бы женщину, если она того не хочет, — улыбнулась Одатида.

— Может, еще разочек поборемся?

— Давай. Только учти, в этот раз я тебе не уступлю.

— А ну-ка?.. — Спанта, сидя, стянул с себя рубашку, отбросил ее и, вскочив, протянул ей руку.

Одатида уцепилась за нее, сделала вид, что поднимается и... вдруг резко откинулась назад, подпрыгнув и уперев ступни ему в живот. Спанта и моргнуть не успел, как перелетел через нее. Бухнувшись спиной в траву, услышал ее переливчатый смех.

— Я же говорила тебе! — вскочила она и подала ему руку. — Я же говорила. А ты не верил.

Он встал, она приникла к его груди и услышала, как сильно бьется его сердце.

— Ты права, любимая... Один только взгляд твоих глаз меня обезоруживает.

— Я порой пугаюсь мысли, что ты мог выбрать себе другую жену, а я мужа...

— У тебя на роду было написано принадлежать мне.

— Да, милый, это так, — прошептала Одатида и почему-то всхлипнула, обвивая руками шею мужа. — И еще я боюсь измены. Вдруг ты полюбишь другую?..

— Если это случится, то убей меня!

— Все можно простить, кроме измены, — сказала Одатида, несколько отстранившись, и на лицо ее легла тень скорби, будто уже случилось то, чего бы больше всего опасалась: глаза ее сделались острыми и пронизывали, как две стрелы. — Если ты мне изменишь, то рука моя не дрогнет...

Почему же сейчас вспомнился Одатиде именно этот разговор?.. Она опять, заломив руки, потянулась к Солнцу гибким станом, ощущая на лице его тепло и шепча слова молитвы. Потом упала ничком на песок и замерла, как мертвая.

Ну, зачем же ей так терзать себя? Войны — это удел мужчин. Не только ее муж отлучается из дому надолго. Лишь бы вернулся. Разве мало таких, кто уходит и не возвращается? И сколько мужества нужно женщине, чтобы стойко перенести горькую весть. И Одатида вынесет все. «Лишь бы не стал пленником другой женщины мой Спанта!.. Нет, нет, только не это!»

Одатиде вспомнился случай, происшедший в одну из зим. Выпало много снега, сплошь завалило горы и долину. А с севера пришли такие холода, что слюна замерзала на лету. Звери и птицы в горах остались без корма и держались поближе к людскому жилью, ища подмоги и защиты. Кеклики целыми стаями влетали в конюшни, коровники, овчарни и склевывали просыпавшийся на пол овес, ворошили, выискивая для себя что-то, сено в кормушках, порхали прямо перед мордами хрумкающих лошадей и коров. Слуги и рабы, ухаживающие за скотом, закрывали дыры и щели, чтобы птицы не могли вылететь, и ловили их десятками; общипав, жарили на костре. Спанта уехал в Мараканду и отсутствовал уже несколько дней, а Одатида день-деньской была занята хлопотами по дому и не придавала проделкам прислуги значения.

Спитамен приехал поздним вечером, озябший и голодный. Одатида подала ему на ужин запеченных в тесте кекликов и из них же сваренный суп.

— Ого, откуда столько кекликов? — удивился Спанта.

— Нынче их полно всюду, — прямо сладу нет, — ответила весело Одатида. — Залетают и в конюшни, и в хлевы, только лови...

Спитамен посуловел и отодвинул от себя блюдо с угощением.

— Они, бедняги, к вам за помощью, а вы их — на вертел?..

— Так они сами идут слугам прямо в руки... — виновато произнесла Одатида и отвела в сторону растерянный взгляд.

— И птиц создал Ахура — Мазда, чтобы мы ими пользовались разумно. Он таких проделок не одобрит. Скажи слугам, пусть

прекратят это безобразие. Не мужское это дело. Настоящий охотник добывает себе пропитание иным способом.

— Хорошо, милый, я передам им твое повеление.

Спанта налил в чашку мусалласу из кувшина и с жадностью осушил.

Чтобы перевести разговор на другое, Одатида, глянув на мужа из-под густых ресниц, спросила:

— А ты не привез мне подарка?

— Разве мог я возвратиться из Мараканды без подарка для любимой жены? — улыбнулся Спитамен и потянулся за переметной сумой.

— Нынче я заслужила особый подарок... — тихо произнесла Одатида и зарделась.

— Это почему же?

— Угадай.

— Если бы я умел это делать, то мог бы избежать в своей жизни многих неприятностей и опасностей. А ведь они преследуют меня на каждом шагу, — сказал Спанта, не сводя с нее глаз, и ласково погладил жену по голове.

— У нас, кажется, будет ребенок, — пролепетала еле слышно Одатида.

Рука Спанты замерла.

— Ты не ошиблась?

— Временами у меня вот здесь... шевелится, — она взяла большую руку мужа и прижала к животу, и он ощутил под ладонью упругие толчки.

Спанта вскочил, подхватил Одатиду на руки, и стал покрывать поцелуями ее лицо, шею, волосы, плечи, закружил по комнате. Потом усадил ее себе на колени и спросил:

— Как же мы назовем его?

— Имя детям дает отец, — сказала Одатида, пряча мокрое от слез лицо у него на груди.

— В таком случае, мы назовем его... гм... Сиявуш! Нет... Афрасиаб!

— А если девочка?

Спанта задумался. Такая мысль ему и в голову не приходила. Брови его нахмурились.

— Не шути так! По глазам твоим вижу, родишь мне сына. Сына!.. — И он, схватив кувшин за горлышко, выплеснул оставшийся мусаллас прямо себе в рот, будто внутри его обжигал пожар.

Они смотрели друг другу в глаза и улыбались. Любовь их переливалась через край, как прозрачный переполненный в паводок пруд...

Сколько лет с той поры минуло, сколько воды утекло, сколько раз времена года сменяли друг друга. Троих детей подарила Одатида мужу, троих сыновей.

Ее Спанта за последнее время очень изменился. Забот ли у него прибавилось? Или охладел к ней?.. Неужто любовь способна испаряться, высыхать, будто озеро в засуху, когда глазам открывается илистое, покрытое трещинами дно?.. Не дай Бог! Они же услаждали себя, утоляли жажду из одного источника любви. Чувства в ней, как и в прежние времена, бурлят с прежней силой, она ни минуты не может не думать о Спанте...

Веющий из степи ветерок пах цветами, аромат которых напоминал былое и пьянил Одатиду ничуть не меньше, чем в те дни, когда они со Спантой устраивали себе ложе в мягких буйных травах. «Где же ты, Спанта?.. Почему не спешишь ко мне? Обернись птицей и спустишься с высот небесных на мою ладонь... Или волком серым примчишься из степи!.. Или из чащи явись круторогим гордым оленем!.. Я лишь увижу тебя и вновь отпущу. Воля твоя, лети себе, как ветер. Но сначала развея мою печаль, рассея сомнения!..»

Одатида лежала ничком и терлась мокрым от слез лицом о песок. Раскинула руки, будто хотела обнять прекрасную долину, и плакала громко, навзрыд; плечи ее тряслись, севшая было на них бабочка испуганно вспорхнула и улетела. Выплакав все слезы, Одатида затихла и долго лежала неподвижно, ощущая, как под ней постепенно остывает земля, а спину гладит ветерок, становясь холодным. Когда подняла голову, то увидела, что вокруг темным-темно, небо усыпано звездами. Села, отряхнулась, поправила рассыпавшиеся по плечам волосы, заколола их черепаховым гребнем. Вдруг услышала топот

копыт и вздрогнула. На черном гребне бархана на фоне лилового неба возник силуэт всадника. Он ехал прямо в ее сторону. Судя по всему, какой-то воин. Вскоре до нее стали доноситься фырканы поторапливаемого коня и звяканье оружия. Путник спешил. Его конь, почуяв близкое жилье, заржал; у Одатиды екнуло и куда-то провалилось сердце: голос коня показался ей удивительно знакомым. Вот всадник совсем уже близко. «Это он!.. Всевышний услышал мои мольбы!..» Сердце Одатиды бьется все сильнее, вот-вот выпрыгнет из груди. Но не почудилось ли ей?.. Если померещилось, то она сойдет с ума!.. Она вскочила и, раскинув руки, бросилась навстречу:

— Спанта — а-а!.. Великий Ахура — Mazda услышал мою мольбу!..

Однако всадник рванул уздечку и, повернув коня в сторону, огрел его плеткой. Унесся, как вихрь, и миг растаял в темноте. «Это не Спанта! Кто-то другой. Чужак. Почему он меня испугался? О Повелитель!.. О Анахит, зачем ты дразнишь меня, заставляешь страдать?..»

Может, этого всадника послал к ней Спанта с какой-нибудь вестью? Может, он заболел или ранен и нуждается в помощи?..

Одатида, ежась от прохлады, заспешила к кочевью.

Между юртами полыхали костры, возле них мелькали освещенные пламенем фигуры людей. Посредине кочевья на небольшом бугре выделялась ее светлая юрта. А неподалеку, возле самой большой юрты, в которой обычно принимали гостей, стояли у коновязи три лошади. В юрте горел свет, оттуда доносились голоса мужчин. Полог у входа был откинут, чтобы в помещение втекала прохлада. Одатида увидела сидящих на подстилках троих или четверых незнакомых воинов и Хомука, предводителя соседствующего с ними улуса массагетов. Одатида постояла, чтобы унять сердцебиение, отдышалась и направилась к юрте.

При появлении на пороге хозяйки кочевья все умолкли и, прижав руки к груди, склонились в поклоне.

— Мир вам, — приветствовала Одатида.

— Вам тоже, — ответили присутствующие.

Хомук кивнул головой на одного из воинов, облаченного в

кольчугу, и сказал:

— Это гонец.

Тот, должно быть, только что выпил поднесенный ему холодный айран, поставил на дастархан большую чашу и утер рукавом губы. Чтобы пристегнутые к поясу ножны с мечом не мешали ему сидеть, он снял их и положил поперек колен. Подле левой руки лежала плеть. Он, по всему, не собирается тут задерживаться надолго. Согласился войти в юрту лишь для того, чтобы утолить жажду и голод. «Чей гонец? Куда спешит?» Хомук, скорее всего, еще и сам не успел об этом узнать. Спасибо благородному старику, он часто навещается в их кочевье, нередко помогает Одатиде добрым советом. Иной раз и гостей может вместо нее приветить. Если в кочевье неожиданно приезжают мужчины, она тотчас посылает за ним человека.

Вот и в этот раз Хомук, отдавая дань традиции, обращался к каждому из гостей в отдельности и поздравлял с благополучным прибытием, справлялся, во здравии ли пребывают близкие его, и не нуждается ли гость в чем — либо...

Одатиде могла уйти, препоручив гостей ему и пожелав им приятного времяпрепровождения, но не спешила, стояла на пороге, держа за домотканый полог.

Гонец, словно догадавшись, что вынуждает женщину задерживаться, снял с головы шлем и, положив его рядом с собой, утер ладонью пот со лба; обращаясь к Хомуку, сказал:

— Меня послал Спитамен. Старейшинам племен и родов велено собраться в Наутак. Влиятельным вождям предстоит держать совет. Сам царь царей Артаксеркс сейчас находится там.

У Одатиды закружилась голова, она крепче ухватилась за полог, чтобы не упасть. Однако расспрашивать о муже в присутствии стольких посторонних не решилась.

Хомук опустил голову, задумавшись, поглаживая седую бороду. Видать, не обрадовала его весть, доставленная гонцом. Массагеты — народ вольный, они никогда не были подвластны персидским царям. Если врагам все же удавалось захватить их земли, они снимались и откочевывали в другие места. Ни к чему им ныне проливать кровь за интересы персов. Но этого гонца, если верить его словам, послал не

царь, а Спитамен...

Не поднимая головы, Хомук кивнул и глухо произнес:

— Хорошо, вкусив хлеба — соли и немного отдохнув, можешь поспешить дальше, чтобы оповестить остальных. Я выеду завтра же...

Гонец молитвенно провел по бороде ладонями, дав понять, что трапезу он завершил, и, подхватив шлем под мышку, проворно вскочил, будто дальняя дорога его нисколько не утомила; поклонился Хомуку, затем хозяйке и вышел из юрты. Когда он приблизился к коновязи, его нагнала Одатида:

— Скажи, воин, в добром ли здравии Спитамен? Скоро ли он вернется домой?

Гонец пристально посмотрел на нее. На его мужественном лице играли блики горящего неподалеку костра, на котором чабаны готовили пищу.

— Разве может мужчина из военного похода спешить домой, о женщина?! — усмехнулся он.

— Не спешат те, кто жаден до добычи, — сказала Одатида.

— Конечно!.. — рассмеялся гонец. — Одни хватают добычу, другие красоток...

Гонец не успел заметить, какое впечатление произвела на женщину его неуместная шутка. Садясь в седло, он хотел было добавить, что один Спитамен не таков, как все, но не успел. Одатида, вспыхнув вся, схватила с земли прут и изо всей силы стеганула гонца. Конь его отпрянул в сторону; не успевший вдеть вторую ногу в стремя, гонец шмякнулся на землю, а конь его галопом умчался в степь. Одатида еще раз занесла прут над незадачливым насмешником, вытаращившим на нее глаза, неожиданно вскочила на стоявшую рядом лошадь и в мгновение ока исчезла в темноте. Через несколько минут вернулась обратно, ведя в поводу коня.

— Принимай свою лошадь! Да не смей больше так шутить!

Гонец молча взял повод, взобрался в седло и, отвесив поклон, проговорил:

— Ты достойна своего мужа, женщина. Неспроста, видать, Спитамен выбрал тебя. Ты скоро его увидишь, жди!..

Хлестнув коня плеткой, гонец умчался в ночь. Одатида стояла,

прислушиваясь к отдаляющемуся конскому топоту, который всегда предшествует или радостной встрече, которая произойдет через несколько мгновений, или горестной вести. Что же это не стихает топот копыт, будто повис прямо над ней в воздухе?.. Ба, да это же в ушах у нее звучит топот Карасача, увозящего ее мужа в неизвестность. И сердце вторит ему. А на глаза навернулись слезы.

Царский перстень

В окрестностях Наутаки, в полях, садах, раскинуто множество шатров, белых, желтых, алых, зеленых. Из многих краев, городов Тураны, Бактрии, Согдианы прибыли сюда предводители различных родов и племен, военачальники, пахлаваны, воины, чтоб объединиться, как объединяются в кулак пальцы, и выступить против Искандара Зулькарнайна. Более месяца минуло с тех пор, как царь царей Артаксеркс со своей свитой и личной охраной расположился во дворце правителя Сисимифра. Что ни день десятки воинов переправлялись с той стороны Окса и присоединялись к отрядам, расположившимся вокруг Наутаки. Среди них были и персы, и дахи, и саки, и представители других племен, на земли которых обрушилось несчастье. Большинство из них уже участвовало в сражениях с Искандаром. Им посчастливилось тогда благополучно унести ноги, однако они были столь перепуганы, что у многих еще и сейчас не улетучился страх, и своими рассказами, полными ужаса и кровавых картин, они могли смутить души тех, кто явился сюда впервые.

На завтра Артаксеркс назначил во дворце сбор предводителей племен и военачальников.

В шатер Спитамена явились, чтоб вначале посовещаться самим, Оксиарт, Хориён, Датафарн, Катан, Орипий и прибывший вчера Хомук. Намич же, правитель Мараканды, прибыть отказался, сославшись на недомогание. Однако, не сдержавшись, проговорился: «Всю жизнь я сам посылал за предводителями гонцов! Я с большим почтением отношусь к Спитамену, но он не властен надо мной, чтобы вызывать к себе, — сказал Намич гонцу. — Если изменить

установившийся в мире порядок, то и реки могут потечь вспять, неся людям гибель, а не жизнь!..» Гонец же не отважился ему признаться, что это Артаксеркс велит всем собраться. Посылать же гонцов к именитым согдийцам поручил Спитамену. Должно быть, и ему ясно, что на его собственный зов не собралось бы и половины того войска, что ныне у них имеется.

Слуги внесли в шатер айран и разлили по чашам. Неторопливо, небольшими глотками утоляя жажду, соратники вели беседу. Спитамен больше слушал, чем говорил. Из слов Датафарна и Катана следовало, что многие в лагере недовольны, что новоявленный царь Азии вновь окружил себя роскошью, устраивает каждый вечер пиры, упивается властью, забыл, что Искандар Зулькарнаин прилюдно поклялся, что рано или поздно поймает Бесса, где бы он ни был, и предаст позору за то, что он коварно изменил своему родичу и благодетелю, великому царю Дариявушу. А Искандар, как известно, слов на ветер не бросает.

Вряд ли все это не беспокоит Бесса. Напускает на себя беспечность, делает вид, будто не боится Зулькарнаина. Кого он хочет обмануть? Всем понятно, что пытается хоть на короткое время забыться на пирах, заливая тревогу вином. Гульба порой переходит в оргии. Нередко во время веселья Бесс вдруг становится мрачным, а то вдруг вскакивает с места и, вытаращив безумные глаза, с воплем выдергивает из ножен кинжал... И доставляет ли ему нынче радость царский сан? Не сожалеет ли он о тех добрых временах, когда был всего-навсего сатрапом Бактрии; тогда голову его не венчала корона, зато бактрийские сановники предугадывали его мысли и желания, из кожи лезли вон, чтобы он оставался ими доволен; он же мог проводить время в кутежах, обласканный красавицами: только мигни, и любая согласится смахнуть ресницами пыль с его сандалий. Чего ни пожелает, все под рукой. Чего, спрашивается, ему не хватало? Мало было ему преклонения окружающих, отдававших должное, как родичу самого великого царя Дариявуша?.. Как видно, нет границ человеческому тщеславию! Самому захотелось стать царем всей Азии...

Впрочем, кто сказал, что он решился на это, соблазнившись

ослепительным блеском царской короны?! Ничего подобного! Разве военачальники, воины, да и все люди не знают того, что Искандар Зулкарнайн объявил Дариявуша своим личным врагом и поклялся перед войском, что будет следовать по пятам великого царя до тех пор, пока его не настигнет? Вот и пришлось вступить в заговор, чтобы убить Дариявуша. Надеялись этим остановить Зулкарнайна, ибо дальнейший поход его, казалось, терял смысл — однако не тут-то было. Алчность завоевателя была беспредельной...

Надев корону, Бесс взвалил на себя заботу о всех народах, населяющих империю и теперь связывающих с ним свои надежды. Его целью было — вернуть величие династии великих Ахеменидов, сотрясавших некогда мир. Ох, как непросто и в мирное — то время управлять такой огромной державой. Для этого нужны сильная воля, ум, хитрость, а подчас и коварство. Всего этого в избытке у Бесса — Артаксеркса. Если бы не чертов Зулкарнайн — прибереги его Анхра — Майнью к себе! — Бесс доказал бы, что не зря велел величать себя царем Азии...

До полуночи засиделись Спитамен и его соратники в шатре, по полотну которого скользили блики горящего неподалеку костра и внутри можно было не зажигать светильника. Разговаривали вполголоса, прислушиваясь к доносившемуся снаружи шуму, голосам воинов, снующих мимо и сидящих вокруг костра. Оттуда время от времени доносился дружный хохот. Стоит собраться вместе нескольким джигитам, среди них непременно отыщется острослов, который смешит всякими байками, помогает скоротать время. Новый взрыв хохота заставил умолкнуть сидящих в шатре. Дожидаясь, пока снова все стихнет, Спитамен обвел взглядом смутно виднеющиеся в полумраке лица соратников и сказал:

— Что из себя представляет Артаксеркс, мы все хорошо знаем. Послушаем, что он скажет нам завтра. После этого положим на чашу весов его достоинства и недостатки...

Сидящие промолчали. Значит, были с ним согласны. Затем стали поочередно подниматься и, попрощавшись, выходить по одному из шатра. Не стоило привлекать к себе чужого внимания.

Артаксеркс расположился в высоком кресле, заменявшем ему трон, у торцовой стены просторного зала. На его большой лысоватой голове золотая корона, которая недавно принадлежала Дариявушу Кадамони. Положив руки на подлокотники, он старается держаться прямо, что удается ему с трудом, поскольку огромный живот тянет вниз и мешает дышать. Златотканый халат, не рассчитанный на такой живот, так его обтягивает, что вот-вот отлетят прочь золотые пуговицы с сапфирами. Внешне царь Азии спокоен, ничем не выдает волнения — будто мало что в мире изменилось с тех пор, как его предки создали великую империю Ахеменидов. К нему подходят, сгибаясь в три погибели, старейшины, вожди различных племен, чтобы поприветствовать и представиться. Он высокомерно протягивает унизанную перстнями пухлую руку для поцелуя и отвечает на приветствия едва заметным движением головы.

Военачальники стояли по краям зала вдоль облицованных ганчем стен, сомкнув на животе руки, и ждали. А к Артаксерксу все подходили и подходили, по одному и группами, выразить верноподданнические чувства. В большинстве это были представители земель, уже завоеванных Зулькарнаем.

Наконец все заняли свои места. Артаксеркс, облокотясь одной рукой о подлокотник, смотрел исподлобья в зал и ждал тишины. Недавно назначенный им сахибкироном бактрийской конницы Оксиарт близко наклонился к Хориёну. Царю в последнее время всюду мерещился заговор, он не любил, когда кто-либо шептал кому-то на ухо.

— О чем вы там?.. — громко спросил он. — И что за тайны у вас завелись?

Оксиарт, от природы вспыльчивый, и сейчас, несмотря на свои неполные пятьдесят лет, возмутился, восприняв замечание царя как оскорбление.

— Если вы лишаете нас, Ваше величество, своего доверия, то уж лучше нам всем разъехаться по домам! — произнес он, прижав руки к груди и наклоня голову. Слова его прозвучали довольно резко. — Искандар Двурогий не с нами собирается сводить счёты! — добавил

он.

Спитамен и другие старейшины родов, беседовавшие неподалеку, обернулись на голос. В зале сразу сделалось тихо. На лицо Артаксеркса набежала тень. Он не сразу нашелся, как осадить дерзкого согдийца. Сидящие на бархатных стульях по правую и левую от него сторону приближенные, казалось, были готовы съезть глазами Оксиарта, а кое-кто из них уже взялся за рукоять кинжала. Еще мгновение, и могло произойти бог знает что, вполне могла пролиться кровь.

— Ваше величество! — обратился Спитамен к Артаксерксу. — В серьезном деле горячность — плохой помощник. Мы собрались здесь с одной целью: посоветоваться и принять решение, как спасти то, что у нас осталось, — Согдиану. Враг расположился лагерем на противоположном берегу Окса. Оставленные там наши караульные каждый день присылают сведения, из которых явствует: македоняне готовятся к переправе. Раз так, значит, они не сегодня завтра ступят на землю Согдианы. И ни к чему нам в такой час подозревать друг друга. Если между нами начнется раздор, то это лишь на руку Двурогому...

Оксиарт опустил голову, и Спитамен не видел выражения его лица.

Сидящий ближе всех к Артаксерксу Сисимифр, покачав головой, с укоризной сказал Оксиарту:

— Как у тебя поворачивается язык, чтобы дерзить великому царю Азии? Я, правитель Наутаки, не смею и словом перечить ему, а ведь ты на целых десять лет младше меня...

— Да, ты старше меня, почтенный Сисимифр, не спорю, и если бы воинская мудрость определялась возрастом и числом седин в бороде, то я бы ни за что не пренебрег возможностью услышать твой совет. В искусстве править в мирное время, наверное, нет тебе равных. А сейчас пусть скажут свое слово полководцы, — выдохнул Оксиарт, сверкая глазами.

— Мы счастливы уже тем, что царь выбрал наш город местом своего пребывания... — сказал правитель и плавно поклонился Артаксерксу.

— Да не в обиду тебе будет сказано, почтенный Сисимифр, но если царь Азии ждет покровительства под твоим крылом, то это говорит лишь о том, что дела его плохи.

— Если отец оказывается в затруднении, то он обращается за помощью к детям, так велось испокон веков, — возразил Сисимифр.

— Персидские цари никогда не испытывали к согдийцам отцовских чувств, — ответил Оксиарт, и слова его звучали все резче, а голос становился громче.

Спитамен видел, как одутловатое лицо Бесса чем дальше, тем сильнее багровеет, а губы плотно сжимаются. Глаза навывкате излучают гнев. Стоит ему подать сигнал, и на Оксиарта накинется стража. Другьям придется за него вступить, и тогда... Трудно себе представить, что произойдет тогда. Много ли присутствующих здесь сахибкиронов останется в живых?

Спитамен отступил за спины военачальников, быстро подошел к Оксиарту и до боли сжал ему локоть, заставляя замолчать, хотя если помнить об их возрасте, то он не имел права этого делать. Но Оксиарт не обиделся, кивнул и умолк. Спитамен выступил вперед, заслоняя его собой.

— Ваше величество!.. Уважаемые сахибкироны!.. Другья!.. — сказал он. — С благословения Всевышнего собрались мы здесь, мы, братья по крови, которые, уподобясь муравьям, трудились на родной земле, а ныне стали воинами, чтобы жены наши и дочери не стали наложницами чужеземцев, а сыновья не стали рабами, чтобы наши сады и нивы по-прежнему радовали нас изобилием. Так давайте думать о том, что нам делать, хватит растрчивать энергию на пустые разговоры. Тот, кому есть что предложить, пусть выскажется!.. Тот, кто мудр, пусть не молчит.

Заговорили все разом, ибо вряд ли в зале нашелся бы хоть один, кто не считал бы себя мудрым. Поднялся шум, послышались выкрики.

— Тихо! Тихо!.. — раздался пронзительный голос Сисимифра; он вскочил и стал бить обнаженным кинжалом о дно серебряного блюда. — Великий царь Азии желает говорить! Послушаем его!

Наконец воцарилась тишина, и Артаксеркс заговорил. Голос его

был глуховат и все еще дрожал, выдавая сдерживаемый гнев. После каждой фразы он делал паузы, словно давая возможность поразмыслить, и переводил тяжелый взгляд с одного сахибкирона на другого, пытаясь по выражению их лиц определить, как воспринимаются его слова. Но говорил он о том, что всякому было известно: мол, наступили трудные для страны времена, и ее судьба ныне зависит от каждого в отдельности. Великий царь Азии взывал к патриотизму и высокой чести бактрийцев, согдийцев, дахов, массагетов, туранцев...

Когда он умолк и велел подать ему чашу с шербетом, чтобы промочить горло, из-за спин сахибкиронов выступил старейшина одного из скифских племен.

— Ваше величество... — сказал он. — Уважаемые воины!.. Позор тому, кто перед лицом врага проявляет трусость. Но трижды позор тому, кто ни во что не ставит жизнь своих соплеменников. Во имя победы не жаль пролить и целое море своей и вражьей крови. Но жаль и капли крови, пролитой понапрасну... Все вы знаете, что Искандар — сын Бога. Значит, он непобедим. Стоит ли нам в таком случае понапрасну проливать кровь?.. — и, стараясь перекричать все усиливающийся ропот, он постепенно повышал голос: — Все от Бога! Если угодно Богу, чтобы земли наши стали подвластны Искандару, то нам лучше покориться...

Тут началось такое, что голос скифа потонул в шуме. Раздавались выкрики, что он подослан самим Двурогим. Большинство изобличало его в лукавстве, ибо скифам — кочевникам нечего терять: в одночасье они могут сниматься с места и, сложив юрты, нехитрый скарб на верблюдов, откочевывать в другие земли, оставляя врагам лишь пепел от кострищ. А согдийцы, бактрийцы, туранцы не могут переносить с места на место свои города и селения с разбросанными вокруг садами и огородами, которыми они кормятся.

Датафарн и Катан протиснулись к Спитамену, в глазах которого читалось: «Что же это происходит, а?..» Хориён, приблизив губы к его уху, что-то зашептал. Спитамен насупил брови, а лицо его стало бледным, как выстиранное полотно.

— Спитамен! Скажи свое слово! — обратился к нему Датафарн.

— Согдийцы хотят услышать тебя! — поддержал его Катан. Спитамен выступил вперед и поднял руку, требуя тишины.

— Тихо!..

— Тихо — о!.. — подхватил кто-то.

— Послушаем, что скажет Спитамен!..

И когда шум ослаб настолько, что стало возможным перекрыть его громовым голосом, которым обладал Спитамен, он произнес:

— Высоко почитаемый мной предводитель скифов прав в одном: никто из нас не хочет напрасного кровопролития. Но мы не можем спасти свои жизни, став рабами Двурогого!.. Тут было сказано, что Искандар — сын Бога. Однако мы поклоняемся самому Богу, а не сыну его, от которого согдийцы не могут ожидать ни света, ни тепла. Сыновья тоже бывают ослушниками. И нередко боги-родители препоручают нам, смертным, всыпать их детям как следует за послушание...

В зале сделалось тихо. Спитамен заметил у многих на устах улыбки.

— Мы все сломя голову кинулись на зов Его величества Артаксеркса, надеясь, что он сплотит нас и поведет в бой. Этого не произошло... Мы могли стать стеной на правом берегу Окса и не позволить македонянам переправиться через реку. Момент упущен. Искандар уже вонзил копьё в наш берег, и его воины вступили на землю Согдианы. Мне стало известно об этом только что. Нам удастся сбросить чужеземцев в мутные воды Окса лишь в том случае, если мы объединимся, просунем, как говорится, головы в один ворот. Ни один улус, ни одно племя, ни один род не должны остаться в стороне.

Спитамен перечислил предводителей, которых знал по именам, и предложил им собраться вместе и в более спокойной обстановке выработать план совместных действий.

Сразу же, как только он умолк, в разных концах зала опять разгорелись шумные споры. Кто-то призывал к тишине. Кто-то с пеной у рта доказывал, что особой разницы нет, кому платить дань, Искандару Зулькарнайну или персам.

Однако персидские цари могли внушать страх, когда владели

великой державой и у них под рукой была их армия. А кто теперь Бесс, то есть, будь он неладен, Артаксеркс, у которого ни державы, ни армии? Никто... Другое дело Искандар Зулькарнайн, одно имя которого на многих из собравшихся наводит ужас.

Артаксеркс поднялся, опершись руками о подлокотники кресла. И Сисимифр снова оглушительно ударил несколько раз кинжалом о дно серебряного блюда.

— Великий царь Азии собирается что-то сказать!.. — слышались голоса.

И Артаксеркс сдавленным от волнения голосом заговорил. Толстые губы его поблекли.

— Ваши ссоры между собой больно ранят мое сердце, оно кровоточит от скорби... Тут слуха моего коснулись попреки в адрес персов, которые якобы, как клещи, сосали чужую кровь. Это не так. Вы все, бактрийцы, согдийцы, саки, дахи, массагеты и скифы, хорошо знаете, что персы никогда не жили за чужой счет. Живя под их покровительством, вы не видели от них худа...

Оксиарт, усмехаясь, негромко, так, чтобы его могли услышать только друзья, произнес:

— Если считать за добродетель то, что драли с нас семь шкур!..

— Да, конечно, Дариявуш при жизни допускал немало ошибок, — продолжал Артаксеркс, тщетно пытаясь застегнуть дрожащими пальцами расстегнувшуюся на животе пуговицу. — Не стану спорить, мой родич сильно подмочил авторитет династии Ахеменидов...

— А подмоченный дувал быстро разваливается, — опять пробурчал Оксиарт.

— Доблестные воины великой Персии, идя в бой, единственное желание несли в сердцах: погибнуть или победить, дабы умножить славу Ахеменидов. Но Дариявуш тем не менее, предаваясь наслаждениям, не укреплял огромное здание своей империи. А если рушится большое здание, то под его обломками могут оказаться и примыкающие к нему дома поменьше. Говоря о чести и славе Ахеменидов, я думаю прежде всего о вас, мои подданные. Будут в силе Ахемениды — будете сильными и вы. Будет процветать царство Ахеменидов — и ваша жизнь будет райской. Это говорю вам я,

Артаксеркс! А если погибнет великая Персия — исчезнете и вы вместе с нею. У нас одна с вами судьба...

Артаксеркс говорил довольно долго. Он устал стоять и продолжал речь, опустившись в кресло. Его широкий с залысинами лоб покрылся испариной и блестел. Дышал он шумно, переводя дыхание и делая длинные паузы.

Совет длился до самого вечера.

Правитель Наутаки Сисимифр, решив под конец помирить перессорившихся между собой старейшин, вождей некоторых племен, военачальников, хоть как-то сгладить возникшие между ними холодность и непонимание, предусмотрительно послал рассыльного за искуснейшими ошпазами, велел передать приказание — к вечеру приготовить самые вкусные угощения и вынести из подвала несколько хумов⁵⁹ молодого холодного мусалласа.

Когда солнце наполовину исчезло за горизонтом и в душном зале начали сгущаться сумерки, Артаксеркс объявил, что совет окончен.

Сисимифр тотчас вскочил и, звякая кинжалом о блюдо, крикнул фальцетом:

— Прошу перейти в правое крыло дворца, где по случаю сегодняшнего события состоится пир! — и вызвал тем самым у присутствующих бурный восторг.

Спитамен, покидая зал, уже за порогом успел шепнуть Датафарну:

— Посидим в шатре своей компанией...

— Сказать Оксиарту и Хориёну? — спросил тот.

— Не стоит, больно горячи оба. Нам будут нужны Катан, Шердор и Тарик. Приходи с ними.

Датафарн и Катан пришли вместе. Спустя несколько минут явились почти один за другим Шердор и Тарик. На низкий восьмигранный инкрустированный слоновой костью столик Спитаменом были выставлены фрукты в серебряных вазах. Расселись подле полотняных стен шатра на мягких атласных подстилках. Снаружи горел костер, и доносились голоса воинов. Сквозь ткань

⁵⁹ Хум — большой глиняный кувшин.

просачивался оранжевый свет, и его блики играли на развешанном на деревянном каркасе оружии.

Спитамен взял из вазы крупный гранат и, разминая его пальцами, проговорил:

— Если вы сегодня внимательно слушали, то теперь хорошо знаете, что думает каждый из предводителей. У меня не осталось сомнений, что большинство озабочено лишь тем, чтобы спасти свою шкуру. Среди сахибкиронов, увы, совсем немного таких, кого бы тревожила судьба Согдианы. А новоявленный царь занят кроной своего величия, позабыв, что корни его давно сгнили... Великий Ахура — Мазда, даровав нам эту землю и изобилие воды, завещал трудиться в поте лица, умножать богатства, дорожить тем, что создано предками. И мы старались быть верными его завету, ни разу не прогневали Ахура — Мазду запретными деяниями, разрывая землю там, где не положено, или сдвигая скалы с того места, где поставила их сама Природа, или промышляя на охоте сверх меры. И Создатель оберегал за это наши пастбища, нивы, сады от бед и напастей, давая нам возможность иметь в изобилие мясо, молоко, масло, кожу. И пока нашим краем управляли люди разумные и благородные, умеющие смотреть далеко вперед, все было хорошо, до тех пор мы пользовались покровительством Ахура — Мазды. Но не приведи Бог, чтобы бразды правления оказались в руках у тупоумного...

Спитамен умолк, выжимая сок граната в большую серебряную чашу.

— Ты прав, Спитамен. Оставаясь верным завету наших богов, мы не можем признать над собой власть человека, лишённого не только остроты ума, но и мужества, к тому же пролившего кровь своего родича... — проговорил Датафарн и медленно обвел взглядом сидящих. — Я не сомневаюсь, что произнес вслух то, о чем вы, сидящие тут, уже не раз думали.

— Ты сказал правду, Датафарн, — кивнул Катан. — Ахура — Мазде вряд ли будет угодно, если мы признаем власть Бесса...

— А что скажут Тарик и Шердор? — спросил Спитамен, вытирая о полотенце руки, залитые алым соком.

— Мы сделаем все, что будет на пользу Согдиане, — произнес Тарик.

— Сейчас для Согдианы главное, чтобы в нее не вторгся враг, — сказал Спитамен и взял другой гранат.

— Когда лев преследует раненого буйвола, он не останавливается, пока не достигнет его, — сказал Датафарн и вопросительно посмотрел на Шердора, который сидел, опустив голову, и пока не вымолвил ни слова.

— Чтобы сберечь остальное стадо, пастухи оставляют добычу на пути льва. Ты это хотел сказать, верно? — произнес Шердор и в упор посмотрел на Датафарна.

Тот кивнул:

— Именно это...

— А как отнесется к этому Ахура — Мазда? — с сомнением проговорил Шердор.

— Ахура — Мазда прогневан трусостью и бесчестьем... гм... буйвола, — проговорил, усмехнувшись, Спитамен. — Верные люди мне передали, что новоявленный царь приказал тайно схватить и доставить к нему связанными всех тех, к кому он потерял доверие. Быть может, назвать вам имена людей, которым осталось жить совсем недолго, если мы срочно чего-нибудь не предпримем?..

— Можешь не называть, Спитамен, нам эти люди известны, — сказал Датафарн.

— О Ахура — Мазда, благослови нас и не вини потом в коварстве и бесчестии, — проговорил Шердор, воздев кверху руки.

Спитамен разлил по чашам гранатовый сок, густой и темный, как кровь.

— Однако у нас недостаточно сил, чтобы взять приступом дворец, — заметил Катан. — А сахибкиронов пропускают к Бессу не более, чем по одному...

— Мы поступим иначе, — сказал Спитамен и сделал знак рукой, чтобы все наклонились к нему и внимательно выслушали...

Спитамен торопливым размашистым шагом шел вдоль длинной галереи. На резных опорных столбах горели, потрескивая, факелы. По

обе стороны широкой двустворчатой двери, украшенной орнаментом, стояли, застыв, как изваяния, два стражника с копьями и щитами. Если к двери приближался кто-нибудь незванный, они молча скрещивали перед ним копья, и напрасно было им что-либо объяснять. Спитамена они знали в лицо. Он был одним из немногих, кто был вхож к царю царей без вызова.

— Доложите! — сказал Спитамен.

Один из стражников передал другому длинное копьё и исчез за дверью. Через минуту вышел и, оставив дверь открытой, кивнул: мол, входи. Спитамен перешагнул порог. Дверь намеренно закрыл неплотно, дабы стражники слышали его разговор с царем царей.

Белостенный зал сегодня казался куда просторнее, чем позавчера, когда его заполнили представители различных юртов и сахибкироны, собравшиеся на совет. Во множестве маленьких ниш в стенах горели светильники. Артаксеркс восседал в том же позолоченном кресле, что и в прошлый раз. Только на его лысоватой голове отсутствовала корона.

За спиной кресла стояли двое стражников гигантского роста. Справа же на низкой мягкой скамье, обитой бархатом, сидел Сисимифр, поглаживая жидкую бороду.

Артаксеркс не сводил немигающего взгляда с приближающегося Спитамена и молчал, ожидая объяснений, чем вызван столь неурочный визит. В такое время вряд ли кто решился бы беспокоить царя царей из-за пустяков.

— Ваше величество, мной схвачены заговорщики! — сказал Спитамен, останавливаясь в нескольких шагах от трона.

— Кто они? — спросил Артаксеркс, приподнимаясь, глаза его загорелись.

— Те, кто вступил в переговоры с лазутчиками Двурогого и собирався перебежать на его сторону!

— Тебе известны их имена?

— Мне — да, но вам они мало о чем говорят!..

— Назови! — царь побледнел, его толстые губы задрожали.

— Это сахибкироны Катан, Шердор, Тарик...

— Где они? — хрипло закричал Артаксеркс, сойдя с возвышения

и сделав шаг навстречу Спитамену; рука его машинально гладила рукоять меча. — Привести сюда их! Я сам их обезглавлю...

— Повеление ваше будет исполнено немедленно, великий царь! — сказал Спитамен, круто повернулся и вышел.

Прошло всего несколько минут, как дверь снова отворилась и Спитамен с Датафарном втокнули в зал троих воинов, связанных одним арканом. Руки их были стянуты за спиной.

— А-а, изменники!.. — прорычал Артаксеркс, хищно оскалив зубы, и стал приближаться, медленно вынимая меч. — Как змеи извивались вокруг меня, дожидаясь момента, чтобы коварно ужалить?.. Ну, так я с вами, как со змеями, и поступлю!.. — и замахнулся...

Но навстречу ему словно сверкнули три молнии, раздался звон стальных мечей. Веревки с воинов странным образом упали, и они успели выхватить спрятанные под одеждой клинки. Меч царя отлетел в угол и грохнулся на столик с яствами, разбив вдребезги фарфоровую посуду; скатился на пол серебряный кувшин, и из его горлышка с бульканьем полился на ковер красный мусаллас. Стоявшие за спинкой трона стражники не успели выхватить оружие, как свалились замертво, пронзенные кинжалами. А Спитамен и Датафарн уже заламывали царю руки и вязали. У того пропал от страха голос, он что-то невнятно бормотал и всхлипывал.

Дверь отворилась, и появившийся Зурташ втащил из передней задушенных стражников, сначала одного, потом другого. Затем, утерев рукой пот со лба, громко объявил:

— Твои воины окружили дворец, Спитамен!

Бледный Сисимифр, трясаясь от страха, прижался к стене с барельефом чудесного сада — с сидящими на ветвях птицами и прячущимися в зарослях газелями, — будто сам пытался слиться с гранатовыми кустами. Но его словно бы никто не замечал.

Артаксерксу заткнули дастарханом рот. Он, точно обезумев, не сводил со Спитамена вытаращенных глаз, видно, ожидая, что тот ему хоть что-то объяснит; впрочем, ему и так уже было все ясно: этот согдиец и есть главный среди заговорщиков. Как же ловко они провели его!..

— Таково решение согдийских предводителей! — хмуро бросил Спитамен, стараясь не смотреть царю в глаза.

Тот что-то промычал, потом прикрыл глаза, и из-под его выпуклых век выкатились слезы. Ему удалось вытолкнуть языком кляп, и он обреченно зачистил:

— Я это предчувствовал... Давно предчувствовал... Сбылся сон... Покойный Дариявуш мне приснился... Отпив мусаллас, он протянул чашу мне, и я, глупец, пригубил...

— Ты прав, Бесс, — сказал Спитамен, с тревогой прислушиваясь к доносящемуся с улицы подозрительному шуму, не сулящему ничего хорошего. — Покровительствующие Дариявушу духи избрали для тебя то же самое наказание, какое придумал для него ты...

— Нет... нет... не убивайте, — взмолился Бесс.

Шум на улице усиливался, доносились возбужденные голоса. Спитамен сделал знак Зурташу, чтобы он узнал, в чем дело, и, обращаясь к Бессу, сказал:

— Как поступить с тобой, решать будем не мы.

Вернулся Зурташ, он был крайне взволнован.

— Наутакийцы и бактрийцы пытаются обезоружить согдийцев! — сообщил он.

Спитамен обернулся, отыскивая взглядом правителя Наутаки, и направился к нему. У того чуть не подкосились ноги. Положив ему на плечо руку, Спитамен строго сказал:

— Хоть и не молод ты, а жить, наверное, охота?

Тот часто закивал, тряся бородой, не в силах вымолвить ни слова.

— Выйди и объяви своим, что по велению Ахура — Мазды Бесс должен быть доставлен к сыну Зевса!

— Они изрешетят меня стрелами... — еле слышно произнес Сисимифр.

— Отрядами наутакцев командуют твои родственники, они все моложе, чем ты, и не посмеют тебя ослушаться!

— Но там немало и бактрийцев... — возразил правитель.

— Если твои воины будут по-прежнему готовы исполнять повеления своего правителя, то бактрийцы не решатся напасть на согдийцев. Ступай и скажи им то, что я велел.

— Они не поймут...

— На пирах ты был куда как велеречив, соловьем заливался! Ступай и сумей их убедить любой ценой. Иначе прольется много крови, и в первую очередь твоя!..

Сисимифр на подгибающихся ногах направился к двери. Спитамен, поддерживая под руку, довел его до порога...

Сисимифр исполнил все в точности, как велел ему Спитамен. И разъяренные наутакійцы вложили мечи обратно в ножны, а стрелы в колчаны, расступились, разомкнули кольцо вокруг согдийцев. Многие павшие духом бактрийцы спешно покинули обширный дворцовый двор и поспешили за пределы Наутаки, где в подступающих к самым ее стенам садах были раскинута их шатры. А половина из них примкнула к воинам Спитамена...

Бесса усадили на высокую арбу о двух колесах. А мягкие подушки, на которых он привык устраиваться с комфортом, на этот раз ему заменило простое сено. И процессия в сопровождении более десятка всадников двинулась в путь. Впереди всех на белой лошади ехал Сисимифр. И когда кавалькада следовала через селения и на улицы высыпал любопытствующий народ, Сисимифр, уподобясь глашатаю, громко объявлял, в точности повторяя слова Спитамена:

— Мы исполняем волю Ахура — Мазды — везем царевийцу на суд сына Зевса! Да получит он сполна то, что заслужил!..

А Бесс, с которого в одночасье сошло царское величие, сидел обмякший, то и дело поправляя сползавший с плеча оторванный рукав, и, глядя в спину недавнему другу, качал головой: «И — и-и... ничтожество... Какое же ты ничтожество!.. Ты — тряпка, о которую вытирать ноги, а я тебя принимал за парчу! Тьфу — у!.. Кругом измена, куда ни повернись, предательство!..»

Вокруг Наутаки в это время царила сумятица. Многие воины сворачивали шатры, снимались с места и уходили, никому не сказав ни слова. А кому говорить — то, у кого спрашивать?.. Одни гневались, узнав о пленении Артаксеркса, подговаривали других броситься в погоню и освободить его; другие радовались, говоря:

«Войне теперь конец, можно по домам!..»; третьи и не гневались, и не радовались, и с места не трогались, чего-то ждали. А чего?..

Неподалеку от укрепленного селения Хамад Спитамен с небольшим отрядом нагнал кавалькаду с Бессом. Он приказал оставить Бесса в этом кишлаке, сдав его из рук в руки старейшинам. И отсюда послал к Искандару Зулкарнайну гонца, велел передать ему на словах: «Не спеши, сын Зевса, отдаляться от Окса в глубь Согдианы. Земля у нас так горяча, что обжигает ступни сквозь подошву сандалий, а воздух так раскален, что сушит гортань и опалает легкие. Отправь верных тебе людей в Хамад, и они привезут тебе то, что ты ищешь. Мой гонец им будет проводником. Бери то, ради чего тебе было не жаль жизни своих соотечественников, и уходи с Богом. Прощай».

Бесс был передан старейшинам, и те препроводили его в подвал с каменными сводами и железной дверью. Заперли и у входа оставили стражу.

Спитамен с отрядом умчался в степь.

Бесс очнулся на земляном полу от пробиравшей его сырости. Приподняв тяжелую, словно свинцом налитую, голову, прислушался. Недавно доносились голоса воинов, топот и ржанье коней, а сейчас было тихо. Неужели Спитамен покинул кишлак?.. Он на четвереньках, волоча за собой цепь, подполз к двери, из-под которой просачивалась полоска света, и стал колотить в нее, в кровь расшибая кулаки о железо.

— Как смеете вы, дикари, держать меня здесь?.. — кричал он сиплым голосом. — Откройте! Немедленно откройте!.. Создатель отомстит за меня вам! Он никому не прощает коварства. Он наказал меня и точно так же накажет вас! Вот увидите... попомните мое слово!..

Дверь сотрясалась от ударов, и на ней звякал железный засов. Стражники замерли и притихли, боясь обнаружить свое присутствие. Им было трудно свыкнуться с мыслью, что они охраняют самого Артаксеркса, вчерашнего самодержца, к которому не посмели бы

приблизиться до того места, куда могла дотянуться плеть его телохранителей; и охраняют не от врагов, могущих посягнуть на его драгоценную жизнь, а чтобы он не сбежал. Еще вчера такое не могло им даже присниться. Оба сидели на корточках, втиснувшись каждый в свой угол, сжимая вспотевшими руками прислоненное к стене копьё, едва дыша и боясь произнести хоть слово.

Но вскоре силы покинули Бесса, голос его ослаб и стал еле слышен. Послышались всхлипы. Он принялся клясть Спитамена и всех, кто с ним заодно, называя их всех изменниками. Стражников мороз продирает по коже от этих проклятий. Потом он надолго умолк, и стражники, подумав, что пленник уснул, с облегчением вздохнули и переменили позу, растирая затекшие ноги. Едва обменялись вполголоса словом — другим, как из-за двери вновь послышались причитания:

— О Создатель, на какие унижения ты обрек меня! Уж лучше сразу бы забрал мою душу!.. Какие еще испытания готовишь ты мне? Смилуйся, прости мои прегрешения. Разве я первый так поступил? Все, кто до меня владел миром, поступали так же. Почему же к ним ты был милосерднее?.. Или этот Двурогий Искандар в самом деле сын Бога? Не верю я в это, о Зевс, прости меня...

Солнце вскоре село. По полого спускающимся к подвалу каменным ступеням быстро стекала тьма.

Бесс затих. Вздрагивавшие при каждом ударе о дверь стражники немного успокоились. И даже начали подремывать. В небе высыпали звезды. В темнеющих неподалеку купах деревьев жалобно покрикивала ночная птица сплюшка. Один из стражников громко всхрапнул. И тотчас Бесс обрушил на дверь такой оглушительный удар, что оба подпрыгнули.

— Дайте мне напиться воды, дети ослов! — заревел Бесс.

Тот, что был помоложе, долговязый и тощий Танук с досадой встряхнул глиняный кувшин, в нем заплескалась вода.

— Дать? С нас не будет...

— Яду ему, а не воды, — сказал пожилой и, устроившись поудобнее, обхватил копьё и вновь захрапел.

Танук отпер замок и, приотворив пронзительно заскрипевшую

дверь, вошел в подземелье. В кромешной тьме ничего не было видно. Определив по шумному дыханию, где стоит узник, он протянул кувшин. Бесс взял, звеня цепями, и стал жадно пить. Осушив до капли, с силой грохнул кувшин об пол, со звоном разлетелись черепки. Затем приблизился почти вплотную к юноше, вглядываясь в его едва различимое в темноте лицо.

— Послушай!.. — горячо зашептал он. — Ведь я мог этим кувшином размозжить тебе голову, верно? Но я этого не сделал...

Танук попятился к двери.

— Не спеши, — взмолился Бесс, хватая его за руки.

— Я дал тебе воды. Чего еще?

— Ты здешний?

— Я усрушанец. Мой кишлак там, где кончается степь и начинаются горы. А что?..

— Ты меня знаешь?

— Слышал о тебе много, но вижу впервые.

— Я хочу тебе кое-что показать, — проговорил Бесс, понизив голос до шепота.

— Чем же ты можешь похвастать, кроме своих цепей? — усмехнулся молодой усрушанец.

— Видно, так угодно Ахура — Мазде, дни мои сочтены. Возьми вот это, будешь меня помнить всю жизнь. Ты добрый малый, дал мне напиток и достоин такого подарка...

Танук с тревогой обернулся на товарища. Тот, уронив голову на грудь, спал, прислонясь к стене и вытянув ноги. Над узким проходом в подземелье висела полоска звездного неба.

Бесс долго шарил у себя за пазухой и наконец откуда-то из-под складок рубахи извлек перстень, который засверкал так ярко, будто в нем разом отразились все звезды.

— Бери, — сказал он с дрожью в голосе. — Этого богатства хватит семи твоим поколениям...

— Нет, нет, не нужно мне, — испуганно отпрянул от него Танук. — Мои предки отродясь не носили таких вещей!.. — И, быстро выскользнув из подземелья, захлопнул дверь.

Его напарник перестал храпеть и поднял голову.

Юноша не успел вдеть в петлю замок, Бесс рванул на себя дверь, ведь он был не из слабых.

— Да ты подумай, глупец!.. — громко сказал он, сдерживая гнев. — Или тебе охота до конца жизни влечить жалкое существование? Подумай хотя бы о будущих своих детях!..

Танук невольно стал рассматривать перстень, боясь к нему притронуться. А Бесс, держа его двумя пальцами, поворачивал и так и эдак, крупный камень вспыхивал в темноте и переливался всеми цветами.

— А если смотреть при лунном свете, то нет в мире большей красоты, — шептал Бесс, и голос его при этом дрожал от волнения. — Одному тебе открою тайну. Этот перстень принадлежал самому Дариявшу. Он оценивал его в половину своего царства. А теперь он твой, бери...

— Не нужно мне. У меня есть свой. И камень на нем крупнее твоего, — сказал Танук и поднес к глазам Бесса свою руку.

— Ты и вправду глупец, твой перстень не стоит и ломаного гроша! А этот... — возмущенный тупостью молодого воина Бесс даже не находил слов. — Другого такого не найти в семи мирозданиях! Бери, тебе говорят. Я же взамен ничего не прошу. Просто он мне ни к чему, все равно мне скоро конец! Пусть хотя бы врагам моим не достанется. Пусть это будет плата за воду...

— Брать плату за глоток воды, поданной жаждущему, или за кусок хлеба, протянутый голодному, — величайший грех, разве тебе это не известно? А перстень?.. Для меня мой дороже твоего. Потому что он достался мне в наследство от отца... К тому же ты сам сказал, что этот перстень не твой. Разве можно дарить вещь, принадлежащую другому?

— Нет, ты и в самом деле придурок! — упавшим голосом проговорил Бесс. — Ведь за этот перстень можно приобрести полцарства!

— Я в цари не гожусь, — усмехнулся Танук. — Мне на роду написано быть дехканином, а в войну простым воином. Если судьба царей такова... — он окинул Бесса взглядом с головы до ног, — то зачем она мне?..

— О Всевышний, кажется, лишил тебя не только достатка, но и ума! В руки ему плывут несметные богатства, а он отказывается! О Всевышний, какому же дураку вверил ты мою жизнь? Окажись на твоём месте кто другой, он бы убил меня, чтобы завладеть этим перстнем и скрыться. Мне не известно, где добыл его Дариявуш, но ничьи руки, кроме хозяйских, не касались этого сокровища. Даже ложаюсь спать, Дариявуш не снимал его с пальца. А ты?.. Безумец!..

— Выходит, перстень этот владельцу несчастье приносит. А у меня и своих бед хватает. Если надену его на мой корявый палец, вдруг и за мной станет ходить днем и ночью по пятам смерть?.. Нет, не желаешь ты мне добра...

— О, святая простота... — сомкнул Бесс у подбородка пальцы. — Только добра я тебе и желаю. Ты очень скоро убедишься в этом, если выпустишь меня отсюда и уйдешь вместе со мной. Ты честный парень, и я сделаю тебя своим наибо⁶⁰. Ты будешь купаться в золоте, у тебя будут лучшие в мире скакуны, в твоём гареме будут женщины с различным цветом кожи, — торопливо говорил Бесс, понизив голос и брызгая слюной. — Да, да, ты честностью своей заслужил это...

— Честностью?.. — усмехнулся Танук, и его зубы блеснули при лунном свете. — По-твоему, честность продается? — Он взял перстень из рук Бесса и с силой швырнул его в темноту; перстень дзенькнул о каменную стену и куда-то отлетел.

— О-о, сумасшедший! — вскричал Бесс. — Что ты наделал? — и, бухнувшись на пол, пополз, звеня цепью, в угол подземелья, ощупывая ладонями холодный и осклизлый каменный пол.

— Если ты уже приготовился расстаться с жизнью, то зачем тебе это кольцо? — спросил, посмеиваясь, Танук.

— Другого такого перстня нет ни на этом, ни на том свете. А бедному и на том свете прожить не просто. Стражники, стоящие у ворот рая, быть может, поумнее и сговорчивее тебя.

Танук закрыл дверь и повесил замок.

Его напарник, просыпаясь, вскинул голову и, чмокая губами, пошарил вокруг себя рукой.

⁶⁰ Наиб — ближайший телохранитель.

— Эй, Танук, ты не знаешь, куда подевался кувшин с водой? — спросил он хриплым со сна голосом.

— Не видел, может, кто взял?.. — ответил Танук.

— Разве тут кто-нибудь был?.. Клянусь собственной головой, я ни на мгновение не сомкнул глаз, и за все это время не заметил здесь даже чьей — либо тени!

— Значит, проделки сатаны... — буркнул Танук, усаживаясь на прежнее место.

— А зачем ты открывал дверь? Может, отдал нашу воду этому толстяку?

— Да, отдал, — признался Танук. — Он так просил...

— И мою долю тоже?.. — голос напарника задрожал от возмущения.

— Прости, Зохид... я думал, он оставит, но кувшин выпал из его рук и разбился.

— Разби — и-ился, — передразнил его Зохид. — Жаль, что он не расколот его о твою глупую башку! А о чем ты с ним толковал, а?.. — ехидно прищурился Зохид, приоткрыв щербатый рот, а правой рукой поглаживая жидкую бородавку.

— Так, ни о чем...

— Ни о че — е-ем?.. Думаешь, я ничего не слышал? Я уже двадцать лет состою в стражниках, наловчился будь здоров: если глаза и спят, то уши все слышат!..

— Он хотел подкупить меня, — признался Танук.

— Вот как? — оживился Зохид и заерзал. — У него есть золото?

— Всего-навсего перстень. Говорит, будто он принадлежал самому Дариявшу и стоит, мол, всех сокровищ мира.

— А ну-ка, покажи! — вскочил, опершись на копьё Зохид с удивительным для его возраста проворством.

— Я не взял. Зачем он мне...

— Не взял?.. Ну и безмозглый же ты! Хоть бы меня разбудил! — выговаривал Зохид.

— Ну ты же и так все слышал!

Зохид фыркнул и принялся расхаживать взад-вперед, сильно стучая о землю тупым концом копья. Вдруг он резко остановился

перед Тануком.

— Знаешь что?.. Перстень этот надо у него забрать. Иначе он достанется нашему врагу Искандару. Ступай и поговори с ним. Чего бы ни попросил взамен, на все соглашайся...

— Как это на все? А если он попросит его отпустить?..

— Ну и что? Пообещай! Язык, что ли, отвалится?

— Ахура — Мазда не велит обманывать даже врага.

— У тебя вот здесь... — Зохид кривым пальцем ткнул Танука в лоб, — ...мозги или солома?.. Пообещав, ты можешь даже широко открыть перед ним дверь. Только перстень сначала заполучи. А не выпущу его из зиндана я. Понял? И никто из нас не нарушит завета Ахура — Мазды, ему не в чем будет нас упрекнуть.

— Нет, не могу я так поступить, — виновато потупился Танук. — То я отказывался, когда он всучивал этот перстень насильно, а теперь просить?.. Нет, не стану...

— Ну, и дурак! Ты хоть понимаешь, как оплошал?.. Или даже этого не разумеешь?.. Что о тебе подумает Спитамен, когда узнает, что перстень, которым мог владеть он, теперь находится у его врага Искандара?

Танук растерянно посмотрел на напарника и, подумав, проговорил:

— Это мне не приходило в голову...

— Еще не поздно исправить.

Зохид на цыпочках приблизился к двери зиндана и приник к ней ухом. Из подземелья доносились глухие стоны. Он поманил Танука рукой, показал на дверь и ткнул себе пальцем в ухо: мол, послушай. Танук тоже услышал стоны и странное бормотанье. Пришлось поспешно отпереть замок и распахнуть дверь, заверещавшую так громко, что в кишлаке залаяли собаки. Через зиндан, высвечивая каменные плиты, пролегал длинный прямоугольник лунного света. Бесс лежал на спине, запрокинув голову, и громко стонал; его вздутый живот то поднимался, то опадал. Несчастный Танук, думая, что он умирает, застыл на месте, не зная, что делать. Зохид, подбадривая, толкнул его в спину, но тот не мог пошевелиться и, кажется, лишился дара речи. Тогда Зохид сам решительно подошел к Бессу и пнул его

ногой в бок:

— Эй, очнись! Что с тобой?..

И тот, будто в беспамятстве, что-то забормотал по-персидски. По его бледному лицу ручьями стекал пот, а выпученные глаза, казалось, вылезут из орбит.

— Уж не рожать ли ты собрался? — сурово спросил Зохид.

— Воды... — чуть слышно прошептал узник. — Хоть каплю...

— Ты же только что влил в свой бурдюк целый кувшин! — сказал Зохид.

Но тот все твердил слабеющим голосом:

— Воды... воды... я умираю...

— Разрази его гром, — разозлился Зохид и обернулся к Тамуку: — А если в самом деле умрет?.. Поди оправдайся тогда перед Спитаменом. А ну, сбегай-ка за водой! Только быстро!..

Танук проворно взбежал по ступеням вверх.

А Зохид опустился возле Бесса на корточки и затормошил его, толкая в плечо:

— Эй... эй, погоди умирать, слышишь? Давай сюда свой перстень и катись на все четыре стороны, хоть на тот свет!

— О, Боже праведный... — бормотал Бесс, не слыша его слов. — Поскорее лиши меня жизни...

— А ну, не валяй дурака! — прикрикнул на него Зохид. — Отдавай перстень! Кому говорят!..

И вдруг Бесс, выкатив глаза и выпятив жирный подбородок, дико захохотал, хотя из глаз его текли слезы. Он хлопнул себя раз, другой по животу:

— Если хочешь завладеть им, вспори мне живот!..

Зохид опешил.

— Ты его... проглотил?

— О — ох... я слышал, о чем вы там толковали... О — ох!.. Теперь заполучить этот перстень, не имеющий себе цены, вы сможете, если только вспорете мне живот. О — ох...

За спиной послышались шаги бегущего Танука. Он обеими руками держал кувшин, из которого выплескивалась вода. Опустившись на колени, он хотел было поднести горлышко сосуда к

губам измученного Бесса, но напарник со всей силой отпихнул его.

— Не заслужил он такой чести! Он попросту дурачит нас! Спрятал куда-то перстень и делает вид, что проглотил. Ну-ка, обыщи его как следует!

Танук поставил кувшин на пол и принялся торопливо обшаривать лежащего, не пропустил на его одежде ни одной складки, переворачивая стонущего Бесса с боку на бок. Обернувшись к Зохиду, развел руками.

— Раздень его донага, придурок!

Танук поступил, как было велено. Снятую с узника одежду трясли, ощупывали каждый шов, каждую складку, не обращая внимания на проклятия, которые Бесс обрушивал на них, стуча от холода зубами. Похоже было, что толстяк и в самом деле проглотил перстень.

— Где спрятал? — Зохид снова пнул Бесса в бок.

— Сюда... сюда... — похлопывал тот себя по голому волосатому животу. — Можете взять, мне не жалко... Табуны лошадей, несколько неприступных замков здесь... в моем животе. Вы слышите?.. Сможете купить себе красивых наложниц...

В жадных глазах Зохида полыхнул огонь, и он выдернул из ножен кинжал:

— Я сейчас вспорю ему брюхо!..

Однако Танук встал между ним и узником, отпихивая напарника.

— Если бы его приговорили к смерти, Спитамен обошелся бы и без твоей услуги.

— Спитамену не было известно, что у него в желудке перстень, на который можно построить несколько неприступных замков!..

Танук посмотрел на видневшийся в проем двери клочок неба, начавшего уже светлеть.

— С часу на час придут люди Искандара. Что мы им скажем?

— Заберут его труп.

— Тогда они вряд ли и нас с тобой оставят в живых.

— Возьмем перстень и скроемся.

— Спитамен велел дожидаться посыльных Искандара, послушаться его мы не можем.

Зохид в гневе ударил Танука в грудь кулаком, в котором сжимал кинжал.

— Отойди прочь, придурок! Сам Ахура — Мазда ниспослал мне возможность стать богачом. На такую щедрость его можно рассчитывать раз в жизни...

Танук, не сводя с него гневных глаз, медленно вынул кинжал.

Неизвестно, чем бы закончилась их ссора, если б не донесся в этот момент издали топот копыт. И скакал не один всадник, а их было множество. На окраине селения залились лаем собаки.

Зохид подхватил с полу копьё и припустился наверх, споткнулся о ступени и едва не растянулся.

По главной улице кишлака с гиканьем неслись всадники. Вылетев за околицу, они свернули в сторону зиндана, видно, хорошо знали дорогу. У самых ступеней, убегающих глубоко, как в преисподнюю, вниз, осадили коней, потемневших от пота. Звезды и низко опустившаяся луна уже поблекли, в их слабом свете лоснились металлические доспехи на всадниках и странные, с высокими, как у петухов, гребнями, шлемы. Воины были веселы, смеялись и перебрасывались громкими фразами на непонятном языке. Зохид и Танук встали рядом и приняли оборонительную позу, выставив пики.

От группы всадников отделился один и, выехав вперед, сказал по-персидски, указав рукой на предводителя, под которым конь так и гарцевал, скаля зубы и вскидываясь на дыбы:

— Это Птолемей, сахибкирон Искандара Великого. Он прибыл за Бессом.

Зохид и Танук, наслышанные об этом знаменитом военачальнике македонского царя, закивали, с любопытством его разглядывая, и расступились в разные стороны, опустив копья, что означало: путь к зиндану свободен, и они могут забрать своего пленника.

Птолемей со сверкающими глазами что-то громко сказал толмачу, и тот перевел:

— Один из ближайших друзей царя знаменитый Птолемей хочет говорить со Спитаменом.

— Спитамен еще вчера вечером куда-то уехал, — сказал Зохид. — Он сейчас далеко...

Птолемей был явно раздосадован.

— Где он?

— Об этом никто не ведает. Разве лишь степной ветер...

— А Бесс? — грозно спросил Птолемей.

— Он там, — кивнул Зохид на темнеющую внизу распахнутую дверь.

— Ну, так ведите его, чего же вы медлите?!

— Я бы предпочел передать его из рук в руки самому Искандару. Быть может, получил бы от него награду за верную службу. Говорят, он у вас щедрый, в отличие от своих полководцев, — сказал Зохид.

Птолемей, поддав пятками коню, подъехал ближе. Наклонясь с седла, оглядел стражника, на всякий случай взявшего на изготовку копье, и, усмехнувшись, сказал:

— Из уважения к твоим сединам прощаю столь вызывающий тон. Я послан самим Александром! Веди к пленнику!

Он слез с коня и передал повод толмачу.

Зохид сделал ему знак следовать за ним и стал спускаться по ступенькам. Танук остался и с любопытством изучал воинов Искандара. «Люди как люди, — думал он. — Только большинство из них светловолосы, голубоглазы... И разговаривают на непонятном языке. Что их вынудило прийти в такую даль из Македонии? Не лучше ли было работать в своем саду и тешиться по ночам с женой, приумножая число наследников?..»

Птолемей, пригнувшись в дверях, вступил вслед за стражником в зиндан. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел распростертое на полу тело и разбросанные вокруг клочья царской одежды.

— Царь царей?.. Мне поручено сопровождать вас, — с иронией произнес Птолемей и, отвесив поклон, обеими руками указал на выход: — Прошу вас, Великий Александр с нетерпением ждет!..

Бесс с трудом приподнял крупную голову с клочьями седых волос над ушами и вновь бухнулся затылком о каменные плиты. Птолемей постоял, возвышаясь над ним и сверкая доспехами, и, глянув на Зохида, заметил:

— Похоже, вы не оказывали царю царей особых почестей.

После чего решительно направился к выходу и, кликнув воинов,

велел им вынести из зиндана Бесса.

«Мерзавцы... Предатели... Дикари... Ничтожные рабы...» — не переставая, ругался Бесс, пока его, не дав одеться, несли на руках и усаживали на высокую двухколесную арбу с возведенным вокруг нее частоколом из тонких жердей. Возничий, хлестнув кнутом лошадь, развернул арбу. Бесс, чтобы не упасть, ухватился за прутья своей клетки. Всадники вскочили в седла и понеслись, гикая и улюлюкая, вдоль улицы. Давно рассвело, но никого из местных не было видно на улице. Лишь свирепый лай собак, высовывавших морды из-под подворотен, свидетельствовал о том, что хозяева, в надежде, что беды их минуют, не покинули собственных домов, а сидят в них, притихнув, заперев ворота и двери на засовы.

Когда всадники скрылись за домами и топот их коней затих вдали, Зохид презрительным взглядом окинул Танука:

— Эх ты, глупец, глупец... Вместе с этим толстяком из наших рук уплыло такое богатство...

— И бедных и богатых создал Ахура — Мазда, — задумчиво произнес Танук. — Так устроен мир...

— Сегодня Создатель был к нам милостив, а ты отверг его дающую руку... Нет, никак я не могу с этим смириться! — с силой вонзил Зохид в землю конец копья. — Так бы и припустил за ним, как гончая за бурой лисицей...

Караванная дорога

Одатида услышала донесшийся с улицы плач Рамтиша, младшего сына, и выскочила из хижины. Она схватила за руку чумазого, с головы до ног в пыли, малыша и потащила к роднику. Рамтиш упирался, протестуя, ему хотелось остаться играть с мальчиками, носившимися по пыльным улицам кишлака и окрестным огородам. Одатида усадила сына на большую гранитную глыбу и, набрав воды в кувшин, стала купать его, поливая ему на голову. От холодной воды он вздрагивал, фыркал и смеялся.

— Где твои братья? Почему тебя оставили одного?

— Они с большими мальчиками играют, а нас, малышей, не

принимают... — отвечал Рамтиш, стуча зубами.

— С утра до вечера вас где-то носит!.. — выговаривала Одатида, вспомнив, что сказал муж, уезжая в последний раз из дому: «Детей от себя далеко не отпускай». Он произнес это спокойно, а она сердцем почувствовала, что им может грозить какая-то опасность. — На коленях ссадины! А на плече откуда такой синяк? Дрался, что ли?

— Нет, мы играли в войну. Это Искандар задел меня мечом.

— Провалиться бы этому Искандару вместе с его войной! — вздохнув, сказала Одатида и выплеснула на голову сына остатки воды. — Если дети начинают воевать друг с другом, то настанет ли когда-нибудь мир на земле?..

— Папа сказал: чтобы стать хорошим воином, надо с детства тренировать руку!

— О, лучше бы великий Ахура — Мазда поскорее послал нам такой день, когда отец ваш мог бы снять с себя оружие.

— Нет, мама, сначала он должен победить Искандара. Все мальчики так считают!

— Ой, сыночек, для этого, знаешь, какая сила нужна!.. А отца вашего некому поддержать. Каждый — воин только около собственного дома. А что с соседом, мало кого волнует, — сказала Одатида, обтирая сына своим головным платком.

— Вот я вырасту и стану отцу помощником.

— Рос бы поскорее, сыночек.

— Я буду есть много хлеба и мяса и стану сильным — сильным. Дядя Шердор говорил: «Чтобы стать палваном, надо много есть».

В последний раз муж приехал ночью в сопровождении этого Шердора, поистине великана; наверное, и оружие его, булава и меч, сделаны по специальному заказу, такие они огромные и тяжелые. Одатида подумала, что они хоть сколько-нибудь погостят, но Спанта велел тотчас собирать детей в дорогу, а сам кинулся с телохранителем связывать вещи... Выехали потемну, как-то по-воровски, никому ничего не сказав, и только к вечеру добрались до этого подгорного кишлака. На вопросы Одатиды, что произошло, с чем связан столь срочный их переезд, муж отвечал: так будет лучше, и даже посоветовал ей никому не говорить, чья она жена. Как же так, как же

не говорить, когда у него дети вон растут, как две капли воды похожие на него. Да и сама Одатида гордилась, что она — жена Спанты, Спитамена...

Одевая сына, Одатида поцеловала его в лоб.

— Ой, мамочка, почему ты плачешь?

— От радости, сынок, от радости, что ты есть у меня. Пусть Ахура — Мазда лишит меня всего, лишь бы вас не отнял, рядом с вами мне ничего не страшно. Лишь бы вы были живы — здоровы.

Рамтиш погладил мать по волосам ладошкой.

— Мамочка, ты у нас самая красивая на свете и добрая.

Одев сына, Одатида подхватила его на руки и поспешила к хижине. Вдруг до ее слуха донесся перезвон колокольцев, и она остановилась, прижимая к груди сына и прислушиваясь. Слева возвышались освещенные солнцем горы, зеленые у подножья и розовые наверху, где громоздятся голые скалы, а справа виднелись холмы, которые чем дальше, тем положе и постепенно переходят в равнинную степь. Жители кишлака, бегая от калитки к калитке и окликая друг дружку, спешили на ближний холм, где уже собралась пестрая толпа. Люди, заслоняясь от солнца, смотрели вдаль и показывали на что-то руками.

За холмом проходила старая караванная дорога. Но с тех пор, как не стало мира и у людей на устах появилось имя Искандара Зулкарнайна, тут не проходил ни один караван и дорога успела зарости травой, а кое-где ее замело песком. Место за холмом было живописное и тихое. Там из-под земли бил ключ, от него брал начало ручей и спешил, извиваясь, в долину, а вдоль него густо росли ивы, джида, граб, образовавшие, сомкнув кроны, зеленый шатер. В их тени любили отдыхать путники, преодолев огромное расстояние через раскаленную степь. А следующие из дальних стран караваны в этом месте обычно делали привал. Купцы, не теряя времени, раскладывали на обозрение товар. Из окрестных селений, ближних и дальних, из летних айлов и стойбищ спешили сюда люди; купцы не торопились уезжать, и по несколько дней тут велся торг. В обмен на сушеное мясо, кожу, мех, рога, мумиё можно было приобрести заморские шелка, бархат, украшения, различные пряности.

Одатида опустила сына на землю и, взяв его за руку, тоже направилась к холму и вскоре смешалась с шумливой толпой. Вскоре она увидела медленно приближающийся караван из тридцати-сорока верблюдов.

Караван остановился около ключа в тени деревьев. Путники окриками заставили верблюдов лечь и стали снимать с них огромные тюки. Караванбаши, видно, неплохо знал эти места. Купцы были вооружены. Пока они поили из кожаных мешков усталых животных, другие поставили посреди широкой поляны большой белый шатер.

Рамтиш выдернул из руки матери вспотевшую ладошку и побежал на поляну, где уже среди верблюдов, сложенных грудой тюков и важно расхаживающих купцов, шныряли любопытные местные мальчишки.

— Рамтиш! Ты куда? Вернись!.. — крикнула Одатида и поспешила за сыном, чтобы поймать и в наказание отвести домой.

Высокий крепкий бородач с крупным горбатым носом и хищным, как у орла, взглядом отдавал распоряжения слугам, которые суетились, бегали взад-вперед, выполняя его указания. На нем был белый яктак довольно странного покроя, какие в этих местах не носят. Да и говорил этот человек на непонятном Одатиде языке. Наверное, это и был караванбаши.

Одатида погналась за сыном и поймала его. Караванбаши улыбнулся, что-то приветливо сказал ей.

— Добро пожаловать! — ответила женщина, хотя не поняла ни словечка. — Из каких краев прибыли и далеко ли путь держите?

Бородач несколько мгновений разглядывал молодую женщину, затем перевел взгляд на босого мальчугана и, покачав отрицательно головой, что-то проговорил, наверно, сказал, что ничего не понял из произнесенного женщиной. Он стал оглядываться и, увидев разлегшегося на овечьей шкуре около тюков долговязого, как жердь, и сутулого человека, позвал его:

— Бабах! Эй, Бабах!..

Тот поднялся, явно раздосадованный, что ему помешали подремать, и медленно приблизился. Караванбаши кивнул на женщину с ребенком и что-то быстро проговорил.

— Господин интересуется, не угодно ли вам чего-нибудь?.. — обратился Бабах к Одатиде на чистейшем согдийском.

— Мне бы хотелось купить у вас какой-нибудь ткани, чтобы сшить одежду для детей, — обрадовалась Одатиде и добавила: — А то они у меня сильно обносились...

Караванбаши выслушал толмача. Он оказался весьма любезным человеком, несмотря на суровую внешность, ласково посмотрел на женщину, отметив про себя, как она красива, чем-то, пожалуй, даже отличается от местных — одеждой, разрезом глаз, благородством манер — и велел толмачу перевести:

— У меня найдется все, что пожелает ваша душа. Хотите китайского шелку? Пожалуйста!.. А может, вот эти сирийские платки понравятся?.. Египетская сурьма?.. Или украшения?.. Хороши вот эти легкие индийские сари... Выбирайте...

Караванбаши кликнул слуг и что-то им сказал. Те кинулись распаковывать только что снятые с верблюдов тюки, потрошить хурджины, вынимать из них, уподобясь волшебникам, яркие ткани — шелка, алтасы, бархат, парчу — и раскладывать на стволе низко, почти до земли склонившегося дерева.

Увидев это, поспешили сюда и другие женщины. Шумно переговариваясь, они хватали отрезы, прикладывали к груди, спорили, советовались, вырывали друг у дружки то, что особенно приглянулось.

Караванбаши не раз приходилось наблюдать подобное, он снисходительно смотрел на женщин и улыбался.

Сумела выбрать кое-что для себя и своих детей и Одатиде.

— Сколько я вам должна? — спросила она.

Купец взял отобранные ею вещи, аккуратно сложил и, завернув в тонкую кисею, протянул ей сверток:

— С вас я возьму всего десять дари.

— Почему?.. — нахмурила брови Одатиде. — Вы возьмете с меня столько, сколько все это стоит! — в голосе ее появились властные нотки. — Отсчитайте! — и протянула несколько опешившему купцу кожаный мешочек, полный денег.

Купец, удивленный, что в такой глухомани водятся столь богатые

люди, отсчитал деньги. Бабах при этом не сводил взгляда с мешочка, полного золотых монет, с трудом сглотнул ком, застрявший в горле, при этом судорожно дернулся острый кадык; оттянув пальцем ворот рубахи, он повел длинной шеей, словно аист, глотающий лягушку. Караванбаши что-то проговорил ему, возвращая владелице мешочек.

— Хозяин мой интересуется, кто же отец этого прекрасного мальчика?.. — перевел Бабах.

Одатида усмехнулась, глянув на купца:

— Его всегда интересуют те, кто покупает у него товар?

— Прошу извинить мое любопытство. Можете не говорить. Не сердитесь...

— Я не сержусь...

— Хотелось узнать имя счастливца, которому принадлежит такая красивая и умная женщина, — улыбнулся купец и пригладил указательным пальцем усы.

— Каждому человеку самому судить, счастлив он или нет, — сказала Одатида и поинтересовалась у толмача: — На каком языке говорит твой хозяин?

— На арабском, госпожа. Путь держит из далекой Сирии.

— А куда, если не секрет?

— В Чинмочин⁶¹.

Одатида кивнула, поняла, мол.

— Похоже, твой хозяин добрый человек. Пусть он не обижается на меня, я тайны никакой не представляю. И муж мой известен — Спитамен.

Она заметила, как Бабах встрепенулся и быстро взглянул на нее, с его покрытого морщинами лица схлынула кровь. «Может, я напрасно сказала? Не зря же предупреждал Спанта...» — мелькнула у нее мысль.

А Бабаху вспомнилось, как в замке Оксиарта праздновали Навруз. Там Бабах и увидел впервые Спитамена. У Ситона, приятеля Бабаха, в тот день расстроилась свадьба. Все говорят, что в этом в немалой степени повинен Спитамен. В разгар праздника Равшанак,

⁶¹ Чинмочин — Китай.

неожиданно для всех, вскочила в седло черного тулпара, на которого сроду никто не садился, кроме хозяина, и умчалась невесть куда. А вскоре следом помчался Спитамен. И многие, кто обратил на это внимание, подумали: «За этим что-то кроется...» О, бедный Ситон, он тогда чуть руки на себя не наложил. Бабах с трудом его успокоил. «Стоит ли доставлять своей смертью радость врагу?...» — спросил он, отбирая у него кинжал. И Ситон притих, перестал рыдать и сказал: «Да, ты прав, пусть мой враг умрет раньше, чем я...»

А на следующий день Бабах глаз не спускал с Равшанак и Спитамена. Немногие заметили, но от его взгляда не укрылось, как они во время молебна у костра переглядывались. По их глазам было видно, что между ними какая-то тайна. А какая может быть тайна между жеребцом и только что достигшей совершеннолетия кобылицей, желающей отведать все сладости мира?.. Ах, глупый, глупый Ситон! Ты где-то ищешь Спитамена, крадешься по его следам... а настоящий охотник не преследует зверя, выбиваясь из сил, настоящий охотник устраивает засаду и ждет. Не лучше ли тебе расставить силки где-нибудь вблизи этой пери? Не может быть, чтобы муж не томился по такой красотке и хотя бы изредка не навещал ее — будь у него хоть сколько наложниц на стороне...

Пока в голове Бабаха проносились эти мысли, он не мог оторвать взгляда от этой женщины. Она зябко повела плечами. Он усмехнулся и проговорил:

— А я за жену Спитамена принимал другую женщину...

Одатида, собравшаяся уже, взяв за руку сына, уходит, резко обернулась:

— Что ты хочешь сказать, раб? Я волею Нахид связана с ним супружескими узами! Что означают твои двусмысленные слова?

— Не обманываешься ли ты, полагаясь на Нахид?.. Богиня Любви свела его совсем с другой!.. — Бабах вскинул руки кверху и, закатив глаза, взмолился: — О, всемогущая Нахид, дарящая нам радость, засвидетельствуй, что я не лгу!..

Сверток с покупками выскользнул из-под мышки у Одатиды, она этого даже не заметила, стояла, словно окаменела. Губы ее с трудом шевельнулись, и с них слетело, словно дыхание:

— В кого метишь ты своим ядом?..

— Ведь уже давным-давно всем известно, что Спитамен и дочь Оксиарта Равшанак без памяти влюблены друг в друга! О, несчастная женщина, а ты об этом не ведала по сей день?

— Неправда! — закричала Одатида. — Мой муж с дружиной отправился к Оксу, через который пускают свои стрелы нечестивцы Искандара!

— Ха-ха-ха-ха!.. — деланно захохотал Бабах. — Искандар давным-давно по эту сторону Окса. А Спитамен расположился со своей дружиной в замке Оксиарта, где взгляд его ежечасно ласкает своим появлением прекрасная Равшанак!

— У тебя черное сердце, жалкий раб! Убирайся отсюда скорее! А то я позову слуг, и они поколотят тебя!

— Воля твоя, красавица. Если лгу, то пусть меня покарает Создатель, пусть у меня отнимется язык и ослепнут глаза!..

— Скажи, почему ты так ненавидишь Спитамена? — еле слышно спросила Одатида, ее губы вдруг задрожали, и она всхлипнула. — Зачем ему еще кто-то, если я для него во всем мире самая красивая? Ведь он сам выбрал меня...

— О женщина!.. — снова рассмеялся Бабах. — Когда он тебя выбрал, Равшанак была еще ребенком. А сейчас она в расцвете. Ни в Согдиане, ни в другой какой стране нет другой такой красавицы, поверь мне, повидавшему мир и множество женщин...

— Откуда тебе, простому рабу, знать о том, о чем может ведать только Нахид?.. Она повенчала нас, меня и Спанту...

— Откуда мне известно?.. — усмехнулся Бабах. — Я служу у Оксиарта, который доводится красоточке той отцом. Вон те тюки с дорогим товаром, сгружая которые с десяти верблюдов я запарился и свалился с ног, принадлежат ему, досточтимому Оксиарту. Он поручил мне отправиться с этими купцами в Чинмочин и продать все с выгодой. Оттуда я привезу шелк и фарфоровую посуду, каких нигде в другом месте нету. А как ты считаешь сама, доверил бы все это Оксиарт бесчестному, способному лгать человеку?..

Но Одатида его уже не слушала, держа сына за руку, она быстро направилась в сторону селения.

Караванбаши, ничего не понимая, строго поглядел на Бабаха:

— Что ты ей такое сказал? — спросил он по-арабски.

— Я знавал ее мужа. Она спросила про него, я ответил. И все... — сказал Бабах, пожимая круглыми плечами.

Караванбаши позвал одного из слуг, велел догнать женщину и вручить оброненный ею сверток.

Одатида и сама не помнит, как добралась до хижины. «Откуда только взялся этот низкий человек?.. — думала она, прижав ладонь к пылающему лицу. — Живут же некоторые лишь для того, чтобы сеять тревогу и боль в сердцах других. Ну, ничего, если в прозрачный родник бросить камень, вода тоже взбаламутится, но, когда песок осядет, она вновь делается прозрачной. А сердце... О родник мой неугомонный, успокойся, — прижала Одатида руку к груди. — Это недруг Спанты кинул в тебя камень. Уймись, не стучи так бешено. От вражьих стрел и меча люди придумали щит, от клеветы же черной пусть защитит меня любовь моя к Спанте!..» Одатида дрожащими руками налила из кувшина холодного кумрана и выпила большими глотками, словно хотела залить жар внутри себя.

— И я хочу, — попросил Рамтиш. — И мне налей...

Одатида молча осушила еще одну чашу и после этого налила на доньшко и подала сыну. Мальчик приник губами к краю чаши, держа ее обеими руками, пил медленно, то и дело переводя дух; когда он отрывался от чаши, по углам рта оставались две белые узкие полоски, похожие на смешно торчащие кверху усики. Она улыбнулась и порывисто прижала к груди сына.

— Мама, почему ты плачешь?

— Разве я плачу?

— У тебя по щекам катятся слезы.

— Неужели?.. Наверное, в глаза попал песок, — она вынула из-за рукава платок и вытерла лицо. — Сбегай, позови Антика!

Мальчик выбежал из хижины.

Ей вдруг пришло в голову схватить коварного толмача, посадить в зиндан и держать там до возвращения Спанты. Сейчас придет телохранитель, и она прикажет... Но тут же родились сомнения и стали прогонять из головы отчаянные мысли. Снова возник перед

глазами ухмыляющийся тощий и сутулый пришелец. Не унижительно ли Спанте числить такого даже среди своих врагов? Увидев его, он лишь рассмеется. А Одатида ему скажет: «Милый Спанта, не забывай: скорпион тоже мал, а жалит насмерть».

— Ну, где же Антик, почему не идет?

Она принялась ходить по мягкому войлоку взад-вперед, то нервно сцепляя пальцы, то прижимая руки к щекам. За стеной послышались торопливые шаги, отодвинув полог, пригнув голову, чтобы не задеть притолоку, в комнату вошел Антик, одетый, как простой дехканин, но под халатом у него, она знала, всегда был спрятан огромный кинжал, с которым он, наверное, не расставался даже во сне. Одатида звала Антика очень редко. Вот он стоит перед ней и ждет приказаний.

— Звали, бекам⁶²?

— Да... Вот что, Антик... Вон там, за тем холмом, возле ключа, остановился караван... — Одатида умолкла, рассеянно глядя перед собой, словно гадая, договаривать или нет. — Там купцы...

— Я знаю, бекам. Давно по нашим дорогам не ходили караваны. Для жителей кишлака прибытие купцов — настоящий праздник. Стар и мал, все там. Может, и не собираются ничего покупать, а все равно прицениваются, — улыбнулся Антик, преданно глядя на госпожу.

— Там толмач один... Станный какой-то...

Антик уже заметил, что его госпожа чем-то расстроена.

— Он был недостаточно почтителен с вами, бекам? — быстро спросил Антик, нахмутив брови, и машинально провел рукой по халату, проверяя, на месте ли кинжал. — Всего через несколько минут он будет перед вами на коленях просить прощения!..

— Ах, да ладно, не стоит... Ступай, Антик! — махнула Одатида рукой, словно стряхивая с нее капли воды. — Занимайся своими делами.

— Дел много всяких, бекам. Но главное — служить вам так, чтобы и волос не упал с вашей головы, а песчинка, попав в ваши глаза, не вызвала слез. Прикажете, бекам, я все исполню!

Одатида улыбнулась, поняв, что про песчинку ему сказал Рамтиш.

⁶² Бекам — моя госпожа.

— Ступай, ступай... мне лучше побыть одной...

— Как вам угодно, бекам, — Антик отвесил поклон, прижав руку к груди, и покинул хижину.

Всегда в такое время в голову лезет черт-те что. Опять от воспоминаний у нее защемило сердце... До рождения первого ребенка оставалось не более месяца. А Спанта взял да и уехал в Мараканду: проверить решил, как доверенные люди ведут там торговлю скотом. Одатиде тогда день казался месяцем, а неделя годом. Занималась ли хозяйством, гуляла ли по саду, цветы ли в поле собирала, а с дороги глаз не сводила, все ждала... Прежде, бывало, отправляясь в дальнюю дорогу, всегда говорил, когда вернется. И нередко приезжал даже раньше, чем обещал. С порога говорил бросившейся навстречу жене: «Соскучился! И дня больше не мог без тебя...» — и подхватывал ее на руки, не давая опомниться...

А в этот раз дни шли за днями, неделя минула, пошла вторая... Одатиде места себе не находила. Приближался срок родов, она волновалась. При ней, конечно, были няньки, готовые в любую минуту прийти на помощь, исполнить любой ее каприз. Но в сердце у нее всегда было пусто, когда муж отсутствовал. Не выдержав, она послала за ним гонца...

Он вернулся, когда она уже родила двойню. Сразу двух крепышей — батыров. Узнав об этом, он прыгал от радости, словно мальчишка. Она и сейчас помнит его лицо, счастливое и растерянное. Потом он кинулся к ней, бледной, измученной, не имеющей сил даже пошевелиться, и стал покрывать поцелуями ее горячие запавшие глаза, потрескавшиеся сухие губы. Она была счастлива...

В тот же день Спанта велел зарезать несколько быков, овец, принеся их в жертву богам, и для всего населения их кишлака устроил пир.

После родов Одатиде думала, что теперь все трудности позади. Но трудности ее еще только ждали. Растить первенцев было непросто, едва научившись ходить, они уже норовили вскарабкаться в седло; а когда шагнули за порог, то стали убегать с луком и стрелами в степь или горы.

И сейчас за ними не усмотришь. Младший — то при ней, а

старшие пропадают день-деньской бог знает где. Попробуй тут выполнить наказ мужа не спускать с них глаз.

Только когда приезжает отец, сыновья никуда не отлучаются, стараются держаться возле него, деловые, степенные. Скучают они по отцу, который то появляется, то исчезает, как ясный месяц.

А теперь и того хуже. Привез их сюда, в этот кишлак, где их никто не знает, и оставил. Жили до этого в собственном большом доме, в достатке, полон двор слуг. А нынче Спанте приходится рыскать по степи, путая следы, а им, семье его, прятаться. Чабаны и слуги вступили в отряд Спитамена и стали воинами. Табуны и стада угнали часть в горы, а часть в степь. На пшеничных полях осыпались зерна, их расклевывают птицы; в садах некому убирать фрукты, а дыни и арбузы на бахчах пожирают дикие животные... Эх, Спанта, Спанта, стоило ли тебе ссориться с Искандаром, чтобы обречь на такую жизнь и себя, и свою семью?.. Уж наверное те, кто признал его власть, тоже не дураки, и живетя им нынче вольготно. Один ты серым волком носишься по степи, невымытый, небритый, голодный, холодный. Днем отсиживаешься в оврагах и пещерах, а по ночам совершаешь налеты на войско Искандара. Можно ли одолеть сына Бога, любимый мой? И не может ли случиться так, что однажды мне привезут твое бездыханное тело?..

Одатида бросилась ничком на посланную возле стенки стеганую подстилку, дала волю слезам. Плечи ее судорожно сотрясались, но, чтобы рыданий не было слышно, она крепко закусилла край пахнущей пылью подстилки.

Переправа

Окс... Многоводен, величав. Вдоль него через всю равнинную степь, где перемежаются пустыни и оазисы, пролегает широкой полосой совсем иной мир. Берега местами болотисты, покрыты зеленой щетиной тростников, но больше густым непроходимым лесом, в котором срослись кроны деревьев, увитых лианами, южный карагач здесь соседствует с северной сосной. Лишь дикими зверьями протоптаны среди колючих зарослей тропы. С ранней весны и до

поздней осени в сумеречной гуще пышной растительности и на солнечных полянах пестреют цветы и воздух напоен их ароматом. В кронах деревьев не смолкает хор певчих птиц, из зарослей раздаются крики фазанов. Откуда-то доносятся хрюканье и взвизгиванье дерущихся секачей, мычит, призывая подругу, олень. И вдруг все, и звери, и птицы, разом умолкают, когда издает свой грозный рык тигр, полосатый рыжий исполин.

Своенравен Окс. Особенно весной неукротим его бурливый желтый поток. Он подмывает берега, обрушивая их вместе с деревьями, и нередко разливается вширь, как море, затопляя обширные пастбища и возделанные земли. Не раз случалось, что старое ложе становилось ему тесно, Окс, взбунтовавшись, смывал правый или левый берег и прокладывал себе новый путь вдалеке от старого русла, смывая на пути своем сады, селения, унося скот и людей, которые, ничего не подозревая, пасли в степи отары.

О великий Окс, испокон веков ты являлся стражем западных границ Согдианы, почему бы и теперь тебе не возмутиться, не забурлить от гнева, когда подступили к берегам твоим, придавив их своей тяжестью, закованные в броню войска кровожадного Зулкарнайна? Ведь цвела весна, и был ты в силе. Иль вправду ему, именующему себя сыном Зевса, покровительствует сам Бог?..

Весь левый берег был усыпан вражескими воинами и напоминал муравейник. Юноны поили коней, черпали шлемами воду и пили сами. А войско, то пешее, то конное, все шло и шло по дороге, вытянувшись далеко, до самого горизонта, и желтая пыль, взбитая ногами людей, копытами коней, колесами колесниц и арб, зависла над степью, затем застлала небо, и солнце едва проглядывало сквозь мутную пелену.

Искандар в белом шелковом плаще и блестящем двурогом шлеме стоял на крутом берегу и смотрел на реку, которая медленно несла свои волны, временами вскипая то в одном месте, то в другом и вскручивая жадно втягивающие в себя воздух воронки. Не так — то просто было переправить на тот берег людей, лошадей, колесницы, тяжелые стенобитные тараны, груженные поклажей арбы. Нет поблизости деревьев, из которых можно выдолбить лодки, соорудить

плоты. В этом месте издревле существовала переправа из Бактрии в Согдиану. Но разрозненные отряды разбитого персидского войска, уходя на тот берег, уничтожили все: и паром, и плоты, и лодки, пустили их обломки по течению. Там, где-то подальше, говорят, есть лес, но сквозь него к воде не пробраться, а если и прорубить просеку, течение там столь стремительное, что невозможно управлять ни лодкой, ни плотом, их подхватят могучие волны, захлестывая и заливая, и непременно разнесут о коряги иль подводные камни. Нет, жители Бактрии и Согдианы не зря выбрали для переправы именно это место с пологим спуском к воде.

Выйдя из Бактры сегодня на рассвете, они, не сделав ни одного привала, совершили бросок через безводный участок пустыни, и не успело солнце раскалить землю, а они уже тут, на берегу Окса. Семьсот тысяч воинов повел Искандар из Бактры. Сколько их сейчас?..

Теперь он вглядывался в тот берег, где начинаются места, считающиеся непроходимыми. Проводники, шедшие с ним до Окса, отказываются идти дальше, уверяя, что места там гиблые, а воздух так раскален, что у птицы, решившейся по глупости перелететь пустыню, воспаляются перья; песок столь горяч, что животные обжигают ноги и падают бездыханными. Но сына Зевса это не должно страшить, он поведет туда войска. Трудные испытания предстоят его воинам, не каждый выдержит. Ну и ладно, от слабых и в бою не много проку...

Как рой мух облепляет струю текущей по жертвеннику крови, так берега реки облепили его усталые, мучимые жаждой воины, пихают друг друга, ссорятся, обнимаются, смеются. Скрип арб, бряцанье оружия, рев верблюдов, ржанье коней, крики встревоженных чаек слились в общий шум, в котором тонули человеческие голоса, и невозможно было говорить друг с другом, не приблизившись на расстояние вытянутой руки. Все, словно с ума походили, черпают воду ладонями и шлемами, льют на себя, брызгая, снимают одежду, полощут в воде.

По крутому откосу почти бегом поднимается на обрыв Клит. Он несет, держа в обеих руках, серебряный кувшин, из узкого горлышка

которого, словно ожерелья, выплескиваются, сверкая, струйки воды. Подбежав, протягивает Александру. Царь берет неторопливо, не подавая виду, что его, как и всех, мучит жажда. Он пьет медленно, и вода стекает по его подбородку на грудь.

Царь хотел оставить Клита здесь в качестве сатрапа Бактрии. Ему для этого был нужен именно такой преданный человек, как Клит, ибо сатрап должен был принять на себя и командование значительными воинскими соединениями. Но Клит отказался, не захотел расставаться с Александром. Мало ли что может с ним случиться в пути, лучше быть рядом и иметь возможность в любой момент прийти ему на помощь... Александру пришлось оставить правителем Бактры Аминту, ничем еще не отличившегося и даже не выступавшего никогда прежде в качестве самостоятельного военачальника.

Александр утолил жажду и умылся, вылив остатки воды себе на ладонь.

За спиной царя на небольшом холме, окруженном аргираспидами⁶³, возводили белый шатер из тонкой кожи.

Царь, вытянув руку, показал на воинов, облепивших берег, и коротко бросил:

— Довольно!..

Толпящиеся вокруг него военачальники научились понимать его с полуслова и тотчас отдали нужные распоряжения. Не прошло и четверти часа, как берег опустел. Теперь к воде приблизились те, кто почти в течение часа дожидался своей очереди. Выдержав это нелегкое испытание, они спускались к реке неторопливо, с достоинством. И царю подумалось, что именно эти воины самые мужественные в его войске и каждый из них достоин награды.

Вдоль берега уже выросли шатры, в которых воины могли спрятаться от беспощадного солнца. И Александр объявил трехчасовой отдых перед тем, как начать переправу. Отдохнуть, а то и поспать могли только воины, но отнюдь не военачальники...

В царском шатре собрались самые опытные гиппархи, хилиархи, друзья и советники царя, Птолемей, Клит, Кратер, Эригий, Каран,

⁶³ Аргираспиды (букв. «среброщитные») — вооруженные щитами царские телохранители.

Архелай. Сидя на тонких подстилках, брошенных поверх рогожи, они запивали легкую походную трапезу умраном, напитком местных варваров, к которому уже привыкли, держали между собой совет. Каждый делился опытом и предлагал свой способ переправы. Кто-то посетовал, что поблизости нет деревьев, из которых можно было бы соорудить плоты, на что Птолемей, держа в руке мосол и сдирая с него зубами сушеное соленое мясо, заметил:

— Я видел невдалеке гигантские трухлявые пни. Судя по кольцам, тут некогда росли старые, быть может, тысячелетние платаны, дубы и вязы.

— Скорее всего варвары пустили их на костры, — усмехаясь, заметил Кратер.

— А не Кир⁶⁴ ли в свое время использовал их для своих плотов? — высказал мысль Клит.

— Тут, я не сомневаюсь, было много желающих пощупать тот берег копьём, — сказал, набив рот мясом, Птолемей. — Согдийцы уничтожили эти деревья, это было в их интересах.

— Я хотел бы услышать от вас нечто дельное, что облегчило бы нашу задачу, — заметил Александр. — Или ваши мозги усохли от жары и без хорошего вина уже не соображают?

— Великий царь, — обратился к нему Клит. — Один из моих проводников утверждает, что наиболее удобное место для переправы там, вверх по течению, у местечка Тохтакара⁶⁵. Там берега столь близко, что от одного до другого перелетает стрела...

— А мой проводник советует двигаться вниз по течению до кишлака Калиф⁶⁶, — сказал Кратер. — Берег реки там густо зарос сухим тростником. Из него египтяне сооружают суда, способные выходить в открытое море. А мы попробуем связать плоты, которые

⁶⁴ Кир II — основатель Ахеменидского государства на территории Ирана (середина VI в. до н. э.). Присоединил к своей державе Мидию, греческие государства Малой Азии, Вавилон, намеревался покорить и среднеазиатские кочевые племена, но на сей раз его армия дважды потерпела поражение, а сам он был убит массагетами, которыми правила царица Томирис.

⁶⁵ Вблизи нынешнего г. Термеза.

⁶⁶ Кишлак Калиф существует и поныне в среднем течении Амударьи.

поднимут не только людей, коней, верблюдов, но и тараны с колесницами.

За пологом шатра послышались шум, топот бегущих, возбужденные голоса стражников.

— Что там у вас? — громко спросил царь, уперев руки в колени; он научился сидеть на полу, скрестив по-восточному ноги, и даже находил эту позу весьма удобной.

Друзья же его все еще привыкали к этой позе и беспрестанно ерзали, вызывая у него усмешку.

Откинув полог, вошел стражник и доложил, что на противоположном берегу появилась группа всадников, тотчас повернула обратно и скрылась за барханами.

Это не вызвало удивления у Александра. Было бы странным, если бы согдийцы не следили за каждым его шагом и не попытались помешать его переправе через Окс. Это последняя для них возможность задержать его продвижение. Или, во всяком случае, нанести его войску ощутимый урон. И чем быстрее они переправятся, тем меньше у них будет потеря. Для этого нужно выбрать место, где река не столь широка, либо такое, где можно соорудить средства для переправы.

Еще Александр подумал о том, что хорошо поступил, отправив раненых воинов после двухмесячного отдыха в Бактре домой. Неизвестно, какие испытания предстоят по ту сторону Окса, поэтому он взял с собой наиболее сильных, испытанных в бою.

Он заметил, как высоко поднялось солнце, и сказал:

— Пора трубить сбор. Вы, Кратер, Эригий, Каран, поведете свои когорты на юг к Тохтакара, переправитесь там. Клит, Птолемей, Архелай останутся со мной. Мы направимся на север, к Калифу. Это вызовет у варваров недоумение. Пока они спохватятся, разгадают наш маневр и будут решать, что делать, мы, при помощи всемогущего Зевса, уже будем на той стороне.

Полководцы встали и направились из шатра, торопясь исполнить повеление.

Через несколько минут раздались пронзительные звуки рожка. Поодаль ему завторил другой, потом третий.

Александр вышел понаблюдать, как спешно седлают коней гетайры, тяжеловооруженные конники из македонской знати, выстраиваются, готовясь к походу, в две длинные шеренги гипасписты, пехотные отряды, составляющие царскую гвардию. Раздавались отрывистые команды, поспешали к своим отрядам, побрякивая оружием, воины, били копытами о землю отдохнувшие кони. В лощине разворачивались колесницы, в них были запряжены по четверке коней, и выезжали на дорогу...

Берега реки возле Калифа густо поросли камышом, в котором звенели тучи комаров и квакали на разные голоса лягушки. В этом кишлаке, видимо, жили рыбаки. На кольях были развешаны и сушились сети, а на веревках вялилась рыба. В очагах еще не остыла зола. Но дома были пусты. Жители в спешке куда-то бежали, прихватив скот и домашнюю утварь.

В камышовых зарослях обнаружили три полузатопленные лодки. Стали было вычерпывать из них воду, но у тех оказались проломленными днища.

Времени терять было нельзя. Момент внезапности в тактике Александра всегда играл решающую роль. Он приказал собрать все, сколько было в наличии, шкуры животных и сшить из них большие мешки. Древние финикийцы для переправы через реки использовали бурдюки, надутые воздухом. Кожаный мешок воздухом не накачаешь, но сухой травой его набить можно.

Шкур и кожи удалось собрать не так — то много. И царь повелел забить ослабевших коней, верблюдов, чтобы использовать их шкуры.

Пока одни туго набивали сухой травой мешки, другие вязали в снопы сухой камыш и сооружали плоты. Самонадеянные гетайры и гипотоксоты⁶⁷ готовились пуститься через реку вплавь, держась за холку лошади. Для верности они приторачивали с двух сторон к седлу по снопу сухих камышей, благодаря которым лошадь будет держаться на плаву, как на поплавах. Александр, расхаживающий среди

⁶⁷ Гипотоксот — легковооруженный конник, преимущественно луком и стрелами.

занятых делом воинов, похвалил их за смекалку.

Наконец все было готово к переправе.

Теперь самое главное, если не сказать все, зависело от пловцов, от тех, кто в воде себя чувствует, как рыба. Таких, к счастью, немало среди гоплитов, бравших уроки в палестре, школе физического воспитания, где происходили гимнастические соревнования. Не всякий может стать гоплитом, для этого нужно быть отлично тренированным.

Десятка два пловцов разделись, обвязались веревками. Однако плыть на чужой берег без оружия было крайне рискованно. У каждого из них на поясе висел кинжал. Вот они вошли в воду и, призвав себе на помощь греческих богов, поплыли. Те, кому суждено достигнуть того берега, затем будут по трое-четверо перетягивать за веревку на свою сторону плот, разгружать; после чего плот возвратят, натянув веревку, обратно, чтобы снова загрузить.

Александр, заслонясь рукой от солнца, не спускал глаз с достигших уже середины реки пловцов. Затаив дыхание следили за ними и показывали пальцами столпившиеся вдоль длинного берега воины. Несколько голых по пояс гоплитов, которым было даже некогда утереть пот, стоя по колено в воде, разматывали веревку, отпускали ее, извивающуюся в воде, как змея, и исчезающую в мутной глубине. По мере того как разматывалась веревка, можно было судить, насколько далеко уплыл пловец. Они все более удалялись, их головы то возникали черной точкой на гребне волны, то исчезали. Они уже почти достигли противоположного берега. Вдруг один из мотков перестал разматываться, веревку повело в сторону, унося течением. Гоплит, державший ее, что-то прокричал с тревогой в голосе товарищам и стал быстро тянуть веревку обратно перехватывая ее руками. На помощь ему бросились еще двое...

А тут исторг громкие ругательства еще один гоплит, его веревка тоже перестала разматываться...

Наконец вытащили первого пловца. У него из шеи, пронзенной насквозь, торчала стрела.

Остальные пловцы все же достигли берега. Выскочив на сушу, они прыгали от радости, скидывали над головой кулаки и издавали

боевой клич.

И вот наконец двинулись в путь, покачиваясь на волнах, плоты. На них были сложены кучей щиты, мечи, латы, а поверх располагались по три-четыре воина с сариссами⁶⁸ в руках, заменявшими им шесты, которые давали возможность там, где помельче, упираться о дно, не давая течению относить в сторону, и избегать воронок.

Однако Окс выказывал норов, раскачивал плоты, пытался опрокинуть. У плота, на который погрузили катапульту, оборвалась, раскиснув в воде, веревка. Плот подхватило течением, завертело на водоворотках. Оказавшиеся на нем воины размахивали руками и что-то кричали стоящим на берегу. Вдруг плот распался, и катапульта плюхнулась в воду, вздыбив каскад брызг. Теперь на том месте лишь чернели две точки с маковое зернышко. Это виднелись головы барахтающихся воинов. С берега им кричали, но голоса сливались в общий гвалт, и трудно было что-либо разобрать.

— Наискосок плывите, наискосок по течению — у-у!..

Один из воинов, видно, совсем не умел плавать и только шлепал по воде руками, голова его промелькнула среди волн раз, другой и исчезла. А другой, уцепившись за что-то, то ли за бревно, то ли за сноп камыша, хотя и медленно, но приближался к берегу. Двое его товарищей бросились в воду и поплыли ему навстречу. Наверное, и этот утонул бы, не подоспей они к нему вовремя на помощь. Он уже вдоволь нахлебался, когда товарищи, подхватив его под руки, вытащили на берег. Перепуганный насмерть, он все еще прижимал к себе продолговатый предмет с выведенными на нем строчками, которые были составлены из каких-то непонятных знаков; руки его судорожно сомкнулись, и он не в силах был их разнять.

— Ба, да ведь этот мешок сшит из страницы той книги! Где ты ее взял? — спросил один из воинов.

— Когда мы взяли Истахар, сотни таких книг по приказу нашего царя были брошены в костер, — ответил спасенный, стуча зубами.

— Да, помню, более огромных костров мне не доводилось видеть.

⁶⁸ Сарисса — копье длиной до пяти метров.

Но как ты посмел ослушаться царя?

— Кожа ведь была мягкая, телячья. Я сшил себе из нее подушку и набил травой. И вот пригодилась... Наверное, на ней и впрямь священные письмена. Я уже начал прощаться с жизнью, и тут мне показалось, что я сумел их прочесть. «О великий, глядящий из поднебесья, помоги мне, перебрось через пропасть радугу, дабы мне пройти; пошли с ветром паутинку, что крепче аркана, дабы выбраться мне из колодца; пошли хоть несколько капелек дождя, чтоб не засохло мое деревце...» — губы мои шевелились, но я не мог понять, то ли сам шепчу, то ли ветер шумит, то ли вода вокруг журчит. Но течение вдруг подхватило меня и понесло к берегу. Не иначе на этой коже записана молитва, она — то и спасла меня...

— Ты глянь на этого неблагодарного!.. — сказал, смеясь, воин, с которого стекала вода, своему приятелю, отжимавшему рубаху. — Мы, рискуя жизнью, вытащили его, а благодарение он приносит каким-то письменам!..

— Он прав, — хмуро заметил его товарищ; встряхнув рубаху, он напялил ее на себя и стал закатывать мокрые штанины. — Прежде чем предать те книги огню, Александр позвал к себе жреца из храма Огня, откуда и были изъяты эти бесценные сокровища. Для чего он его позвал? Для того, чтобы он прочел ему все от первой до последней страницы и перевел на греческий. Многое из того, что услышал, он собственноручно записал. А потом только приказал предать огню священные книги. Теперь тайной этих книг владеет только он, наш царь.

На берегу опять послышались крики. Еще один плот с несколькими «среброщитными» подхватили волны, понесли вниз по течению. Канат лопнул, когда плот достиг почти середины, и теперь он несся по стремнине, кружась и накреняясь то в одну, то в другую сторону, а находящиеся на нем воины метались от края к краю.

Неожиданно плот стал торчком и опрокинулся, накрыв собой воинов. Весь берег охнул. Кто-то на чем свет стоит ругал местных богов, что настроены враждебно против македонян.

— Послушай, дружище, повтори слова той молитвы — а вдруг и этим несчастным поможет, — попросил воин спасенного, который,

вспоров кожаную подушку, вытряхнул из нее пропитавшуюся водой траву и, прижав к груди, гладил рукой письма. Он отрешенно глядел перед собой полными слез глазами, губы его что-то шептали.

Снова берег огласился криками. Оказывается, двум несчастным удалось вынырнуть, скинув с себя латы и бросив щиты. Один поплыл обратно, другой к противоположному берегу.

Александр внимательно следил за происходящим. Знаком он велел подойти начальнику аргираспидов и распорядился:

— Тому за целеустремленность выдать награду. А этого разжаловать в пельтасты⁶⁹.

А воины на противоположном берегу, спасенный и спасители, между тем продолжали беседу.

— Похоже, и вправду имеет силу эта молитва, — произнес один, не сводя глаз с выбравшегося на отмель «среброщитного», которому уже протягивали с берега руки. — Послушай-ка, а где твой друг — фракиец? Он был, помнится, дюже грамотный...

— А зачем он тебе?

— Показали бы ему эти письма. Вдруг прочтет, да еще и переведет...

— Фракиец действительно голова, он где-то там, — указал воин туда, где несколько дюжих молодцов перетаскивали с плота тяжелые части разобранного тарана. — Я его сейчас найду.

Он поспешил к берегу, лавируя между грудями седел, щитов, колес от колесниц, и вскоре вернулся с фракийцем, держа его левой рукой за плечо, а правой азартно жестикулируя и что-то объясняя на смешанном фракийско — греческом языке.

— Странные вы люди, — смеиваясь, сказал фракиец. — Если благополучно переправились через эту бешеную реку, то что еще можно просить у богов?..

— Если даже благополучно вернемся домой, и тогда у нас еще будет о чем его просить, — так же весело отозвался один из спасителей и протянул руку, чтобы взять у вызволенного из беды воина мешок, но тот попятился, будто испугавшись, что, отобрав, не

⁶⁹ Пельтасты — легковооруженная пехота, оружие которой ограничивалось пращами, луками и легкими кожаными щитами — пельтами.

вернут. — Проверим, — сказал фракиец. — Вправду ли тебе удалось с перепугу это прочесть...

Он взял мешок, разрезал ножом кожаный шнурок, которым были прошиты его края, и развернул. Письмена оказались по обе стороны страницы из книги. Золото с букв почти осыпалось, но они четко темнели на мокрой коже. Фракиец держал страницу в вытянутых руках и беззвучно шевелил обветренными губами. Заметив нетерпение товарищей, сказал:

— Да, эта страница из Авесты, которая была записана на двенадцати тысячах таких страниц из телячьих шкур и состояла из двенадцати миллионов строк⁷⁰.

— Ты скорее переведи, что тут написано, — поторопили его.

— Ну слушайте.

О Ахура праведный, молю,
Открой мне истину, о всезнающий!
Кто создал сей мир, где соседствуют
Низость и благородство?
Кто сумел возжечь Солнце,
Осчастливив мир?
Кто рассыпал по небу драгоценности.
Украшив голубой потолок земли?
Кто научил непросвещенных людей
Взрачивать и печь хлеб,
Одомашнивать животных, птиц?..

Фракиец читал эти строки про себя, водя по ним пальцем, потом разъяснял их смысл по-гречески. Три других воина, близко обступив его, внимательно слушали, стараясь не пропустить ни слова. Вдруг они многозначительно переглянулись, и глаза их стали округляться от удивления. Перевернув страницу, фракиец произносил почти слово в слово то, что шептал, как молитву, спасенный.

⁷⁰ Арабский историк Масуди в «Мурч уз — захат» сообщает, что Александр Македонский в г. Истахаре обнаружил древнюю Авесту, написанную на двенадцати тысячах кожаных страниц золотом. Переписал из нее все, что касалось медицины, философии, астрономии, а книгу сжег. Самая древняя рукопись Авесты, дошедшая до нас, хранится в Копенгагене.

— Выходит, ты знал, что тут написано? — спросил у него один из воинов.

— Клянусь, нет, — испуганно покачал тот головой.

— Ну и чудеса! — воскликнул один из воинов и опустился на связку длинных жердей для каркаса шатра. — Зачем было сжигать такую книгу? Это же поистине книга мудрости! Царь нам говорит, что мы великий народ и должны сеять, как семена, по свету свою культуру, как же он мог приказать предать огню Авесту?

— Помолчи лучше, — быстро проговорил его товарищ. — Дойди до его ушей твои слова, он из нашей кожи сделает такие же мешки и набьет соломой.

— Ты грамотен, фракиец. Почему же ходишь в простых пельтастах?

— Эх, друзья, — вздохнул фракиец. — Среди нас есть куда более образованные. Но мы все одинаково влачим жалкое существование.

— Как только рука поднялась бросить в костер такую книгу?.. — задумчиво проговорил спасенный, сворачивая страницу в рулон. — Как она только не отсохла...

— Ты спас одну страницу, за это Ахура — Мазда вознаградил тебя, — сказал фракиец. — А мне это не удалось... Если б я знал, что в пещере, в которую мы вошли, спрятана эта книга!..

— Значит, ты находился среди тех, кто там был? Расскажи подробнее.

— Да, находился, — вздохнул фракиец. — И Создатель рано или поздно накажет меня... На окраине Истахара на высокой горе находится Храм Огня. А неподалеку глубокая пещера. Мы решили, что там спрятаны сокровища. Зажгли факелы и вошли в нее. Шли долго, и казалось, что спускаемся в преисподнюю. А своды, обвитые корнями растений и паутиной, становились ниже и ниже, дышалось все труднее. Мы уже собирались повернуть назад, как вдруг увидели стоящие вдоль стен мраморные сундуки, похожие на саркофаги. Они были так красивы, что трудно было поверить, что их сотворили руки человека. На боковых стенах барельефы с изображением охоты и баталий. На крышках такие узоры — точно кружево... Нас было двенадцать человек, мы с трудом подняли одну крышку. Были

уверены, что внутри груды золота. Но там было это... — фракиец показал глазами на рулон, который держал под мышкой спасенный. — Множество кожаных страниц с золотыми письменами. Мы еще не знали, что нашли нечто дороже золота. Разозлившись, что обнаружили не то, что искали, стали выбрасывать эту кожу из сундуков, раскидывали по пещере, все еще надеясь, что найдем клад. В конце концов пришлось набить мешки этой кожей вместо золота и тащить на себе до самого выхода. Затем погрузили мешки на ослов и спустились в город. На площади, где мы сбросили эти мешки, образовалась целая гора... Прослышав о нашей находке, на площадь явился сам Александр. Полистал ногой одну из вывалившихся на землю книг и, ничего не сказав, удалился... Несколько дней возвышалась эта гора на площади. Ходили слухи, что каждый день царю во дворец доставляют по одному мешку, и он читает эти страницы с помощью толмача. Я в это охотно поверил, ибо через день-два около наших мешков была выставлена охрана... А спустя недели две я увидел на площади гигантский костер, — сказал фракиец, опустив глаза, и тут же взглянул на спасенного: — Что ты собираешься с этой кожей делать?

— Ложась спать, буду подстилать ее под себя, а в холод накидывать на плечи. А если доведется вернуться домой живым — здоровым, повешу ее в своем доме на самом видном месте.

— Смотрите, не джейран ли это? — спросил фракиец, показывая рукой на ближайший бархан. — Попить водички, видно, захотелось... Если мне подфартит, то мы поедем шашлычка, — и вынул лук, проверяя на ощупь, сколько стрел в колчане. Побежал, пригибаясь, к бархану.

От яркого солнца песок казался белым, как снег, и слепил глаза. А ложбина между двумя барханами была заполнена густой, как сумерки, тенью. Фракиец не сводил глаз с застывшего, как изваяние, джейрана, иначе, наверное, заметил бы притаившегося в ложбине за ветвистым саксаулом всадника. Вдруг фракийца что-то насторожило, то ли ветка дерева качнулась, то ли колыхнулась тень от взлетевшей огромной птицы, плавно взмахнувшей крылами. Фракиец остановился, прилаживая стрелу к тетиве. Но с бархана с шорохом

посыпался песок, и газель исчезла. Раздался свист, похожий на свист бича, и в грудь фракийца вонзилась стрела. Схватившись за нее руками, он выронил лук и с воплем опрометью бросился обратно. Но у переправы стоял такой гвалт — видно, опять случилось какое-то несчастье, — что его крик не сразу услышали. Только трое товарищей, с которыми он разговаривал минуту назад, бросились ему навстречу. Фракиец показал рукой на облако пыли вдаль, поднятой уносящимся, как ветер, всадником, и свалился, устремив к небу стекленеющие глаза; из угла его рта тонкой струйкой вытекала кровь.

— Исполнилось, — со страхом проговорил один из воинов, вспомнив о предчувствии фракийца.

Переправа через Окс заняла пять дней. Уже на второй день из-за барханов стали стремительно вылетать летучие отряды согдийцев. Осыпав македонян стрелами, они поворачивали обратно в пески. Если по приказу Александра выставлялись хорошо вооруженные дозоры в одном месте, то согдийцы появлялись в другом, где только что форсировавшие реку воины еще не успели надеть на себя латы и повязать пояса с мечами. То тут, то там происходили молниеносные схватки. И оставались лежать на земле порубленные мечами или пронзенные копьями воины Александра. А согдийцы вновь исчезали без потерь и лишь пыль, зависающая облаком над барханами, напоминала о них...⁷¹

После того как через Окс переправился последний плот, доставивший на согдийский берег последнего воина и колесницу, Александр тотчас же двинул армию в глубь пустыни. Ему предстояло преодолеть немалый путь, чтобы добраться до первых поселений.

К вечеру они достигли оазисов. Земля тут была поделена на зеленые квадраты огородов. В густых садах было много тени, как в лесу, и прохлада в них после многочасового перехода под палящим солнцем казалась упоительной. В арыках, радуя слух, журчала вода, а

⁷¹ По свидетельству древнегреческого историка Арриана, Александр Македонский до этого и в решающих сражениях не терял столько воинов, сколько их у него погибло при переправе через Окс.

в искусственных бассейнах отражались ветки склоненных деревьев, небо и облака. Уютные дворики были сплошь прикрыты вьющимся по жердочкам виноградом, вбирающим в себя летний жар. Однако кишлак вновь оказался безлюдным. Жители покидали дома в спешке, и многие не успели даже угнать скот, а кое у кого на очагах остались котлы с варящейся едой. В центре кишлака на широкой площади, обсаженной по краям старыми шелковицами, где сельчане, вероятно, проводили собрания, устраивали празднества, была приготовлена куча дров для ритуального костра и стояли на привязи два упитанных быка, которых не успели забить.

Военачальники стали просить Александра разрешить им разбить здесь лагерь и дать войску отдохнуть.

— Пусть будет по-вашему, — согласился Александр и приказал выставить вокруг оазиса гарнизоны из гипаспистов и гипотоксотов, которых после полуночи сменят другие.

Лицо царя было темное от пыли, довольный сегодняшним днем, он улыбался, и зубы его казались ослепительно белыми. Тело пощипывало от вьвшегося во все поры песка. Он распорядился обнести один из искусственных бассейнов полотном, чтобы искупаться. Это было тотчас же исполнено.

Воины, стараясь опередить друг друга, разбрелись по дворам, вылавливали овец, телят и кур, шарили по сундукам и присваивали, что приглянется. На огромных кострах уже жарились на вертелах туши.

Когда костры стали давать больше света, чем тонкий краешек погрузившегося за горизонт солнца, а в небе зажглись первые звезды, от Птолемея, посланного за Бессом, примчался гонец. Он незамедлительно был пропущен к царю, только что освежившемуся в бассейне и накинувшему на себя гиматий⁷² поверх хитона.

— Великий царь, Бесс нами взят. Птолемей послал меня узнать, куда его доставить?.. — выпалил гонец, перешагивая порог комнаты с низким бревенчатым потолком и множеством ниш, уставленных посудой; и пока царь раздумывал, гонец добавил, прыснув в кулак: —

⁷² Гиматий — длинный легкий плащ.

Мы застали царя царей в чем родила мать...

— Вот как? — усмехнулся Александр. — В таком виде и препроводите его сюда!

— Я скажу об этом Птолемею!

— Ступай.

Гонец вышел, через минуту послышался топот удаляющегося коня.

Александр вспомнил о послании Спитамена, доставленном третьего дня молодым согдийцем. Варвар разговаривал с ним непочтительно, и он с удовольствием бы высек его, однако отправил обратно, велел передать его господину, что сын Зевса снисходителен к покорным, одаривает их властью и царской милостью. А что касается Бесса, то за него Спитамен получит награду.

А если как на духу, то Александр не очень поверил посланию именитого варвара, который взял на себя смелость ставить ему, Великому царю, покорившему половину ойкумены⁷³, какие-то условия. Тут свои условия будет диктовать он, Александр.

В войске мгновенно распространился слух о том, что Бесс наконец пойман и не позднее как на рассвете будет доставлен сюда. Многие радовались, что это послужит поводом закончить войну. У каждого костра, где готовилась еда, в каждой хижине, где квартировали воины, велись одни и те же разговоры.

— Теперь Александр повернет обратно! — не сомневались одни.

— Скоро мы узрим родную Македонию! — вторили им другие.

— Конечно! Какой же теперь смысл углубляться далее в проклятые богами земли этих варваров?!

— Царь обещал, что когда будет пойман Бесс, то мы вернемся по домам.

Все горели желанием поскорее увидеть того, кто стал причиной столь затяжной войны, из-за кого им пришлось вступить в эти гиблые места. Никто не сомневался, что тот, кто, проявив коварство, убил своего царя, к тому же родственника, достоин Божьей кары и

⁷³ Ойкумена — населенная часть земли. В представлении древних греков в ойкумену входили Южная Европа, Северная Африка и Азия вплоть до долины Инда.

наказание для него придумает их царь, сын Бога.

— Говорят, Бесса захватил Птолемей...

— Поистине герой, ему мы обязаны, что вскоре увидим свои семьи...

— Я слышал, цареубийца был схвачен в жестокой битве...

— А я, что Бесс сам сдался на милость победителя...

— Почему бы ему раньше этого не сделать?..

— Брехня все это! Бесса пленил предводитель согдийцев Спитамен и отправил в подарок Великому царю!..

Отряд Птолемея въехал в кишлак, когда солнце уже возвышалось над кронами деревьев и успело собрать росу. Воины высыпали на улицу, по которой он следовал. И по мере того, как отряд приближался к площади, усиливались взрывы хохота. Огромный толстяк, грудь и спина которого были покрыты седыми волосами, сидел совершенно голый на высокой арбе, ухватившись за деревянную решетку, и, как безумный, таращился на хохочущих воинов. А те, разевая рты, показывали на него пальцем и, корчась, хлопали себя по животу, по коленям. Растрепанные волосы пленника торчали клочьями, а тело было в ссадинах и кровоподтеках. На ухабах арба подпрыгивала, вместе с нею и толстяк, вызывая еще большее веселье. В него со всех сторон летели обглоданные гости и огрызки яблок. Кто-то запустил медным блюдом, которое грохнулось о решетку и отлетело к ногам лошади, едва не задев кучера. Лошадь, испугавшись, прынула в сторону, и арба чуть не опрокинулась. Раздались крики, свист, улюлюканье. Временами Бесс прикрывал глаза, слезы на его серых от пыли щеках оставляли полосы. Он шевелил разбитыми опухшими губами, быть может, моля богов послать ему скорейшую смерть.

Въехав на площадь, обсаженную шелковицами, воины Птолемея спешили; ссадили с арбы тучного Бесса, едва державшегося на ногах, и привязали к столбу, приготовленному для экзекуции. Затем оттеснили толпу, толкая древками копий, к краям площади. Стоял невообразимый шум.

Раздались звуки фанфар, звякнули литавры, и стало тихо. Лишь в кронах шелковиц заливались индийские скворцы, не смолкавшие с утра до вечера. Толпа расступилась, и в образовавшемся проходе появился собственной персоной Александр в накинутом на плечи сероватом плаще, отороченном голубым. Он был перепоян золотым поясом, на котором висел небольшой меч с усыпанной драгоценными камнями рукоятью и ножнами. Он шел без головного убора, и ветер слегка трепал его вьющиеся светлые волосы. А в синих глазах, полных торжества, отражалось солнце. За ним, не отставая ни на шаг, следовали его аргираспиды.

Построившиеся вокруг площади воины криками приветствовали царя.

Оставив стражу, Александр размашистым шагом пересек площадь и остановился шагах в трех от Бесса, положив руку на эфес меча. Все затаили дыхание, чтобы не пропустить мимо ушей ни одного слова царя.

— Об одном хочу спросить тебя, — раздался голос Александра.

Бесс медленно поднял голову. Это далось ему с трудом.

— Во имя чего ты умертвил великого царя Дария? Родственника своего и благодетеля?

Бесс опустил голову, не ответил. Широкая лысина покрылась испариной.

Со всех сторон доносились выкрики:

— Отвечай царю!..

— Отвечай великому Александру!..

— Иль ты проглотил язык? — спросил Александр.

— Не моей рукой был умерщвлен Дариявуш, — невнятно произнес Бесс, ему было больно шевелить губами.

— Тебе более нечего терять. По крайней мере не бери лишнего греха на душу перед смертью. Меня интересует истина.

Александр уже представил себе, как вернется сейчас после экзекуции к себе, вынет из ларца чернила, толстую тетрадь в черной кожаной обложке для каждодневных «памятных записей» и собственноручно внесет в нее всего несколько строк. Зато каких!.. Они останутся на вечные времена в истории его великой империи.

Царь взял с собой в поход лучших чиновников, писцов, ученых, литераторов. В его канцелярии велись эфемериды — ежедневные деловые и придворные журналы. При штабе хранились гипомнеуматы — всякого рода законченные и незаконченные проекты и планы, его собственные и чужие, записки экспертов, производивших разнообразные исследования по пути следования его армии. И во главе всей этой канцелярии стоял высокоэрудированный и остроумный Евмен, исполняющий еще и обязанности личного секретаря Александра. Однако жизнь Александра была богата и такими событиями, соответствующие записи о которых он предпочитал делать сам. К тому же в своей тетради он запечатлевал и эпизоды личного и, пожалуй, даже интимного характера.

— Отвечай царю — у!.. — неслось со всех сторон.

— Я сказал правду, — еле слышно произнес Бесс.

— Кто же тогда убил его?

— Те, кто не отходил от него ни на шаг, подобострастные мерзавцы. Меня тоже предали они. И тебе несдобровать, царь, — Бесс медленно поднял голову, глаза его на мгновение сверкнули и погасли.

Александр брезгливо сморщил губы и прищурился. Затем взошел на небольшое глиняное возвышение, накрытое рогожей и паласом, и поднял руку, требуя тишины.

— Да услышат все!.. — прозвучал его зычный голос. — За вероломное убийство Дария Кадамона, за провозглашение самого себя царем царей этого подлейшего из подлых, коварнейшего из коварных, бесчестнейшего из бесчестных человека перво-наперво лишить... мужских достоинств!..

Раздались хохот и улюлюканье. Царь вновь поднял руку.

— Отрезать кончики ушей и носа! И после этого отправить в Экбатаны, показывая его по пути следования всему населению, и там, в столице Мидии, в присутствии досточтимых персидских сановников и аристократов, присягнувших мне на верность, предать его смерти. Таков мой приговор!..

Криками и бряцаньем оружия воины одобрили решение царя. Затрубили карнаи, завизжали сурнаи. Из толпы выступил палач и, очерив в ухмылке рот, направился к Бессу, вытаращившему на него

глаза, полные ужаса. Тело приговоренного напряглось, веревки, если бы не были так прочны, лопнули бы. Палач постлал на земле грязную тряпицу и, вынимая по одному из мешочка, сложил на ней какие-то инструменты.

Тысячи людей затаили дыхание. Задние напирали на тех, кто стоял впереди, привстали на цыпочки, глаза толпы словно приклеились к рукам палача. Но тем, кто стоял в задних рядах, были видны лишь голова Бесса и крутой затылок подступившего к нему почти вплотную палача. Вот палач нырнул куда-то вниз, а голова Бесса запрокинулась назад, рот широко раскрылся; не смолкая, продолжали реветь и визжать карнаи и сурнаи, поэтому воплей несчастного слышно не было. Палач был мастером своего дела и безупречно выполнил, что надлежало. Бесс потерял сознание, его тучное тело обвисло и, если бы не веревки, свалилось бы на землю. Он уже не почувствовал, когда палач отработанными движениями отсекал ему кончики ушей и носа...

Часть вторая

Огонь — и жизнь, и смерть

Накануне решающих битв

Оставив Бесса в селении Хамад, Спитамен с горсткой храбрецов направился по старой, давно заброшенной дороге, должно быть, забытой новым поколением караванбаши, на северо-восток, в сторону голубеющих вдаль гор, и спустя четыре дня достиг верховий Политимета⁷⁴, стремительно выбегающего из узкого ущелья. Здесь на высоком обрыве над пенящейся внизу рекой возвышалась небольшая крепость, которая, однако, играла важную роль в отражении набегов скифов, соседствующих с Согдианой на севере. С Датафарном было условлено, что он с главными отрядами будет ждать Спитамена в

⁷⁴ Политимет — Зеравшан.

этой крепости.

К укреплению вела извилистая, постепенно забирающая вверх дорога, в лунные ночи белеющая, будто покрытая мелом. А сейчас как раз ярко светила луна, в сухой траве звонко звенели цикады, перепутав ночь с днем. Издалека крепость, облитая матово-голубоватым светом, казалась таинственной и даже грозной, если не знать, что стены и башни ее возведены из пахсы⁷⁵. Эхо далеко разносило топот приближающихся к крепости коней. Там, вероятно, уже давно проснулись.

Датафарн, кажется, заметил всадников с верхотуры башни. Едва они подъехали, не успели даже окликнуть привратника, как перед ними, загромыхав цепью, опустился мост через ров, и дубовые ворота, обитые узкими полосками железа, со скрежетом отворились. В конце темной, напоминающей тоннель подворотни стоял, раскинув руки и улыбаясь, Датафарн...

Спустя два дня в крепость примчался на запаренном коне гонец из Хамада и сообщил, что воины Искандара забрали Бесса.

Теперь Спитамен ждал дальнейших вестей, чтобы предугадать, как в дальнейшем будут разворачиваться события. Его люди глаз не спускали с войска Искандара Зулькарнайна. «Неужели не повернет обратно?.. — размышлял Спитамен, расхаживая ночь напролет взад-вперед по тесной комнате. — Что еще ему нужно?.. Или в нем разгорелся азарт волка, попавшего в овчарню, который не успокоится, пока не передушит всех?..» Узнав, что Искандар все же переправил через Окс основные силы, он потерял сон, не мог ничего есть, кусок не лез в горло. Всего за несколько дней он отощал, словно после тяжелой болезни.

Как только Искандар, продвигаясь в глубь страны, менял маршрут, спустя несколько часов это становилось известно Спитамену. Схватив из очага древесный уголь, он принимался чертить на каменных плитах поле, кругами обозначал селения, параллельными линиями дороги, а волнами реки. Он хорошо знал свою страну и отчетливо представлял движение вражеского войска.

⁷⁵ Пахса — глина крутого замеса.

Он тотчас посылал гонцов в расположенные на пути Искандара кишлаки, чтобы предупредить жителей, и те успевали заблаговременно уйти, угнав скот. Сено и посевы Спитамен приказал сжигать, дабы лишить лошадей македонян фуража.

В конце концов у Спитамена не осталось сомнений, что Искандар Зулькарнайн ведет свое войско к Мараканде.

Яркая луна зависла над белоснежными вершинами. До рассвете еще было далеко. Но дорога и минута. Спитамен приоткрыл дверь и, взглядываясь в темный коридор, кликнул Зурташа, который всегда находился где-нибудь поблизости и выполнял его срочные поручения.

— Разбуди Датафарна! И вели всем седлать коней!.. Отправляемся в Мараканду!.. — сказал Спитамен появившемуся подручному.

Тот кивнул и бросился бегом исполнять приказание.

Воины ехали молча, поеживаясь от утренней прохлады. Многие дремали в седлах. Лошади были накормлены и, пофыркивая, шли рысью. Чем ниже спускались в долину, тем становилось теплее.

Спитамен и Датафарн ехали рядом, метров на сто опередив войско, и беседовали. Карасач, озоруя, то и дело норовил куснуть скачущую рядом лошадь. Спитамен успокаивал его, похлопывая по загривку.

— Известно ли Намичу, что грозит столице?.. — вслух высказал Спитамен свои сомнения.

— Он не так прост, как порой кажется, — подумав, ответил Датафарн. — Уверен, ему не только об Искандаре все известно, но и о нас с тобой...

— А уверен ли ты в том, что столица может выдержать осаду?

— Стены Мараканды достаточно крепкие. И припасов на складах хватает. Но странно, что Намич до сих пор не обратился за помощью к соседям, не послал никого за тобой.

— Может, надеялся, что Искандар, дойдя до Окса, повернет обратно?.. Мы ведь тоже думали, что сын Бога не унизит себя, прибегнув ко лжи. Заполучил Бесса, однако обещания не выполнил...

— Что ему Бесс, если перед ним сказочно — прекрасная Мараканда!.. — усмехнулся Датафарн. — Ведь и до него многие на нее зарились. А чем для них кончилось?..

— Искандар ведь не может этого не знать!.. Или ему надо напомнить? — сощурился Спитамен и пригладил усы, скобочкой облегающие уголки рта.

— Наверное, полагается на помощь Бога — отца, — снова усмехнулся Датафарн.

Солнце поднялось высоко и начало сильно припекать. Спитамен обернулся на войско и сделал знак рукой, чтобы поторапливались. Над всадниками, едущими попарно, клубилась желтая пыль. Поблескивали щиты, лес копий торчал над шлемами.

Спитамен расстегнул ворот и провел рукавом по потному лицу.

— Уф-ф, жарко становится, — сказал он. — Где бы нам устроить привал?..

— Надо держаться ближе к руслу Политимета, с речки дует ветерок... Чуть подальше начнутся тугай⁷⁶, там и отдохнем...

Позади слышен топот нагоняющих их конников. Кто-то негромко затягивает песню, слов из-за топота и фыркания коней не разобрать. Но голос удивительно приятный, он кажется Спитамену знакомым.

Во времена лучезарного Йимы
Не было ни трескучего мороза,
Ни изнуряющей жары,
Люди не знали болезней,
Отсутствовали зависть и жадность.
Ахриман посягнул на творение
Свободолюбивого Аша,
Вахуман и Отар отправились на битву,
Оседлав коней мгновенно
И взяв в руки оружие...⁷⁷

Хорошая песня — для сердца отрада. Она — поддержка в пути, укрепляет веру в удачу. Но умолк певец. Опять слышен лишь топот копыт, да цикады звенят на обочинах.

⁷⁶ Тугай — лесные и камышовые заросли.

⁷⁷ Стихи из Авесты.

— Эй, певец, где ты там? — обернулся Спитамен. — Великий Ахура — Мазда осчастливил тебя прекрасным голосом не для того, чтобы ты молчал. Пой!

Певец запел теперь громче, голос его зазвучал бодрее. Чей же это голос?

Вдохновенный на подвиг тобой,
Я духом воспрянул,
С благородными ты благороден,
С жестокими жесток,
Имя твое я в сердце ношу,
И на твой вопрос: «Кто ты?..
Какова твоей жизни цель?»

Отвечаю:

«Я — Зардушт, а символ веры моей — хоругвь!
Я славлю тебя, а врага обесславлю!»
На твой вопрос: «О чем ты мечтаешь?»

Отвечаю:

«Обратиться в священное Пламя!»

Спитамен обернулся, вглядываясь в воинов, пытаюсь разглядеть лицо поющего.

— Эй, певец, благодаренье тебе!.. Приблизься ко мне!

Один из всадников пришпорил коня и подъехал, оставив позади облако пыли, сквозь которое лишь смутно угадывались силуэты конников.

— Это ты, Шердор? — удивился Спитамен.

— Я, господин.

— Оказывается, ты не только художник, но еще и певец?..

— Расписывая в горах скалы, я любил петь, господин. Там голос далеко разносит эхо, и чудится, будто сами горы тебе подпевают...

— Почему же я прежде не слышал твоих песен?

— Настроения не было, господин. Когда душа плачет, не до песен...

Спитамен посмотрел на него и понимающе кивнул. Он знал, по ком плакала душа этого джигита. Давно знал. Думал, затянулась, зажила его душевная рана, а нет... Сколько минуло с тех пор?

Как-то, приехав в очередной раз в Мараканду, Спитамен зашел к старому греку Касу, мастеру — чеканщику, чтобы забрать новый щит, который ему заказывал. У него и застал этого джигита. Он сидел с хозяином за дастарханом. Подсел и Спитамен, не вынуждая повторять приглашение дважды. Хозяин представил ему молодого гостя, назвав его по имени. Затем Спитамен и Кас разговаривали, а джигит молчал. Спитамен и хозяин пили мусаллас, закусывали, а этот ни к чему не притрагивался. Только иногда поднимал голову и с интересом поглядывал на Спитамена, будто хотел сказать что-то. И тогда Спитамен, обращаясь к Касу, сказал:

— Ты назвал имя этого славного джигита, но не сказал, кто он и откуда...

— Этот джигит божьей милостью художник.

— Ахура — Мазде было угодно, чтобы вы и я пришли в этот дом в один и тот же день, — подал наконец голос джигит. — Я почти месяц скитался в горах, переходя из аила в аил, все искал вас. Едва приду, а вас и след простыл. Говорят, вы туда-то поехали — я дальше иду...

— Зачем же я тебе понадобился? — засмеялся Спитамен, с интересом разглядывая его.

— Хотел наняться к вам в дружину.

— Вот как?.. Считаешь, что боевой дружине никак не обойтись без художника?

Шердор развел руками и горестно вздохнул:

— Вот и вы тоже... Разумеется, я хотел наняться к вам не в качестве художника. Я решил стать воином.

— Прости, я пошутил, — улыбнулся Спитамен, окидывая оценивающим взглядом крепкую фигуру незнакомца, и хлопнул его по колену. — В моей дружине и для тебя найдется место. Однако должен тебе заметить, воином может стать любой, была бы сила, а художником — далеко не всякий.

— Вы правы, господин, — согласился Шердор. — Но художник может творить, когда душа его озарена изнутри светом. А в моей душе сейчас потемки, сердце, словно в кипящем масле...

— И для этого есть причина?.. Нет, вы, художники, всегда мне

казались чересчур чувствительными!

Шердор смущенно опустил голову, а Кас, заметно волнуясь и с сочувствием глядя на парня, проговорил:

— Если назвать причину, то вас это повергнет в крайнее удивление. Шердор без памяти влюблен...

— Что же тут удивительного? — засмеялся Спитамен.

— Вы спросите лучше — в кого? В дочь самого правителя, Торану!

— Ого!.. — воскликнул Спитамен. — Я же говорю, художники вездесущи! Как это тебя угораздило?.. Или влюбился в нее только потому, что она принцесса?..

А про себя подумал: «Ты волен влюбиться и в ежеутренне блистающую на горизонте Венеру! Ну, и любуйся, пожалуйста, издали, но обладать — никогда!..»

Однако оказалось, что у Шердора не все так безнадежно. Шестнадцатилетняя дочь Каса Мохиен состояла служанкой при дочери правителя. Она поведала Торане о сердечных муках несчастного художника. Та, говорит Мохиен, громко рассмеялась. Однако в глазах у самой промелькнуло любопытство...

Прошло дня три или четыре, и правитель, который ни в какую не соглашался нанять Шердора для отделки новых комнат дворца, вдруг сам послал за ним человека.

Однако не успел бедняга Шердор завершить работу, как был из дворца изгнан.

— Ну и ну, неужто разочаровал принцессу? — лукаво улыбнулся Спитамен. — Такой джигит! Не поверю.

— О нет, ее отец, как только глянул на фрески с изображением красавиц, тотчас узнал свою дочь и догадался, что художник где-то увидел ее, если только — не приведи Бог — они тайно не встречались!..

— О, это еще не причина отказываться от любви, — сказал Спитамен, глядя Шердору в глаза. — Надежды свои пришлось бы оставить, если бы тебя изгнали по высочайшему велению самой Тораны... Что же касается ее отца, то с ним я мог бы поговорить. Признаться, я еще ни разу не выступал в роли свата...

— Вы очень любезны, господин, благодарю вас. Старания ваши будут напрасны. Отец решил выдать ее за знаменитого персидского полководца, — сказал Шердор, и на лице его отобразилась мука. — Лучше возьмите меня с собой, прошу вас...

Спитамен согласился и через два дня, покидая Мараканду, он завернул, как и договаривались, к дому Каса за Шердором.

Прощаясь с Касом, джигит смущенно вынул из-за пазухи ожерелье с кулоном, искусно выполненное из слоновой кости, и положил на ладонь старого мастера со словами:

— Прошу вас... пусть ваша дочь, а моя сестрица Мохием передаст это Торане. Ожерелье это будет хранить ее от бед, как талисман.

— Ого, да тут никак сама принцесса!.. — восхищенно воскликнул Кас, поднося белый овальный кулон близко к глазам. — Даже мои слабые глаза узнали ее сразу!.. — И, прищелкивая языком, показал Спитамену: — Такое мог исполнить только истинный мастер!.. Кисть и резец ему надо держать в руках, а не меч! Скажи и ты ему это, может, он тебя послушает...

Спитамен тоже без труда узнал изящный профиль Тораны. Глянул на джигита, уже перебросившего через плечо хурджин, и понял, что отговаривать его — напрасный труд.

Пальцы у Шердора были длинные и тонкие, какие, наверно, и должны быть у художника, а не у воина, тем не менее этот джигит очень скоро доказал, что он не робкого десятка...

— А теперь у тебя настроение, выходит, есть? — спросил Спитамен у Шердора, который ехал, приотстав на корпус коня, и тихо насвистывал что-то веселое.

— Да, господин.

— Не потому ли, что полководец, за которого собирались выдать Торану, пал в сражении с Искандаром?

— Нет, господин, не потому. Память о каждом, кто принимает смерть в борьбе с врагом, должна быть свята. А радостно мне оттого, что едем в Мараканду, и мне, быть может, посчастливится хотя бы издали увидеть... — он не решился произнести имя и, обернувшись, обеспокоенно глянул на Датафарна.

За него это сделал Спитамен.

— Торану?

— Да, — сказал Шердор и натянул слегка поводья, чтобы отстать; ему был неприятен разговор на эту тему; его тотчас окутала пыль, и он слился с остальными всадниками.

К полудню следующего дня на горизонте проступили из голубой дымки очертания Мараканды. И кони, хоть и устали, прибавили ходу. То ли взбодрились, почуяв близкий отдых в конюшнях с кормушками, полными овса, то ли им передалось нетерпенье всадников. Чем ближе они подъезжали, тем выше становились зубчатые стены и грозные башни, будто на глазах росли. Издалека виднелись покрытые глазурью купола храмов, что на городской площади, надвратная башня цитадели, вместившей и пышный сад, по которому прогуливаются павлины и газели, и дворец Намича, но постепенно они скрылись за мощными крепостными стенами, будто спеша спрятаться от взора приближающихся всадников.

Спитамену бросилось в глаза безлюдье на ведущей к Мараканде дороге. Обычно, когда спешил, ему то и дело приходилось объезжать целые вереницы арб, нагруженных доверху, спешащих на базар или с базара, верблюжьи караваны с заморскими товарами, всадников, едущих поодиночке и группами. А сейчас они обогнали двух или трех трясущихся на осликах дехкан.

Лишь приблизившись к городу, они поняли, в чем дело. Ворота Мараканды оказались накрепко закрыты. Площадь перед ними замусорена просыпанной соломой, золой от костров, конским и овечьим навозом. По всему видать, сюда уже давно никто не въезжал и не выезжал.

Карасач, не привыкший тут задерживаться, нервничал — мотал головой и приплясывал, устремляясь к воротам. И Спитамен разворачивал его обратно. С надвратной башни их не могли не заметить. Однако никто не подавал признаков жизни. Пришлось кивнуть Зурташу, тот понимал предводителя без слов. Пришпорив коня, он осадил его у ворот и бухнул о бронзовую обшивку раза три

булавой.

— Кто — о?.. — послышался из бойницы хрипый голос.

— Я — Спитамен! Отворяй! — громко сказал Спитамен.

— Ты в своем аиле командуй! А здесь мы подчиняемся правителю! Нам не велено никого впускать! Такова воля Намича!.. — Голос был знакомый. Скорее всего это начальник привратной стражи.

— Ты что, не узнаешь меня? — озлился Спитамен, с трудом удерживая коня на месте.

— Узнаю, как не узнать. Но я человек подневольный, уж не обессудь, господин!..

— Так пошли же кого-нибудь к правителю, тыквенная голова, и доложи, что Спитамен у ворот со своим войском!..

— Уже давно послал самого проворного.

Полуденное солнце сильно припекало. По чумазым лицам воинов струилась пот. Кони часто переступали ногами и обмахивались хвостами. Им досаждали мухи, которые всегда роятся там, где редко убирают.

Спитамен окинул стены крепости оценивающим взглядом. Во многих местах штукатурка с изображением грифонов с туловищем льва и орлиными крыльями осыпалась, и обнажился красный кирпич. Немногие мастера владели секретом изготовления этого кирпича, на котором и меч не оставляет отметины. Стены мощные. Таранами, которые на многих наводят ужас, Искандару их не пробить. Однако при взятии крепостей он использует осадные башни. Они из дерева и, как любое дерево, хорошо горят. Если плеснуть раскаленной смолой, запыхают, что тебе факел. А на стенах надо расставить метких лучников (их Спитамен наберет среди охотников) и копейщиков, которые смогут своими длинными копьями опрокидывать лестницы осаждающих. Выдержали бы только ворота. Придется по эту сторону их выкопать ров, да поглубже, и заполнить водой...

Из бойницы снова долетел голос привратника:

— Мой господин! Его светлость правитель изволит видеть одного тебя!

— Одного?.. — опешил Спитамен. — Разве Намич спятил с ума?!

— Он в здравом уме, господин, и прошу так не говорить о нашем

правителе. А то может статься, что ворота и вовсе не откроются!.. — и все это изрекал начальник привратной стражи, который всякий раз встречал Спитамена, оказывая ему знаки внимания и уважения, и с таким же почетом провожал. Что это с ним? Словно подменили! Нет, тут все дело в Намиче. Куда едет большая арба, туда и малая катится.

Спитамен незаметно обернулся. Датафарн, Зурташ, Шердор, Тарик уже тут как тут, выехали вперед, ждут сигнала. «Мы пройдем в город, если бы для этого даже пришлось лезть через стены! — подумал Спитамен. — Что же это старая развалина надумала?..»

— Отворяй! — приказал он.

Громыкнул в подворотне засов, зазвенела цепь, и тяжелые, обитые бронзой створы, закрипев, подались назад. Образовалась щель, в которую мог протиснуться только пеший, да и то с трудом. Что ж, Спитамену пришлось слезть с коня. То же проделали, глядя на него, Датафарн, Зурташ, Шердор, Тарик и стали медленно приближаться.

— А вы стойте на месте, тут и дожидайтесь своего предводителя! — раздался хриплый голос начальника стражи.

Но было поздно, Спитамен уже скользнул между створами ворот, могучим кулаком сбил с ног двух дюжих привратников, подпиравших створы ворот плечами с внутренней стороны. На помощь им кинулись несколько других, на ходу вынимая из ножен мечи. Но Датафарн, Зурташ, Шердор, Тарик уже были в подворотне. Зазвенели мечи. Трех или четверых стражников удалось обезоружить, остальные позорно бежали.

— Не кровь братьев проливать мы пришли сюда! — гневно сказал Спитамен перепуганному насмерть начальнику стражи, едва не свернувшему себе шею, сбегая по деревянным ступеням с башни. — А чтобы вместе с вами защитить Мараканду!.. — Он тяжело дышал, глаза сверкали.

— Не сердись, господин, мы люди подневольные. Что велят, то и исполняем, — лепетал дрожащими губами старший привратник.

Спитамен налег с друзьями на ворота, отворил их настежь. Махнул рукой, и в подворотню въехали конники, звеня удилами, зло подшучивая над привратниками и громко смеясь. Улицы Мараканды

наполнились конским топотом.

— Пока я буду разговаривать с Намичем, мои джигиты останутся здесь! — сказал, кивнув на ворота, Спитамен начальнику стражи. — Пока можете отправляться в харчевню, они посторожат!..

К нему подвели Карасача, он ласково погладил его по шее и сел в седло.

Жители Мараканды переполошились, увидев бешено скачущих по улицам конников, бросились кто куда, вбегали во дворы, запирали ворота, но в конце концов разобрались, что прибыли свои, и не кто-нибудь, а Спитамен с войском.

Ворота цитадели были отворены. Пять всадников стремительно пересекли площадь и, не успели привратники скрестить на их пути длинные копыта, как они уже влетели в подворотню. Снующая по двору челядь разбежалась. Всадники осадил коней у веранды дворца. Бросившиеся к ним стражники узнали Спитамена и его друзей, которые тоже не раз тут бывали, растерянно затоптались на месте. Спитамен спрыгнул с седла, передал одному из них повод коня:

— Отведи к коновязи да не забудь напоить, накормить!

Остальные поступили так же.

Затем проследовали по длинной галерее, громяхая сапогами, к главному залу, где Намич обычно принимал послов. Стоящие у двери стражники не посмели их задерживать, увидев гневные лица. Толкнув дверь, все решительно вошли в светлую залу. Увидев Спитамена и его ближайших соратников, принимавших участие в аресте Бесса, Намич, восседавший в высоком кресле, очень напоминающем царский трон, замолчал на полуслове, растерянно глядя на везирей, полукругом расположившихся напротив него. Однако тут же за окном раздались голоса начальников охраны дворца. В коридоре послышались шаги и почти тотчас вслед за вошедшими в залу вбежали десятка два телохранителей Намича с обнаженными мечами, готовых по первому же зову Намича наброситься на незваных гостей. Ни Спитамен, ни его друзья на них даже не обернулись.

Намич быстро взял себя в руки и попробовал улыбнуться, поглаживая бородку.

— Почему у вас на лицах такое смятение? Или вы не узнали знаменитого Спитамена, приняв его за нашего недруга?.. — спросил он с наигранной усмешкой у телохранителей. — Спрячьте оружие в ножны и ступайте, нам с полководцем надо поговорить.

И когда телохранители, шаркая сапогами о ковер, удалились за дверь, Намич наклонился вперед, облокотясь левой рукой о колено, а правую положив на рукоять кинжала, и, в упор глядя на Спитамена, спросил:

— Как велите истолковывать ваше столь неожиданное вторжение?

— Мы пришли, чтобы задать вам несколько вопросов, Ваша светлость, — сказал Спитамен как можно спокойнее. — Если позволите...

— Позволяю.

— Не сам ли Анхра — Майнью нашептывает вам что-то на ухо; едва вступив в Мараканду, мы узрели столько странностей...

— Что именно поразило твой орлиный взор? — усмехнулся Намич.

— Неужели наше долгое отсутствие на ваших пирах могло вызвать к нам столь откровенную вашу неприязнь, Ваша светлость, что, разговаривая с нами, вы держитесь за кинжал?

— Буду откровенен с тобой, Спитамен, — произнес Намич, меняя позу и сведя над переносицей кустистые, тронутые сединой брови. — Ты не по-рыцарски обошелся с Артаксерксом. Или забыл, что Ахура — Мазда карает всякого, кто проливает царскую кровь?..

— Вы знаете, во имя чего это было сделано... Но если Ахура — Мазда посчитает, что для спасения Согдианы нужна еще и моя кровь, то я готов принести ее в жертву!..

— Ему виднее, — произнес Намич, глянув в потолок. — Во всяком случае, Искандар Зулкарнайн уже шествует по земле Согдианы...

— Потому я перед вами, Ваша светлость. Двурогий идет сюда. И горе нам, если мы не позаботимся о том, чтобы Мараканда стала неприступной крепостью на его пути.

Намич глубоко задумался, склонив голову на грудь. Везиры его

перестали перешептываться, притихли. Через открытые в сад окна доносился щебет птиц.

— Эх, не думал я, что согдийские предводители столь легкомысленны, — проговорил он. — Искандар при помощи своего отца Бога с невероятной легкостью разбил великую армию Дариявуша... С твоей легкой руки, Спитамен, рассеяны остатки бактрийской армии, которую готовил к сражению Артаксеркс... А ты хочешь испугать самого Искандара со своим жалким воинством.

— Ко мне стекаются люди со всех сторон. У кого нет оружия, те берут с собой топоры, серпы и просто палки. Воинство мое изо дня в день растет. Немало доблестных воинов у Оксиарта и Хориена!..

— Они уже были здесь, — ленивым голосом сказал Намич. — Оба поспешили с воинством в свои замки, которые якобы неприступны. Если это так... — хихикнул Намич, — ...то войско Искандара будет уничтожено у стен их замков, и ему не с кем будет идти сюда.

Для Спитамена этот диалог был неприятной неожиданностью. Он возлагал немалые надежды на Оксиарта с Хориёном. А они покинули Мараканду, побывав тут раньше его. У них с Намичем, наверное, состоялся такой же разговор. Понять их можно. Замки обоих на пути у Искандара, а там их семьи, близкие... Если бы Намич принял твердое решение оборонять Мараканду до последнего, то полководцы перевезли бы сюда свои семьи. И одно это вынудило бы их сражаться, не щадя себя.

— Мне понятен ваш замысел, Ваша светлость... Вы хотите открыть врата дэву, который предаёт огню наши священные книги.

Намич опустил глаза и после долгой паузы тихо проговорил:

— Во имя спасения Мараканды...

Датафарн, сделав шаг, встал рядом со Спитаменом и сказал:

— Вы пожалеете, Ваша светлость.

— Одного желаю: чтобы Мараканда не обратилась в пепел. Сын Бога снисходителен к покорным. Я надеюсь, мы решим вопросы миром...

— Ваша светлость, такие важные вопросы надо было решать на совете, собрав всех предводителей Согдианы!.. — резко произнес

Спитамен, не скрывая более гнева.

— Я посылая за предводителями гонцов. Большинство из них были здесь... А вас они не застали в ваших землях. К тому же мне стало известно, что отдельные ваши отряды совершают разбойничьи налеты на когорты Искандара. Вряд ли он за это пощадит вас. А заодно может свой гнев обрушить и на тех, кто принимает вас в своем дворце...

Это был недвусмысленный намек на то, чтобы Спитамен с товарищами как можно скорее покинули Мараканду.

Спитамен смотрел на правителя исподлобья, на скулах его вздулись желваки. «Не пронзить ли, выхватив меч, этого предателя и труса?..» На плечо ему легла чья-то рука, и он, вздрогнув, встретился взглядом с Датафарном. Позади дышат прямо в затылок Зурташ и Тарик. Они всегда рядом, когда близка опасность. Шердор в течение всего разговора стоял, не поднимая головы. Не хотел, чтобы правитель узнал его, бедного художника, которого он выдворил из дворца за то, что он нарисовал его дочь... Теперь его приблизил к себе Спитамен. Отныне рука его владеет мечом не хуже, чем кистью.

Наконец Спитамен оторвал глаза от Намича и обвел взглядом его сановников:

— Позор вам всем, — негромко произнес он, решительно повернулся и направился к выходу.

Блаженный и царь

После свершившейся над Бессом экзекуции Александр предавался дня три размышлениям, попивая сладкое и густое, как мед, вино из местных сортов винограда. Не из этих ли мест доставил лозу к себе на родину Дионис, чье имя славят до сих пор во время пиров благодарные греки...

Воинам было обещано, что после того, как цареубийца будет наказан, Александр сразу же поведет их обратно в милую сердцу Македонию, где их заждались истосковавшиеся по ним жены, у многих распрощались с этим светом родители, так и не увидев перед смертью сыновей, а дети настолько подросли, что вряд ли отцы

узнали бы их, встретив вне дома. Да и у жен, поди, прибавилось морщин, а большие, как маслины, глаза утерjali прежний блеск...

Обещание, данное царем, это не слово, случайно оброненное простолюдином. И потому боролись в нем ныне два чувства — желание не уронить царскую честь и соблазн с легкостью завоевать Согдиану, захватить Мараканду, где, по его сведениям, накоплены несметные богатства, а женщины поразительно красивы. Говорят, что в Согдиане разводят крылатых коней, умеющих летать. Недавно Александру попалась старая книга какого-то китайского автора. В ней рассказывалось, как некий император страстно возмечтал занять упряжку неземных коней, способных доставить его на небеса. Тогда император смог бы утвердить свою божественность и обеспечить себе бессмертие.

Небесным коням, «потеющим кровью», посвящались поэмы.

Коней небесных род начался

в стране Юэчжи в пещерах.

На спинах у них как у тигра узор,

с драконьими крыльями тело.

И послал император послов в страну Юэчжи, где, по его сведениям, у подножья Небесных гор, у истоков великих рек, устремляющихся в Западное море, паслись табуны божественных коней...

Местные жители с радостью принимали послов, раскладывали перед ними товары своей страны, предлагая начать торговлю, одаривали подарками. Но несмотря на дружелюбное отношение местных правителей и всего населения, посол не сумел выполнить главное поручение императора. Крылатых коней ему не дали. А лишь предложили повезти с собой на родину семена травы «мусу» — люцерны: дескать, кормите этим своих коней, и они станут быстрыми и сильными...

Крылатых коней Александр еще не видел, но согдийцы все сидят на прекрасных конях, красавцах с длинными и тонкими ногами и гибкими шеями...

Согдиана по сути не имеет настоящей армии. Лишь какие-то разрозненные отряды, возглавляемые кое-кем из согдийской знати.

Ну, как тут повернуть назад, когда лишь осталось протянуть руку? А разве его воинам будет в тягость, если их переметные сумы потяжелеют еще немного от добытого ими золота?..

К исходу третьего дня, когда солнце еще не успело скрыться за окоем земли, а луна уже поднялась из-за другого ее края, Александр позвал к себе ближайших сподвижников.

Вскоре все они высыпали из хижины, охраняемой аргираспидами, громко разговаривая, как бы продолжая незакончившийся у царя совет. И, разойдясь, поспешили к месту стоянки своих отрядов. На вопросы встречных отвечали: «Идем на Мараканду!.. Завтра выступаем на Мараканду!..» Одни произносили это торжественно, вскидывая над головой кулак, у других же в голосе сквозили уныние и разочарование.

С быстротою молнии распространилось по Согдиане известие о том, что войско Искандара, уподобясь всесокрушающему селю, движется в сторону Мараканды. Разбросанные по всему междуречью селения и города напоминали потревоженные ульи. Передавались из уст в уста вести одна страшнее другой, ввергающие многих в панику. Впереди вражеского войска, намного его опережая, летели слухи о заживо погребенных и повешенных вдоль дорог непокорных согдийцах, о сожженных дотла кишлаках и вырезанных жителях, о забитых до смерти старцах и наколотых на копыя младенцах, о сошедших с ума женщинах... Но среди обывателей встречались и такие, кто, оглядевшись по сторонам, шептал соседу на ухо: «Искандар не так уж жесток, как о нем толкуют. Он милостив к тем, кто признает в нем не врага, а своего царя. В конце концов какая нам разница — Дариявуш, Артаксеркс или Искандар?! А тех, кто отворяет перед ним двери своего дома, он щедро одаривает золотом!..» Много всяких распространилось слухов, часто противоречащих друг другу. Конечно, не обходилось тут и без лазутчиков македонского царя. Вознамерясь покорить то или иное племя, он сначала посылал на их земли «длинные языки», одни из которых распространяли слухи, способные посеять ужас, а другие рассказывали о благородстве

македонского царя, чтобы жители крепостей еще могли уповать на спасение. Но и те, и другие внушали мысль о непобедимости Искандара Великого, которому предназначено владеть миром, ибо он — сын Бога.

Оксиарт и Хориён, поторапливая усталых коней плетями, ехали рядом, но лишь изредка перебрасывались короткими фразами. На душе у обоих было тягостно, каждый думал о своей семье, детях. Куда их увезти, где для них найти укрытие? Наверное, нет более надежного места, чем замок на скале. Хориён лишь отдохнет немного у Оксиарта, даст передохнуть коню и сразу же отправится в путь. Ему до собственного замка еще два дня пути на северо-запад. Он, не откладывая, перевезет семью к Оксиарту. В такую страшную пору им, двоюродным братьям, лучше держаться вместе.

Только бы успеть добраться до замков раньше Двурогого дьявола. Ведь они оставили там основную часть своего воинства. Там и запасы провизии, воды. Только бы успеть!.. Отправляясь в Мараканду на переговоры с Намичем, они взяли с собой — ездить в одиночку стало опасно — лишь по дюжине воинов. Зато каких!.. Каждый троих стоит. Когда слышишь за спиной голоса таких молодцов и топот их коней, на сердце спокойнее. Воины Оксиарта и Хориёна давно подружились, ехали вперемешку, но тревога их предводителей, видно, передавалась и им, они тоже больше помалкивали. Дорога была непривычно пустынной. Редкий всадник или арба попадались навстречу...

Уж лучше бы они не ездили к Намичу. Их предложение объединить силы совместно и выступить навстречу Искандару правителем было воспринято так, будто они преследуют корыстные интересы: мол, обеспокоены судьбой собственных замков, расположенных на пути врага, вот и просят подмоги. Похоже, Намич и вовсе не собирается оказывать сопротивление. Уехали, рассорившись с ним, отчего на сердце стало еще тягостнее. А внутри будто огонь, и его не может загасить прохладный встречный ветерок, дующий с гор...

Странное безлюдье вокруг. Даже птиц не видно. Будто все живое

попряталось от надвигающейся грозы. Только топот копыт, пофыркивание коней, звяканье сбруи и оружия нарушают тишину. Дорога все более забирала вверх и вскоре пошла большими плавными зигзагами, ведя к перевалу. Стало холодно, и воины набросили на плечи накидки из овечьих шкур. Только бы успеть!..

Но не успели.

Въехав после трехдневного пути на перевал, они заметили над замком поднимающийся к небу черный столб дыма. Это был знак тревоги, знак печали, знак предупреждения об опасности. Самого замка еще не было видно. За дальним лесом, покрывшим густой темной щетиной покатую гору, показались лишь зубцы двух его башен. Но Оксиарт уже понял, в чем дело. Он впился зубами в кулак, чтобы не взвыть и не послать проклятья небу. А Хориён глухо выдохнул: «О Создатель, помоги!..» — и, кажется, всхлипнул.

Они свернули с дороги и пустили коней галопом прямо через лес известной им тропинкой. Ветви уже сбросивших листья деревьев хлестали по лицу, рвали, цепляясь, их одежду. Лес расступился, они вынеслись на поляну и осадил храпящих коней. Бурая гора, на которой серым монолитом возвышалась скала, венчаемая, словно короной, пятибашенным замком, была облеплена вражьиими воинами, как основание улья пчелами. У водопада, под оголенными кронами чинар белели шатры. Один был поболее, над ним развевался голубой стяг. К нему то и дело подъезжали всадники, а затем стремглав уносились.

Оксиарт и Хориён посмотрели друг на друга. Что делать?.. В воздухе закружились большие хлопья снега.

Оксиарт вынул до половины меч из ножен и долго смотрел на него, словно желал убедиться, что он достаточно прочен и остер.

— Если подберемся к ним вон тем оврагом... — показал он рукой на промытое водой сухое русло, наполняющееся водой лишь в период таяния снегов и ливней, — и неожиданно ударим, то сможем пробиться к воротам. Нам их откроют...

— А воины Искандара, держась за хвосты наших коней, ворвутся вместе с нами в замок, — сказал Хориён и вздохнул. — Видать, нам не обойтись все же без Спитамена...

— Нет, ни за что!.. — резко сказал Оксиарт. — Разве не по его вине враги уже здесь?.. Артаксеркс, каков бы он ни был, имел под рукой армию, которая была раза в три сильнее, чем мы сейчас!..

— Пойми, брат, не время нам сводить друг с другом счеты. О поступке Спитамена ведаёт Ахура — Мазда, пусть он и судит... Врозь нам Двурогого не одолеть. Надо послать гонца к Спитамену. И чем раньше, тем лучше. Я сейчас же отправлюсь за своей дружиной...

— Наверное, ты прав, — глухо произнес Оксиарт. — Другого выхода, похоже, нет... Однако, по крайней мере, надо дать знать моим в замке, что мы поблизости, и как только прибудет подкрепление, мы пробьёмся к ним. Это придаст им мужества. Только бы продержались...

Оксиарт махнул рукой воину, к седлу которого была приторочена величиной с ящик клетка из ивовых прутьев. Тот поддал пятками в бока лошади и подъехал.

Оксиарт вынул из внутреннего кармана калам и кусочек тонкой, как шелк, кожи. Подышал на покрасневшую от холода руку и, слюнявя кончик калама, вывел несколько слов. Подъехавший воин уже извлек из клетки голубя и держал наготове. Оксиарт надежно привязал письмо к лапе птицы, взял голубя, прижал на мгновение к щеке и подбросил высоко вверх. Голубь захлопал крыльями и взмыл в белесое небо, прежде чем взять направление в сторону замка...

Этим варварам, кажется, и вправду помогает их Бог. Пока Александр готовил своих воинов к штурму замка, повалил снег. За одну ночь его намело столько, что в ущелье кони проваливались по брюхо. Это обеспечивало варварам обилие воды, а македонцам затрудняло подступы к стенам замка. К тому же Александру было известно, что туда навезли съестных припасов с расчетом на длительную осаду. Перебежчики из местных сообщили также, что в замке находятся семьи видных согдийских предводителей Оксиарта и Хориёна. Особенно расхваливали на все лады дочь Оксиарта, мол, другой такой красавицы не сыскать. «Что ж, увидим, так ли это?..»

И когда к Александру приводили очередного перебежчика или

пленного на допрос, задавая прочие вопросы, он не забывал спросить:

— А действительно ли так хороша дочь Оксиарта?..

— О да, великий царь, она с легкостью могла бы затмить луну!..

— Если все то, что я о ней слышал, верно, то она, пожалуй, достойна стать моей наложницей, — смеясь, заметил царь.

— О великий царь, она не из тех, кто может разделить с кем бы то ни было ложе без благословения отца!..

— Даже со мной?..

— Даже с вами, великий царь.

— Ха-ха-ха!.. — хохотнул царь. — Видно, мне придется позаботиться о том, как бы не испортить отношений с ее отцом! Так, что ли?..

— Это дело Вашего величества, — склонился в низком поклоне пленный, прижав к груди руки.

Царь, откинув полог, вышел из шатра.

— Коня!

Однако дорога вела вверх слишком отвесно и была занесена глубоким снегом. Верхом он преодолел лишь половину пути до замка. Небо очистилось, и ярко светило солнце. Он из-под руки оглядел стены замка, казавшиеся неприступными. Между высокими зубцами стояли наготове воины. По тому, как за человеком в голубом плаще следуют, едва поспевая, телохранители и свита, они, наверное, поняли, что это царь. Оставив коня, он далее направился пешком, проваливаясь по колено в снег, а местами и по пояс. Прежде чем двинуть войско дальше, к Мараканде, он должен во что бы то ни стало взять этот замок, который может стать оплотом для согдийцев, если им вдруг придет в голову восстать против него. Отдельные их разбойничьи отряды и так не дают ему покоя.

Рядом с Александром упала стрела и исчезла в снегу. Александр остановился, слыша, как тяжело дышат за спиной телохранители. Коль стрела долетела, голос долетит тем более.

— Эй, вы!.. — крикнул царь, сложив ладони рупором. — Я великий царь Александр, сын Зевса!.. Хорошо ли вы слышите меня?

— Слышим тебя, как самих себя! — крикнули со стены. — В гости мы тебя вроде бы не звали. Что тебе надо?

— Предлагаю вам сдать замок без боя. Даю царское слово, что все воины, скрывшиеся за этими стенами, вернутся домой к своим семьям здоровыми и невредимыми!..

Послышался хохот.

— Мы знаем, чего стоит твое царское слово!..

— В таком случае мы пойдем на приступ и тогда не ждите пощады!.. — погрозил кулаком Александр, раздраженный высокомерием варваров.

— Давай, давай!.. — хохотали на стене. — Поищи-ка крылатых воинов!..

— Докажи-ка, что ты сын Бога!.. Обыкновенным людям нашей крепости не взять!..

Александр стоял взбешенный. Он сгреб полную пригоршню рассыпчатого снегу и провел им по лицу. «Пеняйте на себя...» — пробормотал он и стал стремительно спускаться. За ним толпились телохранители, оскальзываясь и падая, вновь поднимаясь; они старались держать щиты так, чтобы, если им вдогонку полетит стрела, она не задела царя.

Остальную часть пути Александр проехал в седле.

Возле шатра его ждали полководцы. Схватили за уздцы оскалившего зубы коня, который по брюхо был в снегу, словно в белых штанах. Спрыгнув с седла, Александр сказал:

— Сегодня же идем на приступ!.. Объявите воинам: кто первый взойдет вон на ту скалу, что возвышается над стеной, получит в награду двенадцать талантов⁷⁸, второй десять, третий — восемь!.. Даже тот, кто взберется на нее последним, тоже будет вознагражден, получит триста дариков⁷⁹ ...

— Великий царь, это невозможно. Смотрите, скала обледенела, — попытался возразить Кратер.

— Невозможно? — возмутился Александр. — Для сына Зевса нет ничего невозможного. Прошу в шатер!.. — пригласил он всех жестом к себе. — Я вас сейчас научу, как это сделать.

⁷⁸ Талант — весовая и денежная единицы. Аттический серебряный талант состоял из 60 мин и весил 26,2 кг.

⁷⁹ Дарики — персидские деньги, выпущенные Дарием I.

...К вечеру были отобраны воины, привыкшие во время осад карабкаться по скалам. Их набралось около трехсот. Они заготовили небольшие железные костыли, с помощью которых закреплялись края палаток и шатров. Они предполагали вколачивать их в тех местах, где снег слежался и превратился в лед, а где снега не было, прямо в скальный грунт. К железным костылям привязали прочные льняные веревки. И как только стемнело, эти воины подобрались к самой отвесной и потому не охраняемой стороне скалы. Самые отчаянные начали карабкаться первыми. Они вбивали костыль за костылем, по свисающим вниз веревкам взбирались остальные. Им было легче, на двенадцать талантов они и не рассчитывали. Время от времени кто-нибудь срывался и летел вниз, шмякаясь об уступы, бухался в снег. Даже падая, они не подавали голоса, ибо царь приказал молчать, если кому суждено погибнуть. Пока добрались до вершины, погибло около тридцати человек. Тела некоторых из них не нашли.

Едва забрезжил рассвет, Александр вышел из шатра, набросив на плечи теплую стеганую накидку из верблюжьей шерсти. На вершине скалы он увидел своих воинов, казавшихся отсюда с маковые зернышки. Как и было им приказано, они размахивали белыми платками в сторону македонского лагеря. И тогда Александр незамедлительно послал к замку глашатая и велел ему крикнуть варварской страже, чтобы не тянули дальше, а сдавались, потому что нашлись-таки у сына Бога крылатые воины и уже заняли вершину скалы, которая повыше стен их крепости; им ничего не стоит слететь оттуда прямо на площадь в середине замка. И глашатай показал на вершину скалы, ее только что коснулся первый луч солнца.

Защитники замка и в самом деле увидели на скале воинов Искандара и были потрясены...

Хориён покинул Оксиарта и вернулся с войском, состоящим из пяти сотен, через трое суток. От Спитамена вестей все еще не было. До его замка четыре дня пути. А сейчас, когда горные дороги занесло снегом, может статься, и за пять гонец едва доберется.

Хориён привез теплые вещи и шатры. В Мараканду они

отправлялись в теплый погожий день и никак не предполагали, что в конце весны вновь возвратится зима. Правда, высоко в горах погода всегда была изменчива.

Они расположились в лесу и даже не зажигали костров, дабы наблюдателями Искандара не было замечено их присутствие. Чтобы согреться, приходилось больше двигаться. А на ночь влезали в мешки из мягкого войлока.

На рассвете восьмого дня, когда уже вот-вот должен был прибыть Спитамен с войском или, по крайней мере, прислать какую-то весть, Оксиарт, выйдя из шатра по нужде, вдруг увидел на вершине зависающей над замком скалы вражеских воинов. Первой мыслью было: померещилось. Он глотнул комок снега, протер мокрыми руками глаза. Да, там в самом деле враги. Он почувствовал слабость в коленях.

— Брат!.. — позвал он севшим голосом. — Плохи наши дела!..

Хориён быстро вышел, натягивая стеганый халат. Солнце уже высветило вершину скалы. Сомнений не было, там находились враги.

Они подавали своим, находящимся внизу, какие-то знаки, махали платками.

— Он или в самом деле сын Бога, или дьявол... — проговорил Хориён.

— У нас больше нет времени ждать Спитамена. Прошу тебя, давай совершим налет вон на те шатры. Этим мы вынудим безумцев слезть со скалы.

— Нельзя, брат, нашим семьям мы нужны живыми. Давай подождем.

Оксиарт согласился. Но с этой минуты он не уходил в шатер, глаз не сводил со скалы, всегда казавшейся ему верной защитой замка и так коварно обманувшей. Но где же Спитамен? Куда он запропастился?..

Ближе к вечеру, когда основание горы окутала синева сумерек, а замок еще сиял в лучах солнца, как розовый топаз, с башни неожиданно раздались звуки карная, ворота открылись, из них вышли десятка два мужчин с широкими деревянными лопатами и принялись расчищать дорогу от снега. И тут же снизу цепочкой,

держась друг за дружкой, потянулись к замку конники Искандара.

— О Всевышний, что они творят?! — схватился за голову Оксиарт.

Выбежавший из шатра Хориён долго смотрел на замок, к которому медленно приближалась четко различимая на снегу цепочка врагов, и вместе с ними снизу наплывала тень.

Оксиарт схватился за сердце, громко застонав, покачнулся. И упал бы, не подхвати его Хориён. Подскочили еще трое воинов, держа Оксиарта под руки, повели в шатер.

Спустя четыре дня вернулся гонец, которого посылали к Спитамену. За это время он ни разу не правил бороды и так оброс, что друзья узнали его коня раньше, чем самого. У него был жар, глаза ввалились и лихорадочно блестели. Он с трудом сполз с седла. Едва волоча ноги, направился к шатру, где лежал Оксиарт. Поздоровался, приложив руку к груди, и сказал:

— Мне не удалось найти Спитамена, мой господин. В замке нет ни его самого, ни его семьи...

— Так где же его носит?.. — хрипло вскричал Оксиарт.

— Никто этого не знает. Он совершает налеты на отряды македонян, которых Искандар разослал во все стороны собирать провизию и фураж для коней, и, как рассказывают люди, не задерживается на одном месте более трех дней.

— Почему бы ему не прийти сюда, где главные силы врага!.. — в сердцах воскликнул Оксиарт и сильно закашлялся.

— Успокойся, брат, — сказал Хориён. — Думаю, мы поступим благоразумнее, если теперь сами примкнем к его войску...

— Тебе легко говорить!.. — закричал Оксиарт, побагровев от гнева. — А мне каково, когда в когтях у дьявола моя семья... Моя любимая дочь!.. — и он закрыл лицо руками, чтобы никто не видел наворачнувшихся ему на глаза слез. — Если даже ты меня покинешь, брат, я сам буду воевать с Двурогим... я вызову его на поединок... я его назову трусом, если он не согласится...

— Мой господин, у меня есть и другая новость для вас, —

проговорил гонец и надолго закашлялся, прежде чем смог продолжить: — Я не хотел говорить, ибо не знаю, можно ли в это поверить... Встретилась мне по дороге группа людей. Мы присели у родника, чтобы подкрепиться, чем Бог послал. Разговорились. Они, оказывается, из вашего замка...

— Да?.. — взревел Оксиарт, округлив глаза. — Почему же ты их не притащил сюда, чтобы я поотрезал им головы?

— Мой господин, если то, что они мне сказали, — правда, то вы, следуя обычаю, должны были бы скорее вознаградить их за добрую весть.

— Не хотят ли они преподнести сдачу моего замка на милость победителя как добрую весть?

— Мой господин, они сказали мне... — воин опустил глаза, словно не решаясь говорить.

— Ну, чего ты тянешь? Говори!.. — бросил с раздражением Оксиарт.

— Они сказали мне, что Искандар... Как только он увидел Равшанак, то едва умом не тронулся. Он умоляет ее стать его женой. А она же без вашего, отца своего, благословения не может дать согласия... Искандару известно только то, что вы отбыли в Мараканду. И он, в шутку ли, всерьез ли, якобы сказал: «Я незамедлительно выступлю в Мараканду, чтобы поскорее познакомиться с отцом Равшанак!..» Он берет в плен сотни и тысячи могучих батыров, а ваша дочь, выходит, пленила его самого...

Хориён прыснул и мотнул лохматой головой:

— Чужь какая-то, не может этого быть...

— Почему не может быть? — глаза Оксиарта неприязненно сверкнули, но он тут же снисходительно улыбнулся: — Очень даже может. Моя Равшанак так хороша, что способна очаровать не только царя, а и самого дьявола.

— Не будь столь легковерным, брат. Может, Двурогий готовит тебе ловушку, будь осторожен...

— Я сегодня же пошлю в замок верного человека, — сказал Оксиарт и сел; к лицу его прилила кровь, бледность исчезла, а в глазах появился живой огонек. — Пусть разузнает все. Если правда

то, что рассказал мой гонец, то я и за тебя, брат, замолвлю перед Искандаром словечко...

Хориён насупился и опустил голову. Затем сказал, не глядя на двоуродного брата:

— Не знаю, как бы я себя вел на твоём месте. Может, не более достойно... Но пока Ахура — Мазда меня милует, и семья моя в моем замке. Так что у меня нет надобности идти на поклон врагу.

— Думаешь, он не доберется и до твоего замка?

— Когда доберется, тогда и посмотрим...

— Гляди, как бы не было поздно, брат, — сказал Оксиарт и знаком дал гонцу понять, что тот свободен. — Пришли ко мне Бабаха. Срочно!.. — бросил вслед ему.

И когда в шатер, колыхнув пологом, скользнул, словно тень, Бабах, высокий и сутуловатый от привычки стоять перед господином полусогнутым, Оксиарт щелкнул пальцами и сказал:

— Настал момент, когда нам могут пригодиться твои способности: просачиваться, как вода, сквозь щель, красться бесшумно, как дуновение ветра, а при надобности исчезать, словно дым...

Покрытое сеткой мелких морщин лицо Бабаха разгладилось, осветившись улыбкой:

— Приказывайте, господин, я все исполню.

— Как только стемнеет, проберешься в замок. А на рассвете я жду тебя с вестями... Надеюсь, понял, что меня больше всего интересует?..

— Да, господин, — склонил голову Бабах, прижав к груди руки. — Я узнаю не только о намерениях Искандара относительно вашей дочери, но и насколько он искренен в своих чувствах.

— Подслушивал наш разговор, пройдоха? — погрозил ему пальцем Оксиарт.

— Я только что вернулся с охоты, господин, и принес газель. Ее уже разделяют. А мысли ваши я читаю по глазам, господин...

— Ступай.

* * *

Казалось, давно в Мараканде не было так людно. Улицы забиты народом, как по большим праздникам. Толпы разряженных горожан медленно движутся к воротам. Огромные массы людей уже высыпали за ворота, наиболее нетерпеливые следуют далее по дороге, вьющейся, убегая вдаль, среди холмов и исчезающей за купами деревьев, над которыми висит желтое облако пыли. На надвратной башне, не переставая, рокочут карнаи, залихватски визжат сурнаи, громяхают огромные, с человеческий рост, бубны. В городе закрыты торговые ряды и лавки. И стар и млад направляются за пределы города, чтобы встретить великого Искандара. Бросить цветы под копыта его коня, устлать ими его дорогу. Так приказал Намич. А если бы не приказал, все равно нашлись бы охотники. Среди согдийских аристократов было немало таких, кто был искренне рад приходу Искандара, избавившего их от гнета персов, не раз жестоко подавлявших выступления согдийцев против них. Да здравствует Свобода! Долгой жизни Искандару! Теперь они будут избавлены от непомерных налогов, пошлин, штрафов, которыми облагали их чиновники Дариявуша. Всюду, куда ни повернешь, были хозяевами персы. Сарбазы, следящие за порядком в городе, — персы, казии — персы, правят торговлей на базаре — персы. Согдийцы в своем доме не чувствовали себя хозяевами. Их уделом было только пахать землю и выращивать скот, поставлять хлеб, фрукты и мясо для персидского стола... А теперь персы исчезли из города неведь куда, как мухи с наступлением холодов. А улицы заполнили согдийцы. Да здравствует Свобода! Долгой жизни Искандару!

Намич в сопровождении свиты, выряженной в парчу и золото, выехал за ворота. Сам держит в поводу белого, как снег, коня, предназначенного для подарка Искандару. Именно таких коней называют «небесными». Рассказывают, что на скаку они раскидывают невидимые глазу крылья и летят; седок даже не ощущает седла под собой. Белый конь под золоченой попоной фыркает, раздувая ноздри, и бьет копытом.

Чернь высыпала на площади, куда были выкачены бочки с мусалласом. Пей, веселись! Нынче праздник. И чернь веселилась

вовсю — танцевала, пела.

Прежде они жили, как птица в клетке. А ныне дверцы клетки настезь и манит свобода, и пугает...

Идет Искандар, сын Бога! Он пришел из тех краев, откуда и ветер вряд ли долетит. Говорят, он ослепителен, как Солнце, великолепен, как Сиявуш.

— Эй, блаженный, куда ты? Неужто и ты навострился встречать Искандара? Уж не думаешь ли, что сына Бога может заинтересовать тот вздор, что ты несешь?..

Дариёд рванулся, но не тут-то было, затрещал рукав. В него вцепился один из зевак, которого он часто видел на площади среди собравшихся послушать его дастаны или притчи и остроты, вызывающие взрывы хохота.

— Глупец и в изречениях мудрецов не находит ничего, кроме вздора, а умный и в рассуждениях глупца отыщет здравый смысл, — отвечивал Дариёд, сердито глянув на того из-под седых бровей. — А ты, судя по всему, решил: отныне калачи будут раздавать бесплатно!.. Пусти, что ты вцепился, как клещ?.. — и, вырвав руку, Дариёд заспешил дальше.

Мимо, обгоняя, спешили те, кто помоложе и проворнее, на ходу переговаривались:

— С башни уже видно воинов Искандара!..

— Идут!..

— Конец владычеству персов!..

— Говорят, Искандар женился на согдийке.

— Я тоже слышал. Говорят, девушка так красива, что он не захотел унижить ее, сделав наложницей. Пришлось жениться, соблюдая все обычаи...

— Чему радуетесь, глупцы? Мало кишлаков наших он уже сжег?.. — бросил вслед молодым джигитам Дариёд.

— Там не пожелали его власти, захотели остаться верными персам! — огрызнулся один из них.

Македоняне бесконечным потоком двигались по дороге, словно

по руслу. Топот копыт сливался в сплошной гул. Над степью, повторяя изгибы дороги, как гигантский рыжий дракон, зависло облако пыли. Александр ехал шагах в пятидесяти впереди. За ним шествовала, сверкая латами, его агема. У стен Мараканды царь увидел скопление народа. Он был уведомлен, что жители этого сказочно прекрасного города ждут его чуть ли не с распростертыми объятиями, и поторапливал коня. Навстречу выехала небольшая группа конников. Они приближались медленно, наверно, чтобы не слишком пылить. Безоружные. Одежда на них богатая, расшитая золотом, так и сверкала на солнце. Возглавлял группу пожилой седобородый мужчина, превосходно для своих лет державшийся в седле. Он был в бежевом халате из китайского шелка, на голове такого же цвета лихо заломленный островерхий колпак с белым пышным пером впереди, прикрепленным рубиновой брошью. Наверно, это и есть Намич. Сам едет на сером коне в яблоках, в поводу ведет белого, с гибкой шеей, удивительно красивого...

Александр натянул поводья и вскинул вверх руку. Агема позади остановилась. Послышались голоса команды, уносящиеся все дальше, вдоль вытянувшегося до самого горизонта войска.

Намич спешил. Его примеру последовала вся свита. Правитель передал поводья обоих коней подбежавшему сановнику и направился навстречу царю, зорко в него вглядываясь, хотя еще не мог различить очертаний его лица. Одет был Искандар по-восточному. Значит, правду говорят, что в его придворный ритуал давно проникли восточные элементы. Царь стал носить персидские одежды и пригласил персов в охрану. Даже способ, каким его теперь подсаживали на коня, был заимствован у персов. И вообще он, видать, чувствовал склонность к образу жизни персидских владык. А в последнее время ввел для своей свиты обряд коленопреклонения с последующим поцелуем руки или края одежды, что у них называется проскинезой. Такой обычай в Македонии не был принят, и это, говорят, вызвало сильное раздражение в близких царю кругах.

Намич заметил жесткое выражение лица царя и, не дойдя до него нескольких шагов, поспешил опуститься на колени и коснулся лбом дорожной пыли. Точно так же поступили его сопровождающие.

К Искандару подбежал один из телохранителей и опустился на четвереньки подле его коня. Царь спешил, ступив ему на спину. Он медленно подошел к Намичу и, взяв за плечи, велел подняться. Правитель Мараканды подчинился. Однако не посмел отряхнуть колен и поднять голову, чтобы взглянуть в глаза царю, словно их блеск мог ослепить.

— Добро пожаловать, великий царь Искандар, сын Бога! Жители Мараканды славят ваше имя за то, что вы освободили их от персидского ига!.. — произнес Намич дрожащим, но четким голосом.

— Покорность ваша и верность будут мной оценены, — сказал Искандар.

Намич обернулся и сделал знак своим, все еще стоявшим на коленях. Те поднялись. Из-за их спин вывели белого, словно облако, коня и подвели к царю.

Пройдя с войнами полмира, немало великолепных коней перевидал царь. Но этот был столь прекрасен, что глаза его засверкали от восторга, а уста смягчила улыбка. Белый конь — знак добра. Царь провел рукой по его гриве и обернулся к правителю Мараканды, чтоб поблагодарить. Но тот стоял, прижав руки к груди и вперив взгляд в землю, всем своим видом выражая покорность. И царь промолчал — дабы не возомнили варвары, что чем-то можно поразить его воображение.

Искандар вступил в Мараканду ровно в полдень. Едва он миновал полутемную и длинную, как тоннель, подворотню главной въездной башни, под ноги его коня полетели цветы. Народ приветствовал царя. Намич ехал слева от него, чуть приотстав. Сарбазы пытались впереди навести порядок; они охрипли от криков, пинками и при помощи щитов расталкивали запрудившую улицу толпу, в которой перемешались и богато одетые аристократы, и нищие в рубище, прижимали людей к стенам домов древками копий. Богачи и бедняки, быть может впервые оказавшиеся в такой близости, что смешивались благовония и запах пота, протягивали руки, пытаясь коснуться одежд царя и приветствуя его криками: «Слава Искандару — у!.. Слава освободителю — у!..»

Царь улыбался и, глядя по сторонам, величественно кивал. А

следом на потных, покрытым слоем пыли конях двигалась его агема, окованные в латы телохранители, с виду свирепые еще и потому, что у многих были обезображены шрамами лица. И не потрудись хорошенько горластые сарбазы, не один из восторженно орущих горожан попал бы под копыта их коней и был смят.

«Слава Искандару Великому!...»

Однако, проезжая через площадь, посреди которой возвышался Храм Огня, Александр вдруг обратил внимание на скопление людей, которые, чем-то увлеченные, стояли под огромной шелковицей к нему спиной и словно бы не замечали следующего мимо царя. Задетый за живое Александр поворотил коня в ту сторону. Сарбазы кинулись было разгонять непочтительных, но царь сделал им знаки, и они остановились в растерянности. Лишь те, кто стоял в толпе крайним, заметили появление царя и стали расступаться, а некоторые норовили нырнуть в гущу и скрыться с глаз.

Подле старой шелковицы, изборожденной глубокими продольными наплывами от старых ран, стоял высокий старец в белом хитоне, с коричневым от загара лицом, седая длинная борода его касалась груди, широкой и сильной, какая бывает у гимнастов. О чем же говорил этот старик людям, которые слушали, глядя ему прямо в рот и позабыв обо всем на свете? Те, кто был к нему поближе, сидели прямо на земле, задние стояли. А кто оказался дальше всех, приподнимались на цыпочки, вытягивали шею.

Александр слез с коня, решив узнать, что за старик. И по мере того, как он приближался к нему, толпа расступалась. Вот он остановился лицом к лицу со старцем. Из-под лохматых бровей чуть иронично смотрели ясные глаза. Он чем-то напоминал Александру его учителя Аристотеля, умевшего даже скучную геометрию преподносить так, что заслушаешься. И этот, видно, обладает не меньшим ораторским искусством, ежели способен приковать к себе внимание стольких людей. Наверное, один из местных философов — мудрецов, которыми, говорят, богата земля Согдианы.

— Продолжай, — сказал Александр, несколько покоробленный тем, что старик забыл поприветствовать его; и сложил на груди руки, давая понять, что он весь внимание.

Толмач, следовавший за царем по пятам, перевел старику повеление Александра, которому и в самом деле любопытно было узнать, чем старик так заинтересовал людей, что они предпочли слушать его, тогда как остальной народ встречает великого царя, сына Бога.

Старик пригладил коричневыми ладонями белую бороду и продолжал, глядя мимо царя, адресуя слова свои народу:

— Кто только не приходил на этот свет в одну дверь и не уходил в другую! И великие самодержцы, цари царей, и родовитые аристократы, и именитые ученые, и поэты, и пророки... И даже жизнь такого пехлевана, как Сиявуш, основавшего наш город, сверкнула, точно молния, и угасла. Властолюбцы, желая владеть миром, проливали реки крови, уничтожали под корень целые племена, предавали огню и мечу сказочно — прекрасные города, селения, которых не строили... Но проходило время, и из груды развалин, из гор пепла и золы вновь пробивались живые всходы человеческой мудрости. Люди опять копали арыки, сажали сады, сеяли хлеб, разводили табуны коней. Вновь появлялись на нашей земле кишлаки, которые разрастались и превращались затем в прекрасные города. Жизнь всегда одерживала верх над смертью. Так было, так будет!.. И цари, и нищие в конце концов оказываются рядом, в земной тверди. Имена многих царей давным-давно позабыты. Кто ест — пьет ныне из их золотой посуды, кто надевает их расшитые жемчугом одежды? Кому достались в руки их острые клинки, кому с их помощью еще снесут голову, чью прольют кровь?..

Друзья и братья! Единокровные мои! И те, кто мои дастаны заучивает, как молитву, и те, кто меня, блаженного, не ставит ни в грош!.. Внемлите словам моим, в них вы найдете хотя бы зернышко правды... Все в мире преходяще. Кто вчера был нищим, сегодня может стать пророком. Кто сегодня облачен властью, завтра может стать бродягой. Все в руках Ахура — Мазды... И я, как вы все, появился на свет из человеческого семени. Рос, мужал, набирался сил, но едва стал находить смысл в жизни, познал, что такое любовь, как минули — промчались радостные дни. Мои друзья на пирах при моем появлении поднимали тосты во здравие, а у красавиц загорались

глаза. Когда я играл на таре и пел, соловьи умолкали, вслушиваясь в музыку и мой голос!.. А ныне взгляните в меня! Нет разницы между мной и вон тем старым паршивым псом, у которого тоже теперь уже ни сил, ни крыши над головой... И нечего мне терять, если некто занесет меч над моей головой. И потому слово мое свободно!.. Да не пролетят они, слова мои, мимо вас, как голуби, выпущенные из-за пазухи. Внемлите!..

Дариёд мотнул белой бородой и извлек откуда-то из-под рубища тар, ударил пальцами по струнам и надтреснутым стариковским голосом, звучащим, однако, приятно, запел:

Годы минут, уступив дорогу векам,
Истлеют роскошные дворцы царей,
А слово праведное останется!..

Жизнь одинаково коротка

И у нищего, протягивающего за подаянием руку,

И у властителя, который держит в руке скипетр.

Нищий мечтает разбогатеть,

А властитель — овладеть миром.

Ни тот, ни другой не успевают

Завершить того, что задумали...

Александр слушал, слегка наклонив голову и ухмыляясь краешком рта. Толмач старательно переводил, и порой в глазах его мелькал страх. Как бы не поплатиться головой за то, что язык выговаривает подобные слова, хоть и чужие.

Наконец Дариёд умолк и спрятал тар. Толмач облегченно вздохнул.

Александр бросил горсть золотых монет к ногам блаженного и выбрался из толпы.

Глядя ему вслед, Дариёд подумал, что гроза миновала, что рука, натянувшая тетиву, не спустила нацеленную в него стрелу, а медленно ослабила ее и спрятала стрелу в колчан. Все в руках Ахура — Мазды, подумал старик и провел руками по бороде.

Однако не тут-то было...

Уже после захода солнца Дариёд был разыскан на кладбище, где облюбовал себе место для ночлега в одном из склепов. Стражники

Намича, хотя и не были на этот раз грубы, все же заставили отправиться с ними во дворец, сказав, что сам великий Искандар изъявил желание лицезреть его.

Следуя по узким улочкам, время от времени озаряемым факелами шныряющих по дворам македонян, Дариёд вспоминал о том времени, когда посещал дворец правителя, еще будучи молодым, своими песнями и дастанами услаждал слух отца Намича, а сам Намич в ту пору, наверное, еще писался в бешик...

В просторном дворе цитадели, мощенном квадратными плитами, горели костры, на которых готовили пищу воины Искандара. Некоторые сидели на еще непросохших шкурах забитых быков и играли в азартные игры, метая костяшки.

Дариёда провели по длинной террасе, освещенной факелами, вставленными в бронзовые кольца на опорных столбах, затем миновали галерею с разрисованными стенами, и когда он очутился перед широкой двустворчатой дверью, украшенной такой же резьбой, что казалась изготовленной из деревянного кружева, то она отворилась перед ним как бы сама собой. Перешагнув порог, Дариёд ступил в ярко освещенную залу, где в свое время отец Намича устраивал торжественные приемы и пиры. С тех пор здесь, кажется, мало что изменилось, если не считать, что на великолепном высоком троне восседает не правитель Мараканды, а чужеземец Искандар. А вдоль стен, как и раньше, расположились на мягких подстилках именитые местные сановники. Постланные перед ними дастарханы ломятся от яств.

Перед Искандаром стоит небольшой деревянный инкрустированный перламутром столик. На нем вазы с фруктами, серебряный кувшин с мусалласом и кубок.

Дариёд остановился напротив царя и, сняв засаленный кожаный колпак, обнажил седую голову. Взгляд его вопрошал: «Зачем звал?..»

Царь с любопытством разглядывал его.

— Не понимаю, зачем я, уподобленный мусору под ногами, вдруг понадобился властителю мира, — сказал Дариёд.

Толмач перевел.

Рыжие брови Александра взлетели вверх, он улыбнулся и сказал:

— А я был уверен, что вся твоя жизнь состояла из сплошных неожиданностей и ты уже утратил способность удивляться, блаженный...

— Одно то, что в столь смутное время я все еще живу, не поддается моему разумению, — сказал Дариёд, пожимая худыми плечами. — Если стрелы, выпущенные мергеном, могут пролететь мимо цели, то мои слова если и не убивают, но многих ранят. И многим хотелось бы собственноручно отрезать мой язык, да бояться Ахура — Мазду, который покровительствует блаженным. Вот и в твоих глазах я узрел огонь, который загорается в глазах тигра, когда он подкарауливает у водооя антилопу...

Александр заерзал, его синие глаза хищно блеснули.

— Не слишком полагайся на своего покровителя, блаженный. Он далеко, а я здесь, рядом. Сию минуту ты жив, а в следующую твоя душа уже может быть на пути в мир иной. Верно?

Старик склонил в знак согласия голову.

— Очень справедливые слова изволил молвить ты, великий царь. В глубоком их смысле не усомнится ни один из этих людей, — Дариёд обвел взглядом сановников, устремивших в их сторону взоры. — И в том, что касаются они не только таких ничтожеств, как я, но и вседержителей мира, как ты!

— А ты достаточно велеречив, и ответы твои двусмысленны, — с усмешкой заметил Александр. — У кого ты этому научился?

— Язык любого народа имеет свою мудрость.

— Что кроется за твоими рассуждениями о быстротечности жизни? Решил напомнить *мне* об этом?.. Или тебе известно нечто такое, на что ты намекаешь, чтобы получить вознаграждение?..

— Великий царь, чтобы ребенок не упал в омут или не обжегся головней, ему постоянно приходится напоминать, чтобы он не подходил близко к краю обрыва и не играл с огнем...

— Те, для кого предназначены твои слова, давно вышли из детского возраста.

— Мы — дети Матери — Природы. И лишь тогда повзрослеем, когда сравняемся по мудрости с нею. А возраст человека ничего не значит. Разве мало таких, кто, дожив до преклонных лет, не набрался

ума — разума?.. Если дураком родился простолюдин, то горе ему одному. Но если умом недалек царь, то горе всему народу...

— Мне интересно узнать образ мышления твоего народа. Скажи, блаженный, разве не по воле Всевышнего один родится нищим, а другой получает в наследство власть?

— Всевышний с милосердными милосерден, с жестокими жесток. Да, это он вкладывает в руки человека скипетр власти. Но лишь для того, чтобы тот обрабатывал ниву добра. И он никому не прощает, если кто обманул его надежды, использовав этот скипетр во зло... Ответь-ка, о Великий, где теперь совсем еще недавно сотрясавший мир шихиншах Дариявуш?.. А как кончил свою жизнь властолюбец Бесс?.. Всех, кто прогневит всемогущего Ахура — Мазду, ожидает один конец...

— Мне нравятся твои суждения. Народу твой язык понятен, он внимает твоим словам. Ваш Бог твоими устами учит людей мудрости. И дабы уста твои стали еще красноречивей, ты сможешь их ежедневно подслащать на кухне этого дворца мусаласом и вкусной едой. Соловей после кормежки поет лучше, не так ли?

— И какую плату за это хочет получить от меня царь? — спросил Дариёд, и уста его тронула едва приметная усмешка.

— Ты должен на площадях объявлять сомневающимся, что я — сын Бога.

Дариёд опустил голову и долго молчал. Седые пряди сползли ему на лоб и закрыли глаза. Откинув рукой волосы, он прямо глянул на царя:

— Тебя, о великий царь, воспитывал и учил знаменитый Аристотель, который мудрее многих мудрецов. Немало дал он тебе знаний. Но не учел одного: если знания не сочетаются с милосердием и честью, они человеку только во вред... Скажи, царь, откровенно, во что ты оцениваешь человеческую жизнь?.. Ведь перед твоим жаждущим крови клинком равно беспомощны и старик, и младенец, и многодетная мать, и отец — кормилец, и вельможа, и раб. Так стоило ли для этого учиться у великого Аристотеля?

— Сомкни уста, блаженный, не забывайся!..

— Прости, царь, и не гневайся. Если велишь снести мне голову,

то мир всего-навсего избавится еще от одного убогого болтуна.

— Язык твой чересчур ядовит.

— В правде всегда бывает примесь яда.

— Многие поплатились головами из-за длинных языков.

— На пути к истине головы так и летят, но правда все равно остается, великий царь.

— А ежели велю вырвать твой язык? — Александр побледнел, глаза недобро сверкали, хотя на устах и блуждала усмешка.

— Буду говорить сердцем.

— А вырежут сердце?

— Все равно восторжествует правда.

— Правда — угодливая служанка! — резко сказал царь. — Она на стороне того, у кого сила!

— Правду по-разному понимают, — прижал руку к сердцу Дариёд. — Многие из тех, кому честь не позволяла кривду назвать правдой, предпочитали подставить голову под саблю палача. А льстецы, кляузники, подлецы могли и черное назвать белым, лишь бы есть и пить из золотой посуды. Каждый правитель выбирает окружение по себе...

— Просвещенный правитель приближает к себе просвещенных людей. Потому ты и оказался здесь, лукавый мудрец, — улыбнулся царь, и в его синих глазах мелькнули веселые искорки.

Дариёд опустил глаза и, взявшись рукой за подбородок, постоял какое-то время в задумчивости. Затем глуховатым от волнения голосом сказал:

— В Истахаре сгорела священная книга, написанная золотом и кровью на двенадцати тысячах телячьих шкурах. Сгорела человеческая мудрость, копившаяся на протяжении тысячелетий, а вместе с нею и вера в здравый смысл творимого... Двенадцать миллионов строк корежились в огне, превращаясь в золу, — говорил Дариёд, глядя вдаль, и в его глазах словно отражались отблески костра. — Человек, отдавший приказ все это сжечь, может ли считать себя просвещенным?..

— Эй, стража, заткните ему глотку! — крикнул царь, приподнимаясь с места.

И тотчас Дариёда схватили, заломили за спину руки.

— Правда редко кому приходится по сердцу, — успел он еще пробормотать.

— Прогоните его из города! — приказал царь.

В зале поднялся шум.

— Это мой город, а не ваш, — сказал Дариёд, но его никто не услышал.

Двое стражников, подталкивая старика в спину, уже вели его к выходу...

Занимался рассвет, когда Дариёд медленно брел по безлюдной улице. Прежде в это время горожане спешили на базар. А сейчас пробежала лишь свора бродячих собак да раздались пьяные голоса разгулявшихся чужеземных воинов. Буквально на следующий день у горожан улетучилось приподнятое настроение, улицы и площади опустели, умолкли карнаи, сурнаи, нигде не слышно было смеха. Чужеземцы рубили в садах деревья, чтобы разводить костры. Они разграбили расположенные на площадях торговые лавки, обшарили дома горожан. Едва уходили, набив хурджины, одни, являлись другие. И попробуй сказать хоть слово поперек. А тех, кто пытался им воспрепятствовать, увели из дома, дабы превратить в рабов; девушек — красавиц отняли у родителей, чтобы сделать наложницами...

Все обернулось далеко не так, как предполагали жители Мараканды. Ценностями, имевшимися в городской казне, овладел сам Искандар, не оставив Намичу даже той малости, которая была необходима для содержания дворца и семьи. Правда, пообещал, что Намич останется правителем, как и до сих пор, а когда македоняне справятся с мятежными предводителями родов, то сделает его сатрапом всей Согдианы...

Встреча с царем тугаев

Мараканда с великолепным дворцом, живописные ее окрестности прились Александру по душе, и он решил дать своему войску передохнуть здесь до осени, до похода в Индию. А с приближением

холодов он поведет войско на юг. Вокруг города раскинулись обширные сады, в которых уже зрели ранние фрукты. С трех сторон вдоль горизонта синели горы, преграждающие путь в долину холодным ветрам с севера, а горячим с юга. Густые леса, разросшиеся вдоль Политимета, называемые на местном наречии тугаями, были полны зверья и птиц. А Александр с юности страстно любил охоту.

В один из дней Александр пригласил в свою комнату Намича и предложил разделить с ним утреннюю трапезу. За завтраком спросил, любит ли тот охоту. «Конечно, — сказал Намич, обгладывая фазанью ножку. — В молодости я был заядлым охотником. Но с годами постепенно утратил к этому занятию интерес. Теперь и не припомню, когда в последний раз ходил в тугаи...»

— Издалека ваши леса видятся сплошь покрытыми цветами, — сказал Александр. — Порой мне кажется, что даже ветерок, прилетающий оттуда, напоен ароматом...

Намич согласно кивал. Да, там очень много самых разных цветов необычайной красоты. Если у великого царя появится желание прогуляться туда или выехать на охоту, то Намич готов лично сопровождать его.

Вдоль всей поймы Политимета, от самых гор, где река берет начало, и до середины пустыни, где она теряется, разливаясь на множество мелких рукавов, разрослись смешанные леса, столь густые, что сквозь них не пробраться без топора. Там немало мест, куда не ступала человеческая нога. Огромные многовековые чинары высоко вздымают раскидистые кроны, издали похожие на тучи. Под ними разрослись, переплетая ветви, и белоствольные тополя, и вербы, и пепельно-серебристые маслины, и вечнозеленый можжевельник, и карагач с округлой, будто специально подстриженной, кроной. Всевозможные фрукты и ягоды служат пищей животным и птицам круглый год. Берега реки изобилуют орехами, джидой, миндалем, шиповником, ежевикой, облепихой, туда не трудно отправиться в лодке и отыскать место, где удобно причалить. Старые табибы⁸⁰ говорят, что один день, проведенный в таком лесу, прибавляет год

⁸⁰ Табиг — врачеватель, знахарь.

жизни. Воздух там пропитан ароматом лекарственных трав. Под стать ярким цветам порхают поразительные по красоте своей бабочки, с куста на куст, с дерева на дерево перелетают птицы с редко встречающимся опереньем...

— Буду рад, если ты составишь мне компанию, — сказал Александр. — И все же нам не помешает опытный проводник. Кого бы ты посоветовал?

— Аспата. Некогда отец его был непревзойденным охотником и служил мне проводником. И Аспат тем не менее знаменит. Вряд ли есть в Мараканде человек, лучше него знающий богатые дичью места...

— Тогда вели ему завтра прийти во дворец. Да, предупреди, чтобы никому ни слова...

К охоте готовились втайне, приказано было не разглашать это даже в войске. Лишь ближайшего помощника царя Лисимаха посвятили в предстоящее мероприятие с самого начала, ибо ему и было поручено подготовить все необходимое для охоты. Только она могла отвлечь царя от тягостных дум. Пусть отдохнет, развлечется, развеется, насладится красотами дикой природы. Но, как говорится, береженого Бог бережет. Узнай о желании царя поохотиться Спитамен, этот вездесущий «степной барс» может появиться внезапно в самом неожиданном месте и праздничный день обратить в траур. То один отряд македонян, то другой, стоит отстать ему от основных сил или расположиться на ночь за пределами городских стен, подвергаются нападению его бандитов.

Поначалу Александр решил, что ему пытаются мстить за своего опозоренного предводителя обнаглевшие воины из недобитых отрядов Бесса. Но когда удалось-таки пленить трех-четыре разбойников, выяснилось, что подобную дерзость позволяет себе не кто иной, как Спитамен. С этим варваром ухо надо держать востро.

Для пушей безопасности Александр приказал крупному соединению гетайров и гипотоксотов выступить из города и расположиться лагерем у Политимета, неподалеку от того места, где

предполагалась царская охота.

Как и водится, на охоту отправились задолго до зари. Впереди ехал царь, справа от него Лисимах, слева, чуть приотстав, подремывал в седле Намич. Проводник Аспат получил разрешение ускакать далеко вперед, к тугаям. У Александра было прекрасное настроение, он улыбался. Однако попытки Лисимаха и Намича завязать с ним разговор терпели неудачу, ибо вопросы их он либо пропускал мимо ушей, либо отвечал односложно. И тогда они тоже умолкли, решив, что царь хочет просто полюбоваться рассветом и послушать пенье ранних птиц.

Александр же улыбался, вспоминая горячие объятия Равшанак, которую только что нехотя покинул. Ради одной этой женщины стоило овладеть неприступной крепостью, какой считался замок ее отца. Правда, защитники ее сдались на его милость. Но Александр взял бы эту крепость в любом случае, даже если бы это стоило жизней многих сотен его воинов...

Как только в толпе встречающих царя с хлебом-солью мужчин и женщин он увидел девушку, прикрывшую до самых глаз лицо, сердце в груди у него екнуло, и он тихо произнес: «Это она, дочь Оксиарта!» И сразу ему подумалось, сколь бедной была его жизнь, пока не ведал о существовании на земле такой красавицы...

В тот же вечер Александр позвал Равшанак к себе. Она явилась не одна. С матерью и служанкой. Александр поначалу хотел было выпроводить старух, но заметив, сколь мрачны их лица, улыбнулся и решил, что лучше не портить с ними отношения.

— Равшанак, — сказал он. — Я на правах победителя могу сделать тебя наложницей...

— Нет, — ответила она. — Ты не победил нас. Мы сами открыли врата. Но если бы и победил, то все равно я бы не стала твоей наложницей. Ты бы не смог мне помешать убить себя.

— Да, ты достойна того, чтобы стать царицей моей огромной державы, — сказал царь, не сводя с нее глаз и, к огорчению своему, не заметив на ее лице ни толики радости. — И потому я предлагаю тебе стать моей законной супругой.

— У тебя она уже есть, и недавно родила тебе сына.

Александр опустил глаза, некоторое время молчал. Барсина, дочь Артабаза, сопровождала его последние годы в походах. Персиянка. Тоже красива. Но с этой не идет ни в какое сравнение. Царь был бледен, на скулах ходили желваки. Было заметно, что ему не просто принять какое-то решение. Он порывисто обернулся к двери и кликнул Лисимаха. И когда тот вошел, сказал:

— Завтра же Барсину и младенца отправьте к ее родителям!

Лисимах кивнул и удалился.

— Ты довольна? — спросил царь у Равшанак.

— Все равно я не вправе решить это сама, — тихо ответила девушка. По щекам ее бежали слезы.

— А кто?.. Кто вправе?.. — взревел Александр, топнув ногой, и все три женщины чуть не упали в обморок от испуга.

— Отец... — тихо ответила девушка, опустив голову. — Ты, конечно, можешь силой обратить меня в свою наложницу, но стать твоей женой без его благословения я не могу...

— Где он, заведи его ваш Анхра — Майнью?!

— В Мараканде.

— Мараканду я возьму не ранее, чем через месяц, а я не хочу так долго ждать!..

И он бы взял Мараканду гораздо раньше, чего бы это ему ни стоило, если бы даже пришлось самому карабкаться на крепостные стены и разбивать таранами башни. Судьба, однако, распорядилась по-иному: на шестой день взятия замка явился сам его хозяин, Оксиарт.

Свадьбу отпраздновали в замке торжественно, согласно согдийским обычаям. Но Александр решил соблюсти и свои обычаи — он приказал принести хлеб: именно хлеб считался у македонян священнейшим залогом прочного брака. Горячую, только что вынутую из тандыра булку разрезали мечом пополам, и Александр с Равшанак отведали ее.

Сын Оксиарта, брат Равшанак, был принят в эскадрон гетайров, приближенных к царю. Сейчас он тоже где-то там, у Политимета, обеспечивает безопасность царя.

Когда приблизились к тугаям, уже взошло солнце. Приотставший

было отряд агемы, пустив коней аллюром, быстро нагнал их и последовал на небольшом расстоянии, чтобы в случае чего в мгновение ока оказаться рядом с повелителем.

Вдруг от ствола пепельно-серой маслины отделилась человеческая фигура. Несколько телохранителей одновременно вскинули луки и через мгновение спустили бы стрелы, если бы царь не воскликнул:

— Это же Клит!.. Что он тут делает спозаранок?

— Судя по его снаряжению, собрался с нами на охоту! — весело ответил Лисимах.

— Выходит, прознал?.. Как ты пронюхал о наших планах, эй, Клит? — спросил, смеясь, Александр.

Он любил этого молодого гиппарха, своего ровесника, который сочетал в себе в равной мере веселый нрав и отвагу. Нередко, оставаясь одни, они вспоминали дом, где прошло их детство, где они вместе играли в одни и те же игры, и милую Ланику, сестру Клита, кормилицу Александра, которая с ним была, пожалуй, ласковее, чем с братом, старалась восполнить то, что недодала ему мать.

Клит, конечно же, знал об особом к нему отношении царя, потому и посмел без его соизволения присоединиться к организованной тайно, для «отдохновения царской души» охоте. Окажись на месте Клита кто иной, несомненно, лишились бы головы и тот, кто прознал о тайне, и тот, кто ее выдал. К тому же Александр был почти уверен, что Клиту сообщил об охоте Лисимах. А кто еще?.. Сурово глянул на Лисимаха и погрозил пальцем.

— Прости, Александр, — сказал Клит, приближаясь. — Я решил, что ты просто забыл о моем пристрастии к охоте.

— Это действительно так, дружище! — воскликнул Александр. — Присоединяйся к нам. Но только учти: тут, говорят, водятся могучие тигры. А я у тебя вижу только лук и стрелы. Мне не нужен еще один покалеченный гиппарх, — он глянул на Лисимаха, который смущенно отвел взор и машинально погладил правое плечо. Во время охоты в Сирии года два назад он вступил в схватку с леопардом и убил его. Однако зверь прокусил ему плечо, повредив сухожилие. С тех пор он не может высоко поднять руку. Теперь он не воин, не рубака. Зато у

него хорошо работают мозги. И потому царь держит его при себе в качестве хилиарха⁸¹, нередко советуется с ним, но чаще поручает заниматься хозяйственными делами.

Вынырнув откуда-то из-за зарослей, подъехал на коне Аспат. Клит, подозрительно оглядев его, проговорил:

— Это и есть охотник, который взялся показать дорогу?

— Тебе и это известно?.. — удивился царь. — Ну и болтуны, оказывается, есть среди моих гетайров!

Лисимах побледнел, глаза его, устремленные на Клита, выражали укор. «Неужели не понимает, что каждое слово, сказанное в присутствии царя, подобно стреле, выпущенной вертикально вверх? Падая вниз, она может вонзиться в темя. Из-за его болтовни я лишусь доверия царя!»

— Чтобы проверить, действительно ли Аспат искусный охотник, я послал его добыть какой-нибудь дичи, — сказал, оправдываясь, Лисимах. — Он принес молодого кабанчика, убитого одним ударом прямо в сердце... Вечером мы с Клитом устроили небольшую пирушку...

— И были одни? — спросил Александр, прищурясь, а по лукавым искрам в его глазах было заметно, что ему известно и все остальное.

Пока они пили вино и ели кабанчика, держали взаперти четырех молодых согдианок. А потом, разгоряченные вином, тешились с ними до самого утра...

Царь не сводил с Лисимаха глаз, тот виновато опустил голову.

— Что ж, за это не корю, — смеясь, сказал Александр. — Чем больше македонян произведут на свет местные женщины, тем лучше!.. А вот то, что не принесли мне попробовать даже кусочка кабанчика, даже крылышка фазанчика, меня крепко обидело.

Лисимах и Клит переглянулись. Дело принимало нежелательный оборот. «Ему известно про фазанов!» Царь не терпел, когда от него утаивали какие-то мелочи.

— Прости, великий Александр, — сказал Лисимах. — Мы ели втайне от всех, чтобы никто не прознал о готовящейся охоте...

⁸¹ Хилиарх (букв. «тысяцкий») — ближайший помощник царя, соответствующий визирю восточных правителей.

— Настолько втайне, что мне тут же стало известно, — усмехнулся царь.

А Лисимах с благоговением подумал: «Тебе о каждом из твоих воинов известно все. Иначе ты не был бы великим...»

Царь кивнул Аспату:

— Веди!

— В тугай мы вступим здесь, — сказал тот и показал рукой на небольшую просеку.

Пока они ехали через лес, Аспат разъяснял каждому из царских телохранителей его обязанности. Здесь он чувствовал себя хозяином.

Впереди возникли заросли камышей, вымахавших столь высоко, что в них мог бы затеряться всадник. За ними угадывалась река, оттуда веяло прохладой. Просека круто повернула вправо и вывела на обширную поляну. Деревья вокруг нее росли так густо, что казалось, придется прорубать новую просеку, чтобы проникнуть в лес. В воздухе висел неумолчный гомон птиц. Солнце постепенно пригревало, и испаряющаяся с зелени влага пропитывала своим ароматом занимающийся день.

Коней, стреножив, пустили пастись под присмотром коноводов.

С десятков воинов Аспат послал к реке, чтобы они, пробираясь по краю берега, отпугивали животных, прибывающих к этому часу к водопою. Кабаны, олени, косули вскоре бросятся сломя голову через лес. И тогда, великий царь, не зевай!..

Александра с его двумя ближайшими друзьями Аспат повел в глубину леса по одному ему ведомой тропе, и вскоре они вновь попали в такое место, где заканчивается лес и начинаются камышовые заросли. Дорожка, протоптанная зверьем, подныривала под старые деревья, шершавые стволы которых со следами кабаньих клыков были причудливо изогнуты, а ветви, свисая почти до земли, цепко хватали за одежду, царапали руки, лицо.

Лисимах, обойдя Аспата, пошел впереди и стал срубить мечом ветви, мешающие пройти царю, и отбрасывать их в сторону.

Александр тоже вынул меч, решив поупражняться. Срубил две-три ветви, и вдруг ему представилось, что он вступил в схватку с лесом, пытающимся скрыть от него свои тайны. И сразу вспомнились

слова скифского посла, год назад посетившего его лагерь около Танаиса. «Ты пришел в этот мир для войн, — сказал скиф. — На другое ты не способен. Если сегодня покоришь своей власти людей всей земли, то завтра вступишь в войну с самой природой: с дикими зверями, лесами, реками, снегом, дождем!..» В словах варвара, наверное, была доля истины. Вот он уже и вступил в схватку с лесом и его обитателями...

Со стороны реки послышались пронзительные звуки рожка и крики загонщиков, которые отдавались в лесу эхом, ввергая в панику зверей и птиц, вероятно, сроду не слышавших столь устрашающего шума. Над головой, почти задевая метелки камышей, пронеслась стая уток, промелькнули, как всполохи пламени, фазаны.

И никто, кроме Александра, в этот момент не услышал слева треск ломающегося тростника. Камыши раздвинулись, и шагах в пяти-шести от себя царь увидел громадного туранского тигра, известного гигантскими размерами и свирепостью. И зверь, и царь замерли. Согдийцы уверяют, что тигры столь благородны, что никогда не нападают на человека первыми, если тот не спровоцирует. Вот оно — чудо природы!.. По бархатным рыжим, светлеющим книзу бокам пролегли темные полосы, и каждая шерстинка отликает на солнце золотом. Ну, как не позариться на шкуру такого красавца? Так думал царь. Но не ведомо, о чем думал в этот миг полосатый гигант, не сводя с человека настороженных зеленых глаз. Александр уж не помнил, сколько раз перебивал за свою жизнь на охоте, но именно здесь судьба столь близко свела его с этим могучим зверем, что можно заглянуть ему в глаза. Чего же он ждет?.. Ни разу в жизни не видел человека, или любопытство сделало его беспечным? Или он так уверен в себе и своей силе? А может, рассчитывает на благородство человека, который не причинит ему зла, если он отступит?..

Отставший было от них Клит появился из-за зарослей и крикнул:

— Берегись, Александр!..

Аспат и Лисимах мгновенно обернулись и ринулись обратно. Однако царь махнул рукой и приказал:

— Стоять!.. Он мой!..

Тигр оскалил клыки и грозно рыкнул.

Вот и встретились два царя.

В глазах царя зверей отсутствовал вызов, в них скорее можно было прочесть: «Давай разойдемся подобру-поздорову. Если не тронешь меня, то я пойду своей дорогой. А ты ступай своей...» Но если бы он был пронизательнее и не столь доверчив, то по глазам властелина мира понял бы, что он не терпит на пути своем никого, равного себе по силе, и только битва может выявить, кто из них вправе называться властелином, и что он уже намечает место, куда нанесет удар...

Ослепительно сиял на солнце выставленный им клинок.

Кто же начнет первый?.. Кто сильнее?..

А от реки приближались голоса загонщиков, торопя развязку.

Зверь, наморщив морду еще раз, грозно заревел и продемонстрировал клыки, предупреждая, что человеку лучше уйти, ибо здесь хозяин — он. Но человек шагнул ему навстречу. И это был вызов. Глаза тигра вспыхнули, он подался слегка назад и высоко прыгнул. Александр бросился вперед и, уклонясь от когтистой лапы, выбросил вверх меч, погрузив его в брюхо зверя по самую рукоять. Глухой стон раздался над головой Александра. Тигр рухнул, ломая кусты и тростник. Пытаясь встать, перекувыркнулся несколько раз через голову, все тише становился его рык. Наконец он вытянулся на тропе, судорожно передернул могучими лапами и затих. Из его оскаленной пасти тоненькой струйкой стекала кровь, мешаясь со слюной, она исчезала в траве. Устремленные на Александра глаза быстро стекленели.

Александра окружили Лисимах, Клит, Аспат и сбежавшиеся на шум телохранители.

— Вы не ранены, великий царь? — с дрожью в голосе спросил Клит.

Но тот не слышал. Он стоял, наклонясь над жертвой, и любовался ею. Собравшиеся восхищались его отвагой, Лисимах и Клит наперебой вспоминали подробности схватки.

Аспат же, задумчиво глядя на поверженного тигра, с грустью проговорил:

— Ты самого сильного убил, великий царь!.. Ты поистине

велик... Этого гиганта я вижу во второй раз...

— Да?.. — насмешливо усмехнулся царь. — Небось, когда в первый раз увидел, полные штаны наложил?

Стоящие вблизи него рассмеялись.

Аспат, уязвленный насмешкой царя, обернулся.

— Это было лет пять назад. Тогда меня позвал в проводники Спитамен... Они тоже встретились на узкой тропе. Я был поблизости и, пустив стрелу, мог попасть зверю прямо в сердце. Но Спитамен не разрешил убить его. «Такого красавца нельзя трогать, — сказал он. — Пусть оставит потомство после себя...» Он стоял всего шагах в трех от тигра. И нарочно медленно всовывал меч в ножны. Тигр понял его и ушел...

Пока Аспат об этом рассказывал, Александр не сводил с него пронизывающего взгляда. «Не Спитаменов ли ты лазутчик?.. — подумалось ему. — И неспроста втираешься в доверие к Лисимаху и Клиту... Надо им сказать, чтобы не были слишком доверчивы и пригляделись бы к тебе».

Не промолвив ни слова, Александр последовал далее по тропе, препоручив другим содрать шкуру с убитого зверя. «Хороший подарок будет Равшанак...»

Им повстречалось перебегающее через тропу семейство кабанов. Александр успел дротиком повергнуть двоих. Но охота более не доставляла ему удовольствия. Разрешив Клиту и Лисимаху побродить еще немного в поисках добычи, он сделал знак Аспату, велел ему следовать за собой и отправился обратно, на поляну, где они оставили лошадей. Там, должно быть, ему развели костры и в больших котлах готовят пищу из свежатины...

Завидев появившегося из зарослей царя, к нему тотчас бросились воины и сопроводили к роднику, возле которого был послан на мягкой траве ковер, разложены матрасы. Царь прилег, подложив себе под бок подушки.

Аспат налил в чашу холодного кумрана, поднес ему.

Царь принял и сказал:

— Налей и себе.

И с удовольствием утолил жажду лишь после того, как Аспат

отпил несколько глотков.

— Значит, и Спитамен охотился здесь? — спросил царь, прислушиваясь к пению птиц.

— Эх — хе, он в Согдиане считался лучшим охотником! — восхищенно произнес Аспат, глаза его при этом восторженно сверкнули, а рот растянулся до ушей. — Он за сто шагов мог попасть стрелой в дрофу!..

«Известно ли этому варвару, что тот, о ком он говорит с таким восхищением, объявил мне войну?.. — подумал Александр, приглядываясь к собеседнику. — Вряд ли он в таком случае был бы со мной так откровенен... — эта мысль принесла ему некоторое успокоение. — Ведь все, что у него на душе, отражается, как в зеркале, на лице...»

А многие из окружения царя взяли за правило скрывать от него все, что может его хоть мало-мальски огорчить, зато приятное, способное пролиться бальзамом на сердце, растягивают, как кожу, выделяемую для бубна, и не возьмут в толк, что плохая весть порой бывает важнее, чем приятная.

— Послушай, Аспат, а где вы в тот раз встретили этого тигра?

— Вон там, — показал рукой Аспат. — Недалеко от того места, где с ним повстречался ты, великий царь!..

И снова в душу царя вкралось подозрение, а взгляд сделался пронзительным. «Не специально ли ты привел меня сюда, рассчитав, что тигр нападет неожиданно, а я не успею отреагировать?.. Иначе предупредил бы меня, что это — территория полосатого гиганта...»

— Ты хорошо знал Спитамена?.. Что он за человек?

— Как тебе сказать... — задумался Аспат, не находя слов. — Он силен и ловок...

Царь засмеялся, но синие глаза его сверкнули, как молнии.

— Ты не находишь, что тигр, убитый мной, тоже силен и ловок?

— Да, великий... Но тигр не обладает проницательным умом и талантом полководца...

— С этого бы и начинал!.. Предводители многочисленных согдийских родов, именитые батыры признали над собою мою власть. Почему среди них нет Спитамена, как ты думаешь?

— На это мне трудно ответить, великий царь. Одно знаю твердо: Спитамен за добро платит добром и никому не прощает обмана...

«Значит, наивен, — подумал Александр. — На войне побеждают не только силой. Не менее действенное оружие — коварство». Он взбил кулаком подушку, подложил ее под голову и прикрыл глаза.

Аспат стоял, сложив на животе руки, и не сводил с него благоговейного взгляда. Человек, при одном упоминании имени которого сотрясаются горы, возлежал на войлочном ковре и вел простецкую беседу с ним, простым охотником. Поверят ли ему друзья, когда он станет им об этом рассказывать?..

Аспату даже в голову не пришло, что стоит ему выхватить заткнутый за пояс боевой топор и с размаху ударить по белой шее, где бьется голубая вена, от скольких зол он избавил бы мир!.. Телохранители, бегающие вокруг котла, окутанного дымом, не успели бы даже подбежать... Но у него подобная мысль и не могла возникнуть, ибо таким, как он, не свойственны ни коварство, ни притворство, ни ложь; и он посчитал бы за великий грех, если бы у него во время дружеской беседы возникли против кого-то враждебные мысли. Словом, это был один из обыкновенных сынов Согдианы, один из тысяч, частица самой ее природы. Охотники умеют легко обхитрить зверя, птицу, но никогда не строят козней против себе подобных. Если же с кем-то возникла вражда, то они предпочитают честную борьбу. Настоящий охотник никогда не выстрелит в сидящую на земле куропатку — а вдруг она высидит яйца? — заставит сначала взлететь и тогда спустит стрелу.

— Послушай, Аспат, — открыл глаза Александр и приподнялся на локте. — А не мог бы ты пригласить еще раз Спитамена поохотиться в этих местах? Ведь этих паршивых тигров тут, наверное, видимо-невидимо!..

— Зачем вы так про тигров?.. — обиделся Аспат. — Тигр очень ухаживает за собой, не дает пристать к шерсти ни соринке. Вы же сами видели убитого вами зверя, он чист от кончиков ушей до кончика хвоста... И для обитания он выбирает места в самых красивых урочищах, вблизи реки, озера, родников... любит любоваться красивыми восходами и слушать пение птиц...

Неизвестно, сколько бы еще он рассказывал про тигра, если бы царь с раздражением не перебил его:

— Я спрашивал тебя о Спитамене!..

— Ну, что... Он настоящий охотник, и этим все сказано.

— Если приведешь его сюда, то получишь большое вознаграждение. Много золота. Понял?

— Еще бы не понять... Да где же теперь его найдешь. В степи ли он, в горах, в лесу?..

Александр резко сел и спросил угрожающим тоном:

— Ты приведешь его или нет?.. Много слов, как у вас говорят, лишний груз для осла.

— Узнав о твоем желании, он, может, и согласился бы...

Александр криво усмехнулся.

«Выходит, мог бы и не согласиться... Да этот варвар на брюхе должен приползти, если я соблаговолю его лицезреть!..» — подумал он, а вслух спросил:

— Как ты считаешь, могли бы мы с ним договориться?

— Мудрые всегда договариваются. Если позволишь, расскажу тебе притчу.

— Ваши восточные притчи мне всегда доставляют удовольствие. Говори:

— Тигр, волк и лиса однажды отправились вместе на охоту. Им сразу же повезло, они изловили фазана, зайца и лань. Когда расположились на отдых, тигр сказал волку: «А ну-ка, раздели добычу!» Простофиля — волк, не задумываясь, ответил: «Ты, господин, бери лань, я возьму зайца, а лисе — фазан...» Не успел волк договорить, как расвирепевший тигр одним ударом лапы убил его. И затем обратился к лисе: «Теперь, сударыня, ты дели!» Лисица приподнялась на задних лапах и завилыла пышным хвостом: «О великий шах!.. Этого зайца вы съедите на завтрак!.. Лани же вам как раз хватит на обед!.. Фазаном закусите вечером, перед тем, как отправиться почивать!..» Тигр остался доволен и спрашивает у лисы: «У кого ты, кума, набралась ума, столько мудрости?» «У волка, которого вы так нежно погладили», — ответствовала лиса.

Александр рассмеялся.

— Твоя притча заслуживает того, чтобы быть вписанной в мою эпитому, — сказал он.

Еда в kloкочущих котлах была уже готова, когда разгоряченные охотой воины стали выходить на поляну. По двое, а то и четвером, несли привязанную за ноги к длинным шестам убитую дичь. Добыча была богатой. Около десятка кабанов, шесть оленей, куча лисиц, зайцев, фазанов.

Клит же появился из зарослей одним из последних — с двумя детенышами гепарда за пазухой. Он весь сиял, когда осторожно опускал на ковер, где восседал царь, жалобно повизгивающих и причмокивающих в поисках материнского молока, полуслепых котят.

— Одного я дарю тебе, Александр. Выбери любого...

Александр знал, что в Бактрии и Согдиане давно научились приручать этих свирепых с виду животных. Вместо гончих собак используют их во время охоты на ланей, оленей и зайцев. А богатые конники, чтобы утратить врагов и застраховать себя от нападения, сажают гепардов на коней позади себя. Правители многих персидских сатрапий не жалели средств, чтобы обзавестись этим умным зверем, который, вырастая, становится другом.

— Вот этого, — сказал Александр ткнув пальцем в пятнистого котенка, уткнувшегося мордашкой ему в колено. — Благодарю тебя, Клит.

После обеда, приправленного хорошей порцией вина, принялись собирать вещи, чтобы отправиться обратно, в Мараканду. Александр велел провести перекличку. Недосчитались двоих гетайров.

— Кого нет? — спросил царь, предчувствуя недоброе.

Были названы имена.

Царь приказал обшарить каждый куст, каждое дерево. И пока воины искали пропавших, бродили по тугаям, громко выкрикивая их имена, Александр нервно расхаживал взад-вперед по поляне без головного убора, не замечая, что гиматий сполз с плеча и волочится по траве.

Долго искали воинов, но нигде их не обнаружили, ни живых, ни мертвых. Солнце уже клонилось к закату. Однако Александр не мог уйти отсюда, не докопавшись до причины странного исчезновения

воинов.

Наконец у реки, в камышовых зарослях кто-то обнаружил на глинистой почве следы: будто кого-то проволокли тут к воде.

Воины полезли в воду и стали обшаривать дно. Нашли шлем одного из гетайров. Утопили?.. Или, бросив связанных в лодку, перевезли на противоположный берег?..

Впечатление от прекрасно проведенного дня было окончательно испорчено. Александр видел, что сопровождающие его напуганы, спешат поскорее покинуть это опасное место. Стоят, глядя на царя, и только ждут приказа. Добыча уложена на носилки, погружена на коней.

— В Мараканду!.. — вяло бросил царь, ступил ногой на подставленные телохранителем ладони и взлетел в седло.

При выезде из леса он подозвал к себе Лисимаха и, показав глазами на едущего поодаль Аспата, сказал:

— Этот мне кажется подозрительным... Умертвить!

У Лисимаха от удивления отвисла челюсть, но, натолкнувшись на холодный взгляд царя, он поспешил кивнуть...

Бой барабанов

Камак с дочерью собирали в саду абрикосы. Отец дотягивался до верхних веток и осторожно наклонял их, стараясь не встряхнуть, а дочь снимала самые спелые крупные золотисто-желтые плоды и складывала в корзину. С переднего двора, где был их дом, слышались мужские голоса. Камак бросился к маленькой калитке, ведущей из сада. Пять-шесть македонян шныряли по двору, заглядывали в сарай, конюшню, на веранду и что-то требовали у жены Камака, а та, не понимая языка, пыталась выпроводить их за ворота и повторяла одно и то же: «Идите, идите... Ничего нету, идите!..»

Камак же за время пребывания здесь македонян научился их понимать.

— Где твой муж? Позови его! — настаивал старший.

— Я здесь, чего тебе? — отозвался Камак, выходя из сада.

— Ты и есть хозяин этого дома? — ткнул ему в грудь пальцем македонянин. — Тогда слушай и запоминай. С тебя причитается подать — одна лошадь, четыре барана и тридцать снопов сухого клевера.

— У меня нет лошади, — сказал Камак. — А овец всех позабирали, осталось всего две...

— Где хочешь, там и бери. Приказ царя!..

— У меня всего-навсего единственный осел. На нем и на мельницу, и на базар... И сена даже для него еще не припас...

— Вот и отправись сейчас с нами, чтобы... припасти, — ухмыльнулся македонянин. — У кого нет готового клевера, те обязаны на два-три дня отправиться на заготовку сена. Идем! Заодно и твой осел тебе спасибо скажет...

Македоняне загоготали. И в этот момент их взгляды обратились к калитке, которую отворила дочь Камака.

Камак уже собрался, не противясь, пойти вслед за сборщиками налогов, однако их начальник, увидев девушку, замешкался. И вдруг приказал:

— Выводи лошадь!

— Я же сказал, у меня осел, — растерялся хозяин.

— Воины Александра ездят на конях, а не на ослах, запомни это! — грозно проговорил начальник. — А если у тебя нет лошади, то ее прекрасно заменит вон та красавица! — И он поманил девушку пальцем: — Иди сюда, иди!..

Но та по испуганному взгляду отца поняла, что ей грозит опасность, отступила в сад и захлопнула калитку. Македоняне перебросились несколькими фразами и громко захохотали. Камак догадался, о чем эти, потерявшие стыд люди толковали. Эх, хватило б силы, он бы показал им, как насмешничать над его дочерью, но сейчас сила на их стороне.

— Вот что... — сказал главный среди сборщиков налога, снова тыча ему в грудь: — Через три дня чтобы у тебя была лошадь! Тогда и увидим, что тебе дороже — дочь или припрятанные деньги.

— У меня ни гроша нет, поверьте, — чуть не плакал Камак.

— Я сказал — через три дня!.. А сейчас марш — на заготовку

сена! Твои односельчане уже дожидаются тебя у дороги. И дочь свою прихвати. Поможет. По крайней мере будет у тебя на глазах. Можно ли такую красотку оставлять дома, где нет ни одного мужчины, чтобы защитить ее?.. — Главный, довольный собой, провел пальцами по усам.

«И то верно, — подумал Камак. — Девушке при нынешних временах лучше держаться возле отца».

Жена тоже отказалась оставаться в доме одна, коль муж и дочь уходят. Пришлось им наскоро собрать кое-что из съестного и отправиться всем семейством вслед за юнонами. Их привели к подножью зеленой горы, куда были согнаны почти все усрушанцы: мужчины, женщины и даже дети. Люди разбрелись по склону и косили серпами высокую траву. До тридцати надсмотрщиков, облаченных в доспехи, прохаживались между ними взад-вперед, указывали, где косить, орали на тех, кто казался им нерадивым, а то и поторапливали ударами бичей. Ребятишки, отвыкшие от веселых игр, боязливо поглядывали на них, сгребали маленькими израненными ручонками скошенную траву, относили на солнечную сторону горы и раскладывали для просушки.

Камак, на ходу правя камнем серп, взошел на склон с другого края и приступил к косьбе. Он косил клевер, а жена с дочерью подбирали и раскладывали для просушки.

Подошел начальник надсмотрщиков и сказал их дочери, словно она тут была одна, без родителей: «А ты ступай вон туда, тебе там дело найдется!» — и указал концом копья на виднеющиеся в отдаленье несколько розовых скал, от подножий которых вился сверху дымок; наверно, женщины готовили еду.

Камак сурово глянул на юнона: «Она будет работать здесь, возле меня», — сказал он.

Юнон усмехнулся, пожал плечами и отошел.

Косит Камак, а сам по сторонам поглядывает, отмечает про себя, кто из односельчан здесь, а кого нет, кто успел заблаговременно скрыться в горах. Благо горы близко, вот они; те, что ближе, сплошь лесом покрыты, а где лес, там и родники, и трава: поставь юрту и живи себе до зимних холодов. А те горы, что подальше, чуть ли неба

не касаются, вершины их окованы вечным льдом, покрыты снегом, сияют на солнце.

Юоны велели грузить свежескошенную траву, которая еще даже не увяла, на арбу. Кони, мол, у них оголодали. Арба была высокая, а трава тяжелая. Одна из молодых женщин подняла сноп и, вдруг ойкнув, схватилась за живот, отошла в сторонку и прилегла около копны. К ней тотчас подскочил один из надсмотрщиков, громко ругаясь на своем языке, и огрел ее плетью, приказывая встать. Между руганью он вставлял и согдийские слова:

— А ну, бери свой серп, ленивая кобыла!.. Пришла охота полежать, что ли?

Женщина вскрикнула, тщетно пытаясь заслониться рукой от бича, попыталась подняться, но это ей не удалось.

К ним неспешно подошла крупная полная женщина. Кажется, Бог не обидел ее силой.

Она так дернула надсмотрщика за рукав, что тот еле удержался на ногах:

— Где твоя совесть, эй, юнон?! Можешь ли ты называться мужчиной, коли посмел поднять руку на беременную женщину? Если у моей невестки будет выкидыш, я выцарапаю тебе глаза! А ну-ка, отойди от нее подальше, потерявший честь!.. — наступала женщина, подбоченясь и выставив могучую грудь.

Оторопевший надсмотрщик некоторое время пятился, а потом, хватясь, что над ним смеются, взмахнул кнутом, и плетью обожгла теперь защитницу.

— Ах, вот ты как, сукин ты сын! Это ты меня, уважаемую в селении женщину, на которую даже отец ни разу руки не поднял?.. Я сейчас с тобой расправлюсь, вползи тебе в задницу змея!.. — и женщина, вцепившись в ворот надсмотрщика, стала царапать ему лицо.

Македоняне, окружив их, смеялись и подзадоривали криками.

— Эй, Рома, вали ее прямо в стог, уж больно аппетитная баба!..

— Берегись, Рома!.. Гляди, как бы она тебя не лишила твоих мужских достоинств! Прикрой пах щитом! Ха-ха-ха-ха!..

Согдийка, растрепанная, с горящими глазами, наступала, не

переставая осыпать юнона проклятиями и дотягивалась-таки до лица надсмотрщика ногтями.

— Уйди, бешеная, уйди!.. — пытался отпихнуть ее от себя юнон, не ожидавший такого отпора.

Разъяренной женщине удалось ухватить его за пояс, и она так крутанула обидчика, что тот растянулся бы на земле, если бы, бросив щит и копье, не ухватился в свою очередь за округлые плечи женщины.

На шум сбежались и усрушанцы и македоняне. Последние, скучавшие до последней минуты, были рады хоть какой-то потехе, хлопали в ладоши, гоготали, гремели кинжалами и пиками, ударяя ими о щиты:

— Эй, Рома, неужто с бабой так и не справишься?..

— Неужто придется тебе помочь?..

— Учти, Рома, у них обычай: если свалишь, она тебе отдастся!..

— Постарайся, не подведи! Ха-ха-ха!..

— За грудь ее, за грудь, смотри, какая она у нее аппетитная!..

— У нее наверняка припрятан нож, гляди, как бы она не оскопила тебя!..

Женщина, тяжело дыша, отвела с лица растрепавшиеся волосы.

— Сукин сын! — повторяла она. — Вскормленный сучьим молоком!.. Я тебе докажу, что ты не мужчина!.. Снимай свои доспехи!

— Соглашайся, Рома! Снимай!.. Пусть эта баба на всю жизнь запомнит, какой ты мужчина!..

Женщина, подбоченясь, смотрела на юнона исподлбья и презрительно усмехалась, ее грудь высоко поднималась и опускалась.

Двое воинов подскочили к Роме, он и опомниться не успел, как они сняли с него шлем, отстегнули пояс с мечом, развязали кожаные тесемки панциря... Все, кажется, уже и забыли, из-за чего началась потасовка. Юноны и усрушанцы перемешались, плотным кольцом обступив поляну, на которой стояли друг против друга могучая согдийка и казавшийся рядом с ней тщедушным юнонским воин Рома. Прибежавшие последними косари пытались протиснуться вперед, приподнимались на цыпочки, стараясь увидеть, что там происходит,

мальчишки взбирались друг другу на плечи...

В ушах женщины стоял сплошной шум, голова от него кружилась. Она видела вокруг хохочущие рты. Громче всех смеялся начальник сборщиков налога, подливая масла в огонь:

— А ну-ка, Рома, покажи, на что способен!..

А Рома, видя в глазах разъяренной согдийки нечеловеческую ненависть, растерянно озирался, словно искал глазами в плотном кольце людей место, куда можно было бы юркнуть.

И никто не заметил, как в руках у свирепой согдийки появился серп. То ли выпростала из-под одежды, то ли подал кто?.. Изо всей силы всадила она его юнону в живот и повернула дважды. Душераздирающий вопль взвился до самого неба. Рома согнулся, пихая обратно в брюхо вываливающиеся кишки, свалился и судорожно задержался.

На несколько мгновений зависла оглушающая тишина. Но уже в следующую минуту набросились на женщину, вырвали серп, содрали с нее одежду, свалили ее на стог... Но, видать, позабыли о столпившихся позади них усрушанцах. Камак схватил с земли оброненные юноном щит и копье и, издав боевой клич, первым кинулся на врагов. Остальные — за ним. Пошли в ход серпы, косы, вилы. Не дав юнонам опомниться, перебили всех.

— Дорогие односельчане! Мы свое дело сделали! Они получили то, что заслужили! — сказал Камак. — Теперь нам одна дорога — в горы! И чем скорее мы туда уйдем, тем лучше!

— А что потом?.. — спросил кто-то со страхом в голосе.

— Мы защищаем справедливость и нашу честь, Ахура — Mazda нам поможет. Кто-нибудь пусть поскачет во весь опор в кишлак. Надо сообщить всем, кто там остался, о том, что произошло. Чтобы им не пришлось расплачиваться за нас. Пусть и они последуют за нами. А не то юноны выместят злобу на них!.. — так уж как-то само собой вышло, что с самого начала распорядиться стал Камак, который в кишлаке Усрушан всегда слыл человеком добрым и спокойным. Даже когда надо было зарезать курицу, он просил об этом соседа.

— Думаешь, они не найдут нас в горах? — спросили его.

— Мы пошлем гонца к Спитамену. Он или придет к нам на

помощь, или мы примкнем к его воинству.

Лошадей выпрягли из арб и погрузили на них отобранное у юнонов оружие и доспехи.

Камак подал всем знак рукой и стал медленно подниматься в гору, ведя в поводу лошадь с полными хурджинами. Молча последовали за ним все остальные, и молодые джигиты, и старики, и женщины, и дети. Тридцать лошадей уводили они с собой в горы. Вскоре они достигли ущелья, по обе стороны которого возвышались два громадных утеса, всегда в ненастье окутанные облаками. Усрушанцы привыкли каждый день видеть их из своих окон, дворов. Во время закатов и восходов утесы были иссиня-черными и багровыми. Жрецы говорили, что цвет зависит от их настроения. Но настроение этих скал передавалось людям. Одному утесу дали название Маг, другому — Тал (Огнепоклонник). Сейчас они были темными, тоже прогневались, должно быть, на чужеземцев, пытавшихся унижить людей, испокон веков живших у их подножья и поклоняющихся им, как божествам.

Вереница людей вслед за Камаком втиснулась в узкое ущелье, куда только в полдень заглядывало и освещало его затаенные уголки солнца.

Камак отобрал наиболее сильных и ловких джигитов и велел им взобраться на вершины утесов, откуда вся долина была видна как на ладони. Казалось, появившись вблизи Усрушана враг, достаточно посильнее натянуть тетиву на луке, и уже не промахнешься. А если натаскать побольше камней на вершины утесов и сбрасывать их сверху, то ни барсу, ни лани, ни волку, ни человеку ни за что не проскользнуть в ущелье. Джигиты, оставшиеся на вершинах утесов, наблюдали, как отряд их односельчан, миновав ущелье, все дальше углубляется в горы, медленно движется по извилистой дороге, то пропадающей среди скал, то вновь выбегающей на горный склон, тянущейся мимо больших и малых селений, которые прилепились, как соты, в самых труднодоступных местах; и видно, как из этих селений стекаются к ним люди, прознавшие про их беду. И вереница вооруженных людей, во главе которой идут усрушанцы, становится все длиннее и длиннее.

Лишь уведя людей за перевал Яксарт⁸², Камак объявил, что теперь наконец можно и отдохнуть. Они разбили лагерь в широкой красивой долине на берегу речки Яксарт, соорудили шатры и развели костры, чтобы приготовить себе пищу.

В горах рассвет всегда наступает раньше, чем в долине. Солнце, едва выглянув из-за горизонта, стало пригревать вершины Мага и Тала. Джигиты, прошедшие всю ночь без сна и озябшие, хотя и лежали, завернувшись в толстые овечьи шкуры, поднялись и затеяли «петушину игру», чтобы согреться. Прыгая на одной ноге, они толкали друг друга плечом: кто, потеряв равновесие, встанет на вторую ногу, тот считался проигравшим. Ему и разводить костер из сухих дров, чтобы не было дыма, разогревать пищу. Долина еще была наполнена густо-синими сумерками, и у них была полная иллюзия, что они плывут на корабле по глубокому тихому морю. Солнце поднималось выше, а море становилось прозрачнее. Наконец на его дне стали видны скалы, дороги и тропинки, бегущие рядом и пересекающиеся, испещрившие всю долину где прямыми, как стрела, а где змеящимися полосами. Вот проступил из синеватой мглы и их кишлак Усрушан, уютно расположившийся неподалеку от зеленой покато́й горы, похожей отсюда на кем-то брошенный примятый слегка колпак.

Вдруг один из джигитов заметил в долине движение и позвал остальных. Те подошли к краю обрыва и тоже стали вглядываться. От Усрушана двигалось в сторону гор около полусотни всадников.

— Вы видите?! — донесся голос с Мага.

— Видим! — ответили с Тала.

Приблизившись к месту, где дорога начинает забирать вверх, всадники остановились. Некоторые из них сгрудились вокруг предводителя. Наверно, держали совет. Потом от них отделились двое и понеслись во весь опор вниз, к кишлаку, оставляя за собой взлохмаченную ниточку пыли. Остальные снова двинулись по дороге,

⁸² Перевал Яксарт существует и поныне на западных отрогах Кашкадарьинских гор.

ведущей к ущелью, у входа в которое уже тысячи лет стояли на страже Маг и Тал.

— Косте — е-ер!.. — донесся голос с Мага.

С Тала замахали руками, дескать, поняли.

Один из джигитов схватил головню из костра, на котором клокотал котел с бараниной, подбежал к огромной куче сложенных пирамидой сырых веток арчи, вербы, карагача, дающих обильный дым, и стал раздувать костер. Было безветренно, и вскоре густой черный дым повалил прямо вверх. Усрушанцы издалека заметят его и будут знать, что македоняне вышли на их след...

Камак сидел в шатре с аксакалами Усрушана. Было раннее утро, и солнце подзолотило лишь отдельные, самые высокие вершины. Тихо и спокойно протекала беседа. При этом ели горячий хлеб, только что испеченный на углях, и пили парное козье молоко.

Снаружи слышались торопливые шаги, и в шатер влетел запыхавшийся джигит.

— С Мага подали сигнал! — выпалил он.

Камак отложил надкушенный кусок хлеба⁸³ и обвел взглядом сидящих за дастарханом аксакалов.

— Если юноны пройдут мимо Мага и Тала, то нам конец!.. — сказал он.

— Эх — хе... — вздохнул один из стариков. — Искандар разгромил армию Дариявуша, равной которой не было в мире, развеял, как пыль, войско Бесса. Что мы для него, горсточка дехкан, чьи руки больше привыкли к серпу и кетменю, чем к оружию?..

— Наши союзники — горы. Чтобы нас победить, Искандар должен их сдвинуть с места, — сказал Камак.

— Как бы то ни было, нам не избежать схватки с юнонами, — проговорил, кивая головой, другой аксакал. — Камак прав, мы не должны позволить им пройти через ущелье. Да только с нас, стариков, толку мало: глаза наши притупились, а в руках нету былой

⁸³ В старину существовала традиция — надкусывать хлеб перед боем, чтобы доесть после сражения, это якобы оберегало от гибели.

силы...

— Как раз на вас, аксакалов, у меня больше всего надежды, — сказал Камак и после небольшой паузы продолжал: — Вы — уважаемые в округе люди, хранители мудрости народной; оброненному каждым из вас слову, как золоту, не дают упасть на землю. Давно замечено, что процветает только род, где умеют сочетать мудрость стариков с энергией и силой молодых...

— Так что нам делать, говори?!

— Вы, почтенные аксакалы, поезжайте по кишлакам, поднимайте народ. Люди должны прислушаться к вашему слову и понять: если мы не задержим юнонов у скал, то завтра они уже будут здесь. И мы будем стоять там насмерть, пока не вернуться наши гонцы от Спитамена. Тогда станет ясно, что нам делать дальше...

— В таком случае не стоит терять времени, — сказали аксакалы и, проведя ладонями по белым бородам, стали подниматься.

— Мы оставим своих жен, детей здесь, — сказал Камак. — С мужчинами, умеющими владеть оружием, я выступлю к скалам. И каждый пусть помнит: по эту сторону ущелья — его семья...

Камак вслед за аксакалами вышел из шатра и увидел около сотни вооруженных джигитов, которые, видно, поджидали его. У других шатров женщины суетливо провожали мужей, на ходу цепляющих к поясам мечи.

— Камак, веди нас! Враги не пройдут в эту долину, пока хоть один из нас будет в живых!..

Горцы расположились на плоских вершинах Мага и Тала, а также по отвесным базальтовым обрывам по обеим сторонам ущелья, в расщелинах, пещерах, на уступах, где можно было хотя бы поставить ногу. Камак запретил жечь костры и переговариваться, чтобы не обнаружить себя. Однако юноны еще утром заметили поднимающийся над скалами дым и до полудня стояли, не решаясь вступить в ущелье. Но гиппархи, наверное, вспомнили, что и у персов не раз была возможность задержать их на перевалах и при переходе через ущелья, однако они ни разу своего преимущества не использовали. Наконец гипотоксы вытянулись в длинную цепь и, держась попарно, вступили в мрачное ущелье, из которого на них

дохнуло холодом и сыростью, словно из потустороннего мира. Усрушанцы не обнаруживали себя, пока в ущелье, точно в зеве дракона, не исчезли последние всадники. И вдруг горы содрогнулись. Грохот и гул заполнили ущелье. Обезумевшие кони заметались, сшибая друг друга, валясь в расщелины и ямы, подминая седоков, неистово орущих и объятых ужасом. Огромные глыбы падали с неба, грохались о скалы и разлетались на куски, сметая все живое. Через несколько минут почти весь отряд юнонов был погребен под каменными обломками. Всего несколько из них удалось вырваться из драконьей пасти, и они сломя голову помчались обратно. Но и их настигли стрелы, пущенные с Мага и Тала.

С горных вершин и до самых облаков взмыл громкий клич победы. Горцы прыгали от восторга и, глядя в небо, простирая к нему руки, выражали радость, благодарили Ахура — Мазду, пославшего им удачу. Несколько человек схватили Камака и стали подбрасывать его в воздух. И во вчерашней, и в сегодняшней схватке с юнонами они оказались сильнее.

Камак улыбался, предавался веселью вместе со всеми, однако на душе у него скребли кошки. Он не мог не отдавать себе отчета, что если не сегодня, то самое позднее завтра сам Искандар приведет сюда бесчисленное войско. Он приложит все усилия, чтобы жестоко отомстить за гибель своих воинов.

Люди постепенно успокоились, ждали от Камака каких-то слов.

— Пусть юноны знают, что мы не бараны, которые спасаются от волка только бегством, — сказал Камак. — Мы не боимся схваток с ними. На нашей стороне справедливость, и Создатель поможет нам! Ибо мы защищаем свою землю и свою свободу!.. Только вы не должны думать, что победа каждый раз будет даваться так легко. Завтра нам будет гораздо труднее. Готовьтесь!..

И горцы стали готовиться к завтрашнему сражению. Одни точили о кремни мечи, другие делали пики, крепя к длинным шестам обломки кос, серпов, третьи катили или таскали втроем-вчетвером к краю обрыва огромные камни.

Вечером, когда в долине сгустилась мгла, Камак разослал по ближайшим кишлакам людей, чтобы незаметно пробрались туда и

разузнали, что и как.

Уже настала ночь, а усрушанцы при свете костров продолжали делать стрелы, изготавливать луки, точить мечи и топоры и все волокли и волокли к краю обрыва огромные глыбы.

Посланные в долину лазутчики вернулись перед утром. Страшные вести принесли они с собой. Юноны не пощадили никого из тех, кто остался в Усрушане, вверив свою судьбу Богу. Старики задушены, женщины изрублены, дети нанизаны на копья...

Люди стали вспоминать, кто там оставался, и молиться об их душах.

И еще была весть: Искандар, прослышав о восстании усрушанцев, страшно разгневался и тотчас выступил с войском из Мараканды. Кони у него сытые, отдохнувшие, завтра, скорее всего, к полудню будут здесь...

Как и предполагали усрушанцы, войско Искандара появилось в долине на следующий день. Только не в полдень, а гораздо раньше. Так они торопили коней. По всем дорогам, что тянулись к горам, а затем, постепенно сливаясь, вели к ущелью, двигались черные точки, словно муравьи, и казалось, нет им конца. Вскоре долина заполнилась людьми, лошадьми, арбами. Вряд ли склоны этих гор когда-нибудь еще видели столь много чужеземных воинов. В одночасье были истоптаны травы, пригодные для пастбищ, порублены для костров сады, вычерпаны родники. В тех местах, куда добирались лишь охотники и чабаны, запестрели разноцветные шатры. Синий дым поднимался от костров, стлался по земле и вскоре затянул синим пологом долину.

У излучины стремительно бегущей с гор речки расположилась ставка самого Искандара. С Маге и Тала хорошо был виден большой белый шатер, возле которого прохаживалась стража. А вокруг шум, суета.

Снизу доносятся ржанье коней, поскрипывание арб, голоса воинов.

Кроваво-багровое солнце постепенно садилось за горы.

Камак не раз слышал, как Искандар под покровом ночи засылал в тыл обороняющимся своих головорезов. Правда, крыльев его воинам, чтобы они могли перелететь через горы, Всемогущий не дал, и все же предосторожность никогда не бывает лишней.

— Передайте всем нашим, пусть разожгут на склонах костры!.. — распорядился он.

Едва начало смеркаться, с одного из склонов стали доноситься редкие глухие удары большого бубна, который согдийцам порой заменяет карнай для созыва народа на площадь. Обычно звуками карнаев сзывают по торжественным случаям. А в равномерных раскатистых ударах бубна есть что-то тревожное и даже трагичное. «Бум — м!.. Бум — м!.. Бум — м!..» — донеслось еще от одной горы, будто в ее недрах забилося огромное сердце. «Бом-бум!.. Бом-бум!..» — переговаривались два мощных бубна. Вскоре к ним присоединился и третий.

— Да что это?! — Александр вскочил и, отдернув полог шатра, вышел наружу.

На склонах гор горели костры. Их было столько, сколько звезд на небе. И казалось: само небо припало к горам. И все новые бубны начинали гроыхать гулко и раскатисто, то слева, то справа. Их удары, становясь все громче, оглушительнее, сливались в сплошной гул, который то скатывался вниз с вершин, как обвал, то взмывал к черному небу, и там, казалось, раскачивались звезды. Время от времени вместе с барабанным гулом доносились, мешаясь в общем хоре, пронзительные крики, похожие на вой стаи хищных зверей. Даже у видавшего виды царя по телу пробежал озноб. Он заметил, что и воины его у костров притихли, с тревогой переглядываются.

Была б на то воля Александра, он заставил бы этих дикарей в горах умолкнуть, каждому приказал забить в глотку по куску камня. Но попробуй доберись до них! И Александр, заставивший содрогнуться мир, быть может, впервые почувствовал себя бессильным. Как не смог бы он остановить, раскинув руки, грудью морского прилива, так не мог он справиться и с этим барабанным гулом и боевыми кличами варваров, несущимися со склонов волна за волной, вселяющих в сердца его воинов неуверенность в завтрашнем

дне и, хуже того, страх. Через десятки государств провел он свое войско, разбирая по камню и уничтожая неприступные крепости и замки, предавая мучительным казням непокорных, а тут не имел возможности прекратить это неистовство. Его воины перед сражением не сомкнули глаз, не отдохнули. Кто возьмется разнести в щепки чересчур горластый бубен вон на той горе, до которой не долетит ни стрела, ни камень из пращи?.. Вряд ли кто. Пока никто не возьмется. Но пусть рассветет, тогда поглядим... Когда мои воины достигнут вершин вон тех, кажущихся неприступными, скалы, они оторвут беснующимся сейчас варварам головы и бросят вниз, в эту изогнувшуюся, как серебряный лук, речку, и она, взбурлив и покраснев от крови, не камни будет катить, а человеческие головы, она донесет их до тех самых полей и садов, которые обрабатывали эти неумные варвары. А теперь сумеет бы только уснуть...

Александр вернулся в шатер. Лег на мягкую тигровую шкуру, которую добыл на охоте сам и которая на себе хранила кружащий голову запах Равшанак, положил голову на обшитое бархатом седло и натянул на плечи суконный гиматий. Засыпая, он видел нежную улыбку совсем еще юной жены. Она так улыбалась, когда он, не умея выговорить ее настоящего имени, называл Роксаной...

По мере того, как из-за горизонта поднималось солнце, стихал бой барабанов. Долина, как одеялом, была укрыта густым туманом и слоящимися полосами дыма. Македоняне, вооруженные небольшими топорами, подобрались незамеченными к Магу и Талу и, закрепив на спине щиты, стали карабкаться вверх. Они старались не шуметь и не вколачивали в щели железных стержней с привязанными к их концам веревками, а набрасывали на уступы петли и сбрасывали канаты вниз. А по канатам уже могли карабкаться и те, кто не имел особой сноровки...

Когда усрушанцы заметили юнонов, облепивших обе скалы, что тебе пауки, они уже достигли той высоты, с которой стрела или камень из пращи могли долететь до вершины. И в юнонов полетели стрелы и камни. Наиболее отчаянные стали спускаться навстречу

карабкающимся врагам, чтобы перерезать уже закрепленные ими веревки. Однако затаившиеся в расщелинах и выемках скалы лучники на близком расстоянии стреляли без промаха.

Сверху падали камни, разлетались на осколки, разя врагов, те срывались и с воплем летели вниз. Их сменяли другие, они лезли и лезли по ставшей скользкой от крови скале. Запас камней у усрушанцев был на исходе, они все реже сбрасывали глыбы, а воинов Искандара все прибывало...

Время перевалило за полдень, когда нескольким скалолазам удалось достигнуть вершины Мага. Обороняющиеся бросились в схватку. Но не для того юноны полдня карабкались, чтобы так легко быть сброшенными вниз. Это были искусные воины, они могли мечом срубить яблоко, не задев ни ветки, ни плода, а щитом жонглировали, как в цирке. Обороняющимся же было привычнее держать в руках рукоять сохи, кетмень и серп. Нападая, они больше мешали друг другу, чем причиняли вред врагу. То у одного края обрыва, то у другого раздавался душераздирающий крик сорвавшегося вниз человека. Теперь падали со скалы не только те, кто вскарабкался, но и усрушанцы, и последних оставалось все меньше и меньше. Зато вражеские шлемы, мечи, топоры, щиты сверкали во множестве. Не выдержали усрушанцы, попятились. Ногу негде было поставить, чтобы не споткнуться об истекающие кровью тела, о корчащихся в предсмертных муках своих и чужих воинов. Усрушанцы поспешно покидали Маг и Тал, спускались, прыгая, как дикие козы, с камня на камень, рискуя сорваться и свернуть себе шею. Их подгоняла надежда найти в ущелье, в горах среди скал, в известных им одним пещерах надежное укрытие. Но внизу их уже поджидали враги, закалывали пиками, рубили мечами.

Солнце село. Долина наполнилась тьмой и горем. Но на вершинах скал было еще светло, и люди могли видеть друг друга и продолжать сражаться, продолжать убивать. Звон мечей, грохот щитов, ор нападающих и обороняющихся, предсмертные стоны стали стихать, лишь когда стемнело настолько, что трудно было отличать своих от чужих...

Александр весь день простоял у шатра и глаз не сводил со скал и

ущелья, где разгорелась страшная битва. С заходом солнца прибежавший оттуда гонец сообщил, что варвары все до одного истреблены.

Александр облегченно вздохнул и хотел было удалиться в шатер и приказать принести вина, но неожиданно на одном из чернеющих склонов он увидел костер. Рядом загорелся другой, третий. И вскоре все склоны оказались усыпанными кострами, точно звездами. Как и в минувшую ночь. И вновь загромыхали барабаны, и донеслись крики варваров. Словно собрались на кровавое пиршество какие-то чудища. «Все до одного?!» — процедил сквозь зубы Александр, передразнивая гонца, и стукнул о ладонь кулаком. Опять не сомкнешь глаз. «Что ж, пусть орут. Обезьяны тоже, сидя на деревьях, строят рожи леопарду! Главное, проход через ущелье свободен...»

Едва рассвело, в ущелье въехали фаланги тяжеловооруженных гетайров. Пропустив их на полверсты вперед, за ними тронулся сам царь в сопровождении агемы и идущих плотной цепью по обе стороны дороги аргираспидов — «среброщитных». И в арьергарде войска двинулись, построившись в фаланги, пехотные отряды гоплитов с тяжелым вооружением и гипаспистов — щитоносцев. Тут было холодно и сыро, как в подземелье. По обе стороны возвышались отвесные, покрытые лишайником скалы. И высоко-высоко вверху виднелась голубая полоска неба. Дорога была усыпана обломками скал, кони спотыкались, храпели, звякало оружие, все эти звуки усиливались, отдаваясь многократным эхом; воинам казалось, что они едут внутри чугунного котла. Те, что впереди, поторапливали коней, чтобы поскорее выбраться на свет из этого гиблого места, а задние ускоряли шаг, боясь от них отстать.

Наконец навстречу пахнул свежий ветер. Скалы по краям ущелья стали меньше ростом и словно расступились, взору победителей открылась широкая зеленая долина с серебристой речкой и весело убегающей вдаль дорогой...

Однако раньше времени возликовали юноны, сочтя себя победителями. Не успели они полной грудью вдохнуть свежего

воздуха, как он завибрировал от пронзительных криков. Со склонов, и слева, и справа, обрушилась лавина людей, как прорвавший плотину вал воды. В руках у всех вилы, косы, дубины, серпы. Шарахнулся конь Александра, присел на задние ноги, вскинулся на дыбы. Царь выхватил меч. И растерявшиеся было македоняне услышали его зычный голос:

— С нами наш Бог!.. Да поможет нам Отец!..

И в этот момент ему ожгло шею. В глазах потемнело, будто на землю упала ночь. И царь свалился бы под копыта сбившихся в кучу хрипящих коней, не подхвати его трое или четверо из агемы. Стрела, лишь задев, улетела. Кровь окрасила одежду царя. Аргираспиды, поддерживая его в седле, обступили со всех сторон, сомкнув серебряные щиты, и понеслись что было духу обратно в ущелье.

Под нависающей скалой было сумеречно и сыро, зато тихо. Лишь издалека доносились крики сражающихся воинов. Царя положили на войлок и стали перевязывать. О, благодаренье тебе, Зевс! Сын твой, придя в себя, открыл глаза. Они у него стали черные, столько в них было гнева. Обескровленные губы прошепестели:

— Всех до одного!.. Никого в живых!..

...А горцы, конечно же, знали, что неминуемая гибель ждет того, кто во время сражения оступится или выронит оружие, или, устав, разожмет пальцы на шее врага, или, утратив мужество, предпочтет плен, и это удесятряло их силы, придавало отваги, и они дрались, как барсы. Много Искандаровых воинов, заговоренных, как считалось, от стрел и меча, пало, а еще больше было ранено. Но слишком невелико было число усрушанцев и поспешивших к ним на помощь мужчин окрестных кишлаков. И они, уступая напору отборных воинов Искандара, гетейров и гипаспистов, подались обратно, в гору. Юноны заметили невысокого коренастого усрушанца с седоватой гривой волос и небольшой бородкой, который руководил боем, пытались окружить его, но всякий раз он ускользал, даже когда почти смыкались вокруг него клещи. Варвары оберегали своего предводителя. Тут каждый уступ, каждая выемка были им хорошо знакомы, и они быстро оторвались от тяжеловооруженных преследователей, скрылись за ровной грядой огромных скал, будто

специально тут поставленных. А юноны, опьяненные победой, спешили настигнуть их, рассыпались по склону, карабкаясь вверх. И вдруг скалы зашатались, как при землетрясении, стали медленно валиться, и, пока юноны сообразили, что происходит, рухнули и покатались вниз прямо на них, с грохотом, раскалываясь, дробясь на куски, разлетаясь на части. Загудела, задрожала земля. Негде было юнонам укрыться. Только тот, к кому был особенно милостив Бог, остался в живых...

Когда Александр с повязкой на шее вернулся к месту сражения, глазам его предстала страшная картина: груды раздавленных людей и лошадей были завалены камнями. И если бы в эту минуту он мог мыслить здраво, то должен был возблагодарить неизвестного варвара, пустившего в него стрелу. Не будь он ранен, может, и ему лежать бы здесь.

И снова долина наполнилась гулом, будто со склонов катилась лавина. Опять понеслись со всех сторон варвары, увидев царя с малым числом гетайров. Но с ним были те из агемы, что побеждали не числом, а умением. В считанные секунды они выстроились в боевые порядки и, выставив длинные копья, двинулись навстречу лавине. Варвары видели нацеленные на них «драконьи зубы», но уже не могли остановиться и стремительно неслись под уклон. Лишь задним удалось остановиться...

С десяток варваров наткнулось на копья, как на вертел. Но те из гетайров, кто оказался не настолько проворен, чтобы успеть выдернуть острие копья из тела поверженного врага и вновь пустить его в ход, тут же пали под ударами топоров следующей волны наступающих.

После краткой, но ожесточенной схватки атака варваров была отбита. Повстанцы отступили вверх, спеша скрыться за горбатой вершиной горы, утыканной скалами и похожей на спину чудовища. И Александр сразу смекнул, что задумали варвары.

— Не отставать от них!.. — крикнул он гетайрам. — Долой панцири!.. Каждому, кто достигнет вершины, — по пятьдесят талантов!..

И верные его гетайры, понимающие царя с полуслова,

устремились за варварами, сбрасывая на ходу панцири, полезные при обороне и мешающие при преследовании врага, отстегивая пояса с тяжелыми ножнами, а настигнув, разили их в спину.

Отступающие видели своих товарищей, уже приготовившихся вышибить из-под каменных глыб опоры, их искаженные от напряжения лица. Но юноны преследовали их, как бешеные собаки, чуть ли не вцепившись в полы одежды, не отставали ни на шаг. И тогда те из усрушанцев, кто был оставлен, чтобы столкнуть вниз глыбы, схватили оружие и бросились на подмогу. И это было их роковой ошибкой. Исполни они то, что было велено Камаком, — град камней смел бы с горы врагов и заодно, конечно, отставших от своих усрушанцев. Зато теперь они праздновали бы победу, а не враги. Горсточка людей, бросившаяся с топорами и самодельными пиками на помощь своим, не смогла изменить ход сражения. Они все пали, как один...

Александр, чувствуя слабость после ранения, но не желая, чтобы это заметили воины, медленно поднялся на вершину горы, с которой открывался вид на долину. Он высоко поднял над головой меч, затем вытянул руку в южном направлении, где была Индия, а потом — в восточном, северном, западном, словно грозя своим оружием всему миру. Вокруг, усыпав склоны горы, толпились его воины, и тысячи глоток одновременно исторгали восторженные крики. Воины славили своего царя, Александра Великого.

Сотни пар глаз следили из-за каменных осыпей, из зарослей тамариска и арчи, которыми были покрыты дальние склоны, за длинной змеей Искандарова войска, что медленно ползла по извилистой серой дороге, переползала через успевшие обмельеть после паводков сая. Неужели и вправду нет на земле силы, способной разmozжить этой змее голову?.. А небольшие змейки — отряды из десяти-пятнадцати аконтистов, вооруженных дротиками, — словно ее жадные детеныши, расплзлись по сторонам и двигались по бездорожью, по склонам гор, осматривая каждую расщелину, каждую скалу. Несколько отрядов пробиралось по гребням ближайших к

дороге гор. Не затаился ли там враг, от которого можно ждать любой неожиданности?

— Здесь пещера!.. — крикнул один из молодых македонян и, выставив перед собой дротик, заглянул в щель, куда можно было протиснуться только боком, да и то, если у тебя не слишком велик живот.

— Это же змеиный лаз, а не пещера!.. — сказал его товарищ, подойдя сзади; грубовато его отпихнув, сам заглянул в расщелину, из которой несло запахом плесени и сыростью; долго всматривался в темноту, пока не стали видны каменные своды и ступени, уходящие куда-то вглубь. Вдруг он отпрянул, чуть не сбив с ног товарища.

— Ты что?.. — удивился тот.

— Там кто-то есть.

— А ну-ка?..

Молодой македонянин зажег факел и наполовину протиснулся в щель, держа наготове дротик.

— Вдруг какой-нибудь дракон?.. Гляди, как бы не отхватил тебе голову! — предупредил пытающийся заглянуть через его плечо товарищ.

В колеблющихся бликах коптящего факела они различили в глубине пещеры людей. Сначала они заметили блестящие красноватые точки. И не сразу поняли, что это широко раскрытые от страха глаза. Потом из темноты проступили фигуры сидящих плотно женщин, прижимающих к себе ребятишек. Были тут и белобородые старцы, и седые старухи, сидевшие замерев, боясь вздохнуть. Они не сводили глаз со входа. Если бы не светились их глаза, то можно было бы подумать, что они изваяны из камня.

Из глубины пещеры послышался стон. Подняв факел повыше, молодой македонянин разглядел лежащих там на соломе раненых варваров. Повязки на них были пропитаны кровью. Некоторые не подавали признаков жизни, быть может, были мертвы. Две старые женщины поили живых водой, поднося к их запекшимся губам чашу.

Македоняне отступили от расщелины. Они увидели едущего далеко внизу на белом коне Александра. Его легко было узнать по накинутому на плечи голубому гиматию и блестящему на солнце

двурогому шлему, с колыхающимся, точно белое облачко, пером. Молодой аконтист, сжимая в руке факел, стал делать круговые движения и заорал, напрягая горло: «Тут люди — и!..» В воздухе подымались колечки черного дыма и быстро таяли.

Александр, заметив сигнал, остановил коня и посмотрел вверх, заслонившись рукой от солнца. Агема позади замерла.

— Что там у них? — спросил он.

— Они кричат, что в пещере люди! — доложили ему.

— Нет ли среди них Камака? — осведомился царь.

У Кратера был мощный голос, он сложил рупором ладони и крикнул, что интересуется царя.

Чтобы ответить царю, аконтистам пришлось, подталкивая друг дружку вперед, влезть в пещеру, проклиная ее за то, что она попалась им на пути.

Через несколько минут с горы долетел голос:

— Здесь женщины с детьми, старики и раненые!..

— Нет ли среди них Камака? — снова повторил царь.

Кратеру вновь пришлось потрудиться.

«Камака!.. Камака!.. Камака!..» — эхом отозвались горы.

Царю доложили, что предводителя восставших варваров в пещере, увы, нет.

— Пещеру замуровать! Дабы ни один оттуда не выбрался! — приказал царь и тронул коня.

Время шло, солнце скрылось за горами, а небо сделалось красным, будто и до него долетели брызги крови, однако Александру все еще не принесли головы Камака. И от этого он все более раздражался. Друзья пытались завязать с ним разговор, отвлечь от невеселых мыслей, но царь молчал, казалось, и не слышал того, что ему говорили. Более двадцати тысяч варваров прикончили его доблестные воины, но не ликовала душа царя. Коли нет Камака ни среди мертвых, ни среди пленных, значит, немало еще осталось в живых тех, кто не пожелал признать его сыном Бога и своим царем, не поверил в его бессмертие и желает его гибели... Ну, куда мог подеваться этот чертов Камак? Не улетел же он со скалы Маг в небо?.. Кто там был, ни один не уцелел. А Камак находился там,

Александрю это доподлинно известно. Или существует тропа, по которой могут пройти лишь горные козы да этот предводитель варваров? Или беркут какой — с которыми, говорят, варвары водят дружбу, — подхватив его на крылья, перенес в другое место?.. Вон их сколько кружит в небе: здесь уже ночь, а для них день еще не кончился...

А что это там светится на горе? Уж не костер ли? Чем гуще становятся сумерки, тем он ярче. Вон слева от него появился еще один. И справа... Опять костры на горных склонах. И опять ветер доносит гулкие удары барабанов...

Лицом к лицу...

Гонцы Камака не сразу разыскали Спитамена, редко задерживающегося на одном месте дольше одной недели. Он часто менял место расположения своего лагеря. Поэтому посылаемые Искандаром отряды наиболее маневренных гипотоксотов, легкой конницы, вооруженной луками и стрелами, способной задержать врага до прибытия гетайров, уже не раз заставляли на месте его стоянки лишь пепел от костров. И усрушанцы нашли его совсем не там, где он, по их сведениям, должен был находиться.

Узнав, с чем к нему пожаловали горцы, Спитамен тотчас велел трубить сбор. Однако он отдавал себе отчет, что опоздал. Искандар, скорее всего, уже давно завязал бой с усрушанцами, и подоспеть им на помощь можно не ранее, чем дня через четыре, да и то, если всюю гнать лошадей. А как вступать в сражение на усталых конях? Им хотя бы день надо отдохнуть... Спитамен без колебаний принял единственно правильное решение, которое могло сорвать планы Искандара, отправившегося в рейд по горным дорогам, чтобы уничтожать на своем пути селения, наказывать непокорных горцев. До Мараканды от стойбища Спитамена был всего день пути. Искандар сразу же повернет обратно, узнав, что Мараканде, где осталась его любимая Равшанак, грозит опасность...

Спитамен приблизился к Мараканде ночью и расположился вокруг нее лагерем. На рассвете с городских стен увидели

поставленные поперек дорог, ведущих к городу, арбы и белеющие в отдалении шатры. Группы конников носились, пыля, по степи. По дорогам расхаживали воины и всякого, кто шел или ехал с утра на городской базар, заворачивали обратно. В городе тотчас поднялась тревога. Уже достаточно рассвело для того, чтобы по одежде и воинскому оснащению легко были узнаваемы не только согдийцы, но и бактрийцы, массагеты, саки.

Спитамен с Датафарном и Шердором подъехал к воротам. Задрал голову, они некоторое время вглядывались в бойницы надвратной башни. Спитамен крикнул:

— Эй, вы там, спите, что ли?

— Что тебе надо, Спитамен? — послышался знакомый голос начальника привратной стражи.

— Разве сам не соображаешь, что мне надо попасть в город? Открывай подобру-поздорову!..

— Спитамен, ты видишь, какие у Мараканды высокие и прочные стены. А ворота надежнее, чем прежде. Их и дэву не отворить, если мы не отопрем изнутри. Лучше пожалей себя и своих воинов...

— Если нам придется открывать ворота самим, пощады не жди!..

Спитамен надеялся на согдийских военачальников, которых Искандар оставил у себя на службе. С ними он поддерживал тайную связь.

— Э — эх, — выговаривал с башни начальник стражи, как видно, считая, что наличие седой бороды дает ему право читать нравоучения. — Неужели тебе не надоело проливать кровь? Живем мы тут тихо, спокойно, не хуже, чем при Дариявуше.

Спитамен потребовал, чтобы позвали согдийских сахибкиронов, назвав их по именам.

— Они все казнены как изменники! — сказал начальник стражи.

Это известие потрясло Спитамена. Заметив, как он побледнел, Датафарн в сердцах сказал:

— Позволь мне вскарабкаться на башню, и я сброшу этот говорящий мешок на острие твоего копья!

То же Спитамен сейчас с гораздо большим удовольствием проделал бы сам. Но этим ничего не поправишь. Если начальник

стражи говорит правду, то дела их очень плохи. Приступом Мараканду вряд ли возьмешь. Сил маловато. Надо думать, как выходить из положения, посоветоваться. Одна голова хорошо, а десять — лучше...

Спитамен поворотил коня и поехал прочь от ворот.

К Спитамену в шатер пришли на совет ближайшие его помощники Датафарн, Шердор, Зуртош и присоединившийся к нему недавно со своим воинством Хориён, а также предводители массагетов и саков. Солнце поднялось высоко, началась духота, при которой одолевает жажда. Перед сидящими вдоль стен шатра стояли чаши и кувшины с холодным кумраном. Совет единомышленников походил на обыкновенную беседу, которую вели, попивая приятный напиток.

— Мараканда — сердце Согдианы. Ее основал наш предок Кайковус. Намич проявил трусость и сдал врагу не только столицу, но и всю казну. А нам нужны деньги. Очень много денег. Не для роскоши, не для того, чтобы делать женам подарки, а для приобретения оружия и чтобы уплатить долги массагетам и скифам...

— Возьмем город и овладеем казной!.. — предложил нетерпеливый Датафарн.

— Взять — то, может, и возьмем. Но удержимся ли?.. — высказал опасение рассудительный Хориён.

— А то нет!.. — воскликнул самоуверенный Зуртош. — Стены Мараканды вон какие! Тараны Искандара сломаются, но не пробьют...

— Вы забываете, что на стороне Искандара есть и посильнее союзник, чем его тараны. Осады нам не выдержать — у нас начнется голод, — сказал Хориён.

— Надо заставить Искандара вернуться, — сказал Спитамен. — Как только получим известие, что он близко, покинем город и уйдем в степь.

— При штурме стен погибнет много людей. Стоит ли платить такой ценой лишь ради того, чтобы два-три дня пробыть в

Мараканде?.. — рассуждал Хориён.

— Нам нужна казна. Массагеты и скифы требуют денег, — сказал Спитамен и посмотрел в глаза Хориёну. «А не другая ли причина заставляет действовать тебя именно так?» — прочел он в них.

Спитамен опустил глаза. Конечно, он не раз вспоминал Равшанак. Если бы ему удалось заполучить ее, то он смог бы диктовать Искандару свои условия. Но он не произносил этого вслух, боялся, что его не так поймут. Могут подумать, что он хочет взять Мараканду из-за женщины. Хориён, кажется, уже так подумал...

Снаружи донеслись голоса стражников, кого-то задержавших, поскольку им было приказано никого не пропускать, пока длится совет. Началась перебранка. Кто-то продолжал настаивать, чтобы о нем доложили Спитамену.

— Кто там? Что ему нужно? — громко спросил Спитамен.

В шатер, откинув полог, вошел один из стражников:

— Говорят, там пришли усрушанцы, господин!

— Проводите их сюда!

Все поднялись и стали по одному выходить из шатра.

Оказалось, что это Камак с несколькими товарищами. Все были ранены. Тяжелее всех Камак. Поддерживаемый с двух сторон, он еле передвигал ногами. Ему тут же было постлано на траве по тенистую сторону шатра. Послали человека за табибом. Спитамен распорядился оказать помощь и другим усрушанцам, их развели по шатрам, чтобы умыть, перевязать раны, накормить и напоить. Однако молодой усрушанец, поддерживавший Камака под руку, остался, полагая, что может пригодиться своему предводителю. Опустился возле него на колени, поправил подушки, которые подложили Камаку за спину, чтобы ему было удобнее сидеть, поднес чашу с холодным кумраном. Отпив, Камак утер рукой губы и сказал:

— Одолели нас юноны, Спитамен... Немногим из наших удалось спастись... Но что ни день поднимаются против Искандаровых войск жители других кишлаков... — Камак умолкал и делал длинные паузы, ему было трудно говорить. — Но им никогда не уничтожить нас всех, Спитамен... Еще не раз сердце Искандара сожмется от страха, когда он услышит о нас... Пусть не думает, что этим все кончилось.

Главная битва впереди...

Спитамен опустиллся возле Камака на одно колено и, положив ему на плечо руку, сказал:

— Ты прав, храбрый воин. Усрушанцы напомнили кровожадному Искандару, что и он смертен. Он еще раскается, что пришел к нам, в Согдиану... Прости, я должен покинуть тебя. Пришел таиб, чтобы облегчить твои страдания. Скорее выздоравливай, и мы еще сразимся с Искандаром... — Спитамен встал и обратился к молодому усрушанцу, на которого до этого поглядывал с любопытством: — Скажи, джигит, где я мог тебя видеть?

— В селении Хамад. Мне и Зохиду старейшины поручили стеречь Бесса...

— А-а, так ты и есть один из тех, кто хотел до самого Экбатана следовать за Бессом, надеясь овладеть его перстнем? — засмеялся Спитамен.

— Да что вы, господин, — смутился Танук. — Это Зохид не желал расстаться с таким богатством. Теперь из-за него треплют и мое имя. Воистину, возясь с котлом, нельзя не измазаться сажей...

— Перстень, проглоченный Бессом, стал притчей во языцех. Шайки разбойников шныряют вокруг Экбатана, ищут место, где предан земле этот несчастный царь царей...

В тот день в лагере был объявлен траур по погибшим усрушанцам. Чтобы умилостивить Ахура — Мазду, совершили обряд жертвоприношения, зарезали несколько верблюдов и лошадей. Разожгли огромный костер, и, когда искры и дым достигли неба, жрецы обратились к Всемогущему с молитвами...

Александр остановился в небольшом селении Хата, прилепившемся к основанию высоченной горы, увенчанной ледяной шапкой. Тут было прохладно. По ночам даже выпадал иней. Горный ландшафт напоминал воинам их милую Македонию. Им приятно будет отдыхать тут целых три дня. В хижины натаскали побольше соломы, чтобы было мягко и тепло спать. А через три дня, покидая селение, они бросят на солому головешки. По пути они уже сожгли большие кишлаки Газо, Килес, Мамакент и еще несколько, названий которых и не выговоришь, не сломав язык. А сколько их еще будет

впереди... Чтобы никогда впредь не посмели варвары выступить против сына Бога, и потомкам своим накажут... конечно, если кто из них уцелеет... Так размышлял Александр, облаченный в восточные одеяния, полулежа на мягких матрацах и покуривая поданный ему чилим с дьявольской травой, от которой приятно кружилась голова, а по телу распространялась сладкая истома, которая поневоле заставляла думать о чем-нибудь приятном...

Но от приятных мыслей Александра отвлекли донесшиеся со двора резкие голоса. Он сел, раздраженный тем, что ему испортили настроение.

— Плохая весть, Великий царь!.. — сказал Лисимах, войдя в комнату, а затем пропустив гонца.

На том не было лица. Он оброс, почернел, глаза ввалились. «Похоже, он загнал не одного коня», — подумал царь и протянул руку для простокинезы.

Гонец бухнулся на колени, облобызал униженные перстнями пальцы царя и вздохнул заговорил:

— Спитамен у Мараканды!.. Осадил ее со всех сторон!..

— Достаточно!.. — резко сказал Александр. Зачем выслушивать слова, которые далеки от того, чтобы ласкать слух? Жестом руки он разрешил гонцу удалиться. Ему не хотелось, чтобы даже Лисимах заметил, как он ошеломлен этой вестью. «Проклятый варвар!.. — подумал Александр, сжав до хруста пальцы в кулак. — Кажется, он не так прост, как я вначале предполагал. Когда он выдал мне Бесса, я воспринял это как знак покорности. А его отказ от встречи со мной мог свидетельствовать только о том, что он мне не доверяет и боится. Ничего, и дикого зверя приручают — при помощи плетки и голода. Но все же не всякого. Этого азиата, видно, не очень-то приручишь. И коварства ему не занимать... Немало приверженцев Бесса ныне служит у Спитамена. Чем-то он привлек, этот варвар, простили же они ему измену их кумиру. Только двоих удалось подкупить, но когда они стали подговаривать других, чтобы организовать заговор, выдать Спитамена и тем самым заслужить мое прощение, то были тут же связаны и отведены к предводителю...»

Лисимах стоял и ждал, когда царь заговорит.

— Нам придется возвращаться в Мараканду, Лисимах!.. — сказал Александр; хилиарху показалось, что голос его прозвучал весело, и ему подумалось: «Соскучился по своей красоте...» — Собери войско. Я буду говорить.

Лисимах отвесил поклон и вышел.

Александрю с каждым разом становилось все труднее выступать перед войском. Лица воинов не были озарены азартом, как в начале похода, а выглядели скорее мрачно. И все больше голосов раздавалось с требованием идти обратно в Македонию, возвратиться домой. И день ото дня эти голоса становились громче. Понять горлопанов, конечно, можно. Более шести лет не видели они детей своих и жен, матерей, отцов. Отправляясь на войну, он обещал им молниеносный рейд по персидским землям, легкие победы и богатую наживу. Он не обманул их: одержанные ими победы прославили на всю ойкумену македонское оружие; и добычи столько, что каждый ведет с собой второго, а то и третьего коня с поклажей. Тоскуют по женам?.. Да они же в каждом городе (взятом штурмом или сдавшемся на милость победителя) имеют по сорок дев для потехи!..

Размышляя об этом, Александр потягивал чилим.

Появился Лисимах и доложил, что войско построено.

Царь в наброшенном поверх персидского халата гиматии медленно взошел на зеленый пригорок, усыпанный буграми, как бородавками, свидетельствующими, что тут находится кладбище. Вслед за ним поднялись долговязый и самоуверенный Лисимах, приземистый и жилистый Кратер, великан Менедем, способный ударом кулака свалить быка с ног, красавец и любимец гетер Андромах, хитроумный Фарнух, заносчивый и вспылчивый, зачинатель почти всех ссор на пирах Карен и любимец царя Клит. Видя их рядом с Александром, каждый понимал, что эти предводители войска особо отличились в последних сражениях, и потос⁸⁴ их отмечен царем. Так было заведено Александром давно: когда он выступал перед войском, около него занимали места наиболее достойные, те, с кого все остальные должны брать пример.

⁸⁴ Потос (букв. «побуждение») — в понимании Аристотеля и Александра — стремление к подвигу, присущее героическим личностям.

И не всегда это были одни и те же гиппархи и хилиархи. Периодические «приближения» и «отлучения», практиковавшиеся царем, заставляли тех, кто был отмечен царской милостью, служить особенно ревностно, дабы не навлечь на себя гнев избранного самим Богом.

У подножия пригорка стояли агема и аргираспиды, спиной к царю, лицом к выстроившимся квадратами пешим воинам; замерев и с восторгом взирая на царя, стояли аконтисты, гипасписты, гоплиты, пельтасты; за ними в четыре шеренги вытянулась конница, поделенная на илы⁸⁵ по двести человек — гетайры, продрома, гипотоксы. Над ними ошетинился лес пик и развевались стяги. Было морозно, из конских ноздрей струйками валил пар.

Войско громкими возгласами приветствовало царя. Раскаты голосов, отраженные скалистыми склонами, взмыли вверх к облакам, которыми были окутаны снежные вершины. Царь поднялся, чтобы его было виднее, на надмогильную плиту и поднял руку. Воцарилась тишина.

— Сыны великой Македонии! — обратился царь к притихшим воинам. — Я вел вас, как и обещал, дорогами побед. Мы продвигались так быстро, что нас с трудом нагоняли вести с нашей милой родины. Ваши жены считают вас героями, а дети с гордостью произносят имена отцов. Скоро вы вернетесь к ним, и ваши дети, повзрослев, станут одними из самых богатых людей во всей ойкумене...

— Слава великому Александру!.. — раздались новые возгласы.

И тут же другие:

— Домой пора — а!.. Домо — о-ой!..

— Домой!..

— До — омо — о-ой!..

Царь снова поднял руку. Резкий ветер пытался сорвать с него гиматий.

— Те, кого мы оставили в Мараканде, тоже хотят домой!.. Доблестные мои воины! Нас в пути нагнала недобрая весть. Один из

⁸⁵ Ила — эскадрон.

варваров по имени Спитамен со своим ничтожным войском осадил Мараканду. И теперь мы вынуждены поспешить на подмогу нашим братьям...

Красноречие не раз выручало Александра. В такие моменты он с благодарностью вспоминал своего учителя, старика Аристотеля, который не уставал повторять, что человека от животного отличает умение говорить красиво, и давал ему уроки ораторского искусства. От него узнал Александр о греческом ораторе Демосфене, доводившем до отчаяния своими желчными речами — «филиппиками» отца Александра, о том, что в юности Демосфен был косноязычен, как жующий жвачку вол. Оказывается, он уединялся на берегу моря и, набив рот камешками, произносил речи, обращаясь к волнам, чайкам и скалам, деревьям, и в конце концов достиг такого совершенства, что дерзнул выступить даже против македонского царя Филиппа. Слушая рассказы про Демосфена, Александр испытывал к нему не неприязнь, а скорее уважение.

Обращаясь к войску, разговаривая с воинами как равный с равными, царь видел: их лица преображались. Он рисовал красочные картины возвращения в милую сердцу Македонию, сулил награды и обещал благоденствие. Но лишь после полного покорения ойкумены. Они должны сделать то, с чем не справился даже великий Геракл.

— Десять талантов в награду тому, кто доставит ко мне живым или мертвым Спитамена!.. Только с его устранением в Согдиане воцарятся мир и спокойствие. Кто собрал и сплотил против нас еще недавно враждовавшие между собой племена дахов, массагетов, саков, не говоря уже о согдийцах, бактрийцах и персах?! Он, Спитамен! Кто подстрекает против нас скифов — степняков?.. Спитамен!.. Проучим же, братья, самоуверенного варвара, не посрамят нашего оружия!..

— Правильно!.. — крикнул один из стоявших в первом ряду конников. — Да покровительствует нам отец нашего царя Зевс!..

Александр указал на него пальцем:

— Назови свое имя, гипотоксот.

— Фарнух из Ликии.

— Назначая тебя, доблестный Фарнух из Ликии, командовать

илой! Вместе с этими прославленными полководцами... — царь показал рукой на стоящих позади него военачальников: — Ты тоже поведешь войска на Мараканду!

— Слава Александру!.. — взмыли вверх возгласы.

— Слава — а!..

— Слава — а!..

Спитамен расставил дозоры на всех дорогах, где могли появиться летучие македонские продромой⁸⁶. Каждое утро, выходя из шатра, полководец невольно смотрел на восток, на синеющие вдаль горы: не видно ли там, на горизонте, пыли?

С городских стен наиболее горластые орали: «Вот вернется великий Искандар, он насадит ваши башки на копья!.. И птицы будут выклевывать ваши мертвые глаза!..» Спитамен при этом чувствовал себя так, словно его полоснули по сердцу ножом. Если бы это юноны орали, еще куда ни шло, а то ведь свои, согдийцы. «За сколько же вы продали души двурогому дьяволу?»

Спитамен ожидал появления юнонов из-за гор, туда они ушли. Но гонец примчался с запада, где простиралась степь. Спрыгнув с запаренного коня, он доложил:

— Жди македонского войска во главе с Фарнухом и Менедемом!.. — и указал рукой в ту сторону, куда солнце ежевечерне отправляется на ночлег.

Спитамен подал чумазому и тяжело дышавшему гонцу чашу с кумраном:

— Испей. Потом скажешь, какое войско ведут Фарнух и Менедем!..

Гонец пил жадно, его острый кадык ходуном ходил. Вытерев рукавом губы, он выдохнул:

— Они ведут конницу, вооруженную сариссами, луками и стрелами. По сто пятьдесят ил у каждого.

Спитамен усмехнулся. Кажется, он разгадал, что задумал

⁸⁶ Продромой — легкая конница и пехота, которым поручались разведка и преследование противника.

Искандар. Вот почему он обнаружил себя на два дня позже, чем мог сюда поспеть. Он отправил в обход Мараканды часть своего войска, чтобы она, нагрянув с запада, застала осаждающих врасплох. Мол, варвары, не разобравшись, в панике кинутся, ища спасения, к горам. Вот там-то Искандар и встретит их с основными силами... Значит, надо действовать вопреки логике коварного македонского царя: немедленно выступить навстречу Фарнуху и Менедему. Нельзя терять ни минуты. Искандар не раз выигрывал сражения благодаря умению совершать молниеносные броски. Они встретят юнонов там, где те их совсем не ждут.

Спитамен обернулся к Датафарну:

— Пусть сворачивают шатры и грузят арбы. Мы уходим.

Спитамен снял осаду и увел свое войско в степь.

Уже отдалившись на значительное расстояние, он услышал, как радостно затрубили в Мараканде карнаи и сурнаи. У всех ли там сейчас празднично на душе?.. А сколько таких, кто закрыл в собственном доме двери и ставни, чтобы никто не видел на глазах у него слез?..

Спитамен ехал впереди войска и, заслонясь рукой от солнца, обозревал горизонт. Эту степь он знал, как свои ладони. И мысленно уже выбрал место, где бы ему хотелось встретиться лицом к лицу с юнонами. Он уже прикинул, как будет разворачиваться сражение, продумывал мелочи. Конечно, редко все происходит так, как предполагаешь, и все же...

Спитамен остановил коня. Подъехавшим Датафарну и Хориёну показал на холмы, цепочкой убегающие вдаль и напоминающие верблюжьи горбы. В незапамятные времена намело тут песчаные барханы, поросли они верблюжьей колючкой, саксаулом да прочей выносливой, устойчивой к засухе травой и кустарником, и осталась тут на веки вечные гряда подковообразных холмов. Слева пять-шесть пологих небольших, затем цепь словно обрывается... а далее, правее, снова восстанавливается и тянется до самого горизонта.

— Здесь мы их и встретим, — сказал Спитамен. — Ты, Датафарн, встанешь со своими джигитами вон на тех холмах, что слева, да так, чтобы вас было хорошо видно... А ты, Хориён, со своей сотней и

двумястами массагетов займешь те, что правее...

Хориён кивнул, однако понимал, что Спитамен сказал еще не все. Переглянувшись с Датафарном, ждали, когда скажет. А Спитамен продолжал разглядывать горизонт. Зрачки его то расширялись, то сужались, он напряженно о чем-то думал.

Над холмами справа курилось дрожащее марево, которое возникает при испарении влаги. Там был лес, хотя в это трудно было поверить. Ведь вокруг, насколько хватает взгляд, земля истрескалась от безводья, тверда, как камень, и горе лошади, если нога провалится в трещину; но местным коням привычно скакать по такой земле... И невозможно предположить, что на расстоянии всего семи — восьми верст отсюда лес, непроходимые тугаи. Потому что там Политимет: он, изогнувшись петлей, достигает этих мест.

— Юноны издалека заметят нас. И наверняка подумают, что вы только того и ждете, чтобы они направились вон в тот широкий проход между холмами. Однако они ни за что на это не пойдут, ибо сразу вспомнят Маг и Тал, хотя между теми скалами и этими холмами никакого сходства... Как ты думаешь, Датафарн, как они поступят?..

— Какой же дурак сунет голову в петлю? Конечно, они пойдут в обход!

— И с какой стороны юнонам удобнее обойти нас?

— С этой, — показал рукой Датафарн влево. — Им не составит труда обогнуть пяток холмов. За ними степь ровная, как дастархан, можно не опасаться засады.

Спитамен перевел взгляд на Хориёна.

— Датафарн прав, — сказал тот. — Справа холмы идут сплошной стеной. За ними может укрыться большое войско... Юноны пойдут слева.

— Я тоже так думаю, — сказал Спитамен. — Они решат, что наши главные силы скрыты холмами. И дай — то Бог, чтобы мы не ошиблись в своих расчетах, — проговорив это, Спитамен провел по клиновидной бородке ладонями. — Когда они начнут тебя, Датафарн, обходить, ты боя не принимай. Челюсти у крокодила крепкие... Уходи в степь. И постарайся как можно больше напылить — чтобы они не сразу заметили, что за холмами никого нет. Они начнут тебя

преследовать. Привыкли, что противник от них только и знает, что бежит... А ты, Хориён, останешься на холмах с массагетами. Только после того, как часть юнонов бросится в погоню за Датафарном, вступишь в бой. А до того — ни с места, слышишь? Твоя вторая задача — перекрыть юнонам путь, когда они, спасаясь, побегут к Мараканде...

— Побегут?.. — усмехнулся Хориён. — Пока что чаще бегут от них...

— Побегут, — сказал Спитамен. — И еще как!.. — он снова внимательным взглядом окинул горизонт, который постепенно становился желтым. Значит, к небу поднималась пыль. Только ветер мог взметнуть ее так высоко или копыта многочисленных коней. Ветра не было, не шевелилась ни одна былинка.

— Нам, кажется, надо спешить, — сказал Спитамен и посмотрел в глаза Датафарну; в его взгляде были и просьба беречь себя, и желание передать свою уверенность, и прощание: — Постарайся, чтобы юноны, преследуя тебя, прошли как можно ближе к тугаям. Я, Зурташ и Шердор будем там.

Теперь Датафарну и Хориёну все стало окончательно ясно.

Обмениваясь рукопожатиями, они мысленно пожелали друг другу удачи: развернув коней, разъехались в разные стороны и подали знак своим отрядам следовать за ними...

С покатых, словно черепаший спины, холмов было видно далеко. Туча пыли, приближаясь, все росла. Так обычно движется самум, ломая старые саксаулы, заноса песком целые караваны... Вскоре у основания рыжей тучи стала приметна черная лава, а из нее постепенно стали выпрыгивать отдельные конники, арбы с поклажей и верблюды. Юноны, видно, тоже издалека приметили на холмах всадников, на ходу стали разворачивать ряды и охватывали все большее пространство степи.

Приблизившись на расстояние, когда стали различимы древки копий, мерцание шлемов и оружия, юноны остановились, вглядываясь, вероятно, в холмы и прикидывая, что предпринять... Наконец правое крыло их войска стало вытягиваться, расти. Они ринулись в обход холмов.

У Датафарна радостно забилося сердце. Исторгнув торжествующий клич, он высоко поднял меч и стремительно съехал с холма. И войско с гиканьем устремилось за ним. Этот неожиданный маневр вызвал в рядах юнонов замешательство. Воинство Датафарна состояло из степняков и горцев, с детства привыкших к охоте, им ничего не стоило сбить с дерева яблоко, не испортив плода и не задев ветви. Ураганом пронеслись они мимо юнонов, едва различимых в пыли, и выпустили в них стрелы, по несколько каждый, метя в шею, живот. И горе тому, кто не успел прикрыться щитом. Немало их, коротко вскрикнув, повалилось с коней.

Македоняне выставили сариссы — длинные копья, готовясь принять бой. Но варвары промчались мимо, осыпав их тучей стрел, и направились в степь, закинув за спину щиты.

Фарнух спохватился первым. Он вспомнил, что варвары имеют обыкновение исчезать в степи, как иголка в стоге сена. Попробуй их потом найти. Вряд ли Александру понравится, если они их упустят.

— Вперед, вперед!.. Не терять из виду! — заорал Фарнух, прищпоривая коня и держа наготове сариссу, которой он пронзит спину врага, как только расстояние между ними сократится настолько, чтобы можно было добросить копье...

Деревья джиды и тамариска были низкорослы, разрослись, не в высоту, авширь и больше походили на огромные кусты. Ветки их были сплошь покрыты огромными шипами, и воинам Спитамена стоило немалого труда пробраться в тугаи, да еще провести и коней. Теперь они стояли, держа коней в поводу, и, точно из-за зеленой сети, наблюдали за тем, как разворачиваются события около холмов.

Всего шагах в двустах от тугаев промчался, отстреливаясь, отряд Датафарна, поднимая облако пыли. И не стих еще гул копыт уносящихся коней, как со стороны холмов стала накатываться вторая гроыхающая волна, и сквозь едва поредевшую клубящуюся завесу Спитамен увидел несущихся с копьями наперевес юнонов... «Благодарение Ахура — Мазде», — подумал он и проверил, надежно ли закреплены на голой руке налокотники, сделанные из трех слоев

толстой бычьей кожи. Из такой же кожи панцирь защищал грудь и спину, поверх него была накинута тигровая шкура; шлема Спитамен не надевал — так легче уклониться от ударов и, стало быть, уберечь голову.

Наконец, сотни Фарнуха достаточно оторвались от илы Менедема. Спитамен прыгнул в седло и рванул из ножен меч...

Македоняне заметили, как слева от них в зарослях вдруг вырос целый лес копий и, словно из-под земли, возникли всадники. Передние уже пронеслись мимо, а задние стали осаживать коней...

Спитамену издали было видно, как массагеты Хориёна лавиной схлынули с холмов и как за их коричневыми горбами, словно растрепанные рыжие космы, поднялась пыль. «Пора!...»

Конница Спитамена вылетела из зарослей, как пущенная из лука стрела, врезалась в левый фланг юнонов, отсекая их арьергард...

Датафарн ждал этого момента, чтобы, описав по степи дугу, повернуть обратно и встретиться лицом к лицу с Фарнухом...

Битва разворачивалась, как запланировал Спитамен. Юноны поняли, что их перехитрили. Теперь лишь личная доблесть и умение владеть оружием могли помочь им и спасти. Бились они отчаянно. Сражение длилось до вечера, перемещаясь то на одну сторону холмов, то на другую. Все перемешались, согдийцы и юноны. Не сразу можно было разобрать в пыли, где кто. Слились в сплошной вой, какой сопутствует самуму, крики бьющихся насмерть воинов, ржанье и храп коней, звон мечей и треск ломающихся копий.

Фарнух увидел на черном, как вороново крыло, коне рослого, словно вылитого из бронзы, варвара. Он был без шлема, вьющиеся пряди темных волос прилипли к потному лбу. Глаза мечут молнии. Могучий торс от левого плеча прикрыт тигровой шкурой. Правая рука, которой он сжимает длинный меч, оголена, на ней, будто свитые из канатов, играют мускулы; в левой щит. Вороной вертится волчком, встает на дыбы, и где сверкнет меч хозяина, там летят с плеч головы, валятся сыны Эллады под копыта коней, разрубленные от плеча до седла...

Фарнух поднял коня на дыбы и замахнулся копьем, чтобы запустить им в варвара... «Спитамене — е-ен!..» — дико закричал кто-

то. Варвар заметил опасность и успел пригнуться. Копье, лишь слегка задев его, вонзилось в шею лошади македонянина. Фарнух пронзил мечом того, кто окликнул своего главаря. И развернул коня, стараясь не потерять из виду согдийца в тигровой шкуре. «Так это и есть Спитамен?..»

— Эй, Менедем!.. — окликнул он бьющегося неподалеку великана, который сыпал удары направо-налево и, казалось, готов был сокрушить все на своем пути. — Вон с кем сразиться достойно истинного македонянина!

— Мне бы только до него добраться!.. — сверкнул глазами Менедем.

— Побереги голову, если собираешься вернуться в Македонию! — деланно рассмеялся Фарнух.

Менедем, подняв над головой щит и меч, с громким возгласом поддал пятками в бока могучему коню. И конь, расталкивая грудью схватившихся насмерть врагов, тесня согдийцев и своих, стал приближаться к Спитамену.

— Эй, варвар!.. — крикнул Менедем. — Твоя печень сегодня достанется собакам!..

Спитамен повернул в его сторону коня. Юнон был в бронзовых латах. Спитамен отразил удар, подставив щит, меч гиганта скользнул по нему рикошетом. С маху ударил юнона по плечу — сломался меч у самой рукояти. Снова Спитамена спас его щит с изображением головы Карасача с распущенной гривой...

Шердор заметил, что Спитамену грозит беда, над ним кружится смерть. Вступив в поединок с гигантом, он словно забыл о других юнонах, любой из которых может неожиданно нанести удар в спину или сбоку. Он окликнул Зурташа, едва не насадив себе горло. Голос его с трудом продрался сквозь грохот и шум. Зурташ услышал. Обернулся и все понял. Они попытались вдвоем пробиться к Спитамену. На помощь к ним бросился Камак, еще не снявший с себя повязок. Втроем им удалось оттеснить врагов, очистить площадку, на которой два рыцаря вступили в поединок. Издревле существовал неписанный закон: опозоренным быть тому из рыцарей, за которого вступится кто-то другой, а тому, кто погибнет в честном бою, —

честь и слава...

Кони рыцарей, вороной и каурый, тоже словно бы вступили в схватку, вскидывались на дыбы, метя друг в друга передними копытами, кусались, ржали. Спитамен то уклонялся от свистевшего над головой меча, то закрывался щитом. В очередной раз увернувшись от удара, он обрушил свой щит на голову Менедема. И тот опомниться не успел, как Спитамен оказался позади него на его кауром. Отбросив щит, обхватил противника рукой за пояс, а правой стиснул его запястье, не давая размахнуться мечом. «Пр — рроклятъе...» — зарычал Менедем, не в силах повернуться, чувствуя себя опутанным по рукам и ногам. Спитамен оторвал его от седла, приподнял над головой и бросил вниз под копыта коней.

Это произошло в какие-то доли секунды.

Многие юноны, видевшие это, стали рассеиваться в панике по степи. Их преследовали группами и в одиночку скифы, стреляя из луков.

Вечерело. Земля погружалась в синюю тень. Постепенно битва затихала. Лишь на некоторых холмах и между ними все еще продолжались жаркие схватки. Но многие из победителей уже вылавливали оставшихся без хозяев коней. Другие, взвалив на плечи раненых, тащили к обозу, чтобы оказать помощь. Некоторые метались по полю, клича кого-то по именам, отцы искали среди павших сыновей, сыновья отцов.

Скифы и массагеты потрошили брошенные юнонами арбы, расхватывая и вырывая друг у друга рулоны тканей, ковры, разрешая споры при помощи кинжалов — рассекая ткани и ковры пополам. Рассекали и кожаные мешки, из которых высыпались в пыль драгоценные украшения...

В пяти или шести крытых арбах оказались плененные юнонами горцы и юные горянки, предназначенные для продажи в рабство. Обделенные добычей бросались к ним, выбирали пленниц, намереваясь обратить их в своих наложниц; разбивали на руках пленников наручники, освобождали ноги от пут...

Об этом донесли Спитамену, и он, подстегнув Карасача, помчался к захваченному обозу, успев крикнуть: «Пришлите туда Камака!..» Он

издалека увидел, как скифы, придерживая одной рукой на спине мешок, другой тащили упирающихся девушек.

— Люди! Опомнитесь! — крикнул Спитамен, осаживая коня. — Разве вы их вызволили из неволи для того, чтобы сделать своими рабынями?.. У них есть отцы и матери, которые, как и вы, лютой ненавистью ненавидят Искандара. А некоторые из них отдали свою жизнь во имя спасения отчизны. Того, кто родился свободным, только враг может обратить в рабство. А вы разве враги согдийцам?..

Тем временем к Спитамену подскакал Камак, а отряд его обступил полукругом нагруженных добычей скифов и массагетов, преградив им путь.

— Разве то, что вы несете, принадлежит вам? — продолжал Спитамен громовым голосом.

— Это военная добыча! Зря, что ли, мы жизнью рисковали?.. — был ответ.

— Наша добыча — это отобранное у юнонов оружие! — сказал Спитамен. — А все, что ими было награблено, должно быть возвращено хозяевам!..

Среди скифов послышался хохот:

— Где их искать, этих хозяев? Может, велишь нам разъехаться по кишлакам и развозить эти вещи?

— Девушек развезут усрушанцы. Они знают все кишлаки в горах и дороги, к ним ведущие...

— Где это видано, чтобы налитое в кубок вино выливать обратно? Напьемся вина вдоволь, а кубки затем отдадим. Ха-ха-ха!..

— Нет, кубки вы отдадите до того, как нальете в них вино! — сказал Спитамен, подняв руку и требуя тишины. И, обращаясь к усрушанцам, повелел: — Заберите у них девушек!..

Скифы отдавали заплаканных девушек нехотя, грязно при этом ругаясь и стараясь шлепнуть или ущипнуть их за грудь.

— Остальная добыча тоже должна быть поделена по справедливости, — сказал Спитамен, с трудом сдерживая горячившегося под ним Карасача. — В ней имеется и доля тех, кто ранен и не мог принять участия в дележе. Долю же тех, кто пал на поле боя, должны получить их семьи...

— Тогда пусть их семьи и помогают тебе одолевать Двурогого!..

— Лучше скажи, когда уплатишь нам то, что задолжал?! — слышались голоса.

Скифы и массагеты зашумели, выказывая недовольство.

К Спитамену подъехал рысью Датафарн и, наклонясь к уху, негромко сказал:

— Примчался гонец. Со стороны гор движется огромное войско юнонов во главе с Кратером. Наши люди устали...

Спитамен глянул на запад, где виднелся лишь тонкий краешек солнца, погрузившегося за потемневший край земли. А на востоке над горизонтом уже высыпали первые звезды. Быстро смеркалось... «Юноны, спеша на помощь к своим, всю ночь проведут в марше, — размышлял Спитамен. Ему было хорошо известно, какими подразделениями войск командовал Кратер. — Они объявятся тут только на рассвете. Если дать войску отдохнуть, можно встретить их со свежими силами...»

Подъехал Хориён с той же вестью, что и Датафарн. Спитамен поделился с ним созревшим в его голове планом.

— Кратер силен... — проговорил с сомнением Хориён, комкая бородку.

— Юноны будут утомлены дорогой и бессонницей, а нашим коням мы зададим сейчас овес, воины успеют отдохнуть, — сказал, горячась, Спитамен. — Когда еще Ахура — Мазда пошлет нам такую удачу?!

— Наверное, стоит рискнуть... — задумчиво проговорил молчавший до сих пор Датафарн; он смотрел на горизонт, и в его грустных глазах отражались последние отблески солнца.

Спитамен приказал погрузить на обоз собранное на поле битвы оружие, раненых и отправить его в сопровождении небольшого отряда в глубь пустыни, к небольшому оазису с тремя колодцами, где они уже не раз затаивались, исчезнув, как иголка в стоге сена.

Было приказано костров не разводить, довольствоваться ужином из холодного мяса, сухарей и сушеных фруктов, а затем спать. Но могли кто уснуть перед предстоящим на рассвете боем, если у него не железные нервы?.. Не ложился и Спитамен. Он с Шердором и

Зурташем объезжал огромное поле, на котором завтра развернется сражение, если юноны сходу кинутся в бой, что, конечно, маловероятно, однако надо быть готовым ко всему. Спитамен запоминал каждый овражек, каждый бугор, прикидывал, где и как он построит войско. В небе сияла большая круглая луна, и было светло, как днем. Непривычная тишина стояла в степи. Не щелкали перепела, не подавали голоса шакалы, забившиеся в норы, не звенели даже цикады, будто все убрались подальше от опасного места. Земля под копытами коней гудела, что бубен, хоть и ехали они шагом, лишь кое-где переходя на рысь. Зурташ пришпорил коня и поравнялся со Спитаменом.

— Господин, ты хочешь его победить? — спросил он, слегка дрожащий голос выдавал его волнение.

Спитамен долго молчал, и Зурташу подумалось, что он не слышал его вопроса.

— Ты спрашиваешь, хочу ли я победить?.. — ответил Спитамен, обернувшись к нему. — Конечно, хочу. Я хочу победить Искандара. Но если Ахура — Мазда не поможет мне в этом, то я хотя бы сделаю так, чтобы Двурогому не жилось у нас, как в раю...

В лагерь они вернулись на рассвете, когда в небе, словно леденцы, уже таяли звезды.

Юноны все еще не давали о себе знать, и это начинало беспокоить Спитамена. Лагерь проснулся и гудел, как улей, воины приводили в порядок оружие, проверяли на конях подпругу.

Наконец лиловое небо на горизонте отделила от земли желтая полоса, которая стала быстро накаляться и разливаться вширь, и Спитамен увидел стремительно приближающихся трех всадников. Гонцы дозорных! Да, это были они. Спитамен прыгнул в седло и пустился им навстречу. Все четверо осадили коней.

— Кратер только что расположился лагерем там!.. — показал один из гонцов в ту сторону, где разгоралась заря. — К ним присоединились юноны, вышедшие из Мараканды, и дружина Намича!..

Конечно, Кратер не настолько глуп, чтобы бросить свои фаланги с марша прямо в пекло. Он решил дать им перед сражением отдохнуть.

А Спитамен возьмет, да и отменит распоряжение фрурарха юнонов.

Он почти не сомневался, что ему придется атаковать первым.

Спитамен развернул Карасача и поскакал обратно. Кони гонцов, бедняги, от бешеной скачки выдохлись и сразу отстали. А Спитамен не хотел терять ни минуты. Он уже знал, как поступит.

В таких случаях юноны мгновенно строят «железную крепость». Их действия отработаны. Гипасписты — щитоносцы ставят на землю в ряд прямоугольные щиты в рост человека, а педзэтайры⁸⁷ выставляют свои сариссы четырехметровой длины в два ряда — нижний нацелен в коней, верхний во всадников. И серый волк не проскользнет меж них, не напоровшись на жало. Немало воинов потерял Спитамен, пытаясь штурмовать подобные крепости. Но сколь бы отважны ни были атакующие, а увидев, как «железная крепость» вдруг ошетиливается длинными копьями, невольно придерживали коней, однако свернуть в сторону уже невозможно, а сзади напирают, и начинается неразбериха. И тогда из-за щитов летят в них тучи стрел. А с флангов наваливаются конные тяжеловооруженные гетайры.

Если не научиться брать эти «железные крепости», тогда придется рано или поздно согласиться с тем, что юноны действительно непобедимы. Но не для того Спитамен поднял народ на войну с ними, чтобы признать это.

Спитамен отобрал из войска самых сильных и ловких джигитов — таких было немало в каждом отряде — и стал отрабатывать с ними приемы: строили «крепость», как у юнонов, и «брали» ее. Правда, во время этих «игр» вместо сарисс выставлялись длинные палки, и кони атакующих оставались живы, но в боевых условиях им придется приносить коней в жертву Ахура — Мазде, которому они перед началом боя молятся и у которого просят послать им победу...

Воины уже были в седлах, построились в длинную шеренгу в семь рядов. Подъезжая, Спитамен высоко поднял руку, и предводители отрядов, пришпорив коней, поскакали к нему.

— Атакуем мы! — сказал Спитамен. — Пришлите ко мне

⁸⁷ Педзэтайры — тяжеловооруженная пехота, набиравшаяся из зажиточных крестьян.

«летающих» джигитов. Я поведу их сегодня на штурм «железной крепости»!.. Пусть пересядут на жертвенных коней.

— Спитамен! Позволь это сделать мне! — сказал Датафарн.

— Вы оба нужны мне на флангах. Ты поведешь правое крыло войска, а Хориён — левое. Да смотрите зорче, чтобы гетайры не стиснули меня с боков.

Предводители понеслись к своим отрядам.

Спитамен спешил. Попрощался с Карасачем и передал его коноводу, щуплому мальчишке — сироте, приставшему к его отряду в одном из сожженных юнонами кишлаков. Военская одежда на нем была не по росту, сидела мешковато. Родителей его убили юноны, и он страсть как хотел с ними поквитаться. Спитамен погладил мальчишку по голове и пересел на коня золотистой масти.

Тем временем к возвышенности, где он стоял, отовсюду скакали всадники, и спустя не более четверти часа за его спиной собрался отряд из двух сотен отборных джигитов.

— Пора! — сказал Спитамен. — Да поможет нам Ахура — Мазда, — и тронул коня.

Солнце уже поднялось, нагревая края облаков. Воины пустили коней рысью. По степи прокатился гул.

Спитамен не сомневался, что юноны уже знают об их приближении и готовятся встретить. Миновали небольшую саксауловую рощу, вспугнув четырех степных лис. Въехав на покатый и длинный увал, увидели юнонов. Серебром отливала стена, составленная из щитов. За ней стояли в пять-шесть рядов самоуверенные педзэтайры, держа сариссы жалами кверху.

— Друзья! — сказал Спитамен, обернувшись к «летающим джигитам», и высоко поднял меч. — Покажем юнонам, на что мы способны!

Поле с увала еле приметно шло под уклон. Кони с места взяли в галоп. Атака была стремительной. Ветер свистел в ушах, гудела под копытами земля, и над нею летел, высоко взмывая к небу, воинственный клич атакующих. «Железная крепость» все ближе. «Не сдали бы нервы у моих молодцов в последний миг!..» — подумал Спитамен и тут же увидел, как высокая серебристая стена слегка

колыхнулась и из-за нее выметнулся частый гребень горящих на солнце, будто только что вынутых из кузнечного горна, сариссы. Теперь лишь надо точно рассчитать. И не придерживать коней, на что делают ставку юноны, а наоборот, поддать им в бока шпорами. Лавиной, разливающейся вширь, конница неслась вперед. «Молодцы, джигиты — ы!..» — заорал Спитамен, оборачиваясь к ним. И низко пригнулся к седлу. Сарисса, нацеленная в него, тоже опустилась ниже. Спитамен освободил ноги из стремян, вскочил в седло и сильно оттолкнулся. «Прости!..» — успел еще подумать и взвился в воздух, увидев, как обе сариссы глубоко вонзились в грудь коня; полосатым рыжим зверем перелетел Спитамен через щиты и приземлился в самой гуще обороняющихся, опрокинув наземь ударом ноги сразу двоих. Потрясенные юноны не успели сообразить, человек или тигр прыгнул на них сверху, как он уложил мечом еще двоих. Боковым зрением Спитамен отмечал, как взлетают в воздух из-за «стены» его джигиты и с устрашающим воплем обрушиваются на головы врагов, успевая на лету рубить наотмашь. Некоторые, совершив лихой кувырок в воздухе, ударяли юнонов ногами в грудь, и удары их были столь мощны, что поверженные уже не поднимались. «Железная крепость» распалась, как глинобитная хижина во время паводка. Гипаспистам пришлось бросить щиты и выхватить из ножен мечи. А педзэтайрам сариссы теперь только мешали, и они прибегли к дротикам...

Завершить этот бой оставалось Датафарну и Хориёну, пока ошеломленный Кратер не ввел в сражение основные силы. И Датафарн с Хориёном — молодцы! — не заставили себя ждать: их конница ударила с двух сторон по юнонам, и те дрогнули...

К Спитамену на всем скаку подлетел юный коновод, ведя в поводу Карасача. Глаза мальчишки сияли. Глядя на него, Спитамен вспомнил сыновей. «Не взять ли мне с собой старшего? А то все держится за материнскую юбку, не к лицу уже...» Вскочив на вороного, он легонько стегнул его плеткой и понесся. Зурташ и Шердор помчались за ним...

Знаменитый фрурарх⁸⁸ Александра, за шесть лет войны одержавший немало побед и имеющий основания быть в себе уверенным, искусный стратег Кратер построил гетайров в боевые фаланги, чтобы ввести их в бой сразу же, как только варвары расшибут лоб о «железную крепость», когда их тела будут нанизаны на сариссы, точно туши ланей на вертел, когда они в неминуемой давке начнут подминать конями своих, когда их растерянные предводители станут драть горло, тщетно пытаясь отвести конников назад и осыпая их проклятиями... Но все обернулось совсем иначе. Кратер неожиданно увидел бегущих в панике педзэтайров и преследующих их варваров, которые были верхом и легко настигали их, кололи пиками и рубили мечами. И вряд ли кто из педзэтайров остался бы в живых, если бы Кратер сразу не повел в атаку гетайров, у которых уже чесались руки, а кони от нетерпения били копытами. Он намеревался вклиниться между отступающими македонянами и преследователями, окружить варваров и постепенно сужать кольцо, не давая врагу развернуться и маневрировать. И тогда главное, чтобы рука не устала рубить, колоть...

Но варвары по сигналу своего предводителя, мчащегося на черном рослом коне, описали дугу, плавно, подобно излучине стремительной горной реки развернулись влево и унеслись в степь, оставив позади себя клубящуюся пыль. Тяжеловооруженные гетайры вскоре отстали от них и потеряли из виду...

Кратер, тяжело дыша, остановил коня, снял с тетивы стрелу; скрипнув зубами, сломал ее и бросил на землю. Затем снял шлем и отер с лица пот...

Александр всю ночь провел в пути, не слезая с седла. Отправив вперед несколько фаланг гетайров и гипаспистов во главе с Кратером, он двигался с остальным войском не торопясь, в полной уверенности, что этот зарвавшийся и уже доставивший ему немало хлопот варвар по имени Спитамен будет наконец достойно наказан если не

⁸⁸ Фрурарх — полководец, начальник воинского поста или крепости.

гипотоксотами Менедема и Фарнуха, загодя направленными через южный перевал, то уж наверняка тяжеловооруженной конницей Кратера. С этого дня, надо думать, навсегда у него отпадет охота ввязываться в драку с непобедимыми македонянами. Иногда руки царя машинально дергали за повод, а ноги поддавали белому коню в бока, торопя его; время от времени выплывала в памяти Роксана, и он давал волю воображению — как прибудет ни свет ни заря, застанет ее спящую в постели...

Небо едва начинало светлеть, но до восхода было еще далеко, когда вдали на возвышенности показались стены Мараканды. В верстах пяти от города царь был встречен Намичем, вышедшим на дорогу со свитой... Намич сказал, что для пира, который будет задан в честь благополучного возвращения великого царя, все готово — разложены дрова для ритуальных костров и стоят на привязи быки, их принесут в жертву богам. Царь поблагодарил кивком и не преминул заметить:

— Ваши боги, покровительствуя мне, отказали в этом разбойнику Спитамену...

Отряды македонян во главе со своими начальниками двинулись с песнями по улицам города в разные кварталы, где они были расквартированы.

Александр, въехав в цитадель, спешил у дворцового крыльца и, передавая коня Лисимаху, сказал, зевая: «Я буду отдыхать. До полудня не беспокойте», — и отправился в покои жены, ускоряя шаг и чувствуя, как сердце в груди бьется все сильнее. На ходу сбросил гиматий, снял шлем, зажал его под мышкой, дернул кожаные крепления доспехов, но они, как назло, не развязывались...

Около полудня примчался гонец от Кратера. Лисимах не впустил его к царю, ссылаясь, что солнце еще не достигло зенита, а ему велено не беспокоить до полудня.

Услышав во дворе шум, Александр сам вышел на крыльцо, щурясь от яркого полуденного солнца. Он не надел поверх хитона дорогих одежд. Обращаясь к гонцу, весело спросил:

— Тебе приказано сообщить мне о победе Кратера? Или, может, ты привез голову главаря варваров?

— Не то и не другое, о великий царь!.. — воскликнул тот со скорбью в голосе, сжав руки у подбородка, и бухнулся на колени, заметив, как мрачнеет лицо Александра и брови сходятся над переносицей: — Главарь их бежал со своими варварами в степь, нанеся нашему войску значительный урон. Погиб достойный Менедем...

— Погиб... Менедем?.. — переспросил царь, бледнея, не веря собственным ушам.

— Да, великий царь, он вступил в единоборство со Спитаменом и был побежден!..

То, что Александр услышал, было невероятно. Неужели этот дикарь смог превзойти в поединке испытанного во многих сражениях Менедема?.. Неужели знаменитый Кратер, отличившийся невероятной смелостью и отвагой в битвах при Гранике, Иссе, Гавгамелах, при взятии Вавилона, Экбатанов, Персеполя, не сумел набросить на Спитамена сеть, которой ловят хищных зверей?.. Александр посадил бы его в клетку и возил по всей Согдиане, чтоб знали, каким будет конец у всякого, кто посмеет выступить против сына Зевса...

Гонец, стоя на коленях, не спускал глаз с лица царя, страшась, что все это добром для него не кончится.

Но неожиданно оно разгладилось, синие глаза сверкнули, и Александр громко рассмеялся. Однако смех его был таков, что мурашки поползли по спине тех, кто стоял поблизости. Тыча в гонца пальцем, он проговорил устрашающим голосом:

— Признавайся, ничтожный, что ты солгал, если не хочешь, чтобы тебе отрезали язык!

— Великий царь, я не... — начал было гонец.

— Признайся! — грозно крикнул царь, и глаза его от гнева потемнели.

— Признаюсь... — выдохнул гонец и бухнулся лбом об землю.

— То-то же, — удовлетворенно сказал царь. — И не смей более нигде болтать об этом! — он обвел взглядом Лисимаха и стоящих за

ним чуть поодаль военачальников. — Все слышали? Он солгал! На первый раз я его пощажу. А если он нечто подобное произнесет еще раз, то не сносить ему головы. Это касается всех!.. Моя армия непобедима! И ей не может нанести какого-либо ущерба никто!.. Так было, так будет!..

И, круто повернувшись, Александр удалился во внутренние покои.

Письмо из Эсхат — Александрии⁸⁹

Павшие на поле боя македоняне были преданы соотечественниками земле. А раненых, положив на арбы, устланные соломой, повезли в Газо и Кир — Эсхат. Александр приказал говорить любопытствующим, что в горах случился обвал и везут — де тех, кого удалось спасти. Однако и самый искушенный мог легко определить, что эти воины раны свои получили от меча или топора, копья или стрелы. У кого рука была отрублена, у кого нога, у кого плечо насквозь проколото, у кого живот; один лежал на раскачивающейся на ухабах арбе, сжав зубы и молча устремив взгляд в небо, другой стонал и метался, всхлипывал и в полубреду звал мать, третий, вконец измученный невыносимой болью и желтый, как воск, еле слышно просил его прикончить.

— Потерпите, братцы, потерпите... — оборачивался к ним время от времени кучер. — Вот поправитесь, и великий царь наградит вас. Он обещал внести вас в список первых почетных жителей Эсхат — Александрии...

Когда проезжали через селения, к дороге сбегались жители.

— Кого везете?! — спрашивали, стараясь заглянуть в арбы.

— В горах случился обвал, везем пострадавших, — отвечали кучера и охаживали усталых тощих лошадей кнутом.

— Почетных граждан Эсхат — Александрии везем!..

Эсхат — Александрию, в трех днях пути на северо-запад от Мараканды, начали строить месяца два назад на высоком обрывистом

⁸⁹ Эсхат — Александрия — Дальняя Александрия, город, заложенный Александром Македонским, располагался на месте нынешнего Ленинабада.

берегу Яксарта⁹⁰, между городами Газо и Кир — Эсхат. По ту сторону реки простирались бескрайние просторы степняков-кочевников. И возведенный на границе город должен был прикрывать от их набегов Мараканду.

Город строился быстро. Сюда со всей Согдианы согнали лучших мастеров. Тысячи людей из окрестных селений рыли землю, таскали камни, пилили, тесали бревна. По замыслу царя, в этом месте должен был возникнуть не просто город, а такой, который мог бы поразить своей красотой и величием воображение варваров. Пусть увидят, что сын Зевса умеет не только крушить, уничтожать, но и созидать. Часто наведываясь сюда из Мараканды, царь лично руководил строительством. Он сам наметил улицы, расчертил их на бумаге, не забыл отвести место для площадей, где будут построены храм и дворец. Город предполагалось обнести высокой, длиной в двенадцать тысяч метров, стеной с могучими башнями, чертежи которых царь выполнил собственноручно. Мастерам — невольникам было обещано: если они проявят свой талант в полную силу, то будут выкуплены и станут свободными гражданами Эсхат — Александрии. К строительным работам привлекались и бывшие воины, которые из-за увечий не могли теперь участвовать в сражениях, но играючи орудовали рубанком, пилой.

С рассвета и дотемна продолжалась работа.

На берегу бугрились землянки, пестрели шатры.

В лесу, которым были покрыты склоны близлежащих гор, не смолкали звуки топоров, там рубили вековые платаны и сосны, обрабатывали, а затем тащили, впрягая по несколько лошадей, или волов, или верблюдов.

Строители все, как на подбор, рослые, сильные, неутомимые. Среди них македоняне, греки, согдийцы, персы и бактрийцы. Звучала смешанная речь, понятная каждому. Проводя каналы, возводя мосты, дома, люди забывали, что еще недавно они были врагами.

— Эй, Клеомен!.. — окликнул приятеля фракиец Ферик, пританцовывая по колено в глине, перемешанной с саманом, уминая

⁹⁰ Яксарт — древнее название Сырдарьи.

ее пятками. — Не косо ли ты поставил окно?.. В этом доме тебе самому жить! Женит нас царь на согдийках и будем с тобой по соседству стариться. Наверно, здесь и помрем. Вряд ли доведется увидеть родину...

— Чего каркаешь?.. — метнул на него исподлобья взгляд Клеомен. — Да я лучше век проживу бобылем, чем женюсь на согдийке! — и дернул шеей, которая так и осталась у него кривой, задетая стрелой согдийца.

— Почему это?.. — лицо у Ферики вытянулось, и он перестал приплясывать. — Они очень красивые. И говорят, страстные, как тарантулихи, которые в экстазе самца поедают!..

— Вот и съест тебя одна из таких, — проговорил Клеомен, осматривая только что вставленное окно и наклоняя голову то вправо, то влево. — Вон наш царь на согдийке женился, а что из этого вышло? Все обычаи их перенял, одеваться стал по-ихнему...

Ферик опасливо посмотрел по сторонам и сказал, понизив голос:

— Слышал я, что жена его со Спитаменом связь имела...

— Ты что болтаешь?! — испуганно замахал на него руками Клеомен. — Вон начальник идет! Услышит — не сносить головы!..

И Ферик давай снова пританцовывать по колено в глине, заведя руки за спину, держась левой рукой за обрубок правой; а Клеомен принялся забивать клин под нижний угол окна.

Подошел прораб — из местных согдийцев, — погрузил руку по локоть в глину, проверяя наощупь. Остался доволен.

— Можно мазать крышу, — сказал.

Александр поручил руководить работами на стройке самым доверенным людям. За каждым из них был закреплен участок: жилой квартал, городская стена или оборонительная башня — за прочность стен, за внешний их вид каждый из доверенных отвечал головой. У каждого под рукой были сотни землекопов, мастера по замешиванию глины и лепке пахсы, не уступающей по твердости камню, водоносы, специалисты по проведению каналов и арыков, по разбивке парков и садов. Они распоряжались по своему усмотрению сотнями лошадей, арб, волов, верблюдов. В городе уже четко обозначились жилые кварталы и пересекающие их прямые улицы. Во дворах звенели пилы,

стучали молотки. Художники разрисовывали стены несмываемыми красками, а резчики по дереву украшали резьбой деревянные колонны...

Александр распорядился поставить шатер на высоком холме вблизи Яксарта. Оттуда открывалась панорама стройки. Но он расположился именно здесь не столько для того, чтобы окидывать царственным взглядом растущий прямо на глазах великолепный город, сколько из-за необходимости постоянно видеть противоположный берег. Немало беспокойства доставляла ему та сторона, раскинувшаяся рыжей пустыней до самого горизонта, утопающего в горячем мареве, степные бродяги, именующие себя саками, одно из скифских племен. Одетые в шкуры, вооруженные преимущественно луками и стрелами, расположились они кочевьем вдоль Яксарта и, как видно, полагали, что смогут помешать Александру переправиться через реку, если он такую попытку предпримет. Или не ведают, глупцы, что он и не через такие реки переправлялся уже не раз под градом стрел?..

Глаза у них были зоркие, как обычно у степняков, Александра они узнавали издалека. Стоило ему спуститься к реке, чтобы умыться или просто подышать прохладным воздухом, как те, облаченные в шкуры, высыпали на берег, кричали и улюлюкали, стараясь привлечь к себе его внимание; сняв штаны и держась за пах, вызываясь демонстрировали свой срам, выкрикивали греческие ругательства, нарочно гундося и визжа, показывали зад, хлопая себя по ляжкам. И такое при этом несли, что даже кони македонян, понимай они человеческий язык, покраснели бы со стыда.

Вот и сейчас, едва Александр приблизился к реке, ведя в поводу Буцефала, чтобы напоить его, а затем искупать, да и самому окунуться разок-другой, десятка два саков подошли к берегу с противоположной стороны и, размахивая луками и копьями, затеяли какую-то дикую пляску. В сторонке стояли, вероятно, вожди, отличающиеся степенностью. Их кожаные колпаки были украшены пестрыми перьями диковинных птиц. Один из них, тот, что

погорластее, приложил ко рту ладони рупором и заорал:

— Э — эй! Исканда — а-ар!.. Твою мать растак!.. Лучше уходи подобру-поздорову! Все равно разорим твое осиное гнездо!..

Толмач торопливо переводил Александру и вдруг, поперхнувшись, умолк, лицо его пошло пятнами. Сакский вождь продолжал что-то выкрикивать, надрывая горло, а толмач помалкивал. Александр глянул на него и сразу понял, что у того язык не поворачивается произнести то, что выкрикивает обнаглевший скиф. Вскипел он и кликнул десяток лучников — гоплитов, имеющих особенно тугие луки, стрелы, пущенные из них, летят далеко, и приказал им проучить распоясавшихся варваров. Гоплиты выпустили стрелы со специальным оперением. Но ветер дул с того берега, и стрелы, летя через реку, теряли силу, они только легко ранили двоих или троих. И все же скифы отступили чуть подальше от берега, однако после этого и вовсе распоясались.

Один из вождей поднялся на бугор, уселся на куске войлока и принялся что-то с аппетитом уплетать. Затем, обратив взор в сторону Александра, протягивал обглоданные кости: мол, хочешь?.. На, возьми!.. — и швырял их далеко в реку. Наливал что-то из бурдюка в глиняную чашу, скорее всего кумыс, и делал вид, будто собирается чокнуться с Александром... Затем повернулся и продемонстрировал свой голый зад. После чего стал хохотать, валяясь на траве, хлопая себя по животу и задирая ноги...

Александр передал коня оруженосцу и вернулся в шатер с испорченным настроением.

С наступлением сумерек скифы куда-то исчезли.

Вокруг холма, вокруг строящегося города и вдоль его улиц, на котором белел шатер царя, запылали костры. В больших котлах варилась еда. Отбегающая от костров тьма еще более сгущалась, чтобы вновь набежать, как только огонь погаснет, и поглотить людей вместе с арбами, шатрами, стоящими у коновязей лошадьми, штабелями бревен, досок. Воины и строители ужинали вместе. Затем, усталые, разбрелись спать. Расположились на арбах и под арбами, на кучах соломы и прямо на траве. Костры постепенно гасли, а в темноте еще долго алели угли...

Ночь выдалась беспокойной. Александру снились кошмары, он то и дело просыпался. В шатре было душно. А откинуть полог — налетит туча комаров, тогда и вовсе будет не до сна... Только было уснул, как его разбудил чей-то душераздирающий крик.

— Что тамстряслось? — сонно пробормотал царь.

— Наверное, опять кто-то спятил, — ответили ему снаружи.

Поблизости, потрескивая, горел костер, и его блики скользили по ткани шатра; доносились приглушенные голоса. Это бодрствовали свободные от дежурства телохранители царя. Они говорили о том, что в последнее время участились случаи, когда в людей вселяется бес, отнимая у них рассудок или толкая на самоубийство. Царь об этом был осведомлен. Друзья уверяли его, что до столь болезненного состояния доводит тоска по родине и семье. И снова тишину ночи прорезал пронзительный вопль. И, словно бы отвечая, низко над шатром, тревожно покрикивая, пронеслась какая-то птица.

— Неужели никто не может заткнуть глотку этому ублюдку?! — раздраженно пробормотал царь.

И тотчас кто-то вскочил и побежал в темноту...

Уже перед рассветом царя снова разбудила поднявшаяся в лагере суматоха. Бегали взад-вперед, возбужденно переговариваясь, строители и воины. Похоже, они были чем-то напуганы. Спросонок царь не мог понять, что происходит. От бессонницы у него болела голова. Наконец он сообразил, что к нему в шатер хотят попасть Лисимах и Клит, а начальник стражи уговаривает их подождать, он, мол, недавно уснул. Из-за пустяков Лисимах и Клит не стали бы тревожить его...

Александр встал и, накинув на плечи поверх хитона шитый золотом персидский халат, вышел из шатра. Лисимах и Клит метнулись к нему, отпихнув начальника стражи.

Оказывается, скифы в эту ночь сотворили нечто такое, на что были способны лишь они. В своих узких быстроходных челнах они переправились ночью через реку и в стоящие возле костров котлы с едой насыпали верблюжьего и конского навозу. Кое-кому это могло бы показаться и смешным, если бы они не умертвили нескольких воинов, оставленных у реки в дозоре, которые наверняка в какой-то

момент уснули. Их головы скифы водрузили на копья, воткнутые в глинистый берег реки.

— Поделом им!.. — гневно воскликнул Александр, узнав о происшедшем. — Ротозеи! Строго наказать и начальников отрядов, при которых эти караульные состояли!.. По лагерю всю ночь разгуливают враги и хоть бы кто их увидел!..

Лисимах и Клит стояли, низко опустив голову, словно это они были во всем виноваты.

— Придется переправиться на ту сторону Яксарта и проучить этих дикарей как следует! Что скажете? — спросил царь.

— Скифы отличные стрелки. Многих воинов лишимся... — неуверенно сказал Лисимах.

— Терпеть их оскорбления и дальше тоже нельзя, — сказал Клит. — Пора уже и отвечать!..

— Будут потери... — снова повторил Лисимах. — Таковую жертву принести Яксарту мы могли бы, если бы великий царь намеревался идти в поход на север, во владения скифов. Но, как мне известно, планы у него другие...

— Честь царя дороже жизни и тысячи воинов! — пылко воскликнул Клит.

Царь, положив руку ему на плечо, благодарно посмотрел в глаза. Клит не лицемерил, он искренне любил Александра. И если ему что-то не нравилось, он говорил прямо, не боясь царского гнева. Случалось, Александр выходил из себя и кричал на него. Но быстро отходил и, поразмыслив, признавал, что не прав. Велел вернуть Клита и наедине говорил ему: «Слова твои, брат, справедливы. Но зачем ты сказал мне их при посторонних!..» Все это вспомнилось сейчас Александру. Он обернулся к Лисимаху:

— Вели подкатить к берегу катапульты. С их помощью мы отгоним их от берега и переправимся с наименьшими потерями. Все же стоит проучить этих дикарей, которым более к лицу быть шутами, нежели воинами!..

И, велев прислать к нему жреца Эригия, с которым Александр обычно держал совет перед тем, как принять важное решение, он удалился в шатер.

— Я знаю, великий царь, по какому поводу позвал ты меня, — сказал Эригий, входя; царь молчал, и жрец счел себя вправе продолжать: — Ты задумал ступить на тот берег Яксарта... Вчера, вспоров брюхо быку, я гадал на его внутренностях, пока от них исходил пар. И ныне с уверенностью могу сказать, что богам не угодно то, что ты задумал. На той стороне реки тебя подстерегают очень большие неприятности...

Александр слушал внимательно. Лицо его мрачнело. «Однако неприятности — это не поражение», — подумал он и усмехнулся. Он был не из тех, кто легко отказывается от принятого решения, если даже это связано с риском.

— Весной я собираюсь направиться в Индию. В своем тылу я не могу оставить племя, которое меня не боится, — сказал Александр. — А тебе спасибо, что предупредил, я буду осторожен.

— Можно прикрыться щитом, если знаешь, откуда прилетит стрела... — задумчиво проговорил Эригий. — Тебе же грозит опасность от самой земли, от воздуха, от воды. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это задобрить духов, пролив на землю кровь жертвенных животных...

В тот же день были сделаны жертвоприношения. Обильно лилась на землю кровь быков, овец, верблюдов. Кипели котлы. А затем до полуночи предавались чревоугодию. Лагерь затих ближе к утру. Луна зашла за вершины гор. За оврагом не переставая выли шакалы, словно оплакивая покойника, и от их то ли горестного плача, то ли хохота становилось жутковато. Наконец начал заниматься рассвет. И опять караульные неожиданно подняли тревогу. У реки снова были обнаружены воткнутые в ил колья с насаженными на них головами воинов.

Когда об этом доложили царю, он был вне себя от ярости. Тут же приказал перенести свой шатер к самому берегу и немедленно начать готовиться к переправе. Небо посветлело, но земля была погружена в сизую мглу, скифы на том берегу еще не загасили своих костров. Александр их уже не раз пересчитывал. Их количество почти всегда было одинаковым, так что можно предположить, что не меняется и количество варваров. А у каждого костра во время трапезы их садится

по десять-двенадцать...

Когда взошло солнце, подготовка к переправе шла полным ходом. Казалось, все работы с территории города перенесены на берег Яксарта. Из сухих тесаных бревен, предназначенных для строительства, вязали большие плоты. На них переправится сам царь с агемой и аргираспидами. А затем гетайры и гоплиты, которые из-за тяжелого вооружения вряд ли смогли бы переплыть реку самостоятельно. Легковооруженные воины проверяли надежность кожаных мешков, сшитых мехом внутрь. Они служили им в походе постелью, а при переправах, набитые соломой, несли на себе хозяев.

Три дня, не покладая рук, трудились воины и строители. За столь короткий срок было изготовлено двенадцать тысяч плотов. Скифы все это видели и, конечно же, не могли не понимать, что задумал Александр.

Время близилось к полудню. Царь сидел в шатре, ожидая, когда принесут обед. А пока улаждал себя охлажденным виноградным соком и в душе сетовал на обстоятельства, которые складываются так, что он не может хотя бы на несколько дней отлучиться в Мараканду. Если бы не это соседство с варварами, понятия не имеющими о рыцарской чести, он бы, пожалуй, привез Роксану сюда: пусть бы посмотрела, как строится новый город, которому суждено увековечить имя его в далекой от его родной Македонии стране. А как нежно звучит в ее устах название этого города: *Александрия...* Эсхат — Александрия...

Приятное течение его мыслей прервал донесшийся снаружи шум. В лагере опять поднялась суматоха. Александр хотел было кликнуть начальника стражи и послать его, чтобы узнать, в чем дело, но услышал возбужденный голос Лисимаха, который требовал у стражника немедленно пропустить его к царю.

— Входи, Лисимах! — подал голос царь. — Я велю подать обед на двоих!

— Не до еды, Александр!.. — сказал, входя, Лисимах. — В лагере скифы!

Александр вздрогнул и, едва не выронив чашу с виноградным соком, устремил на вошедшего недоуменный взгляд.

— Они просят тебя принять их! — поспешил разъяснить Лисимах.

С лица Александра постепенно сошла бледность, он усмехнулся. Позвал начальника стражи, велел ему прибраться в шатре. И кивнул Лисимаху:

— Зови. Я сейчас выйду.

Спустя несколько минут после того, как Лисимах удалился, Александр услышал голоса скифов, которые, страшно коверкая греческие слова, пытались вступить в беседу с аргираспидами, образовавшими вокруг шатра «серебряную стену» из щитов. Вынудив их подождать еще некоторое время и изрядно поволноваться, царь облачился в восточные одежды и наконец вышел. Два аргираспида поставили прямоугольные щиты боком, чтобы царь и скифы, стоящие по разные стороны «серебряной стены», могли хорошо видеть друг друга.

Скифов было около двух десятков. В основном, видимо, вожди. Они были выражены в национальные одежды. Несмотря на жаркий день, на них попоны из дорогих мехов. На шее, на запястьях у каждого бусы из разноцветных камней и косточек различных фруктов, имеющие, наверное, некую магическую силу. Головы у них, как у согдийцев, повязаны вокруг лентой, которая не дает длинным, почти до плеч, волосам падать на лоб и закрывать глаза. На ногах остроносые сапоги из мягкой кожи. Выказав великому царю знаки почтения, скифы расселись полукругом на траве, поджав под себя ноги, не дожидаясь разрешения царя. Они и внимания не обратили на вставших за их спиной воинов из агемы. Острые пытливые глаза вождей ощупывали Александра. Если верить слухам, то седобородые, но далеко не старые люди способны по внешнему виду человека определить не только его душевное состояние, но и прочесть мысли. Усталое лицо обремененного непосильными заботами царя они, кажется, нашли более соответствующим простому смертному, нежели сыну Аммона, которому молва приписывала бессмертие.

Скифы долго молчали, обмениваясь лишь взглядами, будто советуясь, кому предоставить честь первым заговорить с царем. Глаза их были устремлены на старейшего среди них, у которого были

белыми, как снег, борода, усы, брови и волнистые волосы, перехваченные коричневой лентой. Сухопарый и по-юношески стройный вождь негромко, осторожно подбирая слова, заговорил:

— Выслушай, царь, и не сетуй, если слова мои придутся тебе не по вкусу. Все величают тебя великим. Ты поистине велик. Если бы боги захотели величину твоего тела сделать равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле; одной рукой ты касался бы востока, другой запада. Из Европы ты устремляешься в Азию, из Азии в Европу; если тебе удастся покорить весь род людской, то ты поведешь войну с лесами, снегами, реками и дикими животными. Разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час? Глуп тот, кто зарится на их плоды, не измеряя их вышины. Смотри, как бы, стараясь взобраться на вершину, ты не упал вместе с сучьями, за которые ухватишься. Даже лев однажды послужил пищей для крошечных птиц; ржавчина поедает железо. Даже самому сильному может угрожать опасность от слабого. Почему мы враждуем с тобой? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. И мы желаем знать, кто ты и откуда пришел? Мы не хотим никому служить и никем повелевать. Знай, нам, скифам, свыше даны такие дары: упряжка волов, плуг, копье, стрела и чаша. Плоды, добытые трудом волов, мы подносим друзьям; из чаши мы пьем вино в честь наших богов; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьем вблизи. Так мы победили царя Сирии, а затем царя персов и мидийцев, и благодаря этим победам перед нами открылся путь до Египта. Ты хвастаешься, что пришел сюда, преследуя грабителей, а сам грабишь все племена. Лидию ты занял, Сирию захватил, Персию удерживаешь, Бактрия и Согдиана под твоей властью, теперь Индии помогаешься, а заодно протягиваешь жадные и ненасытные руки и к нашим стадам. Зачем тебе столько богатства? Ведь оно вызывает все больший голод. Чем больше имеешь, тем с большей жадностью ты стремишься к тому, чего у тебя нет. Неужели забыл, как долго тебе пришлось задержаться в Бактрии? Пока ты покорял бактрийцев, начали войну против тебя согдийцы. Из твоих побед снова рождается война. В самом деле, хотя ты самый великий и могущественный человек, никто, однако, не хочет терпеть власти необузданного в

своих желаний «господина».

Я вижу, ты собрался перейти через Танаис. Что ж, ты узнаешь ширину наших просторов. Скифов же ты никогда не достигнешь. Бедные скифы окажутся быстрее твоего войска, везущего с собой добычу, награбленную у стольких народов. А в другой раз, думая, что мы далеко, ты увидишь нас в своем лагере. Одинаково стремительно мы и бежим, и преследуем. Мы охотнее бродим по местам пустынным, не тронутым культурой, чем по городам и плодоносным полям. Поэтому нас нельзя удержать насильно... Со временем ты лучше поймешь пользу моего совета, чем сейчас. Наложив узду на свои желанья, легче будет ими управлять. У нас говорят, что у счастья нет ног, а только руки и крылья. Наконец, если ты Бог, то ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них последнее, если же ты человек, то помни — ты всегда им и останешься. Глупо думать о том, ради чего ты можешь забыть о себе... Ведь в тех, с кем ты не будешь воевать, ты сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не угрожает друг другу силой. Не воображай, что побежденные ныне тобой — твои друзья. Между господином и рабом не может быть дружбы, правила войны сохраняются и в мирное время. Не думай, что скифы скрепляют дружбу клятвой: для них клятва в самом сохранении верности. Это греки из предосторожности подписывают договоры и призывают при этом в свидетели богов; наша религия — в соблюдении верности. Кто не почитает людей, тот обманывает богов. Никому не нужен такой друг, в верности которого сомневаешься. Впрочем, ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не разделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы населяем земли вплоть до Фракии; а с Фракией, говорят, граничит Македония. Мы соседствуем с обеими твоими империями. Так что подумай, кого бы ты хотел иметь в нашем лице — врагов или друзей?

Царь терпеливо, стиснув зубы, слушал. Его синие глаза порой излучали огонь, способный, казалось, испепелить. И когда скиф умолк, он заставил себя улыбнуться и спокойно сказал:

— Благодарю за совет. Может, и воспользуюсь им. Ведь

пренебречь советом мудрого вождя — не только дерзость, но и безрассудство. Хотя я всегда полагался на собственную фортуна. Кроме того, я посоветуюсь с моим Богом; посмотрим, что скажет он.

— На земле живут разные люди. Таковы же и боги. Если Бог желает тебе добра, то его совет не слишком будет отличаться от моего. Однако в тот момент, когда ты обратишься к Небу за советом, ближе прочих богов к тебе может оказаться Анхра — Майнью... Не забывай: Боги дают советы, а решение принимать тебе самому... — сказал скифский вождь, пристально глядя на царя, и добавил: — Тем более, если ты сам сын Аммона.

Скифы говорили, царь слушал; царь говорил, скифы слушали. Повода задерживаться у парламентаров более не было, и скифы поднялись. Царь велел проводить их с почетом. А сам удалился в шатер.

Скифы переправились через реку и долго стояли там, держа коней в поводу, наблюдая за происходящим на противоположном берегу. Уже солнце клонилось к закату, окрашивая небо в кровавый цвет, а юноны все не прекращали работ; мало того, они подкатили к берегу катапульты, способные метать огромные, величиной с копьё стрелы на расстояние шестисот и более шагов, могущие пробить навывлет две-три лошади, не говоря уже о скифских воинах с голыми животами. Скифы поняли, что царь внял не их совету, а Анхра — Майнью, и сели на коней...

Вожди уехали, а воины остались. Развели костры и расположились вокруг них. До поздней ночи пели песни, плясали. Македонянам хорошо были видны их освещенные медно-красным светом костра прыгающие и изгибающиеся фигуры. После полуночи все стихло, и оба берега Яксарта погрузились в темноту.

Александр не спалось, с вечера его знобило. Он набросил на себя все, чем можно было укрыться. Однако дрожь где-то глубоко внутри не проходила. Отчего бы это?.. Так бывает, если человек чего-то заранее боится. Но Александр даже перед решающим сражением с войском Дариявуша, во много раз превосходящим его собственное, не испытывал особого волнения. Неужели заболел? Вот уж это совсем некстати. А может, духи — покровители скифов — предупреждают?..

Как только начало светать, Александр сбросил с себя одеяла и шубы и вышел наружу. Низко над рекой висел туман, несмотря на это, противоположный берег был отчетливо различим. Надо спешить, пока не рассеялся туман.

Из шатров выходили начальники ил, когорт, на ходу застегивая тесемки лат и надевая шлемы. Будто сидели и ждали появления царя. Впрочем, так оно и было. Гетайры небольшими отрядами, держа коней в поводу, стали спускаться к плотам, постепенно погружаясь в клубящийся молочно-белый туман и исчезая в нем. Те, кто обслуживал катапульты, тоже заняли свои места.

Скифы все еще спали вокруг погасших костров. Лишь некоторые из них расхаживали, то ли неся караул, то ли собирая раскиданные вещи. Поодаль паслись их стреноженные кони.

Приближалась минута, когда и продрогшие жаворонки вспархивают из увлажненной росой травы и, быстро-быстро работая крыльшками, спешат поскорее достичь высоты, на которой уже согрет в солнечных лучах воздух, где можно обсохнуть и тогда уже звонко запеть. Но вместо трели жаворонка послышался свист рассекающих воздух свинцовых ядер и взметнувшихся над рекой сверкающих, как молнии, сарисс. Скифы спохватились, разбуженные глухими ударами падающих ядер, от которых вздрагивала земля вокруг, кричали, моля о помощи, те, кого сариссы пригвоздили к месту; одни в панике метались по берегу, другие бросились ловить перепуганных лошадей.

Наблюдая за всем этим, Александр не спеша надел доспехи, двурогий шлем, накинул на плечи гиматий. К нему подвели коня.

Плоты же с гетайрами и лошадьми, слегка раскачиваясь на волнах, уже достигли середины реки. Гипотоксоты переправлялись вплавь, держась за холки коней. Туман немного рассеялся, стал прозрачным, и переправляющихся через реку стало видно, хотя и смутно, как сквозь кисею. Скифы тем временем пришли в себя, и с противоположного берега полетели тучи стрел. Македоняне на плотях изо всех сил работали шестами и веслами. Тот, кто первым достигнет берега, получит от царя награду. Вот один из плотов, заметно опередив остальные, ткнулся о прибрежную мель и, едва не

опрокинувшись, пристал боком. Гетайры с лошадьми попрыгали прямо в воду и, еще не достигнув берега, сели в седла... И второй плот достиг берега, затем третий. Гетайры вылетали из воды, размахивая мечами.

Скифы, все, сколько их было, хлынули к берегу, предпринимая отчаянные попытки помешать юнонам, опрокинуть их обратно в воду. У самой кромки воды разгорелась жаркая схватка. Но плоты один за другим продолжали приставать к берегу. Заметно больше становилось и преодолевавших реку вплавь легковооруженных конников.

Вдруг с разных сторон, перекрывая шум боя, зазвучали пронзительные крики. Сигнал этот был понятен скифам. Те, кто сражался верхом, развернули коней, пешие попрыгали в седла, и все пронеслись в степь, где они чувствовали себя вольными, как ветер. Оборачиваясь, выпускали стрелы в преследователей. А некоторые сидели в седлах задом наперед, чтобы удобнее было стрелять. Гипотоксоты вскоре обогнали тяжеловооруженных гетайров, их кони быстро выдыхались, и преследовали скифов уже без них. Вскоре они заметили, что скифы не особо торопят коней, а сохраняют определенную дистанцию. Один за другим падают с коней гипотоксоты, не защищенные латами. Еще и настоящей битвы не было, а их вон уже сколько полегло на белую от соли и твердую, как камень, землю. Но македоняне не прекращали преследования, а наоборот, подстегивали коней, потому что впереди них скакал Александр, которого, наверное, прикрывал от скифских стрел своим щитом Зевс... Скифов, правда, перебито больше, но может ли это служить утешением царю, привыкшему выигрывать и не такие сражения с меньшими потерями?.. Александр не вернется на тот берег, пока не уничтожит всех скифов до последнего, он будет преследовать их, пока под ними не падут загнанные лошади. И когда их жизнь будет зависеть от скорости их собственных ног, они окажутся в западне, как загнанные звери. И тогда непокорных хладнокровно заколют мечами...

Но что это? Расстояние между преследователями и скифами стало быстро увеличиваться. Пришпорили коней?.. И вот силуэты последних всадников растворились в клубящейся желтой пыли, в

которую всего через несколько мгновений влетели, как в душное облако, македоняне и сразу потеряли друг друга из виду, слыша лишь голоса, топот и храп коней. Песок застил глаза, забивал ноздри, не давая вздохнуть. И вдруг кони снова вынесли их на открытый простор, где воздух был прозрачен, как ключевая вода. А пыль уже клубилась совсем в другой стороне, далеко-далеко, где едва просматривалась гряда пологих барханов. В степи до самого горизонта ясно видно все, однако за холмами непременно бывает скрыта какая-нибудь неожиданность. К тому же день уже начал угасать. А ночь во враждебной стране таит в себе тысячу опасностей.

Александр натянул поводья, придерживая коней, и поднял руку. Его вмиг обступила с трех сторон агема, и всех окатила нагнавшая их туча пыли. Начальников отрядов можно было узнать с трудом. Лица их покрыты густым слоем пыли, лишь зубы да глаза сверкали. «Этак и варвары могут, переодевшись, проникнуть в мое войско, и никто не отличит их от своих», — подумал царь. Подъехавшему Лисимаху он повелел выбрать место для лагеря и выставить караулы — чтобы и мышь не проскочила...

Лагерь разбили в продолговатой ложине, по краям которой на возвышенности росли кривые саксаулы, издаലെка напоминающие танцующих скифов. Тут и расположились караульные, которые среди серых изогнутых стволов не были приметны, а сами могли обозревать степь далеко вокруг. По дну ложины во время ливней или таяния снегов, видно, проносятся бурные потоки: среди полузанесенных песком камней застряли ветви деревьев, коряги. Так что воинам не пришлось разбредаться далеко, чтобы собирать дрова для костров. Все изнывали от жажды. Несколько групп отправились в разные стороны, пока светло, обследовать окрестность и, если повезет, раздобыть воду. Лисимах, следуя вдоль ложины, набрел на лужу, вокруг которой белел оком соли. Осторожно, стараясь не взбаламутить, набрали воды в пару бурдюков и кувшины. Вернувшись в лагерь, процедили воду через ткань и вскипятили в котле. Остудив, принесли кувшин с водой Александру. Ничего противнее царь до сей поры не пробовал. Пил, цедя сквозь зубы и морщась. Вода была солоноватая и какая-то клейкая, маслянистая,

пахла болотом.

Возвратив кувшин, Александр сплюнул и удалился в шатер, где ему уже была приготовлена постель. Прислушиваясь к голосам воинов и потрескиванию костров, он вскоре уснул. А в полночь проснулся от резких болей в животе. Однако до поры до времени терпел, сдерживал стоны, лишь ворочался с боку на бок, то поджимая к животу, то выпрямляя ноги. Судя по голосам перекликающихся воинов и беготне в лагере, не один Александр корчился в эту ночь от болей в животе. Бормоча ругательства и на ходу расстегивая штаны, воины бегали за ближайшие увалы. Не приведи Бог, чтобы в такой момент нагрянули враги...

К утру Александру полегчало. И едва небо посветлело, суля скорый восход, а на земле проступили свежие следы коней скрывшихся от преследования скифов, царь вышел из шатра и велел трубить сбор, решив последовать примеру охотников, которые идут по следу до тех пор, пока зверю не изменит чувство самосохранения и он не допустит какой-либо оплошности. Однако Александр проехал совсем небольшое расстояние впереди своего войска. От тряски в седле или еще отчего у него вновь начались в животе рези, да такие, что терпеть стало невозможно и пришлось повернуть назад. Невольно вспомнилось Александру предсказание Эригия. Пренебрег советами жреца — и вот расплата.

Пока доехали до Яксарта, Александр вконец обессилел, приближенным пришлось помочь ему спешиться и пересест в лодку...

Более недели находился Александр в постели, не имея сил подняться. Он уже не сдерживал стонов. Ему не говорили о том, что несколько воинов уже обрели вечный покой на кладбище, которое появилось рядом со строящимся городом. Жрецы приносили жертвы богам и вымаливали у них для царя исцеление, а лекари поили его горькими отварами. Александр временами погружался в зыбкий сон, иногда бредил; ему мерещились скифы, которые свободно расхаживают по лагерю, строят ему рожи... А он, шевеля обсыпанными лихорадкой губами, кричит: «Пошли вон!.. Во-оон!..» — и размахивает руками...

Но однажды Александр, приняв очередную порцию горького отвара, пристально оглядел замерших подле его ног Лисимаха и Клита, затем стоявших у входа в шатер Кратера и Кена, которому было поручено преследовать упрямого Спитамена, не давая ему ни минуты отдыха. Почему же Кен здесь?.. Должно быть, тоже потерял в степи его след... Как и он, Александр, следы скифов. Не случись последнего, строго спросилось бы сейчас с Кена. Царь слабо улыбнулся, и присутствующие услышали его тихий голос:

— Ну что, друзья?.. Заскучали без меня?.. Надеюсь, из-за моей хвори строительство города не приостановилось?..

И всем сразу стало понятно, что дело пошло на поправку.

Царь приказал завершить строительство Эсхат — Александрии через двадцать дней. Как он повелел, ровно через двадцать дней вырос на крутом берегу Яксарта новый город, обнесенный высокой стеной с мощными квадратными башнями. Те из путников, кто проезжал по этим пустынным местам месяц назад, возвращаясь обратно, с удивлением видели вдали возникшие, словно мираж, зубчатые стены и башни, вырисовывающиеся позади них молельни и храмы с куполами, высокие дома с колоннадами у фронтонов.

Для крепостных стен глину брали с наружной стороны, и тут образовался глубокий ров, который в случае опасности мог заполняться водой. Прекрасный город выглядел неприступным. А скольких человеческих жертв и страданий стоил он, об этом говорить было запрещено под страхом смерти.

Говорят, каждый город в мире имеет своего покровителя на небе и своего блаженного на земле. И, наверно, небесный покровитель распорядился так, чтобы первым блаженным Эсхат — Александрии стал Клеомен. В ту ужасную ночь, когда скифы обезглавливали уснувших на берегу караульных, он находился поблизости и все видел. Но не подал голоса, не поднял тревоги. Потому и остался живым, что затаился, как мышь, не пикнул. Живым — то остался, но рассудка лишился.

Горожане часто видели блаженного в отрепьях, бродящего по

улицам и переулкам. Он шел, судорожно дергая кривой шеей и бормоча что-то себе под нос, то ли спорил с одному ему известным собеседником, то ли творил молитвы. А порой он замирал на месте и устремлял взгляд ввысь, и никому не ведомо, что ему там мерещилось. По впалым его щекам, заросшим щетиной, текли слезы. Может, глядя в небо, такое же голубое, как в родном краю, он вспоминал свой дом, мать, отца, сестру, с мужем которой в один и тот же день отправился в поход, а ныне никак не решится сообщить о его гибели. При этом его обветренные, покрытые болячками губы едва шевелились. Если любопытствующий останавливался возле него, желая узнать, что он бормочет, то через минуту испуганно шарахался и спешил прочь, боясь, не успел ли кто-нибудь заметить, как он прислушивался к словам блаженного. Ибо тот не молился, нет, а проклинал Александра. «Эй, Александр!.. Ты считаешь себя праведником, но тебя не могут им считать македоняне, которых ты разлучил с родиной. Ты увел нас в поход, обещав, что скоро вернемся... Ты мнишь себя великим и мудрым, а многие поступки твои достойны тщеславного ребенка... Ты не садишься за трапезу, не помыв рук, но разве не видишь, как с пальцев твоих каплет кровь умерщвленных тобой невинных людей?.. Ты гордишься тем, что рожден македонянином, но почему македоняне проклинают тебя?.. Будь ты проклят, Александр, за то, что разлучил меня с матерью и отцом, сестрой и невестой!..»

Как ни один город не обходится без покровителя на небе и блаженного на земле, так не может он обойтись и без соглядатаев. Несчастливого Клеомена в конце концов схватили и бросили в подземелье. Но и находясь там, он продолжал проклинать царя. Но теперь уже не шепотом, а так громко, что голос его сквозь толстую дверь слышался караульным. И те не без основания стали опасаться, что им несдобровать, если царь узнает, как они, слыша непочтительные о нем речи, не заткнули блаженному глотку.

И в одну из ночей Клеомен был умерщвлен караульными во время сна. Легко и спокойно покинул он этот суетный мир, не успев даже проснуться. Обшарив его лохмотья, которые кишмя кишели вшами, караульные обнаружили письмо, написанное, видно, беднягой совсем

недавно, хотя и не скажешь, что такое мог сочинить блаженный; письмо это он почему-то не отправил, а носил на дне сумы, куда собирал милостыню. Адресовал письмо Клеомен матери. Александра всегда интересовало, что пишут домой его воины, какие вести поступают в Македонию из дальних, завоеванных им стран. И многие письма, прежде чем отправиться в дальний путь, попадали к нему. Это давало царю возможность доподлинно знать настроение воинов. Их мысли, их отношение к своим начальникам и самому Александру. Те, кому по роду службы положено было удовлетворять его любопытство, отличались особым усердием. Они же доставили Александру и письмо умерщвленного блаженного, поскольку в нем многократно упоминалось имя царя.

«Милая мама!

Глаза мои полны слез, а сердце словно в огне, когда я, изнуренный тоской по тебе, отцу и сестре, пишу эти строки. Я нахожусь от нашего отчего дома так далеко, что вряд ли преодолевают такое расстояние даже птицы. Меня отделяют от вас моря, горы, бескрайние степи, безводные пустыни. Как подумаю об этом, становится жутко, ибо порой кажется, что до потустороннего мира значительно ближе, чем до мест, где я нахожусь. И дорога сюда не менее страшна и жестока, чем в царство Аида. Мы шли, ступая по телам убитых, по щиколотку в крови. Наш царь говорил нам, что мы несем свободу народам, поработанным персами. И мы, толпясь вокруг великого Александра, славили его имя, и сердца наши наполнились любовью к нему. Он повелел — и мы исполнили. Давно побежден деспот Дарий. Сполна возвращены Македонии все ценности, которые она, терпя унижение, на протяжении десятилетий выплачивала персидскому тирану в виде дани. Мы отомстили Дарию за те лишения, что терпела от него наша великая страна...

Но, оказывается, алчность нашего царя не имеет предела, по жадности своей он не уступает бывшему властителю Персии Дарию. Отобрав то, что нам принадлежало по праву, ныне мы уже присваиваем чужое. И грабим тех же людей, которых грабили персы...

Я был ранен и долго выздоравливал. У меня было достаточно

времени поразмыслить. Я пришел к выводу, что все, что нам обещал Александр, — вздор, мы в ослеплении своем шелуху фисташки приняли за корабль. Высокопарные слова о доблести, о славе — пустой звук. После ранения я не способен ни к ратному делу, ни к труду. Какая тут к черту слава?! Только о том и мечтаю, чтобы добраться каким-нибудь способом домой. А царь собирается вести нас еще дальше. Такими увечными, как я, заселяет города, которые возводит на своем пути. Теперь даже не знаю, что будет со мной и увижу ли когда-нибудь родину свою и близких...

Сейчас нахожусь в стране, именуемой Согдианой. Она расположена между двумя огромными реками Оксом и Яксартом. Там, где в изобилие вода, много садов и рощ, земля родит хлеб. Здесь живут различные племена. Наиболее многочисленные — согдийцы. У них свои обычаи и верования, отличающиеся от наших. С ними соседствуют могущественные племена массагетов, сартов, саков — тихрахоудов, тиай — тора — дойра, апасаков, яксартов, а мы не видим между ними особых различий и всех называем скифами. Они объединились с персами, дахами, согдийцами и ныне воюют против нас. Многоликим и разноязыким войском этим правит согдиец Спитамен. Говорят, силен и ловок он, и смел в бою, а внешне похож на фракийца. Сам я его не видел, и не приведи Бог встретиться. Кто с ним встретился — уже не жилец. Говорят, и лошадь у него из тех, что прозывались „небесными“, которые могли доставить седока к престолу Зевса. За ним ни ветер не может угнаться, ни птица, ни стрела...

Согдиана — страна удивительная и по своему прекрасная, хотя несколько не похожа на нашу Македонию. Наверное, для любого человека нет земли прекраснее той, где он родился.

Милая мама! Порой я не рад тому, что родился на свет. Ну, какая радость жить вдали от родины и от тебя?..

Иногда, повторяя как молитву слова нашего царя — лжеца, я находил утешение на поле брани и досыта поил свой меч кровью, умножая свои грехи. И за грехи свои — наказан. Теперь до конца жизни своей останусь увечным. И все потому, что на какое-то время я позабыл о тебе. А забывший собственную мать разве может думать о

муках и страданиях чужих матерей?..

Прости, мама, и не печалься. Мне бы только добратсья до дома и увидеть тебя. Я еще в состоянии держать соху, пахать и сеять. Если меня все еще ждет моя невеста, то мы бы поженились. А нет — я полюбил бы другую девушку. И в наш дом, быть может, снова вернулась бы радость... Как только представится возможность, отправлюсь домой хотя бы пешком.

Сейчас мы строим Эсхат — Александрию на берегу дикого Яксарта. И все ущербные вроде меня по приказу царя объявлены поселенцами этого города. А мне хочется домой. Ибо я не сын Бога, а простой смертный, и ни к чему мне слава завоевателя. Сколько страданий мы после себя оставили, сколько развалин на месте прекрасных городов и селений, где остались теперь лишь змеи и совы...

Городу, что мы строим на берегу Яксарта, царь дал собственное имя, чтобы оно осталось в веках. Неужели ему, сыну Зевса, все равно, как люди будут произносить его имя в будущем — с благоговением или проклятьем?..

Проклятье каждому, кто увековечит собственное имя, проливая кровь!

На этом кончаю. Молю Бога, чтобы он послал мне образ твой хотя бы во сне. Но не внемлет Всевышний моим мольбам: видно, слишком прогневал я его и мало каялся. Мне снятся лишь кошмары. Нередко даже наяву меня посещают духи давным-давно умерших предков и кроят за то зло, какое я творил, и никуда от них не спрятаться.

Если же не судьба нам свидеться и я умру от тебя вдали в печали и скорби, забытый всеми, кроме тебя, то прости меня, мама, и прокляни вместе со мной того, кто разлучил нас и обагрил руки сына твоего кровью.

Прощай.

Клеомен.

Эсхат — Александрия».

Тому порукою — любовь...

По Согдиане прокатилась весть о том, что Намич, правитель Мараканды, брошен в зиндан. За то, что укрыл от Искандара Великого свои сокровища. Государственную казну сдал, а собственные богатства утаил. И нашлись из его близкого окружения те, кто об этом донес царю. А царь не терпел, когда от него что-либо скрывали. Тотчас от него последовал приказ: Намича — в подземелье, а имущество его поделить между достойными. Наидостойнейшим был сам царь, достойными — его друзья, начальники царской гвардии, отличавшиеся в боях и окруженные ореолом арете⁹¹, и, конечно же, тот из благородных подданных, кто дал знать царю о nepзволительной дерзости правителя Мараканды.

С той минуты, как Шердор узнал об этом, он потерял покой. Первое, что подумал: «Что с Тораной?..» Искандар уже не с одним из правителей обходился таким образом и в Бактрии, и в Мидии, и в Арии. Имущество опальных попадало в его казну, а жена и дети продавались в рабство. Приглянувшиеся же дочери становились наложницами тамошних автократоров⁹².

Справившись с волнением и немного успокоясь, Шердор сразу же поспешил к Спитамену. До восхода еще оставалось время, но уже рассвело, и в лагере, скрытом от посторонних глаз высокими барханами, царило оживление. Водоносы таскали воду, ошпазы⁹³, ломая о колено хворост, разводили под котлами огонь. Предводителя Шердор застал у коновязи, счищающим скребком с боков и брюха коня приставший репей. Ухаживать за ним Спитамен предпочитал сам; сам и чистил, и купал, расчесывал гриву, хвост и задавал корм.

Как Шердор ни старался казаться спокойным, Спитамен заметил, что он чем-то взволнован. Но расспрашивать не стал. Шердор попросил Спитамена послать его в Мараканду. Он проникнет в город под видом дервиша, узнает о настроении горожан и планах

⁹¹ Арете (букв. доблесть, добродетель) — в понимании Аристотеля и Александра, присущее героям чувство долга, более важное для них, чем знатность происхождения или богатство.

⁹² Автократор — правитель, обладающий неограниченной властью, наделенный чрезвычайными полномочиями.

⁹³ Ошпаз — повар.

македонян.

— И ничто более тебя не интересует? — спросил Спитамен, скормив Карасачу кусочек хлеба.

Шердор опустил голову. Ему не хотелось говорить о главной причине, что понуждала его, позабыв об опасности, броситься прямо в пасть дракона.

— Знаю, ты обеспокоен судьбой Тораны, не так ли? — продолжал Спитамен, расчесывая пальцами челку коня.

Шердор кивнул.

— Ее ожидала судьба других девушек, отцы которых подверглись наказанию, — проговорил Спитамен, взяв Шердора под руку и направляясь с ним к шатру. — Но ее спасла Равшанак, супруга самого царя... — Шердор вскинул на него радостный взгляд, но Спитамен крепче сжал ему локоть и насупил брови: — Радоваться пока что рано. Равшанак лишь сумела помочь ей покинуть дворец и выбраться из цитадели. О дальнейшей судьбе Тораны ничего не известно...

— Мой господин, если ты позволишь мне пробраться в Мараканду, то я разыщу ее!.. — с горячностью воскликнул Шердор.

Спитамен остановился.

— Я бы, наверное, поступил так же, — сказал он. — Отбери десяток джигитов. Наденьте латы и шлемы гетайров, в них любят щеголять согдийцы, перешедшие на службу к Искандару, и поезжайте в Газо. Там разыщешь старосту базара. Он свяжет тебя с людьми, которые бывают в Мараканде довольно часто. Они могут быть тебе полезными. С их помощью ты без особого труда сможешь пробраться в Мараканду. Как это лучше сделать — под видом ли дервиша или воина Искандара, — сообразишь...

— Тогда позволь мне прямо сейчас седлать коня!

— Удачи тебе, — сказал Спитамен и хлопнул его по плечу.

Они ехали часа три, не давая передышки коням. Солнце поднималось все выше и постепенно раскаляло воздух. Спешили до полудня успеть к первому колодцу, чтобы там, в тени джиды и саксаулов, увешанных птичьими гнездами, переждать самую жаркую пору дня, а когда день начнет клониться к вечеру, снова пуститься в путь. Если не случится никаких неожиданностей, то через три дня они

доберутся до Газо. Обычно разговорчивый, любивший и песни попеть Шердор на этот раз всю дорогу помалкивал. Уговоры друзей что-нибудь спеть ни к чему не привели, и они, отстав от него, поочередно рассказывали притчи и веселые байки и покатывались со смеху. Из головы же Шердора не выходила Торана. Он то и дело тяжело вздыхал и произносил вслух: «О Миротворец, не оставь ее без своей защиты!..» Увидев летящих в сторону Яксарта диких гусей, подумал: «Эх, почему Создатель не дал мне крыльев?! Я был бы уже в Мараканде!..»

Вскоре они увидели вдали словно припавшую к рыжим холмам синеватую тучку. И по мере приближения к ней тучка эта зеленела, обретала очертания рощицы. Там и находился колодец, к которому они торопились. Лоснящиеся от пота кони сами ускорили шаг, чуя скорый отдых и помня, что в этом месте их всегда поили водой. Колодец находился у караванной дороги, тянущейся из Китая в Хорезм и еще дальше на северо-запад, огибая Гирканское⁹⁴ море. Ныне по этой дороге караваны следуют редко, и она заросла травой, местами занесена песком. Над колодцем в прежние времена был возведен из жженого кирпича сводчатый восьмигранный навес, надежно прикрывающий его от палящих лучей и песка, а рядом находился небольшой карван — сарай, где путники всегда могли найти место для ночлега и получить желаемую пищу. А теперь чья-то злая рука порушила и сводчатый навес, и караван-сарай, от них осталась лишь груда развалин, в которых пригрелись скорпионы и тарантулы.

Путники въехали под деревья, многие из которых без хозяйской заботы успели засохнуть и простирали к жаркому небу голые черные ветви. Спешились. Под ногами хрустела сухая трава, и разлетались брызгами во все стороны кузнечики. Одни остались готовить место для привала, другие, взяв кожаные ведра, направились к колодцу, чтобы накачать воды. Шердору хотелось немедленно скинуть с себя латы. Они накалились, как сковорода, и мешали двигаться; струями стекал по телу пот. Сняв шлем, он пристроил его в развилке саксаула.

⁹⁴ Гирканское море — Каспийское море.

Голову приятно обвевал ветерок.

Напоили коней, дали им ячменя. И едва расселись на посланных пополах вокруг дастархана, намереваясь подкрепить силы скромной едой, как вдруг из-за холмов донеслись звуки колокольцев. «Не мерещится ли?..» — подумал Шердор и посмотрел на спутников. Те тоже, перестав есть, прислушивались. А перезвон колокольцев все ближе и ближе. Неужто караван?.. И в самом деле из-за ближайшего холма показался верблюд, нагруженный тюками, за ним второй, третий... Более десятка верблюдов, следуя один за другим, вступили из-за холма; шагали они важно и чинно, не проявляя ни малейшего волнения при виде колодца. Вслед за ними выкатились крытые арбы. Судя по драному полотну на них, ехали люди отнюдь не знатные. Так почему так много стражи?.. По обеим сторонам каравана группами — по трое и пятеро — скакали конники. Их было не менее тридцати. И все при оружии. Правда, латы не на всех и в седлах сидят не все, как положено сидеть воинам.

Шердор и его товарищи быстро убрали дастархан и встали за деревьями, стараясь до поры не обнаруживать себя. Кони их паслись по другую сторону холма, и заметить их можно было, только подойдя к колодцу.

Караван вступил в рошу, распугав птиц, которые сначала умолкли, а потом снова, сначала робко, а затем смелее и смелее продолжили свое пение. Погонщики верблюдов заставили животных лечь и стали сгружать с них тюки. Четверо, прихватив кожаные ведра и бурдюки, поспешили к колодцу. Один из всадников, наверное старший, подъехал к крайней арбе и, отвернув полог, кому-то грубо приказал: «Слазьте!.. Можете немного размяться!..» Из-за полога слышались женские голоса, плач. «Вылазьте, кому говорят! Никто вас не тронет, не бойтесь!..» — прикрикнул начальник стражи и направил коня к следующей арбе.

Тем временем погонщики верблюдов приблизились к колодцу и, увидев за деревьями воинов, облаченных в латы, буквально остолбенели, не понимая, кто это: юноны или согдийцы.

— Кто вы такие? — спросил Шердор, выходя из укрытия.

— М — мы к — к-купцы, — ответил, заикаясь с перепугу,

караванщик, и радуясь, что услышал согдийскую речь.

— И куда путь держите?

— В Китай. А если повезет, то направимся еще дальше, в Индию...

— Чем торгуете?

— Много всякого добра везем, меха, сафьян, лен, растительные краски, серебро и золото...

— И все? — спросил Шердор, глядя, как с арб спрыгивают одна за другой испуганные девушки и тут же усаживаются кучкой, тесно прижимаясь друг к дружке, затравленно глядя на расхаживающих перед ними и похотливо ухмыляющихся стражников.

— А это у нас самый дорогой товар, — быстро проговорил караванщик, постепенно осмелев и улыбаясь; он не сомневался, что перед ним согдийцы, воины великого Искандара. — Эти красотки предназначены для продажи в Китае. М-м-м... — издал он звук поцелуя, поднеся щепоткой пальцы к губам. — До чего ж они красивы. Каждая может стать украшением гарема любого из султанов!..

— Чьи это дочери?

— О-о, все они благородных кровей. Это дочери высокородных сановников, заподозренных в измене...

От этих слов Шердора будто пронзило каленой стрелой. Он отвел глаза и словно проглотил язык — не мог больше произнести ни слова. «Редко бывало, чтобы со мной в пути не случилось какое-нибудь приключение», — с досадой подумал он, глядя на приближающихся чужих воинов в латах. Видно, заметили у колодца посторонних и спешат узнать, кто такие. Их шестеро или семеро. Идут, волоча ноги и опираясь на пики. Дорога, судя по всему, изрядно их измотала. Что, если неожиданно напасть на них?.. Нет, Шердору во что бы то ни стало необходимо добраться до Мараканды. И незачем ввязываться в драку...

— Что вы за люди? — грозно спросил бородатый начальник стражи.

— Такие же, как вы, — спокойно ответил Шердор. — Слуги Искандара Великого.

— Тогда присоединяйтесь к нашей трапезе, — пригласил бородач уже более приветливым голосом. — Только враги, встретясь, как мы, где на много верст вокруг ни единой живой души, не разделили бы хлеба — соли, — и жестом показал в сторону расположившегося на отдых каравана, где уже дымили, разгораясь, костры.

Шердор кивнул своим молодцам, они подошли, прихватив хурджины со съестными припасами. Общими усилиями накачали воды из колодца, наполнили бурдюки и кожаные ведра и направились вслед за бородачатым начальником стражи.

Следуя мимо сбившихся в кучу девушек, бородач, посмеиваясь, пошутил:

— Смотрите, каких вам женихов привел! Да только жаль, карманы у них пустые...

Девушки сидели на колючей траве, кутались в платки и старались спрятать лица. Платья на них были из простой ткани, грязные и рваные, у одной плечо оголилось, у другой коленка; натягивают ткань, тщетно пытаясь прикрыть голые места. Неловко было пялить глаза на них, бедняжек, которые уже и людьми — то не считались, каждая имела цену, как любая из тех вещей, что выгребали воины Искандара из сундуков их родителей. «Отцы ваши пошли на службу Двурогому дьяволу! Что посеяли, то и пожали...» — со злорадством подумал Шердор, скользнув взглядом по девушкам и стараясь загасить в своем сердце жалость к ним. И вдруг будто кто толкнул его в грудь. Его глаза словно зацепились за что-то. Он и сам сразу не понял, что привлекло его внимание. Он резко остановился, и следовавший за ним воин ткнулся ему в спину. Шердор вернулся к пленницам и теперь уже внимательнее присмотрелся к ним.

— Учти, за разглядывание тоже придется раскошелиться! — заметил бородач.

У одной из девушек, сидевшей, натянув на коленки подол и низко наклонив голову, был разорван ворот. На груди у нее висел на цепочке овальный кулон. Увидев его, Шердор глазам своим вначале не поверил. Шагнул в гущу девушек, с трудом протискиваясь между ними, и протянул руку к кулону. Но хозяйка, не поднимая головы, ударила его по руке. Да, это был тот самый кулон, некогда

выполненный Шердором. Вот этими его руками, привыкшими уже к мечу и щиту и разучившимися держать легкий, как перышко, резец. Он вспомнил, с каким трепетом и предосторожностью срезал тонкий слой с теплого слоновьего бивня, а затем при помощи тончайших инструментов вырезал на нем прекрасный девичий профиль, а вокруг него венок из нежнейших цветов... Отчаянно заколотилось в груди Шердора сердце. Он вновь потянулся к девушке, чтобы, взяв за подбородок, глянуть в лицо. Однако она, точно дикая кошка, вцепилась в его руку и больно укусила. Платок сполз на плечи и только на миг мелькнуло лицо. Это была Торана... А вдруг все-навсего на нее похожа? Нет-нет, Шердор не мог ошибиться!..

— Кажется, ты всерьез решил выбрать себе красотку? — подошел, приглаживая усы, бородатый начальник стражи.

— Кто эта девушка? — спросил, волнуясь, Шердор.

— А кто ее знает... Подобрали вблизи кладбища среди развалин, что служат пристанищем лишь духам да бродячим собакам. Имени своего не называет. Поначалу мы приняли ее за блаженную... Но уж больно хороша. За нее дадут уйму денег...

О Создатель, как можешь ты обречь на муки и страдания столь невинное создание, хрупкое и нежное, как цветок?.. Та, что еще недавно даже в баню отправлялась в паланкине на белом слоне, путь которому, размахивая длинными бичами, расчищали нагоняющие на всех страх воины, волею твоей превращена в рабыню. На девушке было розового цвета выгоревшее на солнце и заношенное платье свободного покроя, какие носят простолюдинки. Она осунулась, похудела и была бледна, словно после тяжелой болезни.

Шердор стоял несколько минут, окаменев, боясь, что сейчас проснется — и все исчезнет. Бородач что-то пробормотал подле его уха, а он ничего не услышал. Вздрыгнул, когда тот коснулся его плеча.

— Все уже за дастарханом, зовут нас, — сказал бородач.

— Сейчас приду, — кивнул Шердор. — Позволь мне перебраться словом с этой нищенкой.

Бородач развел руками — дескать, как тебе угодно — и неспешно зашагал к рассевшимся вокруг дастархана воинам и караванщикам,

которые, дожидаясь его, не приступали к трапезе, пока старший не займет своего почетного места.

— Послушай, девушка, ведь я тебя где-то видел... — сказал Шердор.

— Ступай, воин, своей дорогой, я тебя вижу впервые, — произнесла, вздохнув, девушка.

— У тебя была служанка по имени Мохиен, не правда ли?..

Девушка резко подняла голову. Ее антрацитовые глаза были по-прежнему горячи и прекрасны. Они постепенно наполнялись слезами.

— Талисман, что у тебя на шее, передала тебе она...

Девушка уткнулась лицом в колени и громко зарыдала, ее худенькие плечи судорожно дергались.

— Успокойся, — сказал Шердор. — Положись на меня и помолись Ахура — Мазде.

Шердор направился к расположившимся в глубине рощи, где была погуще тень, там уже успели разлить по чашам мусаллас, громко разговаривали, смеялись, будто и не было войны и всем на земле было так же весело, как им. Сидели вперемежку, воины Шердора и чужие, позабыв, что им надлежит друг друга ненавидеть, а не делить хлеб-соль. Шердор подсаживаться к дастархану не стал, хотя сидящие и потеснились, уступая ему место.

— Я покупаю эту нищенку, — сказал Шердор и бросил на дастархан кожаный мешочек с деньгами.

Воцарилась тишина.

Бородач взял мешочек и подкинул пару раз на ладони. Усмехнулся.

— Она может стать украшением любого серала. Да любой султан даст за нее больше...

Он снова подбросил мешочек, криво ухмыляясь.

— Вот он... — кивнул бородач на своего тучного краснорозевого помощника, который, набычась, глядел из-под лохматых бровей, — ...лишь за право лишить ее девственности предлагал поболее тебя. Не взыщи, но вряд ли у тебя найдется столько денег, чтобы выкупить ее. Так что забирай свои жалкие гроши обратно, — и бородач кинул кожаный мешочек Шердору.

Тот поймал на лету. Глаза его гневно сверкнули, а на скулах вздулись желваки. Заметив это, его друзья один за другим поднялись из-за дастархана. Предводитель молча обвел их взглядом, и они поняли, чем в эту минуту могут ему помочь, — достали из карманов кожаные мешочки и бросили на дастархан перед бородачем, который обменялся долгим взглядом с помощником.

— Теперь хватит? — процедил сквозь зубы Шердор, швырнув и свой мешочек.

Бородач, насупись, отвел глаза. Помощник же его выпятил живот, подбоченился и, сверкая белками глаз, вызывающе сказал:

— И это не деньги... За такую сумму ты сможешь получить ее только после того, как я проведу с ней ночь!.. — и захохотал было, широко раззявя рот, да поперхнулся, схватился за горло.

Словно ласточка сверкнула белой грудкой в воздухе. Пролетев над дастарханом, кинжал вонзился в бычью шею толстяка, чуть пониже кадыка, и тот, выкатив глаза, медленно повалился на бок.

— Ты убил доверенного человека самого Искандара Великого!.. — заорал, вскакивая с места, начальник стражи и, указав пальцем на Шердора, приказал своим: — Взять его!..

Одного из стражников, кинувшегося раньше всех исполнять приказ, Шердор тут же уложил на месте.

— Это разбойники, а не воины царя!.. — возопил начальник стражи, вынимая меч, и перешагнул через дастархан. — Они пренебрегли нашим хлебом-солью⁹⁵! Бей их!.. За каждую пару их ушей Искандар выдаст награду!..

Зазвенели мечи, среди деревьев разгорелась настоящая сеча. Перепуганные караванщики лежали пластом на земле, схватившись за головы, сражающиеся то и дело спотыкались о них. Спутники Шердора были искусными воинами, смеясь, отбивали они удары, успевая при этом перебрасываться друг с другом шутками.

«Видит Бог, не хотел я проливать вашей крови!..» — приговаривал Шердор перед тем, как нанести смертельный удар.

Каждый из них сражался против двоих, а то и троих, да еще

⁹⁵ Отказ от приглашения к дастархану считался одним из самых больших оскорблений.

подзадоривал противников насмешками: «Ох, и неуклюжие у Искандара воины!.. Нашли кому доверить такой драгоценный товар!..» — и, обернувшись, озорно подмигивали девушкам, которые сидели на том же месте не шевелясь и, кажется, ничего не понимали в том, что происходит.

Стражники наконец не выдержали и пустились бежать.

— Давно бы так... — проговорил Шердор, вложив меч в ножны и утерев с лица пот. — Остановитесь! — крикнул он своим, пустившимся было в погоню. — Не станем отнимать жизнь у тех, кто, образуясь, решил ее спасти!.. Ведь они согдийцы.

Он велел убрать дастарханы, накормить девушек и дать им воды.

Даже когда принесли еду и воду, девушки не сразу поверили, что им желают добра.

— Мы уже два дня не ели, чтобы умереть раньше, чем нас доведут до базара, где торгуют людьми, — сказала одна из них, жадно глядя на хлеб и глотая слюну.

— Теперь вы свободны! — воскликнул Шердор. — Каждая из вас может сесть в арбу или на лошадь и отправиться в любую сторону света. Но сначала послушайте мой совет, совет брата. Мы — воины Спитамена. Кто пожелает, может отправиться с нами. У нас много красивых холостых джигитов, которым вы станете женами. А кто не найдет джигита по сердцу, будет нам сестрою. Если же кому-то с нами не по пути, неволить не будем, дадим про запас и хлеба, и воды... Но чтобы преодолеть в пустыне даже небольшое расстояние, нужно иметь много сил. Так что ешьте как следует!..

И девушки поверили Шердору. Слезы потекли у них из глаз, хотя они и улыбались. Он поймал на себе благодарный взгляд Тораны, налив в чашу воды, протянул ей. Как только она сделала глоток, девушки принялись за трапезу.

Когда Шердор подошел к ним чуть позже, девушки весело разговаривали и охорашивали друг дружку: причесывали, заплетали косы, подводили брови и ресницы сурьмой. Торана улыбнулась Шердору и сказала:

— Я поняла, кто ты.

День клонился к концу, и солнце, припав к горизонту,

просвечивало сбоку рощу, золотя и стволы деревьев, и траву под ним, и девушек. Поодаль, словно небольшой холм, возвышалась груда тюков, скинутых с верблюдов, стояли распряженные арбы с задранными кверху дышлами, привязанные к колесам лошади и верблюды ели, хрумкая, ячмень из подвешенных к их мордам торб. Ночь придется, видно, скоротать здесь, а уж на заре тронуться в путь.

Торана не сводила с Шердора глаз, будто ждала чего-то. Он рукой сделал ей знак подняться:

— Иди за мной.

Девушка повиновалась. Ступала рядом неслышно, легкая, словно ветерок. И снова Шердор почувствовал, как от ее близости все сильнее начинает колотиться сердце.

— Ты художник? — спросила Торана.

От волнения у него перехватило дыхание, и он лишь кивнул.

— Стену в нашем «голубом зале» ты разрисовывал?

Он опять кивнул.

Роща осталась позади, и они медленно удалялись в степь. Тут уже была не твердая земля, как вблизи колодца, а песок, мягкий и теплый, ноги погружались в него по щиколотки. Кое-где пучками росла трава, служа укрытием для всякой мелкой живности, обитающей в пустыне.

Шердор заметил, что Торана извлекла из-под платья кулон и держит его, нежно поглаживая пальцами.

— Эту вещицу ты мне передал?

Шердор произнес сдавленным голосом:

— Я попросил об этом твою служанку Мохиен.

Торана вдруг остановилась и, глянув на раздувшееся красное солнце, с тревогой спросила:

— Куда ты меня ведешь?

— Я хочу сделать тебя своей женой.

Девушка коротко рассмеялась:

— Мне кажется, меня за эти дни покинула душа, я холодна, как камень, и вряд ли смогу стать тебе женой, о какой ты мечтаешь. Не лучше ли подождать, пока я вновь оживу? — сказала девушка и протянула ему руки.

Он сжал ее маленькие теплые ладошки и со страстью проговорил:

— Я и так слишком долго ждал...

Торана опустила голову, помолчала, разглядывая висевший на груди кулон, и тихо произнесла:

— Что ж, если ты умеешь вдохнуть жизнь в холодный камень, кто знает, может, и меня оживишь, — и, посмотрев ему в глаза, сказала: — Веди меня в свой дом.

Шердор грустно улыбнулся:

— Нет у меня дома. Я странник, для которого в погожий день крышей служит небо, а в непогоду — крона дерева, постелью же — трава.

— Где же мы будем жить?

— Ты будешь следовать за мной, как нитка за иголкой.

— А спустя какое-то время не возникнет ли у тебя желание избавиться от меня, как избавляются от наложницы?

Шердор вспыхнул и покачал головой:

— Порукой тому — моя любовь.

Торана обвила его шею руками и приникла к груди. «Невозможно долго удерживать воду в ладонях...» — услышал он шепот и стал покрывать ее лицо поцелуями. Они медленно опустились на колени. Верхний краешек солнца исчез за горизонтом, и стало темно, и весь мир перестал для них существовать.

О прекрасная, лучезарная любовь,

Дарящая минуты, стоящие всей жизни!

Тебя удостаиваются раньше всех отважные.

Ибо они тебя ставят выше богатств и престола...

Очнулись они на рассвете. Песок был взрыхлен их телами. Торана смущенно прикрыла ладонями груди и зябко поежилась. Шердор прижал ее к себе.

— Теперь расскажи, как ты спаслась, — сказал он.

— Мне помог твой талисман. Бедняжка Мохиен передала мне его, исполнив твой наказ.

— «Бедняжка»?.. Почему?

— Когда моего друга увела из дворца стража, мне тоже грозила беда. Не знаю, что случилось бы со мной, если бы не царица. Она всегда хорошо относилась ко мне, мы с ней подружились... Я всю ночь

просидела в комнате, боясь выглянуть за дверь. Думала, вот-вот придут за мной. Когда в коридоре раздавались шаги, казалось, сердце у меня не выдержит... А чуть свет ко мне пожаловала царица Равшанак. Обычно она приходила в сопровождении служанок, а на этот раз была одна и очень взволнована. «Торана! — сказала она. — Я хочу тебе помочь. Позови Мохием и ступайте за мной!..» Равшанак шла впереди, когда мы приблизились к воротам, стража почтительно расступилась. Выведя нас из дворца, она обняла меня и Мохием и шепнула ей на ухо: «Спрячь ее в своем доме».

Я прожила больше недели у Мохием и ни разу не выходила на улицу. Ее отец, Кас — усто, заботился обо мне так же, как о своей дочери...

Но однажды... — голос Тораны задрожал, всхлипнув, она уткнулась лицом в грудь Шердора. — Однажды сильно постучали в калитку. Мы увидели в щель, что там стоят юноны. Мохием схватила меня за руку и потащила в самую дальнюю комнату. «Снимай с себя все!..» — приказала она мне и тоже разделась. Мы быстренько поменялись одеждой. Когда в комнату ворвались юноны, мы сидели с ней по разным углам, закрыв лица платками. Они схватили упирающуюся Мохием и увели... Каково же было удивление ее отца, когда он увидел, что дома осталась я, а не его дочь. От отчаяния он рвал на себе волосы. Когда немного успокоился, позвал меня к себе и сказал: «Тебе, дочка, оставаться тут более нельзя. Юноны спохватятся и снова придут...» И я ушла. Мне пришлось вымазать лицо сажей и глиной. Я бродила по улицам, попрошайничала. Наверно, повстречай меня Кас, и тот не узнал бы. От меня шарахались, как от прокаженной, а сердобольные протягивали хлеб... Спала я где придется: то забиралась в чей-нибудь сад и устраивалась в густых инжировых кустах, то заползала в брошенные хозяевами полуразвалившиеся хижины, которых так много нынче в Мараканде...

Но как-то, отправляясь бродить, я забыла вымазать лицо...

Торана надолго умолкла, и Шердор сказал:

— Нет худа без добра. Кто знает, не случись этого всего, может быть, и не встретил бы я тебя никогда...

Торана тихо засмеялась и погладила его по щеке.

— Я даже имени твоего не знаю, художник.

— Я Шердор, родом из Вихры, бедняк из бедняков. И нет у меня иного богатства, кроме умения рисовать и вырезать по камню. И до сей поры был одинок. А теперь, слава великому Ахура — Мазде, я отыскал в песках пустыни свой драгоценный жемчуг...

— Слава Анахит, что этот жемчуг вложила она в твою ладонь, — прошептала Торана. — Он не потускнеет... и будет радовать тебя своим теплом и светом всю жизнь.

— Да будет так, — прошептал он, вновь приникая к ее устам, как к роднику.

Разлад

По вечерам в просторном шатре Спитамена собирались предводители юртов, старейшины согдийских и скифских родов, начальники отрядов, сидели за дастарханом, деля хлеб-соль, прихлебывая кумыс, и вспоминали подробности недавних боев.

— Если бы многочисленные роды и племена согдийцев, массагетов, дахов, саков пришли к согласию и объединились, как сжимающиеся в кулак пальцы, то мы смогли бы наносить дракону чувствительные удары, особенно если выбирать уязвимые места. В конце концов и насмерть забили бы, — часто повторял Спитамен и с горечью отмечал: — Но нет между нами согласия... А то, что юноны «непобедимы» — это сказка, которую они придумали сами. Наши последние стычки с ними — доказательство тому, что их можно бить, и довольно успешно.

Посреди шатра свисал с потолка масляный светильник. Слабый огонек едва освещал лица сахибкиронов, которые сидели, прислонясь к войлочным стенам, но глаза их привыкли к полумраку и они хорошо различали друг друга.

Выслушав каждого из предводителей отрядов, их подробные рассказы о том, как они вели себя в бою, Спитамен вслух размышлял о своей тактике и тактике противника, и почти всегда приходил к выводу: некоторые операции можно было провести иначе, с

меньшими потерями, сокрушался, что они действовали во время сражения так, а не иначе.

— Да разве было у нас время все до конца продумать, — успокаивали его предводители отрядов.

— У нас воинов в несколько раз меньше, чем у Искандара, и мы никогда его не победим, если не научимся обходиться меньшими потерями, — говорил Спитамен. — И оружие наше менее совершенно, чем у него. У нас нет катапульта, способных метать огромные каменные ядра дальше, чем мы бросаем копье, у нас нет таранов, которые прошибают и самые толстые стены, как дятел трухлявое дерево, у нас нет осадных башен, ибо мы не готовились к тому, чтобы захватывать чужие города. Но несмотря на это, мы и впредь сможем одерживать верх над юнонами. Главное — суметь навязать им свою тактику боя. Это всегда вызывает в их рядах смятение и расстраивает порядок в фалангах и илах. В таких случаях дракон обнажает брюхо... Если юноны берут числом и грозным оружием, то наши верные союзники — хитрость и смекалка. Надо устраивать засады там, где они не ждут, заманивать в ловушки, нападать неожиданно и бить, не давая опомниться, а едва они придут в себя, уноситься в степь и скрываться в не имеющей границ пустыне. Пустыня — крепость наша и твердыня, она оберегает нас и защищает...

Датафарн посетовал, что во многих отрядах не хватает коней, и упрекнул Спитамена: тот в свое время не разрешил отобрать лошадей у дехкан, мол, им необходимо обрабатывать землю, пахать и сеять, без лошадей им не обойтись, иначе в Согдиане может начаться голод. Искандар вот ни с чем не посчитался, забрал, и все. Воины же Спитамена, храбрые рубаки, потеряв в бою коней, превратились в пеших. А если ты пеший, попробуй-ка неожиданно налететь на врага и так же быстро исчезнуть за барханами.

— Надо использовать «способ дахов»⁹⁶, — предложил Хориён.

— Наши воины, не имея другого выхода, давно им пользуются. И в этом превзошли, пожалуй, самих дахов, — заметил Датафарн.

⁹⁶ «Способ дахов» — на одного коня садятся вдвоем. В бою один из всадников спрыгивает на землю и сражается пеший.

— Молодцы и массагеты, — подтвердил Хомук. — У них тоже один конь на двоих. Они упражняются каждый день и так быстро меняются местами, что не уследишь. Не успеешь и глазом моргнуть, а в седле уже другой... И кони одинаково привыкают к обоим хозяевам...

Когда в разговоре наступала долгая пауза, это свидетельствовало о том, что наговорились в досталь. Шердор вынимал из чехла трехструнный тар, который смастерил сам, и, подождав еще минуту-другую, начинал играть народные мелодии, а если было настроение, то и пел. В последнее время он пребывал в отличном расположении духа, но пел меньше, чем прежде, — одну-две песни и все — ибо спешил воротиться в свой шатер. Никто не попрекал его и словом — понимали и, конечно, вспоминали собственную молодость, первые дни семейного счастья, как сами, где бы ни находились, спешили вернуться домой, чтобы поскорее увидеть радостно заблестевшие глаза встречающей на пороге жены...

Шердор и на этот раз спел две песни и вложил тар в чехол. Стали расходиться. Спитамен вышел из шатра последним. Вокруг костров сидели воины, переговаривались, смеялись. Хорошо, когда среди воинов отыскивается человек, умеющий отвлечь людей от тягостных переживаний. Ведь после каждого сражения долго еще держатся в ушах звон сабель, храп коней, крики и стоны раненых, а перед глазами то и дело возникают оскаленные морды коней, искры, высекаемые мечами. Когда человек смеется, он отдыхает душой...

По краям широкой лощины, вдоль которой были разбиты шатры, темнели, сливаясь, барханы. Спитамен долго вглядывался в темноту, пока на фоне фиолетового неба не разглядел прохаживающегося по верхушке бархана караульного.

Появился черный раб в набедренной повязке, отбитый месяц назад у юнонов. У него под самый корень был отрезан язык. Это было распространенным явлением, когда лишали языка рабов, прислуживающих у высокопоставленных лиц. Слишком много они знали.

Раб поклонился и жестами дал понять, что ужин готов.

— Неси, — приказал Спитамен. — И скажи Одатиде, пусть

придет сама и приведет детей.

Раб кивнул и так же бесшумно, как появился, растворился в темноте.

Спитамену уже который месяц приходилось возить семью с собой, вместе с ним она терпела все лишения походной жизни. В одну из майских ночей, отправившись проведать семью, он чуть не угодил в засаду. Спасло лишь то, что в этот раз Спитамен был не один: четверо телохранителей ехали следом, приотстав шагов на двести. Вдали уже завиднелись огоньки кишлака. Ночь была лунная, дорога ныряла в небольшую темную рощу, а за ней вновь выбегала на светлый простор и, обогнув пригорок справа, где находилось кладбище, напрямик вела к кишлаку. Спитамен ездил тут много раз, и днем, и ночью, вблизи дороги ему были знакомы каждый камень и куст. И Карасач хорошо знал, куда везти хозяина, понукать его не требовалось, можно было позволить себе даже подремать в седле. В последнее время Спитамен большей частью отдыхал в седле, редко выдавалась возможность поспать дома.

Въехав в рощу, Спитамен почувствовал, как по телу Карасача вдруг прошла дрожь. Это насторожило его и вмиг согнало сон. Конь стал похрапывать, запрядал ушами, он явно был чем-то встревожен. Вверху прошелестел шорох, как если бы прошелся по листьям ветер, конь прянул в сторону. Задев Спитамена лишь краем, на землю упала большая сеть. Из-за деревьев выскочили какие-то люди, облаченные в черное, лица их по самые глаза были скрыты повязкой, но Спитамен уже успел выхватить меч. Его телохранители в это время въехали на пригорок и, услышав звон мечей, пришпорили коней...

Пятеро из нападавших были убиты, остальные бежали.

Спитамен понял, что враги пронюхали, где он прячет семью, и в ту же ночь увез оттуда Одатиду и детей.

Спитамен вошел в шатер, добавил в светильник масла. Снаружи слышались детские голоса. Полог откинулся, и в шатер вбежали первым Рамтиш, а за ним и старшие близнецы, все трое повисли на отце, обхватив его за шею. Несмотря на то что сыновья рядом, Спитамен виделся с ними редко. И сейчас отметил про себя, как они выросли, возмужали. Близнецам — по двенадцать лет, а выглядят

юношами, у которых над верхней губой начинает пробиваться пушок. Увы, растут без отцовского внимания, мужской ласки, привыкли к кочевому образу жизни: все время в пути, в скитаньях по необъятной степи. На плечах у них накидка, как у отца, только из шкуры гепарда, на ногах красные сапожки с загнутыми кверху носками, на поясе у каждого в красивых ножнах маленький клинок.

Спитамен опустил на мягкую подстилку, усадил сыновей себе на колени.

Рамтиш тут же изловчился и вытащил из серебряных ножен, висящих у отца на поясе, греческий кинжал, добытый в одном из боев, с интересом его разглядывал, попробовал лезвие ногтем.

— Кинжал без надобности не вынимают из ножен. Вложи обратно, — сказал отец.

Рамтиш повиновался. Спитамен прижал к себе сыновей за плечи и стал расспрашивать, как они проводят досуг, достаточно ли времени уделяют обучению грамоте? Не ленятся ли упражняться в стрельбе из лука, отрабатывать удары мечом?.. Учат ли их Антик? Антик искусный воин, они должны слушаться его и выполнять все, что он от них потребует. Антик владеет еще и боевыми приемами, при помощи которых можно справиться с хорошо вооруженным воином и без оружия. Когда они немного подрастут, он научит их этому...

Вот и Одатида пришла. Переступила порог шатра, в котором ее муж редко бывал один. Она являлась только по его зову. Он задержал на ней взгляд, и она зарделась; надо же, сразу отметил, что жена подвела сурьмой ресницы и брови, вдела в уши серьги, надела бусы, которые он когда-то привез из Экбатана. И это шелковое платье цвета зари надела не случайно, не забыла, как он однажды сказал, что в нем она напоминает ему их первую весну. На голове у нее цветастый платок. Щеки порозовели, лицо свежее, как утро. Она опустилась перед мужем на колени, любуясь им и детьми. А они вчетвером не сводили с нее глаз. Даже дети обратили внимание, что мать всего несколько минут назад, когда они с ней расстались, выглядела совсем иначе. Она и не она. Почему они прежде не замечали, какая у них мать красивая?..

— Что вы на меня так уставились?.. — смущенно улыбнулась

Одатида.

— Красивая ты у нас, — сказал Спитамен.

— Говорят, есть и красивее меня, — улыбнулась Одатида.

— Может, и есть, но я не видел, — сказал Спитамен.

— А дочь Оксиарта?.. — сверкнула Одатида глазами, в самой глубине их он в какое-то мгновение заметил словно нацеленную в него стрелу.

— Ну, что ты... — засмеялся он, и смех его показался ей неестественным. — Ты куда красивее!..

— И имя у мамы такое красивое! — воскликнул Рамтиш.

— Кто красив, у того и имя должно быть красивое, — добавил Соймиш.

— Вы правы, дети, ваша мать достойна своего прекрасного имени, — сказал отец. — И дедушка ваш неспроста назвал ее так... Но историю эту ваша мама услышала от меня...

— Когда-то у вас для меня находилось куда больше времени, чем теперь, — вздохнув, заметила Одатида. — Пока не стали ездить в замок Оксиарта...

Она внимательно глядела мужу в глаза, по которым умела читать мысли.

— Ну что тебе дался этот Оксиарт?! — вспыхнул Спитамен. — Он теперь стал тестем самого царя!..

— Потому и ходят сплетни, что вы затеяли войну с Искандаром из-за... — не договорив, Одатида опустила голову.

Спитамен помолчал, затем тихо произнес, однако было заметно, что ему стоит немалых усилий сдерживать раздражение:

— Мои враги могут говорить обо мне все что угодно...

— Ну, отец, расскажите же о том, как маме дали имя, — легонько толкнул его локтем Рамтиш.

А Спитамену вспомнилось то время, когда он и Одатида были совсем молодыми. Кажется, это было так недавно. Предоставленные самим себе, жили они безмятежно, без забот. Им неведомы были еще истинные трудности и настоящее горе. Поистине несчастьем казалось ему, когда сгоряча или невольно доставлял обиду молодой жене и глаза ее надолго становились грустными. Он не знал, как искупить

вину, готов был на все — лишь бы вновь глаза ее засияли, а на устах расцвела улыбка. Ему не хотелось и на полдня расставаться с нею, даже если его ждали серьезные дела. Он подолгу не виделся с друзьями, не ездил на охоту, не принимал участия в состязаниях. Да и вообще редко выходил из отведенных им внутренних покоев, в тиши которых они наслаждались собственным счастьем, и им казалось, что в целом мире только они и существуют, Одатида и ее любимый Спанта. Он, как умел, развлекал молодую жену, рассказывал, стараясь вспомнить все, что довелось услышать от мудрых и веселых людей, всевозможные истории, заказывал ее любимые блюда, и что ни день дарил ей невиданной красоты наряды, преподносил дорогие украшения. Наверное, такое возможно лишь в ту пору, когда чувства первозданно свежи, когда и жест, и взгляд, и звучание голоса — полны особого значения и поэтому прекрасны... Потом родились дети, сначала близнецы, потом вот этот шустрый и любознательный Рамтиш... И, конечно, у него и у Одатиды появились новые заботы. Страсть поубавилась. Не может же костер полыхать вечно. А может, так оно и должно быть, что родители часть той любви, которую делили прежде между собой, переносят позже на своих детей?.. А затем всю, без остатка, отдают им и душевную щедрость!.. Стоит ли из-за этого грустить? Наверное, так устроен мир...

— Что ж, коль хотите, слушайте, — сказал Спитамен и с улыбкой посмотрел на жену: та опустила глаза, ресницы у нее по-прежнему были черными и длинными, как опахала. — Предания донесли до нас, что у мидийского царя Гистаспа был младший братец по имени Заридор. Владел он обширными землями, что простирались от Гирканского моря до реки Танаис. А за Танаисом начинались владения другого царя, Омарта, который более чем царством дорожил единственной и горячо любимой дочерью, красавицей из красавиц Одатидой...

— Мама, ты тоже была единственной у родителей? — обратился к Одатиде Соймиш.

— Но я не считалась красавицей из красавиц, — продолжала бить в одну точку Одатида и глянула на мужа, ожидая, как видно, опровержений.

Но Спитамен насупил брови и, пропустив очередную колкость жены мимо ушей, продолжал:

— Однажды Одатиде приснился молодой царь Заридор, и она полюбила его... Но, оказывается, в ту же самую ночь и Заридору приснилась Одатиде, и с той самой минуты он потерял покой. И это было понятно, ведь в целом свете не было девушки равной по красоте Одатиде. Но не было, разумеется, и юноши такого же стройного, сильного, ловкого, благородного, умного, как Заридор.

Заридор поступил так, как поступил бы на его месте любой другой: послал к Омарту сватов с просьбой отдать ему в жены дочь.

Омарт же принял сватов холодно. Ответ был резок. «Я свою дочь в чужую страну не отдам!» — сказал он и вышел из комнаты, где принимал гостей, давая понять, что разговор окончен.

После этого Омарт решил поскорее выдать красавицу дочь за того достойного батыра, которого она сама выберет в своей стране. Однажды Омарт созвал на пир множество гостей. Во дворец съехались знаменитые батыры, прославившиеся в состязаниях и сражениях. В разгар пира явился царь, ведя за руку дочь. Он налил в золотой кубок вина и, вручая его дочери, сказал: «Поддай этот кубок тому, кто тебе больше всех понравится, за того и замуж пойдешь!» Дочь уронила кубок, сделав вид, что нечаянно, и вино пролилось. «Здесь нет того джигита, которого я видела во сне. Потому кубок и выскользнул у меня из рук», — сказала она отцу.

Спустя какое-то время домчалась и до Заридора весть о том, что Омарт вознамерился выдать дочь замуж, и каждый месяц устраивает пиры, и собираются на них претенденты на руку его дочери. Отец велит ей подать кубок с вином тому из джигитов, кто придется ей по сердцу, но всякий раз, когда она обходит гостей, кубок падает у нее из рук. В зале для гостей все ковры уже красные от вина.

Заридор переоделся в простолюдина и, не теряя времени, отправился в страну Омарта. Молодой царь был ловок и сметлив, во время пира всеми правдами и неправдами ему удалось пробраться во дворец. И в тот самый момент, когда царская дочь обходила гостей с кубком в руках, он ухитрился протиснуться вперед вместе с теми, кто прямо-таки из кожи вон лез, чтобы не остаться не замеченным

красавицей. Кичливые и самоуверенные батыры, возмущенные присутствием среди них простолюдина, облаченного в одежды из шкур, пытались отпихнуть его. Но не тут-то было, он нисколько не уступал им ни в силе, ни в ловкости...

Царевна, как и прежде, уронила кубок. Но Заридор успел поймать его на лету, да так, что и капля не выплеснулась, и снова вложил ей в руки. Глянула на него Одатида и замерла: это был тот самый юноша, который ей приснился. Она улыбнулась ему и протянула кубок...

Омарт, схватившись за голову, без чувства повалился на трон. А оскорбленные батыры один за другим покинули дворец, проклиная в душе не в меру своенравную царевну.

Придя в себя, царь приказал изловить наглого пришельца, облаченного в козьи шкуры, и заковать в цепи, а дочь запереть в комнате, что находится в самой верхней части башни, и не выпускать.

Но молодых влюбленных уже и след простыл. Они мчались на быстрых конях в дальние края, где никто не сможет отыскать их и отнять у них счастье...

Счастливы они были долго, прожили вместе до глубокой старости, умерли оба в один и то же день, ибо не могли жить друг без друга.

Когда Спитамен умолк, сыновья вопросительно посмотрели на мать. Она взъерошила на затылке Соймиша волосы и сказала с улыбкой:

— Вот эта легенда и нравилась вашему дедушке. В честь той самой девушки он назвал меня Одатидой.

Детям не часто приходилось видеть отца и мать вместе. Большую часть времени они проводили с матерью. Отец теперь бывал дома еще реже, чем в былые времена. И если Одатида, тоскуя по нему, умела это скрывать, то дети надоедали ей расспросами и тем самым усугубляли душевные муки ее и досаду. Отсутствие отца она объясняла им всегда одинаково — мол, занят важными делами, ведь ему приходится заботиться не только о них, своей семье, но и обо всем их юрте. А там, кто знает... И старалась гнать от себя подальше нет-нет, да и возникающие сомнения.

Сегодня Одатида, видя, как ласков муж с сыновьями, впервые за

последнее время ощутила в душе покой.

— Давайте отгадывать загадки, — предложил Баркиш. — Ты, Рамтиш, мастер их придумывать, давай что-нибудь новенькое, а мы с Соймишем поломаем голову... — обратился он к младшему брату.

— Я сейчас такую придумаю, что даже папа с мамой не отгадают, не то что вы, — сказал Рамтиш и задумался, закатив глаза и прижав к щеке указательный палец; он что-то шептал и пыхтел от усердия.

— Пока ты думаешь, давайте-ка я загадаю, — предложил Спитамен. — Кто не отгадает, тому какое наказание?

— Щелчок!.. — смеясь, воскликнули Соймиш и Баркиш.

— Ну, так слушайте. Под широким мостом висит мешок с молоком.

Все притихли. Каждому из мальчишек хочется отгадать первым. По их лицам видно, как напряженно они думают. И Одатида сделала вид, что мучительно думает, переглянулась с мужем, он подмигнул ей.

— Ну?.. Ну?.. — поторапливал отец и уже сложил пальцы, приготовясь отпустить щелчки.

— Папа, а разве молоко наливают в мешок? — усомнился Рамтиш.

— А творог, по-твоему, как делают?! — сказал Баркиш, надавив ему на нос указательным пальцем.

Рамтиш изловчился и сам схватил его за нос. Они чуть было не сцепились, да отец прикрикнул нарочито строго:

— Кто умеет шевелить мозгами, рукам зря воли не дает!..

А Соймиш тем временем радостно закричал:

— Корова — а-а!.. Я отгадал!..

— А при чем тут мешок? — недоуменно развел руками Баркиш.

— Вымя — а!.. — хлопал в ладоши Соймиш.

— Молодец! — сказал отец. — Мне причитается щелчок, — и подставил сыну лоб.

Однако Соймиш спрятал руки за спину, не осмелев проявить такое непочтение к отцу.

— Пусть за вами будет должок! — сказал он. — А теперь загадаю я!

— Пожалуйста!

— Мешочек, кругленький на вид, весь рубинами набит. Что это?

Спитамен и Одатида переглянулись, пожали плечами, делая вид, что им не под силу отгадать такую трудную загадку.

— Грана — а-ат!.. — закричал Рамтиш, сияя.

— Правильно, — кивнул Соймиш и подставил лоб.

— Оказывается, загадывать не менее рискованно, чем отгадывать, — проговорил Соймиш, потирая красное пятно на лбу.

— Можно я загадаю? — вскинул руку Рамтиш. — Шагает рядом с человеком, оставляет следы с монету.

— Это палка моего дедушки, — сказал, почти не задумываясь, Баркиш и просиял, когда младший брат кивнул и подставил лоб для щелчка. — Теперь моя очередь загадывать!.. Я вечером разбросал по крыше золотистый сноп, а утром встал — ни соломинки.

Опять все притихли. Дети переглядывались, будто могли прочесть мысли друг друга. Чтобы их рассмешить, Спитамен хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Я угада — а-ал! Ты хотел просушить ячмень, а ветер все сдул!

— Нет! — громко засмеялся Баркиш.

— Что же ты так оплошал, Спанта? — сказала Одатида, с сочувствием глядя на мужа.

— Что поделаешь, — развел руками Спитамен. — Уж больно трудная загадка, я сдаюсь, сынок. Заслужил щелчок, приступай.

Но Рамтиш стукнул по руке брата.

— Не смей! — сказал он и подставил свой лоб: — Щелкни меня вместо папы!.. И вместо мамы тоже можешь!.. И вместо Соймиша!..

Баркиш засмеялся и трижды щелкнул младшего брата по лбу, да так, что у того слезы на глазах выступили.

— Теперь скажи сам, что это! — сказал Рамтиш, потирая лоб.

— Млечный Путь, звезды, — ответил Баркиш, горделиво выпятив грудь.

— Звезды — ы?.. — недоверчиво округлил глаза Рамтиш. — А при чем тут солома?

— А ты разве не видел, как просыпанная на дороге солома блестит в лунную ночь?.. Точь-в-точь, как Млечный Путь! Недаром

эту полосу из скопления звезд называют еще Саманной дорогой!

Одатида почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. В углу замер на коленях полуголый черный раб, держа в руках поднос с едой. Глаза его сверкали в полумраке. Увлечшись игрой, они не заметили, как он вошел. Одатида спохватилась.

— Принесли еду, — сказала она и, взяв лежавший поверх подноса дастархан, сама расстелила.

Раб положил хлеб, поставил глиняный кувшин с молоком, вазу с медом и пять чаш. Одатида знаками показала ему, все время забывая, что он слышит, что еще надо сделать. Раб кивнул и удалился, вернулся через несколько минут с тлеющей травой беремон на бронзовом совке. Разувшись у порога, он обошел шатер, неслышно ступая по пестрым войлокам и окуривая душистым дымком сложенную стопкой постель.

Спитамен произнес шепотом молитву и коснулся руками глаз и рта. Сыновья, глядя на него, проделали то же.

Одатида налила всем молока, положила по ложке меда и, тщательно размешав, подала каждому, сначала мужу, потом детям.

— Когда же мы отправимся на джайляу к табунам, отец? — спросил Соймиш. — Вы обещали подарить мне жеребенка, чтобы я сам объездил его и приучил к седлу...

— И мне обещал!..

— И мне!.. — тотчас напомнили Баркиш и Рамтиш.

— Да — а, — задумчиво прознес Спитамен, прихлебывая мелкими глотками молоко. — Джигит должен взрослеть вместе со своим конем. Тогда они становятся словно братья. Ведь конь лишь по милости Создателя имеет иной, чем наш, облик, а умом ничуть не уступает человеку. Он все понимает, когда с ним разговариваешь, только ответить не может; сердцем чувствует, когда у тебя хорошее настроение, и переживает вместе с тобой, когда у тебя горе...

— Отец, ты обещал жеребенка Карасача, — сказал Рамтиш.

— Сиди, тебе еще подрасти надо, этот жеребенок будет мой, — махнул на него рукой Соймиш.

— Не стоит из-за этого ссориться, дети... — проговорил Спитамен и хотел было сказать: «В нашем табуне какого жеребенка

ни возьми, любой, став взрослым конем, обретет невидимые крылья. Ибо их предки не зря назывались „небесными конями“», — но не сказал, а низко опустил голову, поставив на дастархан чашу. У него заняло сердце при мысли, что нет уже тех табунов. Лишь небольшую часть успели угнать подальше в горы, а жеребых кобылиц, которые не могли мчаться вместе с остальными, пришлось забить, чтобы они не достались воинам Искандара. Все равно немало добрых коней перепало им... Как вспомнит об этом Спитамен, так сердцу в груди становится тесно...

Вздохнув, он заставил себя улыбнуться:

— Хорошими лошадьми Бог нашу землю не обидел. Все трое выберете жеребят, каких облюбуете, и подружитесь с ними. Бывает, что человек коню изменяет, но конь — никогда...

Одатида делала вид, что ест, а сама украдкой наблюдала, как ее любимый Спанта беседует с сыновьями, и душа ее была полна радости. А ведь было, что она не раз со страхом думала: Спанта позабыл их, нарочно отвез в эту даль, глухомань, чтобы им не найти было обратную дорогу. Ей было известно немало таких случаев... Но как только Спанта почувствовал, что им что-то грозит, он увез их в ту же ночь с собой. И она поняла, что любит он своих детей безмерно... Еще бы, ведь в их жилах течет его кровь, и они — частица его самого. И радости, и печали, и утешения, и тревоги — все в них, в детях. Когда Спанта подолгу отсутствовал, она дни напролет проводила с ними, вместе с детьми заново открывала для себя мир и часто задумывалась, а станут ли они опорой для нее в старости? Что и говорить, сил они отнимали немало. Чего стоили одни только ее переживания, связанные с бесконечными перекочевываниями с места на место независимо от времени года, жары иль ненастья, когда казалось, что опасность подстерегает ее детей на каждом шагу, за каждым холмом, за каждым поворотом дороги. С тех пор, как на их землю пришла война, сердце ее не знает покоя, она живет в постоянном страхе за детей и за мужа и с ужасом думает, что ждет ее детей в будущем. Не приведи Бог, случится что-нибудь с ее детьми, она в тот же день наложит на себя руки. В отсутствии мужа она чувствует себя беззащитной, глаз не смыкает по ночам, и всякий

шорох за стенкой шатра заставляет ее вздрагивать: не наймит ли крадется?..

А когда после очередного сражения с юнонами поредевший отряд возвращается в аил, Одатида спешит вместе с другими женщинами встречать его за барханы и жадно вглядывается в приближающихся всадников, ища среди них мужа, увидев его, старается сдержать рвущийся из груди радостный возглас, молча берется за стремя и, прижимаясь лицом к пыльному голенищу, идет рядом с конем до аила, слыша, как за спиной то одна из женщин начинает рыдать, то другая. Плачут те, кто не дождался мужей...

Потом, наедине, так много хочется высказать, однако они сидят и молчат, потому что из соседнего шатра доносится женский и детский плач. Там остались без покровителя и кормильца, и заботу о них должен взять на себя Спитамен. Вид у него усталый, измученный. Таким его никто не видит, кроме жены. И она забывает о женских своих обидах и делает все, чтоб угодить ему, снять усталость. Не забудет зайти в соседний шатер, где поселилось горе...

Черный раб в набедренной повязке принес на глиняном блюде вареное мясо, приправленное ароматными травами. Когда Спитамен обглодал последнюю кость и бросил ее на блюдо, были поданы фрукты в плетеной вазе и в маленьком кувшинчике густой мусаллас.

После завершения трапезы сыновья попрощались с родителями и покинули шатер.

Спитамен протянул к Одатиде руку. Она легко поднялась и пересела ему на колени. Ее головной платок соскользнул на пол. Он обнажил ей плечо и стал покрывать поцелуями. Они не замечали присутствия раба, который, передвигаясь словно тень, собирал посуду, затем как попало завернул все в дастархан, пролив в спешке вино, и, ступая на цыпочках, вышел из шатра...

— Ты очень бледна, — сказал он, вглядываясь в лицо жены, и провел рукой по ее лбу. — Устаешь?..

— Я очень люблю тебя, Спанта, — прошептала она, не сводя с него горящих глаз. — И боюсь потерять тебя...

— Потерять?.. — его жесткий рот скривила усмешка. — Откуда такие мысли?

— Ты охотник и хорошо знаешь: если и день, и другой устраивают облаву на зверя, то каким бы он хитрым ни был, в конце концов попадает в западню...

— Да, это так, но я действительно охотник, и неплохой, а не зверь, — тихо проговорил Спитамен, касаясь губами ее мягких шелковистых волос.

— И все же: они обкладывают тебя со всех сторон, как зверя, и ты мечешься... Я боюсь за тебя и за наших детей...

Спанта жарко дышал ей в ухо, ни о чем плохом не хотел думать. Он протянул руку к свисающему с потолка светильнику и, сжав пальцами фитилек, погасил его. Запахло горелым маслом. Он притянул жену к себе, однако ощутил сопротивление ее упругого тела, она уперлась руками ему в грудь.

— Спанта, — прошептала. — Зачем тебе эта война? И так уже пролито море крови... Если Искандар — сын Бога, то вряд ли кто его одолеет. Смирись, Спанта...

Он расслабил объятия.

— Сын Бога?.. Кто тебе это сказал?

— Все так говорят. Не сердись...

— Ты попрекаешь меня кровью, будто я вторгся в чужую страну с мечом в руках!..

— Не горячись, Спанта... Если Бог послал своего сына на нашу землю, значит, так ему было угодно... Простой смертный не может выйти победителем в споре с Богом. Вспомни, что постигло тех, кто не захотел признать власть Искандара. Мне даже страшно об этом подумать. Разве ты не видишь, что в волосах моих появилась седина, а на лице морщины? Если не меня, пожалей хотя бы детей...

— Я не хочу, чтобы дети мои были рабами!..

— И в своей опасной игре ставишь на кон их жизни!.. — резко сказала Одатида и заплакала.

Спитамен оттолкнул ее и вскочил. Обхватив себя за плечи, стал порывисто ходить взад-вперед; в темноте задел ногой кувшин с мусалласом, он отлетел в угол, капли брызнули Одатиде в лицо.

— Если войну с нашим кровным врагом ты считаешь игрой, то на кон я поставил прежде всего мою собственную жизнь! — сказал

Спитамен, остановившись перед женой.

— Но твоя жизнь — это и наша жизнь, моя и моих детей! А их у тебя — трое!.. — сказала Одатида, медленно поднимаясь, словно кобра перед броском; глаза ее в темноте сверкали, волосы растрепались по плечам.

— Мы так редко видимся, а ты еще успеваешь ранить меня в самое сердце!..

— А ты, конечно, привык слышать от меня только сладкие, как мед, слова?!

— Они у тебя стали горше яда!.. Ступай к себе, мне надо отдохнуть. Завтра чуть свет выступаем...

Одатида молча постояла, укоризненно глядя на мужа, зябко повела плечами и, опустив низко голову, тихо вышла из шатра. Колыхнулся за нею полог, пропустив свет пригоршни звезд, и запахнулся, оставив Спитамена в густой темноте...

Трагедия в Наутаке

— Эге — ей, друзья мои, братцы! Поведаю-ка я вам о печалях сердца моего! Внемлите слову одного из блаженных, живущих подаянием!.. Кто из вас скажет, для чего человек рождается на свет?

Для счастья и наслаждений? О нет — для мучений и страданий. Куда ни глянешь, всюду — зависть, клевета, сплетни, люди стали коварны и не добра друг другу желают, а зла. Хорошие люди живут мало, а клеветники и лжецы долго. Кто говорит правду — нередко лишается головы, а кто лицемерит — достаивается наград. Ну, почему, скажите, подлым живет на свете привольнее благородных? Еще и насмеваются над честными и совестливыми. Где, скажите, справедливость? И есть ли она на свете вообще и где искать ее?.. А ведь жизнь так коротка!..

Наши предки говорили: навет — как брошенный в воду камень — взбаламутит ее, но со временем муть оседает и вода снова становится прозрачной. Кто роет яму чужому, тот сам в нее угодит. И об этом говорили предки. Кто может сказать, что они были неправы? Если бы люди умели пользоваться мудростью предков, меньше бы творилось

на свете зла!

Дорогие друзья, босяки Согдианы, убогие и голодные! Это вам я говорю, блаженный Дариёд! Чархипалак⁹⁷ крутится-вертится, наполняя арыки влагой, вода течет, не переставая, но, увы, не нам во благо. Мы как явились на свет голыми и босыми, так и уйдем — если будем продолжать прислушиваться к нашептываниям Анхра — Майнью, если не отведем от себя его тень и не обернемся к светлому лику Ахура — Мазды!..

Обветренное и коричневое от загара лицо Дариёда менялось каждую минуту, глаза излучали то радость, то гнев, на устах блуждали то улыбка, то брезгливость. Откинув со лба седые волосы, он извлек из-под лохмотьев тар и, ударив по струнам, запел хрипловатым голосом:

Из-за чего эти распри, из-за чего резня?

Чего для доброты не хватает, дорогие друзья?

Судьбы людей — листья одной лозы,

Наливающейся соком жизни по весне,

А в конце осени умирающей.

Кто только не являлся в этот мир!..

Но все ушли, не завершив своих дел.

Им не хватило жизни,

Ведь она так коротка!..

— Мальчишки, вон опять тот блаженный!.. — крикнул один из мальчишек, носившихся ватагой по улицам в поисках развлечений. — Послушаем, что он говорит.

По улице шествовали слоны, на которых ехали под балдахинами какие-то вельможи. Лавируя между ними, мальчишки перебежали через улицу и, щедро вознаграждаемые подзатыльниками, стали пробираться сквозь толпу к блаженному. Но тот уже закинул за спину свой тар и направлялся в сторону базара.

— Эй, блаженный, расскажи дастан! — дернул его за лохмотья один из чумазных шалопаев.

— Дастан не рождается по воле рассказчика, если не соизволит

⁹⁷ Чархипалак — колесо с лопастями, при помощи которого качают воду.

сам, расправив крылья, покинуть его душу, как собственную клетку. А мой дастан только что улетел от меня. Ступайте вон к тем людям и прислушайтесь, — показал блаженный на оставленную им только что толпу, которая почему-то медлила расходиться. — У кого чуткое сердце, тот да услышит.

Но мальчишки увязались за ним и, озоруя, дергали за лохмотья, бросались в него комьями сухой глины, черепками посуды. Мальчишка с красными трахомными глазами, изловчившись, выдернул из его рук посох и кинулся наутек. И вся ватага с гиканьем и свистом унеслась за ним.

— Дети есть дети, не сердись на них, блаженный, — проговорил, остановившись, дородный мужчина средних лет. Одет он был просто, однако гладкое лицо, белые нежные руки свидетельствовали о том, что хлеб он себе зарабатывает не физическим трудом, однако и к высшему сословию его не отнесешь. — Я знаю отца этого шалуна, найду твой посох.

— А я и не сержусь. Все мы были детьми. Хоть у меня на свете ничего больше и нет. Посох — это моя единственная опора. И не надо говорить с отцом озоруна, ибо взрослый, донесший на ребенка, умножает грехи свои...

— Да?.. — усмехнулся мужчина. — А я как раз рассчитывал, вернув вам посох, получить отпущение грехов...

Дариёд обратил внимание, что глаза у незнакомца плутоватые.

— Если их у тебя скопилось слишком много, то пожертвуй хотя бы монетку храму Митры, — сказал он и зашагал дальше.

К мужчине подошел товарищ, высокий и сухощавый, и недовольно спросил:

— Куда вы подевались, Кобар? Как бы нам в этом городе не потерять друг друга!..

— Вон у того бедняги посох утащили, — кивнул Кобар вслед удаляющемуся старцу. — Этого блаженного я где-то видел, только никак не могу вспомнить, где...

— О-о, вы могли его видеть где угодно — как среди бродяг, так и среди правителей. Я его знаю с тех пор, как помню себя, он все такой же. Когда я занимался... — долговязый умолк и опустил голову,

словно устыдившись каких-то собственных мыслей. — В молодости я смотрел на посох этого блаженного с черными мыслями, ибо слышал, что он полный внутри и набит золотом...

— И не смог украсть?.. — захотел дородный Кобар, и его двойной подбородок затрясся. — Неужто этот мальчишка превзошел тебя, Бабах?..

— Я опасался гнева Ахура — Мазды. А этот пострел, видно, ничего не боится...

— Далеко пойдет?..

— Кто знает...

На улицах Наутаки было многолюдно, несмотря на то что многие богатые горожане давно покинули город, кто на восток подался, в земли узкоглазых племен, кто на юг, рассчитывая спастись за многоводным Индом. В последнее время все упорнее распространялись слухи, что Искандар вот-вот должен выступить из Мараканды в сторону Наутаки. А третьего дня разнеслась весть о том, что уже выступил. Ворота города заперли на все засовы. Открывались они всего раз в день. Стража строго проверяла, кто въезжает и кто выезжает. Люди на улицах настороженно вглядывались друг в друга. Лица у всех суровы, озабоченны. Скакали взад-вперед верховые с донесениями. Куда ни глянь — молодые мужчины, не похожие на воинов, но со щитами и болтающимися на боку мечами, все направляются к городским стенам, чтобы занять на них места. Наутака — один из самых больших городов Согдианы, стены мощные, ворота прочные, вполне сможет постоять за себя, если, конечно, защитники его не струсят, как их соседи, жители Мараканды.

Кобар и Бабах вышли к базару, где все еще велся оживленный торг, свернули в сторону высоких кряжистых деревьев, в тени которых на помостах, застланных войлоком, отдыхали люди, неподалеку в котлах, булькая, варилась еда, распространяя вокруг дразнящий аромат. Кобар и Бабах, разувшись, взобрались с ногами на помост. Хозяин тотчас поспешил к ним, они велели подать по горячей лепешке, испеченный в тандыре бараний курдюк и приправленный соусом из перепелиных языков рассыпчатый рис.

Приступив к еде, они вдруг увидели Дариёда, сидевшего возле арыка, прислонясь к корявому стволу дерева. Перед ним был постлан белый платок, заменявший дастархан. Прохожие останавливались и клали ему на дастархан кто кусок хлеба, кто сахар, кто горсть изюма. Кобар отломил лепешку, положил сверху кусочек курдюка и подошел к блаженному. Опустившись на корточки, спросил:

— Не нашел посоха?

Тот взглянул из-под кустистых бровей:

— Он сам найдет меня.

«Вот уж точно не от мира сего», — подумал Кобар и, пожав плечами, сказал:

— Вот возьми свою долю, поешь, пока не остыло...

— У каждого своя доля, добрый человек. Тот, кто не знает в еде меры, съедает чужую долю, тот и умрет раньше срока, не болея. Коль ты поделился со мной, значит, этот кусок лепешки мне и предназначался, — сказал старец. — Оставлю до завтра. Может случиться, что завтра никто не поделится, — он наклонился и, дотянувшись рукой до воды, в которой отражались нижние ветви шелковицы, зачерпнул ладонью и отпил, еще раз зачерпнул и омыл себе лицо, приговаривая: — Божья благодать... прозрачна, бесцветна, не соленая, не сладкая, но попробуй без нее обойтись. Где нет воды, там нет и жизни. Сколько людей покидает мир, не дойдя нескольких шагов до спасительного источника, сколько животных погибает, с трудом добравшись до ручья и найдя его высохшим, сколько девственных лесов на корню засыхает, когда реки меняют русла...

— Слова твои мудры, блаженный, похоже, ты прочел немало книг, — заметил Кобар.

— Блаженный без мудрости не блаженный, а дурак. Единственное, что у меня есть, это слова. Они всегда правдивы и потому никому не нравятся, из-за них я всегда был в немилости у правителей. И Искандар Зулькарнайн тоже прогнал меня...

Вдруг с базарной площади донесся шум, там забегали, засуетились.

— Что там случилось? — спросил Кобар у прохожего.

— Какого-то мальчишку лошадь лягнула, — сказал тот.

— Не было ли у того мальчишки в руках длинной палки? — поинтересовался блаженный.

— Да, была, — сказал тот, останавливаясь и удивленно глядя на старца. — Он хотел пощекотать ею лошадь...

— Не сделаешь ли милость, не принесешь ли ее мне?

— Сейчас, — прохожий быстро направился обратно и через несколько минут протянул блаженному посох: — Твой?

— Благодарствую, мой... Мне без него ох как трудно, — вздохнул Дариёд и, опершись обеими руками на посох, поднялся.

Но шум на площади не ослабевал, наоборот, усиливался. Хозяева закрывали лавки, сворачивали непроданный товар, складывали в корзины, мешки и, взвалив на себя, спешно покидали базар. Прилетевший невесть откуда ветер подхватил пыль, кучи сора, взметнул вверх, понес над головами людей, над крышами, над деревьями.

Кобар окликнул прохожего.

— Скажи, джигит, что там происходит, куда бегут эти люди?

Тот махнул рукой:

— В город примчались гонцы от дозорных! Приближается войско Искандара!..

Кобар и Бабах быстро покончили с едой и покинули площадь.

Весть о приближении к Наутаке Искандара Зулькарнайна распространилась с быстротою молнии. В городе началась паника. Богачи метались по садам и огородам, прижимая к груди ларцы с драгоценностями, кувшины с золотыми монетами — в поисках места, где их зарыть. Те, у кого были дочери, хватались за голову, не зная, где спрятать красавиц. Многие на чем свет стоит проклинали себя, что вовремя не покинули Наутаку, срочно запрягали арбы, грузили самое ценное, сажали поверх вещей детей и мчались к городским воротам, настегивая лошадей. На привратной площади собралась тьма арб. Кричали, плакали, требовали открыть ворота, выпустить из города...

А те, кому была всего дороже честь родного города, надевали воинские доспехи, брали копье, меч и спешили к крепостным стенам. Бедняки, у кого не было доспехов и оружия, шли, сжимая в руке

топор или вилы, острый серп или просто увесистую дубину...

Ближе к вечеру, когда начала спадать жара, со стен Наутаки разглядели приближающееся войско юнонов, несколько когорт. Их вел знаменитый Кратер. По дороге шагали длинной вереницей пешие воины, вооруженные копьями, короткими мечами и прямоугольными щитами, прикрывающими их от плеча до колен. Позади них, значительно поотстав, двигались в клубах пыли катапульти, стенобитные орудия, колесницы, каждую из которых тащила четверка лошадей. За колесницами ехали арбы, нагруженные сложенными одна на другую лестницами.

Не прошло и двух часов, как юноны приблизились настолько, что стали слышны их голоса. Они расположились лагерем вокруг города.

Кратер в сопровождении начальников ил объехал верхом вокруг Наутаки, чтобы осмотреть и оценить по достоинству оборонительные стены и башни, однако слишком приблизиться не рискнул, дабы не дразнить местных лучников. На стенах и в промежутках между зубцами виднелись наутакцы, которые что-то ему кричали, грозили кулаками. Кратер не обращал на это внимания. Объехав вокруг города еще раз, он убедился, что наутакцы подготовились к обороне основательно.

Солнце, остывая, начало тускнеть и приобрело цвет раскаленного железа. Кратер срочно послал к Испандату, правителю Наутаки, парламентаров, они должны были успеть вернуться, пока светило не погаснет вовсе. В ожидании их Кратер нервно прохаживался взад-вперед перед шатром. Следуя совету царя, он предложил Испандату сдать город без боя. Что тот ответит?..

Парламентары наконец вернулись. Над зубчатыми стенами Наутаки и виднеющимся за ними голубым куполом Храма Огня, блеснув напоследок, угас последний луч, а в небе высыпали звезды. Наутакцы отказались сдаться. И Кратер решил на рассвете начать штурм. Сам отметил места в стене, где надо поработать стенобитными орудиями. В темноте скрытно подкатили тараны к исходным позициям, поближе к стене придвинулись катапульти.

Едва забрезжило утро, по команде Кратера взмыли с катапульти огромные каменные ядра, полетели через стену, с гулом рассекая

воздух. Защитники города, следя за их полетом, инстинктивно пригибались, пораженные тем, что существует сила, способная поднимать в воздух такую тяжесть, с ужасом наблюдали, как ядра разносят в щепки крыши домов, пробивают стены. А тем временем тронулись тараны, толкаемые дюжиной здоровенных воинов, набирали скорость и с разгону налетали на стены, с глухим уханьем долбили их выдвинутыми вперед металлическими «хоботами». Откатывались назад и снова налетали...

Но наутакцы растерялись лишь в первые минуты. Когда юноны бросились к стенам с длинными лестницами и, приставив, стали быстро карабкаться вверх, они собрались с духом и длинными шестами принялись отталкивать лестницы, сбрасывать вниз вместе с облепившими их юнонами, те разбивались насмерть; на головы лезущих врагов обрушивались камни, лилась кипящая смола... И тогда Кратер подал знак лучникам. Те быстро приблизились к стенам, выпустили одновременно тучу стрел...

Однако лучники наутакцев были не менее искусны, да и стрелять с высокой стены было удобнее. Не менее густая туча стрел полетела навстречу юнонам и заставила их отступить...

Весь день у стен Наутаки не стихала битва.

С наступлением темноты Кратер прекратил штурм. Юноны разожгли костры и, рассевшись вокруг них, отдыхали, перевязывали раненых, готовили еду. А специальные команды подле самых стен подбирали убитых. Наутакцы не мешали: великий грех — не предать убиенных земле.

Защитники Наутаки тоже развели на стенах костры. Тоже готовили еду. Да и смола должна быть постоянно наготове — мало ли что... Враг коварен. Отсветы костров, дрожь, скользили по склонам холмов, по краям оврагов. Однако у основания облитых смолой стен мрак был настолько густым, что казалось: сюда стеклась тьма со всей земли и окутала город; погружаясь в нее, становились невидимыми одетые в темное вражеские лазутчики; неслышно подкрадывались они к крепостным стенам, ощупывая руками каждый камень, каждую выемку, проверяя, где тараны причинили наибольший урон, пытаясь определить, в каком месте стена податливее...

Площадь напротив цитадели была озарена кострами, вокруг них сидели и полулежали воины, громко разговаривали и смеялись. «Если в такое время люди находят повод для веселья, значит, не все еще потеряно...» — подумал Дариёд, пробираясь к воротам, по краям которых стояли два стражника. Но едва Дариёд приблизился, перед ним скрестились копыя.

— Ты куда, бродяга? Здесь тебе не ночлежка!..

— Я к Его Светлости правителю Испандату, у меня к нему важное дело, — сказал Дариёд.

Бородатые стражники рассмеялись и, окинув подозрительным взглядом облаченную в лохмотья фигуру, велели убираться ему подобру-поздорову.

— Не смотрите на мои лохмотья, не одежда красит человека, а ум. Пропустите меня. Эх, пропади пропадом эта старость — становишься никому не нужным, а совета твоего не желают выслушать даже желторотые юнцы, вроде этих...

Неожиданно ворота отворились, и вышел сам правитель, сменивший месяц назад своего брата, бежавшего из города Сисимифра. Он был облачен в блестящий панцирь, на голове шлем с джигой. Следом семенил оруженосец с его щитом и тяжелым мечом. Стражники расступились и склонили головы, прижимая правую руку к сердцу. Проходя мимо них, правитель мельком взглянул на старца и остановился:

— Не Дариёд ли ты?

— Благодарствую, что признал меня, — поклонился старец. — Ведь в последний раз мы с тобой разговаривали двадцать семь лет назад. Может, и правда молитвы мои достигли Неба?..

— Значит, что-то в тебе сохранилось от тех времен, раз не прошел я мимо тебя. Милости прошу, достопочтенный отец, пожалуй ко мне! Однако тысяча сожалений, время у нас нынче такое, что не смогу уделить тебе много времени, не до долгих бесед сейчас.

— Именно потому я и счел необходимым прийти. Мне нужно сказать тебе всего несколько слов. Нередко под личиной благородства

простая низость кроется, не забудь об этом. Трудно придется тому, кто не сумеет перехитрить врага. Сегодня я был на базарной площади, видел там двоих... Я их узнал. Один — Кобар, некогда служил у Бесса и даже занимался стихоплетством.

Другой — знаменитый на всю Согдиану вор... в последнее время находился в услужении у Оксиарта, зятя Искандара, врага нашего лютого... Вряд ли добрые намерения свели этих людей столь разных как по учености, так и по ремеслу. Неся в душе добро, разве прибывают тайно?..

— Ты знаешь, где они? — нахмурил брови Испандат.

— В городе. С тех пор, как я их видел, ворота ни разу не открывались.

— Что ж, мои люди найдут их, — сказал Испандат и протянул Дариёду горсть золотых монет. — Знаю, что раздашь тем, кто беднее тебя...

Кивнув ему на прощанье, правитель зашагал мимо костров. За ним поспешали оруженосец и телохранители. На улице валялись осколки расколовшихся каменных ядер. Много домов было разрушено, немало людей погибло под обломками. Воины при свете костров разбирали завалы, будто после землетрясения. Испандат направился к надвратной башне. Двое стражников открыли перед ним заскрипевшую железную дверь и замерли в поклоне, держа копья остриями вверх. Один из телохранителей взял торчавший в стене факел, прошел вперед и стал подниматься по ступеням, освещая правителю дорогу. По винтовой каменной лестнице они поднимались довольно долго. На верхней площадке было ветрено. Из темноты то проступали, то пропадали арбы с привязанными к ним лошадьми, катапульты с разложенными вокруг них округлыми ядрами, тараны. Подсчитав примерно, сколько воинов расположилось возле каждого из костров, Испандат попытался прикинуть, какова общая численность вражеских воинов... К полуночи костры догорели, воины стали укладываться спать на подстилках из шкур или влезая в мешки, внутри которых был мех, и все меньше шума доносилось оттуда.

Испандат хотел было спуститься с башни и по стене пройти в

противоположную окраину города, чтобы и там подбодрить обороняющихся своим присутствием и словом, но среди тлеющих во вражьем стане костров он заметил какое-то движение. А через минуту там поднялась настоящая суматоха — крики, ругань, мечущиеся в панике юноны. В тех, кто успел уснуть, вонзались копыя, тех же, кто бросился бежать, настигали стрелы, и слетали головы с тех, кого можно было достать акинаком⁹⁸.

Юноны, сразу не разобравшись, решили, что наутакцы предприняли вылазку; чтобы перекрыть им обратный путь, несколько отрядов бросилось к воротам, натыкаясь в темноте на обломки собственных лестниц, разбитых таранов, но ворота оказались закрыты, а с надвратной башни и стен в них полетели стрелы, с близкого расстояния разящие насмерть...

Пока юноны, придя в себя, построились в боевые порядки, таинственных всадников и след простыл. Они исчезли так же неожиданно, как и появились. Будто растаяли в темноте...

— Кто бы это мог быть?.. — гадал вслух предводитель воинов, занимающих оборону на башне.

— Наверное, какое-нибудь из степных племен, — предположил кто-то.

А Испандат вспомнил свою последнюю встречу со Спитаменом, который приезжал к нему месяц назад под видом купца. Его сопровождало несколько человек, и в самом деле развернувших на базаре довольно бойкую торговлю и очень похожих на настоящих купцов... Спитамен предложил Испандату объединить силы и воевать с Искандаром в чистом поле, где можно развернуться и навязывать врагу тактику, выгодную им, а в случае неудачи уноситься в степь. Но Испандату не захотелось покидать города, за стенами которого он чувствовал себя увереннее. Да и как можно взять и покинуть дом, где у него семья, дети, богатство, которое наживалось годами?.. К тому же в нем еще жила смутная надежда, что Искандар, пресытившись богатством и обзаведясь женой — красавицей, не станет более проливать кровь. Если же узнает, что наутакцы примкнули к

⁹⁸ Акинак — короткий меч.

Спитамену, тут уж от него пощады не жди...

Испандат догадывался, кто совершил ночной налет. Но вслух своих мыслей не высказывал, лишь вздохнул и направился к каменной лестнице, ведущей вниз...

С восходом солнца юноны пошли на приступ городских стен. Кратер приказал воинам натаскать к воротам побольше хворосту, дров и поджечь, дабы загорелись обитые бронзой деревянные ворота, а защитники надвратной башни задохнулись в дыму. Но в тех, кто приближался к воротам со снопами сухой травы, охапками хвороста и дров, летели стрелы и камни, запущенные из пращей. Однако у ворот юнонам все же удалось зажечь костры. Клубы дыма окутали основания башен, достигая даже бойниц. Казалось, заживо сгорят те, кто в них находится. Но обороняющиеся, задыхаясь от дыма, лили сверху воду из кувшинов, ведер, из всего, что было под рукой. И вскоре дым превратился в белый пар, костер погас...

А ночью в стане юнонов снова появились таинственные всадники. В этот раз караульные успели поднять тревогу, но столь же стремительно налетевшие всадники действовали еще смелее. Они дважды пронеслись по лагерю, как ураган, круша и убивая, и унеслись в степь, не потеряв ни единого человека. Юноны же вновь подбирали убитых, посылая проклятья в темноту, в степь...

Пять дней длилось сражение у стен Наутаки. Александр изо дня в день с нетерпением ожидал известия о взятии еще одного города, но, не дождавшись, едва сдерживая так и рвущийся наружу гнев на Кратера, он прибыл к стенам Наутаки, чтобы увидеть и победить.

Близилась полночь, когда в шатер, где при свете слабого светильника царь обсуждал с Кратером подробности завтрашнего боя, вступил начальник аргираспидов и сообщил, что царя желает видеть некто, назвавший себя Кобаром, и при нем его слуга.

— Как они смеют тревожить царя в такой час? — возмутился Кратер.

— Они говорят, что это в интересах царя, — развел руками растерявшийся начальник.

— Кобар... Кобар... — повторил Александр, щуря синие глаза. — Это имя я где-то слышал... Приведите!

— Да не забудьте хорошенько ощупать прохвостов!.. Чтобы при них не оказалось оружия. От этих варваров всего можно ожидать... — заметил Кратер.

Начальник «среброщитных» кивнул и вышел.

Через несколько минут в сопровождении двух рослых, как эакиды⁹⁹, воинов, обнаживших меч, вошли толстый Кобар и долговязый Бабах. Памятуя, что царь ввел проскинезу и даже от своих требовал неукоснительного ее соблюдения, они пали ниц и, приблизившись на четвереньках к царю, поочередно поцеловали полу его золотканого халата.

— Известно ли вам, что будете немедленно обезглавлены, если побеспокоили царя царей по пустячному поводу? — грозно спросил Кратер.

— Известно, известно... — закивали оба.

— Тогда выкладывайте, а мы рассудим, — сказал Кратер.

Царь молча смотрел на коленопреклоненного Кобара, словно просвечивал насквозь, и тот оробел, хотел что-то сказать, но губы у него задрожали, и он лишь промычал нечто невнятное.

— Кто ты? — спросил Александр.

— Я Кобар... Был одним из приближенных Бесса. Но ушел от него...

— В убийстве Дария принимал участие?

— Нет, я рук своих не замарал и оружия не опозорил, — тихо произнес Кобар.

— Какой же ты тогда приближенный Бесса? — усмехнулся царь и перевел взгляд на Бабаха. — А приятель твой кто?

Бабах еще раз коснулся лицом пола и отвечивал:

— Я верный слуга Оксиарта, вашего тестя...

— Да — а?.. — улыбнулся царь, не скрывая удивления. — Во здравии ли пребывает мой тесть?..

— Жив, здоров, велел кланяться, — сказал Бабах.

— Почему же ты не при хозяина, верный слуга Оксиарта?

— Я выполняю его тайное поручение.

⁹⁹ Эакиды — потомки мифического героя Эака. Эакидами называли эпирских царей, ведших свое происхождение от Эака и Ахилла.

— Какое же?

— Ищу людей, связанных со Спитаменом. Он часто посещал Наутаку...

— Зачем тебе эти люди? — прищурился царь, который и сам разослал во все стороны лазутчиков с этой целью.

— У них можно узнать, где находится логово разбойников.

— Он долго не задерживается на одном месте. Точно порыв ветра, качнувший ветку на дереве.

— Он и семью свою перевозит с места на место. Однажды мне удалось выследить его, но он ухитрился уйти...

Царь сидел с мрачным видом, опустив глаза. Он не любил людей, которые из вчерашних друзей легко превращались во врагов. Ему были известны прежние отношения Оксиарта со Спитаменом, хотя он никогда, ни единым словом, не упрекнул тестя.

— Не кажется ли Оксиарту, что он занялся не своим делом? — проговорил царь, не поднимая глаз. — Пусть этим занимаются другие, более изощренные...

— В одной из стычек со Спитаменом погиб сын Оксиарта, единственный наследник, — сказал Бабах. — Он долго не мог оправиться после его смерти и поклялся, что не успокоится, пока не отомстит...

— Передай ему, что сын его будет отмщен. Но совсем по-другому...

Бабах снова бухнулся лбом о пол.

Царь умолк, затем посмотрел на Кратера, и тот с явным неудовольствием спросил:

— Вы из-за этого осмелились в полночь беспокоить царя царей?..

— Нет, это не все... — покачал головой Кобар. — Дело в том, что правитель Наутаки откуда-то прознал о нашем присутствии в городе и приказал нас изловить. Мы еле спаслись, выбравшись из города... — он заикался от волнения, пытаясь взять себя в руки, надолго умолк.

— И явились сюда порадовать этим царя?.. — ехидно усмехнулся Кратер, раздраженный затянувшейся паузой.

Однако царь, уловив в словах Кобара некий смысл, махнул на

него рукой, чтобы помолчал, и спросил у трясущегося от страха Кобара:

— Выбрались из города?.. Каким образом?

— Оказывается, ему известен старый подземный ход, — кивнул тот на приятеля.

Заинтригованный царь перевел вопросительный взгляд на Бабаха.

— По ту сторону города недалеко от стен проходит русло высохшей реки. Там имеется лаз. Я поначалу принимал его за нору, где живут шакалы. Но потом не раз замечал, что через него выбираются из города бродячие собаки и тем же путем возвращаются. Я попробовал пролезть сам, мне это удалось.

— Зачем тебе это было нужно, когда есть ворота? Воровал? — строго спросил царь. — Ну и слуги у моего тестя...

— Это было давно, великий царь, — ответил Бабах, опустив голову. — Вашему тестю я верен, как пес. Он сделал из меня человека...

Александр вскочил с места и, заложив руки за спину, прошелся взад-вперед по шатру. Резко остановился и сказал:

— На рассвете через этот лаз проникнут в город мои отборные воины. И поведешь их ты!.. — ткнул он пальцем в Бабаха. — А твой друг останется заложником!..

— Ты поистине справедлив, о великий царь, — поклонились оба, все еще не смея подняться с колен; Кобар, несколько замаявшись, отважился спросить:

— Какова будет награда, великий царь?..

— Награда?.. — усмехнулся Александр. — Вы считаете, что предательство заслуживает вознаграждения?.. Кого бы ни предали, меня или моего врага, предательство есть предательство. И карается оно смертью, — сказал Александр, не сводя глаз с побледневших Кобара и Бабаха. — После взятия Наутаки я отпущу вас на все четыре стороны, сохраню вам жизнь. Это и будет моей наградой. Или вам этого мало?

— Поистине справедлив ты, о сын Митры!.. — бухнулись оба лбами о войлок.

Кратер по знаку царя вызвал стражу, приказал увести обоих и до

утра не спускать с них глаз.

...Звезды на небе едва начали блекнуть, когда Бабах был разбужен.

— Веди! — приказали ему.

Кобар продолжал храпеть. Бабах хотел его разбудить, чтобы попрощаться, но ему не позволили.

Сотня гоплитов во главе с Кратером последовала за проводником длинной вереницей. Прежде чем начало светать, они один за другим спустились в глубокий каньон, промытый некогда рекой, протекавшей здесь на протяжении многих веков, и по его сухому дну, местами заваленному горами огромных камней, местами заросшему колючим кустарником, направились в сторону Наутаки. Города отсюда не было видно, следовательно, и их не могли заметить с башен и стен. Река в прежние времена текла подле самых стен Наутаки, огибая ее с юго-востока, а затем поменяла русло, проложила более короткую дорогу к Яксарту. Высокие глинистые берега были испещрены трещинами и норами, обжитыми щурами, сизоворонками и стрижами. Шли долго, уже совсем рассвело, на камни выползли погреться в ожидании солнца ящерицы и змеи. По расчетам Кратера они находились где-то у самого города. Бабах свернул влево и стал подниматься по крутому откосу. Он уверенно шагал еле приметной тропой, протоптанной скорее зверями, чем людьми. Наконец остановился и, показав на узкую расщелину, в которой пропадала тропа, сказал:

— Здесь!

На востоке у нижнего края неба солнце уже подрумянило облака. На кустах, на траве блестела роса. По дну каньона стлался туман, воины один за другим выступали из него, как из преисподней. И, прежде чем вступить в эту расщелину, легко могущую стать ловушкой, каждый, наверное, думал об одном и том же: «Доведется ли опять увидеть дневной свет?..»

Кратер обнажил меч и, взглянув на Бабаха, кивнул на расщелину:

— Иди впереди!

Бабах низко пригнулся и нырнул в дыру. Кратер последовал за ним. Видно, и тут старательно поработала вода, отыскала вначале

небольшую нору, промыла ее и стала постепенно расширять. Можно себе представить, какой поток хлещет из этой дыры во время дождей, несет сюда, смыв со всех улиц, сор и грязь. А позже стали пользоваться этим подземным ходом все, кто хотел незаметно проникнуть в город. Тут было темно и душно. Временами проход становился столь узким, что приходилось опускаться на четвереньки; плечи задевали шершавые стенки, за ворот сыпалась земля. Кратер, шагая враскорячку, старался не отстать от проводника, которого не видел, а только слышал шарканье его шагов и тяжелое дыхание. Рука невольно потянулась в темноту, чтобы схватить его за полу рубахи, придержать, чтоб не шибко спешил. Наконец повеяло ветерком, и впереди забрезжил свет. Они выбрались наружу через какой-то старый провалившийся склеп или подвал на каком-то пустыре, заваленном мусором, золой, черепками посуды. Позади за сгрудившимися приземистыми лачугами виднелись темные очертания городских стен. Да, вне всяких сомнений, они находятся внутри города.

Бабах показал пальцем в сторону зависшего над размытыми купами деревьев зубчатого яруса башни:

— Там ворота!

Один за другим выныривали гоплиты из темной дыры между раздвинутыми плитами и начинали озираться. По знаку Кратера опускались на корточки за грудками мусора.

Со стены окликнули:

— Э — эй, кто там?.. Что в такую рань ищите?

Кратер пихнул Бабаха кулаком в бок:

— Отзовись!

— М-м-мы — ы!.. — замычал тот.

— Кто — о?.. — спросили грозно.

— Собаку свою ищут! На ночь спустил с цепи, а она не вернулась.

Еще покушает кого-нибудь!..

— А те, что с тобой? — недовольно проворчали на стене. — Стойте там и не двигайтесь! Шляются тут всякие...

Времени терять было нельзя. Кратер взмахнул коротким мечом, крикнув своим: «За мной!..» — и бросился во весь дух к воротам, куда

указал Бабах.

Привратная стража сидела, мирно беседуя, у костра, разведенного под аркой. Ни один не успел даже вскочить на ноги и схватить оружие.

Пока наутакцы поняли, что в городе объявились враги — с неба ли спустились?.. Из-под земли ли выросли?.. — и бросились им наперерез, юноны пытались сломать на воротах запоры. А снаружи уже слышались крики их соотечественников, штурмующих стены, громыхали, набирая скорость, тараны. На привратной площади тоже завязался бой, жестокий, беспощадный. Но теперь не наутакцы защищали ворота от юнонов, и юноны от наутакцев, пытающихся помешать открыть их. Вскоре тут нельзя было ступить, чтобы не споткнуться о труп. На площадь примчались из боковых улочек конные воины. Кратер едва успевал отражать удары и нападать, кляня про себя и вслух своих, которые возятся у ворот и никак не могут их отворить. Прошло — то, наверное, всего несколько минут, а ему казалось, что они бьются тут уже полдня. «Сколько сражений за спиной, а погибнуть, кажется, суждено в этой маленькой стычке у ворот Наутаки!.. — промелькнуло в голове у Кратера. — Если через минуту ворота не будут открыты, то всем нам конец!..» Перед гиппархом гетайров вздыбился, оскалась, конь, сверкнул над головой меч, и Кратер едва успел отразить его щитом, и сам, слегка подпрыгнув, нанес мощный удар. Всадник успел прикрыться щитом, но не удержался в седле и свалился на землю. Кратер, занеся еще раз над ним меч, вдруг замер пораженный: с головы воина слетел шлем и длинные черные волосы рассыпались по плечам. «Это женщина!..» Он улыбнулся и протянул ей руку: «Ты прекрасна!.. Во имя твоей красоты я дарю тебе жизнь. Садись на своего коня и убирайся! А когда мы возьмем Наутаку, я разыщу тебя!..»

Женщина пружинисто вскочила и через мгновение уже была в седле.

— Как зовут тебя, моя должница?

— Чинора. А тебя?..

— Я Кратер!

— Жаль, что не Искандар! — сверкнув глазами, крикнула она и

ударила клинком его по голове, оставив на шлеме рубец; удар был столь силен, что у Кратера потемнело в глазах, а когда он пришел в себя, ее и след простыл.

«Вперед!.. Скорее!.. За воротами великий Александр!..» — заорал он, заглушая громовым голосом звон мечей, грохот разлетающихся на куски щитов, и бросился в самую гущу боя.

Ворота наконец закачались и, заскрипев, стали медленно открываться. Снаружи на них навалились, и они наконец, едва не слетев с петель, распахнулись. И с ревом в подворотню ворвались юноны, уподобясь прорвавшему запруду селю. И сразу обгарились кровью и земля и стены домов. Под натиском врагов наутакцы отступали, вжимаясь в улочки, дворы, оборонялись, стоя на плоских крышах домов. Юноны не щадили никого: ни женщин, ни стариков, ни младенцев в люльках. Объятые ужасом матери кидались к ним, прикрывая их собой, и погибали, изрубленные мечами, пронзенные копьями, которыми враги наловчились наносить удары так, чтобы одним махом пришил к полу и мать, и дитя, и колыбель...

Кратер со своими гоплитами уже достиг площади перед цитаделью. Конь под ним, оскалась и храпя, вскидывался на дыбы. Здесь сражался против них Испандат с телохранителями. Правитель орудовал тяжелым длинным мечом, как игрушкой. Куда им ни махнет — падает гоплит с пробитым шлемом или панцирем. Кратер решил сам сразиться с ним и начал пробиваться к нему, но вдруг ожгло, будто плетью, плечо, сразу онемела рука, и меч выпал. Он резко обернулся и увидел занесенный над собой меч и прекрасное лицо Чиноры, склонившейся с коня. Она рассмеялась.

— Долг платежом красен!.. Теперь мы квиты, великий воин! Впредь мне под руку не попадайся!.. — крикнула она и, развернув коня, понеслась прочь.

Чувствуя, как по руке растекается горячая кровь, Кратер зажал рану рукой. Его обступили гоплиты, подхватили под руки, а не то быть бы ему затоптанным копытами коней, вывели его в затишье, чтобы перевязать...

Испандат успел с несколькими десятками верных воинов укрыться в цитадели. Но это не спасло никого из них...

Стоявшему на надвратной башне Испандату показали его единственную любимую дочь Чинору, плененную юнонами. Лично пожаловавший на белом коне Александр объявил, что она на глазах у отца примет мученическую смерть, если тот намерен сопротивляться. А сдав на милость победителя цитадель без боя, он сохранит свою собственную жизнь, жизнь дочери и тех, кто рядом с ним.

Защитники цитадели поверили царю. Отворив ворота, вышли на площадь, заваленную убитыми наутакцами и юнонами, лежавшими вперемешку. И были вмиг изрублены все до единого по знаку царя.

Город был предан огню. В течение нескольких дней пылали дворцы, храмы, башни, жилые дома, и в прогорклом воздухе летали похожие на черных птиц ошметки пепла, и ветер уносил в степь тучи серой пыли, перемешанной с золой. На том месте, где была Наутака, остались закопченные развалины, среди них устраивали кровавые пиршества стаи шакалов и одичавших собак.

О, если бы всего несколькими днями раньше получил Александр известие, которое ему доставил примчавшийся на взмыленном коне охваченный паникой гонец!.. Царь велел немедленно трубить «сбор» и срочно поспешил с войском в Мараканду, оставив позади себя обуглившиеся черные холмы, над ними на протяжении многих веков будет возникать мираж — прекрасный белый город с голубыми куполами и остроконечными башнями... Притом, говорят, доносился шум, обычно витающий над восточным базаром...

Златоносный Политимет

Мараканду миновала участь многих городов, подвергшихся нападению юнонов, однако и столица Согдианы напоминала осиротевший, давно покинутый хозяином двор. Обезлюдели улицы и площади, на которых еще недавно звенели голоса, цокали копыта, скрипели арбы. Можно пройти из конца в конец по городу и не встретить ни души, не услышать человеческого голоса, веселых детских криков и звонкого смеха, которые доносились прежде из всех дворов через распахнутые настежь ворота. А ныне, куда ни помотришь, — всюду полуразрушенные, ограбленные дома, скорбно

глядящие пустыми глазницами выбитых окон...

Спитамен, узнав, что в Мараканде оставлен лишь небольшой отряд юнонов, с легкостью овладел городом. Спаслись только те, кто успел укрыться в цитадели. Чтобы не умножать в своем стане число вдов и сирот, он не стал штурмовать стены грозной цитадели, а довольствовался тем, что выпустил из зинданов всех узников, которых упрятал туда Двурогий Искандар. Истощенные, завшивевшие, покрытые язвами, облаченные в рубища люди еле волочили ноги. Воины Спитамена усаживали их под деревьями и сбивали с них оковы. Спитамен и Шердор разыскали среди них Намича, с трудом признали они его в согбенном обросшем старике с воспаленными и слезящимися от дневного света глазами. По иронии судьбы Намич оказался в зиндане, некогда сооруженном по его приказанию, и в полной мере испытал лишения, на которые обрекал других. Теперь он стоял, пошатываясь от слабости, жалкий и несчастный, перед Спитаменом и Шердором; глаза его, отвыкшие от света, плохо видели и не узнавали ни того, ни другого. Перенесенные потрясения, кажется, сделали его полоумным, он с трудом понимал то, что ему говорили. Понадобится немало времени, чтобы он пришел в себя, окруженный вниманием дочери и зятя. Спитамен препоручил заботу о нем Шердору, а сам решил пройти по Мараканде.

Охваченный волнением, он ходил по пустынным улицам, заглядывая в те дворы, где в былые времена жили его знакомые. Редких из них он заставал, чаще находил их дома пустыми и разграбленными. Миновав базарную площадь, которую давно никто не подметал, заваленную кучами гниющих отбросов, источающих зловоние, он вскоре оказался у дома, где жил Кас. На всякий случай толкнул калитку, почти не надеясь застать кого-нибудь, и был приятно поражен, увидев хозяина посреди двора. Он расчищал арык от грязи, стоя по колено в воде; выгребал со дна кетменем черную клейкую глину и аккуратно обкладывал ею берег. Его длинная белая рубаха и полотняные, закатанные выше колен штаны были забрызганы. Увидев вошедшего во двор Спитамена, он не проявил ни особой радости, ни удивления, будто они расстались только вчера. Опершись о черенок кетменя, выбрался из арыка и подошел, чтобы

поздороваться. Спитамен обнял его, похлопывая по выпирающим лопаткам.

— Мне еще ни разу не удалось застать вас не занятым каким-нибудь делом, — смеясь, заметил Спитамен.

— Только благодаря труду человек все еще существует на земле, — сказал Кас; он сильно постарел, ссутулился, глаза потускнели от непреходящей печали. — Человек должен быть сильнее стихий, иначе не выжить... Если самум заносит песком кишлак, люди непременно откапывают его, чтобы на этом месте жизнь продолжалась. Если сель, ломая и выдирая с корнем деревья, сметает сады, человек сажает новые саженцы, чтобы снова зацвел сад. Если чей-то дом пожирает пожар, то люди сообща строят ему новый. А иначе как же?.. Сколько на земле было потопов, землетрясений, извержений вулканов? А человек уцелел... Вот и мой сад вырубili враги, а я назло им посадил новые саженцы, расчистил арык и подвел воду... — Кас опустил голову и, глубоко вздохнув, горестно произнес: — Только покинувшего этот свет человека невозможно вернуть обратно... Была у меня единственная радость, моя Мохиен, враги лишили меня ее...

Они сели на деревянный помост под шелковицей, чтобы продолжить беседу. Спитамен сказал, что полгода назад им удалось освободить принцессу Торану, а нынче и ее отца. Быть может, и дочь Каса отыщется?.. Только на мгновенье промелькнула в глазах старого мастера надежда и пропала. «Я даже не знаю, куда ее увезли, обратив в рабыню, — проговорил он дрожащим голосом и вытер выпачканными в земле пальцами глаза. — Порой молю Создателя, чтобы он отнял у нее жизнь...»

Спитамен распрощался с ним и направился к Храму Митры. Поднимаясь по широким ступеням к возвышающемуся посреди площади огромному зданию с колоннадой вдоль фронтонов, Спитамен отметил про себя, что на верхней площадке не видно ни одного жреца — мага, которые в обычные времена, бывало, располагались на солнечной стороне Храма на подстилках из рогожи и, произнося вслух целые главы из Авесты, собирали вокруг себя сотни людей. Те запоминали услышанное, а затем передавали из уст в

уста. В мире было слишком мало записей священной книги, и таким способом жрецы распространяли ее «основной текст» — собрание обрядовых предписаний, религиозных формул, гимнов и молитв. Их пели посвященные во время жертвоприношений, на праздниках, свадьбах и похоронах. А ныне вблизи Храма ни одного человека. Лишь бегают вокруг взъерошенные грязные бродячие собаки. И не вьется над крышей величественного здания прозрачный дымок, всегда струившийся к голубому небу. Верно, погас в Храме Митры огонь, остыл очаг... Спитамен вступил под своды Храма и поежился от холода. Темные сырые стены отражали звуки его шагов. В отдушину в потолке, захлопав крыльями, вылетели дикие голуби. На восьмигранном каменном помосте с выемкой посередине, где горел, не угасая, священный огонь, лежала горка холодной золы, кто-то набросал в нее дынной кожуры, огрызки яблок, скорлупу от орехов, словно больше некуда было выбрасывать мусор...

Почувствовав, что в дверях кто-то стоит, Спитамен обернулся и увидел своих телохранителей.

— Господин, мы были очень обеспокоены вашим исчезновением, — сказал один из них.

Спитамен повелел им принести дров и развести в Храме огонь. Это было тотчас исполнено. Стены осветились розовыми бликами, и в Храме потеплело. В одной из ниш обнаружили траву барсман, сложили ее на лопатку и подожгли; не давая заняться пламени, окурили ароматным дымком все помещения, даже самые дальние углы и закутки, и в Храм точно возвратилась жизнь. Воины полукругом стали возле костра и замороженно глядели на огонь, чувствуя, как проникает в них сквозь одежду его божественное тепло. Они не заметили, как рядом с ними появился старый жрец с седыми длинными волосами и белой, доходящей до пояса бородой, словно он возник прямо из стены или выходящего над костром сизого дыма. Старик, молясь, опустил на колени, воины последовали его примеру. Так они стояли рядом на каменных плитах и молились, протянув ладони к красноватым извивающимся языкам пламени и обратив лица к квадратному просвету в потолке, где виднелся голубой кусочек неба с плывущими по нему облаками, к которым

спешил, чтобы слиться с ними, воспаривший над Храмом Митры белый дым...

Жрец заговорил тихим ясным голосом:

— И спросил пророк Заратуштра: «О великий Создатель, скажи, где на земле самое лучшее место?»

И Ахура — Мазда ответил: «О Заратуштра, посланник Неба на земле, запомни: место лучшее из лучших там, где простые смертные, веруя в меня, через собственный ум вобрав в сердце молитвы, учат детей своих добру и просят о милости Митру, владеющего полями, пастбищами и умеющего обращать во благо себе и людям различные травы для окуривания, лечения, питания и превращения в молоко, использовать дерево для создания предметов обихода и получения тепла; где люди почитают Рамаюну, заботящегося о том, чтобы трава на пастбищах не оскудевала, а была зеленой и сочной...»

«О великий Создатель, так неужели земля всюду одинакова и нет на ней особо прекрасного места?»

«Да живет каждый там, где возвел над головой кров, владеет огнем, женщиной, способной рожать, овцами, дающими шерсть, коровами, дающими молоко, быками, приученными к сохе, лошадьми, приученными к упряжи. Да имеет каждый все это сам и не зарится на чужое, да убоится помыслов отнять у соседа...»

«О великий Создатель, человек всегда думает, что на земле есть места гораздо лучше, чем то, где он живет!..»

«О пророк, сеятель моих мыслей на земле, объясни людям, что самое прекрасное место там, где ими осушены болота или орошены пустыни, где обработанная ими земля в изобилие родит хлеб и питает соками деревья, ибо клочок земли, где они обронули каплю пота, зовется Родиной. Да не придет никому из смертных в голову присвоить чужую Родину — это все равно, что отринуть собственную мать и назвать матерью чужую женщину...»

Голос старого жреца исчез, смешавшись с потрескиванием дров в костре, а блеклые губы его все еще шевелились. Завершив молитву, он провел руками по сморщенным векам, лицу и длинной белой бороде.

Воины, стоявшие вокруг священного костра, повторили этот жест.

Спитамен обратился к старцу:

— Скажите, достопочтенный отец, куда подевались служители Храма? Ведь без них погас огонь, а без огня Храм уже не Храм. Когда же они вернуться?

Сомкнув на груди руки, старик задержал на Спитамене взгляд, а затем молвил:

— Они не вернуться... С приходом врагов настает светопреставление. Жрецы Храма Митры препоручили души свои Ахура — Мазде.

— Враги не пощадили даже их?.. — с горечью произнес Спитамен.

Старик отрицательно покачал головой.

— Они не умерли. Посмотри на огонь. Разве можно его убить?.. Души свои они обратили в огонь... И меня зовут к себе, — сказал жрец; по его впалой щеке, блеснув, пробежала слеза и исчезла в бороде.

— Не переживайте, святой отец, и не спешите вслед за ними. Должен же кто-то позаботиться, чтобы здесь не гас огонь.

— Кто ты? — спросил старец, окинув внимательным взором высокую фигуру собеседника, облаченного в кольчугу, по которой скользили золотистые блики огня.

— Я Спитамен.

— Слышал о тебе. Это ты возжег тут огонь?

— Мы, — сказал Спитамен, показав глазами на коленопреклоненных воинов. — Вместе.

— Да воздаст вам Ахура — Мазда за это. Да не погаснет огонь, зажженный вами. Слышу голос свыше... — жрец возвел глаза к потолку. — Согдиана тебя возблагодарит. Ты возвысишься. Но, увы, ты смертен, как и все. И беда вьется над твоей головой. Каждый рождается со своей судьбой, и уже никто не в силах изменить ее. Я буду молиться, чтобы Создатель продлил твой срок, ибо ты Согдиане нужен... — жрец закрыл глаза и, держа руки над огнем, лизавшим ладони старика, не обжигая, прочел шепотом длинную молитву: не меняя позы после длинной паузы, промолвил: — А теперь ступайте с миром, я буду говорить с Богами.

Спитамен извлек из глубокого кармана кожаный мешочек с золотыми монетами, положил на край каменного помоста, успевшего потеплеть от огня, тихонько встал и вышел из Храма. Телохранители на некотором расстоянии следовали за ним. Они слышали, что предрек жрец их предводителю, и были готовы в любую секунду броситься вперед, чтобы предотвратить беду...

По пустынным улицам гулял ветер, сметая сор в канавы. Шумели, раскачиваясь, кроны деревьев. Редкие прохожие боязливо оглядывались и перебегали улицу. Спитамен ничего не видел и не слышал. В ушах у него все еще звучали слова жреца, вселившие в его сердце уверенность. Никогда прежде он не чувствовал себя таким сильным: одним ударом, казалось, сможет сейчас разнести гору, одной рукой с корнем выдернуть дерево. Хотя и берет он на себя грех, проливая кровь, но борьба, которую он ведет с чужеземцами, справедлива, а значит, он борется со злыми деяниями Анхра — Майнью на стороне Ахура — Мазды. «О Создатель, дай мне еще сил, продли мою жизнь!..»

Спитамен вышел на площадь, где напротив цитадели расположились у костров массагеты, саки, бактрийцы и жарили на вертелах туши баранов. Сизый дымок, дразнящий аппетит, растекался по закоулкам, окутывал стволы деревьев и исчезал в кронах. Облаченные в одежды из лохматых шкур массагеты отрезали от туш лакомые куски и, насадив на нож, ели, нарочно громко причмокивая, дразня изголодавшихся защитников цитадели, угрюмо сидящих на стенах. У них третьего дня кончились последние припасы, и Спитамен рассчитывал, что они будут вынуждены в конце концов открыть ворота. Находящиеся там согдийцы, быть может, уже сдались бы, но им не позволяли юноны.

В первые дни у стен цитадели стоял такой гвалт, что и собственного голоса невозможно было услышать, пока та и другая сторона не охрипла, понося друг друга. Теперь лишь время от времени то в одном, то в другом месте возникали ссоры между осаждавшими цитадель и ее защитниками. Сначала те, что находились на стене, и те, что подле нее, давая волю фантазии, словно бы состязались в придумывании самых изощренных оскорблений,

стараясь глубже пронять друг друга, в конце концов кто-то не выдерживал, и в воздухе начинали свистеть стрелы и камни, запущенные из пращи. Площадь вмиг пустела: осаждающие прятались за стволами деревьев, закрывались щитами; а защитники цитадели исчезали за толстыми зубцами стен, высовывались лишь для того, чтобы пустить стрелу...

Спитамен подошел к одному из костров, присел на корточки. Ему подали, положив на хлеб, кусок жирного мяса. Деля с воинами хлеб-соль, Спитамен расспрашивал, откуда кто родом, об их жизни, и люди охотно рассказывали ему о себе...

Спитамен проснулся, будто кто-то толкнул его в плечо. Его часто будили так, когда неожиданно возникала опасность. Но в комнате никого, кроме него, не было. Об окно терлась снаружи темная ветвь урючины, и мерцали, словно подвешенные к ней, звезды. Однако чувство тревоги не проходило. Где-то неподалеку подал голос чудом уцелевший петух, оповещая о близком утре. Спитамен оделся и, завернувшись в гиматий, в каком любят ныне щеголять, подражая завоевателям, правители бактрийских и согдийских областей, вышел на террасу, увитую виноградом. От ступенек вела к калитке замусоренная аллея, обсаженная по обеим сторонам розами, которых давно никто не срезал. Цветы увядали, засыхали, осыпали лепестки, устилая ими землю, и воздух был наполнен их ароматом. Было слышно, как в саду падают с деревьев переспевшие фрукты. Некому срывать их и лакомиться, восхищаться вкусом. Дом, в котором поселился Спитамен с ближайшими помощниками, давно брошен хозяевами, и, прежде чем отворить дверь и окна, им пришлось смести в проемах паутину. На террасу выходило несколько окон. Сначала в одном появился свет, потом в другом. Датафарн, Хориён, Камак тоже, видно, не спят, зажгли светильники. Или, заслышав шаги Спитамена, решили подняться?.. Неподалеку заунывно выла собака. Говорят, не к добру. В той стороне, где находится цитадель, небо освещено заревом. Там всю ночь горят костры, воины не спят, иногда от скуки затевают ссоры с обороняющимися и пускают в ход стрелы... В цитадели Равшанак. Интересно, вспоминает она хоть иногда о нем, о Спитамене? Что думает?.. Страдает? Жалеет? Или проклиняет?..

Вышли Датафарн, Хориён, Камак, встали рядом, облокотясь о перила. Молчали. Но Спитамен знал, о чем они думают. Вчера до полуночи длился спор между ними. И он, всплыв, покинул их, сказав, что окончательное решение примет утром... На востоке забрезжил рассвет, звезд в небе поубавилось. Близилось утро. Уже потянуло предрассветным ветерком, на деревьях зашелестели листья. А Датафарн, Хориён, Камак все молчат — значит, не изменили мнения, стоят на своем.

Вчера уже в конце дня примчался гонец от караульных, оставленных на перекрестках главных степных дорог. Серый от пыли, с коня клочьями падала пена. Заикаясь от волнения и еле переводя дух, будто всю дорогу бежал, а не скакал верхом, он сообщил, что Искандар со своим многочисленным войском оставил Наутаку и движется к Мараканде; и только после этого гонец промочил горло поданным ему кумраном.

Отпустив гонца, Спитамен окликнул мальчишку — коновода, который по утрам обтирал Карасача полынью, чтобы ему не слишком досаждали оводы и не приставали клещи, велел ему срочно разыскать Датафарна, Хориёна, Камака, Шердора, Хомука, Катана, ближайших своих советников и помощников.

Вскоре все собрались и удалились во внутренние покои дома на совет.

Сообщив о полученном известии, Спитамен сказал:

— Вряд ли с нашей стороны было бы разумным оставить Мараканду, когда не сегодня завтра отворятся ворота цитадели. Если Мараканда откажется впустить Двурогого, то ее примеру могут последовать и другие согдийские города. А посему я считаю: половина нашего войска должна остаться в Мараканде. Другая же половина должна удалиться в нашу крепость, которую мы именуем *дашт*, степью. Ворот у той крепости множество, Искандар никогда не сможет угадать, из которых мы совершим очередную вылазку... Его войско окажется между молотом и наковальной... — помолчав, Спитамен обвел сидящих взглядом и спросил: — Что думают по этому поводу мои сахибкироны?

Те переглянулись. Взгляды их остановились на Датафарне. И

Датафарн, прокашлявшись, сказал:

— Спитамен! Ты нас повел на штурм Мараканды, чтобы спасти Наутаку. Мараканду мы взяли, но Наутака пала...

— Из-за чьего-то предательства, — вставил Спитамен.

— Пусть так. Есть ли теперь смысл оставаться в Мараканде? Двурогий окружит город, и половина нашего войска окажется в западне. В дашт он пошлет всего несколько ил, а Мараканду возьмет измором, не потеряв ни одного воина...

— К тому времени мы возьмем цитадель. И тогда продиктуем Двурогому свои условия. Устами Равшанак!.. — резко возразил Спитамен. — Что скажет мудрый Хориён?..

Хориён усмехнулся, кивая седой головой:

— Моя мудрость, которую ты изволил отметить, подсказывает, что Мараканду надо покинуть как можно скорее. Столицу, конечно, жаль. Но, потеряв столицу, мы спасем войско. А пока у нас есть войско, нас нельзя считать побежденными...

Все более мрачней, Спитамен перевел вопросительный взгляд на Камака. И тот почти слово в слово повторил то, что сказали Датафарн и Хориён. Остальные тоже были такого же мнения. И тогда Спитамен удалился.

Ныне же соратники ждали его решения. Спитамен вздохнул:

— За горячность мою простите меня, друзья. Мне пришлось хорошенько подумать, чтобы прийти к выводу, что вчера вы были правы. Взятие цитадели может обойтись нам слишком дорого. А нам нельзя быть расточительными. Мы должны добывать большие победы малой ценой. Только в этом случае мы сможем повергнуть Двурогого дьявола... Ступайте к своим сотням и готовьтесь к выступлению. Через час все должны быть в седлах, а арбы нагружены.

Хориён положил руку ему на плечо, пользуясь правом старшего по возрасту, и сказал:

— Мы готовы выполнить любое твое повеление, Спитамен. И никто из нас не сомневался, что ты примешь именно такое решение.

Войско Спитамена покидало Мараканду через Восточные ворота. К нему примкнуло множество жителей города. Некоторые

последовали вместе с семьями, погрузив женщин, детей, стариков на арбы. Они досыта нахлебались горя и не желали более оставаться под властью юнонов. Войско и обозы длинной вереницей следовали вдоль старой Пенджикентской дороги. А где-то слева по новой Пенджикентской, в верстах шести-семи, двигалось в направлении Мараканды войско Искандара. Поэтому то Датафарн, то сам Спитамен то и дело въезжали на холмы, которых вокруг было во множестве, и подолгу вглядывались в горизонт.

Когда Датафарн в очередной раз въехал на высокий бугор и стал обозревать даль, заслонившись рукой от солнца, Спитамен в самой позе его уловил тревогу.

— Видишь что-нибудь? — окликнул его.

— Вижу!.. Кажется, они!..

Спитамен пришпорил коня и, тоже въехав на холм, остановился рядом с Датафарном. Солнце поднялось довольно высоко и било прямо в глаза. Наконец Спитамен разглядел стелющуюся над землей пыль, которую принял попервоначалу за марево. Пыль рыжими космами устремлялась к небу, напоминая гриву мчащейся лошади, и все приближалась. Вскоре впереди нее стали приметны черные точки. Словно просыпанные маковые зернышки. Это, вне всяких сомнений, были юноны. Они изрядно торопили коней. Гиппарх Каран получил приказ с десятью илами первым достигнуть Мараканды, обложить ее со всех сторон и дожидаться прибытия самого Александра с основным войском, не давая никому выйти за пределы городских стен, даже собакам и кошкам. Имея возможность отличиться и снискать расположение царя, Каран мчался, увлекая за собой войско, всю ночь, не позволив ни себе, ни воинам и кратковременного отдыха; гетайры охаживали усталых животных плетями, и когда те начинали хрипеть и спотыкаться, на ходу пересаживались на запасных коней. Каждый воображал себе, как он либо изловит Спитамена, либо убьет и удостоится царской награды...

Спитамен долго всматривался в горизонт, пытаясь определить хотя бы примерное число врагов. И только ли конников выслал вперед Искандар, или за ними следуют пешие педзэтайры?..

Внизу, у подножия холма, Спитамена поджидали предводители

сотен. Они с беспокойством поглядывали в его сторону. Справа виднелся лес, в просветах между деревьями поблескивала река. Здесь, в пойме Политимета, немало мест, где еще не ступала человеческая нога. Деревья и кустарники там росли так густо, что кроны образовывали сверху плотный зеленый полог, сквозь который не проникали даже солнечные лучи. Нижние ветви тоже переплетались достаточно густо-настолько, что сквозь них невозможно было пробраться, не изорвав в клочья одежду, не исцарапав в кровь лицо и руки. Воины Спитамена, однако, научились пользоваться звериными тропами, а там, где впору было пролезть разве только лисе и дикобразу, саблями и топорами прорубали узкие просеки. Только им были известны эти пути — дороги сквозь тугаи. Вряд ли кто из чужаков, не знающих эти места, рискнет сунуться в дебри, в глубине которых раздаются хрюканье кабанов ростом с носорога, душераздирающий вой шакалов, сваливших оленя и устроивших кровавый пир, грозный рык тигра, от которого кровь стынет в жилах...

— Политимет всегда нам помогал... поможет и на сей раз, — сказал Спитамен Датафарну.

Тот кивнул.

Они съехали с холма. Сахибкироны обступили их, уже поняв, что юноны близко.

— Катан! — сказал Спитамен. — Уводи обоз поскорее вон за те холмы. Тебе и твоей сотне вверю жизнь наших женщин и детей... А вы, друзья мои, — обратился он к остальным сахибкиронам после того, как Катан, настегивая коня, кинулся догонять обоз: — Ведите войско к Политимету. Достигнув поймы, сумеете уподобиться зверью, что живет в тугаях, чтобы вас не было ни видно, ни слышно. Вы это умеете делать, учить вас не надо. Да покровительствует вам сам Ахура — Мазда!..

— Мы поняли тебя, Спитамен!..

— Поняли!..

Сахибкироны помчались каждый к своей сотне.

А Спитамен и Датафарн с двумя сотнями самых отчаянных наездников вновь въехали на возвышенность и стояли на ней тесно,

бок о бок, стремя к стремени, потрясая в воздухе копытами, крича, свистя и гикая, пока не были замечены юнонами. И как только те повернулись к ним лицом и развернули два черных крыла, способных с обеих сторон накрыть холм, согдийцев словно ветром сдуло. Каран, окрыленный мыслью, что царь из многих выделил именно его, чтобы послать впереди всех, стремительно взлетел на холм и совсем неподалеку увидел согдийцев, едущих рысью вдоль берега Политимета. Они то исчезали в зарослях, то вновь появлялись, и не просто было определить, сколько их. Как бы они вовсе не скрылись с глаз!.. Каран поднял руку, подавая гетайрам сигнал, чтобы не отставали, и пустился вдогонку за отрядом пугливых согдийцев, решивших избежать стычки. Заметив, что их преследуют, они пришпорили коней, держась еще ближе к реке. Из-под копыт их коней летели ошметки грязи. Каран не сразу заметил, что берег тут болотистый и кони тяжеловооруженных гетайров увязали по шиколотку; самоуверенные юноны, не придав этому значения, продолжали горячить коней хлыстами...

Спитамен умел осуществлять задуманное и хорошо знал, что делает. Держа юнонов на расстоянии трех полетов стрелы, он спешил к тому месту, где река раздваивалась, обтекая продолговатый островок, вытянутый, как большая рыба, заросший высокой травой и жидким низкорослым кустарником. По эту сторону русло неглубокое, по брюхо лошади, а дно песчаное, копыта упирались в него надежно и пересечь в этом месте поток было несложно, несмотря на бурное течение. Зато по другую сторону острова русло, скрытое от глаз непосвященного кустарником, было в несколько раз шире и глубже, скорость воды была бешеная, от этого образовывались воронки, с шумом всасывающие воздух, вскидывались волны, с которых ветер срывал белопенные гребни, а дно там было в камнях, покрытых илом, обкатанных и осклизлых. В этом месте пересечь Политимет верхом мог отважиться лишь тот, кто знал все это и был готов к неожиданностям.

Кони бросились в поток, подняв мириады брызг, в которых сразу заиграла радуга, и вынеслись на остров. Хомук, отважный предводитель массагетов, скакал рядом со Спитаменом, оборачиваясь

к нему, ожидая сигнала. С ним было заранее обговорено, что он должен делать. И как только Спитамен, махнув рукой, крикнул: «Удачи тебе, Хомук!..» — он круто повернул коня вправо и с десятком воинов помчался к верхней оконечности острова, чтобы там переправиться через широкий рукав Политимета на противоположный берег. А Спитамен повернул влево, уводя за собой войско, и как только тугаи скрыли их от глаз приближающихся юнонов, он вновь пересек узкое русло, но в обратную сторону, и войско исчезло в зарослях...

Юноны на полном скаку влетели в реку, и вода закипела, точно в нее влилась лава. Выскочив на остров и достигнув его середины, они вдруг увидели второй рукав Политимета, по поверхности которого бежала, слепя глаза, рябь. Каран осадил было коня, но заметив выбирающихся на противоположный берег с десятков всадников и издав торжествующий клич, огрел коня плеткой. Не сомневаясь, что переправа здесь столь же легкая, юноны загнали упирающихся коней в воду. Поток подхватил их, понес. Тяжелое вооружение тянуло ко дну. То в одном, то в другом месте разверзались воронки, как пасти чудовищ...

Каран смекнул, что обманут, повернул коня обратно, истошно крича: «Стойте!.. Стойте!.. Назад!..» Однако в шуме его голоса почти не было слышно, задние напирали на передних, торопя, предвкушая горячую схватку с трусливо бегущими варварами. Но те, кто уже находился в воде, поворачивали обратно, не достигнув и середины реки. На остров вернулись вплавь несколько всадников без коней, и выскочило несколько коней без всадников. Рядом с Караном раскрылась пасть воронки, его крутануло вместе с конем, и он, не успев даже сделать вдоха, исчез в темном чреве реки. Его переворачивало и било о камни, он задыхался и уже прощался с белым светом, как вдруг над головой просветлело — его выбросило потоком на мель неподалеку от берега. С трудом поднявшись на ноги, он оглядел поверхность реки: коня нигде не было видно. Каран понял: надо немедленно уходить с этого гиблого места. Он выбрался на остров, поймал оставшегося без хозяина коня. И как только оказался в седле, к нему вновь вернулось самообладание. «Назад! На тот

берег!..» — крикнул он, показав рукой в ту сторону, откуда они примчались. И вдруг увидел там стоящих плотной стеной конных согдийцев. Его словно обдали кипятком, в голове мелькнула мысль: «Конец!..» Несколько минут назад, уносимый потоком, он думал так же. «О Зевс, помоги подданному сына твоего!..» Согдийцы подняли луки и стали стрелять, целясь спокойно, неторопливо... Да, это была самая настоящая западня, в которую их заманил проклятый Спитамен. Один за другим падали с коней пронзенные стрелами македоняне, остальные замечались по острову, но укрыться им было негде. Лишившиеся коней в ужасе бегали взад-вперед, побросав оружие и моля о пощаде, но стреляющие не понимали их языка; и обреченным было видно, как в них целятся, как переговариваются, выбирая себе жертву. Расстояние было небольшое, и редко кто промахивался. Попав в цель, они издавали торжествующий вопль и извлекали следующую стрелу...

Несколько раз юноны делали попытку преодолеть проток стремительным броском и навязать рукопашный бой, но падали с коней, пронзенные стрелами, вода, обогренная кровью, уносила их тела... Отчаявшись, они не раз и не два пытались переправиться вплавь, надеясь спастись на противоположном берегу, но и оттуда в них летели стрелы, жужжа опереньем, словно шмели...

Более часа длилась эта расправа. Ни один юнон не остался в живых. Когда свалился с коня последний из них, Спитамен вложил лук в колчан, утер со лба пот и, окинув взглядом усеянный трупами остров, сказал:

— Это им за Наутаку...

С противоположного берега донесся пронзительный голос, похожий на крик какой-то птицы. Это был условный сигнал. Отсюда тотчас откликнулись. Спитамен заслонился рукой от солнца, взглядывая в слепящую речную рябь, и увидел переправляющихся на остров всадников. Подойдя к краю берега, Спитамен протянул руку Хомуку, помог ему выбраться на сушу и обнял, мокрого, с которого бежали потоки воды, сияющего: «Спасибо тебе, дружище!..»

Пусть теперь скажут, что Искандар непобедим... Что юнонов не берут стрелы согдийцев, не ранят их сабли!..

Предводители сотен обнимали друг друга, поздравляя с победой.

Затем Спитамен сел на Карасача и поддал в бока ему пятками. Конь, задрав голову, в одно мгновение вынес его на дорогу. За Спитаменом последовали сотники, а потом и все воинство. Они ехали рысью, чтобы не утомить коней и еще до полудня нагнать обоз.

Сахибкироны громко переговаривались, смеялись. Сегодня Ахура — Мазда покровительствовал им, не дал восторжествовать темной силе Анхра — Майнью.

Датафарн успел где-то в лесу нарвать полную пазуху яблок, обтирает каждое яблоко ладонями и протягивает товарищам. Шутит, веселя других, и сам радуется, как мальчишка. Силен, ловок, хотя с виду и щупл. Скольких врагов лишил жизни этот отважный сын великой Персии, предводитель дахов?.. В бой вместо щита берет пику и орудует ею не менее ловко, чем мечом. Вокруг него земля бывает устлана телами врагов.

А Хориён?.. Среди сахибкиронов он по возрасту старший. Но не только поэтому к нему относятся с большим почтением. В умении сражаться он не уступит никому из молодых. Еще и поучить может некоторым старинным приемам, которых те не знают. Правда, крут бывает в гневе и иногда не сдержан. В последнее время сблизился с Датафарном. Их земли расположены по соседству; табуны их нередко паслись на одних и тех же джайляу, пили воду из одних и тех же речек. Они и во время битвы держатся неподалеку друг от друга.

А вон предводитель массагетов хитроумный Хомук что-то рассказывает, энергично жестикулируя. Вынул из хурджина снятый с кого-то из юнонов меч, демонстрирует едущим рядом товарищам. Те, восхищаясь, качают головой. Меч действительно хорош, сразу видно, что сделан мастером: ножны украшены слоновой костью и кораллами... Спитамен неспроста именно Хомуку поручил переправиться через Политимет. Дело в том, что он уже имел в этом опыт. В былые времена, совершая набеги на земли Согдианы, он не раз переправлялся через Яксарт со своими джигитами в самых неожиданных местах. Молод был, особо не раздумывал. А сейчас, с появлением общего врага, привел свои сотни к Спитамену... Вступая в бой, в обе руки берет по мечу и одинаково ловко работает как

правой, так и левой. Сражается весело, успевает при этом отпустить по адресу противника едкие остроты...

А Зурташ почему-то невесел, о чем-то задумался. Мало ли нынче причин для печали?.. Любят Зурташа друзья и верят в него. Когда он рядом с ними, и враг не страшен. Зурташ размахивает огромной булавой, как хворостиной, и валит одним ударом двоих, а то и троих. Силач, ничего не скажешь. Да только вот больно тяжел, конь под ним быстро устаёт, поэтому он нередко предпочитает сражаться пешим. Где бы взять ему такого коня, чтобы не уставал под великаном?.. Спитамен вспомнил о своих табунах, о красавцах скакунах, и тяжело вздохнул.

Зурташа нагнал Шердор, хлопнув его по плечу, весело заговорил, пытаясь, как видно, развеселить:

— Что нос повесил, пахлаван?..

— Эй, Шердор, почему тебя не слышно?.. Когда еще петь, как не в такой день? Ведь он подарил нам сегодня победу!.. Ну-ка, запевай, мы хотим услышать твой голос. Пролей бальзам на наши уставшие от тревог сердца. Не зря же Ахура — Мазда одарил тебя таким прекрасным голосом!

Шердор приблизился к Спитамену, прокашлял горло и задумался, выбирая песню.

Справа за лесом то возникал, то исчезал Политимет, ослепительно сверкавший, растворивший в себе лучи полуденного солнца. Над ним парили, пронзительно крича, чайки. В ближайшей чаще запел было соловей, да примолк, заслышав шум приближающегося войска. И тогда над лесом, над рекой, над покатыми, поджаренными, как хлеб, холмами воспарил голос Шердора:

От горя за голову держась, куда идти.

Если разлучат меня с родом — племенем?

Если я, оклеветанный лжецами и подлецами,

Буду отвергнут обществом, что мне делать?..

Была — а-а бы ты вечно, Согдиана!..

Цвела — а-а бы ты вечно, Согдиана!..

Научи, как жить мне дальше, о Ахура — Мазда,

Когда недавние друзья выбросили из сердца имя мое

Лишь из-за того, что я ныне не владею ни землей, ни стадами?

Пошли мне, о Мазда, друзей, для которых главное — не богатство.

Была — а-а бы ты вечно, Согдиана!..

Цвела — а-а бы ты вечно, Согдиана!..

Песня была длинной. Шердор пел ее много раз, она всем полюбилась и запомнилась. Первые четыре строки певец вытягивал сам сильным голосом, а последние две громко подхватывали все остальные, кто-то подсвистывал, кто-то барабанил ладонями о щит. И замерли в чащобах, прислушиваясь, лисицы, волки, тигры; слившись с зарослями, глядели, прядая ушами, в сторону дороги лани, олени, настороженно следя, как змеей ползет по дороге войско. И летела песня далеко, и опускалась, словно роса, на плодородные нивы, на жирные пашни, на сочные травы пастбищ, радующие путников многоцветьем и прохладным ветерком, впитавшим аромат цветов.

Въехав на возвышенность, воины увидели далеко впереди едущие по дороге крытые арбы. Точно огромное кочевье снялось с места. Вначале забеспокоились, но вскоре разобрались — в тех арбах ехали семьи многих из них, старейшины некоторых родов, которые были уже в том возрасте, когда главным достоинством является мудрость, а не физическая сила. В стороне от дороги по зеленому полю чабаны гнали отару овец и небольшое стадо коров; их держали, чтобы у малышей было молоко.

Карасач просился вскачь, он был свеж, будто и не преодолел много верст рысью. Спитамен ослабил поводья, дав ему волю. В несколько минут он настиг обоз, подъехал к арбе, в которой находилась Одатида с детьми, и, раздвинув полог, приветствовал их. Одатида поздравила его с победой. Он поблагодарил кивком и бросил сыновьям по маленькому кинжалу, снятому с юнонов. Затем, свернув с дороги, въехал на высокий бугор и стал дожидаться приближения войска.

Вдали показался кишлак Сарам, утопающий в зелени. В нем они проведут два-три дня, прежде чем двинуться дальше. Головные арбы обоза уже катились по узкой улочке, разделявшей большое селение надвое. Спитамен не раз располагался тут лагерем и хорошо знал

жителей и эти места. Здесь всегда веет ветерок, пахнувший полынью, в арыках журчит вода, ее достаточно для садов, огородов, виноградников. Среди холмов, где копится влага и много травы, пасутся овцы, коровы. А за огородами, где зреют кукуруза, тыква, горох, до самого горизонта желтеют поля золотой пшеницы, по ней, как по морю, гуляют волны.

Если на этом холме оставить караульных, они смогут обозревать окрестность далеко вокруг, до самых гор, лиловыми зубринами возвышающихся вдоль горизонта...

Сарамцы высыпали из домов, приглашали к себе воинов, одетых кто во что; многие были в доспехах, как юноны, и многих сельчан при виде их брала оторопь. У многих тут были знакомые, и они заворачивали коней прямо к ним во двор. Хозяева кидались к арбам, помогая сойти женщинам, детям...

Приглашение жителей принимали в основном те, у кого были семьи, большинство же расположилось вокруг кишлака. За несколько минут поставили шатры, развели костры и принялись готовить еду.

Спитамен подсел к одному из костров, вокруг которого устроились вперемешку на бараньих шкурах согдийцы, массагеты, дахи, персы; разговор они вели, мешая слова из разных языков, нередко употребляя их невпопад и вызывая этим взрыв хохота. Иногда одно и то же слово, произнесенное, скажем, массагетом, приобретало совершенно противоположное значение, если его произносил согдиец или дах, — и Спитамен хохотал вместе со всеми. «А ведь в прежние времена увидеть этих людей за одним костром было невозможно, — подумал Спитамен. — Их разделяли распри, взаимная неприязнь из-за давних-предавних обид, уходившая корнями во времена их прапрадедов, а они, живя по соседству, по прошествии веков продолжали враждовать, совершать набеги на соседние земли, угонять чужой скот... Неужто мир и согласие между соседями могут наступить лишь тогда, когда возникает угроза их благополучию со стороны?.. Ну кто, глядя на этих людей, скажет, что вокруг одного котла собрались не братья?.. Эх, если бы мы были дружны раньше, то никакой Искандар не смог бы одолеть нас!..» Спитамен прекрасно владел как согдийским, так и персидским и

тюркским языками. Он рассказал им две-три смешные, с глубоким смыслом притчи о двух соседях. Каждый из них старательно готовил припасы на зиму; они торговались, обменивались друг с другом продуктами и другим товаром и в конце концов рассорились, поскольку каждый считал себя обманутым; они не разговаривали вплоть до конца зимы, пока не стали кончаться съестные припасы. И тогда... Узнав, что у соседа кончилось мясо, сосед понес ему мясо; а другой, прослышав, что у соседа на исходе мука, предложил ему муку. В конце концов они выложили на общий стол все, что имелось в обоих домах, из-за чего глупо ссорились, подозревая один другого в нечестности...

Сказав воинам, чтобы держали ухо остро, Спитамен решил объехать холмы, на которых были выставлены караулы. Только поздней ночью он смог отправиться в кишлак. Ему было известно, в чьем доме заночевала Одатида с детьми, и без труда разыскал их. Одатида, уложив детей, сама не спала, ждала его. Он молча поел то, что она ему подала. Выглядела Одатида утомленной, похудела, глаза запали и лихорадочно блестели. Ее брови, похожие на крылья ласточки, давно не взлетали игриво вверх, и он даже забыл, как звучит ее веселый звонкий смех. Он торопливо жевал, опасаясь, что сейчас жена опять начнет сетовать на нечеловеческую жизнь, попрекать, что ощущает себя не женщиной вовсе, а каким-то перекасти-поле, что не на это рассчитывала, выходя за него замуж; а он, если бы захотел, мог бы жить не хуже любого сатрапа или гипарха, как и живут ныне многие умные персы, бактрийцы и согдийцы. Сославшись, что очень устал, Спитамен поднялся и, пожелав ей доброй ночи, удалился в другую комнату, где ему была приготовлена постель.

Однако уснуть ему не удалось. Около полуночи, тихонько отворив дверь, в комнату заглянула Одатида и сказала, что его зовут.

Во дворе его ждали гонцы от караульных. Они доложили: к Сараму по трем дорогам, с разных сторон, приближаются конные отряды юнонов, гетайры и гипотоксоты, призванные Кратером из нескольких крепостей. «Значит, царскому хилярху доподлинно известно, где мы находимся!.. — мелькнула у Спитамена догадка. —

Неужели в моем войске есть его лазутчики?..»

К Спитамену подошел один из телохранителей с кувшином воды и переброшенным через плечо полотенцем, полил ему на руки. Раньше это делала Одатида. Спитамен плеснул себе в лицо холодной воды, разгоняя сон, утерся и, возвращая полотенце, повелел:

— Поднимайте всех!..

Через несколько минут кишлак пришел в движение. Воины выскакивали из домов, на ходу надевая доспехи, седлали коней, впрягали лошадей в арбы, на которых молча, без суеты рассаживались их семьи, давно привыкшие ко всякого рода неожиданностям и живущие с мыслью: «Чему быть, того не миновать». На верблюдов грузили тяжелые тюки с продовольствием. За околицей быстро, но без излишней торопливости сворачивали шатры, гасили костры.

В таких случаях старейшины и предводители сотен спешили к Спитамену, не дожидаясь зова. Собрались они и на этот раз, стояли у ворот и ждали, пока он при свете факела, который держал в руках хозяин дома, помогал Одатиде взобраться на арбу, устланную соломой, а затем одного за другим подсаживал рядом с ней сыновей. По улице уже катились, поскрипывая, арбы, неспешно шествовали верблюды. Хозяин отворил ворота пошире, арбакеш тронул лошадь. Спитамен кивнул Одатиде, обнявшей прижавшихся к ней детей, желая ее подбодрить, она отвела глаза, полные слез, в которых погасли, промелькнув, блики от факела. Арба выкатилась со двора и исчезла в темноте. По улице нескончаемой вереницей двигался обоз, в носу щекотало от пыли...

— Спитамен! Юноны оставили нам одну дорогу — в пустыню! — сказал Датафарн.

— Это для них пустыня — ад, а для нас она — дом родной, — сказал Спитамен. — Запаслись ли впрок водой?

— Запаслись.

— Успели ли наши женщины напечь хлеба?

— Успели.

— Нет ли больных в обозе?

— Троих мучает лихорадка, один мается животом. В кишлаке

нашлись добрые люди, оставили их у себя...

— Хорошо... Теперь скажите, далеко ли юноны?

— Если залезть на крышу балаханы¹⁰⁰, то можно увидеть факелы в руках их проводников, — сказал Хориён. — Они движутся гораздо быстрее, чем наши стада и обоз. Когда рассветет, они нас увидят, и тогда нам ничего не останется, кроме как принять бой...

— Нет, сейчас нам нельзя ввязываться в бой, мы ничего не знаем — ни какое это войско, ни численности его, — сказал Спитамен обступившим его полукругом предводителям. — Еще до того, как рассветет, мне все о них нужно разузнать. Кто возьмется?

— Позволь мне, Спитамен! — сказал стоящий рядом с ним Тарик.

Спитамен посмотрел ему в глаза:

— Да будет так. Дело трудное, береги себя.

Они обнялись, Тарик вскочил в седло и растаял в темноте.

Вслед за обозом двинулось войско. Верховые коней не торопили, чтобы от них не отставали пешие. Во главе обоза ехали на верблюдах проводники. Успеть бы до рассвета достигнуть гор, которые по мере приближения к ним выглядят все более неприступными. За ними начинается пустыня. Туда никто не рискнет сунуться без проводника, разве что самоубийца или меджнун, помешавшийся от любви. Если до восхода солнца они благополучно минуют горы, то до полудня, самой жары, они доберутся до первого колодца... Тому, кто не знает дороги, не увидеть колодца ни сегодня, ни завтра, никогда. Он отыщет в пустыне лишь тот клочок земли, которому суждено будет стать его могилой...

А Тарик тем временем пересел на рослого черного коня, набросил на себя тигровую шкуру, и теперь в темноте даже свои могли принять его за Спитамена. С десятью отважными джигитами он помчался навстречу юнонам. Когда дорога взбегала на возвышенность, они видели вдали оранжевые светляки факелов, которыми проводники юнонов освещали себе путь, чтобы не сбиться с него. Но чаще дорога вела по низине, огибая холм, и Тарику приходилось время от времени взбираться на взгорки, чтобы прикинуть расстояние, отделяющее их

¹⁰⁰ Балахана — надстройка, второй этаж.

от врагов.

Постепенно начало светать, и проводники погасили факелы. Теперь лишь благодаря острому зрению степняка, привыкшего обозревать плоскую землю от горизонта до горизонта, Тарик мог разглядеть в едва разбавленной молочным рассветом мгле приближающихся юнонов. И тогда он решил их ждать, заодно дав коням отдохнуть. Джигиты стреножили коней и пустили их попасться. А сами расположились у подножья холма и постелили дастархан, решив подкрепить силы. По их расчетам юноны подойдут не ранее, чем через час-полтора. Перед встречей с ними не мешает немного расслабиться, отвлечься. Они успели перекусить, выпить кумысу, обменяться шутками, затем наступила пауза, ибо каждый почувствовал: настала минута, ради которой они сейчас здесь. И, мысленно произнеся: «Благослови, Всевышний!..» — все поднялись с места.

Юноны ехали попарно рысью, растянувшись вдоль дороги версты на две. Вот головная ила втянулась в лощину, по обе стороны которой возвышались глинистые откосы холма, разрубленного дорогой пополам. И вдруг гетайрам почудился гром, они завертели головами, привстав на стременах. Небо было ясное, но шум, подобный громовому раскату, все приближался, и высоко над откосом вдруг возникли, высвеченные солнцем, дерзкие степные наездники. Словно молнии, сверкнули их стрелы, и упали с коней, закричав, все четверо проводников, пронзенные кто в шею, кто в живот, и испустили дух, произнеся деревенеющими устами последнее слово по-согдийски: «Ма — ма — а!..» Юноны не успели опомниться, как снова засверкали молнии стрел. Гетайры ответили тем же, но ветер относил их стрелы в сторону. Только мечом и копьем можно было проучить этих коварных варваров, воюющих не по правилам благородных рыцарей. Однако чтобы приблизиться к ним, нужно обогнуть холм, проделав немалый крюк. И Кратер, прикрывшись на всякий случай щитом, надрывая глотку, отдал приказание.

Когда же кони вынесли юнонов на равнину, они лишь издали увидели уносящихся в степь всадников, их оказалось не более десятка. Зато один был облачен в тигровую шкуру и мчался на

вороном коне. «Разрази меня гром, если это не Спитамен!..» — подумал Кратер и огрел коня плеткой. Им пришлось подниматься на взгорок, а варвары мчались под уклон, по полого спускающемуся склону холма, что тянулся едва ли не до середины степи, они летели так, словно у их коней были крылья...

Тарик, чтобы юноны не потеряли его из виду, слегка придерживал коня. То и дело оборачиваясь назад, он держал в поле зрения преследующих его маленький отряд врагов и злорадствовал в душе, что хитрость удалась. Вскоре он заметил, что тяжеловооруженные гетайры отстали, а за ними несется около полусотни гипотоксотов, вооруженных луками и стрелами. Видно, это и есть самые жаждущие изловить Спитамена и получить награду из рук самого царя.

Кони у воинов Тарика были выносливые, привычные к жаре и жажде, способные мчаться подолгу, если даже горячий воздух пополам с пылью обжигал им ноздри. Но всадники не торопили их, словно дразня юнонов, увлекая их за собой в гиблые места, куда не рисковали забегать даже куланы, не залетали птицы. А гипотоксоты Кратера, охваченные азартом погони, рассуждали, как им казалось, здраво: если согдийцам ничто там не грозит, почему должны опасаться за свою жизнь они?.. И настегивали коней, стараясь сократить разделяющее их расстояние, и уже пробовали достать удирающих стрелами. Стрелы падали в сыпучий песок и исчезали, словно в воде. Кони увязали все глубже, шумно дышали, выбиваясь из сил, и все выше становились барханы вокруг; ветер, скользя понизу, срывал с их гребней песок, бросал навстречу и больно сек лицо. Судя по солнцу, близился полдень. Устали и люди, и кони, донимала жара.

Во время атаки Тарик всегда скакал впереди, а уходя от преследования, старался держаться позади всех. Мимо уха прошуршала, едва не задев, стрела и нырнула в бархан. Он обернулся. Юнонам удалось-таки сократить расстояние. Отсюда они вряд ли найдут обратную дорогу. Следы их уже замело. Пора было уходить, исчезнуть среди барханов. Тарик крикнул своим, чтобы подстегнули коней, и сам махнул плеткой, только ветер засвистел в ушах... И тут случилось невероятное: то ли конь угодил ногой в нору, то ли увяз в

слишком рыхлом песке — он грохнулся на всем скаку, глухо заржал, перекувырнулся через голову. Тарик отлетел далеко в сторону, быстро вскочил. Увидев, что конь силится встать и не может, побежал к джигитам, которые осаживали коней, заметив, что с ним стряслась беда. Двое повернули обратно и тут же свалились с седел, пронзенные стрелами юнонов. Тарик бежал, прижимая руку к ушибленному бедру. Услышав позади себя крики преследователей и надсадный хрип коней, он выдернул из ножен меч и обернулся. Едва не сбив с ног, его окружили гипотоксоты. Рыча, словно тигр, Тарик бесстрашно кидался на них, уворачивался от копий и мечей, подныривал под брюха коней, отражал удары и нападал сам. Он понял, что ему на сей раз не уйти, и быть ему ныне убитым, и решил отдать свою жизнь подороже. Ему удалось свалить с коней троих юнонов и овладеть легким щитом. Он видел, как неподалеку бьются насмерть его джигиты, которые могли спастись, но не покинули своего предводителя, предпочтя погибнуть вместе с ним. Свалив с седла еще одного юнона, Тарик схватил за уздечку его коня. Конь взвился на дыбы, едва не подняв его в воздух, увяз в песке и рухнул наземь. И тотчас душный аркан захлестнул Тарику шею, опрокинул его на спину. Юноны прыгали на него прямо с коней, навалились, завернули назад руки, связали. В глаза, в рот, в уши набилось песку. Его рывком поставили на ноги, сорвали с него тигровую шкуру. Помотав головой, Тарик стряхнул с взлохмаченных волос песок и прислушался. Однако сквозь галдеж окруживших его врагов более не слышалось звона мечей. Скрипнув зубами и испепеляя их взглядом, он сделал шаг, другой, и юноны расступились, словно для того, чтобы он увидел порубленных своих товарищей. Но навстречу ему в сверкающих, как золото, доспехах шел предводитель гипотоксотов. Он акинаком приподнял пленному подбородок.

— Я Кратера правая рука. А ты кто?

— Воин, — усмехнулся Тарик.

— А имя у тебя есть? — гиппарх больше не надавил острием акинака, заставляя задирать голову.

— Я родной сын земли этой, она меня родила, она и примет... — сквозь зубы процедил Тарик.

— Я узнал тебя, ты Спитамен!

— Пусть будет так, — сказал Тарик и тихо засмеялся.

— Чему радуешься? Настал твой конец!..

— Подумай лучше о себе. Ваша участь похуже моей. Я обрету покой в объятиях матери — земли, ваши же трупы будут терзать и растаскивать вараны и шакалы, а в черепахах совьют гнезда тарантулы и фаланги!.. — и заметив, как при этих его словах побледнел предводитель юнонов, Тарик громко расхохотался ему в лицо.

— На коня его! — заорал начальник отряда. — Пусть Александр сам решит, какой казни его подвергнуть!

Тарика бросили в седло поперек лошади, крепко приторочили веревками. Юноны расселись по коням и поехали обратно по своим собственным следам, не подозревая, что согдийцы, уходя от преследования, скакали не по прямой, как запущенный из пращи камень, а петляли среди барханов, делали по пустыне большие круги. Они поторапливали коней, со страхом примечая, что песок замечает следы и они становятся все менее приметными. Голова и руки Тарика свесились вниз, в висках стучала кровь. Перед глазами плыли красные круги и мелькали копыта лошади, в лицо летел песок, засыпая ноздри, уши. Он вдруг уловил, как под ногами лошади мелкими ручейками струится в одну сторону песок; он знал, что это значит: по поверхности песка течет горячий воздух, предвещающая приближение самума. Когда температура песка и температура воздуха станут одинаковыми, начнется светопреставление. Ждать придется недолго, каких-нибудь час-полтора...

— Эй, начальник!.. — хриплым голосом позвал Тарик. — Начальник!..

Ехавший рядом юнон пришпорил коня, подъехал к предводителю отряда и доложил, что пленный хочет ему что-то сказать. «Кратера правая рука» натянул повод, придержав коня, и, когда лежавший поперек седла пленный поравнялся с ним, спросил:

— Что ты надумал, варвар?

— Развяжите меня... Позвольте сесть в седло по-человечески... Если вы будете подвергать меня такому унижению, то вам не сдобровать...

Начальник отряда громко захохотал.

— В твоём положении ты ещё и грозишь?.. Ну и наглые же эти варвары!..

— Вам придётся раскаяться, если не послушаетесь меня!.. — жесткая веревка туго стягивала и натирала шею, мешая Тарику говорить. — Бог ветра и пустыни Веретрагна не прощает тех, кто покушается на честь степных жителей... Или развяжите, или убейте меня, но не обрекайте на такой позор!..

— Лучшей участи ты не достоин, варвар! — с презрением бросил начальник и, пришпорив коня, устремился во главу отряда. Его уже начало беспокоить, что они все ещё не встретили оставших от них гетайров. Где бы они могли быть?.. И не намного вроде бы гипотоксоты опередили их. Быть может, они где-нибудь близко, да поди узнай, за каким барханом... Начальник громко разговаривал с помощниками, нарочито смеялся, стараясь отвлечь от недобрых мыслей спутников, развеять собственную тревогу, но она все возрастала, вынуждая чаще оборачиваться к пленному, который, должно быть, неплохо знает эти места. А если это не так, то им конец...

Желтые струи бежали по песку все проворнее, сливаясь в ручьи и растекаясь вширь. Скользя по вогнутой поверхности барханов, ветер взмывал вверх, вздымая тучи песка. Небо сначала стало рыжим, а потом враз потемнело, будто среди дня наступили сумерки и закружились невзвешенные отсюда взявшиеся тучи. Сверкнула молния, донеслись грозные раскаты грома. Горизонт затянула мгла. И вскоре с той стороны донесся шум, очень похожий на тот, что стремительно накатывается впереди атакующей конницы. Налетел горячий ветер, такой сильный, что невозможно было усидеть в седле. Юноны спешили, стащили с седла и Тарика, разрезав веревки, которыми он был приторочен, сбились все в кучу и, опустившись на корточки, огородились щитами...

Если бы песчаная буря продолжалась дольше, на том месте, где они сидели, в скором времени появился бы бархан, под которым они остались бы заживо погребёнными. Однако ветер стих так же внезапно, как и налетел. И пока юноны, занесённые по пояс,

выбирались из песка, раскапывали увязнувших по брюхо коней, отряхивались, небо вновь стало ослепительно голубым, словно вымытым. Вовсю жарило солнце.

Начальник отряда, серый от пыли, словно слепленный из глины, подошел к Тарику и разрезал веревки, стягивающие его запястья.

— Я же предупреждал тебя... — усмехнулся Тарик.

— Ступай на все четыре стороны. Ты свободен! — сказал начальник.

И Тарик, еще не веря в избавление, медленно зашагал, боясь обернуться, потирая распухшие руки и каждую секунду ожидая, что в спину вонзится стрела. Увязая по щиколотку в песке, он стал взбираться по откосу на бархан, падая и вновь поднимаясь, падая и карабкаясь на четвереньках. Ему казалось, что за барханом — спасенье. И наконец, достигнув широкого, похожего на полумесяц гребня, он выпрямился и воздел к небу руки, чтобы возблагодарить Ахура — Мазду, но неожиданно с той стороны с криками взмыли всполошенные черные грифы, метнулись серыми тенями в разные стороны волки с окровавленными мордами, лишь остались безразличные ко всему огромные вараны, терзающие теплую добычу. Из-под песка торчали скрюченные руки, ноги, согнутые колени. Вокруг валялись обезображенные и полусасыпанные трупы polegших тут воинов, согдийцев и юнонов. Проблуждав по пустыне несколько часов, они вновь пришли к тому месту, откуда начали путь, где брала начало их дорога в ад.

Тарик, потрясенный, медленно обернулся.

Юноны стояли внизу и, держа за уздечки коней, уже не способных двигаться, смотрели на него. Их мечи были в ножнах, а луки в колчанах, никто не собирался стрелять ему в спину. Они надеялись, что Тарик знает дорогу и кратчайшим путем направится если не к Политимету, то, по крайней мере, к ближайшему колодцу и, последовав за ним, спасутся. Они еще не знали, что обречены. Поскольку Тарик теперь и сам не знал отсюда дороги, ибо пустыня после бури в одночасье меняет лик. Опустившись без сил на песок, он схватился за голову и громко захохотал. И смех его звучал страшнее, чем недавний гром, свидетельствовавший о гневе бога пустыни

Веретрагна...

Эти странные сарамцы

Тот, кто на спине несет мешок колючек, не ведает, в каком месте ему в спину вонзится шип. Так и Спитаменово войско, которое обнаруживало себя то на одном конце Согдианы, то на другом, то в середине, в окрестностях Мараканды, и всякий раз наносило юнонам значительный урон. Свой гнев за это Искандар обрушивал на жителей городов и кишлаков. Предавались огню их дома, вырубались сады, вытаптывались поля, всюду раздавались крики о помощи, проклятья, и лилась кровь. Такая же участь постигла большой кишлак Сарам, что находился верстах в десяти-двенадцати от Мараканды, в долине Политимета. Все, кто из его жителей попался под руку, были убиты, а скот угнан в Мараканду для прокорма Искандарова прожорливого войска.

Оставив позади себя дымящееся пепелище, Искандар со своим войском покидал Сарам. К нему подскочил на коне Кратер, черный от разносимой ветром копоти, и сообщил, что за окраиной кишлака его воины обнаружили подземелье, где, оказывается, скрывалась часть населения Сарамы. Не исключено, что это те самые люди, что привечали бандитов Спитамена.

— И много их там? — спросил Александр.

— Кто знает... Заперлись изнутри и не открывают.

— Веди!

Кратер развернул коня и поехал впереди, показывая дорогу. Вход в подземелье был так замаскирован, что его и в самом деле мудрено было заметить. То ли здесь пещера была, в которой жители Сарамы прятали в ненастье скот, то ли они специально соорудили для себя убежище. Крышу засыпали землей, затем засеяли травой и густо засадили кустарником. Еле приметная тропа вела в лог и исчезала в зарослях. Александр проехал бы дальше, не заметив в основании одного из холмов небольшую, но прочную дверь, если бы на нее не указал рукой Кратер.

Александр спешил, подошел к двери и, пнув ее, произнес

зычным голосом:

— Откройте и выходите! Глупо думать, что эта нора спасет вас!..

Никто не подал голоса.

Кратер наклонился, опершись на колено.

— Иначе мы выломаем дверь, и тогда пощады не ждите! — сказал он.

Опять никакого ответа, будто там никого нет.

— Похоже, их оттуда не выкурить, пока не поджарим, — усмехнулся Александр и распорядился: — Сложите побольше хворосту у двери и подожгите... Посмотрим, как долго они усидят там...

И запылал у двери костер, за клубился синий дым, стал вытягиваться через щели в двери в подземелье. Вот и по двери поползли языки пламени, она запылала. Доски, почернев, стали разваливаться. В открывшемся проеме, наполненном дымом, было заметно движение, доносился кашель. Из темноты появился человек, совершая странные движения руками, будто пытаясь разорвать или раздвинуть слоющийся дым; ничего перед собой не видя, он зашагал прямо по костру, расшвыривая ногами горящий хворост, дошел до лужайки, глубоко вдохнул и упал ничком на траву, закрыв руками голову и жалобно подвывая... Следом стали один за другим выскакивать и остальные, задыхающиеся, с красными, разъеденными дымом глазами. Выходили и падали ничком, всем своим видом говоря: «Что хотите, то с нами и делайте! Хоть голову снимите! Нам теперь все равно...» Их было тридцать человек, пожилых мужчин. Лежа вниз лицом, они хрипло дышали, кашляли. В подземелье никого более не осталось.

— Поднимитесь! — приказал царь.

Толмач перевел, стараясь передать интонацию говорящего.

Несчастные, кажется, пришли в себя, отдышавшись. Встали они довольно проворно, будто того только и ждали. Одежда на них во многих местах обгорела, измазана в саже, лица у всех черные, лишь белки глаз да зубы сверкают. Их жалкий вид не мог не вызвать у царя ухмылки. Однако, судя по всему, это были знатные люди кишлака. Все как один, несмотря на пожилой возраст, рослые, плечистые,

физически развитые, а руки крепкие и мозолистые, и если бы не седина, то можно было подумать, что это переодевшиеся в дехкан воины.

— Кто такие? — спросил царь.

Однако никто не удостоил его ответом.

— Не молчите, глупцы!.. — добавил от себя толмач. — Вы еще можете вымолить у царя пощаду!..

— Зачем ему спрашивать у человека имя перед тем, как снести ему голову?.. — ответил, усмехаясь, один из сарамцев.

— Разве можно требовать у царя объяснения его словам и поступкам, ничтожный?! Царь — исполнитель воли богов! — с возмущением сказал толмач.

— Вот пусть поскорее и исполняет... — пробурчал сарамец, опустив голову.

— О чем он толкует? — поинтересовался царь.

— Спешит на тот свет, о великий! — ответил с поклоном толмач.

Губы царя скривила усмешка.

— Спроси, почему они не ушли со Спитаменовым войском?

Толмач объяснил сарамцам, чем интересуется царь, при этом намекнув, что от ответа в немалой степени будет зависеть их судьба.

Сарамцы переглянулись и долго молчали, затем тот, что постарше, сказал:

— Воинов в согдийской армии достаточно, должен же кто-то для них и хлеб выращивать...

Толмач перевел ответ, не скрывая досады.

— Вот как?.. — произнес царь, брови его от удивления поползли вверх: эти люди не могли не знать, как он расправляется с теми, кто хотя бы в мыслях сочувствует его врагам; и так легко в этом признались? Это уже становится любопытным. — Кто среди вас старший? — спросил он у понуро стоящих сарамцев.

— Все мы перед Богом равны. И имуществом владеем одинаковым, и возраст почти у всех один и тот же, — ответил босой мужчина с обожженными ступнями, штаны на нем истлели почти до колен.

— И сколько в твоём табунах коней? — прищурил царь синие

глаза, почти не сомневаясь, что и эти сейчас начнут отрицать наличие у них коней, которых так не хватает его армии.

— Сто, — последовал ответ.

— А у тебя? — царь перевел взгляд на другого.

— Столько же.

— А у тебя?

— Сто.

— А я слышал, что табуны у вас гораздо больше.

— Это было раньше, царь, до твоего прихода. Разве большой табун спрячешь от жадных глаз твоих воинов?..

— Зачем же прятать?!

— Чтобы ты не отнял.

— Хорошо, я куплю их у вас, дам много денег!

Сарамцы переглянулись, и каждый отрицательно покачал головой. А мужчина с обожженными ступнями заявил:

— Торгуют с друзьями, а ты нам недруг!..

Услышав ответ, царь грозно свел над переносицей брови.

— И, конечно же, у вас есть и отары овец?

— Им нет числа.

— И у тебя тоже?

— Да.

— А что скажешь ты?

— Я не помню, сколько их у меня.

— А ты?

— Не пробовал считать.

Царь обернулся к стоящим у него за спиной военачальникам и, смеясь, заметил:

— Мы с вами не раз пересекали вдоль и поперек эту Солнцем наказанную землю, обделенную водой и пастбищами, и ни разу не встретили ни столь больших отар, ни многочисленных табунов коней. Эти варвары либо лгут, преследуя некую цель, либо прячут их в таких же подземельях, — кивнул он на зияющую в основании холма закопченную дыру, затем обратился к толмачу: — Спроси, где их табуны и стада?

Толмач спросил.

— Между небом и землей, — был ответ.

— Согласен ли кто из них пригнать сюда коней в обмен на свою жизнь?

Охотников не нашлось.

Тогда царь стал спрашивать каждого в отдельности:

— Ты не хочешь отдать мне коней, чтобы и далее наслаждаться жизнью?

Первый отрицательно покачал головой:

— Какое тут наслаждение?.. С тех пор, как ты явился на нашу землю, для нас наступил ад.

— Ты тоже не хочешь?

— Нет.

— А меня заверяли, что согдийцы так щедры!.. — усмехнулся царь, разводя руками.

— Согдийцы щедры с друзьями, — ответили ему.

Царь потемневшим взглядом медленно обвел сарамцев.

— Все так считают?

— Все.

— Да, вы поистине все равны. Даже в мыслях ваших нет различия. Так примите же и смерть одинаковую для всех!..

Толмач перевел. Однако слова царя не произвели ожидаемого впечатления. Сарамцы переглядывались, на их устах блуждали улыбки. Может, они не поняли? Или толмач неверно перевел?.. Собравшийся было уходить царь остановился.

— Скажи им, что их отведут сейчас вон в тот овраг, склоны которого испещрены норами шакалов, там и оставят их обезглавленные тела.

Толмач перевел.

Варвары заулыбались еще веселее, приведя царя в изумление. Он, раздражаясь, сделал знак одному из военачальников, который выступил вперед и рукой показал сарамцам, в какую сторону им надлежит идти. И те зашагали, поддерживая друг друга под руки и за плечи, поскольку у многих ноги были обожжены. Шли и громко переговаривались, будто не на казнь их вели, а на приятную прогулку. И вдруг все хором запели. А двое, с виду помоложе, опередив

остальных, стали танцевать, подняв кверху руки и притопывая.

Затем худощавый и статный сарамец в красной рубашке, похожий на юношу, выбежал из толпы, высоко подпрыгнул и, дважды перевернувшись в воздухе, приземлился на кровоточащие ноги; сделал кувырок назад и прошелся на руках, болтая в воздухе ногами, чем вызвал смех у односельчан.

Юноны, шагавшие с обнаженными мечами, пожимали плечами и переглядывались в полном недоумении. Им еще ни разу не доводилось видеть, чтобы люди, которых ведут на казнь, вели себя подобным образом.

— Слава Ахура — Мазде, не обделившему нас мудростью и научившему жить и умирать достойно, — воскликнул один из сарамцев.

И все хором повторили его слова.

Наблюдавший за всем этим издали Александр спросил у толмача:

— Правильно ли ты перевел им мои слова?

— Да, великий царь, им известно, что вы приговорили их к смерти.

— Верните их. Мне хочется задать им еще несколько вопросов.

Один из всадников припустил коня и, нагнав несчастных, сообщил, что царь велел вернуть их с дороги, желает с ними поговорить. Быть может, даже отменит свое решение, сменив гнев на милость.

Сарамцы смолкли, сникли. Страже пришлось несколько раз повторить приказ и подтолкнуть некоторых из них, тогда только они повернулись и медленно, нехотя поплелись обратно. Слезы застилали им глаза, и они не видели сидящего на коне Александра с приближенными, пока им не было приказано остановиться.

— Вы только что веселились, идя на казнь, как на праздник, а теперь, вижу, чем-то огорчены? — насмешливо спросил царь.

— Еще как огорчены, о великий царь! — ответил один из несчастных. — Мы думали, ты хозяин своему слову, а это оказалось далеко не так. Воля твоя не тверда, коль ты можешь менять решение. На подобное в Согдиане способна разве что баба, и то не благородного происхождения.

— «Семь раз отмерь, раз отрежь», — говорили древние. А ты же, похоже, этого правила не придерживаешься, — вставил слово другой.

Губы царя были плотно сжаты. Он пронизывал взглядом каждого из сарамцев. Еле приметная бледность проступила на его лице, но по глазам было видно: он пытается что-то понять. Порывисто обернувшись к сподвижникам, быстро спросил:

— Может, вы что-то объясните?.. Даже бараны, обреченные на заклание, пытаются убежать, а эти покорно следуют к месту казни и еще чему-то радуются! Странные люди... Они не сумасшедшие?

— Великий царь, не к лицу тебе слизывать собственный плевок!.. — раздавались голоса сарамцев.

— Почему дерзят? Торопят свою смерть?.. — царь отказывался понимать происходящее.

— Не откажи нам в том, в чем ты всегда был так щедр! Не откажи нам в смерти!..

— Тихо! — громовым голосом крикнул царь, вскинув руку. — Сначала объясните, почему спешите покинуть этот свет, тогда пойду вам навстречу!..

— Ты никого из наших близких не пощадил, царь! И дети наши, и родители, и родственники, все они убиты твоими воинами, отправь и нас вслед за ними!..

— Четверых моих сыновей, отца, жену убили!..

— А у меня было восемь детей, старшему шестнадцать, младшему год...

— Мою мать убили, не уважив даже ее столетний возраст...

Александр слушал, с трудом сдерживая гнев.

— И все-таки объясните мне, почему вы только что пели и плясали?

Рослый сарамец с красным, как медь, лицом с седой бородкой выступил вперед:

— О повелитель Вселенной, наш род — особый, он отмечен Ахура — Маздой. Издревле из уст в уста передавалось, что последние из нашего рода примут смерть от руки знаменитого человека и обретут вторую жизнь в лучшем из миров — на том свете. Мы чаяли сегодня увидеть себя в кругу своей семьи, близких... Принять смерть

от руки сына Бога — это ли не предел мечтаний для нас?..

Александр слушал, опустив глаза, дабы не смущать рассказчика взглядом, перед которым, робея, теряют дар речи даже властители сатрапий. Теперь он открывал для себя что-то новое. Он всегда с огромным интересом выслушивал и начальника своей канцелярии Евмена, и историков Анаксимена и Каллисфена, и поэтов, которым, помимо всего прочего, вменялось в обязанность собирать для него в землях, по которым пролегал их путь, разного рода истории, легенды, рассказы о невероятных случаях, таинственных явлениях, словом, все, что отличается новизной, непохожестью на привычный ему мир.

Из уст одного из варваров он услышал сейчас подтверждение того, что мир Богов существует, о чем ему говорил еще великий Аристотель. Однако Богу — богово, кесарю — кесарево, ему, Александру, пока что не плохо и в этом земном мире. Он усмехнулся и поднял глаза. Варвар тотчас умолк.

— Я вас прощаю, — сказал царь. — Вы свободны.

— Ты счел нас недостойными даже почетной смерти, царь, — проговорил краснолицый варвар, вздохнув.

Царь коротко засмеялся и уже хотел было тронуть с места коня, но сарамец обратился к нему, протянув руку:

— Что ж, если решение твое на сей раз твердое, то, по крайней мере, вникни в то, что я тебе скажу.

Царь кивнул: мол, говори.

— Знаменитый царь Кир Второй, тот, который основал ахеменидскую державу, покорил Мидию, затем Лидию и греческие государства Малой Азии, решил подчинить себе массагетов... У массагетов после смерти мужа царствовала женщина. Звали ее Томирис. Она была сказочно красива, и многие цари добивались ее руки. Кир сколь жаден был до власти, столь и хитер, послал он к ней сватов вести для виду переговоры, желая будто сделать своей женой. Но Томирис, понимая, что Киру нужна не она, а царство массагетов, отклонила предложение. И тогда Кир, поскольку хитрость его не удалась, открыто начал военный поход против массагетов, и ему удалось пленить сына царицы Спаргапифа. Узнав об этом, Томирис отправила к Киру послов, поручив им передать ее слова: «Царь

мидийцев, перестань добиваться того, чего ты добиваешься. Ты пленил моего сына обманом, а не в честном бою, и стыдно этим гордиться. Я хочу дать тебе совет: верни мне сына и уходи из этой страны безнаказанно, хотя ты и дерзко поступил с третьей частью войска массагетов. Если же ты не сделаешь этого, то, клянусь Солнцем, владыкой массагетов, я напою тебя кровью, хотя ты и ненасытен». Все это слово в слово было передано Киру. До сих пор всюду, куда бы он ни пришел, одерживал победу, а это, как видно, делает царей самоуверенными и притупляет их рассудок. Возмущенный дерзким посланием Томирис, он приказал в присутствии послов разрезать грудь Спарганифа и извлечь горячее сердце...

А Томирис исполнила то, что обещала. Заманив непобедимое войско Кира в пустыню, она разгромила его. Погиб и Кир. Наполнив кровью бурдюк, она бросила в него его голову и сказала: «Я обещала, что напою тебя кровью, так пей же ее!..» — и сарамец помолчал и после паузы добавил: — Я об этом тебе, царь, рассказал, чтобы ты подумал о... своем мече, который никак не насытится кровью. Не сделали ли предыдущие победы и тебя столь же самоуверенным, как Кира? Не забыл ли ты, что в этом мире зло не остается не отмщенным, а доброе деяние не вознагражденным?..

На скулах Александра заходили желваки. Он пожалел о том, что решил помиловать этих наглецов. Но если он сейчас снова прикажет казнить их, то и впрямь о нем можно будет сказать что угодно.

— Как же мне с вами поступить?.. — произнес он вслух. — Головы у вас неглупые, их я вам оставлю. Вот языки у вас слишком ядовитые, и, чтобы впредь они не болтали лишнего, вы их немедленно лишитесь. — И, обернувшись к страже, он крикнул: — Отрежьте им языки!..

Поддав Буцефалу в бока пятками, Александр поехал рысью. Войско двинулось за ним.

Лукавый хорезмшах

Блистательный Фарасман, шах великого Хорезма, пределы

которого находились северо-западнее Согдианы, между Гирканским и Меотидским¹⁰¹ морями, возвращался восвояси после весьма трудного визита к величайшему из великих Искандару. Снег еще не выпал, но конец осени был отмечен неожиданным похолоданием. За одну ночь мороз сковал землю, и она стала твердой, как камень. Пожелтевшие листья, покрывшись инеем, враз осыпались, устланная ими земля отливала под лучами солнца золотом, а голые деревья, простирающиеся к небу ветви, казались черными. Коляску то плавно раскачивало, то нещадно трясло. На Фарасмана наваливался сон, но он начинал зябнуть и тут же просыпался. Хотя коляска и была специально приспособлена для дальних поездок и сверху была крыта толстым войлоком из верблюжьей шерсти, долгая тряска утомляла пожилого шаха; он то и дело менял позу, поправляя за спиной и под локтями мягкие подушки, и глядел в маленькое оконце, сдвинув в сторону занавеску. Мимо проплывали погрузившиеся в преддверии зимы в дремоту равнинные просторы. Перелетали с места на место застигнутые холодами и не успевшие улететь стаи скворцов, они клевали случайно просыпанные с арб зерна. Иногда вдали можно было видеть небольшие стада диких верблюдов. Вожаки, высоко вскинув голову, настороженно глядели в сторону дороги, тогда как остальные спокойно паслись. Вот и Фарасману тоже приходится задирать повыше голову, чтобы видеть, что творится за пределами Хорезма. Заметив надвигающуюся со стороны Согдианы опасность, он поспешил предупредить ее, с этой целью и отправился в путь, занявший у него только в один конец более месяца. Когда ехал в Мараканду, еще стояло жаркое лето, деревья в садах были отягощены фруктами; сборщики винограда подносили ему полные корзины янтарных ягод. А сейчас уже зима на носу.

Эта дорога, соединяющая земли согдийцев, массагетов, дахов с Хорезмом, в прежние времена была весьма многолюдной. В ту и другую сторону двигались по ней караваны верблюдов, кавалькады арб, груженых дорогими товарами для шумных базаров Хорезма и Согдианы. А сейчас редко встретится одинокая арба, и то спешит

¹⁰¹ Меотидское море — Аральское море.

съехать на обочину и переждать, пока мимо пронесется на рысях невесть откуда взявшееся воинство Хорезмшаха, или покажется вдали всадник и тотчас устремится в степь от греха подальше. А что, если это лазутчик враждебного племени?.. И Фарасман невольно прислушивается к топоту коней, чтобы определить, не слишком ли далеко унеслись пять сотен его воинства, отосланные вперед, не слишком ли отстала другая тысяча телохранителей. Услышав голоса переговаривающихся сотников, успокаивается.

С заходом солнца над землей начинает скапливаться туман, такой густой, что и в пяти шагах ничего не видно. В такую пору проще простого устроить возле дороги засаду, неожиданно напасть, поэтому ночью лучше не ехать. Это летом, когда стоит зной, путники днем ищут тень для отдыха, а в дорогу трогаются с заходом солнца, сейчас же совсем другое дело... Кибитка внутри достаточно просторна, слуги заботятся, чтобы шаху было мягко и тепло спать, стелят два-три пуховых курпача, укрывают несколькими одеялами. Об одном жалел шах, просыпаясь по ночам, — о том, что не взял с собой младшую жену из гарема... Как только первые лучи солнца гасят звезды, они снимаются с лагеря и едут дальше. Слуги тихо впрягают в кибитку лошадей, стараясь не разбудить шаха; нередко он просыпается спустя два-три часа после того, как они тронулись с места...

Самые большие трудности путники испытывают от недостатка воды. Правда, сейчас проще, не то что в летнюю жару, и все же без воды ни еды не приготовить, ни умыться, ни коней напоить. Словом, поездка в Мараканду в нынешнее беспокойное время была полна трудностей и опасностей. И тем не менее Фарасман остался ею вполне доволен.

Искандар решил зазимовать в Мараканде. В своем дворце он ввел те же правила, которые еще при ахеменидских властителях были обязательны. Фарасман был принят с соблюдением всех восточных традиций и ритуалов. Царь облачился в широкий златотканый халат и затянулся широким золотым поясом, на голове корона, усыпанная драгоценными камнями, доставшаяся ему, как видно, от побежденного им Дариявуша. Одевание это, признать, было ему к лицу. Благородной белизны лицо обрамляла короткая русая борода,

а голубые глаза излучали довольство. По обеим сторонам его трона стояли не только соратники одной с ним крови, но и персы, согдийцы, бактрийцы, которых он к себе приблизил.

Когда Фарасман, шагая по ковровой дорожке, достиг половины пути от дверей до царского трона, царь поднялся, выказав ему уважение и тем самым признав право его именовать себя шахом великого Хорезма. Фарасман поднес руку к губам, коснулся лба, затем прижал ее к груди, отвесив поклон, что для таких, как он, было равносильно простокинезе. Царь царей показал ему на стул подле себя и опустил на трон, положив руки на подлокотники и держась чересчур прямо, будто аршин проглотил. Фарасман же решил сесть лишь после того, как вручит привезенные подарки. Его сопровождала вереница слуг, каждый из которых держал что-нибудь в руках. Фарасман взял у первого большой ларец, величавым жестом открыл его, чтобы все увидели лежавшие в нем золотые украшения, жемчуга, драгоценные камни, и собственноручно передал царю опять же с низким поклоном. Затем поверх дорогих царских одежд накинул роскошный халат, на котором различного оттенка жемчугом были вышиты львы и сфинксы, а пуговицы усыпаны алмазами. Остальные подарки слуги складывали у подножья трона. В завершение церемониала привели нескольких красавиц — рабынь, полуобнаженных, юных, для увеселения царя. Фарасман заметил промелькнувший в голубых глазах нетерпеливый огонь и понял, что угодил... Ему хотелось показать, как он щедр, дабы великий царь уяснил, что предпочтительнее иметь в его лице друга, нежели врага. Он заискивающе заглядывал в его смеющиеся глаза, стараясь прочесть мысли. И то, что он в них прочел, не успокоило, а скорее, наоборот, еще более встревожило. «О-о... если он не поскупился на такие подарки, то какие же сокровища у него сокрыты...»

Эта мысль не улетучилась и когда по вторичному приглашению царя царей он занял место подле него и они разговорились. Довольный подарками Искандар не скупился на похвалы. В другое время от таких славословий голова шаха пошла бы кругом, а сейчас... Он чувствовал, что царь говорит одно, а думает другое. Не преминул заметить, что Фарасман весьма талантливый государь и благодаря его

заботам процветает хорезмийская земля, а потому достоин почтения не меньшего, чем Дериявуш...

Фарасман вспомнил несчастного Дариявуша, и такое сравнение никак не могло его обрадовать. Он дождался удобного момента, чтобы сказать о главном, ради чего пустился в столь опасное путешествие. Царь был в достаточной степени проникателен, чтобы это заметить. Он сказал:

— Ты, шах, не прислал ко мне послов, а прибыл сам, чтобы выказать почтение и покорность (последнее слово Фарасмана покорило, но он смолчал). Но не сомневаюсь, ты преследуешь и другую цель. И она — главная. Так скажи мне о ней.

Как ни готовился шах к этому разговору, а царь царей своим вопросом застал его врасплох. Помолчал несколько минут, собираясь с мыслями, и, наконец, не смея глядеть Искандару в глаза, заговорил:

— Великий царь, ты, конечно, знаешь, что с нами граничат земли небезызвестных тебе амазонок и колхов. Они не дают нам спокойно жить. В конце каждой осени, едва окончатся полевые работы, они совершают в нашу страну набеги, отбирают у дехкан урожай, угоняют табуны лучших коней, девушек и джигитов обращают в рабов. Их поджидаешь в одном месте, а они проникают в Хорезм в другом... Если великий царь царей Искандар пожелает покарать не только колхов и амазонок, но и заодно племена, живущие у Эвксинского¹⁰² моря, то я мог бы заготовить все необходимое для войска и стать проводником...

Предложение было заманчивое, однако оно меняло планы Искандара, не раз обсуждавшиеся с приближенными. Главным его намерением было создание «Азийского царства». В самом деле, разве Ахемениды, именуя себя царями Азии, владели всей Азией? Нет. А Александру нужен не титул, ему нужен весь материк. Но как далеко простирается Азия? Сколько еще земель придется присоединять к владениям Ахеменидов?..

По представлению учителя его, Аристотеля, Азия лежала в умеренном поясе, а холодные области к северу от нее относились уже

¹⁰² Эвксинское море — Черное море.

к Европе. Учитель говорил ему, что в той или иной степени заселена людьми лишь умеренная зона, она — то и является подлинной ойкуменой. Поэтому Александр считал, что достиг северной границы культурной, обитаемой земли. Зачем же отклоняться на север, когда уже его армия подвинулась так далеко на восток? Гораздо естественнее идти в уже избранном направлении вплоть до Мирового океана, чтобы закончить покорение умеренной зоны сначала на востоке, а затем то же самое проделать на западе, дойдя до Геркулесовых столпов¹⁰³.

Царь вопросительным взглядом обвел приближенных: мол, что скажете вы? Тут были и Кратер, и Лисимах, и Клит, и Птолемей, и перс Артабаз, которого он поставил управлять Бактрией, и Оксиарт, тесть царя, пользующийся не меньшим раболепием среди соотечественников, чем сам Искандар, и многие другие. Все они хмуρο глядели на Фарасмана, словно опасаясь, что их царь согласится с предложением этого незваного гостя, загоревшись желанием покорить страну прекрасных амазонок, столь же страстных, сколь и отважных в бою, и поведет их в неведомую северную страну, где, как им представлялось, простираются бесконечные пространства, невозделанные, обвеваемые холодными ветрами, не имеющие постоянных поселений и лишь изредка пресекаемые беспокойными кочевниками, которые с легкостью переносят свои жилища с одного места на другое.

Александр улыбнулся и спокойно сказал, что он готов заключить с Фарасманом дружественный союз, но идти к Понту ему сейчас незачем. Мысли его заняты Индией. И он давно бы направился туда, если бы не этот строптивый варвар Спитамен, вынудивший задержаться в Согдиане. Но не позднее, чем весной, с ним будет покончено. Тогда Александр поведет свое войско на юго-восток и, покорив Индию, овладеет всей Азией. После чего вернется в Элладу, даст войску немного отдохнуть, пополнит его молодыми воинами, жаждущими подвигов и приключений, грезящими открытием новых земель, и через Геллеспонт¹⁰⁴ и Пропонтиду¹⁰⁵ со всеми сухопутными

¹⁰³ Геркулесовы столпы — Гибралтарский пролив.

¹⁰⁴ Геллеспонт — Босфорский пролив.

и морскими силами двинется на Понт... Вот тогда — то он и воспользуется услугами Фарасмана.

Следуя обычаям Востока, царь в тот день задал пир в честь почетного гостя. И великий Искандар подносил свой кубок к кубку Фарасмана, прежде чем выпить из него вино. А когда захмелевший Хорезмшах отправился в опочивальню, то его сопровождали четыре прекрасные македонянки, гетеры, столь искусные в любовных утехах, что были способны, наверное, оживить даже мертвого, если, конечно, тот умер не евнухом...

Более недели пробыл Фарасман в Мараканде, и все эти дни там не прекращались пиры. А в день отъезда Фарасман вместе со своей высокородной свитой был приглашен в тронный зал. Искандар встал с трона, сошел с возвышения и собственноручно накинул на плечи Фарасману дорогой халат, извлеченный, вероятно, из сундуков Дариявуша еще в Персии заодно с другими сокровищами. И свита шаха тоже получила дорогие подарки, которые раздавали Лисимах и Птолемей. После этого царь вновь занял свое место на троне и подал знак Фарасману, чтобы подошел поближе. Он сделал несколько шагов вперед и остановился, не смея подняться на возвышение, покрытое ковром.

— Как видишь, мы высоко оценили твой шаг нам навстречу, — сказал царь. — Ты проделал немалый путь, чтобы просить нашего покровительства. Ты его получишь. Нам предпослано самим небом привечать тех, кто желает жить с нами в мире и дружбе... — Искандар говорил медленно, делая паузы, необходимые для того, чтобы толмач успевал переводить слово в слово.

— О великий, о царь царей!.. — ответил Фарасман, склонив голову и прижав руки к груди, словно забыв, что он шах, а не сатрап какой-либо из провинции империи Искандара. — Я не нахожу слов, чтобы выразить нашу благодарность за оказанную нам милость. Всегда будем ждать вас к себе, чтобы оказать такой же прием величайшему из великих, непобедимейшему из непобедимых!..

Искандар слушал перевод толмача, улыбался краем рта. Затем

¹⁰⁵ Пропонтида — Дарданелльский пролив.

кивнул, показывая, что удовлетворен ответом и сказал, устремив на Фарасмана взгляд, от которого веяло холодом морской пучины:

— Ты говорил, что наглые колхи, совершая набеги на твои земли, угоняют твоих лошадей. И это в то время, когда у меня коней не хватает!.. А потому — пусть хорошенько услышат твои уши, а голова запомнит: по возвращении к себе ты должен прислать нам четыреста объезженных коней и две тысячи пудов овса, три тысячи пудов ячменя на их прокорм!..

К лицу Фарасмана прихлынула кровь, а горло перехватил спазм. Голос где-то застрял, и он вынужден был лишь поклониться в знак согласия.

— Не огорчил ли я тебя, щедрейший из щедрых? — спросил Искандар с плохо скрытой усмешкой.

Фарасман отрицательно покачал головой.

— Тогда слушай дальше, — удовлетворенно произнес царь, откидываясь на спинку трона. — Как нам известно, Бактрия ежегодно выплачивала Ахеменидам дань в триста шестьдесят талантов. Согдиана, Ария, Парфия — по триста талантов. А какую дань платил ему Хорезм?

— Тоже триста талантов, — еле слышно произнес Фарасман, опустив голову.

— Ну, вот видишь, — укоризненно произнес царь. — Я избавил тебя от Ахеменидов, но это не значит, что я освободил тебя от дани. Так что подсчитай, сколько ты задолжал в царскую казну. Да не забудь учесть, что дань в триста талантов вы платили в мирное время. А сейчас война. В военное время дань возрастает вдвое. Однако из уважения к тебе несколько уменьшу дань. Надеюсь, пятьсот талантов в год тебя не слишком обременят. Тебе, шаху великого Хорезма, известно, как не просто содержать огромную армию. Воинов надо одевать, кормить, вооружать. И платить им тоже надо.

Фарасман машинально кивал головой, повторяя, как в бреду:

— Понимаю, великий царь, понимаю... — А сам думал, где он все это возьмет?.. Хотел, как лучше, а получилось черт-те что!.. Чтобы справиться с волками, связался с тигром! Стоило ли ради этого приезжать?..

Ему поднесли большой золотой кубок, до краев наполненный вином. Он неловко взял, алая влага побежала по пальцам, закапала на ковер.

Искандар подбадривающе кивнул ему, улыбнулся и первым осушил свой кубок. Фарасман же медленно, едва ли не с отвращением цедил вино сквозь зубы...

Обычно с этого начинались пиры. Опорожнив первый кубок, царь разрешил наливать вино и всем остальным. После второго кубка требовал музыкантов. А там появлялись и танцовщицы... На пирах присутствовали предводители когорт, ил и других конных и пеших подразделений. Они знали танцовщиц и гетер по именам, подзывали их к себе, усаживали на колени и подносили к их губам свои бокалы...

Фарасман, сидевший рядом с Искандаром и потрясенный увиденным, заметил: «А мы прилюдно себе этого не позволяем...» — на что тот, смеясь, сказал: «Пусть развлекаются, пока могут! В любом из сражений могут лишиться своих мужских достоинств...»

Царь и в этот раз предлагал Фарасману еще денек попить с ними, однако воины Хорезмшаха были уже в седлах и ждали его на площади напротив цитадели. Пришлось поблагодарить царя за любезность и откланяться...

И вот едет Фарасман обратно с мыслями о том, что не удалось приобрести союзников в войне с амазонками и колхами, об огромной дани, которую Искандар, точно тяжелую гирю, навесил ему на шею. Просто голова раскалывается, когда он думает об этом. Он и устраивался поудобнее на мягких подстилках, глаза закрывал, пытаясь уснуть, но коляску то и дело подбрасывало, и сон слетал с него, как испугнутая птица. Нервы, как туго натянутые струны, коснись неосторожно — лопнут, и немолодое сердце скачет как прищипоренный конь. Надолго ли его хватит?.. Знал бы Фарасман, как все обернется, ни за что бы не поехал. Выходит, проклятый Двурогий вовсе и не собирался идти войной на его страну, а он, великий Хорезмшах Фарасман, поторопился, сам прибыл к нему, за что и поплатился данью. Небось визири, едущие в других кибитках, только об этом сейчас и шушукуются, насмешничают за глаза, хотя при

встречах с шахом изображают, как и прежде, подобострастие. А что, если отказаться платить Двурогому дань? Тогда он, вполне возможно, откажется в свою очередь от похода в Индию. Нет, Фарасману одному перед ним не устоять. Может, стоит наладить добрые отношения с соседями и объединиться... Воюет же, по слухам, с ним Спитамен. А воинов у него вряд ли больше, чем у Фарасмана.

Скорее бы уж добраться до своей столицы. В эту холодную пору года далеко не так просто в течение нескольких недель трястись в дороге, перекрывая огромные переходы от колодца к колодцу, от караван — сарая до караван — сарая, во время пути солнце дважды, а то и трижды успеваешь взойти позади них и опуститься за горизонт впереди, там, куда они едут. Дорога вся в рытвинах, колеса подпрыгивают, трещат, уже несколько осей пришлось поменять. А сколько еще горных перевалов предстоит преодолеть, сколько бурных рек?.. Хорошо еще, он едет в утепленной крытой коляске, лошади сильные, сытые; по малейшему знаку тут тебе и вода, и еда; когда он изволит выйти наружу, ему подставляют вместо ступеньки спину, двое других слуг поддерживают под руки. И все равно его дорога измучила вконец. А что же тогда претерпевают в пути купцы, которые водят по необъятным просторам земли караваны, обеспечивая связь Индии и Китая с арабскими странами и Европой. К тому же еще подвергаются налетам разбойников, нередко вступают в настоящие сражения, защищая дорогие товары. Да, это поистине мужественные люди. Каждый купец — воин...

Ему же, Фарасману, не хватило мужества сказать Искандару: «Нет, не буду я платить тебе дань!..» Во имя чего тогда он претерпел столько неудобств по дороге в Мараканду и обратно? Чтобы лицезреть сына Бога Искандара Двурогого? Никаких рогов у него на голове не оказалось. Зато теперь плати ему ежегодно пятьсот талантов, обеспечивай лошадьми, зерном! Кроме этого, нужны еще и подарки. А царю абы чего не подаришь...

Самое ужасное, что Фарасман вступил в сговор с Искандаром как раз в то время, когда Согдиана объята пламенем войны и неуловимый Спитамен со своим войском наносит юномам все более ощутимый урон. Если он прослышит, что Фарасман побывал у Искандара с

челобитной, подвергся у него неслыханным унижениям, водрузил, как говорится, себе на голову ногу царя, то может объявить его вассалом Двурогого, а значит, своим врагом. Кто знает, может, ему, Спитамену, уже все известно. «Скорее бы уж пересечь эту огромную страну и уйти из пределов Согдианы!..» — подумал Фарасман, смотря в маленькое оконце, в которое залетали редкие снежинки. Вскоре все вокруг побелело. В пустынном однообразии не на чем было задержаться взгляду, и его потянуло ко сну, веки потяжелели. Он взбил кулаком подушку, улегся, поджав ноги, натянул до плеч меховую доху и начал засыпать, как вдруг донесшийся снаружи шум заставил его вздрогнуть. Раздавались возбужденные голоса и крики воинов, ржанье и храп коней. Не посмело ли напасть на караван какое-нибудь враждебное племя? Шах не без опаски выглянул в оконце. Оказывается, воины окружили на лошадях невесть как очутившуюся возле дороги лису. Рыжая металась во все стороны, пытаясь вырваться из круга и рискуя быть затоптанной копытами коней. А воины, подзадоривая друг друга, целились в нее из лука, упражняясь в стрельбе. Весь пятачок был утыкан стрелами; и бедному зверю все труднее становилось лавировать между ними.

Шах прижал руку к сердцу, пытаясь унять его, и, задернув шторку, прислонился к войлочной стенке. Донесся громкий крик, одновременно вырвавшийся из множества глоток: кому-то, видно, удалось пригвоздить лису к земле. Хоть какое-то развлечение. Шаху бы их заботы...

В стране, где нет мира, путников подстерегают всякие неожиданности. Юноны, правда, для шаха не представляют теперь опасности. У него имеется пропуск с печатью самого Искандара. А подвергнись его отряд нападению со стороны какого-нибудь степного кочевого племени, что для них его пропуск?.. Они не признают никаких авторитетов. Было бы что грабить. А обобранных до нитки путников обычно лишают жизни, дабы не осталось свидетелей. Правда, шаха с его визирями охраняет более полутора тысяч вооруженных всадников. Каждый из них, что тебе дэв, — ударом меча разнесет в пух и прах скалу. И около сотни слуг, прислуживающих в пути, тоже умеют управляться и с копьем, и с

кинжалом. И все же беспокойно на душе у шаха. Голова, наверное, от этого и разболелась. А может, от непрерывной тряски?.. Солнце не видеть, трудно определить время. Но, кажется, пора обедать.

Шах высунулся, раздвинув полог, и велел остановиться на привал.

Между двух холмов, где не разгуливал ветер, поставили белый шатер, снаружи кожаный, а изнутри утепленный мехом, устлали войлоком пол и разложили подушки. После этого сопроводили шаха туда, поддерживая под руки.

Собрав сухой травы и колючек, в изобилие растущих вокруг, развели напротив шатра костер. И пока в большом казане, подвешенном на треножнике, варилась еда, шах, сидя за дастарханом, вел беседу с визирами. Когда был подан бешбармак, шах, жадно вдыхая дразнящий аппетитный запах мяса, потребовал, чтобы принесли мусаллас. А когда отведали мусалласа, шаху и его окружению захотелось послушать песни. Фарасман жить не мог без музыки и песен, а посему, куда бы ни отправлялся, на день ли, месяц ли, непременно брал с собой придворных музыкантов и певца.

В костер подбросили побольше топлива, раздвинули пошире полог шатра, чтобы в него проникало тепло. Расположившиеся вокруг костра музыканты играли, певец пел, поднося ко рту пиалу, регулируя ею голос. Было уже далеко за полночь. Везиры, заметив, что шах начинает клевать носом, пожелали ему доброй ночи и покинули шатер. Слуги помогли ему раздеться, укрыли одеялами, подоткнув под бока, и тихо удалились, опустив полог и не заметив, что под полукруглым сводом скапливается беловатый, как туман, дымок, и не поняв, отчего это у них так сладко кружится голова, а в теле такая легкость, что хочется взлететь.

Сколько шах проспал, ему не ведомо. Проснулся он оттого, что стал задыхаться. Постель под ним раскачивается, да так, что его швыряет из стороны в сторону. Неужто они едут? Разве он распорядился об этом?.. И темень такая, хоть глаз выколи. Хотел потянуться к оконцу, чтобы раздвинуть шторы, — рукой шевельнуть не может. Попытался кликнуть кого-нибудь — голос пропал. И скулы судорогой свело. «Что это со мной?.. — испугался он. — В колодце, что ли, нахожусь? Или это смерть так подбирается к человеку?..»

Послышались голоса. Прислушался. Однако топот копыт мешал разобрать, о чем беседуют едущие рядом всадники. «Похоже, не мои люди... — подумал он, и его объял ужас. — Со мной что-то стряслось!.. О Покровитель вселенной, помоги, пусть все завершится благополучно!..»

Они еще долго ехали и наконец остановились. Шум, крики, смех, какая-то суматоха. Шаха осторожно подняли, понесли, тихонько опустили на пол. Перед самым его носом блеснул кончик кинжала, пробежал вниз, вспарывая плотную ткань. Шаху в лицо ударила прохлада, и ему сразу стало легче дышать. Теперь он сообразил, что находился в мешке. Из его рта выдернули кляп. Сильные руки подхватили и поставили на ноги. Он увидел, что находится в небольшом помещении, освещенном двумя факелами, с низким бревенчатым потолком и закопченными стенами. Голова у него была тяжелой, будто свинцом налита, он все никак не мог понять, во сне все это происходит или наяву. Перед ним стоял, пронзая его взглядом, высокий мускулистый мужчина, накинувший на плечи шкуру тигра. Руки до плеч оголены, на них играют бицепсы, как перевитые канаты.

— Не обессудьте, великий шах, за не слишком почтительное обращение, — сказал он, усмехаясь краем рта. — Мы вынуждены были так поступить ради нашей и вашей тоже безопасности.

Как только он заговорил, шаху подумалось, что он его уже где-то видел.

— Кто изволит говорить со мной? Где я нахожусь? — спросил шах, постепенно приходя в себя.

— Я Спитамен, — ответил мужчина.

Слова, которые шах собирался произнести, застряли у него в горле. А Спитамен стоял и ждал, что он скажет. Хорезмшах Фарасман слыл неглупым правителем: должен догадаться, почему он оказался здесь. Излишне задавать ему вопросы.

Шах прижал ко лбу ладонь и, прикрыв глаза, слегка покачивался. У него, наверное, все еще кружилась голова от дурман — травы, которой вчера окурили его шатер. Рослый, тучный, стоял он босой в длинной шелковой рубахе, в которой изволил почивать. Начавшая сесть борода была все еще густой, а на голове блестела проплешина,

делававшая его удивительно похожим на Бесса.

Шах провел по лицу сверху вниз ладонью, словно снимая с себя сонливость, и, глядя Спитамену в глаза, сказал:

— Я раскаиваюсь, что ездил к нему...

— И чего ты хотел от него? — спросил Спитамен.

— Вступить с ним в союз против колхов и амазонок... Если бы он внял моим словам и увел войско за Гирканское море, то и Согдиана вздохнула бы свободнее...

— О Согдиане мы позаботимся сами. А ты теперь, надо полагать, союзник Искандара? — усмехнулся Спитамен.

Фарасман отрицательно покачал головой.

— Ошибся я... Только Боги не ошибаются... Внял советам моих визиров, которые настаивали, чтобы я поехал к Искандару и умилостивил его, дабы он не разорил Хорезма...

— Тигра решили ублажить, поднеся ему буйвола... Как будто после этого он не тронет стада.

— Но нашего стада он, по крайней мере, сейчас трогать не станет. Он собирается в Индию.

— Он туда уже давно собирается, да все никак не соберется, — задумчиво проговорил Спитамен. — Бьюсь об заклад, он не устроил бы тебе таких пышных проводов, если бы ты ему что-нибудь не пообещал!..

— Он потребовал с меня огромную дань. Но я не собираюсь ему платить ее, — отвечал Фарасман, стуча зубами от холода.

Дверь наружу была отворена настежь, и в помещении гулял ветер.

— И не боишься кары Небес, ведь обманешь сына Бога?

— Небо справедливо, оно простит меня, ибо завоеватель слишком жаден, а это тоже один из тяжких грехов.

— Чтобы понять это, наверное, следовало увидеть его собственными глазами?..

— Спитамен... — в голосе Фарасмана послышалась мольба. — Я много слышал о тебе, и вряд ли есть на нашей земле еще кто-нибудь, кого бы я уважал так, как тебя. Вот и довелось увидеть тебя воочию, за что благодарение Создателю... — бормотал он, переступая на земляном полу озябшими покрасневшими ногами. — Хочешь, я дам

тебе золота? Много золота! Ведь ты, по слухам, никак не можешь расплатиться с массагетами и дахами...

— И меня хочешь обмануть? — прищурил глаза Спитамен.

— Клянусь тебе и да будет известно об этом Ахура — Мазде, пусть он меня люто покарает, если я нарушу слово!..

Спитамен задумался, поглаживая подбородок, потом резко обернулся к двери и крикнул в темноту:

— Одежду великому шаху!

— И коня! — добавил шах.

В хижину вошел рослый воин, накинул на плечи Фарасмана шубу из лисьих лапок, а у ног поставил сапоги с мехом внутри. По знаку Спитамена помог ему одеться.

— Благодарю тебя, — сказал Фарасман. — И все же ответь... Как я очутился тут, когда вокруг моего шатра денно и ночью несет охрану моя стража?.. Или среди моих людей ты имеешь своих лазутчиков?

— Стража твоя безупречна, — улыбнулся Спитамен. — Остальное пусть останется тайной.

Снаружи донеслись голоса, топот коней.

Спитамен жестом показал Фарасману на дверь и сказал:

— Мы тоже могли бы устроить в твою честь пир, не хуже, чем у Искандара, но в твоих интересах вернуться в лагерь до рассвета.

Однако уже начало светать, когда Фарасмана доставили к месту привала его каравана. Телохранители толклись у входа в шатер, не решаясь разбудить великого шаха, памятуя, что он отошел ко сну поздно. И были крайне удивлены, увидев шаха, выехавшего на лошади из-за ближайшего холма. Еще более они были поражены тем, что Фарасман затемно отправился на прогулку в степь, желая, наверно, избавиться на воздухе от вчерашнего хмеля, чего в прежние времена никогда не делал. И все, как один, были страшно удручены: ведь никто из них не заметил отбытия шаха и не поспешил сопровождать, тем самым подвергнув его множеству опасностей. Страхнув с себя оцепенение, они скопом кинулись ему навстречу, чтобы взять под уздцы лошадь, помочь спешиться. Шах в сердцах отпихнул ногой начальника стражи, гневно, сквозь зубы, сверкая белками глаз, процедил:

— Дрыхнете?.. По возвращении я разберусь с вами!..

Степные ищeyки

В этом селении издревле проживал один из именитых массагетских родов. Аил не утопал в зелени, как согдийские кишлаки, густо разбросанные по долинам рек, но никто из жителей не променял бы его ни на какой другой. Куда ни глянь, всюду виден ровно очерченный горизонт. Вокруг раскинулась гладкая, как стол, степь. Лишь с юга в нее вторгалась длинными языками песков соседствующая с нею пустыня. И ветер, веющий здесь беспрестанно, едва наберет силу, уже приносит с собой мелкий песок, он хрустит на зубах и режет глаза. Тот, кто оказался тут, миновав горы, у подножий которых бьют из-под земли ключи, поймы рек с густыми лесами, долины, где радуют взгляд ухоженные сады, а поля разбиты на отмеченные арыками квадраты, может подумать, что он попал на край земли и дальше жизни нет. Не просто отыскать этот кишлак среди необъятных просторов. Да и вряд ли кто, если нет на то особой надобности, отправится на его поиски. Ибо все дороги, отпечатавшиеся на рыжей поверхности степи и каменистого плато, похожи одна на другую, и никто не угадает, куда они ведут.

Это известно только местным жителям, чабанам и охотникам. Они медленно перемещаются по степи, верхом на рослых верблюдах перегоняют с места на место многочисленные отары. Животные сами находят себе прокорм в седловинах между холмами и барханами, хотя степь сейчас занесена снегом.

Вокруг разбросаны во множестве большие и малые соленые озера, которые не замерзают и в лютой мороз. По весне, когда тает снег, они становятся огромными, и, бывает, с одного берега не видать другого. К концу же лета они превращаются в небольшие болотца, где находят себе пристанище одни только лягушки. Осенью, с началом дождей, степь вновь преобразуется. Повсюду бегут коричневые потоки воды, спешат к озерам. А там снег, там и весна...

Видно, сами Боги создали в этих труднодоступных местах водохранилища, которыми жители за тысячелетия своего

существования научились пользоваться как источником жизни. В них круглый год полным-полно водоплавающей птицы, особенно уток; а весной и осенью садятся передохнуть летящие с юга и на юг стаи гусей, лебедей.

Если взобраться на холм, на тот, что повыше, и оглядеться, можно увидеть вокруг сверкающие, словно осколки разбитого зеркала, озера, обрамленные зарослями камышей, зелеными летом и рыжими по осени и зимой.

...Огромный шар солнца, прижатый к горизонту тяжелыми облаками, вдруг лопнул и разлился по всему горизонту обжигающим соком. Над краем земли вытянулась, трепеща, золотисто-алая лента с темными полосами облаков; на ее ярком фоне четко видны силуэты двух всадников. Они ехали сначала прямо, потом повернули в сторону, тогда как хорошо знающий степь всегда едет только прямо. Нетрудно было догадаться: они что-то ищут и толком не знают, куда держат путь. Они то исчезали среди покатых холмов, то вновь возникали и с каждым часом приближались к Соленому озеру, или, как его еще называли местные жители, пасынку Меотидского моря. Когда они достигли камышовых зарослей, уже почти стемнело, и в редкие просветы среди туч заглядывали звезды. Всадники расседлали коней, решив, как видно, тут переночевать. Земля была кое-где покрыта тонким слоем снега, а кое-где вовсе голой, и им не представляло труда насобирать сухой травы и камыша для костра; хватило и постелить под снятые с коней попоны, на которых оба и расположились по разные стороны костра. Один сидел, подобрав под себя ноги, и помешивал в костре палкой; другой полулежа потягивал чилим с добавлением ароматной травы, от которой приятно кружится голова и становится невесомым тело. Судя по выговору, они нездешние, не степняки. Тот, что сидел, коренаст, полноват, лицо одутловатое, хмурое; второй же, потягивающий чилим и не спешащий передавать его напарнику, долговязый и поджарый, напоминающий высохшее дерево, голос у него тихий и вкрадчивый.

— И что я тебя послушался?.. — посетовал толстяк и повернулся к костру спиной, поскольку она начала у него зябнуть. — Обещал легкой заработок... Груды золота... Как бы нам своих голов не

лишиться!

— А ты привык к легкой жизни, — осклабился худощавый. — Украл и несколько дней сыт... А сейчас, если повезет, всю жизнь будешь сытым и одетым, да еще и наложницами обзаведешься, ха-ха-ха!.. Ты мне всегда казался отчаянным джигитом, вот я и выбрал тебя. Думаешь, никого больше не было, чтобы взять с собой? Ого, желающих заработать полно! Мужчина должен уметь рисковать!..

— Уже который месяц мы каждый день головой рискуем!..

— На, покури. Да перестань ворчать, — сказал худощавый и протянул напарнику чилим. — И не забывай, что из этого чилима сам тесть великого Искандара курил!..

Толстяк опять повернулся лицом к костру и жадно затянулся.

— Я думал, за неделю управимся... — проворчал он, прикрыв глаза и блаженно улыбаясь от удовольствия.

— Ха!.. — воскликнул напарник и шлепнул палкой о землю, метя в подобравшегося к костру варана, тот шмыгнул в сторону и исчез в темноте, зашуршал в отдалении среди камышей. — Возьми, к примеру, дехканина: сколько дней ему нужно, чтобы вспахать землю? Затем посеять?.. А после этого он полгода ждет урожая. И не просто ждет, а трудится не покладая рук: полет, поливает, взрыхляет землю, от птиц и насекомых оберегает поле. И хорошо, если того, что он соберет, хватит до следующего урожая!.. А у скотоводов сколько забот, ты знаешь?.. Ничего ты не знаешь! Сколько лет ему приходится ждать, пока теленок превратится в корову или быка?.. Ага, понятия не имеешь, привык хапать чужое, на готовеньком жить!..

— Ну, ну, ты не слишком расходишься!.. — проговорил, нахмурясь, толстяк, в голосе его послышалась угроза. — В нашей воровской среде я не знаю никого, кто бы мог соперничать со мной. Это тоже своего рода искусство. Попробуй-ка у скупца выудить кошелек, если он зажал его в руке, засунутой в карман! Или из-под сидящего в седле седока увести коня так, чтобы он не заметил!..

— Не бахвалься! Как что посерьезнее, так ты за моей спиной прячешься!..

— Я?.. — возмущенно ткнул себя пальцем в грудь толстяк. — Ври, да не завирайся! Могу ли я спрятаться за твоей спиной, если она

уже одной моей ляжки? Ха-ха-ха!.. — на него начала действовать травка; оборвав смех, он сощурил глаза. — Жалею, что связался с тобой! Меня порой пробирает мороз, когда ты едешь вслед и утыкаешься взглядом в мою спину!

— Чего это вдруг?.. — сделал удивленное лицо худощавый.

— Как скорпион, в любой момент можешь ужалить.

— Зачем? Ведь одному в этих гиблых местах делать нечего.

— Чтобы денег ни с кем не делить!.. Зачем... — усмехнулся толстяк и вновь затянулся чилимом.

— Твои карманы полны денег? — спросил худощавый и захохотал.

— Сам же говоришь, что получим много золота, если прознаем, где логово Спитамена...

— Тсс!.. — прижал к губам указательный палец худощавый и, вскочив, осмотрелся вокруг. Было темно и тихо, лишь шелестели от ветра камыши. — Как могло тебе такое в башку прийти?! Я и свою долю тебе отдам! Мне денег не нужно, их у меня хватает. Мне бы только свести с ним счеты... — мечтательно проговорил он.

— Счеты?.. — разинув рот, вытаращился толстяк и тут же рассмеялся: — Говорят, блохи тоже сводят со львом счеты!..

Худощавому не хотелось продолжать разговор на эту тему, он стиснул челюсти, и желваки резко обозначились у него на скулах. «Что там спорить? После Наутаки мы повязаны одной веревочкой», — подумал он, и, чтобы перевести беседу в иное русло, он сказал:

— Пошарь-ка там в хурджине, не осталось ли чего пожевать...

Толстяк вернул ему чилим, дотянулся до хурджина и, придвинув его ближе, вынул из свертка кусок сушеного мяса и испеченную в золе лепешку. Положив мясо на лепешку, порезал его на тоненькие ломтики.

Заморив червячка, они подбросили в костер сухого камыша и улеглись спать, укрывшись с головой чапанами. Стреноженные лошади паслись неподалеку, пофыркивая и позвякивая сбруей.

Кобар сказал правду, в деньгах он давно не нуждался, с тех пор как нанялся в услужение к Оксиарту. А отважиться на столь

рискованное предприятие его подтолкнула собачья преданность хозяину.

Он заранее предполагал, что дело кончится только этим и потому долго не говорил Оксиарту о том, какие ходят разговоры в Мараканде о его дочери Равшанак и Спитамене. Ведь на чужой роток не накинешь платок. А болтали такое, что многим не сносить головы, если об этом узнает царь. Спитамен будто бы дважды совершал налеты на Мараканду из-за Равшанак; у него с ней якобы давняя связь: в последний раз он будто бы, уже взяв Мараканду, отказался от штурма цитадели, где укрылись близкие царю юноны, уступив мольбам Равшанак, которая согласилась ради этого провести с ним ночь...

Шила в мешке долго не утаишь. В конце концов пришлось Кобару рассказать обо всем хозяину, рискуя навлечь на себя его гнев. Оксиарт не то что гневаться, дара речи чуть не лишился. Побледнел, руки затряслись; схватившись за подлокотник кресла, опустил в него и, подперев ладонью лоб, несколько минут не мог произнести ни слова. Велев Кобару сесть рядом на скамью, поближе, он наклонился к нему и сдавленным, слабым, как у больного, голосом сказал:

— Моя дочь себе этого никогда не позволит. Мои враги ищут не прикрытые латами места, чтобы нанести удар. И сплетни эти будут служить им оружием до тех пор, пока Спитамен жив... — он сделал пальцем знак, чтобы Кобар придвинулся еще ближе: — У меня много золота. Я сейчас во много раз богаче, чем был. Будет щедро вознагражден тот, кто заткнет рты этим негодьям, с языков которых каплет яд...

Кобар погрузил вопросительный взгляд в глаза хозяина и медленно провел ребром ладони по горлу.

Оксиарт молча кивнул.

— Я царицу Равшанак всегда почитал за сестру. За свой позор она будет отмщена, — сказал Кобар и низко поклонился.

...Кобар услышал овечье бляенье и не сразу понял: во сне это или он уже проснулся. Сдернув с головы чапан, приподнялся, прислушался. Да, откуда-то доносилось бляенье овец, все ближе и ближе. Уже порядком рассвело. Кони стояли голова к голове,

припорошенные инеем. Костер присыпало снегом. Бабах дрыхнул с открытым ртом и громко храпел. Кобар растолкал его. Тот вскочил, испуганно озираясь, зашептал молитву.

— Надо седлать коней, — быстро проговорил Кобар и кивнул на холм, на котором возникла одинокая фигура чабана.

Из-за холма появилась отара, впереди нее вышагивал лохматый, круторогий козел — вожак.

— Поздно, — сказал толстяк. — Наше бегство вызовет подозрение. Пошлют погоню. Да и можно ли в степи убежать от массагета?.. — печально усмехнулся он. — Лучше оставаться на месте и молиться Создателю, чтобы он не отказал в защите.

— Неужто он берет под защиту и таких, как ты?.. — съязвил Кобар.

— Если уж тебе покровительствует до сих пор... — проговорил Бабах, глядя на него исподлобья. — Я же святой по сравнению с тобой...

— Ладно, сдастся мне, нам обоим гореть в аду, — примиряюще произнес Кобар и засмеялся. — Разворачивай скорее дастархан. А то он уже направляется сюда. Предложи ему хлеба — соли¹⁰⁶...

— А может, лучше прикончить его? — спросил Бабах, подбросив в руке нож, которым резал мясо.

— Вряд ли он пасет отару в одиночестве.

И словно в подтверждение слов Кобара из-за холма выехала группа вооруженных всадников в лисьих малахаях. Они придержали ненадолго коней, как бы оценивая обстановку, затем пустились стремительным галопом, гикая и свистя. Сидящие у костра поднялись им навстречу. Их вмиг окружили, чуть было не затоптав. Разгоряченные кони вскидывались на дыбы, пятились, вертелись волчком.

— Кто такие?! — спросил пожилой массагет, сурово разглядывая незнакомцев из-под кустистых бровей.

— Мы направляемся в Бихру! — поспешно ответил Кобар. — Провели тут ночь...

¹⁰⁶ Вкусившие за одним дастарханом хлеба — соли не могут питать друг к другу враждебных мыслей.

— Дорога в Бихру проходит не здесь!

— Мы решили ее сократить, уважаемый. Поехали напрямик через степь...

— В таком случае, вам следовало свернуть с дороги вправо, а вы свернули влево...

— Неужели? — изобразил крайнее удивление Кобар. — Выходит, мы заблудились?

— Это мы проверим, — сказал пожилой массагет. — Заблудились или что еще... — и он обернулся к спутникам, мол, не хочет ли кто еще задать вопрос незнакомцам?

Те разглядывали «заблудившихся» с таким подозрением, что ничего доброго от них ждать не приходилось. Из-за плеч у них торчали опереньем кверху стрелы, вложенные в колчаны, а на седлах висели луки.

— Они так и не сказали, кто они! — неприязненно заметил один.

— Мы родом из Наутаки, — с поклоном отвечал толстяк. — По торговым делам побывали в Хорезме, а теперь спешим в Бихру...

— Оно и видно, как вы спешите, — усмехнулся пожилой. — Отклонились от дороги на полтора дня пути...

— Пожалуйста к дастархану, разделите с нами трапезу, за хлебом-солью и поговорим, — засуетился Кобар, кланяясь и показывая руками на посланный дастархан. — Сам Создатель свел нас в необъятной степи, грех не отведать вместе хлеба — соли.

Массагеты громко заговорили между собой, о чем-то заспорили.

Огромная отара тем временем рассыпалась по полю и, пощипывая торчащую из-под снега траву, приближалась к озеру. Чуть поодаль степенно ступали сторожевые псы, каждый ростом с осла, и стоило какому-нибудь беспечному животному податься в сторону от отары, они тотчас пригоняли его обратно, грозно рыча, подталкивая грудью и покусывая за курдюки. Овцы понимали, что псы не причинят им ничего худого, и мчались к отаре, весело подпрыгивая и взбрыкивая задними ногами, словно заигрывая со свирепыми сторожами. Завидев издалека воду, они заблеяли громче и бегом бросились к озеру. На берегу началась суতোлка, задние напирали на передних, под копытами чавкала грязь. Молодой чабан, размахивая палкой и крича,

восстанавливал порядок. И животные, вступив передними ногами в воду, стали пить. Те, что напились, выбирались обратно, уступая место другим, и отряхивались от воды.

Массагеты, посоветовавшись, умолкли. Один из них спешился, подошел к лежавшим возле костра хурджунам и проверил их содержимое. В них, к счастью, ничего не было такого, что могло бы вызвать подозрение.

— Из Наутаки, говорите?.. — переспросил пожилой, пристально разглядывая Кобара, потом перевел взгляд на толстяка Бабаха. — И что там нового?

Те переглянулись, развели руками.

— Ничего хорошего, — ответил Кобар. — Люди стонут под гнетом юнонов. Надеялись, что Спитамен прогонит их, но о нем давно ни слуху ни духу. Люди и вовсе надежду потеряли...

— Да?.. — усмехнулся пожилой массагет. — А не лазутчики ли вы Искандара?

— Да что вы?! — воскликнули Кобар и Бабах одновременно. — Можно ли так оскорблять людей близких вам по крови, которые говорят почти на одном с вами языке? — укоризненно покачал головой Кобар.

— Нынче время такое, — сказал пожилой, не спуская с них глаз и глядя по холке коня, нетерпеливо забившего копытом. — Опасно верить даже разделившему с тобой хлеб-соль. Развелось немало таких, кто и отца обменяет на новый малахай, — он, приподнявшись на стременах, посмотрел в ту сторону, откуда донесся топот копыт.

За макушками камышей замелькал рыжий малахай приближающегося всадника. Выхав из-за озера, он перевел коня на рысь. Пожилой массагет, который, по всей видимости, был за старшего, тронул коня и поехал ему навстречу. Остановившись, они о чем-то негромко переговорили. Кобар понял: этого человека посылали в селение — доложить о них и получить указание, что с ними делать. Значит, селение где-то недалеко. А вдруг именно здесь скрывается Спитамен?..

Пожилой массагет развернул коня и направился обратно.

— Закон гостеприимства не позволяет нам в зимнюю пору

оставлять заблудившихся путников без крыши над головой и постели. Поезжайте за ним, — кивнул он на только что прибывшего здоровяка, перепоясанного широким ремнем с прицепленной к нему согдийской саблей. — Он покажет вам дорогу в селение, — и, выдержав многозначительную паузу, прищурил пронизывающие насквозь глаза и добавил: — Может, там вы и найдете то, что искали...

— Нет, нет!.. — запротестовали Кобар и Бабах. — Вы нам только покажите, как выбраться на дорогу, ведущую в Бихру!..

— Не обессудьте, но это будет воспринято, как неуважение с вашей стороны, — с плутоватой улыбкой настаивал пожилой, — лицо его раскраснелось от мороза. — Побывать здесь и не заехать в наше селение, не представиться старейшине!.. Ну, как можно? — от него, конечно, не укрылось, что такой оборот крайне встревожил наутакцев, и с елейной ухмылочкой продолжал: — Сейчас по степи шныряют во множестве лазутчики проклятого Искандара, и целыми отрядами, и в одиночку, так что совсем не безопасно пускаться вдвоем в такое путешествие. Буквально на днях наши люди погонят скот в Бихру для продажи, с ними и поедете.

Выхода не было. Кобару и Бабаху пришлось седлать коней и грузить хурджины. Они понуро ехали вслед за молодым массагетом, который, раскачиваясь в седле, негромко напевал и время от времени оборачивался, чтобы удостовериться, не отстали ли его подопечные. А может, напускал на себя беспечность, полагая, что эти люди как-то проявят себя, если они себе на уме, попытаются бежать, а то и напасть сзади. Но эти двое не были простаками и давно заметили, что под чапаном у него надеты латы, снятые не иначе как с убитого юнона, а поодаль, за холмами, чуть поотстав, едут еще трое всадников, стараясь оставаться незамеченными. Если б не они, с этим можно было бы справиться, хоть он и силен, как бугай. И не таких приходилось вязать, и пикнуть не успевали. Тут не сила нужна, а уменье... А сейчас только попытайся — те трое вмиг окажутся рядом. В стрельбе из лука, набрасывании аркана массагетам равных нет.

Солнце расплавленной каплей зависло над горизонтом, косые лучи его скользили по волнистой поверхности наста, окрашивая степь в золотистые цвета, но нисколько не грея. Ветер гнал поземку,

приходилось заслоняться рукой и отворачиваться, чтобы защитить глаза.

Массагет остановил коня и крикнул, снимая лук:

— Эй, не отставайте, а то одной стрелой прошью обоим уши! — и в подтверждение своих слов выпустил стрелу в пролетающую ворону; та, хрипло каркнув, упала на снег; ветер закружил два-три черных пера.

Кобар и Бабах подстегнули коней и поехали рядом с массагетом. Кобар нарочито бойким голосом сказал:

— Говорят, в отряде у Спитамена все такие ловкие!

— А у меня что... на лбу написано, что я из его отряда? — хмуро глянул на него массагет.

— Нет, конечно!.. Спитамен там, где юноны. Зачем ему тут быть?.. — сказал Кобар, притворяясь, будто ему не известно, что Спитамен увел остатки своего войска в массагетскую степь, потерпев поражение в последней битве. — Если бы я умел так стрелять, я бы тоже пошел к Спитамену.

— Да?.. — с иронией посмотрел на него массагет. — Что-то его имя не сходит с твоего языка!..

— Разве я один?.. Все только о нем и говорят! Столько слышал о нем, но ни разу не довелось увидеть... —

— Увидишь... если очень захочешь, — усмехнулся массагет. — Но если с недобрыми мыслями бродите в стороне от больших дорог, то пеняйте на себя.

— Эх... — вздохнул Кобар и с укоризной покачал головой. — Можно ли так оскорблять гостей? Лучше бы ты кинжалом ударил, чем такими словами. А еще ваш аксакал говорил о гостеприимстве массагетов.

— Если вы честные люди, то сами в этом убедитесь!

— Как же вы узнаете, честные мы или нет? У нас тоже на лбу ничего не написано!

— Написано! У каждого все написано на лбу. Только не всякому дано надписи эти читать. А вот великомудрый Саксон, наш старейшина, это умеет. Глянет на вас и сразу скажет, кто вы есть.

Спутники массагета умолкли, пожалуй, даже приуныли.

Озеро и камышовые заросли вскоре остались позади. Обогнув невысокий, но далеко вширь вытянутый холм, они въехали в широкую ложину, и впереди неожиданно возникло большое селение. Можно было проехать в версте от него и не заметить. Приземистые хижины, сооруженные из камыша и обмазанные глиной, множество юрт. Дворы не огорожены. Да и зачем — вся степь — один большой двор. Из-за углов хижин выглядывали любопытные мальчишки. Чумазые, полураздетые, они, кажется, не чувствовали стужи. Сурового вида женщины возле хижин и юрт занимались своим делом, не обращая внимания на едущих по селению всадников: пекли прямо на улицах лепешки, стирали, выбивали палкой из войлоков пыль, какая-то строгая мать секла прутом орущего благим матом озорника.

Наконец чабан повернул коня к одной из крайних хижин и, спрыгнув с седла, велел спутникам спешиться. Оставив коней у коновязи, где земля была покрыта утоптаным конским навозом, вошли к хижину, для чего Кобару и Бабаху пришлось пригнуться пониже, чтобы не задеть головой притолоку. Молодой чабан вошел вслед за ними.

Глаза долго привыкали к полумраку. Они увидели на глиняном помосте, застланном овечьими шкурами, седого мужчину, который сидел, скрестив ноги и положив ладони на колени. Было ему, наверное, лет сто. Борода доставала до пояса, а брови, словно серые тучи, нависали над зоркими глазами. По всему видать, он их ждал. Посмотрел на одного, потом на другого и спросил:

— Что привело вас в наши края в столь беспокойное время?

Кобар повторил то, что уже говорил.

И Бабах тоже, слово в слово, когда старейшина перевел на него взгляд. По-видимому, это и был великомудрый Саксон. Полуприкрыв глаза, он долго думал, вероятно, соотнося и сопоставляя услышанное от задержанных с тем, что знал сам, но что не было известно ни Кобару, ни Бабаху. На его смуглом челе пролегли глубокие борозды. Вот его веки, похожие на скорлупу ореха, дрогнули, и он открыл глаза, подсвеченные изнутри черным огнем. Взгляд его словно высвечивал чужие мысли. Неуютно почувствовали себя Кобар и Бабах и потупили головы, чтобы не смотреть на него.

— Того, кого вы ищете, в селении сейчас нет, — медленно произнес старец. — Он вернется дня через два. Тогда и позовет вас к себе.

Толстые губы Бабаха задрожали, будто он заложил за них горький табак. А Кобар, сохраняя внешнее спокойствие, хотел было возразить, мол, никого они не ищут, но куда-то подевался голос, и он, поперхнувшись, закашлялся.

Подождав еще минуты две, Саксон усмехнулся и сказал стоящему у двери молодому чабану:

— Отведи обоих в мехманхану! — и негромко добавил: — Предназначенную для такого рода гостей...

Чабан кивнул и показал задержанным на дверь, чтоб выходили. При этом в усмешке обнажил зубы, в точности, как это делает пес перед тем, как с рыком наброситься.

Усмешка эта стала особенно понятна, когда их обоих втолкнули в глубокий темный погреб и, захлопнув дверь, повесили замок.

Спитамен возвратился не через два дня, как обещал, а через неделю. Саксон уже начал беспокоиться, несмотря на то что не сомневался: он возвратится, поскольку семья его, жена и дети, здесь, в селении. И люди Саксона зорко следят, чтобы они в отсутствие Спитамена далеко не отлучались. Правда, Одатиди об этом, кажется, пока не догадывается, хотя телохранителю семейства, молчаливому, себе на уме человеку, разумеется, известны условия, на которые вынужден был согласиться ее муж; он прилагает немало усилий, чтобы эта женщина не лишилась душевного покоя и жила в счастливом неведении, чтобы у хозяйки и ее непоседливых озорных детей не возникало надобности отлучаться из селения далеко. А узнай своенравная женщина, сама привыкшая властвовать, что оказалась с детьми в роли заложницы, пришла бы в неслыханную ярость...

Спитамен с верными ему людьми, которые не покинули своего предводителя и в той ситуации, в какой он оказался, ездил в небольшую крепость, что находится на границе с Хорезмом. Он назначит там тайную встречу с послами Хорезмшаха. Они должны

доставить обещанное Фарасманом золото. Может, тех денег хватит, чтобы рассчитаться с массагетами... Но тщетно прождал Спитамен послов Хорезмшаха несколько дней. Вернулся в селение ни с чем, обросший, продрогший, исхудавший. Уезжало со Спитаменом двенадцать воинов, вернулось десять. Двое умерли в дороге от какой-то неведомой болезни: скорее всего виновата вода из озер, попадавших в пути.

Вечерело, когда они въехали в селение. Спитамен кивнул на прощанье воинам, и те молча разъехались по своим юртам. Спитамен повернул коня к хижине, до самых окон заросшей бурьяном, где оставил Одатиду с детьми. Жена обычно узнавала топот Карасача и заранее выходила из дому. Но сейчас под Спитаменом был другой конь. Верой и правдой служил ему Карасач. Погиб, бедняга, в последнем сражении. Пробила ему сердце вражья сарисса. И как ни вглядывался сейчас Спитамен в темнеющий проем двери, не увидел в нем ни Одатиды, ни детей. Лишь когда уже спешился у порога, выбежали дети. Вышла и Одатида, бледная, неулыбчивая. Стараясь при детях держаться скромно, не выказала нежностей, поздоровалась, стоя на пороге, помогла снять с лошади хурджун.

Едва вошли в дом и Одатида засветила лучину, явился молодой джигит, подручный старейшины.

— С возвращением, Спитамен! — сказал он. — Великомудный Саксон желает тебя видеть...

«Не успел войти в дом, уже прислал человека!.. — с раздражением подумал Спитамен. — Невтерпеж узнать, с золотом я вернулся или без. Пуст мой хурджун, нечем мне с тобой рассчитываться!..» Однако не дал раздражению прорваться наружу и спокойно сказал:

— Сейчас приду.

Спросил у жены, здорова ли, не испытывает ли в чем нужды, приласкал наскоро, погладив по голове, и, виновато разведя руками, ушел.

...Спитамен предполагал зазимовать в этом году не в массегетской степи, а в Бактрии, где климат помягче и природа щедрее; там много богатых городов, больших селений, утопающих в

садах, в горах и степи пасутся многочисленные стада; его войско там не испытывало бы лишений. Однако об этих планах каким-то образом стало известно Искандару. И царь отослал к границе с Бактрией военачальника Кена, которого недавно к себе приблизил. В подчинение ему он дал несколько сотен всадников — «друзей», конных дротометателей, более дюжины боевых колесниц и, главное, отряды согдийцев и бактрийцев, служивших тому верой и правдой, они — то и должны были составить основную ударную силу, ибо дрались со Спитаменовым воинством особенно зло, чтобы всякий раз на деле доказывать свою верность царю царей, не лишившему их никаких привилегий. Конные бактрийцы, согдийцы, арахонты, заранги, арии, парфяне, эваки были зачислены по лохам в конницу «друзей». Выбирали тех, кто отличался знатностью, красотой, силой или другими достоинствами. Из них образовали пятую гипархию, не целиком, правда, из азийцев, но так как ряды конницы пополнялись, то нашлось место в ней и для варваров. Кен получил приказ устроить Спитамену засаду и пленить его.

Спитамен ехал впереди войска и уже видел вдали горы Бактрии. В том месте, где он менее всего ожидал нападения, впереди, словно мираж, возникло многочисленное войско македонян. Спитамен дал сигнал всем остановиться, обернулся. Его войско растянулось вдоль дороги версты на три. Построиться в боевые порядки вряд ли успеть, поэтому он решил увести своих людей, не принимая боя. Справа — горы, туда он и свернул с дороги. И опять на пути, точно из-под земли, появились македоняне. Спитамен приказал отступать в глубь Согдианы, — но и там оказалась засада. Воины в панике заметались. Спитамен громовым голосом отдавал приказы, пытался удержать воинов. А с двух сторон на них уже стремительно неслись боевые колесницы с торчащими по сторонам, словно крылья, огромными мечами, один блеск которых наводил ужас. Завязалась жестокая битва. Померкло в небе солнце от поднявшейся пыли. Стонала сама земля, видя, как защитники Согдианы с криком падают с коней. Македоняне явно одерживали верх. И тогда многие, сражавшиеся на стороне Спитамена согдийцы и бактрийцы, увидев среди македонцев своих сородичей, переметнулись на их сторону, решив такой

позорной ценой спасти себе жизнь. Массагеты же кинулись грабить их обозы. За мародерство в войске Спитамена была одна расплата — смерть. Подскавав к массагетам, опрокинувшим арбы и растаскивающим вещи, Спитамен копьем уложил троих. «Согдийцы — наши должники!..» — заорал один из массагетов, стоявший на тыках, и направил в Спитамена стрелу. Но спустить тетиву не успел: сам пал от меча Зурташа. Только в последнее мгновение узнал в нем Спитамен сына Саксона и не успел крикнуть Зурташу, чтобы не трогал его...

В том бою Спитамен лишился любимца, своего Карасача. Потерял лучших друзей, Зурташа, Хориёна, Камака. Думал, что погиб и Датафарн, но потом узнал, что ему удалось вырваться из кольца с небольшим отрядом бактрийцев и увести их в горы. Семьи многих воинов оказались захваченными в плен. Спаслись в основном те из женщин, кто догадался перерезать упряжь, усадить на коней детей и мчаться с ними, куда глаза глядят. Одатида поступила именно так, подав пример другим, и примкнула к бежавшим в пустыню массагетам. Спитамен в сопровождении оставшихся ему верными воинов пустился вслед за ними...

Так они оказались в аиле великомудрого Саксона.

Спитамен, вступив в жилище старейшины рода, отвесил хозяину поклон, прижав правую руку к груди. Саксон жестом предложил ему сесть рядом, показал рукой на дастархан с обильным угощением.

Спитамен сел, отломил кусочек хлеба и, обмакнув в соль, стал жевать.

— Я не спрашиваю, с чем ты вернулся. По тебе видно, — сказал Саксон.

Спитамен молчал, устремив усталый взор куда-то вдаль, и старейшина продолжал:

— Сколько же тебе обещал Фарасман — обманщик?

Спитамен ответил.

— Не слишком щедро для такого толстосума, — заметил Саксон. — Искандар твою голову оценивает дороже.

Несколько долгих секунд смотрели они друг другу в глаза. «Ты обещал массагетам богатую добычу; и они воевали на твоей стороне,

не щадя живота. Но домой вернулись не только без всякой добычи, более того, ты до сих пор не рассчитался не только с воинами, оставшимися в живых, но и со вдовами погибших...» — прочел в глазах старейшины Спитамен. И подумал: «Сколько же ты за сына с меня возьмешь? Пожалуй, не хватит моей головы...»

О своем сыне великомудрый Саксон заговорил со Спитаменом лишь в день прибытия Спитамена с остатками разбитого воинства в аил. Не ответив тогда на приветствие предводителя согдийцев, Саксон сурово спросил, положив руку на рукоять кинжала:

— Мне сказали, ты собственноручно убил моего сына?..

Спитамен не стал уверять, что убил не он, это могло быть воспринято как проявление трусости, да и вряд ли старик поверил бы.

— Твой сын во время боя, вместо того чтобы потрошить животы юнонов, бросился потрошить имущество даже не врагов своих, а соратников, — сказал он, зная, что у массагетов считается высшим позором, если алчность возобладает над мужеством.

— Но обоз принадлежал тем, кто переметнулся в стан врага и из соратников превратился во врагов, — возразил старик, пронизывая его взглядом из-под седых бровей.

— Бой был еще в разгаре.

Саксон опустил голову и долго стоял в скорби. Потом обронил:

— Что ж, поверю, что мой сын наказан за бесчестье, — и медленно поднял глаза на Спитамена: — Но не платить долги не меньшее бесчестье...

— Массагеты получают все сполна, — твердо пообещал Спитамен.

После этого Саксон ответил на приветствие Спитамена и дрожащим голосом произнес:

— Добро пожаловать... Ни ты, ни твоя семья нужды знать у нас не будете...

С тех пор Саксон ни разу не упоминал в разговорах со Спитаменом имени своего сына. Но думал о нем постоянно.

Спитамен от усталости валился с ног, и беседа не клеилась. Перед ними поставили блюдо с горячим мясом, источавшим аппетитный запах. У Спитамена от голода подвело желудок, но кусок не лез ему в горло. Ему не терпелось узнать, правду ли сказали встретившиеся в

пути чабаны, что задержали лазутчиков Искандара, но он не торопился с вопросом, надеясь, что старик скажет об этом сам. Однако старейшина словно напрочь забыл о последнем событии, и Спитамен все же спросил:

— Верно ли, что вы бросили в зиндан Искандаровых лазутчиков?

Саксон, не поднимая глаз, несколько раз кивнул и, вздохнув, сказал:

— Очень жаль, но они сбежали...

— Как? — вырвалось у Спитамена.

— Они оказались куда коварнее, чем я предполагал, — проговорил Саксон, избегая взгляда собеседника.

Спитамен понял, что он или чего-то не договаривает, или кривит душой. «Отпустил специально, решив связаться через них с царем?.. Зачем? Цель может быть только одна: обговорить условия выдачи Спитамена!» — молнией пронеслось в голове у него.

— Все равно им далеко не уйти, пустыня их поглотит, — продолжал Саксон.

«Почему он не смотрит в глаза?»

— Если сюда нашли дорогу, найдут и отсюда... Была ли послана погоня?

Саксон кивнул, прикрыв глаза:

— Их следы замело снегом.

«Видно, от них ты и узнал, во сколько Искандар оценивает мою голову!..»

— Они были допрошены?

— Я дважды беседовал с ними. Они признались, что ищут тебя, — сказал Саксон и открыл глаза.

Взгляды их скрестились, как два меча.

— Искандару теперь станет известно, где я нахожусь...

— Если ты ничем не прогневал бога пустыни Веретрагну, то он их не выпустит из своих владений... А если ему не веришь, то можешь покинуть наш аил и идти на все четыре стороны... после того, как отдашь массагетам то, что им причитается.

Спитамен кивнул, горько усмехнувшись.

— Хороший меч от сильных ударов не ломается и не гнется. Но

стоит на нем появиться ржавчине, и самая лучшая сталь может истрелеть, человеческая алчность — все равно ржавчина. Она разъедает даже очень крепких духом людей...

Саксон выставил ладонь, чтоб не продолжал, и покачал головой в знак того, что не согласен с ним.

— Алчность проявляют те, кто ворует, — сказал он. — А с массагетами у тебя был уговор с самого начала... Ты видишь, что народ наш живет в крайней бедности, нет у нас ни городов, ни жилья. И тебе ничего не стоило убедить несколько тысяч наших джигитов отправиться вместе с тобой на войну с Искандаром — ведь им была обещана щедрая плата... Скажи, положи руку на сердце, разве они плохо воевали?

— Хорошо.

— Разве ты недоволен ими?

— Доволен.

— Те, кто остался жив, вернулись без добычи. Так, по крайней мере с ними, ты обязан рассчитаться.

— Мой друг Датафарн скоро прибудет с деньгами из Бактрии.

— У тебя очень мало времени, Спитамен.

— Знаю. Но чтобы добраться сюда из Бактрии, потребуется месяц пути.

Старейшина наклонил седую голову в знак согласия и сказал:

— Ступай к детям. Они по тебе соскучились. Ведь ты любишь своих детей, верно?

«Кто же не любит своих детей?..» Спитамен счел лишним отвечать на этот вопрос. Встал и, сухо попрощавшись, покинул жилище великомудрого Саксона. Однако в душе, словно червь, шевелилось беспокойство. «Почему он заговорил о детях?.. Этот старец ничего не говорит просто так», — думал он по пути домой, заслоня лицо от резкого встречного ветра и преодолевая его напор.

Царский гнев

Согдийская зима много короче македонской. Все больше становилось погожих дней, и солнце, разогнав с утра серые облака, пригревало с каждым днем сильнее. Во многих местах оголилась земля, зажурчали в арыках ручьи, на плоских крышах домов, с

которых всякий раз сгребали снег, как только он выпадал, зазеленела трава и даже зацвели маки. Приближался день, отмечаемый местными варварами как самый большой праздник — Навруз. Царь распорядился, чтобы в этом празднестве приняли участие все македонцы и греки. Торжества обычно длились по нескольку дней. Сегодня был объявлен первый пир. Зима тянулась долго и тоскливо, как траур. Александр вздохнул, вспомнив ту злосчастную осень и пиры в честь Диониса... После того, что произошло на последнем из пиров, он в течение нескольких месяцев запретил себе и думать о пирах. Если кто-то громко смеялся или пел, это вызывало в нем глухое раздражение... И вот он опять направляется по переходам и галереям дворца в большой, пестро разрисованный зал, где за пиршественными столами уже, должно быть, восседают приглашенные, друзья и гости, и ждут *самого*. Увы, среди них он не увидит сегодня Клита. Никогда более не увидит. Ни когда...

Александр было известно, что не всеми из его окружения одобряется распоряжение отмечать местные праздники. Если не понимают, для чего это нужно, хоть бы помалкивали. У них, должно быть, ум короток, чтобы понять: этой уступкой можно добиться гораздо большего, чем силой оружия. Особенно возмущала их приверженность царя к некоторым восточным — «варварским», как они любили подчеркивать, — традициям, которые, напротив, ему лично показались весьма интересными. Так он почти полностью перенял церемониал Ахеменидов, при нем особе царя воздаются почести, близкие к божественным. Это в равной степени касалось и его друзей. И они, быть может, не преминули бы теперь открыто выразить свой протест, если бы...

Эх, если бы... если бы... Если бы Александр мог обратить вспять время, он, пожалуй, сделал бы это. Но время, увы, даже сыну Зевса не подвластно. И все, что им совершено донине — и хорошее, и плохое, — останется совершенным. Из былых поступков не отобрать только те, что тебя украшают. Правда, это могут сделать историки, поэты, художники, так пусть Лисипп и Апеллес этим занимаются, он взял их в поход специально для воспевания своих подвигов. Но то, что может в их описания не попасть — наверняка не попадет! — не

выкинуть из собственной головы и сердца...

Всякий раз, когда он вспоминает Клита, сердце сжимается. Зачем же Небу было угодно, чтобы именно он подвернулся ему под горячую руку?!

Подходила к концу минувшая осень, завершался сбор винограда. Македонцы и греки начали готовиться к торжествам, ежегодно устраиваемым в честь Диониса, бога плодоносящих сил земли, растительности, виноделия. В эти дни совершались особенно щедрые жертвоприношения божеству, именуемому в далекой Греции Бахусом и Вакхом. А кому не известно, что Дионис — главный воспеватель вина? Вино и лилось рекой. Что ни день, то пир.

На пирах, как всегда, присутствовали личная охрана царя и высшие военачальники. Отчаянные смельчаки в бою, отмеченные наградами. Те, что были постарше возрастом, похвалялись участием в сражениях еще при Филиппе, отце Александра; но и молодым было чем гордиться, и они, захмелев, старались перекричать звонкими голосами седых полководцев, рассказывая о своих подвигах в последних удачных сражениях. Царь слушал и про себя усмехался. Он хорошо знал цену каждому. Среди них были и способные военачальники, и опытные чиновники, а также краснобаи — лицемеры, шутники и льстецы. Без последних царю, конечно, было бы на пиру скучно. Именно они шутками, остротами, комплиментами в адрес царя приносили в разговор живость и придавали торжеству необходимый блеск. Они были царю по душе еще и потому, что не бахвалились собственными подвигами, а с восторгом говорили о заслугах самого Александра, который не мешал им болтать и снисходительно улыбался.

На пирах присутствовали согдийские, бактрийские, персидские аристократы. И вряд ли среди этой перепившейся братии они чувствовали бы себя уютно, если бы царь внимательно не следил за тем, чтобы их самолюбие не было задето грубым словом какого-нибудь из гиппархов, которые под воздействием вина начинают вести себя с варварами вызывающе. Еще и делают недовольный вид, когда царь оказывает местным аристократам покровительство. Не понимают, глупцы, что он, хотя и увенчан короной великих

персидских царей, не менее, а гораздо более их остается верным эллинизму. Но в отличие от них он понимает, что невозможно проводить эллинизацию Востока путем насилия — подчинением и уничтожением завоеванных народов, а наоборот, необходимо всячески способствовать слиянию их с греками. И лучший способ достичь этой цели — смешанные браки. Царь подал личный пример. Есть у него и последователи...

На последний пир, который подводил итог празднествам в честь Диониса, Александр явился в азиатском одеянии. Надел халат, подаренный ему Хорезмшахом Фарасманом, на голову водрузил усыпанный бриллиантами колпак. Он не пренебрегал возможностью произвести благоприятное впечатление на местных вельмож, прибегая даже к такому способу. Он произвел эффект, которого ожидал. Когда он вошел в одежде восточных царей в огромный зал, где за длинными, уставленными дорогой посудой и всевозможными яствами столами восседали пирующие, то на несколько мгновений воцарилась тишина. Все устремили на него глаза.

— О великий!.. — произнес восхищенно кто-то из местной знати. — Вы достойны еще большего уважения согдийцев!..

— И бактрийцев!.. — раздалось, как эхо.

— И персов!..

— И хорезмийцев!..

Зал взорвался аплодисментами и восторженными криками. Вынуждены были встать в едином порыве даже те, кто считал, что он стал пренебрегать традициями собственного народа и чуть ли не готов обратиться в чужую веру.

Царь приветствовал всех, вскинув руку, и направился к торцу стола на свое место. Мимоходом хлопнул по плечу Клита, пожалуй, он был единственным, кто не встал при появлении царя. Он нередко позволял то, на что не осмелился бы никто другой. Но в этот раз царь знал, чем он обижен. Не так давно Клит получил новое назначение. Александр решил послать его в Бактрию сатрапом вместо престарелого Артабаза. Пусть себе правит, лишь бы не сеял смуту. Но Клит воспринял это высокое назначение как ссылку, понимая, что царь решил отдалить его от себя. По сути так оно и было. Надоело,

что всюду, где только может, похваляется тем, что спас царю жизнь при Гранике. Александру не раз доносили: он в кругу друзей иронизирует над тем, что царь нарек себя сыном Аммона. И вряд ли Александр долго терпел бы это, если бы они не дружили с юности. Да и образ Ланики, к которой они оба относились нежно, как к матери, умирал его. Александр решил навязать проскинезу соотечественникам, чтобы она вошла в обычай. А для этого следовало заранее изолировать, по крайней мере, самых опасных и последовательных противников старинного восточного обычая.

Виночерпий поспешил к царю.

— Выше голову, Клит!.. — весело воскликнул Александр, подставив серебряный кубок под струю с бульканьем льющегося из кувшина вина.

Выпито уже было порядочно. Это было заметно по румяным лицам и блестящим глазам. И снова все наполнили кубки.

Вино разгорячило гостей, развязало языки. Сидящие вблизи царя льстецы завели речь о Диоскурах и Геракле, героические деяния которых представлялись им ничтожными по сравнению с успехами Александра. Казалось, конца не будет славословиям...

Клит поднял отяжелевшую от вина голову и стукнул о стол кулаком.

— Где традиции благородных эллинов? Сколько можно пресмыкаться перед царем? — произнес он, с трудом шевеля языком. — А что он, собственно, совершил достойное подобных похвал? Все его победы — это заслуга македонцев!..

Царь побледнел, глаза его полыхнули синим огнем, но он заставил себя улыбнуться и свести все к шутке.

— Ты прав лишь в том, Клит, что мои благородные рыцари сгустили краски, — сказал он. — Слава царя — это, конечно же, всего-навсего отблеск славы его армии!..

Кто-то без малейшего риска вызвать гнев царя ринулся эту мысль оспорить. Поднялся шум. Тут заиграла музыка, и спорящие стихли. Двое греческих рифмоплетов под аккомпанемент струнных инструментов запели насмешливые куплеты, в которых намекалось на позорное поражение македонского вспомогательного корпуса при

Политимете. Царь и сам был причастен к этому поражению: не кто иной, как он, выделил недостаточно крупные соединения и не позаботился назначить толковых военачальников, не согласовал с ними определенного плана действий. И ему, разумеется, было на руку, что в этой неудаче винили только военачальников.

Военачальники — македонцы зашумели, выражая протест. Несмотря на это, царь и его послушное окружение смехом и криками поощряли греков продолжать.

Это не могло не возмутить Клита, дружившего со многими из тех, кто пал в том бою. «Как они смеют насмеяться над их памятью?! — возмутился он. — Ведь они сражались до последнего и все пали смертью храбрых. Ни один не бежал с поля боя, покинув товарищей!..» Покачиваясь, он медленно поднялся и, глядя исподлобья на певцов, громко произнес:

— Недостойно в завоеванной стране в присутствии варваров насмеяться над македонянами, которые, если и биты, все одно — выше греческих шутов!..

Александр резко поставил кубок, расплескав вино. Он и трезвый не позволял себе перечить, а тут, подогретый выпитым, вспыхнул, как сухая трава от искры.

— Сядь!.. — громовым голосом приказал он, думая, как побольнее уязвить распоясавшегося друга. — Высокой памяти достоин не тот, кто бит!.. В благословенной Элладе ставят памятники героям, а не трусам! А если кто пытается из трусов сделать героев, значит, у него самого отваги не более, чем у них!..

Клит зло усмехнулся, испепеляя царя горящим взглядом. «Что ты сказал?.. В присутствии стольких людей ты позволил себе назвать меня трусом?.. Да я даже перед тобой никогда не гнул спину, как эти льстецы, без которых ты жить не можешь...» — подумал он и, высоко подняв руку, громко, так, чтобы всем было слышно, спросил:

— Не этой ли рукой труса была перехвачена на лету твоя смерть, когда ты уже повернулся спиной к персидским мечам?.. Только крови отдавших за тебя жизнь македонян и рубцам на теле тех, кто еще жив, обязан ты всем, чего достиг. Ты же, Александр, отрекся не только от них, но и от отца своего Филиппа и набиваешься в сыновья Аммону!..

Кровь прихлынула к вискам Александра, в глазах все поплыло.

— Негодяй!.. — выкрикнул он, вцепившись в подлокотники кресла. — Уж не считаешь ли ты, что без конца будешь вести безнаказанно подобные речи и призывать македонян к неповиновению?..

Несколько пожилых седых военачальников, верой и правдой служивших еще отцу царя, Филиппу, предчувствуя недоброе, поспешно поднялись с мест и подошли к Клиту, стали уговаривать его уйти или, по крайней мере, прекратить подобные речи, но тот грубо отпихнул их и вновь с презрением бросил в лицо царю:

— Ты и без того платишь нам черной неблагодарностью за наши старания! И мертвым позавидуешь, когда видишь, как по твоему приказу македонян секут согдийскими плетьюми и как нам приходится унижаться перед варварами — придворными, чтобы получить доступ к тебе!

Александр усмехнулся, поняв, о чем толкует Клит. Однажды (это было месяц или полтора назад) они отправились на охоту к Политимету. И когда пробирались через заросли, вдруг, откуда ни возьмись, выскочил с хрюканьем огромный матерый вепрь и устремился прямо на Александра. Молодой телохранитель Гермолай, испугавшись за жизнь царя, бросился вперед и вонзил копьё под левую лопатку зверя.

Разъяренный Александр приказал прилюдно стянуть с Гермолая штаны и всыпать ему плетей, чтобы впредь был умнее и не смел вырывать из рук царя охотничью удачу...

Военачальники обступили Клита и пытались силой вывести его, понимая, что теперь только так можно погасить ссору. Поднялся шум, зазвенела, опрокидываясь, посуда. А Александр обратился к сникшим растерянными певцам:

— Не обращайтесь внимания, если кто под влиянием Бахуса выказывает собственную невоспитанность, да не станут от этого ваши песни менее веселыми!..

Клит, вырываясь, успел крикнуть:

— Если свобода поведения и смелость иметь собственное мнение стали для тебя признаком дурного тона, то впредь приглашай к

своему столу лишь тех, кто с готовностью лобызает полы твоей персидской одежды!..

И царь, не в силах более сдерживать себя, запустил в Клита огрызком. Рука его машинально шарила по столу. Однако нож, который только что тут лежал, кто-то предусмотрительно убрал. А приближенные окружили его так плотно, что Клита ему уже не было видно. Вдруг его обожгла мысль: «Где нож?.. Не собираются ли они и со мной обойтись, как Бесс с Дарием?..»

— Тревога! Труби тревогу!.. — крикнул он через головы гиппархов, фрурархов и военачальников трубачу.

Тот, растерявшись, медлил. Однако вряд ли кто лучше Александра осознавал, как дороги иногда даже секунды. Охваченный страхом, он растолкал приближенных и бросился к трубачу; схватив его за грудки, с силой ударил о стену, труба вылетела у того из рук. Разъяренный Александр, сжав кулаки, стал искать взглядом Клита. Но того в зале уже не было. Его успели вывести во двор, надеясь, что свежий прохладный воздух приведет его в чувство. Птолемей, один из немногих, кто не позволял себе на пирах выпить лишнего, уговорил его прогуляться за пределы цитадели.

На площади напротив ворот воины жгли костры и, судя по валяющимся неподалеку пустым глиняным кувшинам, тоже не теряли времени даром. Клит вступил с ними в беседу. У него переменялось настроение, он по-свойски хлопал воинов по плечам, шутил, смеялся. И Птолемей незаметно покинул его. Желая поразвлечь молодых парней, он стал декламировать стихи, жестикулируя, подражая актерам. Язык у него заплетался. На память ему пришли стихи великого Еврипида, и он начал читать их. Неожиданно умолк, задумался, затем тихо повторил какие-то строки и, шлепнув себя по лбу, круто повернулся и зашагал к распахнутым настежь воротам цитадели. Стража даже не сделала попытки остановить его...

В зале снова царило веселье, стоял шум-гам, играла музыка, появления Клита никто не заметил.

Царь стоял с кубком в руках и, кажется, собирался произнести тост, но, увидев перед собой Клита, поперхнулся. А Клит, жестикулируя указательным пальцем, вызывающим тоном прочел

стихи из «Андромахи», как нельзя лучше, по его мнению, подходящие к случаю.

...Гордо

И мирные цари сидят в советах:

Их головы вздымаются меж граждан,

Хоть и ничтожны души.

Не помня себя от гнева, Александр выхватил у стоявшего поблизости стражника копьё и пронзил им Клита.

И застыл, словно окаменел, следя безумными глазами за тем, как Клит, ухватившись обеими руками за древко, силится что-то сказать и не может, и медленно оседает на пол. Вот уже и рухнул навзничь, устремил к потолку голубые глаза, а из углов рта тоненькой струйкой потекла кровь. Царь, наклонясь, не сводил с него глаз, вмиг отрезвев и отчаянно раскаиваясь в содеянном. На глазах у него заблестели слезы. Что скажет он, вернувшись на родину, милой доброй Ланике...

Все повскакивали с мест и смотрели на царя, затаив дыхание.

Вдруг с диким криком Александр выдернул копьё из тела Клита и замахнулся, чтобы пронзить им себя. Но несколько телохранителей успели схватить его за руку. Копьё выпало. Поддерживая под руки, царя вывели из зала и сопроводили до царских покоев. Отослав всех, Александр ничком упал на застланный коврами пол и зарыдал: «О-о Клит, ты вынудил меня сделать это!.. Лучше бы мне умереть вместе с тобой! Что я теперь скажу нашей Ланике, Клит? Что ты не в битве погиб, а на пиру?.. От руки того, кого она вскормила своим молоком?..»

В окна уже просачивался рассвет, а Александр, прижавшись щекой к ковру, все еще лежал с открытыми глазами, не шевелясь, как мертвый. За одну ночь он осунулся, и лицо его приобрело цвет шафрана. Вокруг покрасневших от слез глаз проступили темные круги. За всю жизнь не довелось ему столько пережить, сколько за эту ночь. Сердце словно придавила скала, а на душе пустота. Теперь в целом свете не осталось у него близкого друга. Он почувствовал себя одиноким, и им овладел страх, какой испытывает человек, заброшенный по воле рока на необитаемый остров. Когда дверь, неожиданно тихо скрипнув, отворилась, он вздрогнул. Вошла Роксана

и, неслышно ступая, приблизилась с улыбкой, показавшейся ему сейчас столь неуместной, что он слабо шевельнул рукой, давая понять, чтобы она покинула его, оставила одного. Но она то ли не заметила, то ли сделала вид, что не поняла, и опустилась возле него на колени, погрузила тонкие пальцы в его русые вьющиеся волосы, приникла к виску горячими губами.

— У меня горе, Роксана, и сердце мое кровоточит...

— Я знаю... Но ты царь, и право миловать и карать дано тебе Богом.

Александр застонал:

— Я поступил не по-царски. Мне будет стыдно показаться на людях...

— Сыну Бога стыдно перед простыми смертными?

— Но я вскормлен молоком простой женщины. И вот таким образом я отблагодарил ее. Кому станет изливать свое горе Ланика, если брата ее убил я?.. Ведь она отпустила его со мной, полагая, что я буду ему покровительствовать...

— А может, кровь Клита потребовалась Дионису?..

Александр и самому хотелось так думать. Жена произнесла его мысли вслух. Он погладил ее обтянутое тонкой тканью шаровар колено и прочел из «Вакханок» Еврипида несколько строк, в которых предстает грозный облик этого божества. Помолчав, добавил:

— Сам не понимаю, как это со мной произошло. Несомненно, в этом замешаны сверхъестественные силы...

Роксана решила прибегнуть к средству, к какому не раз прибегала, когда надо было снять царский гнев. Медленно расстегнула расшитый золотом и жемчугом кафтан, сняла его и осталась в тонкой прозрачной блузке, столь короткой, что оголился живот. Легла с ним рядом, прижалась к нему. Но муж был холоден, и сейчас его не мог согреть даже плававший в ее груди костер. Безжизненным голосом он произнес:

— Распорядись, чтобы мне принесли вина.

Она вскочила, надела кафтан и удалилась.

Три дня Александр не выходил из своих покоев, заливая горе вином. Он чувствовал себя больным и разбитым, его постоянно

мучила жажда. Порой проваливался в сон. Но стоило, проснувшись, вспомнить о происшедшем, как гнев и досада вновь начинали kloкотать в нем, как в чреве вулкана. И он опять и опять спешил приложиться губами к сосуду со сладким, словно нектар, и ароматным, как цветущий сад, напитком, именуемым местными варварами мусалласом.

Три дня Александр никого не впускал к себе. Даже те, к кому он более всего благоволил, не решались войти к нему, а лишь на цыпочках приближались к двери, прикладывали к ней ухо и, повздыхав, так же неслышно отходили.

Однако со всех сторон приходят вести одна тревожнее другой. А царь от всего отершился. Сколько же может это продолжаться?

Был созван совет, на котором македонская знать и рядовые воины признали действия Александра законными, поступки Клита были объявлены преступными.

После чего близкие друзья царя еще посоветались и решили подослать к Александру человека, мнением которого он всегда дорожил. Это был личный философ царя Анаксарх. Он всегда умел найти именно те слова, которые в данный момент хотелось услышать царю.

Анаксарх, постояв подле двери, кашлянул, потом тихо постучал. Ответом была тишина. Снова постучал, посильнее. То же самое. И тогда, собравшись с духом, он открыл дверь и вошел. Остановился посреди комнаты, вглядываясь в неузнаваемо изменившегося царя, который лежал на полу с закрытыми глазами. По вздрагивающим векам было заметно, что он не спит. Анаксарх приблизился и, опустившись на колени, положил ладонь на его горячий лоб.

— Великий царь, опомнись... Ты владеешь огромными пространствами, управляешь сотнями городов, вершишь судьбами тысяч людей, так неужто не справишься с собой? Что свершилось, то было предписано свыше. Каждое твое действие направляется волей Богов... Виноват сам Клит. Во дворце все так считают. Возьми себя в руки и принимайся за дела. Их скопилось столько, что если царь позволит себе не вмешаться еще хотя бы день, то многие из них останутся незавершенными. Поднимайся, тебя ждут великие дела...

Александр открыл глаза, потом медленно сел и стал поправлять на себе мятую одежду. Лицо у него было опухшее, заросло рыжей щетиной, волосы свалялись и стали похожи на паклю.

За дверью послышался шорох и вздохи облегчения тех, кто собрался там и прислушивался к разговору.

— Вспомни, великий царь, во имя чего тобой одержано столько побед. Не для того ли, чтобы управлять миром?.. Пусть каждый смертный на себе ощутит власть и заботу сына Аммона!..

Александр внимал мудрому философу и еле заметными кивками поощрял его продолжать произносить слова, которые были ему приятны и действовали на сердце, словно бальзам.

Царь протянул было руку к кувшину, но Анаксарх опередил его и, схватив сосуд, решительно отставил его в сторону, говоря о том, что на торжествах, проводимых в день Диониса, жертвоприношения делались не одному ему, но и другим Богам. И не только царь тому виной, что Дионис, возмуться, решил испортить им праздник. Если царь не возражает, то Анаксарх распорядится, чтобы сегодня же были принесены в жертву Дионису несколько жирных быков и баранов.

Александр молчал. Однако по разгладившимся на его лбу морщинам мудрый философ понял, что царь к его предложению отнесся с одобрением.

— Не прислать ли кого-нибудь, кто поможет царю привести себя в порядок и приберет в комнате? — спросил после некоторой паузы Анаксарх.

Александр кивнул:

— Роксану.

Анаксарх понимающе улыбнулся и поспешил из комнаты...

Так что же теперь, всякий раз отправляясь на пиры, он будет вспоминать тот горький случай и терзать свою душу? Вон все из головы!.. Дверь в пиршественный зал распахнута настежь, оттуда доносится шум. Стража расступилась, пропуская царя. Он, как и в тот памятный раз, вошел, облаченный в персидские одеяния, порывистый, глаза сверкают. Друзья, вскочив с мест, громко его приветствовали. И царь ответил высоко поднятой рукой.

Ему подали большой золотой кубок, наполненный до краев

красным вином. Прежде чем сесть и позволить это сделать другим, он отпил глоток и передал кубок Лисимаху. Тот пригубил и протянул Кратеру. За Кратером стоял Кен. Каждый из них, сделав глоток, передавал кубок другому. Затем, уже хорошо знакомые с восточными традициями, все низко кланялись царю, выражая тем самым преданность и почтение. А некоторые, чтобы засвидетельствовать свою покорность (это были большей частью местные сановники), подходили и целовали ему руку, унизанную перстнями. Очередь дошла до Каллисфена из Олинфа, его Александр взял с собой для ведения дневника и подробного описания его похода. Александру уже было известно, что он — один из тех, кто особенно не приемлет политику царя, проводимую им на завоеванной территории, и недавно посмел нелестно отозваться о царском указе, предписывающем эллинам жениться на местных варварках, согдианках и бактрийках...

Каллисфен вино из кубка отпил, но кланяться наотрез отказался. Царь не стал его неволить, лишь усмехнулся, подумав: «Был ли он на том пиру?..»

Кто-то пошутил:

— Отныне ты многое потерял, о Каллисфен!

— Всего лишь один поцелуй! — в тон ему весело ответил Каллисфен.

Царь, подав знак, чтобы все садились, опустился в кресло, досадуя в душе, что в самом начале пира ему испортили настроение. Виночерпии бросились вновь наполнять кубки.

В разгар пира, когда уже смешались музыка и гул голосов, полуобнаженные танцовщицы танцевали уже на пределе, а кто-то отправился позвать гетер, к Александру подошел Кен и, наклонясь к уху, сказал:

— Двое варваров требуют допустить их к тебе.

— Что им надо? — нахмурил брови царь.

— Уверяют, что им известно, где находится Спитамен.

Глаза Александра загорелись.

— Вели привести их в комнату для гостей, — сказал он.

Кен, кивнув, удалился.

А через некоторое время зал оставил и царь. И все поняли, что

произошло что-то чрезвычайное. Ибо просто так, когда самое интересное впереди, Александр пира не покинул бы.

Кто б ни пришел в этот мир...

Уже которую ночь Одатида не спала, ждала мужа. Днем — то себе места не находила, не покидало чувство, что из всех углов, где прячутся темные тени, на нее смотрит беда. А ночью и подавно — весь мир казался враждебным. Она прислушивалась к доносящимся снаружи шорохам, и ей чудилось, то не ветер прошелестел, а кто-то тихонько крадется, не свора собак пробежала мимо, а стая голодных волков, не птица прокричала, пролетая над хижинкой, а злой дух кличет ей на голову несчастье. Спанты все нет и нет, минули все сроки, он же никак не возвращается. Уехал с семнадцатью оставшимися верными ему людьми навстречу Датафарну, прослышав, что тот, спеша к нему на помощь, угодил в засаду. В глухой массагетский аил кто-то принес весть: отряд Датафарна подстерегли полудикие даки, напали и разграбили. О Ахура — Мазда, убереги от этого, это было бы крахом. С самой осени Спитамен ожидал друга, стал молчалив, ходил мрачнее тучи. А когда услышал эту черную весть и вовсе сник, как никнет дерево, опаленное горячим ветром, как никнет орел, сломавший крыло и потерявший надежду хотя бы еще раз подняться в небо. Одатида никогда не видела его таким несчастным. И только теперь ей неожиданно подумалось, что он ведь тоже не каменный, обыкновенный человек, из плоти и крови, что его сердце способно испытывать боль, как и у других. Она подседа к нему и, погладив по руке, сказала: «Разве ты прежде не попадал в переплеты. И всегда находил выход. Не теряй мужества...» Он кивнул и благодарно улыбнулся. «Я с моими джигитами поеду ему навстречу!» — сказал и, вскочив, отправился к Саксону — ота, без согласования с которым в аиле не принималось ни одно сколько-нибудь важное решение. Вернулся от него Спанта не скоро, долгий состоялся разговор между ним и великомудрым Саксоном. И видно, не из приятных. Потому что Спанта вернулся еще более мрачным, чем ушел. Однако ни о чем расспрашивать его Одатида не стала. Решила, что не стоит на рану сыпать соль. А зря, теперь жалеет, что не выпытала, о чем был тот разговор. Сейчас ей так хотелось знать об

ЭТОМ...

Она помогла ему оседлать коня. Вооруженные джигиты, сидя в седлах, уже дожидались за воротами.

Держась за стремя, Одатида проводила Спанту до самой окраины айла. И трое детей их, балуясь, толкая друг дружку, весело вышагивали обочь дороги. Привыкшие к частым поездкам отца и его благополучным возвращениям с подарками, они не подозревали, какая к ним близится беда.

Минул почти месяц, как Спанта уехал, и точно в воду канул. Ни слуху ни духу о нем. У Одатиды уже сердце не выдерживало...

А третьего дня, едва дети выбежали из хижины поиграть с мальчишками, явился к ней без вызова Антик, будто специально поджидал, когда она останется одна. Она сидела за низеньким столом, натянув на колени подол, и латала младшему штаны, протертые на коленях. Антик появился столь неожиданно, что она вздрогнула и уколола палец. Зная, что этот молчаливый, замкнутый и мрачноватый с виду молодой мужчина всегда где-то поблизости, она чувствовала себя в безопасности и была спокойна как за себя, так и за детей. Уж сколько времени он опекает их в отсутствие Спанты, и ей ни разу не пришлось усомниться в его преданности. Высокий и худощавый, казавшийся даже шуплым, Антик, обычно стоящий перед ней со слегка опущенной головой и от этого выглядевший сутулым, был способен защитить их один от пяти-шести вооруженных воинов. Она это знала и была преисполнена к нему благодарности. Однако без надобности никогда его не звала, а он до сей поры не смел являться без вызова. Поэтому она была крайне удивлена его приходом и ждала объяснений, глядя на него строго снизу вверх. Он постоял некоторое время молча, низко наклонив голову и прижав руки к груди, то ли собираясь с духом, то ли подбирая слова.

— У меня есть что вам сказать, моя госпожа... — произнес он сдавленным голосом.

— Говори, — разрешила она.

— Вам нужно как можно скорее покинуть айл. Тайно... чтобы никто не видел...

— Разве ты не мог сообщить об этом своему господину,

дождавшись его? — строго спросила Одатида.

— Я думаю, даже вы не знаете, когда он вернется. А ждать у нас нет времени...

— К чему такая спешка? — спросила Одатида, стараясь казаться спокойной, однако чувствуя, как начинают дрожать губы, а сердце, сжимаемое страхом, колотится все сильнее.

Антик долго молчал, не поднимая глаз. На его заострившихся скулах вздулись желваки, а пальцы нервно теребили полу старого, залатанного во многих местах халата из грубой, как мешковина, ткани. Если повнимательнее приглядеться, то можно заметить у него спрятанное под одеждой оружие. Этот молодой красивый сильный мужчина, способный рукой, как мечом, пропороть насквозь брюхо быку или перерубить ребром ладони оглоблю, мог бы стать телохранителем любого могущественного сатрапа и получать высокое жалование, но он до сих пор остается при них, хотя уже давно не получает за службу никакой mzды. Чтобы прокормить себя, ему приходится прислуживать у богатых людей. В аиле к этому привыкли: если надо кому нарубить дров, или забить быка, зарезать овцу, вскопать огород — посылают за ним. Никто лучше и быстрее Антика этого не сделает. И вознаграждают его тем, что имеют сами. Он нередко и Одатиде приносит то немного муки, то масла, то кусок мяса... В последнее время в ее жизни все больше дней, когда, если бы не он, их телохранитель, она бы не знала, чем накормить детей в отсутствие мужа. А муж — то ведь чаще отсутствует, чем находится дома...

— Детям вашим грозит беда... — еле слышно проговорил наконец Антик.

Слова эти обожгли Одатиду.

— Беда?.. — переспросила она, вздрогнув. — О чем ты, Антик?..

— Искандару стало известно, где находится Спитамен. Он спешит сюда с войском. Остановился в селении, до которого отсюда всего день пути..

— Знает ли об этом Саксон?.. — упавшим голосом произнесла Одатида. — Может, если его попросить, он переправит нас в другой аил?..

Антик усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Он этого не сделает.

— Почему?

— Искандар потребовал у него выдать либо Спитамена, либо его детей. Иначе он сроняет с землей аил, а жителей его обратит в рабов...

Одатида, подумав, сказала:

— Хорошо, мы покинем аил. Но почему мы должны сделать это по-воровски, словно у кого-то что-то украли?..

— Госпожа, мне не хотелось бы говорить вам все...

— Говори! — потребовала Одатида.

— Спитамену до сей поры позволялось отлучаться из селения лишь при том условии, что вы останетесь тут. Пока он не возвратится с обещанным золотом, вас отсюда не выпустят...

— Не хочешь ли ты сказать, что нас тут держат как заложников?!

— Именно так, — кивнул Антик.

— Однако, как только сошел снег, я много раз выезжала в степь, чтобы насобирать шпинату и молодых одуванчиков для пирогов...

— В это время в аиле оставались ваши дети. Может ли кто усомниться, что вы к ним не вернетесь?

— И мои сыновья с дружками из местной детворы уносились верхом далеко в степь и устраивали там скачки!..

— Они еще в таком возрасте, когда родителей не покидают. Но стоит вам выехать вместе, вы будете тотчас возвращены в аил.

— Неужели они посмеют? — спросила Одатида, сурово сдвинув брови.

— Посмеют, моя госпожа, — кивнул Антик и потупился, будто и себя считал в этом виноватым. — Если завтра или послезавтра Спитамен не вернется, они отвезут к Искандару ваших детей...

— Чтобы ценой их жизни умилостивить Двурогого дьявола?.. О Создатель, известно ли тебе обо всем этом?.. — воскликнула Одатида, воздев руки кверху, а потом закрыла лицо ладонями и сникла, ее плечи, накрытые вязаной шалью, дрожали.

Антик стоял, переминаясь с ноги на ногу, смущенный и растерянный: он впервые видел госпожу плачущей.

Наконец, взяв себя в руки и успокоясь, Одатида сделала жест рукой и спокойным голосом сказала:

— Ступай, Антик. Мне надо хорошенько подумать, прежде чем на что-то решиться...

— Только учтите, госпожа, у нас очень мало времени, — сказал Антик, отступая к двери.

И как только он повернулся, чтобы выйти, Одатиде вдруг сделалось страшно. Ей было страшно оставаться одной.

— Антик! — позвала она, а когда он вернулся, спросила: — Скажи, Антик... почему ты до сих пор служишь моему мужу, тогда как многие из тех, кого он считал близкими друзьями, давно его покинули?..

— Моя госпожа, я служу не ему, а вам, — сказал Антик, глядя ей прямо в глаза, и она впервые отметила, что взгляд у него околдовывающий, способный растворить волю женщины.

— Мне?.. — с удивлением спросила Одатида, коснувшись рукой груди. — Нанимала тебя не я... Спитамен ведь давно не платит тебе ничего. Ты давно мог уйти от нас...

Антик, не сводя с нее глаз, отрицательно покачал головой:

— Не мог.

— Почему? — вырвалось у нее.

Лицо Антика покрыла мертвенная бледность, ресницы его задрожали, и он, делая над собой усилие, медленно произнес:

— Я люблю вас... Как раб может любить свою госпожу... а пес своего хозяина...

У Одатиды словно арканом перехватило горло, и она не смогла бы произнести ни слова, если бы даже захотела. Она не знала, как поступить и что сказать. Разгневаться и прогнать его?.. Но зачем притворяться, если она не испытывает к нему ни капельки гнева? Скорее наоборот, у нее было ощущение, будто в ненастье проглянуло сквозь облака солнце и коснулось ее светлым теплым лучом.

— Ступай, — глухо произнесла Одатида, опустив глаза.

Оставшись одна, она какое-то время сидела, раздумывая над тем, о чем поведал ей Антик. И решила проверить, все ли, что он сказал, — правда?.. Быстро поднялась и вышла на улицу. Ярко

светило солнце. Земля после стаявшего снега еще не совсем просохла, прохладный ветерок приносил аромат цветущих в эту пору полевых цветов. В ослепительно синем небе пел не переставая невидимый жаворонок. Где-то жалобно блеяли ягнята, и им отвечали хриплоголосые мамыши. Опять весна, жить бы да радоваться...

Возле одной из юрт, вокруг которой была вытоптана трава, мальчишки играли в альчики. Одатида подозвала одного из них, попросила разыскать сыновей, сказать им, что мать зовет. Мальчишка помчался стремглав к возвышающемуся за аилом зеленому бугру, из-за него доносились голоса ребятни.

— Сойми — и-иш!.. Барки — и-иш!.. Рамти — и-иш!.. — раздались поочередно имена ее детей.

А сама тем временем вернулась в хижину и переделалась в одежду, предназначенную для верховой езды.

Дети один за другим влетели в дом.

— Ты звала нас? — спросил Рамтиш, запыхавшись.

— В степи сейчас такие цветы, такой чудесный воздух... грех сидеть в аиле! Седлайте-ка коней, прокатимся с ветерком! — весело сказала Одатида.

О, когда дело касалось верховой езды, то не было надобности их упрашивать. Они с восторженными криками бросились наперегонки к конюшне. И когда Одатида вышла, ее уже поджидали оседланные кони.

Все четверо почти одновременно вскочили в седла, и кони с места взяли галопом. Не менее, чем людей, манил их простор, и хотелось унести сломя голову на самый край земли, чтобы увидеть и узнать, что скрыто там, за голубоватой дымкой. Из-за юрт с лаем выкатились собаки, до этой минуты беспечно дремавшие на солнышке, и не отставали от них до самой окраины айла, норовя схватить коней за ноги.

Степь была залита ласковым солнцем. Кони мчались, как по мягкому зелёному ковру, из-под копыт летели ошметки земли. Навстречу им подул порывистый ветер. Впереди весь горизонт был затянут темно — синей мглой. Там клубились тучи, временами оттуда доносились глухие раскаты грома. В лицо Одатиде хлестнули две-три

крупные капли дождя. Дети, подзадоривая друг дружку криками, унеслись вперед. Она обернулась — аила, расположившегося в широкой ложине, уже не было видно. Ее грудь постепенно заполняла радость, вытесняя из нее тревогу. И чем дальше они уносились в степь, тем больший восторг овладевал ею. Из глаз ее текли слезы, скорее всего от ветра, потому что не плакать ей хотелось, а смеяться, петь. «Неправду сказал Антик!.. Неправду — у!.. Она свободна, как птица, вольна делать, что хочет...»

Далеко-далеко справа, на пологом холме, похожем на черепаху, она заметила всадника, но не придала этому значения. Лишь подумала: «Чабан какой-нибудь пасет отару...» Некоторое время спустя она увидела всадника слева. «Да мало ли кто там!..»

Но вон и впереди на холме уже несколько всадников. Нет, похоже, это не случайно... Они здесь неспроста... Подумала так, и сердце ее упало. Натянув изо всей силы поводья, она окликнула сыновей, сделала им знак, чтобы они подъехали к ней. И тотчас увидела скачущих по направлению к ней с двух сторон всадников. По пять-шесть человек в каждой группе. «Выходит, не обманул Антик... Правду сказал... Лучше б слова твои оказались ложью...» Сыновья обступили мать и вынули кинжалы, настороженно глядя на приближающихся всадников. У Одатида глаза были зоркие, она издалека узнала каждого из скачущих. Это были мужчины из их аила, с которыми она встречалась по нескольку раз на дню, и всякий раз они почтительно приветствовали ее. Да и сейчас, когда они остановились рядом, с трудом сдерживая разгоряченных коней, она не заметила на их лицах ни капли враждебности.

— Мир вам, бека! — приветствовал ее старшой, подъехав ближе всех и прижимая руку к сердцу, затем поочередно поклонился и ее сыновьям. — Далеко ли путь держите?..

— Вам тоже мир!.. — сухо ответила Одатида. — Разве не предки массагетов говорили, что человек свободнее птицы, поскольку ему никто не может сломать крыльев? А вы когда-нибудь спрашивали у птицы, куда она держит путь?

— Нынче времена такие, что приходится спрашивать, бека. И у птицы, и у зайца, и у лисы. Немало недобрых людей бродит по степи,

и они легко могут стать чьей-нибудь добычей. Осиротеют гнезда...

— Со мной вон какие джигиты, — Одатида окинула взглядом сыновей, уже спрятавших кинжалы в ножны. — Разве они дадут меня в обиду?..

— Похоже, бека не знает, что на расстоянии всего одного дня пути расположился Искандар?.. Что мы скажем вашему мужу, случись что с вами?

— Искандар далеко, а мы не проехали и часа...

— Может, он и далеко, да руки у него длинные. Не обессудьте, бека, но мы вас дальше не пустим. Вам лучше вернуться в аил, — сурово проговорил старшой, давая понять, что ему недосуг растягивать разговор.

Одатида все поняла. Ей тем более ни к чему тянуть время. Она окинула презрительным взглядом лицемерного старшого, круто развернула коня и поехала обратно. Сыновья минуту-другую еще оставались на месте, скрестив с массагетами взгляды. Слишком неравны были силы. Иначе они заставили бы старшого извиниться перед матерью за непочтительный тон. А сейчас им пришлось догонять мать...

С того дня уж минула неделя. Антик более не заговаривал с Одатидой о бегстве. При встречах лишь смотрел на нее с немым вопросом. И она чувствовала, что нервы у него на пределе. Глаза красные от бессонницы. Однако только теперь сообразила, что он ведь не спит, охраняя их покой...

С ума можно сойти, пока Спанта вернется.

Одатиде не хотелось ничего говорить сыновьям: как бы они все вместе не отправились к Саксону потребовать объяснений да не натворили еще больших бед. Скорее бы Спанта вернулся с золотом да рассчитался с алчным старцем. Тогда они вновь обретут свободу и смогут умчаться в любую сторону света... Уберечь бы только сыновей до возвращения мужа. Она перестала даже выпускать их на улицу, и они недоумевают, почему их мать день-деньской сидит в сумеречной хижине, закрыв дверь на все запоры, тогда как на улице ярко светит солнце, доносятся голоса перекликающихся женщин, а мальчишки играют в шумные игры. Порой им уже было невмоготу с

утра до вечера находиться в темной хижине, но послушаться мать они не смели и затевали между собой борьбу, поднимая во всех комнатах пыль. Одатида их за это не бранила. Дети есть дети, пусть резвятся. Чтобы и самой хоть как-то отвлечься, она усаживалась за низенький столик и принималась чинить одежду сыновей, износившуюся настолько, что в прежнее время ее давно бы выбросили, или вышивать сюзанае, или шить курпачу. И все ее внимание там, на улице. Ветер ли прошелестит за дверь, собака ли пробежит, она вздрагивала и настораживалась. Боялась, вдруг идут за детьми. И невольно смотрела при этом на меч, висевший на стене возле двери.

Что бы она делала, если бы не знала, что где-то поблизости находится Антик?..

Тяжко человеку, когда у него камень на сердце. А если сердце придавит скала?.. А если гора?.. В последнее время несчастье за несчастьем обрушивались на Спитамена. Собрать их в кучу, такая гора и образовалась бы. Но труднее всего пережить, когда покидают тебя последние друзья. Когда обманываешься в людях и теряешь последние надежды, просто жить не хочется. Настроение седока всегда передается лошади. Конь под Спитаменом плетется понуро. Спитамен его и не торопит. Куда спешить?.. Зачем?.. Это раньше он, возвращаясь издалека, всегда торопил Карасача — хотелось поскорее оказаться дома, обрадовать Одатиду добрыми вестями, дорогими подарками, подхватить на руки детей. Тогда у него был дом, а в нем благополучие. Эх, Карасач, Карасач!.. Если он чувствовал, что Спитамен почему-либо не в духе, то несся галопом по вольной степи, будто у него выросли крылья, чтобы и хозяин почувствовал себя окрыленным. И любая грусть слетала со Спитамена со встречным ветром, а ароматы трав слегка пьянили и взбадривали... А сейчас он едет, опустив голову, и со стороны могло бы показаться, что он дремлет. Ни весна его не радует, ни свежая зелень трав, ни цветы, ни песни журчащих в вышине жаворонков...

С утра несколько раз менялась погода. То набегали тучи и по степи бежали серые тени, пока не сливались вместе и не начинал

моросить дождь. Потом ветерок прогонял облака к северу, промытое небо сияло, как шелк, а солнце щедро осыпало землю теплыми лучами. В низинах курился мгlistый туман, макушки холмов, покрытые цветами, будто щеголяли в пестрых бархатных тюбетейках. Но Спитамен не замечал ни дождя, ни солнца. Порой ему чудился топот наступающего его коня, и он оборачивался, думая, а вдруг кто-нибудь из соратников все-таки пустился вслед за ним. Однако оказывалось, что так гулко бьется его собственное сердце, или обманулся, приняв топот копыт своего коня за поступь чужого. Вздыхал и снова думал, как ему теперь быть. Уже голова распухла от мыслей, а выхода не находилось. И сколь бы долгой ни была дорога, вряд ли он что-нибудь придумает...

Между ним и Датафарном было обусловлено, что если Датафарн не прибудет в срок, то Спитамен выедет ему навстречу — по направлению к старому замку Бага. Минули все сроки, и Спитамен прождал его еще более недели. Датафарна все не было. Стали доходить всякие слухи, горше смертного яда. Ждать более было бессмысленно, и Спитамен с дружиной из семнадцати человек тронулся к замку Бага. Менее чем за неделю достигли они развалин старого замка, который находился почти в центре пустыни, у черта на куличках. До этого Спитамен там ни разу не бывал. Да и мало кто бывал там, разве только чабаны время от времени забредали с отарами, и то редко. Травы там мало, одни пески.

На высокой перекладине давно отсутствующих ворот сидела недвижно сова, усталилась на въезжающих всадников. Пронзительно взвыл где-то шакал. На полуобвалившийся купол храма, под которым неведомо когда горел огонь, плавно опустился орел с длинной оголенной шеей, поскоблил когтями брюхо и, поминутно оглядываясь по сторонам, принялся чистить перья под крылом.

Высокие глинобитные стены, на протяжении веков омываемые дождями, обдуваемые ветрами, местами развалились до основания. Кое-где возвышались башни с бойцами, еще и теперь не утратившие своего грозного вида. В глубине крепости, позади развалин торчали два огромных засохших дерева, напоминая простертые из-под земли к небу руки.

Оглядев представшие глазам развалины, Спитамен повернул коня налево, в обход полуразвалившегося храма. У подножия крепостных стен в углублениях собирались дождевые воды, снег, и копилась влага. В этих местах буйно разрослись сорные травы.

В южной стороне крепости сохранилось несколько хижин, правда, осевших и почти до подоконников вросших в землю, но в них можно было еще укрыться от дождя и песчаных бурь. Здесь и решил расположиться Спитамен со своей немногочисленной дружиной. Всадники спешили и, стреножив коней, пустили пастись. Сами же быстро развели костер и стали жарить мясо убитой по пути лани...

А Спитамен обошел всю крепость, исходил ее вдоль и поперек, смутно надеясь набрести на следы недавнего пребывания здесь людей. Но ни пепла на месте старых костров, ни лошадиного помета он нигде не приметил; и травы стояли несмятые, кучи наметенного мелкого песка волнисто приглажены ветром, и ни единого следа нигде...

Они пробыли в замке Бага четыре дня. Если бы Датафарн выехал в срок, как улавливались, то уже давно был бы здесь. Он не приехал. Но Датафарн был не из тех, кто не сдерживает данного слова. Либо он мертв, либо на него в самом деле напали даки и вынудили повернуть обратно. Никто об этом вслух не говорил, но каждый про себя думал именно так...

Простирающаяся вокруг пустыня не была богата дичью. Им удалось подстрелить всего двух куланов. И вскоре у них вышли все продукты.

На седьмой день Спитамен сказал:

— Ждать больше не имеет смысла. Седлайте коней, поедем обратно.

Джигиты повиновались, молча оседлали коней; однако движения их были вялы, будто они делали это через силу. Спитамен и сам был крайне подавлен, решил, что джигиты переживают не менее его, потому у них столь удрученный вид. Не смотрят ему в глаза, будто в чем провинились.

А когда сели в седла, один из них подъехал к Спитамену и, отведя в сторону взгляд, сказал:

— Сахибкирон! Не обессудь за те слова, которые я тебе сейчас скажу...

— Ну?.. — кивком подбодрил его Спитамен, накручивая на руку конец повода.

— Ты возвращаешься в аил массагетов, потому что там твоя семья. Нам незачем ехать с тобой. Отсюда наши дороги расходятся...

Спитамен лишь усмехнулся краем рта.

— А я вас принимал за героев, которые не сложат оружия, пока не примут последний бой с врагом...

— Искандару помогает Бог. Одолеть его невозможно...

— Разве мы его не били? Вот только соберем силы и опять ударим, да так...

— Не стоит нас уговаривать, сахибкирон. Мы все между собой обговорили и приняли решение... Мы тебя уважаем, прими наш низкий поклон, — с этими словами джигит прижал к груди руку и низко опустил голову; следуя его примеру, поклонились и все остальные. — Но и ты должен нас понять, — продолжал молодой воин. — У нас дома остались престарелые родители, жены, дети. Мы не видели их больше года, не знаем, как они живут и что с ними, имеют ли кусок лепешки к обеду... А сейчас весна, самое время пахать землю. Ведь она нас кормит. Если мы сейчас не вернемся, то наши семьи останутся голодными...

— То, что вы возрастите, у вас отберут враги, — глухо обронил Спитамен.

— И все же что-то останется, — возразил воин. — Мы не дадим своим детям умереть с голоду...

— Можешь не продолжать, — сказал Спитамен и, помолчав, спросил: — Сколько воинов уезжает с тобой?

— Все.

Спитамен обвел всех грустным взглядом. Глаза его заволокли слезы, и лица воинов расплывались. Вздыхнув, он поднял руку, продетую в ремешок камчи, и сказал:

— Прощайте!.. Желая вам застать своих близких в добром здравии!..

— Прощай, сахибкирон!.. — ответили воины вразнобой.

Спитамен хлестнул коня плетью и помчался не оглядываясь.

Сколько дней он был в пути, не считал. Ночевал в буераках, иной раз даже не разводя костра, завернувшись в тигровую шкуру, в которой было одинаково тепло что летом, что зимой. Едва начинало светать, не успевала еще на горизонте погаснуть Венера, он трогался в путь. А сегодня с утра все чаще стали попадаться знакомые места, и он рассчитывал еще до заката быть дома. Но лошадь устала и еле плелась, и дай — то Бог, если он въедет в аил к полуночи.

К вечеру вновь небо затянули тучи, и быстро стемнело. Сквозь рваные облака то проглядывала луна, заливая землю голубоватым светом, то снова пряталась, весь мир погружался в темноту, и было удивительно, как это конь находит дорогу.

Яркие сполохи неожиданно осветили степь, и над головой глухо пророкотал гром.

Конь под Спитаменом, всхрапнув, резко остановился, по его спине пробежала дрожь. Спитамен поддал ему в бока стремями, но он ни с места. Иль кого-то почуял?.. Спитамен до рези в глазах вглядывался в ту сторону, куда смотрел, прядая ушами, конь. В этот момент вновь проглянула луна. На небольшом холме совсем неподалеку словно бы всколыхнулись тени, вспыхивали и пропадали зеленоватые огоньки, которые легко было принять за светляков, если бы они не были парными. Конь тревожно заржал и попятился. Волки!.. «Только вас сейчас и не хватало!..» — подумал Спитамен, проверяя на ощупь, сколько в колчане осталось стрел. Четыре. Всего четыре. А волков, похоже, гораздо больше. Они сливаются с темным барханом, то там, то тут вспыхивают их глаза. И все ближе, ближе, слева, справа. Хотят обойти, чтобы отрезать путь к отступлению.

Спитамен повернул коня влево и поехал медленно, изо всех сил натягивая узду, не давая ошалевшему от страха животному пуститься вскачь. Хищникам надо дать понять, что их не боятся. Тогда они еще могут не рискнуть напасть. Если же заметят, что человек струсил, вмиг набросятся и разорвут в клочья... Незаметно оглядываясь, Спитамен старается не терять их из виду. Волки, вытянувшись цепочкой, трусили по следу. Их было одиннадцать. Постепенно убыстряют бег. Все ближе, ближе подбираются. Да, похоже, эти не из

тех, которых можно обмануть, добычи своей не упустят. Ну, лошадка, на тебя одна надежда! Спитамен отпустил поводья и хлестнул коня плетью. Откуда и силы у бедняги взялись, конь буквально распластался над травой. Спитамен прильнул к гриве. Ему не раз доводилось встречаться в степи с волками, Карасач легко оставлял их далеко позади, и хищники, поняв тщетность своих усилий, отказывались от погони. От этих же не укрылось, что конь усталый, и они, рассчитывая на близкую добычу, мчались, прижав уши и разинув пасти, на ходу перестроившись, рассыпавшись вширь. Наиболее сильные большими скачками неслись по краям, слева и справа, чтобы обогнать жертву и наброситься сбоку.

Спитамен положил на тетиву стрелу. Только б не подвела луна. Развернувшись вправо, хорошенько прицелился в серую тень. «Эх, не порвись, тетива!..» Матерый хищник перекувыркнулся, издав рык, похожий на стон.

Спитамен чувствовал, что конь скачет из последних сил, и все же огрел его плетью еще раз.

Вторая стрела тоже не пропала даром.

И вдруг почти у самого стремени промелькнули две темные тени. Один из хищников неожиданно метнулся под брюхо коню, вознамерясь вцепиться ему в пах и разом свалить, но конь, умница, так саданул его копытом, что тот полетел кубарем и пропал в темноте. Второй же высоко подпрыгнул, но сверкнула сабля, и он, успев лишь клацнуть зубами и оставить на шее лошади кровавый след, сполз вниз под копыта.

Лишь после того, как всадник рассек саблей еще одного, а двух других пронзил стрелами, кровожадные преследователи постепенно отстали...

Конь тяжело дышал, с него хлопьями падала пена, он в страхе косил глазами по сторонам. Спитамен попытался его успокоить — ласково похлопал по взмыленной холке, благодаря его теми словами, которые всегда говорил верному своему другу, Карасачу, когда тот вызволял его из беды. И конь понял, перестал всхрапывать и дрожать.

Спитамен давно изучил повадки волков. Если под тобой добрый конь, а под рукой хорошее оружие, то отбиться от них не составляет

труда. Куда труднее справиться с двуногими хищниками, которые превосходят четвероногих в коварстве. Невозможно предугадать, какую пакость они тебе уготовят... Чего стоят, скажем, лазутчики Искандара, которые так и рыскают по следам Спитамена, устраивают всякого рода ловушки, засады. Нужно обладать поистине чутьем дикого зверя, чтобы почувствовать вовремя опасность. Именно это чутье не раз спасало Спитамена — в самый последний миг ему удавалось благополучно вырваться из западни... А впрочем, так, наверно, устроена жизнь. Охотятся звери, охотятся люди. С той лишь разницей, что зверь не охотится на себе подобных, а вот человек...

Снова стало темно, будто луну заглотнул дракон, посланный Анхра — Майнью, который с некоторых пор все время строит Спитамену козни. «О Ахура — Мазда, я, Спитамен, твой подданный, здесь! Обрати на меня свой взор, не лишай покровительства!..» Сверкнула молния, на несколько мгновений высветив степь почти до самого горизонта, и вслед за этим оглушительно загрохотал гром, будто небо раскалывалось на части. И хлынул холодный ливень, струи секли по лицу, точно удары конского хвоста, стекали за шиворот. Спитамен откидывал рукой мокрые волосы, но они то и дело падали на лицо, закрывали глаза. Когда сверкала молния, он видел вокруг себя густую сеть из серебряных нитей, из которой, казалось, ему уже не выбраться.

«Я чувствую, как по лицу хлещет дождь... как сквозь мокрую одежду пробирает холод. Я чувствую, как болит и кровоточит сердце. Я вижу молнию и слышу гром. Значит, я жив. Я все еще жив!.. А многих из моих друзей уже давно нет на свете. Простите меня, соратники — друзья, это я виноват, что вы рано ушли из жизни. Я не уберег вас. Но пусть меня разразит гром, если сам я прятался от опасностей, берег в первую очередь свою голову. Эх, знали б вы, как мне сейчас вас не хватает! Будь вы живы, я бы не остался в одиночестве. Но может, это мне предназначено свыше — пройти и через подобное испытание. Да будет так. Если одна половина недели черная, то другая светлая. Еще наступят в моей жизни светлые дни. Наступят. Я еще полон сил, чтобы крепко держать в руках оружие и сражаться с врагом. Мне улыбнется еще счастье. Я соберу смелых

джигитов, в сердцах которых клокочет гнев к врагам, руки которых просят оружия, а ноги стремян. Пусть трусы спрячутся в укрытия, как черепахи в панцири, а отважные мой зов услышат. Враги еще пожалеют, что пришли сюда!..»

Молния зигзагами прошила тучи. Раскатисто прогремел гром, напоминая обвал далеко в горах. В этом гулком грохоте и шуме дождя Спитамену почудился голос: «Э-э-эй, отважный сын Согдианы!.. Вспомни о Сиявуше. Разве ему было легче, чем тебе?.. Только об отважных, прошедших через все испытания и закаливших дух слагают люди дастаны. Выше голову, воин! Пусть станут тебе опорой духи твоих славных предков!..»

Спитамен запрокинул голову и, глядя в небо, крикнул:

— О Ахура — Мазда — а-а!.. Верни мне моих друзей! Я верил тебе, но ты меня лишил их! Они мне были опорой, когда были живы!..

А струи дождя заливали ему глаза и рот.

В ответ сверкнула молния.

Вскоре дождь ослаб. Впереди во тьме промелькнул огонек. Не холодный, хищный, как волчьи глаза, а теплый, зовущий. И конь прибавил шагу, почуял, что близко жилье. Ну и молодчина! Описав по степи такой круг, он безошибочно вышел к айлу. Сердце у Спитамена радостно забилося, перед глазами возникла Одатида, которая терпеливо ждет его. Это их окошко светится в ночи.

Вдруг раздался грозный окрик, зачавкали в лужах копыта, и из темноты выступили всадники в кожаных башлыках, с пиками. Массагеты вмиг обступили Спитамена, узнав его, обрадовались.

— С возвращением, Спитамен!..

— С возвращением!.. Мир дому твоему!..

Спитамен тоже узнал их по голосам. Поприветствовал. Всадники расступились, пропустив его и успев сообщить, что жена и дети его здоровы. Он подстегнул коня и поехал рысью.

Да, он не ошибся, это в его хижине горел свет. Значит, без него очаг не остыл, благодарение Всевышнему! Где свет, там тепло, там жизнь, там его жена, дети, которые заждались его.

Въехав во двор, Спитамен спрыгнул с седла. Дверь в конюшню отворилась со скрипом, из нее пахнуло сеном.

Через двор пролегла полоса света, отражаясь в лужах. Спитамен обернулся и увидел в дверном проеме силуэт Одатиды. Ее лицо, словно чадрой, закрыла темнота. Он хлопнул коня по крупу, чтобы сам пошел на место, и подбежал к жене. Она прижалась к нему, мокрому, холодному, обвила шею руками. С его волос ей на лицо падали капли.

Они вошли в дом, не разнимая рук. Одатида помогла ему стянуть с ног сапоги, переодеться в сухую одежду.

— Как дети? — спросил Спитамен.

— Здоровы. Очень по тебе скучали.

— Я тоже. Пойду разбужу...

— Не надо, потерпи до утра.

— Тогда хоть взгляну.

Приотворив двери в комнату, где спали дети, Спитамен долго стоял на пороге, вглядываясь в сыновей. Они спали на полу, на широкой постели. Спитамен с трудом подавил в себе желание войти и, опустившись на колени, погладить каждого по голове. Мысленно поцеловав каждого, он тихонько закрыл дверь.

Одатида позвала немого черного раба и велела ему подогреть в большом казане воды, чтобы муж мог помыться с дороги. В летней кухне, под навесом в углу двора, запылился огонь, освещая двор. Было слышно, как раб ломает о колено сухой хворост, подбрасывая в очаг.

Одатида тем временем стала накрывать дастархан.

Вскоре появился немой раб, он приветствовал, пав на колени, своего господина и, жестикулируя, дал понять, что вода для купанья готова. Раб этот обычно помогал Спитамену мыться, в этот раз Одатида отослала его, решив поухаживать за мужем сама.

Небольшое помещение, пол которого был выстлан жженым квадратным кирпичом и имел внизу стены сток с отверстием, служило им баней. Одатида поливала на голову мужа из большого ковша и мыла ему буйно выющиеся волосы. Теплые струи приятно шекотали продрогшее тело. Подав мужу полотенце, Одатида удалилась.

Когда Спитамен, выбритый и освеженный, вернулся в дом, то

застал Одатиду молящейся. Она стояла на коленях перед нишей, в которой горел тусклый светильник, губы ее шевелились, а по бледным худым щекам сбегали слезы. Спитамен тоже опустился с ней рядом на колени и постоял так, глядя на завораживающий язычок пламени, мысленно прося у Создателя милости. Окно временами освещалось сполохами, доносились глухие раскаты грома.

Они медленно поднялись. Одатида пригласила мужа к дастархану, на котором стояло блюдо с разогретым мясом и разломанной пополам лепешкой. Спитамен попросил мусалласу, и Одатида принесла полный кувшин. Она сама приготовила этот мусаллас из того сорта винограда, который Спанта особенно любил.

Они сели друг против друга. Одатида не сводила с мужа больших, еще более почерневших от тоски по нему глаз. Он отламывал по маленькому кусочку лепешки и медленно жевал, и даже по одному этому можно было судить, как смертельно он устал. Похудел, глаза ввалились. Она ни о чем мужа не расспрашивала. Разве и так не ясно, что Ахура — Мазда и в этот раз отказал ему в помощи. Если бы Спанте улыбнулось счастье, он еще на пороге поспешил бы обрадовать Одатиду.

Спитамен длинным ножом разрезал на куски мясо, налил в чашу до половины мусалласу и протянул Одатиде.

— Пригуби.

Она взяла, ни словом не протестуя, и осушила чашу до дна, чего никогда прежде не делала. Она позволяла себе лишь омочить губы, и то лишь потому, что он говорил, что после этого вино становится слаще. И это действительно было так. Проведя рукой по губам, вернула чашу. Спитамен, прежде чем выпить, долго глядел на жену, которая, несмотря на свалившиеся на нее переживания, была по-прежнему красива; в глубине ее глаз, напоминая ему степные зарницы, мелькали искры, от которых в груди у него возгорался костер и кровь стучала в висках.

Одатида же в эту минуту думала: «А знает ли он, что угрожает его детям?..» Она перегнулась через дастархан и положила теплую ладонь поверх его руки.

— Спанта, — тихо сказала она. — Искандар на расстоянии всего

дневного перехода...

— Я знаю, — ответил он.

— Ты еще собираешься с ним воевать?.. У тебя же нет воинов.

— Можешь что-то посоветовать?

— Если бы ты внял моим советам, то сейчас был бы правой рукой Искандара. Я не буду тебе более ничего советовать. Поступай, как велит тебе сердце. Об одном прошу, не забывай о детях.

— Разве я не ради них не щажу жизни? Я хочу, чтобы они были свободными.

— Но сделал все, чтобы они стали рабами.

— Не смей!.. — прикрикнул Спитамен, сверкнув глазами, и стукнул кулаком по колену. — Не смей так говорить!.. Вот соберу войско, и этого Искандара... — вытянув руку, он так сжал в кулак пальцы, что они хрустнули.

— Ты забываешь, что он сын Бога...

— Он дьявол, союзник Анхра — Майнью, и Ахура — Мазда мне поможет одолеть его!..

— Спанта, ты чем-то прогневал Ахура — Мазду. Разве не так? Не тем ли, что не идешь к Искандару с повинной, признав его сыном Бога?

— Неужели ты хочешь, чтобы я был так унижен? Лучше умереть, чем принять такой позор!

— Спанта, ты забываешь о детях. Что будет с ними, со мной?

— Ради вас я не пожалею своей жизни!

— Мне не страшно умереть. Но детей ты должен спасти!.. — Одатида уткнулась лицом в колени и разрыдалась.

— Только не ценой позора. А лишь доблестью и силой оружия...

— Разве не возвращать долг — не меньший позор? Что ты завтра скажешь Саксону?

Спитамен переменился в лице, будто Одатида ранила его в самое сердце. Он сник и долго молчал. Жена была права, в Согдиане испокон веку был презираем тот, кто не возвращал долга. Это считалось самым большим позором. Таких и после смерти не вспоминали добром.

Пламя в светильнике стало тускнеть и закоптило, видно, в нем

выгорело почти все масло. Одатида поднялась и из маленького кувшинчика подлила в светильник золотистой жидкости. Огонек сразу повеселел.

Затем опустила рядом с мужем и, обняв, потерлась лицом о его шею.

— Прости, я не хотела тебя обидеть...

Он лишь вздохнул. А прежде не замедлил бы обнять. Стоило ей лишь провести по его щеке ладонью, как он спешил прижать ее к себе.

Она стала покрывать легкими поцелуями его лицо. Он сидел неподвижно, устремив застывший взгляд в невидимую точку.

— Ты очень устал, я постелю тебе.

Она скрылась в соседней комнате.

Окно вновь озарила молния, резкий гром заставил Спитамена вздрогнуть. Он встал и, тихонько открыв дверь в комнату, где спали дети, опять долго смотрел на сыновей. Скорей бы утро, когда он услышит наконец их звонкие голоса и обнимет каждого, прижимая к груди. Увы, он нынче не привез им никаких подарков. Но они уже большие, может, поймут...

Почувствовав, что Одатида стоит за спиной, он обернулся. Глаза у нее были, как два черных омута, на их дне он увидел отражения звезд. Он подхватил ее на руки, пересек комнату и, толкнув коленом, отворил дверь в спальню.

Одатида никогда еще не обнимала его так страстно. Он давно не слышал от нее таких ласковых волнующих слов. Он, как в теплые волны, окунал лицо в ее рассыпающиеся по подушке волосы, жадно вдыхая их аромат. Нежные руки гладили его плечи, словно порывы ветерка.

— Что с тобой?.. Почему ты плачешь? — спросил он.

— Милый... любимый... — выговаривала она, будто в забытьи, не слыша его слов.

— Ты никогда не была со мной такой ласковой...

— Милый... любимый... — она то прижимала к груди его голову, погружая пальцы в густые волосы, то откидывалась назад и подолгу смотрела на него, то принималась целовать глаза, руки.

— Ты со мной будто прощаешься...

Объятья мужа в конце концов ослабли, и он вскоре уснул. Одатиде еще долго лежала, не шевелясь, вперив взгляд в потолок. Из углов ее глаз выбегали слезы и исчезали. Спанта дышал ровно и спокойно. За окном шелестел дождь.

Одатиде выскользнула из постели и стала быстро одеваться. Руки у нее дрожали, она никак не могла найти в темноте рукав. Вышла, ступая на цыпочках, босая, в переднюю большую комнату, где остался с вечера неубранным дастархан. На стене висело оружие мужа. Придерживая одной рукой ножны, другой медленно вынула из них меч. Тихо вернулась обратно, держа в левой руке светильник, а в правой сверкающее оружие. Поставила светильник на пол у изголовья мужа. Желтоватый огонек колебался от его дыхания. Он спал, слегка откинув голову, и чему-то улыбался. Рука его шевельнулась и поползла в сторону, наверно, искала жену.

А она стояла здесь, в белой сорочке, с растрепанными волосами. Одатиде занесла меч, держась за рукоять обеими дрожащими руками. За окном ярко полыхнула молния, заполнив комнату ослепительным светом. И прежде чем грохнул оглушительный гром, она с силой опустила разящее оружие. Тело Спанта передернулось и приподнялось, будто хотело вскочить, а голова осталась на подушке. Тело медленно завалилось набок, большие руки щупали постель, словно хотели дотянуться до Одатиды. Она в испуге отпрянула в сторону. Голова скатилась на ковер, оставляя темный след. В стекленеющих зрачках отражался огонек светильника. По комнате распространился запах крови.

Меч выскользнул из рук Одатиды и глухо стукнулся об пол. Она попятилась и вышла из комнаты. Распахнув наружную дверь, крикнула в темноту:

— Антик!..

— Я здесь, госпожа! — тотчас появился тот, будто стоял неподалеку и ждал ее зова.

— Ступай туда... — движением головы она показала на оставшуюся открытой дверь спальни. — Возьми его... голову. И оседлай коней.

Антик протиснулся мимо нее в комнату, схватил с полу дастархан, стряхнул посуду и остатки еды на пол и вошел в спальню. Набросил дастархан на окровавленную голову, плотно завернул ее и выскочил во двор.

Пока он седлал коней, Одатида вышла, облаченная в одежду для верховой езды. Антик опустил сверток в хурджин, и они сели в седла. Огрев коней плетками, стремительно вынеслись из аила, как две одновременно выпущенные стрелы. Запоздало залились позади них лаем свирепые псы...

Александр имел обыкновение покидать постель рано, к чему трудно было приучить Роксану. Главный постельничий, македонец Проксен, прибрал в царской комнате, в высокие окна которой сквозь тонкие занавески заглядывало солнце. Роксана охорашивалась у зеркала. А царь, велел принести завтрак на троих, поджидал Каллисфена, племянника своего учителя. Каллисфен сочинял вирши. Вчера во время пира он вдруг вскочил и, потребовав тишины, объявил, что закончил поэму, посвященную великому Александру, и хотел бы ее прочесть в присутствии гостей. Царь, однако, остудил его пыл, велел воздержаться. Когда все чавкают и звякают посудой, громко разговаривают с набитыми ртами, а на лицах уже проступил цвет выпитого вина, не самый подходящий момент читать посвященное ему произведение. Да и мало чего там насочинял этот молодой рифмоплет. Надо бы сначала послушать самому. И он велел Каллисфену явиться завтра утром.

Отправлявшемуся в поход Александру очень хотелось, чтобы его сопровождал сам Аристотель. Конечно, он нуждался в нем не столько как в философе, скорее как в естествоиспытателе. В местах, где не бывал еще ни один эллин, ему нашелся бы непочатый край работы. Но учитель как раз вознамерился поехать в свои любимые Афины, и его ничем не удалось прельстить. Вместо себя Аристотель порекомендовал царю своего племянника Каллисфена, который уже снискал себе признание.

Александр любил общаться и обмениваться мнением с учеными

людьми. Их в его армии было немало: и философов, и историков, и художников. Если воины добывали ему славу оружием, то их целью было славить царя и его деяния словом и красками. Ему нравилась манера образованных мужей вести приятные беседы, их остроумие, поэтому он часто приглашал кого — либо из них к себе то к завтраку, то к обеду. Они умели льстить ему гораздо более тонко, чем это делали грубые неотесанные полководцы. Даже когда между ними затевался спор, они обнаруживали лучшие свойства своего ума, тогда как военачальники чаще всего завершали спор, хватаясь за оружие.

Пока завтрак не подан, а Каллисфен отсутствует, Роксана вовлекла Александра в наивную, но чертовски завлекательную игру: она соорудила на длинных красивых пальцах из нити мелкого жемчуга нечто похожее на корзину, а он должен был снять нить с ее рук так, чтобы образовался новый, не менее замысловатый узор. В тот самый момент, когда царь приноровился снять жемчужную нить с тонких пальцев жены, появился постельничий Проксен.

— Великий царь, — с дрожью в голосе обратился он. — Некая женщина требует впустить ее к вам...

Нить выскользнула у царя из рук и упала на ковер. Заметив, как огорчена жена, он хотел прикрикнуть на Проксена, что явился столь некстати, но тот был чем-то крайне взволнован, если не сказать, потрясен, и царь раздраженно спросил:

— Кто такая?

Проксен растерянно пожал плечами.

— С виду очень странная... Выдает себя за жену Спитамена...

Роксана подняла жемчуг. Муж не заметил, как она побледнела.

— Скажи, что я сейчас выйду, — сказал царь. Но жена, коснувшись его руки, быстро проговорила:

— Пусть она сама придет сюда...

Александр кивнул постельничему:

— Хорошо, приведи...

Перед Одатидой отворили дверь и легонько втолкнули в роскошно убранную комнату, наполненную солнечным светом, льющим потоками в четыре окна. И она увидела царя. Он сидел в кресле в восточном расшитом халате. А красивая женщина в лиловом

длинном, почти до пят, платье, какие, наверное, носят в далекой стране юнонов, сидела на подлокотнике и, наклонясь к царю, обнимала его одной рукою за шею. Две пары глаз, синих, как небо в ясный день, и черных, как звездная ночь, пронизывали вошедшую насквозь. Женщина еле приметно улыбнулась. От внимания Одатида не укрылось отобразившееся у нее на лице разочарование и промелькнувшее в глазах торжество, которое испытывает женщина, наслышанная о чьей-то красоте и вдруг обнаружившая, что превосходит ее по всем статьям.

«Наверное, это и есть та самая Равшанак», — подумала Одатида, тоже не сводя с нее глаз, и презрительно усмехнулась. Держалась она прямо, смотрела гордо, без толики робости или заискивания перед царем, хотя и была скорее похожа на сумасшедшую, нежели на высокородную особу. Ее растрепавшиеся от ветра волосы, в которых за одну ночь прибавилось седины, рассыпались по плечам, а глаза покраснели от слез и бессонницы. Ее желтый кожаный камзол с разрезами по бокам был испятнан кровью. Под мышкой она держала большой грязный сверток. «Вряд ли она та, за которую себя выдает, — подумал Александр, не раз слышавший о красоте жены Спитамена. — Наверное, надругался над ней кто-то из воинов, вот и явилась с жалобой, чтобы получить откупные... Сколько уже было таких случаев...»

— Чего тебе надо? — сурово спросил царь, держа руку на талии жены.

— Золота, — сказала женщина.

Царь хохотнул, проведя рукой по рыжей кучерявой бородке.

— И много?

— Ровно столько, во сколько ты оцениваешь слова свои, сын Бога.

— Слова у меня разные, как и у простых смертных, и каждому своя цена есть. Которые же ты имеешь в виду?

— Ты обещал много золота тому, кто доставит тебе Спитамена живым или мертвым. Так прими же подарок... — Одатида встряхнула сверток; из него выпала человеческая голова и подкатилась по ковру к ногам Александра.

Равшанак вскочила, тихо вскрикнув. Машинально встал и царь, в оцепенении глядя на голову, вымазанную в крови. У него задергалась от нервного тика щека. Переведя глаза на женщину, он хриплым голосом спросил:

— Чья?..

— Спитамена... Мужа моего...

— Я, однако, не уверен... — начал было царь, но Равшанак быстро проговорила: «Он это!.. Он!..» — и, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты.

Помолчав, царь спросил:

— Как же ты могла, женщина?.. Зачем?..

— Чтобы ты оставил в покое моих детей.

— И ради золота? — сверкнул глазами царь.

— Да... Чтобы раздать долги мужа. Кто уходит из жизни, не вернув долгов, тому закрыты двери к престолу Всевышнего.

У Александра закружилась голова. «Дикость... какая дикость...» — пробормотал он и, взявшись за подлокотник, медленно опустил в кресло. В сердцах махнул унизанной перстнями рукой:

— Ступай вон!.. Ты получишь то, что заслужила!.. — и, облокотившись, прикрыл глаза: «О Зевс, что это за страна?.. Если женщины способны на такое?.. И в моей жене течет эта буйная кровь...» — вытянув ногу, он носком сапога повернул голову, чтобы получше рассмотреть: — Такой герой... и такой бесславный конец...

Теперь можно спокойно готовить войско к походу в Индию. Говорят, там, где-то в неприступных горах, растет чудо-дерево, сок которого обладает необыкновенным свойством. Всякому, кто попробует его, он дарует бессмертие.

Природа поступила несправедливо, отведя и царям столь же краткий миг на земле, как и простым смертным. Еще жители древнего Шумера, обитавшие на болотистых берегах Тигра и Евфрата, мучительно размышляли об этом. Почему Боги, наделяя человека разумом и властью, не наделяют его бессмертием?.. В древнем эпосе о Гильгамеше, дошедшем с тех времен, рассказывается о цветке, несущем бессмертие. И в эпосе древней Индии тоже упоминается о соке какого-то дерева, продлевающим жизнь человека до десяти

тысяч лет. Об этом же пишут греческие историки Мегасфен и Страбон.

Александр не пожалеет ни времени, ни усилий, чтобы найти путь, который приведет его к заветной цели...

Одатида гнала коня, настегивая и не давая ему передышки; время от времени оглядывалась: не слишком ли отстал Антик? Тоже почему зря настегивает коня. Их хурджины наполнены золотом. Великому дромю Саксону вряд ли когда в жизни доводилось видеть столько богатства. Она сейчас вывалит все это золото у его ног. Не оставит себе и монеты. Ей они не нужны. Лишь бы дети были живы — здоровы. Лишь бы с ними не случилось ничего до ее возвращения...

Они выехали на исходе дня. Одатиде невмочь было дожидаться утра. Не остановили ее рассказы, от которых пробирала жуть, о рыскающих в степи стаях голодных волков, о шайках не менее кровожадных бандитов, подкарауливающих не только одиноких путников, но и караваны с вооруженной охраной. Одного лишь она опасалась, как бы в степи не заблудиться. Но Антик умел ориентироваться по звездам. Не позже, чем к утру, ей непременно надо поспеть домой.

Наконец посветлело над горизонтом небо, затем стало желтеть, зазолотились края низких облаков. И вот из-за темного края земли высунулся краешек монеты, которая стала увеличиваться, расти, округляться, и к небу взметнулись от нее лучи, точно следы, оставляемые летящими во все стороны мелкими монетами. Ей почудилось, что она слышит не топот коней, а это сыпятся на дорогу золотые монеты...

Навстречу потянуло влажным солоноватым ветерком. Они увидели темно — зеленую стену камышей, которую попервоначалу приняли за пологие холмы. Выехали напрямик к широко разливавшемуся по весне Соленому озеру, пасынку Меотидского моря. Низко над землей плавно пролетела стая лебедей и опустилась на озеро. Вскоре с той стороны стали доноситься голоса тысяч водоплавающих птиц, которые садятся здесь всякий раз, летя с юга на

север или с севера на юг. Одатида хлестнула усталого коня. Сейчас они обогнут это озеро, въедут на высокий увал и вдали покажется аил, еще дремлющий в низине, окутанный мглой...

Вдруг сквозь крики птиц и шуршанье травы и топот копыт чуткий слух Одатиды уловил чей-то голос. Или показалось?.. Может, это ветер прошумел над стелющейся травой?.. Или вскрикнул выглянувший из норы и напуганный ими какой-нибудь зверек?.. А может, мелодично пропело стремя, соприкоснувшись со стремянем поравнявшегося с ней Антика? На его лице она заметила обеспокоенность. Похоже, его что-то встревожило раньше, чем ее, и он решил держаться к ней поближе... Но вот опять... Да, за холмом кто-то пел. И голос ей показался до боли знакомым. Одатида прислушалась и узнала песню, которую любил Спанта. Шердор всегда пел ее в походе, чтобы угодить ему. О Боже, не сходит ли она с ума?..

— Ты слышишь, Антик?.. — спросила она, показывая рукой в сторону холма.

— Слышу, бекам. Это согдийская песня. Похоже, поет Шердор...

Из-за холма, плавающего в синем мареве, выехали всадники. Целый отряд. Кончики их поднятых кверху пик золотились в лучах солнца. Одатида, натянув повод, остановила коня. Под Антиком лошадь взвилась на дыбы и заржала.

— Кто это, Антик?..

— Не знаю, бекам... Скоро узнаем, — сказал телохранитель, зорко вглядываясь в отделившегося от отряда всадника, который галопом поскакал им навстречу. Одатида краем глаза увидела, что Антик вынул до половины из ножен меч и приладил к тетиве стрелу.

Однако всадник осадил коня шагах в тридцати и, коснувшись рукой сначала лба, потом груди, сказал по-массагетски, вероятно, приняв их за местных жителей:

— Мир вам!.. Не скажете ли, как проехать к аилу великомудрого Саксона?

— А кто вы такие? — спросила Одатида.

— В нашем отряде есть и согдийцы, и бактрийцы, и даки, и массагеты. А сахибкирон наш — знаменитый Датафарн. Он своему

другу Спитамену везет золото...

Он говорил что-то еще. Но Одатида ничего уже не слышала. Глаза ее застлал туман, сквозь который она видела, как плавится солнце, затопляя весь мир раскаленным, все сжигающим золотом. От его сверканья ослепли ее глаза. А сердце в груди захлебывалось слезами...

О Ахура — Mazda, за что невлюбил ты детей своих?!